

РУССКАЯ ФОНЕТИКА В РАЗВИТИИ

РУССКАЯ ФОНЕТИКА В РАЗВИТИИ

Фонетические «отцы» и «дети»
начала XXI века

— STUDIA PHILOLOGICA —

S T U D I A P H I L O L O G I C A

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКАЯ ФОНЕТИКА В РАЗВИТИИ

Фонетические «отцы» и «дети»
начала XXI века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2013

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус-2
Р 88

*Книга печатается при финансовой поддержке Программы
фундаментальных исследований ОИФН РАН
(проект «Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века.
Стабильность и изменчивость произносительных норм)»*

Редакционная коллегия:

*О. В. Антонова, М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина,
Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова*

Ответственные редакторы:

М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина

Р88 Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 464 с.

ISBN 978-5-9551-0619-9

Монография содержит описание современной русской звучащей речи на основе фиксации диахронических процессов в синхроническом состоянии языка. В настоящей работе проанализированы разнообразные звуковые изменения, затрагивающие либо систему в целом, либо одну из частных фонетических подсистем (как собственно языковых, так и социолингвистических). Новейшие данные о русском произношении имеют и чисто теоретическую, и дескриптивную значимость (при кодификации произносительной нормы, в практике преподавания русского языка, в средствах массовой информации, при синтезе и анализе звучащей речи в речевых технологиях). Монография адресована широкому кругу лингвистов, особенно специалистам в области фонетики.

ББК 81.2 Рус-2

ISBN 978-5-9551-0619-9

9 785955 106199 >

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Устная речь как поле реализации активных процессов в фонетике.....	9

Глава I.

Активные процессы в основной фонетической системе русского литературного языка

1. О фразовых позициях	13
2. Компрессированные формы слов в русской речи.....	22
3. О делимитативной функции фонем.....	28
4. Реализация фонемы /j/	32
4.1. Орфоэпические правила реализации /j/	32
4.2. Инициальный йот перед [и].....	51
4.3. Экспериментальные данные о реализации фонемы /j/ в некоторых фонетических позициях	59
5. Произношение сочетаний <i>ea, ia, eo, io, эо</i>	75
6. Реализация вибрантов.....	84
7. Ларингализация на сегментном уровне русской фонетики	91
Литература.....	97

Глава II.

Активные процессы в фонетике подсистем современного русского литературного языка

1. Особенности произношения заимствованных слов	104
1.1. Консонантизм заимствований	104
1.2. Вокализм заимствований	115
2. Фонетика подсистемы сложных слов	121
3. Служебные слова: взаимодействие фонетики и грамматики	152
4. Рефлексы старомосковского произношения в современной звучащей речи	163
Литература.....	218

Глава III.

Активные процессы в фонетике русских говоров

1. Вокализм	225
1.1. Новые данные о говоре деревни Лека Шатурского района Московской области	225

1.2. Фонемы /ɔ/, /ω/, /a/ в слободских говорах Харовского района Вологодской области	231
2. Консонантизм	248
2.1. Консонантизм слободских говоров Харовского района Вологодской области	248
2.2. О некоторых проявлениях апико-альвеолярных артикуляций в русских говорах	292
3. Аканье и яканье — история и современность	295
3.1. Из истории аканья — яканья в русском языке	295
3.2. Архаичный диссимилятивный вокализм в развитии	317
3.3 Развитие системы гласных после твёрдых и мягких согласных в говорах с архаическим типом вокализма	335
Принятые сокращения	358
Литература	359

Глава IV.

Акустические сценарии интервокальных фрикативных и сонорных согласных

Введение	372
Акустические сценарии интервокальных фрикативных	373
Акустические сценарии интервокальных сонорных в литературном русском языке	408
Литература	457

ПРЕДИСЛОВИЕ

Языковая система подвергается постоянным изменениям на разных уровнях, в том числе и на звуковом. При этом фонетические изменения менее явны и менее доступны наблюдателю, чем изменения на других ярусах языка.

Складывается ощущение, что звуковые явления современного русского языка описаны детально и тщательно. Но традиционно фиксируются уже сложившиеся факты и реализованные закономерности. Мы же в настоящее время являемся свидетелями некоторых еще не описанных сдвигов в отдельных фрагментах как сегментной, так и просодической системы русского языка, наблюдающихся *преимущественно* в узусе, но иногда уже затрагивающих и сферу нормы. Эти изменения касаются как словесного уровня (места ударения и метрической структуры слова, реализации фонем), так и уровня фразы (фразовой интонации и размещения фразовых акцентов в высказывании). На современном этапе развития лингвистической науки остро актуальным является фиксирование живых изменений в современной звучащей речи, протекающих в разных группах слов (заимствования, сложные слова, служебные слова, междометия, имена собственные и пр.), а также в разных языковых подсистемах (гендерные и возрастные подсистемы произношения, стилистические разновидности звучащей речи, речь в средствах массовой информации, диалектные подсистемы и пр.).

В настоящей монографии предлагается особый взгляд на произносительный материал — выявление только намечающихся диахронических процессов в синхроническом описании языка. Актуальность такого подхода определяется и чисто теоретической, и дескриптивной значимостью новых данных о произношении, и возможностью их использования при кодификации произносительной нормы, при синтезе и анализе звучащей речи в речевых технологиях, а также в практике преподавания русского языка.

Настоящее исследование проведено не только на «лабораторном» материале, но в значительной части на материале русской спонтанной речи с особым вниманием к «неправильностям» разного рода, а нередко и к случаям отклонения от произносительной нормы, кото-

рые обычно в ортологических словарях приводятся с пометами *не рекомендуется* или *неправильно*. Эти оговорки и «проговорки», повторяющиеся в речи разных носителей языка, могут оказаться в одних случаях отголосками прошлого, в других — предвестниками будущего.

Следует отметить, что указанные две группы речевых явлений по-разному оцениваются слушающими: «отголоски прошлого» в речи воспринимаются значительно лучше, поскольку являются потенциально ожидаемыми, при их перцепции важен момент узнавания «хорошо забытого старого». Иное дело — «предвестники будущего»: их появление всегда неожиданно, поэтому обычно они адекватно воспринимаются только специалистами в области фонетики.

Изменения, рождающиеся в звуковой системе или уже появившиеся в ней, могут иметь отношение либо к системе в целом, либо только к какой-то из частных подсистем. Настоящая монография включает описание и анализ разнообразных фактов такого рода.

Предисловие и раздел «Устная речь как поле реализации активных процессов в фонетике» написаны Р. Ф. Касаткиной. Авторы главы I: Е. Л. Арзиани (раздел 4.3), М. Л. Каленчук (раздел 3), Л. Л. Касаткин (разделы 4.1 и 5), Р. Ф. Касаткина (разделы 1, 2, 4.2, 6 и 7). Авторы главы II: О. В. Антонова (раздел 4), М. Л. Каленчук (разделы 1.2 и 3), Р. Ф. Касаткина (раздел 1.1), Е. С. Скачедубова (раздел 2). Авторы главы III: С. В. Дьяченко (раздел 3.3), Л. Л. Касаткин (разделы 1.2, 2.1 и 3.1), Р. Ф. Касаткина (разделы 1.1 и 2.2) и Д. М. Савинов (раздел 3.2). Авторы главы IV: С. В. Кодзасов и Е. В. Щигель.

УСТНАЯ РЕЧЬ КАК ПОЛЕ РЕАЛИЗАЦИИ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОЙ ФОНЕТИКЕ

В наше время происходят изменения на разных уровнях языковой системы, в том числе и на звуковом. При этом звуковые изменения менее явны и менее доступны наблюдателю, чем изменения на других ярусах языка.

Отношения между устной и письменной формами речи непростые и не всегда осознаваемые, даже в лингвистических кругах. Еще в конце 30-х годов XX в. Й. Вахек писал о необходимости различать «письменный язык» («la langue écrite») и «устный язык» («la langue parlée») как две особые системы норм и отмечал, что языковеды лишь с большим трудом могут освободиться от гипноза графики, переходя от оптических знаков — букв к акустическим — звукам (см. [Вахек 1967: 524]). Тем не менее эту очевидную истину приходится напоминать снова и снова. Об этом напомнил и Б. М. Гаспаров: «Несмотря на очевидную первичность устной речи, сложилась очень стойкая традиция, в силу которой устная речь воспринимается на фоне письменной речи и в параметрах этой последней. (...) Даже в фонетике, области, которая, казалась бы, заведомо должна была эмансипироваться в рамках собственно устной речи, воздействие графического образа было и остается определяющим. Ещё в начале прошлого века оно имело непосредственно наивную форму отождествления звуков с буквами. Однако и последующее интенсивное развитие фонетики и фонологии не изменило данного положения в принципе, поскольку это развитие протекало почти исключительно в рамках сегментных единиц, т. е. таких, которые коррелируют с графическими единицами, либо, во всяком случае, могут быть приведены в такую корреляцию с помощью транскрипции» [Гаспаров 1978].

В связи с указанной спецификой устной речи ясно, что многое в этой области оказывается скрытым не только от простого наблюдателя, но даже и от лингвиста, не обладающего фонетическим слухом и нетренированного в области перцепции речевых фактов.

М. В. Панов пишет: «Всё в звуковой материи делят обычно на фонологически существенное, релевантное, входящее в оппозиции —

и фонемно-несущественное, не составляющее оппозиций» [Панов 2004: 411]. Как справедливо отмечает Михаил Викторович, многим фонологам свойственно высокомерно-презрительное отношение к нефонологическим элементам в звуковой цепи [Там же: 411]. Однако анализ именно этих элементов позволяет уловить тенденции развития звуковой системы языка, отражающие активные процессы языковой динамики.

Говоря о специфике работы в области экспериментальной фонетики, С. С. Высотский отметил: «Мы здесь, в лаборатории, постоянно изучаем не язык, а речь. ⟨...⟩ Но из этого потом нужно сделать фонологические и тому подобные выводы, которые относятся уже к категории языка» — из устного высказывания, цит. по [Звучат голоса 2009: 108].

Одной из особенностей устной речи является наличие определенного адресата (индивидуального или коллективного): «письменная и устная речь устроены принципиально различным образом. Устная речь — речь, обращенная к собеседнику, который не только присутствует лично, но и лично знаком» [Лотман 1992: 185], и с этим обстоятельством отчасти связана такая особенность устной речи, как высокая степень эллиптичности. Устная речь опускает то, что собеседнику известно, письменная речь значительно более детализована.

«Устная и письменная речь находятся в постоянном взаимодействии, которое в разные культурные эпохи проявляется в стремлении уподобить законы устной речи — письменной или, наоборот, законы письменной речи — устной. Письменная речь дискретна и линейна, устная тяготеет к недискретности и континуумной структуре» [Там же].

В связи с этими обстоятельствами письменные фиксации устной речи для читателя, даже искусственного в лингвистике, выглядят непривычно.

В устной речи значительную роль играют невербальные средства коммуникации — жесты, мимика. Устной речи свойственна не только эллиптичность, но и ее противоположность — избыточность, которая проявляется в повторах, самоперебивах, аутокоррекции и т. д. В этой форме речи в качестве регулирующего и компенсирующего инструмента выступает просодия — фразовая интонация, система акцентов, паузация.

И эта сторона устной речи продолжает быть недостаточно изученной: «сравнительно очень мало известно о мелодике устной речи, т. е. тех компонентах ее звучания, которые не могут быть непосред-

ственно репродуцированы в выработанной письменной традицией форме записи. Таким образом, звучание устной речи фактически предстает как звуковая корреляция письма» [Гаспаров 1978].

Для каждой из двух форм речи характерен свой арсенал способов подчеркивания коммуникативно важных участков. В то же время существуют и некие общие для рассматриваемых форм речи ресурсы: набор дискурсивных слов (некоторые местоимения, частицы) и порядок слов. В устной речи дополнительно используется свой инструментарий создания семантической выделенности отдельных участков текста — набор разнообразных просодических средств. Это составляет специфику устной речи, роль которой еще недостаточно оценена в лингвистике. По образному выражению Ф. Мартена, просодические факты — это «бедные родственники официальной и узаконенной лингвистики, которая почти всегда отбрасывала их в сумерки маргинальности». А между тем по отдельным фактам, уже накопленным исследователями звучащей речи, угадываются очертания грандиозной картины, еще недостаточно изученной, отражающей роль просодии в устной форме речи. Тема-рематическая структура устного высказывания, выявление скрытых грамматических категорий (напр., категории определённости/неопределённости в русском языке), частеречная принадлежность лексем и многое другое — все это в устной русской речи подчинено просодии. В разных языковых системах весомость просодических средств разная, в русской речи она чрезвычайно высока. Устная речь использует три канала передачи информации — вербальный, просодический и визуальный (жесты, мимика), тесно связанные между собой и дополняющие друг друга.

Письменная и устная речь различаются не только по способам передачи информации, по содержанию сообщений и их адресации, но и по различному использованию языковых средств. Различия между двумя формами речи проявляются на разных языковых уровнях, но особенно ярко в синтаксисе и лексике. В многочисленных публикациях, посвященных исследованию разговорной речи, это неоднократно обсуждалось.

Следует различать подготовленные и неподготовленные аудиотексты. Разные жанры устной речи характеризуются разной степенью спонтанности vs. подготовленности.

Согласно У. Чейфу, при восприятии спонтанной речи «различия в порядке слов несущественны», т. к. оперативная память человека не превышает пяти секунд, и за это время слушающий успеваеьт обработать отрезок речи «как единый объект, а не последовательность

отдельных звуков» [Чейф 2008: 82]. Это заключение, основанное на экспериментальных данных американских психологов, позволяет предположить, что «нарушения порядка слов», свойственные устной речи, являются ее имманентной характеристикой.

Применительно к русскому языку активное исследование устной речи как особого феномена началось лишь в 60-х годах прошлого столетия, причем в фокусе внимания исследователей был, а во многом и продолжает оставаться лишь один из жанров этой речевой формы — разговорная речь.

Глава I

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОСНОВНОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. О фразовых позициях

Фразовые позиции — это фразово-интонационные условия реализации слов в речи. Эти условия определяются прежде всего наличием vs отсутствием акцента — тонального, динамического или темпорального, т. е. акцентного выделения (АВ, проминентности) в том или ином участке звучащей фразы. Обычно акцентом выделяется одно слово, а точнее, один слог — ударный — в слове. Иногда действие акцента распространяется и на соседние слоги и даже слова. Тональные акценты — это значимые изменения высоты тона в мелодии речи, выполняющие две функции. Во-первых, тональный акцент сигнализирует о месте коммуникативного центра в высказывании. Во-вторых, он участвует в создании направления движения тона — вверх, вниз, ровно (см. [Оде 2007: 241]), чем создается мелодия речи.

При наличии в высказывании тематической и рематической групп, в каждой из них в качестве коммуникативных центров обычно выступают слова, отмеченные акцентами — *т ó п и к о м* (акцент, маркирующий тему, в соответствии с пониманием этого в работах ряда американских учёных, напр., [Chafe 1976]), и *фокусом* (просодический центр рематической группы). Позиции слов, маркированных этими акцентами, являются с и л ь н ы м и. Безакцентные, «теневые», участки высказывания — это с л а б ы е фразовые позиции.

В каждом высказывании имеется фокус — один или несколько, в то время как наличие топики факультативно. В следующей фразе: *Всё о́бщество (Т) расположилось в саду́ (F)* топик — *о́бщество*, фокус — *в саду́*. Во фразе *Все расположились в саду́ (F)* тема высказывания — *все*, но слово не акцентировано, поэтому топик отсутствует, а фокус совпадает с фразовым ударением *в саду́*. Во фразе *Все расположились в саду́ (F), в тени старых я́блонь (F)* также нет топики, но имеются два фокуса — *в саду́* и *я́блонь*.

Фокус может быть узким (при акцентном выделении одного слова) и широким, если тонально выделено не одно слово и слог, а несколько слогов или группа слов: *Все расположились в тени старых яблонь* (узкий фокус) и *Это обязательно?* (подчеркнуты акцентированные гласные) *Все расположились в тени старых яблонь* (широкий фокус), см., напр., [Ladd 1996: 127].

Акцентное выделение может относиться как к отдельному слову, так и к частям слова, т. е. к отдельным морфемам (к первым основам композитов и приставкам). Приведем несколько примеров АВ контраста: *Конференц-зал уже отремонтировали, а **спортзал** ещё нет. Чернобородый солдат чистил ружьё, а **рыжебородый** давал ему советы. Он, конечно, скорее **шбумён**, нежели музыкант или талантливый диджей.* (Мунипов. Золотой граммофон). *Вы можете оплатить покупку позднее, но **предоплата** нужна прямо сейчас.*

Контраст может быть скрытым, напр.: *С **запада** городок окружен лесами. Есть такая наука — **рыбоведение**. Глаза у неё были такие зелёные, что невольно вспоминалось слово **фотосинтез**.* (Крусанов. Перекуём орала на свистела). *И **хлебозаводка**, коли доберётся, останавливается и торгует рядом.* (Екимов. На хуторе). ***Спортзал** ещё не отремонтировали. **Бёсцерёмнным** его не назовёшь. **Предоплата** требуется заранее.*

При одном единственном определении проминентность нулевая, т. е. она отсутствует: *Мы встретили **рыжебородого** лесника. Мальчик искал эту тайну повсюду, **фотосинтез** привёл его в состояние экстаза. Сумму **предоплаты** требуется обсудить заранее.*

При двух и более определениях появляется и может реализоваться возможность проминентности, но сила её меньше, чем при контрасте, напр.: *...на земле сидел рослый детина, краснорóжий и **рыжебородый**.* (Б. Васильев. Были и небыли). *Только один — большой, **рыжебородый**, с отстреленным ухом — добродушно пошутил, остужая пулемёт из Настиного зелёного ведра* (А. Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги). *Вот он идёт сюда: высокий, **рыжебородый**, в синем шерстяном костюме.* (Колпакова. Терский берег).

При перечислении может выделяться (акцентироваться) один или несколько из однородных членов: *Здесь располагаются швейные фабрики, **хлáдокомбинáт** и пищевой комбинат; **Тéхникум**, **начáльная** школа и **срédняя** школа размещались в то время в одном здании. На мою долю выпадает **мясокомбинáт**, **холодильник**, **четвёртая мéльница** и **хлéбзавóд**.* (В. Некрасов. В окопах Сталинграда).

Согласно Дэвиду Кристалу, просодическая проминентность (*prominence*), или акцентная выделенность (АВ), определяется степенью контраста того или иного фонетического объекта по отношению к соседним объектам [Crystal 1987]. Этот контраст обычно создается просодическими средствами, но может затрагивать и сегментные реализации.

Различные позиции под АВ, как правило, являются сильными, однако сила проминентности может быть разной.

Понятие иерархии проминентности обсуждается во многих работах зарубежных учёных, см., напр., [Hussenhoven 1990; Ladd 1996: 76]. Применительно к русскому языку об этом писала И. Г. Торсуева, противопоставляя обычной выделенности «супервыделенность» [Торсуева 1995].

Силовые (энергетические, динамические) и темпоральные (долготные) составляющие — это квантитативные характеристики, относящиеся к категории градуальных. Д. Болинджер писал: «Длительность и громкость можно варьировать только в одном измерении, больше или меньше, тогда как высота тона может принимать самые разнообразные формы» [Bolinger 1986].

Возможно акцентное выделение с использованием этих градуальных характеристик: «не всякий акцент предполагает тональное изменение — акцентирование может быть реализовано только интенсивностью или длительностью» [Кодзасов 2009: 22]. Добавим к этому, что обе эти характеристики могут действовать как по отдельности, так и совместно, а также в соединении с тональными акцентами.

Являясь градуальными по своей структуре, эти два вида акцентов различны по своей связи с сегментными реализациями. Динамические акценты, согласно нашим наблюдениям, не оказывают заметного влияния на характер сегментных реализаций. Иными словами, отрезки высказываний, произнесенные с большей интенсивностью (громкостью), могут быть как полными, так и редуцированными. Динамический акцент не влияет на сегментную реализацию, поэтому при нем возможна фонетическая компрессия. Это можно видеть на рис. 1 и 2.

На рис. 1 акцентированное слово *внимательно* произнесено громко, однако с компрессией суффикса *-тель-* (рис. 1).

На рис. 2 можно видеть слово *обстоятельства* из высказывания *Обстоятельства мне помешали*, произнесенное с динамическим акцентом и с сегментной компрессией.

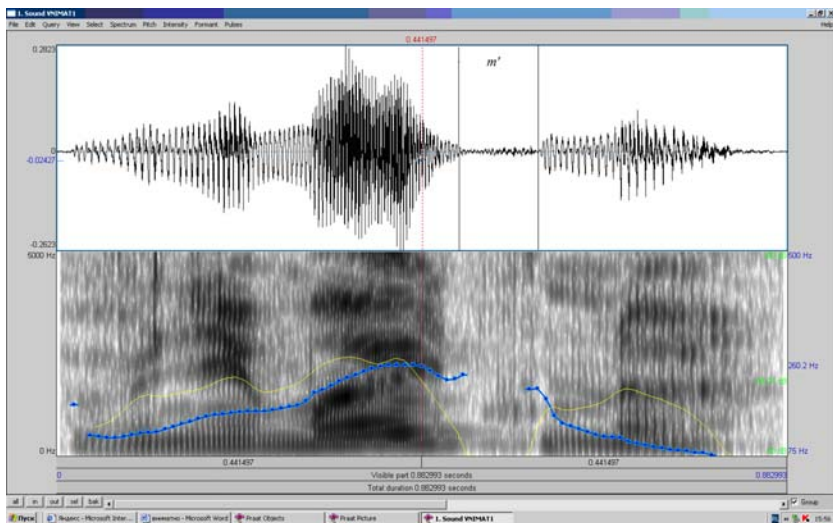

Рис. 1. Внима[т']но посмотрите на экран (громко, длительность 700 мс).

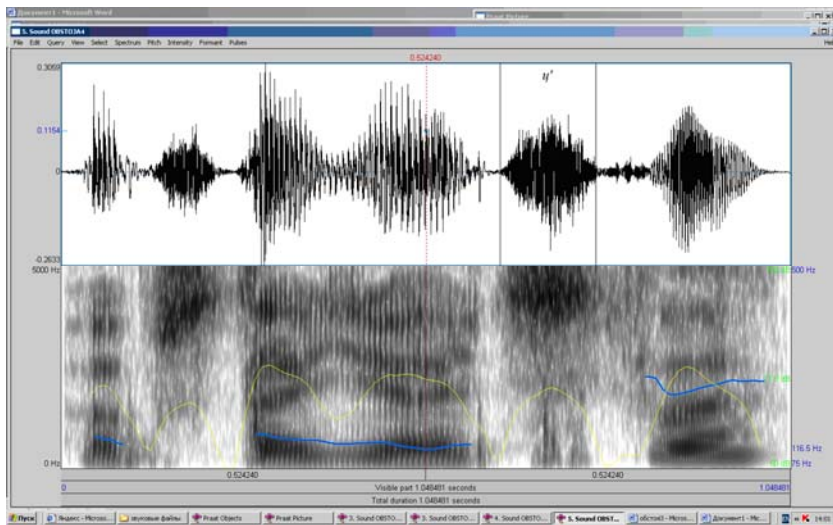

Рис. 2. Обстоя[ц']ства (мне помешали).

В противоположность этому, долготные (темпоральные) акценты самым непосредственным образом связаны с сегментной реализацией: многие исследователи, начиная с Л. Р. Зиндера, см. [Зиндер 1964] отмечали, что более отчётливое произношение связано с замедлением речевого темпа. Замедление темпа может относиться не к речи вообще, а только к каким-то фрагментам высказывания, акцентно выделенным. Замедленный темп на том или ином участке речи, связанный с осуществлением определенного коммуникативного задания, равноценен темпоральному акценту. В приведенных ниже высказываниях слова, выделенные разрядкой, были произнесены с замедлением (т. е. с темпоральным акцентом) и без редукции:

В н и м á [т ' и ° л '] н о е щ е р а з п о с м о т р и т е н а э т у с т р а н и ц у !

С л е д у е т п р и в л е ч ь в н и м а н и е о б щ е ° [с ' т ' в ' и °] н н о с т и к э т о й п р о б л е м е .

Н е у ж е л и н у ж н о в т ы [с ' и ° ч '] н ы й р а з п о в т о р я т ь ?

Акустические характеристики слова *внимательно* под темпоральным акцентом (замедлением темпа) см. на рис. 3. Наличие такого акцента способствует полной, без компрессии реализации сегментного состава слова.

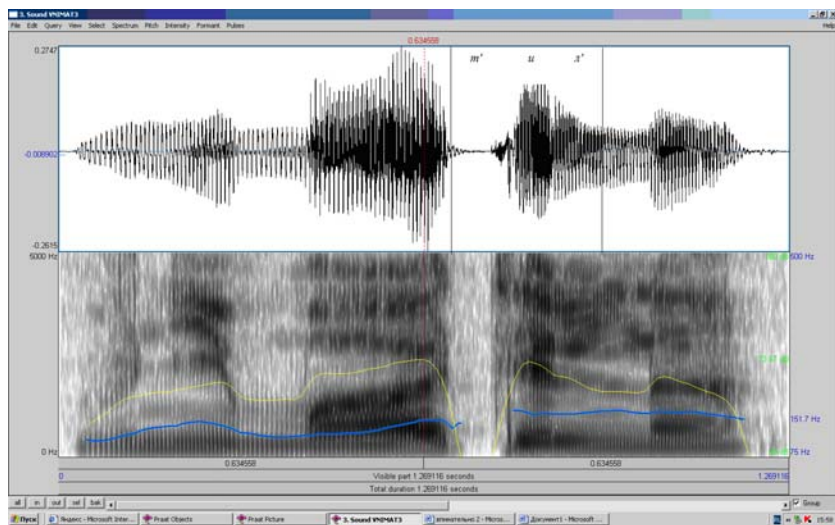

Рис. 3. Внима[т'и°л']но (посмотрите...) — замедленно, длительность 1320 мс.

Тональные акценты, различающиеся конфигурационно, по степени проминентности могут быть соотнесены с некоторой шкалой, на которой максимальной выразительностью характеризуются акценты, оформляющие вопросы, т. е., согласно Р. Лэдду, интонационные сущности, связанные с семантикой неизвестности, сомнения, неуверенности [Ladd 1996].

Столь же выразительными предстают акценты, оформляющие контрастные отношения. Эти восходящие тональные акценты в русской фразовой интонации характеризуются самым большим тональным интервалом, они самые яркие и перцептивно значимые. Их сопряженность с сегментными реализациями выражается в том, что фонетическая компрессия под этими акцентами наименее вероятна. При контрасте и общем вопросе это обычно LH*LL % (по С. Оде), ИК-3 (по Е. А. Брызгуновой). Этот контур в русской фразовой интонации характеризуется самым большим подъемом тона, он самый выразительный и перцептивно значимый.

На рис. 4 приведены акустические характеристики слова *обстоятельства* из высказывания *Обстоятельства мне мешали?*

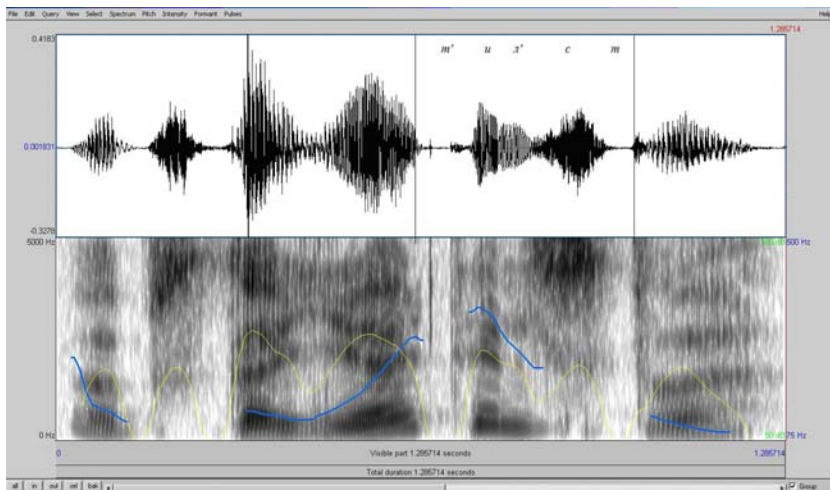

Рис. 4. Обстоятельства? (ИК-3)

Следует сделать одно уточнение. Если выделенное слово имеет несколько заударных слогов, то для него сильной позицией является «вопросительный» акцент с высокой постцентровой частью, т. е. ИК-4, ИК-6 по Е. А. Брызгуновой, «поздним таймингом» по С. Оде.

На рис. 5 можно видеть акустические характеристики слова *обстоятельства*, произнесенного с ИК-4.

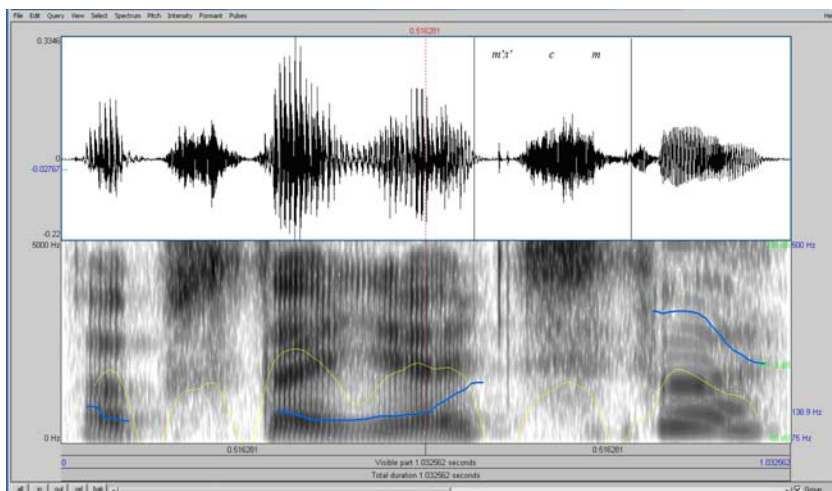

Рис. 5. *Обстоятельства?* (ИК-4)

Сказанное можно проиллюстрировать и другим материалом, например, в следующих высказываниях: *Кто это сказал — учительница? Это ваша собственность?*, произнесённых с ИК-3, редукция 1-го заударного слога маловероятна, но все-таки возможна.

В этих же высказываниях, произнесенных с «вопросом-припоминанием» ИК-4: *Кто это сказал — учительница? Это ваша собственность?* редукция 1-го заударного слога маловероятна. Тот же эффект наблюдается при реализации этих высказываний с эмоцией удивления, с ИК-6. Следовательно, фонетическая компрессия под высокими акцентами в заударных слогах наименее вероятна. На этом основании можно сделать предварительный вывод, что высокий тон не сочетается с компрессией сегментного состава слова.

В противоположность восходящим акцентам, о которых шла речь, минимальной степенью проминентности характеризуется нисходящий акцент, оформляющий так называемое фразовое ударение в повествовании (ФУ, ИК-1 по Брызгуновой, HL % по С. Оде). Т. М. Николаева отмечает, что долгое время исследователи русской интонации под тоном понимали только повышение и частоты основного тона, а нисходящую частоту, маркирующую конец высказывания, тоном не считали: «То, что (...) финальная часть повествовательной фразы

выражается через фразовую интонацию особой мелодической фигурой **понижения** частоты, просто не понимали и считали отсутствием тона» [Николаева 2008: 45]. Наши наблюдения над спонтанной речью показывают, что позиция под фразовым ударением на последнем слове с равной вероятностью может быть как сильной, так и слабой. Обсуждаемая закономерность может быть сформулирована следующим образом: чем ярче выражен тональный акцент, под которым находится то или иное слово, тем менее вероятна компрессия этого слова.

Исследования последних лет дают основания наметить некоторую классификацию также и тех позиций, которые в совокупности именуется слабыми. Было установлено, что весомость фразовой позиции определяется ее соотносительностью с коммуникативным центром (центрами) высказывания: с центром, предцентром, постцентром. Следует подчеркнуть, что имеется в виду именно коммуникативная нагрузка того или иного участка высказывания, а не его место в линейном развертывании речевой цепочки (начало, середина, конец высказывания).

Сильные фразовые позиции — наиболее благоприятные для реализации всех фонемных единиц, составляющих слово. В слабых же фразовых позициях возможны разнообразные виды компрессии и звуков. Например, слова *внимательный, институт, месячный, одиннадцать, решительно, свойственный, собственно, совершенно, социальный, тысяча, тщательно, человек*, в сильной фразовой позиции (в топике или фокусе) с большой долей вероятности произносятся как некомпрессированные формы: [вн'имат'и'л'нэй], [ин'с'т'итут], [м'эс'и'ч'нэй], [ад'инэцэт'], [р'и'шыт'и'л'нэ], [свóйс'т'в'и'нэй], [сóпст'в'и'нэ], [сэв'и'ршн:э], [сэцыал'нэй], [тыс'и'ч'э], [ч'ш'ат'и'л'нэ], [ч'и'лав'эк].

В слабых фразовых позициях звуковые реализации подчиняются вероятностным закономерностям и вследствие этого более вариативны, т. е. степени компрессии могут быть разными. При максимальной компрессии перечисленные слова могут реализоваться как [н'имат'н'эй], [ин'с'тут], [м'эш'н'эй], [ад'инц], [р'шыт'нэ], [свóйс'н'эй], [сóпс'нэ], [шэн:э], [сцал'н'эй], [тыш:'э], [ч'ат'нэ], [ч'эк]. Так, например, в высказывании *Мы [бум] стремиться к достижению полного взаимопонимания* акцентируется слово *стремиться*, и позиция перед ним слабая, поэтому глагол-связка *будем* произносится как [бум]. В высказывании *Стремиться-то мы будем [б'уд'и'ем], да что из этого выйдет?* — слово *будем* находится в фокусе высказывания и произносится без элизии заударного слога.

Существует иерархия слабых позиций. Самыми слабыми, т. е. допускающими максимальную фонетическую деформацию слов, оказываются предтопикальные и постфокальные позиции.

Например, в двух высказываниях, *Декабрьские* [пс] вечерá — это идея *Святослава Рихтера* и *Мне наконец удалòсь* купить билеты на *декабрьские* [бэр'] вечерá (подчеркнуты акцентированные слова) слово вечерá выступает то в тематической, то в рематической группе, и в результате определение *декабрьские* оказывается в первом случае в наиболее слабой предтопикальной позиции, а во втором — в слабой предфокальной позиции, что и находит отражение в разных степенях компрессии этого слова. В примере *Человек* [ч'эк] с улицы, так сказать, первый встречный, не сразу разберется в ситуации, слово *человек* находится в предтопикальной позиции и редуцируется по правилу реализации слов в слабых позициях. В высказывании: *Это был совершенно* необыкновенный человек [ч'ек] это слово в постфокальной позиции произносится столь же редуцированно, т. к. фокус высказывания — на предшествующем слове необыкновенный. *Ну что за человек!* — здесь слово *человек* находится в фокусе высказывания, поэтому обычно реализуется без деформации.

В разговорно-бытовой речи, в отличие от официально-деловой, компрессированные формы возможны не только в слабых, но и в сильных фразовых позициях. Компрессированные реализации *щас*, *чек*, *тыща* и др. в разговорной речи появляются даже под тональными акцентами.

С помощью понятия об иерархии фразовых позиций могут быть прояснены некоторые вопросы, связанные с частеречной фонетикой. Так, различается произношение некоторых однокоренных прилагательных и наречий, т. к. они обычно соотносятся с разными позициями во фразе: например, согласно наблюдению И. И. Ковтуновой, наречия обычно более коммуникативно нагружены в высказывании (т. е. могут находиться в рематической группе), чем прилагательные.

В таких парах, как *намеренно* — *намеренный*, *тайнственно* — *тайнственный* долгота *н* в безударной позиции в спонтанной речи сохраняется скорее в наречии, чем в прилагательном: ср. два высказывания: *Намере[н]ый* идти до конца, он попросил слова. Он сделал это намере[нн]о. Подчеркнуты слова под акцентом.

Следует отметить, что приведенные соображения носят предварительный характер, и вполне возможна дальнейшая классификация сильных позиций, в основе которой лежит различие между подлинно спонтанной и подготовленной спонтанной речью, различия между

акцентами разной природы — силовыми, темпоральными и тональными, а также конфигурационные различия внутри группы тональных акцентов. Кроме того, возможны различия в степени выраженности тональных акцентов, ср. термин «полуакценты», использованные в работе [Кодзасов 1989: 17—18].

Основной вывод, которым можно закончить этот раздел, следующий: среди так называемых *сильных* фразовых позиций выделяется категория *гиперсильных* позиций, к которым относятся темпоральные акценты и так называемые «вопросительные» акценты, т. е. акценты, включающие в свою структуру восходящие тоны.

2. Компрессированные формы слов в русской речи

Эллипсис гласных, согласных, целых слогов и даже последовательностей слогов, долгое время считались свойственными разговорной речи. Многочисленные примеры этого явления представлены в работах Г. А. Бариновой и других исследователей разговорной речи (см., напр., [Баринова 1973]). Было принято считать, что речь, относящаяся к официально-деловому стилю, свободна от этих деформаций «эталонного облика» фонетического слова. Однако анализ текстов небытовой спонтанной речи (интервью образованных людей по радио и ТВ, записей монологической речи на магнитофон, научных докладов, особенно в тех случаях, когда эти доклады не читаются, а произносятся спонтанно) позволяет установить, что и в текстах подобного рода, далёких от «разговорной» речи, присутствуют все явления, перечисленные выше¹.

Противопоставление «разговорная речь» (РР) — «кодифицированный литературный язык» (КЛЯ), в основе которого лежит представление о РР как об особом стиле речи, сложившееся в русистике, в данном случае не работает, и должно быть заменено другим противопоставлением: «спонтанная речь» — «подготовленная речь». Приведем несколько примеров из доклада лингвиста (историка языка) на заседании Учёного совета Института русского языка РАН: [и^ес'т'эс'нэ] — *естественно*, со[пс'нэ] — *собственно*, слéд[эвэт'нэ] — *следовательно*, [этнас'йт'нэ] — *относительно*, ты[ш'э] — *тысяча*, мы [м'ём] — *мы имеем*, вы[с'н'ён'и^е] — *выяснение*, ка[нн'изáцйэ] — *канонизация*, о[ш'ш'ён'и^е] — *ощущение*.

¹ См. также многочисленные примеры такого рода в работах [Лаптева 2000; Вещикова 2007].

Такие фонетические реализации, как [ч'ек] (*человек*), [т'ер'] (*теперь*), [н'ик'их] (*никаких*), [бум] (*будем*), [к'ит] (*какие-то*), [ид'инс'нэ] (*единственно*), [ин'с'тут] (*институт*), [оч'] (*очень*), [прэс'анал'нэ] (*профессионально*), [скókэ] (*сколько*) и др. регулярно фиксируются в спонтанной речи, относящейся к официально-деловому стилю.

Согласно Р. И. Аванесову, такие редуцированные реализации слов относятся к сфере *беглой речи* [Аванесов 1950: 34—35], согласно Г. А. Бариновой к *разговорной речи* [Баринова 1973], согласно А. А. Реформатскому — к *компрессивно-аллегровой речи* (КАР) [Реформатский 1979].

По Л. В. Бондарко и ее соавторам, обсуждаемые формы соотносятся с «неполным типом» произнесения [Бондарко и др. 1974]. Если отвлечься от указанных различий в терминологии, все перечисленные исследователи демонстрируют один и тот же подход, связывая явления компрессии речи с особым речевым стилем. Между тем, всё встанет на своё место, если принять во внимание *позиционную структуру устной речи* — ключевые слова для понимания специфики речевой материи.

Этот новый подход к анализу спонтанной речи был продемонстрирован С. С. Высотским. Этот подход может быть определен как *позиционный*. Именно Сергею Сергеевичу принадлежит термин «фразовые позиции» так же, как и сама постановка вопроса о разграничении фразовых позиций. Обсуждая вопрос о зависимости реализаций безударных гласных от «интонационного фактора» оформления фразы, он писал: «гласные ударенного слога в *сильной* (здесь и ниже разрядка моя. — Р. К.) части фразы, например, в конце синтагмы, или под логическим ударением² (...) более или менее отличаются от ударенных гласных слов, находящихся в других, *слабых фразовых позициях*» [Высотский 1967: 10].

В то время в русистике ничего не было известно об акцентном выделении (основополагающая работа [Николаева 1982] появилась значительно позднее), и мнение С. С. Высотского, которое, по существу, являлось предпосылкой смены *научной парадигмы*, не было должным образом оценено современниками. Говоря о смене научной парадигмы, мы имеем в виду, что теперь в центре фонети-

² Здесь следует уточнить, что термин «логическое ударение», использованный С. С. Высотским, теперь уступил место термину «акцентное выделение», или «тональный акцент», а позиция конца синтагмы, как будет показано ниже, далеко не всегда является сильной.

ческого исследовательского внимания оказывается не слово, как это было в течение долгого времени, а речевой поток, или, уже — высказывание. Не случайно эта идея была высказана диалектологом, который в своих исследованиях работает с устной речью, не имеющей письменной формы. И до сих пор, по прошествии почти полувека эта идея, которая относится к разряду «новое о старом», согласно классификации Т. Куна, продолжает нуждаться в поддержке и пропедевтике.

Спонтанная речь характеризуется высокой степенью неопределённости и непредсказуемости; закономерности, которым она подчиняется, носят вероятностный характер. Так же и фразовые позиции, в отличие от фонетических позиций в слове, имеют вероятностный характер.

Степени компрессии могут быть различными для разных слов. Наиболее частотные слова с определенным фонемным составом испытывают в слабых фразовых позициях максимальную компрессию, на этом основании их можно назвать компрессивами ([бум] (*будем*), [двѐц] (*двадцать*), [заш'ш'ѐт'] (*защитѐть*), [ш':ас] (*сейчас*), [шѐн:ѐ] (*совершенно*), [сѐпс'нѐ] (*собственно*), [оч'] (*очень*), [ч'ек] (*человек*) и др.).

Примерами компрессивов являются в русском языке, помимо сравнительно небольшой группы апеллятивов, многие отчества, преимущественно мужские, и некоторые женские (напр., [сѐнѐч'] и [сѐнч'] — *Алекса́ндрович*, [пѐлѐч'] и [пѐлч'] — *Павлови́ч*, [ф'ѐдѐч'] и [ф'ѐч'] — *Фѐдорович*, [ѐс'ич'] и [ѐш':] — *Иосифович*; [сѐн:ѐ] — *Алекса́ндровна*, [ѐс'нѐ] — *Иосифовна*, [пѐлнѐ] — *Павловна*, [ф'ѐднѐ] — *Фѐдоровна*). См. об этом также [Вещикова 2007].

Для слов, испытывающих в слабых фразовых позициях неполную компрессию, предлагается рабочий термин *частично компрессированные формы* (ЧКФ). Примеры: и[н'с']тѐт (*институт*), замѐч[т'нѐ] (*замечательно*), прѐ[л']но (*правильно*), нѐ[ув:] (*нового*), прѐ[ув:] (*правого*), [и^ѐ]пѐнѐц (*японец*), скѐ[кѐ] (*сколько*); примеры со стяжением хиатусов: и[н'ца]тѐва (*инициатива*), [т'а]тѐр (*театр*), [с'а]нс (*сеанс*), спѐ[цѐ]льнѐй; с межслоговой ассимиляцией гласных: [ду]кумѐнт (*документ*), [сѐр]ѐгѐт (*суррогат*) и с элизией согласных в кластерах: интѐ[р'јѐ] (*интервью*), н[н^ѐ]тѐрѐльно (*нейтрально*), октѐя[ѐп]скѐй (*октябрьский*), нѐ[р]нѐчатъ (*нервничать*), нѐю-ѐйѐ[рс]кѐй (*ню-йоркский*), удо[л'и^ѐ]тѐвори[т']но (*удовлетворительно*), лекѐр[ст] (*лекарств*), мѐ[рт] (*мертв*), жѐ[рт] (*жертв*), го[с'] (*гость*) и т. д.

При работе над Большим орфоэпическим словарём мы обнаружили значительную вариативность в произношении суффикса *-тель-*³ в заударной позиции, когда за суффиксом следует слог или слоги, начинающиеся на согласный (*внимáтельность, занимáтельный, писáтельница, писáтельство, утомíтельный* и т. п.). Как показали наши исследования, этот суффикс по-разному реализуется в существительных, прилагательных и наречиях: *внимáтельность, внимáтельный и внимательно*. Кроме того, особенности реализации суффикса определяются фразовой позицией. Находясь в составе слова в фокусе высказывания, суффикс реализуется без компрессии: *Ты пригляди́сь к нему, Ваня, внимá[т'и'л'н]о; Его рассказы обычно весьма занимá[т'и'л'н]ы; Решение его окончá[т'и'л'н]о; Но: От его внимá[т']ного взгляда не укрылось лёгкое замешá[ц']ство собеседника* — акцентированные слова подчеркнуты. Приведем несколько примеров с компрессией суффикса *-тель-* из радиопередач: *Сделайте это, и вы получи́те непритяжá[т']ное блюдо к обеду. Он был до такой степени влият']ным и состоят']ным, что мог себе многое позволить* — АВ на втором прилагательном (первое произнесено без акцента), поэтому в его составе суффикс *-тель-* реализован без компрессии.

Замечено, что в слабых фразовых позициях наиболее подверженными элизии оказываются реализации согласных фонем /в/ и /j/.

Реализации сочетаний гласных и согласных фонем с фонемой /j/ подчиняются своим правилам, напр., [и^е]пóнский (*японский*), [зэй^е]влéние (*заявление*), би[э́]ние (*биение*), при[э́]хатъ (*приехать*), кита[ä]нка (*китайка*), маки[ä]ж (*макияж*), издá[н'н'и^е] (*издание*), ка[ý]та (*каюта*), ли[с'с'и] (*лисы*), гáло[ч'ч'и] (*галочки*), см. об этом подробнее в разделе «Реализации фонемы /j/» настоящей монографии.

Компрессированные формы, возникающие в слабых фразовых позициях, не являются стихийными, но подчиняются определенным произносительным правилам. Анализ фонетического состава 200 наиболее употребительных компрессивов показал, что наибольшей устойчивостью в слабых фразовых позициях обладают ударные гласные и *ключевые* согласные, т. е. наиболее акустически выразительные, доминантные при восприятии: с и б и л я н т ы, т. е. свистящие и шипящие фрикативные, а также а ф ф р и к а т ы: [з], [з'], [с], [с'], [ц], [ш], [ч'], [ш'ш'], [ж], [ж'ж']. Термин *ключевые согласные* употребляем вслед за Л. Р. Зиндером [Зиндер и др. 1958], который позднее заменил его термином «устойчивые» звуки [Зиндер 1964].

³ Эта особенность в реализации суффикса отмечена также в работе [Вещикова 2007: 142].

Список *устойчивых* согласных Л. Р. Зиндера шире, чем приведенный список ключевых согласных, он включает все щелевые согласные, глухие и звонкие смычные, а также все сонанты. По нашим наблюдениям, смычные и сонанты не относятся к числу ключевых, т. к. в условиях компрессии они обычно утрачиваются (см. приведенный выше список частично компрессированных форм). То же относится и к щелевым *ф* и *х*.

По поводу произношения русских отчеств можно добавить к вышесказанному, что наличие в составе этих словоформ ключевых звуков способствует их максимальной редукции: [сáныч'] и [сáнч'] — *Алекса́ндрович*, [с'э́ич'] — *Алексе́евич*, [о́с'ич'] и [о́ш:'] — *Иосифович*, [ф'о́дыч'] и [ф'оч'] — *Фёдорович* и [сáн:э] — *Алекса́ндровна*, [с'э́вна] — *Алексеевна*, [пáлнэ] — *Павловна*, [о́с'нэ] — *Иосифовна* и др. Мужские отчества могут сокращаться значительно больше, чем женские, поскольку в их фонемном составе всегда присутствует ключевой согласный — аффриката *ч*, входящая в состав патронимического суффикса. В справедливости этого утверждения легко убедиться, если сравнить мужские и женские компрессированные отчества: [ф'оч'] и [ф'о́днэ], [пáлч'] и [пáлнэ], [о́ш:'] и [о́с'нэ] — с максимальной компрессией и частично компрессированные [н'икала́ич'] и [н'икала́вна] — от *Николай*, [м'иха́лч'] и [м'иха́лнэ] — от *Михаил*, [влад'и́мч'] и [влад'и́мнэ] — от *Владимир*, [л'ан'и́ч'] и [л'ан'и́днэ] — от *Леонид* и др.

Сам фонемный состав исходной формы отчества определяет допустимую степень его компрессии: она минимальна, если в слогах, предшествующих ударному, отсутствуют ключевые согласные (*Анато́льевич*, *Валенти́нович*, *Валерья́нович*, *Владими́рович*, *Емелья́нович*, *Никола́евич*, *Пантеле́евич* и др.). При наличии же таких согласных в предударной части отчества возможна его максимальная компрессия (*Ощ*, *Са́ныч*, *Се́ич*).

Следует еще добавить, что максимальная компрессия наблюдается в отчествах, производных от частотных имен. В отчествах, производных от более редких имен, исходная форма которых включает ключевые согласные, компрессии предударной части обычно не происходит (ср. *Бронисла́вович*, *Зино́вьевич*, *Святосла́вович*, *Соломо́нович*, *Станисла́вович* и т. п.). Однако при этом всегда сохраняется возможность компрессии заударной части слова, что наблюдается даже в отчествах, произведенных от самых редких имен, напр., *Андрони́[кы]ч*, *Генри́[хы]ч*, *Дерини́[кы]ч*, *Серафи́[мы]ч*, *Эдуар́[ды]ч*, «*старик Ромуа́ль[ды]ч*»).

Компрессированные формы отчеств образуют особую подсистему, где действуют свои синтагматические законы. Наблюдается от-

сутствие ассимилятивной мягкости [н] перед [ч'] в таких случаях, как *Санч, Иванч, Соломóнч*. Возможно отсутствие ассимиляции и по мягкости, и по месту образования в компрессивах *Борí[сч']*, *Денí[сч']*, *Мóри[сч']*. В таких формах, как *Андрони[кы]ч, Генри[хы]ч, Людвиг[гы]ч* отмечаются сочетания *кы, гы, хы*, не свойственные основной современной фонетической системе русского языка.

До сих пор не уделялось достаточного внимания многочисленным случаям расхождения в русском узусе между написанием и произношением. Существует множество слов, в которых письменная и устная формы давно разошлись. Это относится и к отчествам. Сферы употребления этих форм разграничены. Компрессированные формы отчеств относятся к области устной речи, полные — к письменной⁴. Точно так же, как в официальном документе нельзя написать компрессированные формы *Борисыч* или *Борищ*, так и в устной речи, согласно традиции, не может быть рекомендована полная форма *Борисович*. Так, например, она определенно не рекомендуется при обращении. Образцы для подражания находим в классической литературе, напр., у Грибоедова: *Сергей Сергеич, опоздали, а мы вас ждали, ждали, ждали! Зашла беседа ваша за ночь! Вы живы? Алексей Степаныч!* Или у Гоголя: *Шпрехен зи дейч, Иван Андреич?* По отношению к третьему лицу при именовании его по имени-отчеству допустима некомпрессированная форма, особенно при первом употреблении этой формулы. При повторах обычна компрессия.

Невладение этим навыком различения двух форм речи наблюдается у лиц, плохо знающих русский язык: либо тех, для которых это язык неродной, либо для лингвистически некомпетентных людей, которые считают письменную форму речи престижной.

В устах иностранца, плохо владеющего русским языком, полная форма отчеств ожидаема. Что же касается носителей русского языка, то использование ими полных форм отчеств может свидетельствовать о стремлении к *нобилизации* речи, стремлении «говорить красиво» и об оторванности от устной речевой традиции.

Представляется, что вопрос о выборе того или другого варианта при произношении отчеств относится к разряду «ценностей, закодированных в языке», по выражению Петра Вайля. Это один из тех случаев, когда выбор неправильного произносительного варианта разоблачает говорящего, обнаруживая его языковую некомпетентность.

⁴ Ср., напр., такие расхождения между устной и письменной речью, как устн. *бранзбóйт, друшлák, компосíровать* и письм. *брантспóйт, дуришлáг, компостíровать*.

3. О делимитативной функции фонем

Современной лингвистикой признано, что фонемы во многих случаях могут вести себя по-разному, находясь внутри значимых единиц или на их стыке. «Если закономерности на стыке слов, на стыке морфем и внутри морфем считать одними и теми же, то самих этих закономерностей не окажется. Перед нами предстанет хаос» [Панов 1979: 172]. Чтобы избежать этого, необходимо, во-первых, детально описать все особенности реализации фонем в сандхи, а во-вторых, теоретически интерпретировать полученный материал. Первая из этих задач успешно решается: в русистике накоплен значительный объем фактических данных о поведении фонем в сандхиальных позициях, об иерархии этих позиций и их различительном потенциале. Но вторую из этих задач нельзя считать окончательно решенной — вопрос о сущности **пограничных сигналов**, под которыми понимают фонетические способы обозначения границ между морфемами и словами, причинах их появления или отсутствия остается спорным. В настоящей статье предпринимается попытка теоретической интерпретации сандхиальных явлений.

К этой проблеме не раз обращались лингвисты разных стран. Не вдаваясь подробно в историю вопроса, уже описанную ранее [Каленчук 1986], наметим несколько направлений подобных исследований. Признавая наличие особых фонетических явлений в сандхи, лингвисты по-разному объясняют их характер и причины появления.

Некоторые исследователи рассматривают пограничный сигнал в качестве особой морфемы слова (*a morpheme of juncture*), так как, по их мнению, пограничный сигнал обладает в слове функциональной нагрузкой, сравнимой с функциональной значимостью обычных морфем. Оспаривая подобный подход, М. В. Панов пишет о том, что разграничитель и разграничиваемое им не могут быть явлениями одного ряда, т. е. разграничивать морфемы нельзя с помощью морфологических средств [Панов 1961].

Большинство лингвистов относят пограничные сигналы к фонологическому ярусу языка. Признавая функциональную значимость границы между значимыми элементами в случаях, когда наличие границы противопоставлено её отсутствию (*к Оле — Коле*), или словоформы различаются местом нахождения границы (*a name — an aim*), или наличие границы ведет к ее особому фонетическому оформлению (*конт[р]акт-конт[р]#акт — контракт — контр-акт*), ряд исследователей соотносят границу между морфемами и словами

со смысловаразличением, что, по их мнению, «доказывает правильность понимания ее в качестве фонематической величины» [Матвеева 1966: 49]. При таком подходе пограничный сигнал расценивается как сегментная фонема, равноправная в ряду других сегментных фонем (a phoneme of juncture).

М. В. Пановым была создана оригинальная теория пограничных сигналов. Признавая их функциональную значимость, он вводит в инвентарь фонологических единиц особую единицу — диэрему. «Границу между словами указывает сигнал, состоящий из целой цепи чередований» [Панов 1961: 6]. «Поскольку эта граница обозначается фонетически, можно считать ее особой фонемной единицей — разграничительным сигналом, или диэремой» [Панов 1967: 168]. М. В. Панов подчеркивает, что диэрема — суперсегментное фонологическое средство, так как ее выражение рассредоточено на протяжении ряда сегментных фонем и при том выражается теми же звуками, которые представляют сегментные фонемы. Но особенность этой суперсегментной единицы в том, что она указывает на определённую точку в звуковой цепи, именно на границу между значимыми единицами, т. е. по функции диэрема — сегментна, а по способу выражения — суперсегментна.

Представляется, что можно подойти к анализу разграничительных средств языка по-другому, чем это делалось ранее.

Принято считать, что «звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и фонетической позиции (в определенном стиле речи)» [Панов 1961: 15]. Следовательно, появление звука строго детерминировано этими двумя факторами. Если известна фонема и произносительные условия, в которых она находится, этого достаточно для того, чтобы определить, каким звуком данная фонема реализуется в речи. Например, если известно, что фонема /б/ находится в положении перед гласным, этой информации достаточно для того, чтобы определить, что данная фонема будет реализована звонким согласным [б] — ду[б]ы. Но так происходит не всегда — в случае ду[п]#огромный фонема /б/ в позиции перед гласным представлена глухим звуком [п].

Остается предположить, что в случаях типа дубы и дуб огромный в исходе корня перед гласным либо разные согласные фонемы, либо разные фонетические позиции. Поскольку очевидно, что в обоих случаях фонема одна и та же — /б/, остается считать, что здесь разные произносительные условия: в первом примере фонема /б/ находится в позиции середины слова, а во втором случае — в позиции стыка знаменательных слов.

Аналогично решал данную проблему А. А. Реформатский. Анализируя слова *Кире* — *к Ире*, например, он считал, что здесь одна и та же последовательность фонем реализуется разными звуками потому, что здесь «позиции разные» [Реформатский 1970: 482]. Очевидно, он имел в виду фонетические позиции, так как только фонетическая позиция может влиять на реализацию фонем.

Следовательно, позиция стыка между значимыми единицами языка (морфемами и словами) является особого рода фонетической позицией, которую предлагается называть **делIMITАТИВНОЙ ПОЗИЦИЕЙ**.

Принято считать вслед за А. А. Реформатским, что фонемы выполняют в языке две основные функции — перцептивную, т. е. функцию отождествления значимых единиц языка, и сигнификативную, т. е. функцию различения слов и морфем [Реформатский 1997]. Помимо этих двух функций фонема может выполнять и делIMITАТИВНУЮ функцию, обозначая границы между значимыми единицами языка.

Известно, что фонемы не всегда способны в полном объеме выполнить свои функции. Существуют позиции, благоприятные для выполнения фонемой своих функций, — их называют сильными, и слабые позиции, попадая в которые, фонемы не могут выполнить свое предназначение.

Думается, что и делIMITАТИВНЫЕ позиции можно оценивать как сильные и слабые.

Что такое **делIMITАТИВНО СИЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ**? Это позиция, находясь в которой, фонема выполняет делIMITАТИВНУЮ функцию, т. е. позволяет разграничить слова и морфемы. Находясь в делIMITАТИВНО СИЛЬНОЙ позиции, фонемы реализуются такими звуками, которые маркируют границы между значимыми единицами языка, говоря иначе, фонемы реализуются не так, как они реализовались бы при тех же условиях произношения не в стыке, а в середине значимой единицы. Введение понятия делIMITАТИВНОЙ позиции позволяет по-новому подойти к определению пограничного сигнала. Пограничный сигнал — это результат реализации фонемы в делIMITАТИВНО СИЛЬНОЙ позиции.

В рассмотренном выше примере *ду[п]#огромный* позиция стыка между словами является делIMITАТИВНО СИЛЬНОЙ, потому что реализация фонемы /б/ в положении перед гласным глухим звуком [п] отличается от того, как та же фонема в той же позиции реализовалась бы не на стыке слов, что позволяет маркировать фонетическими средствами границу между знаменательными словами. Особая реализация фонемы /б/ является пограничным сигналом.

Что такое **делимитативно слабая позиция**? Эта позиция стыка между значимыми единицами языка, в которой делимитация не осуществляется, фонемы ведут себя одинаково и внутри значимых единиц, и на их границах, пограничный сигнал не «работает».

Самым серьёзным возражением против признания существования пограничных сигналов является нерегулярность их появления. Н. С. Трубецкой отмечал, что распределение разграничительных средств в конкретном языке выглядит совершенно случайным [Трубецкой 1960: 300]. В лингвистической литературе накоплен большой фактический материал, касающийся случаев, когда границы между значимыми единицами языка фонетически не обозначены. Приведём только один пример. А. Н. Гвоздев писал: «Следует поставить вопрос, имеется ли в русском языке различие между соответствующими по звуковому составу элементами — сочетанием из предлога + следующего за ним слова и одним знаменательным словом: к *Оле* — *Коле*, с *утки* — *сутки*, к *розе* — *красе*, с *лова* — *слова*, в *арку* — *варку*, о *пушке* — *опушке*, а также об *утке* — о *будке*. Омонимизм этих пар показывает, что граница между предлогом и словом не получает самостоятельного выражения фонетическими средствами» [Гвоздев 1957: 60]. Действительно, приведенные А. Н. Гвоздевым примеры омонимичны, делимитация значимых единиц в данном случае не осуществляется. Как это можно объяснить?

М. В. Панов предлагает в тех случаях, когда «стык... никак о себе не заявляет», считать, что диэрема нейтрализуется с антидиэремой — условной единицей, находящейся «между звуками, принадлежащими одной морфеме» [Панов 1979: 172]. М. В. Панов иллюстрирует случаи нейтрализации диэремы и антидиэремы примером *о[тк']инуть* — сочетание [тк'] возможно и внутри морфемы (в слове *тки*, например), и в позиции стыка морфем.

Введение понятия делимитативно слабых позиций позволяет, как представляется, интерпретировать случаи фонетической немаркированности границ между значимыми единицами языка в соответствии с традициями Московской фонологической школы. В примерах, приводимых А. Н. Гвоздевым и М. В. Пановым, фонемы, выступающие на стыке морфем и слов, функционируют в условиях делимитативно слабой позиции, в которой не выполняется их делимитативная функция. В случаях к *Оле* и *откинуть* сочетания звуков [кo] или [тк'] не дают возможности определить, стоят ли данные звуки на стыке значимых единиц или внутри них. Происходит нейтрализация сандхиальных и несандхиальных закономерностей, что не дает возможности проявиться пограничному сигналу.

Как соотносится традиционно используемое понятие сандхиальных позиций и предлагаемое в настоящей статье понятие делимитативных позиций? Не окажутся ли эти термины синонимами? В традициях Московской фонологической школы со времен А. А. Реформатского параллельно существуют два разных подхода к определению фонетической позиции. С одной стороны, позиция квалифицируется по чисто локальному признаку — под ударением или без ударения, в начале слова или в конце, после твердого или после мягкого согласного и т. д. В этих случаях только констатируются условия произношения. В рамках такого подхода уместен термин «сандхиальная позиция». Когда мы говорим, что фонема находится в сандхи, мы просто устанавливаем факт ее положения на границе значимых единиц, не давая функциональной оценки этому факту. С другой стороны, квалифицируя позиции как сигнификативно сильные и слабые или перцептивно сильные и слабые, мы оцениваем выполнение или невыполнение фонемой ее функций. В этой логике уместно использование термина «делимитативно сильные и слабые позиции».

Введение понятия делимитативных позиций продолжает традицию сформулированного А. А. Реформатским представления о сильных и слабых позициях, ставшего одной из теоретических основ концепции МФШ, позволяет избежать использования условных единиц типа «антидизрема» и дает возможность непротиворечиво объяснить случаи фонетической «отмеченности» и «неотмеченности» границ между морфемами и словами.

4. Реализации фонемы /j/

4.1. Орфоэпические правила реализации /j/

На месте /j/ могут произноситься согласный звук [j], обычный перед ударным гласным, и неслоговой гласный [ɨ], обычный перед безударным гласным и на конце слова. Основное артикуляционное различие между [j] и [ɨ] в величине щели между языком и нёбом: при произношении [j] эта щель невелика, у [ɨ] она больше, но несколько меньше, чем при безударном [и]. Поэтому звук [ɨ] иногда называют полугласным, а также глайдом (от англ. glide — «скользящий»).

Различие между [j] и [ɨ] связано со степенью напряжённости языка: перед ударным гласным язык более напряжён, чем перед безударным гласным и на конце слова. При ослаблении напряжённости языка щель между ним и нёбом увеличивается и согласный изменя-

ется в неслоговой гласный. В беглой речи ослабление напряжённости может произойти и перед ударным гласным, поэтому звуки [j] и [й] в этой позиции могут варьироваться. На месте /j/ может быть и нуль звука, иногда [и] (точнее, безударный гласный, несколько опущенный — [и̞], в иной транскрипции [и^е], как и на месте гласных фонем, кроме /y/, в безударных слогах после мягкого согласного); в позиции после согласного перед гласным на месте /j/ иногда возможен тот же согласный, что и предшествующий. Кроме того, на месте /j/ могут произноситься и некоторые другие звуки, о которых см. [Панов 1979: 108—110; Касаткин 2008: 170; Касаткина 2007]; см. также [Касаткин, Касаткина 2004; Арзиани 2008].

В качестве факторов, влияющих на произношение звуков на месте /j/, рассматриваются разнообразные фонетические позиции: положение в начале, середине или в конце слова, перед гласным или после него, в ударном или безударном слоге, начальном и неначальном, конечном открытом, закрытом и неконечном, расстояние от ударного гласного, количество предшествующих безударных слогов, длина слова, качество предшествующего и следующего ударного и безударного гласного, один или группа согласных перед /j/ и в следующем слоге, их качество, фразовая позиция, темп речи, положение /j/ в словах элементарной и сложной структуры, в одноосновных словах и в первой основе сложного слова, внутри корня и на стыке приставки и корня, корня и суффикса или окончания, двух основ сложного слова. Учитываются также степень употребительности слова, принадлежность к той или иной части речи, буквы, обозначающие /j/ на письме. Рассматриваются варианты реализации /j/, связанные с конкретными словами.

Все эти факторы обозначены в заголовках отдельных абзацев, выделенных особой нумерацией. Приводимые в них примеры являются представителями всей группы слов с данными характеристиками.

Указанные ниже варианты произношения характерны для нейтрального стиля речи. При эмпазе, чётком проговаривании слова, то есть при так называемом «полном» или «сверхполном» стиле речи, на месте /j/ чаще произносится звук [j]; в так называемой «разговорной речи» компрессия слова, различные деформации звуков и их диереза проявляются в большей степени, чем в нейтральном стиле.

I. В позиции #jГ — в начале слова перед гласным, где /j/ обычно обозначается вместе со следующими гласными фонемами буквами *e*, *ë*, *ю*, *я*; в заимствованных словах она может обозначаться буквой *й*.

1. Перед ударным гласным — [j]: *ель* — [je]ль, *ёж*, *юг*, *ясно*, *йёнский*, *йод*, *йодотерапия*;
2. Перед безударным гласным
 - 2.1. На месте ю — [ɨ]: *юла* — [ɨу]ла, *южанин*, *юморист*;
 - 2.2. На месте е, я
 - 2.2.1. В первом предударном слоге
 - 2.2.1.1. Перед следующим ударным [и] после мягкого согласного
 - 2.2.1.1.1. Перед одним согласным или при отсутствии согласных
 - 2.2.1.1.1.1. Обычно — нуль звука и допустимо [ɨ]: *единый* — [и]диный и допустимо [ɨи]диный, *египетский*, *епископ*, *ехидный*; *елико*; *явиться*; *яичко*, *яичники*, *яичница*;
 - 2.2.1.1.1.2. В слове *яриться* [ɨ] и нуль звука: [ɨи]рииться и [и]рииться;
 - 2.2.1.1.2. Перед группой согласных
 - 2.2.1.1.2.1. При букве е — нуль звука: *евклидов* — [и]вклидов;
 - 2.2.1.1.2.2. При букве я — [ɨ] и допустимо нуль звука: *ягниться* — [ɨи]гниться и допустимо [и]гниться, *язвительный*, *ямбический*, *ямщик*;
 - 2.2.1.2. Перед другими ударными гласными
 - 2.2.1.2.1. В наиболее употребительных словах — нуль звука и допустимо [ɨ]: *ещё* — [и]щё и допустимо [ɨи]щё, *его*, *ему*, *её*;
 - 2.2.1.2.2. В словах *Евангелие*, *евангельский* — [ɨ] и нуль звука: [ɨи]вангелие и [и]вангелие;
 - 2.2.1.2.3. В остальных случаях
 - 2.2.1.2.3.1. С мягким согласным в следующем слоге или [ɨ] в том же слоге — [ɨ] и нуль звука: *евгеника* — [ɨи]вгеника и [и]вгеника, *еврей*, *елейный*, *елец*, *ефрейтор*; *явление*, *ягненок*, *ячмень*, *яцоб*;
 - 2.2.1.2.3.2. Только с твёрдыми согласными в следующем слоге — [ɨ], в беглой речи возможен нуль звука: *еда* — [ɨи]да, в беглой речи возможно [и]да, *ежиха*, *ежовый*, *езда*, *ядро*, *язык*, *январь*, *японец*, *ярлык*;
 - 2.2.1.3. Во втором предударном слоге
 - 2.2.1.3.1. Со следующим мягким согласным — нуль звука и допустимо [ɨ]: *египтолог* — [и]гиптолог и допустимо [ɨи]гиптолог, *единица*; *ячменёк*;
 - 2.2.1.3.2. Со следующим твёрдым согласным — [ɨ] и нуль звука: *европейский* — [ɨи]вропейский и [и]вропейский, *еже-*

віка, ерунда; ядовітый, язычок, якорёк, янычар, ярковатый, ярлычок, ясновідец, ястребіный;

2.2.1.4. В третьем — четвертом предударных слогах

2.2.1.4.1. В одноосновных словах

2.2.1.4.1.1. Обычно — нуль звука и допустимо [и]: *евангеліст* — [и]вангеліст и допустимо [и]вангеліст, *европеизировать, епархиальный, епископат, естествознание; языковой, яровизация;*

2.2.1.4.1.2. Нуль звука в словах *ектений (ектенья)* — [и]ктений, *екклесиастический, епитимья, епитрахиль;*

2.2.1.4.2. В первой основе сложного слова

2.2.1.4.2.1. При ударении на первом слоге в одноосновных словах с первой основой — [и]: *евробумаги (эвро)* — [и]евробумаги, *еврокомиссия, ересолог, ересиология; яблокорезка, явнозернистый, ягодавидный, ямкоголовые, ямокопатель, яркокрашенный, ясновельможный, ящеротазовые;*

2.2.1.4.2.2. При ударении на втором — третьем слоге в одноосновных словах с первой основой и при подвижном ударении на первом и втором слоге в одноосновных словах с первой основой — нуль звука и допустимо [и]: *египтология (Египет)* — [и]гиптология и допустимо [и]гиптология, *единоборец, единоначалие, енотовидная, есениновед, естествознание; ядовитодымный, языковед, языкознание, янтароносный, японовед, яфетидолог; яйцеголовый;*

2.2.1.4.2.3. В словах с первой связанной основой (не употребляющейся без второй основы)

2.2.1.4.2.3.1. — [и]: *ятрогенія* — [и]ятрогенія, *ятромеханика;*

2.2.1.4.2.3.2. — [и] и нуль звука: *ежевечерний* — [и]ежевечерний и [и]ежевечерний, *ежевоскресный, ежедекадный;*

2.3. На месте *йо*

2.3.1. В первом предударном слоге — [и] и допустимо [ио], в беглой речи возможно [и]: *йогизм* — [и]йогизм и допустимо [ио]йогизм, в беглой речи возможно [и]йогизм, *йогин, йогический, йогуртница, йодизм, йодирование, йоркиёр, йоркиёрский, йоруба, йотация, йотировать, йотованный, йохимбе;*

2.3.2. Во втором предударном слоге

2.3.2.1. В одноосновных словах — [и] и допустимо [ио] и [и]: *йокогамский* — [и]йокогамский и допустимо [ио]йокогамский и [и]йокогамский;

- 2.3.2.2. В первой основе сложного слова — [и̣о] и [и̣и], в беглой речи возможно [и]: *йододёрма* — [и̣о]додёрма и [и̣и]додёрма, в беглой речи возможно [и]додёрма, *йодофóрм*;
- 2.3.3. В третьем — четвертом предударном слоге — [и̣о]: *йодо-метрíя* — [и̣о]дометрíя, *йошкарóлинец*.

II. В позиции ГјГ — после гласного перед гласным, где фонема /j/ обычно обозначается вместе со следующими гласными фонемами буквами *e, ё, ю, я*; в заимствованных словах может обозначаться буквой *й*.

1. Перед ударным гласным

1.1. Перед *и* — нуль звука (фонема /j/ графически не обозначена): (*мо́й* — мо[и̣] — мо[j], *мо́я* — мо[já] — мо[ja/]) *мо́и* — мо[jи/ — мо[í], (*стро́й, стрóю*) *стро́итель, (бу́й) бу́и*;

1.2. Перед *e*

1.2.1. В корне

1.2.1.1. На месте *й* — [j], [и̣] и допустимо нуль звука: *фо́йе* — фо[jé], фо[и̣é] и допустимо фо[é], *вила́йет, дуа́йен*;

1.2.1.2. На месте *e*

1.2.1.2.1. В заимствованных корнях

1.2.1.2.1.1. [j] и [и̣]: *ги́ена* — ги[jé]на и ги[и̣é]на, *гиги́ена, диéзный, клиéнт*;

1.2.1.2.1.2. [j], [и̣] и нуль звука: *абитуриéнт* — абитури[jé]нт, абитури[и̣é]нт и абитури[é]нт, *аудиéнция, геéнна, диéз, диéта, ингредиéнт, реéстр, сиéста, тамплиéр, фиéста*;

1.2.1.2.1.3. Нуль звука: *авиéтка* — ави[é]тка, *ариéтта, градиéнт, коэффициéнт, пациéнт, проéкт, проéктор, проéкция, реципиéнт, риéлтор, симфониéтта, спаниéль, феéрия*;

1.2.1.2.2. В русских корнях — [j] и [и̣], в беглой речи возможен нуль звука: *воéнный* — во[jé]нный и во[и̣é]нный, в беглой речи возможно во[é]нный, *достоéвица, надоéсть*;

1.2.2. На стыке приставки и корня

1.2.2.1. В слове с одним предшествующим слогом

1.2.2.1.1. После *и, e, ы* — [j], [и̣] и допустимо нуль звука: *приéзд* — при[jé]зд, при[и̣é]зд и допустимо при[é]зд, *приéв-шийся, преéмственность, выéзживать*;

1.2.2.1.2. После *а, о, у* — [и̣] и допустимо [j], в беглой речи возможен нуль звука: *наéздник* — на[и̣é]здник и допустимо

на[јé]здник, в беглой речи возможно *на[é]здник*, *доéсть*, *поéздка*, *уéхать*;

1.2.2.2. В слове с двумя и более предшествующими слогами — [и] и допустимо нуль звука: *недоéсть* — *недо[и́é]сть* и допустимо *недо[é]сть*, *переéсть*, *недоéхать*, *переéхать*;

1.2.3. На стыке корня и суффикса

1.2.3.1. В слове с одним предшествующим слогом

1.2.3.1.1. После *и* — [и] и допустимо [j] и нуль звука: *биéние* — *би[и́é]ние* и допустимо *би[јé]ние* и *би[é]ние*, *гниéние*;

1.2.3.1.2. После *о* — [и] и допустимо нуль звука: *доéние* — *до[и́é]ние* и допустимо *до[é]ние*, *поéние*, *строéние*;

1.2.3.2. В слове с двумя и более предшествующими слогами — [и] и нуль звука: *избиéние* — *изби[и́é]ние* и *изби[é]ние*, *убиéнный*, *утаéние*, *настроéние*, *упоéние*;

1.2.4. На стыке основ — [j] и [и]: *короéд* — *коро[јé]д* и *коро[и́é]д*, *малоéжка*, *малоéженный*, *самоéдство*, *цветоéд*;

1.3. На месте *ё*, *ю*, *я*

1.3.1. Внутри корня и на стыке корня и аффиксов

1.3.1.1. После [и] — [j] и [и] и допустимо нуль звука, при котором следующий гласный продвинул в передне-средний или передний ряд: *клеёнка* — *кле[јó]нка* и *кле[и́ó]нка* и допустимо *кле[ó]нка*, *ию́ль* — *и[ју́]ль* и *и[и́у́]ль* и допустимо *и[у́]ль*, *вли́яние* — *вли[ја́]ние* и *вли[и́а́]ние* и допустимо *вли[а́]ние*, *прия́тель*;

1.3.1.2. После [а], [у] — [j], в беглой речи возможны [и] и нуль звука, при котором следующий гласный продвинул в передне-средний или передний ряд: *даёт* — *да[јó]т*, в беглой речи возможно *да[и́ó]т* и *да[ó]т*, *даёте*, *паёк*, *буёк*, *буёчек*; *каю́та* — *ка[ју́]та*, в беглой речи возможно *ка[и́у́]та* и *ка[у́]та*, *краю́ха*, *кую́т*, *сою́з*; *моя́* — *мо[ја́]*, в беглой речи возможно *мо[и́а́]* и *мо[а́]*, *зая́вка*, *буя́ннить*;

1.3.2. На стыке основ [j]: *энергоёмкий* — *энерго[јó]мкий*, *среднею́рский*, *многоя́русный*, *поли́ядерный*, *полуя́вь*, *радиоя́ркость*, *рыбоя́дный*, *снежноя́годник*, *термоя́дерный*;

1.4. В сочетании *йо* — [j]; в беглой речи возможны [и] и нуль звука, при котором следующий гласный продвинул в передне-средний или передний ряд: *район* — *ра[јó]н*, в беглой речи возможно *ра[и́ó]н* и *ра[ó]н* (неправильно произношение со слоговым [и]: *ра[и́ó]н*), *койо́т* — *ко[јó]т*, в беглой речи возможно *ко[и́ó]т* и *ко[ó]т*, *майо́р*, *майо́лика*;

2. Перед безударными гласными

2.1. Перед [и] на месте *е, я, и*

2.1.1. Внутри корня и на стыке корня и аффиксов — нуль звука: *ста́йер* — *ста́[и]р*, *конве́йер*, *фейерве́рк*, *ва́йи*, *ва́йе*, *папа́йи*, *папа́йе*, *секво́йи*, *секво́йе*, *приезжа́ть* — *при[и]зжа́ть*, *соеди́нить*, *мо́ет*, *поя́сница*, *выясня́ть*, (*край*) *о́краина*, (*строй*, *стро́ю*) *стро́ит*;

2.1.2. На стыке основ

2.1.2.1. В начале второй основы — нуль звука, при эфазе, чётком проговаривании слова возможен [и]: *срeднеевропéйский* — *срeдне[и]вропéйский*, при эфазе возможно *срeдне[и]вропéйский*, *за́падноевропéйский*, *двуеди́ный*, *киноязы́к*, *мало́-яросла́вский*, *мелкоя́чeистый*, *микрoявлéние*, *северояпóнский*, *двуязы́чный*, *полуязы́ческий*;

2.1.2.2. В конце первой основы — нуль звука: *крайизбирко́м* — *кра[и]збирко́м*, *стро́йинду́стрия*;

2.2. Перед другими гласными

2.2.1. В конечном слого — [и] и нуль звука, при котором следующий гласный среднего или заднего ряда продвинул в передне-средний или передний ряд: *чужа́я* — *чужа́[и]а* и *чужа́[ä]*, *ста́рая*, *амнези́я*, *ава́рия*, *ро́ю* — *ро́[и]у* и *ро́[ү]*, *ро́ют*, *ро́юсь*, *бе́люю*;

2.2.2. В неконечном слого

2.2.2.1. На стыке корня и окончания или двух суффиксов — нуль звука, при котором следующий гласный среднего или заднего ряда продвинул в передне-средний или передний ряд: *ма́яться* — *ма́[ä]ться* и *ма́[и]ться*, *стро́ятся* — *стро́[э]тся*, *стро́[е]тся* и *стро́[и]тся*, *слу́шающий* — *слу́ша[ү]щий* и *слу́ша[и]щий*, *образу́ющийся* — *образу́[ү]щийся* и *образу́[и]щийся*;

2.2.2.2. На стыке основ — [и], в беглой речи возможен нуль звука, при котором следующий гласный среднего или заднего ряда продвинул в передне-средний или передний ряд: *райотде́л* — *ра[и]а́тде́л*, в беглой речи возможно *ра[ä]тде́л*, *райа́дминистра́ция*, *стро́йотря́д*, *стро́йуправле́ние* — *стро[и]управле́ние*, в беглой речи возможно *стро[ү]правле́ние*, *райуполномóченный*.

III. В позиции ГјС — после гласного перед согласным, где фонема /j/ всегда обозначается буквой *й*.

1. Перед шумным согласным

1.1. После ударного гласного

1.1.1. В неконечном слого

1.1.1.1. После *и*

1.1.1.1.1. В словах коротких, и/или с твёрдым согласным в предшествующем слого, и/или со смычным согласным после *й* — [й]: *арийский* — *ари[й]ский*, *балтийский*, *латвийский*, *фракийский*; *аварийщик*, *австрийка*, *александрійцы*, *убийца*;

1.1.1.1.2. В словах длинных, и/или с мягким согласным в предшествующем слого, или широко употребительных при щелевом согласном после *й* — [й], в беглой речи возможен нуль звука: *австралийский* — *австрал[й]ский*, в беглой речи возможно *австрал[й]ский*, *артиллерийский*, *гарибальдийский*, *калифорнийский*, *капитолийский*, *олимпийский*, *убийственный*; *бельгийский*, *индийский*, *ликійский*, *чилиийский*; *российский*;

1.1.1.1.3. [й] и нуль звука: *английский* — *англ[й]ский* и *англ[й]ский*, *буддийский* (под влиянием написания *буддистский*);

1.1.1.2. После *е*

1.1.1.2.1. Перед твёрдым согласным — [й]: *копейка* — *копé[й]ка*, *белогвардейский*, *европейский*, *енисёйский*;

1.1.1.2.2. Перед мягким согласным (обязательном или варианте произношения в данном слове)

1.1.1.2.2.1. С предшествующим *е* мягким согласным

1.1.1.2.2.1.1. [й]: *лэйки* — *лэ[й]ки*, *пéйсик*, *полтергéйсте*, *расклéйщик*;

1.1.1.2.2.1.2. [й], в беглой речи возможен нуль звука: *гéйзер* — *г[éй]зер*, в беглой речи возможно *г[é]зер*, *грéйфер*, *крéйсер*, *семéйстве*, *семéйственный*;

1.1.1.2.2.1.3. [й] и допустимо нуль звука: *клéйстер* — *кл[éй]стер* и допустимо *кл[é]стер*, *бездéйствие*;

1.1.1.2.2.1.4. [й] и нуль звука: *грéйдер* — *гр[éй]дер* и *гр[é]дер*, *балетмéйстер*, *гроссмéйстер*;

1.1.1.2.2.1.5. Нуль звука и допустимо [й]: *дрéйфить* — *др[éй]фить* и допустимо *др[é]фить*, *сдрéйфить*;

1.1.1.3. После *я*

1.1.1.3.1. [й]: *гуляйтe* — *гуля[й]те*, *стесняйтeся*, *стесняйтeсь*, *хозяйство*, *хозяйчик*;

- 1.1.1.3.2. [и̣], в беглой речи возможен нуль звука перед [с'т']:
хозя́йстве — хоз[ʹа̣]стве, в беглой речи возможно
хоз[ʹа̣]стве, *хозя́йственный*;
- 1.1.1.4. После остальных гласных
- 1.1.1.4.1. Обычно — [и̣]: *ма́йский* — ма[и̣]ский, *стро́йка*, *бу́й-*
ство, *за́йчик*, *па́йщик*, *ма́йки*, *сна́йпер*, *зазна́йстве*, *ше́йхи*,
штéйгер, *дво́йственный*, *споко́йствие*, *устро́йстве*, *мо́йся*,
алилу́йчик, *ду́йте*, *плю́йте*;
- 1.1.1.4.2. [и̣] и нуль звука: *джо́йстик* — дж[о̣]стик и
дж[о̣]стик;
- 1.1.1.4.3. В *вы́йти* — [и̣] и [т'] на его месте, в беглой речи
возможен нуль звука во всех словоформах с *й* в корне:
в[ы̣]ти и в[ы̣т']ти, в беглой речи возможно в[ы̣]ти;
- 1.1.2. В конечном слоге
- 1.1.2.1. После *и* — [и̣]: *уби́йца* — уб[и̣]ца, *кровопи́йца*;
- 1.1.2.2. После остальных гласных — [и̣] и [и]: *байт* — ба[и̣]т
и ба[и̣]т, *драйв*, *инса́йд*, *брейк*, *дедвéйт*, *римéйк*, *сейф*,
флейца, *шейх*, *эдельвéйс*, *бранспóйт*, *войт*, *гюйс*, *зюйд*, *гейш*,
лайб, *мойв*, *пропóйц*, *флейт*, *шайб*;
- 1.2. После безударного гласного
- 1.2.1. После *и* — в слове *прийти́*: *пр[и̣]ти́* и *пр[ит']ти́*, в беглой
речи возможно *пр[и̣]ти́*;
- 1.2.2. После *е*
- 1.2.2.1. В первом предударном слоге
- 1.2.2.1.1. Перед твёрдым согласным и ударным гласным не [и̣]
- 1.2.2.1.1.1. В коротких словах
- 1.2.2.1.1.1.1. Перед одним согласным;
- 1.2.2.1.1.1.1.1. В более употребительных словах — [и̣]
и допустимо нуль звука: *швейца́р* — шв[и̣]ца́р и до-
пустимо шв[и̣]ца́р.
- 1.2.2.1.1.1.1.2. В менее употребительных словах — [и̣]:
нейза́ж — н[и̣]за́ж, *сейва́л*
- 1.2.2.1.1.1.2. Перед двумя согласными — [и̣], в беглой
речи возможен нуль звука: *бейсбо́л* — б[и̣]сбо́л, в бег-
лой речи возможно б[и̣]сбо́л, *нейтрон*;
- 1.2.2.1.1.1.3. Перед тремя согласными — нуль звука:
рейхста́г — р[и̣]хста́г;
- 1.2.2.1.1.2. В более длинных словах
- 1.2.2.1.1.2.1. [и̣], в беглой речи возможен нуль звука:
нейтра́льный — н[и̣]тра́льный, в беглой речи возмож-
но н[и̣]тра́льный, *нейтронный*, *перейду́*, *сейсмо́граф*;

- 1.2.2.1.1.2.2. [й] и нуль звука: *бейсбóлка* — б[ий]сбóлка и б[и]сбóлка;
- 1.2.2.1.1.2.3. Нуль звука: *рейси́на* — р[и]си́на, *рейс-фэ́дер*, *рейту́зы*;
- 1.2.2.1.2. Перед мягким согласным и/или ударным гласным [и]
- 1.2.2.1.2.1. В более употребительных словах — нуль звука: *действительно* — д[и]ствительно, *сейчас* — [с'ич']ас и [ш'ш']ас;
- 1.2.2.1.2.2. В менее употребительных словах
- 1.2.2.1.2.2.1. Коротких — [й], в беглой речи возможен нуль звука: *кле́ймить* — кл[ий]ми́ть, в беглой речи возможно кл[и]ми́ть, *флейти́ст*;
- 1.2.2.1.2.2.2. Более длинных — [й] и допустимо нуль звука: *крейси́ровать* — кр[ий]си́ровать и допустимо кр[и]си́ровать, *нейтри́но*, *перейти́*, *перейде́т*, *рейдиро́вать*, *сейсмиче́ский*;
- 1.2.2.2. Во втором предударном слоге
- 1.2.2.2.1. Перед твёрдым согласным
- 1.2.2.2.1.1. В более употребительных словах
- 1.2.2.2.1.1.1. В первом слоге слова — [й], в беглой речи возможен нуль звука: *кейфовáть* — к[ий]фовáть, в беглой речи возможно к[и]фовáть, *клейкови́на*, *лейбори́ст*, *лейкоци́ты*, *пейзажи́ст*, *рейдови́к*, *сейсмогра́фия*;
- 1.2.2.2.1.1.2. Не в первом слоге слова — [й] и допустимо нуль звука: *волейболи́ст* — вол[ий]боли́ст и допустимо вол[и]боли́ст;
- 1.2.2.2.1.2. В редких словах — [й]: *фейхоá* — фе[й]хоá;
- 1.2.2.2.2. Перед мягким согласным — [й] и нуль звука: *лейтена́нт* — л[ий]тена́нт и л[и]тена́нт, *лейкеми́я*;
- 1.2.2.3. В третьем предударном слоге — [й] и нуль звука: *лейкоцитóз* — л[ий]коцитóз и л[и]коцитóз, *нейтралитéт*;
- 1.2.3. После э в начале слова
- 1.2.3.1. [й]: *эйдéтик* — э[й]дéтик, *эйдéтика*, *эйдети́зм*, *эйдоло́гия*, *эйдофо́р*;
- 1.2.3.2. [й] и нуль звука: *эйблефа́р* — э[й]блефа́р и э[-]блефа́р, *эйджеи́зм*, *эйкуме́на*, *эйфори́я*, в некоторых именах собственных: *Эйзени́тейн*, *Эйзенха́уер*, *Эйду́кявичус*; и образованных от них прилагательных: *эйзени́тейновский*, *эйзенха́уровский*;
- 1.2.3.3. Нуль звука (перед шумным и сонорным согласным) в некоторых фамилиях: *Эйни́тейн* — Э[-]ни́тейн, *Эйдельма́н*,

названиях городов Голландии *Эймёйден*, *Эйнхóвен*; и образованных в честь А. Эйнштейна названиях единицы энергии *эйнштéйн*, химического элемента *эйнштéйний*, в прилагательном *эйнштéйновский*;

1.2.4. После остальных гласных

1.2.4.1. Перед ударным слогом

1.2.4.1.1. Обычно — [и̣]: *айва́* — а[и̣]ва́, *дюймóвка*, *бойка́*, *бойки́*, *бойцы́*, *ойрóт*, *пойду́*, *тайкóм*, *уйду́т*, *уйгур*, *яйцо́*;

1.2.4.1.2. [и̣], в беглой речи возможен нуль звука в формах слов *пойти́*, *перейти́*, *уйти́* перед мягким согласным: *пойти́* — п[а̣и̣]ти́, в беглой речи возможно п[а̣]ти́, *пойдёт*, *пойди́*, *пойдите* и т. д.;

1.2.4.2. Перед безударным слогом

1.2.4.2.1. Перед твёрдым согласным — [и̣]: *аймако́вый* — а[и̣]мако́вый, *войсково́й*, *ойкуме́на*, *яйцевидный*;

1.2.4.2.2. Перед мягким согласным — [и̣], в беглой речи возможно нуль звука: *айкидо́* — [а̣и̣]кидо́, в беглой речи возможно [а̣]кидо́, *айкидоист*, *оймяко́нский*;

2. Перед л, м, н, р

2.1. В неконечном слоге

2.1.1. Перед одним согласным

2.1.1.1. Перед твёрдым сонорным согласным

2.1.1.1.1. Обычно — [и̣]: *кайло́* — ка[и̣]ло́, *взаимы́*, *клеймо́*, *аварийный*, *война́*, *во́йны*, *са́йра*;

2.1.1.1.2. [и̣], в беглой речи возможен нуль звука: *нейло́н* — не[и̣]ло́н, в беглой речи возможно не[-]ло́н, *нейлоновый*;

2.1.1.2. Перед мягким сонорным согласным

2.1.1.2.1. [и̣], в беглой речи возможен нуль звука: *затéли-вый* — зат[éи̣]ли-вый, в беглой речи возможно зат[é]ли-вый, *фрэйлина*, *кле́йми́ть*, *та́йминг*, *кофе́йник*, *контéйнер*;

2.1.1.2.2. [и̣], на его месте [л'] и нуль звука: *ротвéйлер* — ротв[éи̣]лер, *ротв[éл']лер* и *ротв[é]лер*, *трéйлер*;

2.1.2. Перед группой согласных

2.1.2.1. После ударного гласного

2.1.2.1.1. Перед твёрдым сонорным согласным — [и̣] и [и]: *ма́йникий* — ма́[и̣]никий и ма́[и]никий, *ре́ймский*, *ре́йнджер*, *по́интер*;

2.1.2.1.2. Перед мягким сонорным согласным — нуль звука: *коктéльный* — коктé[-]льный;

2.1.2.2. После безударного [и] — нуль звука: *ре́йнвéйн* — р[и̣]нвéйн;

2.2. В конечном слоге

2.2.1. Перед твёрдым сонорным согласным — [и]: *файл* — *фа[и]л*, *фрискáйл*, *сто́йл*, *та́йм*, *кле́йм*, *се́йм*, *дю́йм*, *бассе́йн*, *рейн-вё́йн*, *во́йн*, *ка́йр*, *эсква́йр*;

2.2.2. Перед мягким сонорным согласным

2.2.2.1. В более употребительных словах — [и̣] и допустимо нуль звука: *коктéйль* — *коктé[и̣]ль* и допустимо *коктé[-]ль*;

2.2.2.2. В менее употребительных словах — [и̣]: *газбóль* — *газбó[и̣]ль*, *гриза́йль*, *рока́йль*;

3. Перед /j/, обозначенной буквами ю, я

3.1. После ударного гласного — [и̣] и нуль звука: *ва́йя* — *ва́[и̣]я* и *ва́[и̣]а*, *ва́йю*, *ма́йя*, *ма́йю*, *папа́йя*, *пира́йя*, *ра́йя*, *тупа́йя*, *парано́йя*, *секво́йя*, *алилу́йя*, *мараку́йя*;

3.2. После безударного гласного — нуль звука: *райя́ты* — *ра[-]я́ты*, *райя́твáри* — *ра[и̣]твáри*.

IV. В позиции CjГ — после согласного перед гласным, где фонема /j/ вместе со следующими гласными фонемами обозначается буквами е, ё, ю, я, и, перед которыми стоят ь или ъ.

В предударной части слова

1. После твёрдого согласного

1.1. Перед ударным гласным — [j]: *подъéхать* — *под[j]éхать*, *о ружьё*, *вьётся*, *разъём*, *ружьё*, *бью*, *конъю́нкция*, *шью*, *отъяв-ленный*, *мышья́к*;

1.2. Перед гласным 1-го предударного слога — [и̣]: *отъезжа́ть* — *от[и̣]езжа́ть*, *подъедáть*, *разъездно́й*, *ружьёцо́*, *выюно́к*, *конъюнк-ту́ра*;

1.3. Перед гласным 2—3-го предударного слога:

1.3.1. После губных согласных — [и̣]: *объедини́ть* — *об[и̣]еди-ни́ть*; *субъективиз́м*;

1.3.2. После зубных согласных

1.3.2.1. Перед е

1.3.2.1.1. После приставки *раз-* — [и̣] и допустимо нуль звука: *разъедини́ть* — *раз[и̣]дини́ть* и допустимо *раз[ы̣]ди-ни́ть*, *разъерепени́ться*;

1.3.2.1.2. После приставок *от-*, *под-* — [и̣], в беглой речи возможен нуль звука: *отъедине́ние* — *от[и̣]дине́ние*, в беглой речи возможно *от[ы̣]дине́ние*, *подъесаул*;

1.3.2.2. Перед ю, я — [и̣]: *отъюсти́ровать* — *от[и̣]юсти́ровать*, *подъягодичный*;

2. После мягкого согласного

2.1. Перед ударным гласным

2.1.1. После группы согласных

2.1.1.1. В более употребительных словах

2.1.1.1.1. Элементарной структуры — [j] и допустимо нуль звука: *интервью* — *интерв[jú]* и допустимо *интерв[’у]*, *компьютер*, *крестьянский*, *шестью*;

2.1.1.1.2. В первой основе сложного слова — нуль звука и допустимо [j]: *шестьюдесятью* — *шест[’у]десятью* и допустимо *шест[jú]десятью*;

2.1.1.2. В менее употребительных словах

2.1.1.2.1. После щелевых согласных

2.1.1.2.1.1. В односложных и двусложных словах — [j]: *мсье* — *мс[j]é*, *лансье*;

2.1.1.2.1.2. В многосложных словах — [j], в беглой речи возможен нуль звука: *конферансье* — *конферанс[jé]*, в беглой речи возможно *конферанс[’э]*, *консьержка*;

2.1.1.2.2. После взрывных согласных — [j]: *звездье* — *звезд[jó]*, *портьера*, *рантье*.

2.1.2. После одного согласного

2.1.2.1. В словах элементарной структуры

2.1.2.1.1. Перед *e, ё, o, ю, я*

2.1.2.1.1.1. Перед гласным корня

2.1.2.1.1.1.1. В первом слоге слова во всех словоформах

2.1.2.1.1.1.1.1. Обычно — [j]: *бьеф* — *б[j]еф*, *бьефа...*, *дьак*, *кьянти*, *фьорд*;

2.1.2.1.1.1.1.2. В слове *бьюик* — *б[’у]ик* и допустимо *б[jú]ик*;

2.1.2.1.1.1.2. В других слогах слова

2.1.2.1.1.1.2.1. В конечном открытом слоге — [j]: *ателье* — *ател[j]é*, *досье*, *крупье*, *курабье*, *шансонье*;

2.1.2.1.1.1.2.2. В конечном закрытом слоге и в неконечном слоге при отсутствии за ним суффикса — [j], в беглой речи возможен нуль звука: *барьер* — *бар[j]ёр*, в беглой речи возможно *бар[’э]р*, *барьера*, *барьеру...*, *бульон*, *навильон*, *пасьянс*, *синьор*; *бандерильеро*, *премьеро*;

2.1.2.1.1.1.2.3. В неконечном слоге при наличии за ним суффикса — [j] и допустимо нуль звука: *бульончик* —

- бул[ʲó]нчик и допустимо бул[ʲó]нчик, павильо́нчик, воробья́тник;
- 2.1.2.1.1.2. Перед гласным окончания во всех словоформах
- 2.1.2.1.1.2.1. Обычно [j]: *бью* — б[ʲ]у́, *бьёшь...*, *дубьё*, *дубья́...*, *ладья́*, *ладья́...*, *ничья́...*;
- 2.1.2.1.1.2.2. В формах слова *чей* — [j], в беглой речи возможен нуль звука: *чья* — ч[ʲ]а], в беглой речи возможно ч[ʲ]а], *чьей*, *чьё*;
- 2.1.2.1.2. Перед *и*
- 2.1.2.1.2.1. В конечном открытом слоге — [j], в беглой речи возможен нуль звука: *бады́* — бад[ʲ]и́], в беглой речи возможно бад[ʲ]и́], *воробьи́*, *свиньи́*, *статьи́*, *чи́и*, *ничьи́*;
- 2.1.2.1.2.2. В конечном закрытом и неконечном слоге — [j] и допустимо нуль звука: *чи́их* — ч[ʲ]и́]х и допустимо ч[ʲ]и́]х, *ничьи́х*, *чьи́ми*, *ничьи́ми*, *воробьи́ха*, *воробьи́шко*, *варьи́ровать*;
- 2.1.2.2. В словах сложной структуры
- 2.1.2.2.1. В начале корня после приставки — [j]: *въезд* — в[ʲ]езд, *въявь*, *изъеденный*, *объёдки*, *объёрзать*, *объявленый*, *разъезд*, *разъёзжий*, *съёжиться*, *съябедничать*;
- 2.1.2.2.2. В первой основе сложного слова — нуль звука и допустимо [j]: *пятью́десятью* — пят[ʲ]у́]десятью и допустимо пят[ʲ]у́]десятью, *семью́десятью*.
- 2.2. Перед гласным 1-го предударного слога
- 2.2.1. В первом слоге слова
- 2.2.1.1. После приставки — [ɨ]: *въездной* — в[ɨ]ездной, *съедобный*, *съявится*, *сютится*;
- 2.2.1.2. Внутри корня
- 2.2.1.2.1. В более употребительных словах — [ɨ], в беглой речи возможен нуль звука: *вьюно́к* — в[ɨ]уно́к, в беглой речи возможно в[ʲ]уно́к, *пьянчужка*;
- 2.2.1.2.2. В более редких словах — [ɨ]: *бьенна́ле* — б[ɨ]енна́ле;
- 2.2.2. Во втором слоге слова
- 2.2.2.1. После приставки — [ɨ]: *безъязыкий* — без[ɨ]языкий, *изъявить*, *разъеда́ть*, *объявить*;
- 2.2.2.2. После приставки, выделяемой лишь исторически или выделение которой затруднено — [ɨ] и допустимо нуль звука: *изъявительное* (наклонение) — из[ɨ]вительное и допустимо из[ʲ]вительное, *изъясня́ться*, *объявление*, *объяснение*;
- 2.2.2.3. Внутри корня

- 2.2.2.3.1. После смычных шумных согласных и *p* — [ɨ] и допустимо нуль звука: *объектив* — об[ɨ]ктив и допустимо об[ɨ]ктив, *варьете́*;
- 2.2.2.3.2. После щелевых и смычных сонорных согласных — нуль звука и допустимо [ɨ]: *гильотина* — гил[ʔа]тина и допустимо гил[ɨа]тина, *конъюнктура*, *пеньюар*, *синьорина*;
- 2.2.3. В третьем слоге слова
- 2.2.3.1. После смычных шумных согласных — [ɨ] и нуль звука: *необъективный* — необ[ɨ]ктивный и необ[ɨ]ктивный;
- 2.2.3.2. После щелевых согласных — нуль звука: *интервьюировать* — интерв[ʔу]ировать.
- 2.3. Перед гласным 2-го предударного слога — [ɨ] и нуль звука: *конъюнктивит* — кон[ɨу]нктивит и кон[ʔу]нктивит, *объединение*, *разъединить*, *разъерепениться*, *субъективизм*.

В заударной части слова

В конце основы существительных и глаголов

1. После твёрдого согласного — [ɨ]: *удушьё* — удуш[ɨ]е; *безденежье*; *ветвью*, *цёрковью*, *вёрфью*, *насыпью*, *особью*, *раздუმье*; *вышью*, *вышьешь*; *выпью*, *выбьет*.
2. После мягкого согласного
- 2.1. В 1-м заударном слоге при отсутствии предударных
- 2.1.1. После группы согласных
- 2.1.1.1. В конечном слоге слова
- 2.1.1.1.1. В открытом слоге
- 2.1.1.1.1.1. После *ц* — *толицью* — тол[ш'ɨ]у и допустимо тол[ш'ш'у] и тол[ш'у];
- 2.1.1.1.1.2. После других согласных — [ɨ] и нуль звука: *ветвью* — ветв[ɨу] и ветв[ʔу], *вёрфью*, *счастье*, *смертью*, *сельдью*, *гроздья*, *чёрнью*, *мыслью*, *жёлчью*;
- 2.1.1.1.2. В закрытом слоге — нуль звука и допустимо [ɨ]: *счастьем* — счаст[ɨ]м и допустимо счаст[ɨи]м, *грозда́м*;
- 2.1.1.2. В неконечном слоге слова — нуль звука: *грозда́ми* — грóзд[ɨ]ми;
- 2.1.2. После одного согласного
- 2.1.2.1. В конечном открытом слоге слова
- 2.1.2.1.1. Перед окончаниями *-ю*, *-я*, а также *-е* в формах И. и В. падежей ед. числа

- 2.1.2.1.1.1. После *щ* — [ш'и̣] и [ш'ш'] и допустимо [ш'ш'и̣]: *вѣщью* — *вѣ[ш'и̣у]* и *вѣ[ш'ш'у]* и допустимо *вѣ[ш'ш'и̣у]*, *мощью*;
- 2.1.2.1.1.2. После других согласных — [и̣]: *крѡвью* — *крѡв[и̣]ю*, *кѡпья*, *дрѡбью*, *кѡмья*, *брѡсья*, *вязью*, *платье*, *грудью*, *пѣнье*, *зѣлье*, *гáрью*, *сѹчья*; *вѣтъю*, *вѣбью*, *вѣлью*;
- 2.1.2.1.2. Перед окончаниями *-и*, а также *-е* в формах Д. и П. падежей ед. числа — [и̣], в беглой речи возможен нуль звука: *сѣмьи* — *сѣм[и̣и]*, в беглой речи возможно *сѣм[и]*, *свѣньи*, *чѣрьи*, *платье*, *кѣлье*;
- 2.1.2.2. В конечном закрытом слого слова
- 2.1.2.2.1. После *н* — [н'и̣] и допустимо [н'н'] и [н']: *свѣньям* — *свѣ[н'и̣]ям* и допустимо *свѣ[н'н']ям* и *свѣ[н']ям*, *клѣнцев*, *лѣуньях*;
- 2.1.2.2.2. После других согласных — [и̣], в беглой речи возможен нуль звука: *кѡпьям* — *кѡп[и̣э]м*, в беглой речи возможно *кѡп[н'э]м*, *сѣмьям*, *брѡсьям*, *платьем*, *сѹдьям*, *кѡльев*, *крѡчьев*; *вѣпьет*, *вѣбьем*, *вѣльет*;
- 2.1.2.3. В неконечном слого слова
- 2.1.2.3.1. Перед окончанием
- 2.1.2.3.1.1. После губных согласных — [и̣] и допустимо нуль звука: *хлѡпьями* — *хлѡп[и̣и]ми* и допустимо *хлѡп[и]ми*, *сѣмьями*; *вѣпьете*, *вѣбьете*;
- 2.1.2.3.1.2. После зубных согласных и *ч* — [и̣] и допустимо произношение на его месте того же согласного, что и перед ним, и нуль звука: *брáтъями* — *брá[т'и̣]ями* и допустимо *брá[т'т']ями* и *брá[т']ями*, *сѹдьями*, *брѡсьями*, *свѣньями*, *кѡльями*, *крѡчьями*; *вѣльете*;
- 2.1.2.3.2. Перед суффиксами *-иц(е)*, *-ишк(о)* — нуль звука: *плáтъице* — *плáт[и̣]це*, *здáньице*, *плáтъишко*.
- 2.2. В 1-м заударном слого при наличии предударных
- 2.2.1. После группы согласных
- 2.2.1.1. В конечном слого слова
- 2.2.1.1.1. В открытом — [и̣] и нуль звука: *болѣзнью* — *болѣзн[и̣у]* и *болѣзн[у]*, *захолѹстье*, *напáстья*;
- 2.2.1.1.2. В закрытом — нуль звука и допустимо [и̣]: *захолѹстьем* — *захолѹст[и̣]м* и допустимо *захолѹст[и̣и]м*;
- 2.2.1.2. В неконечном слого слова — нуль звука: *захолѹстьями* — *захолѹст[и̣]ми*;

2.2.2. После одного согласного

2.2.2.1. В конечном открытом слоге слова

2.2.2.1.1. Перед окончаниями *-ю, -я*, а также *-е* в формах И. и В. падежей ед. числа

2.2.2.1.1.1. В более употребительных словах

2.2.2.1.1.1.1. После щелевых согласных, *н* и *ч* — [и] и допустимо произношение на его месте того же согласного, что и перед ним, и нуль звука: *морко́вью* — *морко́в[и]у* и допустимо *морко́в[в'у]* и *морко́в[’у]*, *полёсье*, *взаимосвя́зью*, *весёлье*, *колду́нья*, *запéчье*;

2.2.2.1.1.1.2. После других согласных — [и], в беглой речи возможно нуль звука: *лесостéпью* — *лесостéп[и]у*, в беглой речи возможно *лесостéп[’у]*, *исподло́бья*, *лохмо́тья*, *тетра́дью*, *лазу́рью*;

2.2.2.1.1.2. В менее употребительных словах — [и]: *полуя́вью* — *полуя́в[и]у*, *отрё́бье*, *разду́мья*, *фельдсв́язью*, *лихолéтье*, *просто́наро́дье*, *цитаде́лью*, *дуэ́нья*, *пове́рье*, *пограни́чье*;

2.2.2.1.2. Перед окончаниями *-и*, а также *-е* в формах Д. и П. падежей ед. числа — [и] и допустимо нуль звука: *зимóвье* — *зимóв[иэ]* и допустимо *зимóв[’э]*, *кута́фьи*, *безры́бье*, *предзи́мье*, *ола́ды*, *глазу́ни*, *эскадри́льи*, *плоскогóрье*, *порéчье*;

2.2.2.2. В конечном закрытом слоге слова

2.2.2.2.1. После щелевых согласных, *н* и *ч* — [и] и допустимо произношение на его месте того же согласного, что и перед ним, и нуль звука: *здоров́ьем* — *здоров[и]м* и допустимо *здоров[в’и]м* и *здоров[и]м*, *коло́сьям*, *поло́зьям*, *ущё́льям*, *созда́ньям*, *обли́чьем*;

2.2.2.2.2. После других согласных — [и] и допустимо нуль звука: *отрё́пьем* — *отрёп[и]м* и допустимо *отрёп[и]м*, *отрё́бьем*, *разду́мьям*, *пово́дьям*, *предгóрьям*;

2.2.2.3. В неконечном слоге слова

2.2.2.3.1. Перед окончанием *-ями*

2.2.2.3.1.1. После зубных согласных, *в* и *ч* — [и] и допустимо произношение на его месте того же согласного, что и перед ним, и нуль звука: *верхóвьями* — *верхóв[и]ми* и допустимо *верхóв[в’и]ми* и *верхóв[и]ми*, *коло́сьями*, *поло́зьями*, *лохмо́тьями*, *пово́дьями*, *ущё́льями*, *корё́ньями*, *обли́чьями*;

2.2.2.3.1.2. После других согласных — [и] и допустимо нуль звука: *отрё́пьями* — *отрёп[и]ми* и допустимо *отрёп[и]ми*, *отрё́бьями*, *разду́мьями*, *плоскогóрьями*;

2.2.2.3.2. Перед суффиксами *-иц(е)*, *-ишк(о)* — нуль звука и допустимо произношение на его месте того же согласного, что и перед ним: *здоровьице* — *здоров[и]це* и допустимо *здоров[в'и]це*, *печёньице*, *раздольице*, *строёньице*, *здоровьишко*, *платьишко*.

2.3. Во 2–3-м заударном слоге

2.3.1. После группы согласных — [й] и нуль звука: *вечностью* — *вечност[йу]* и *вечност[’у]*, *промышленностью*, *скатертью*, *пробжелтью*, *водорослью*;

2.3.2. После одного согласного

2.3.2.1. Перед окончаниями *-ю*, *-я*, *-ям*, *-ях*, а также *-е* в формах И. и В. падежей ед. числа

2.3.2.1.1. После *щ* — [ш’й] и [ш’ш’] и допустимо [ш’]: *помощью* — *помо[ш’йу]* и *помо[ш’ш’у]* и допустимо *помо[ш’у]*;

2.3.2.1.2. После других согласных — [й] и допустимо нуль звука: *церковью* — *церков[йу]* и допустимо *церков[’у]*, *насыпью*, *прубью*, *снадобье*, *снадобья*, *снадобьям*, *снадобьях*, *озимью*, *рукописью*, *коновязью*, *двенадцатью*, *колотье*, *бчередью*, *пригородье*, *плесенью*, *ополаскиванье*, *ополаскиванья*, *ополаскиваньям*, *ополаскиваньях*, *оттепелью*, *уголья*, *матерью*, *горечью*, *узорочье*, *узорочья*, *узорочьям*, *узорочьях*;

2.3.2.2. Перед окончаниями *-и*, *-ем*, а также *-е* в формах Д. и П. падежей ед. числа — [й] и нуль звука: *игуменьи* — *игумен[йи]* и *игумен[и]*, *игуменье*, *снадобьем*, *снадобье*, *колотьем*, *колотье*, *пригородьем*, *пригородье*, *беганьем*, *беганье*, *баюканьем*, *баюканье*, *ополаскиваньем*, *ополаскиванье*, *угольем*, *уголье*, *узорочьем*, *узорочье*;

2.3.2.3. Перед окончанием *-ями* — нуль звука и допустимо [й]: *снадобьями* — *снадоб[йи]ми* и допустимо *снадоб[и]ми*, *игуменьями*; *ополаскиваньями*, *угольями*, *узорочьями*;

2.3.2.4. Перед суффиксами *-иц(е)*, *-ишк(о)* — нуль звука: *снадобьице* — *снадоб[и]це*, *жалованьице*, *жалованьишко*.

В прилагательных и числительном с суффиксом -j- и образованных от них наречиях с приставкой по- и суффиксом -ji

В прилагательных

1. В первом заударном слоге

1.1. В конечном открытом слоге

1.1.1. После группы согласных — нуль звука и допустимо [й]: *волчье* — *волч[э]* и допустимо *волч[йэ]*, *волчья*, *волчью*, *волчи*;

1.1.2. После одного согласного

1.1.2.1. После *и, ж*

1.1.2.1.1. Перед окончаниями *-ю, -я*, а также *-е* в формах И. и В. падежей ед. числа — [и̣] и допустимо нуль звука: *пастушье* — *пастуш[и̣]э* и допустимо *пастуш[э]*, *пастушью*, *медвѣжье*, *медвѣжья*;

1.1.2.1.2. Перед окончаниями *-и*, а также *-е* в формах Д. и П. падежей ед. числа — [и̣], в беглой речи возможен нуль звука: *пастушьи* — *пастуш[и̣]и*, в беглой речи возможно *пастуш[ы]*, *пастушье*, *медвѣжи*, *медвѣжье*;

1.1.2.2. После других согласных — [и̣] и допустимо нуль звука: *вдовье* — *вдов[и̣]э* и допустимо *вдов[’э]*, *вдовью*, *вдовья*, *вдовьи*; *холопье*, *бабье*, *лисье*, *козье*, *скотье*, *кобылье*, *оленье*, *комарье*, *казачье*;

1.2. В конечном закрытом и неконечном слоге

1.2.1. После группы согласных — нуль звука: *волчьего* — *волч[и̣]го*, *волчьему*, *волчьим*, *волчьими*;

1.2.2. После одного согласного — [и̣] и нуль звука: *пастушьего* — *пастуш[и̣]и̣го* и *пастуш[э]го*, *медвѣжьего*; *вдовьего* — *вдов[и̣]и̣го* и *вдов[и̣]го*, *холопью*, *бабьим*, *лисьем*, *козьей*, *скотых*, *кобыльим*, *оленьими*, *комарьего*, *казачьего*;

2. Во втором заударном слоге — [и̣] и нуль звука: *бѣличье* — *бѣлич[и̣]э* и *бѣлич[э]*, *бѣличья*, *бѣличью*, *бѣличьи*, *выхухолье*, *коришунье*.

В формах числительного *третий*

1. В конечном открытом слоге — [и̣] и допустимо нуль звука: *третье* — *трѣт[и̣]э* и допустимо *трѣт[’э]*, *третья*, *третью*, *третьи*;

2. В конечном закрытом и неконечном слоге — нуль звука: *третьим* — *трѣт[и̣]м*, *третьем*, *третьих*; *третьего*, *третьему*, *третьими*.

В наречиях

1. В 1-м заударном слоге

1.1. При одном предударном слоге

1.1.1. После группы согласных [и̣] и нуль звука: *по-волчьи* — *по-волч[и̣]и* и *по-волч[и]*;

1.1.2. После одного согласного — [и̣]: *по-вдовьи* — *по-вдов[и̣]и*, *по-бабьи*, *по-лисьи*, *по-козьи*, *по-бычьи*;

1.2. При двух предударных слогах

1.2.1. После группы согласных — нуль звука и допустимо [и̣]: *по-монаршии* — *по-монарш[ы]* и допустимо *по-монарш[и̣]и*;

1.2.2. После одного согласного

1.2.1.1. После *ч* — [й] и нуль звука: *по-собáчьи* — *по-со-бáч[йи]* и *по-собáч[и]*;

1.2.1.2. После других согласных — [й] и допустимо нуль звука: *по-монáшьи* — *по-монáш[йи]* и допустимо *по-монáш[ы]*, *по-медвѣжьи*; *по-сынóвьи* — *по-сынóв[йи]* и допустимо *по-сынóв[и]*, *по-шакáльи*, *по-олѣньи*;

1.3. При трёх предударных слогах — [й] и нуль звука: *по-чере-пáшьи* — *по-черепáш[йи]* и *по-черепáш[ы]*; *по-обезьяньи* — *по-обезьян[йи]* и *по-обезьян[и]*, *по-поросячьи*;

2. Во 2-м заударном слоге — нуль звука и допустимо [й]: *по-зá-чьи* — *по-зáч[йи]* и допустимо *по-зáч[и]*, *по-девчóночьи*.

V. В позиции Гj# — после гласного в конце слова, где фонема /j/ обозначается буквой *й*.

1. После ударного гласного

1.1. После *и* — [й], в беглой речи возможен нуль звука: *змий* — *зм[йи]*, в беглой речи возможно *зм[и]*, *кий*, *чий*;

1.2. После других гласных — [й]: *май* — *ма[й]*, *клей*, *свой*, *валуй*, *лентяй*;

2. После безударного гласного

2.1. После [и]

2.1.1. Стоящего после гласного — нуль звука: *тонкошѣий* — *тон-кошѣ[и]*, *стáей*, *истóрией*;

2.1.2. Стоящего после согласного — [й], в беглой речи возможен нуль звука: *гѣний* — *гѣн[йи]*, в беглой речи возможно *гѣн[и]*, *натрий*, *литий*, *сѣний*, *грѣмкий*, *курящий*; *иней*, *улей*, *чирей*;

2.2. После [ы] — [й], в беглой речи возможен нуль звука: *гáзовый* — *гáзов[йи]*, в беглой речи возможно *гáзов[ы]*, *дóбрый*, *ис-тинный*, *кóванный*, *лúnный*, *рáненный*, *стáрый*;

2.3. После других гласных — [й]: *ходáтай* — *ходáта[й]*, *сѣлой*, *по-жáлуй*.

4.2. Инициальный йот перед [и]

Звуковая материя находится в постоянном движении, наглядным свидетельством чего являются процессы, происходящие с реализациями фонемы /j/ в русском языке. Можно сказать, что *j* в русском языке наиболее лабильный согласный. Об этом свидетельствуют и факты диахронии, и современное состояние реализации фонемы /j/.

Даже если ограничиться только одной позицией — положением /j/ перед /и/ в начале слова, то получим довольно сложную картину.

В XVIII в. перед инициальным [и] в местоимениях *им, ими, их* произносился протетический [j]. М. В. Панов пишет: «Перед местоимениями *им, их, ими* шествовал йот. Может быть, йотирование перед [и] было шире распространено (разрядка моя. — Р. К.), чем в языке позднейших периодов. Примем во внимание свидетельство И. В. Паузе: «...*ересь* — читают *jeres*, *история* — читают *jistoria*» [Панов 1990: 377]. Это замечание М. В. Панова послужит отправной точкой для нижеследующего небольшого исследования.

Мы исходим из предположения М. В. Панова, что инициальный йот был распространен шире. Это подтверждается такими написаниями заимствованных слов, как *гистория, гишпанский*, так же как *генварь* и варьированием начальных букв в таких словах, как *гегмон — гегемон, идальго — гидальго, ипподром — гипподром, иероглиф — гиероглиф, герань — ерань*⁵, *герой — ирѳѳ*⁶, в именах, например, по наблюдению В. Н. Татищева, греческие имена *Иероним, Елена* могли передаваться как *Героним, Гелена* и др. Написание *Геракл* чередуется с *Иракл*.

В текстах новгородских берестяных грамот есть случаи такой же графической передачи инициального [j] и в исконно русских словах: Гюрятинъ — *Юрятин*, Гюрьгевичъ — *Юрьевич* [Зализняк 2004: 729]. Имя *Георгий* и производные от него передаются в берестяных грамотах следующим образом: герьгии, герьги [Там же: 724], июрьи, июра, июрьевъ [Там же: 748] и юрьги, юрьгии [Там же: 820].

О том, что с помощью буквы *г* перед гласными переднего ряда передавался звук [j], см. [Касаткин 1968: 51]. По мнению исследователя, это написание отражало существование в русской звуковой системе XVIII в. фрикативного [ɣ] наряду с [r].

⁵ Написание *ерань* неоднократно отмечено нами в текстах И. С. Тургенева, а также, по данным Национального корпуса русского языка, у И. А. Гончарова и И. И. Панаева.

⁶ В Национальном корпусе русского языка есть многочисленные случаи написания *ирѳѳ*. У писателей XVIII в. (Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, И. И. Лажечникова, М. Д. Чулкова, А. И. Богданова) это слово употребляется без иронической окраски, в противоположность его использованию с иронией и даже с сарказмом в текстах более позднего времени: у И. С. Тургенева, В. М. Гаршина, М. И. Цветаевой и др. Это положение может служить одним из доказательств утраты в литературном языке XIX в. фонемы /ɣ/.

Другая точка зрения по этому поводу была высказана в устном сообщении С. С. Высотским: согласно его мнению, написание *z* перед гласными *и*, *е* в заимствованиях было свидетельством наличия фрикативного [ɣ] не в системе русского языка того времени, а лишь в одной из подсистем — в речи представителей духовенства, поскольку именно они занимались первоначальным переводом текстов с других языков на русский. В их произношении слово *гистория* звучало как [ɣ'^ʔистóрия, гидальго как [ɣ'^ʔидáльго, гишпанский как [ɣ'^ʔишпáнский и т. д., где [ɣ'^ʔ] = [j], см. об этом [Касаткин 1968: 51]. Так же считает и М. В. Панов: написание *z* в начале слова перед гласными в заимствованиях «были отражением произносительных намерений наших книжников» (разрядка моя. — Р. К.) [Панов 1990: 99]. Принадлежность «книжников» к бывшим семинаристам сомнений не вызывает.

Многочисленные свидетельства существования инициальной йотовой протезы находим в материалах новгородских берестяных грамот; см. [Зализняк 2004]. Об этом говорят такие написания, как *юванъ, ювановъ (Иван, Иванов), юмати (имáть)*, приведенные выше написания имени *Георгий* и производных от него.

В распоряжении древненовгородских писцов для передачи начального сочетания **ји** была только одна «йотированная» буква — *ю*. Другой способ передачи начального йота — с помощью сочетания букв *ze* использовался только для явных заимствований.

В дальнейшем инициальный /j/ перед /и/ сохранялся в словах русского происхождения и в заимствованиях в течение долгого времени.

Первые лингвистические фиксации произношения инициального *j* перед *и* относятся к концу XIX — началу XX в. Более подробно об этом см. [Панов 1990; Антонова 2008]. В. А. Богородицкий отмечал йотовую протезу перед *и* во многих исконно русских словах, о чём свидетельствуют его записи: *йизвозчик, йизвестно, Йивановна* (перед безударным гласным), *йисподволь* (перед ударным гласным) [Богородицкий 1887: 107]. Он также указывал на произношение протетического *j* в заимствованном слове *интерес* [Там же: 175]. Р. Ф. Брандт записывал произношение *йиздалека, жи* (союз) [Брандт 1892: 181].

Наряду с этим, имеются и противоположные наблюдения: так, Р. Кошутич фиксировал безйотовые реализации начального *и* в словах: *иву, истину, идите, Илья Ильич* [Кошутич 1919]. Такое расхождение эмпирических данных у разных исследователей может свиде-

тельствовать как о неустойчивости положения начального /j/, так и о существовании идиолектных различий в русской речи XIX в.

В истории русского языка известны разные консонантные протезы: кроме *j*, в этой роли выступали согласные *в* (*вѣтка*, *вѣстрый*, *вѣльха*) и *ʔ* — гортанная смычка (*ʔольга*, *ʔѡкна*, *ʔѡкунь*⁷). Консонантная протеза реализовалась либо по принципу артикуляционной близости (*ju*, *je*, *vu*, *vo*), либо по принципу артикуляционного контраста (*ja*, *jo*, *ʔe*, *ʔo*). Перед начальным ударным **и** произносился протетический согласный [j], слабо контрастирующий с гласным переднего ряда верхнего подъема: *ѣмя*, *ѣстина*, *ѣскра*, *ѣзбы* и т. д. (см. рис. 6 и 7).

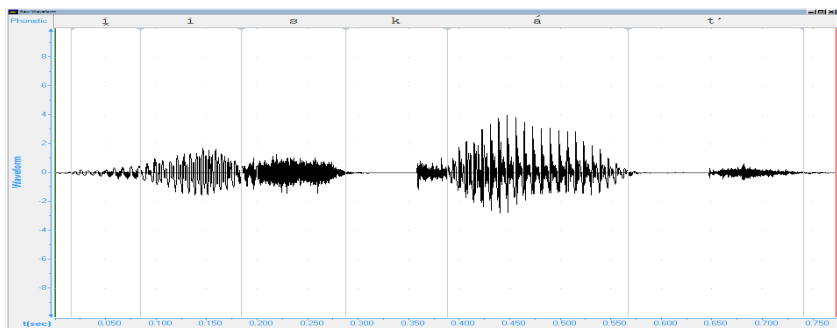

Рис. 6. Осциллограмма слова *искать* с начальным [й].

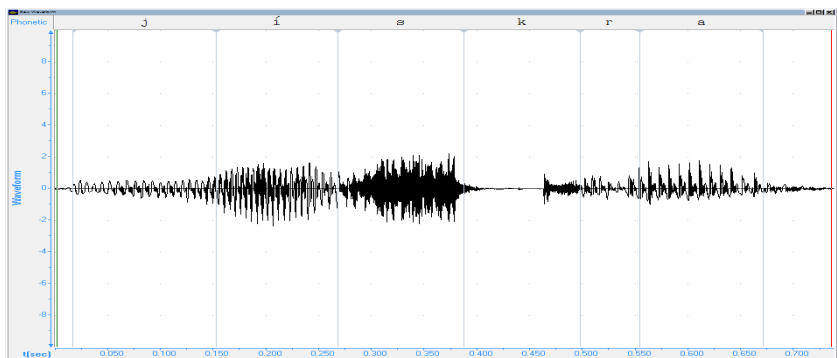

Рис. 7. Осциллограмма слова *искра* с начальным [й].

⁷ См. об этом [Пауфошима 1985: 99—102].

Перед безударным начальным *и* произносился глайд [ɨ], ещё более артикуляционно близкий гласному [и^е]⁸: [ɨ^е]мѣть, [ɨ^е]кѡна, [ɨ^е]гла, [ɨ^е]збá⁹ и т. п.

На рисунках видно, насколько отличается [j] от ударного гласного [и] и насколько близки акустические характеристики глайда [ɨ] к характеристикам безударного гласного [и]. Спектрограмма [j] свидетельствует о наличии в спектре этого согласного высокочастотных шумовых составляющих и об отсутствии формантной структуры. В противоположность этому, в спектре глайда [ɨ] можно проследить намечающуюся формантную структуру и слабую выраженность шумовых составляющих.

Данные о наличии протетического *j* перед инициальным *и* пересекаются с косвенными свидетельствами о протетическом ? (гортанной смычке) в той же позиции. Одним из таких свидетельств может являться характер сандхи в современном русском языке и в большинстве русских говоров. Имеется в виду характер пограничных явлений на стыке предлогов с исходом на согласный + инициальная фонема /и/ следующих слов (*в Индии, с Ирѣной, к ѡве*). В русском литературном языке эти сочетания реализуются по модели [в#ы]-, [с#ы]-, [к#ы]-. Та же произносительная модель существует и в большинстве русских говоров.

Однако в ряде русских говоров, в частности, в вологодских, наряду с общерусской моделью [в ы]збѣ, [с ы]кѡной, [к ы]вáну, отмечено произношение палатализованных согласных в предлогах: [в' и]збѣ, [с' и]кѡной, [к' и]вáну), см. [Пауфошима 1983], что можно расценить как свидетельство о существовании в более раннем состоянии консонантной системы этих говоров разных протетических согласных: в одних случаях, возможно, это была инициальная гортанная смычка¹⁰, в других — инициальный [j]. Можно предположить, что варьирование двух начальных консонантных протез существовало в какое-то время и в литературном русском языке¹¹.

⁸ Согласно Л. Л. Касаткину, /и/ в безударных позициях реализуется как [и^е] [Касаткин 2006: 150].

⁹ Ср., напр., в имитации И. Андроникова произношение имени *Ираклий* с начальным й: [йи]рáклий.

¹⁰ См. также [Добродомов 2002]. Впрочем, появление в русском языке сандхи указанного типа может иметь и другие объяснения.

¹¹ Согласные [j], [ʔ], а также [w], функционально тождественны: одна из их функций — быть протезами или эпентезами. Примеры эпентез: *киѡт*,

Основанием для этого служит взаимозаменяемость согласных [j] и [ʔ] в качестве реализаций фонемы /j/ в современном русском узусе, см. [Касаткина 2008: 348].

Утрата («нулизация»), по М. В. Панову) инициальной фонемы /j/ перед /и/ происходила в литературном языке в несколько этапов. Сначала была затронута безударная позиция: глайд [и] утрачивался в позиции максимальной артикуляционной близости с последующим гласным, т. е. перед начальным безударным [и]: *изба́, игла́, иди́, ико́на, Илья́, ина́че* и т. п., но при этом в позиции перед ударным начальным [и] йотовая протеза ([j]) какое-то время продолжала сохраняться: *jíзбы, jíглы, jíмя, jíнок, jíсподволь, jíстина* и т. п.

Второй этап затронул и эту позицию, инициальный *j* утрачивался, гласный лишался консонантной протезы, слог становился неприкрытым: *íзбы, íглы, íмя, íнок, íсподволь* и т. п. Прикрытый слог продолжал сохраняться только в формах личного местоимения 3-го лица: *jíм, jíми, jíх*. Важно еще раз подчеркнуть, что [j] в рассматриваемой позиции, как и гортанная смычка, никогда не имел письменной фиксации, для этого не существовало специального графического знака (возможно, вследствие артикуляционной близости к гласному [и]), в отличие от сочетаний /je/, /ja/, /ju/, которые в древнерусском языке имели письменные обозначения: **ѣ, ѡ, ю**.

В настоящее время в качестве остаточных явлений можно отметить sporadическое произношение инициального *j* в редко встречающихся позициях, напр., *и jíх дети, и jíми, и jíм* — т. е. в позиции между двумя *и* во внешнем сандхи¹². Например, в одном из радиоинтервью человека, орфоэпический портрет которого не вызывал нареканий, прозвучало: *товары и jíх цены*, в другом интервью было отмечено: *дали jíм денег*. В спонтанной речи были отмечены даже такие словосочетания: *фа́мíлия и jíмя, сараи и jíзбы, снег и jíней* и т. п., где [j] был произнесен не в местоименных формах. Из этих примеров видно, что благоприятной позицией для произношения

ки́от, киво́т, фи́алка, фи́я́лка, ра́дио, ра́дива́. Поскольку эти явления наблюдаются и в других языках, можно отнести их к разряду универсалий (или фреквенталий).

¹² Некоторые актеры, имитирующие речь персонажей XIX в., произносят йотированные формы местоимений и в других фразовых позициях, это наблюдается, например, в речи В. Тихонова (в роли князя Андрея) в фильме С. Ф. Бондарчука «Война и мир».

инициального [j] перед /и/ в современном узусе служит положение после [и].

Можно предположить, что в словоформах *им, их, ими* начальный йот был более устойчив, поскольку он имел определенный фонемный статус, в то время как в других словах это был протетический согласный, не имевший фонемной значимости (не валоризованный, как вслед за Н. С. Трубецким и Р. О. Якобсоном определяет подобные явления Т. М. Николаева [Николаева 2000: 13—14]). Таким же образом можно квалифицировать и другие протетические звуковые единицы.

Указанная последовательность утраты начального *j* сохраняется в некоторых современных архаических говорах, например, в говорах архангельского региона. По устному сообщению О. Г. Гецовой, в них обычно произносится йотированное начальное *и* в слог под ударением: *йízбы, йíмя, йíва, йíскра* и т. д., реже произносится [й] перед начальным [и] в безударном слог. Союз *и*, согласно этому сообщению, в этих говорах также произносится с йотацией: *брáтья йи сёстры*. Местоименные формы *йим, йими, йих* преимущественно не утрачивают начальный *j*. Приведём несколько примеров из [АОС 1980]: *в йихних ййízбах; в нйжней ййизбё не жыто было; до йих жыдь будёш; я с йим розостáлась; она с йим жылá; мышей-то мало йих; она с йим розошлась*¹³ и т. п.

В словаре [Подвысоцкий 1982] отмечен начальный [j] только в форме *ёстинно* (истинно), а также варьирование начальных букв в словах *йрвас — гйрвас* (самец оленя) и *гйгна — йгна* (оленья возжа), что можно расценить как отражение произношения начального йота в заимствованиях.

Д. И. Эдельман принадлежит наблюдение о возможности переноса в истории языка фонетических явлений со словесного уровня на уровень фразы, т. е. с сегментного уровня на суперсегментный, см. об этом [Степанов, Эдельман 1976: 229]. Это положение применимо и к истории инициального *j* перед *и* в русском языке: из сегментной единицы этот согласный превратился в пограничный сигнал, причем факультативный. В этой же функции и в этой же позиции может выступать гортанная смычка (см. [Касаткина 2008: 348]).

В современной русской речи продолжают отмечаться случаи произношения инициального *j* перед *и* в местоимениях. Некоторые

¹³ Пример из телеинтервью писателя Ф. Абрамова, уроженца Архангельской обл.: *У ййзгороди*.

исследователи связывают это с просторечием. Однако, по нашему наблюдению, такие факты возможны и в речи образованных людей. Это подтверждается и наблюдениями других исследователей: в книге [Вещикова: 2007] в расшифровках записей речей деятелей науки и культуры XX в. находим несколько примеров произношения местоимений с начальным *j* [Там же: 149, 153, 177 и др.].

В высказываниях *товары и их цены; фамилия и имя* сегменты *и их* и *и имя* могут быть произнесены следующим образом: с начальным йотом [и *j*ix], [и *j*im'э] и с начальной гортанной смычкой [и *ʔ*ix], [и *ʔ*im'э]. Возможность такой замены, по-видимому, объясняется тем, что исторически функция этих согласных была одинакова: прикрывать начальный гласный (*и, э, а*)¹⁴.

Падение инициальной фонемы /j/ перед другими гласными продолжило процесс «нулизации» анлаутного *j*. Однако в этих позициях он продолжал сохраняться до начала XX в. Развитие йканья, вытесняющего экающее произношение, способствовало утрате начального *j* перед безударными фонемами /e/, /o/, /a/: ср. возможное в слабых фразовых позициях произношение [и^е]дá, [и^е]лóвьий, [и^е]дрó, [и^е]влéние, [и^е]пóнец и др.

Согласно М. В. Панову, йканье вначале овладело московским просторечием. По его наблюдениям, в этой языковой среде оно появилось в начале XIX века. Михаил Викторович пишет: «Это показывают надписи на лубочных картинках. (...) в листах начала XIX в. появляются такие написания: *осидлал, иво просить, не сидись, питухъ, миня, периехаль, по щике, жинихъ*» [Панов 1990: 239]. По мнению исследователя, в литературный язык иканье начало проникать только в конце XIX в. [Там же: 134]. В это время начали фиксироваться и случаи утраты *j* в позиции перед инициальными *e, я: ивѣлся, ѝдро* [Чернышёв 1915: 36]. Однако это были единичные случаи. В середине же XIX в. инициальный *j* не перед *и* еще продолжал сохранять свои позиции. Нормативным было произношение [йи^е]дá, [йи^е]стéственно, [йи^е]дрó, [йи^е]влéние и т. п.

Следующая позиция, в которой *j* начал исчезать, это интервокальная. Так, Р. Ф. Брандт и В. И. Чернышёв в конце XIX — начале XX в. еще отмечают случаи произношения [j] между гласными: *поjѣтъ* [Брандт 1892: 13], *моjѣ* [Чернышёв 1915: 21], но расценивают их как редкие.

¹⁴ Перед инициальными гласными [o] и [y] произносились другие согласные, перед одними [в]: (*вѣтка, вѣстрый, вѣтчим*), перед другими гортанная смычка (*ʔОльга, ʔókна, ʔон, ʔочередь*, см. [Пауфошима 1985]).

При этом неустойчивое равновесие между йотированными и не-йотированными инициальными реализациями фонем /e/, /o/, /a/ сохранялось в течение XX в. и продолжает сохраняться вплоть до нашего времени, см. раздел Л. Л. Касаткина в настоящей монографии, а также [Касаткин, Касаткина 2004].

Безйотовые реализации начальных гласных до сих пор воспринимаются некоторыми представителями старшего поколения интеллигенции эмоционально. Так, например, Н. А. Еськова в своих воспоминаниях об А. А. Реформатском пишет: «Брезгливость вызывало у Сан Саныча произношение с утратой инициального йота: [и³]зы́к, [и³]ло́нский, в особенности с предложениями: [вы³]ло́нском языке» [Йот 2004: 587].

П. С. Кузнецов в середине XX века утрату интервокального *j* в заударной позиции (напр., *не зна́эм, копа́эм, зна́эт, ча́эм, цы́стыэ* и др.) рассматривал как чисто диалектную черту, недопустимую в литературном языке [Кузнецов 1949: 26—27].

Последней «цитаделью» сохранения инициального йота остается позиция перед гласными не-и в слоге под ударением: *ель* [jé], *яблоко* [já], *ёлка* [jó], *юг* [jú]. Однако и в этой «крепости» появилась «брешь»: в современной русской речи отмечены случаи «безйотового» произношения указанных начальных сочетаний, если им предшествуют предлоги, оканчивающиеся на гласный: *по* [э]ли, *на* [á]блоне, *на* [ý]ге и др.

Отмечены также случаи отсутствия начального йота в сочетании /ju/ в безударных слогах: [ý]билéй, [ý]жнёе. И здесь, как и в случае с начальным /ji/, «нулизация» /j/ начинается с позиции максимальной артикуляционной близости: йот прежде всего начинает утрачиваться в положении перед безударным гласным верхнего подъема.

4.3. Экспериментальные данные о реализации фонемы /j/ в некоторых фонетических позициях

1. Фонема /j/ в современном русском литературном языке может реализоваться различными способами. Основные реализации фонемы /j/ описаны в работах Р. И. Аванесова, М. В. Панова, Л. Л. Касаткина. Так, известно, что [j] обычно произносится перед ударным гласным, в других позициях чаще всего произносится [и], а после гласного перед [и] или [и³] фонема /j/ обычно реализуется нулём

звука. Существуют и некоторые другие реализации данной фонемы, а также такие позиции, в которых возможна вариативность реализации фонемы /j/. Однако мнения лингвистов по этому вопросу не всегда совпадают; см. [Аванесов 1956: 186—192; 1972: 89—94; 1984: 121—126; Баринаева 1973: 99; Матусевич 1976: 157; Панов 1979: 108—110; Бархударова 2002: 35; Касаткин 2003: 150—152; 2006: 169—170, 198; Касаткин, Касаткина 2004: 227—236].

Таким образом, позиционное распределение вариантов, представляющих фонему /j/, остается недостаточно изученным. Кроме того, необходимо более подробно исследовать зависимость реализации фонемы /j/ от различных факторов. Для выяснения вопроса, касающегося реализации фонемы /j/ в различных позициях в спонтанной речи носителей русского литературного языка, было проведено исследование, основная задача которого состояла в выявлении закономерностей, связанных с реализацией данной фонемы, а также в описании факторов и условий, влияющих на произношение.

С целью сбора материала было записано на жесткий диск компьютера и прослушано более 50 часов различных телепрограмм и около 10 часов лекций специалистов по русскому языку. Затем на базе этих записей были созданы отдельные звуковые файлы, содержащие анализируемые слова вместе с контекстами. Встретилось 568 слов в 4800 словоупотреблениях.

Звуки, выступающие в этих примерах на месте /j/, были определены по сочетанию слухового анализа с рассмотрением спектрограмм и осциллограмм, полученных с помощью компьютерной программы PRAAT (авторы: Paul Boetsma & David Weenink — Институт фонетических наук Амстердамского университета). Этот анализ показал, что в 86 % из этих словоупотреблений можно достоверно определить, какой звук произносился: [j] — 11 % (528 словоформ), [й] — 44 % (2112 словоформ) или нуль звука — 31 % (1488 словоформ). Однако в 14 % случаев (672 словоформы) представлялось затруднительным определить, какой конкретно звук был произнесён. При этом затруднение при определении на слух реализации фонемы /j/ возникало в примерах, выступающих в позициях после гласного перед согласным, после согласного перед гласным, в конце слова¹⁵.

2. Исходя из этого было принято решение провести эксперимент по восприятию звуков на месте фонемы /j/ носителями русского ли-

¹⁵ Более подробно изложению результатов этого исследования будет посвящена отдельная работа.

тературного языка. Целью предпринятого исследования было создание методики, позволяющей определить границы, выраженные в цифрах, в пределах которых звуки, произнесённые в конкретных примерах на месте фонемы /j/, опознаются хорошо, опознаются с трудом и не опознаются.

Для этого была подобрана 21 минимальная пара слов, различающихся наличием или отсутствием фонемы /j/. Сами пары отличались местом ударения, количеством слогов, частотой употребления. Четыре слова были созданы искусственно (*лёкарья*, *ко́шатю* — *ко́шатью* и *хму́рюю*). Рассматривались позиции, представляющие наибольшее затруднение:

1) после ударного гласного перед согласным: *ба́ки* и *ба́йки*, *кра́не* и *кра́йне*, *не зна́ки* и *незна́йки*, *ле́те* и *ле́йте*, *Пе́те* и *пе́йте*, *ре́ки* и *ре́йки*, *со́ки* и *со́йки*, *сто́ки* и *сто́йки*;

2) после согласного перед гласным: а) перед ударным гласным: *крупé* и *крупьé*, *сесть* и *съесть*; б) перед безударным гласным [а]: *го́стя* и *го́стья*, *лёкаря* и *лёкарья*, *ло́ся* и *ло́сья*, *не На́стя* и *ненáстья*, *оле́ня* и *оле́нья*; в) перед безударным гласным [у]: *ко́шатю* и *ко́шатью*, *ло́сю* и *ло́сью*, *хму́рюю* и *хму́рьюю*;

3) в конце слова: *вздúты* и *вздúтый*, *сла́бы* и *сла́бый*, *сы́ты* и *сы́тый*.

Слова были чётко произнесены диктором, одни с [j], [й], другие без этих звуков. Все примеры, произнесённые диктором, были записаны на цифровой носитель и перенесены на компьютер.

Проблема, решение которой предстояло найти в ходе данного эксперимента, состояла в том, что в реальной речи слова произносятся при разном темпе, что делает невозможным учет абсолютной длительности произнесения. Следовательно, неправильно было бы просто измерить абсолютную длительность звука, при которой носитель русского литературного языка воспринимает слово как произнесённое с /j/ или без /j/, и воспользоваться полученными данными как критериями для определения реализации фонемы /j/ в каждом конкретном случае. Необходимо было разработать метод, который позволял бы определять реализацию фонемы /j/ вне зависимости от длительности звука. Поэтому в ходе эксперимента следовало опираться не на абсолютную длительность звука, а на процентные соотношения звуков в исследуемых словах. Но вначале с помощью компьютерной программы PRAAT была определена абсолютная длительность исследуемых звуков.

В связи с тем, что мягкие согласные влияют на соседние гласные, вызывая сдвиг артикуляции гласного вперёд и вверх, гласный на протяжении своего звучания становится неоднородным; см.: [Авансов 1956: 96—97; Бондарко 1961: 7—8; Кузнецова 1965; Касаткин 2006: 147]. Гласные фонемы /a/, /o/, /e/, /i/, стоящие после твёрдой согласной, перед фонемой /j/ реализуются неоднородными гласными звуками с [и]-образным завершением: *ба́йки* — б[а-а-а-а-я-э-и]-[и]ки, *кра́йне* — кр[а-а-а-а-я-э-и]-[и]не. Гласный звук, представляющий гласную фонему после мягкого согласного, также неоднороден, начало его [и]-образное. Гласные фонемы /a/, /e/, /y/, стоящие после фонемы /j/, реализуются неоднородными гласными звуками с [и]-образным началом: *нена́стья* — нена́сть[и]-[и-э-я-а-а-а], *оле́нья* — оле́нь[и]-[и-э-я-а-а-а].

Между [и]-образным концом или началом звука, представляющего гласную фонему, и соседним [и] неслоговым, представляющим /j/, невозможно провести чёткую границу. Поэтому сначала по осциллограммам и спектрограммам в сочетании со слуховым анализом рассчитывалась длительность звука, представляющего гласную фонему без [и]-образного начала или завершения, затем определялась длительность [и], который соответствовал конечной или начальной фазе гласного, реализующего гласную фонему вместе с соседней фонемой /j/. Далее полученные числа переводились в процентные соотношения.

Например: *лёте* — *лёйте*. Общая длительность звука [e] вместе с его [и]-образным окончанием в произнесённом диктором слове *лёте* составляет 173 мс (100 %). Длительность [e]-образной части (1-й сегмент) равна 131 мс (75,72 %), а [и]-образного окончания (2-й сегмент) — 42 мс (24,28 %). Таким же образом переводились в процентные соотношения и звук [e] с его [и]-образным окончанием вместе с [и] неслоговым в слове *лёйте*. Общая длительность сочетания звуков [e] и [и] неслогового в слове *лёйте* составляет 236 мс. При этом длительность [e]-образной части (1-й сегмент) составляет 130 мс, а [и]-образной части, соответствующей [и]-образному завершению звука [e] вместе с [и] неслоговым, представляющим /j/ (2-й сегмент), — 106 мс.; соответственно — 55,08 % и 44,92 %.

Далее были искусственно созданы три звуковых стимула: один — модификация слова *лёте*, два — модификации слова *лёйте*. Они были получены в результате увеличения длительности [и]-образной части первого слова и уменьшения длительности этой части второго слова.

Чтобы длительность [и]-образной части всех пяти звуковых стимулов, включая исходные, нарастала пропорционально, следовало найти величину одного и того же отрезка, на который увеличивалась бы длительность [и]-образной части от слова *лѐте* через промежуточные три стимула к слову *лѐйте*. Такой отрезок был вычислен сначала в процентном отношении. Разница между длительностью этой части слова *лѐйте* и её длительностью в слове *лѐте* (44,92 % — 24,28 % = 20,64) была разделена на 4 — количество промежутков между исходными первым и последним стимулами. Так было получено число 5,16. На это число процентов должна была возрастать [и]-образная часть 2-го, 3-го и 4-го стимулов; а именно: 1) 24,28 — 2) 29,44 — 3) 34,6 — 4) 39,76 — 5) 44,92. С помощью математических вычислений эти процентные соотношения [е]-образной и [и]-образной частей были переведены в мс. У исходных стимулов эти части составляли: 1) 131 — 42 мс; 5) 130 — 106 мс. У промежуточных стимулов они оказались следующими: 2) 131 — 54,65 мс; 3) 130 — 68,77 мс; 4) 130 — 85,80 мс.

Промежуточные стимулы были созданы с помощью компьютерной программы Sound Forge (Sony Picture Digital Inc.). Второй стимул был получен в результате удлинения [и]-образной части слова *лѐте* путем её растягивания. Третий и четвертый стимулы были получены в результате того, что [и]-образная часть слова *лѐйте* была уменьшена до необходимой длительности путем удаления конца этой части.

Точно так же были получены промежуточные стимулы у остальных пар слов-парономазов, отличающихся отсутствием/наличием /j/ после согласного перед гласным.

Слова и их модификации были записаны на цифровой носитель в случайном порядке. Этот же случайный порядок был отражён в анкетах, которые были розданы аудиторам: 14 специалистам-фонетистам и 33 другим носителям русского литературного языка. Слова, использованные в эксперименте, и их модификации, были разделены на две анкеты, так как представлялось затруднительным для аудиторов прослушать 105 слов за один раз.

Аудиторы, прослушав пример, должны были на слух определить, какое именно слово было произнесено — с /j/ или без /j/. У них также была возможность ответить «не могу определить». Каждый пример демонстрировался три раза. С целью получения статистически достоверных результатов эксперимент был повторен через несколько дней.

Результаты первого и повторного этапов эксперимента были обработаны совместно. 47 аудиторов разного пола и возраста дважды прослушали 105 слов, из них 42 исходных и 63 модифицированных. Было получено 9870 ответов информантов. Если аудитор ошибался более, чем в 15 % случаев при оценке исходных примеров, то все его ответы исключались из подсчета; так из общего количества было исключено 24 анкеты от 12 аудиторов (2520 ответов информантов).

3. На основании полученных данных были составлены графики всех пар слов-парономазов. Каждый график представляет собой пересечение двух линий. Одна линия показывает, сколько процентов аудиторов приняло услышанный стимул за слово без /j/, а другая линия дает информацию о том, сколько процентов аудиторов при прослушивании стимула решило, что было произнесено слово с /j/. На каждой линии отмечено пять фиксированных точек, соответствующих пяти стимулам, представляющим данную пару слов.

Составленные графики были разделены на восемь групп, в каждую из которых вошли графики с близкими показателями, основанием для чего послужило выделение следующих трёх зон: зона уверенного различения, когда более 75 % аудиторов склонились к тому или иному варианту при определении того, как было произнесено слово — с /j/ или без /j/¹⁶; зона неуверенного различения, когда расстояние между обобщёнными оценками аудиторов составляло более 15 %, но наивысшая оценка установлена на менее чем 75 % ответов аудиторов; зона неразличения, когда расстояние между оценками аудиторов составляло менее 15 %.

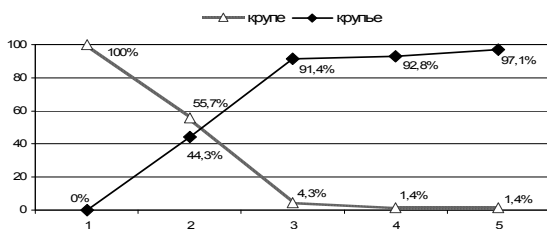
1-я группа. В эту группу входят слова: *крупé* — *крупьé*, *сéсть* — *сьéсть*, в графиках которых градации 1, 3, 4, 5 находятся в зонах уверенного различения, а градация 2 находится в зоне неразличения.

1-я градация — исходное слово без /j/; 100 % аудиторов решило, что слово было произнесено без /j/.

2-я градация — слово без /j/, но с увеличенной [и]-образной частью гласного; 44,3 % аудиторов определило, что было произнесено слово с /j/, а 55,7 % аудиторов пришло к противоположному мнению.

3-я градация — слово с /j/, но со значительно уменьшенной длительностью [и]-образной части, соответствующей /j/ и началу сле-

¹⁶ Об использовании в качестве порога различения 75% одинаковых ответов в эксперименте см.: [Бардин 1976: 183—184, 367; Касаткин, Чой 2005: 47].

Общая длительность в мс ¹⁷	279	295,5	343	372	404
Соотношение длительности частей звуков в мс ¹⁸	78—201	94,5—201	127—216	156—216	188—216
Соотношение частот звуков в %	27—73	32—68	37—63	42—58	47—53

График 1

дующего гласного; 91,4 % аудиторов решило, что слово было произнесено с /j/, а 4,3 % аудиторов пришло к противоположному мнению.

4-я градация — слово с /j/, но с несколько уменьшенной длительностью [и]-образной части, соответствующей /j/ и началу следующего гласного; 92,8 % аудиторов решило, что слово было произнесено с /j/, а 1,4 % аудиторов определило, что произнесённое слово было без /j/.

5-я градация — исходное слово с /j/; 97,1 % аудиторов решило, что слово было произнесено с /j/, а 1,4 % аудиторов определило, что произнесённое слово было без /j/.

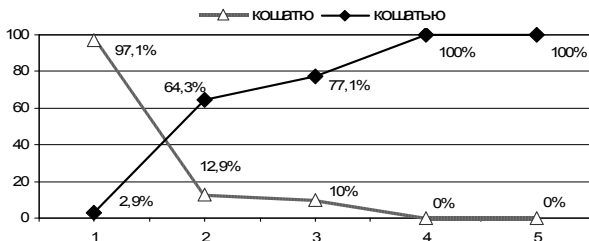
На графике примера *крупе* — *крупье* видно, что во второй градации чуть больше половины аудиторов услышало слово *крупе* (55,7 % ответов), а чуть меньше половины аудиторов услышало слово *крупье* (44,3 % ответов), расстояние между оценками 11,4 %. В данном случае вторая градация попадает в зону неразличения.

2-я группа включает логотомы *кóшатю* — *кóшатию*, график которых близок к графикам слов 1-й группы тем, что здесь тоже града-

¹⁷ Имеется ввиду общая длительность звуков на месте [й] или на месте [j̆й].

¹⁸ Имеется ввиду соотношение длительности [и]-образного начала гласного и [е] на месте [й] или [j] + [и]-образное начало звука [е] на месте [j̆й].

ции 1, 3, 4, 5 входят в зону уверенного различения. 2-ю же градацию следует оценивать как зону неуверенного различения, так как расстояние между оценками аудиторов здесь 51,4 % и наивысшая оценка 64,3 %.

Общая длительность в мс ¹⁹	223	240,3	241,5	263,8	291
Соотношение длительности частей звуков в мс ²⁰	46—177	63,3—177	77,5—164	99,8—164	127—164
Соотношение частот звуков в %	20,6—79,4	26,35—73,65	32,1—67,9	37,85—62,15	43,6—56,4

График 2

3-я группа включает слова *гóстя* — *гóстья*, *лéкаря* — *лéкарья*, *лóся* — *лóсья*, *не Нáстя* — *ненáстья*, *олéня* — *олéнья*; *лóсю* — *лóсью*, *хмúрю* — *хмúрью*. В зоне уверенного различения находятся градации 1, 2, 4, 5, градация 3 находится в зоне неразличения.

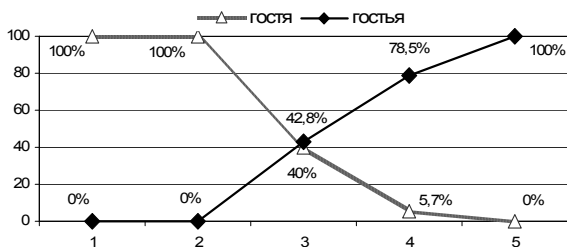
4-я группа: слова *бáки* — *бáйки*, *не знáки* — *незнáйки*. В зоне уверенного различения градации 1, 2, 5, градация 3 в зоне неразличения, градация 4 в зоне неуверенного различения.

5-я группа: слова *крáне* — *крáйне*. В зоне уверенного различения также градации 1, 2, 5, градации 3, 4 в зоне неуверенного различения.

6-я группа: слова *сóки* — *сóйки*, *стóки* — *стóйки*. В зоне уверенного различения градации 1, 4, 5; градация 2 находится в зоне неразличения, а градация 3 — в зоне неуверенного различения.

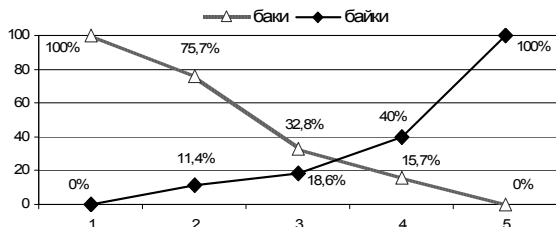
¹⁹ Здесь и далее имеется ввиду общая длительность звуков на месте [и̃е] или на месте [и̃е̃].

²⁰ Здесь и далее имеется ввиду соотношение длительности [и]-образного начала гласного и [е] на месте [и̃е] или [и̃] + [и]-образное начало звука [е] на месте [и̃е̃].

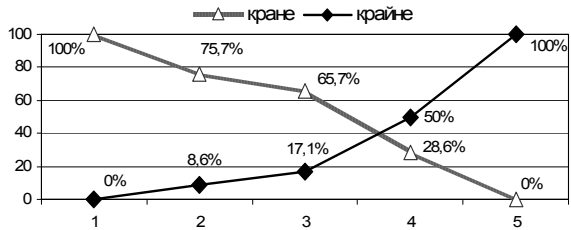
Общая длительность в мс	182	190,2	217,6	229,3	242
Соотношение длительности частей звуков в мс	35—147	43,2—147	57,6—160	69,3—160	82—160
Соотношение частей звуков в %	19—81	22,75—77,25	26,5—73,5	30,25—69,75	34—66

График 3

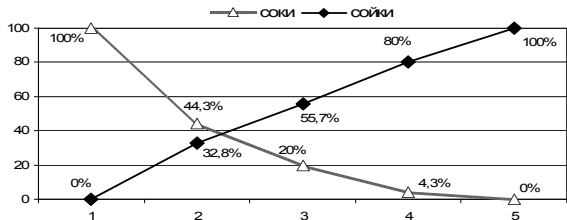
Общая длительность в мс	150	160	157,3	168,4	180
Соотношение длительности частей звуков в мс	128—22	128—32	118—39,3	118—50,4	118—62
Соотношение частей звуков в %	85—15	80—20	75—25	70—30	65—35

График 4

Общая длительность в мс	156	173,91	172,81	198,24	232
Соотношение длительности частей звуков в мс	109—47	109—64,91	96—76,81	96—102,24	96—136
Соотношение частей звуков в %	69,8—30,2	62,675—37,325	55,55—44,45	48,425—51,575	41,3—58,7

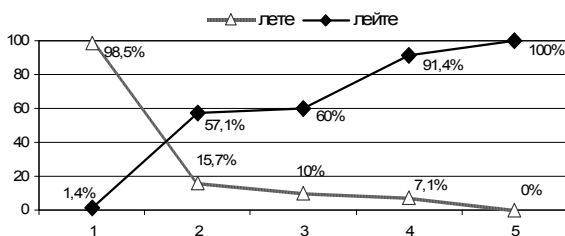
График 5

Общая длительность в мс	162	172,38	196,1	210,44	227
Соотношение длительности частей звуков в мс	123—39	123—49,38	131—65,1	131—79,44	131—96
Соотношение частей звуков в %	75,9—24,1	71,35—28,65	66,8—33,2	62,25—37,75	57,7—42,3

График 6

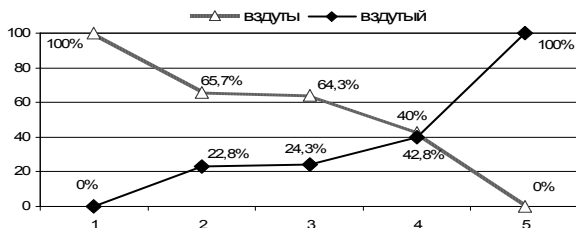
7-я группа: слова *лэте* — *лэйте*, *Пэте* — *пэйте*, *рэки* — *рэйки*.
 В зоне уверенного различия тоже градации 1, 4, 5, градации 2, 3 в зоне неуверенного различия.

Общая длительность в мс	173	185,65	198,77	215,8	236
Соотношение длительности частей звуков в мс	131—42	131—	130—	130—	130—
Соотношение частей звуков в %	75,72—	70,56—	65,4—	60,24—	55,08—
	24,28	29,44	34,6	39,76	44,92

График 7

8-я группа. В эту группу входят слова: *взду́ты* — *взду́тый*, *сѣ́ты* — *сѣ́тый*, *сла́бы* — *сла́бый*. В зонах уверенного различения находятся градации 1, 5. Градации 2, 3 находятся в зоне неуверенного различения, градация 4 — в зоне неразличения.

Общая длительность в мс	173	185,65	198,77	215,8	236
Соотношение длительности частей звуков в мс	131—42	131—	130—	130—	130—
Соотношение частей звуков в %	75,72—	70,56—	65,4—	60,24—	55,08—
	24,28	29,44	34,6	39,76	44,92

График 8

Распределение примеров по группам в соответствии с характером зон уверенного различения, неуверенного различения и неразличения обнаружило последовательную закономерность: примеры в группах оказались одинаковыми с точки зрения фонетических позиций, в которых выступает /j/, а различие между группами (кроме 2-й группы)

связано с разными позициями /j/ в примерах. Это дает возможность описания особенностей реализации /j/ в этих позициях.

В первой группе в словах *крупё* и *съётся* /j/ достаточно хорошо опознавалась в градациях 3 и 4, то есть даже при значительном уменьшении длительности представляющего её звука. Это свидетельствует о том, что в данном случае для auditors важна была не длительность звука, а, очевидно, его тембр: в этих примерах перед ударным гласным произносится [j] в отличие от других примеров, где произносится [и]. Зона неразличения в этой группе связана со 2-й градацией, где звуковые стимулы представляют собой видоизменённые слова *крупё*, *сесть*, у которых была увеличена длительность [и]-образного начала звука [и̃]. Неопознаваемость слов при таком видоизменении звуков свидетельствует о том, что эти звуки не характерны ни для слов с /j/, в которых должен выступать [j], ни для слов без /j/, у которых [и]-образное начало гласных после мягких согласных значительно короче.

2-ую группу составляют логотомы *кóшатю* — *кóшатью*, в которых позиция та же, что и у слов 3-й группы, но распределение ответов ближе к примерам 1-й группы. Объясняется это тем, что эти псевдослова диктор произнес с большей чёткостью звуков, чем в других случаях в силу необычности для него этих примеров. В связи с этим [и]-образная часть звука [и̃у] в логотоме *кóшатю* оказалась более напряжённой, и её удлинение во втором стимуле провоцировало её восприятие аудиторами в 64,3 % как реализацию /j/; в логотоме же *кóшатью* диктором был произнесён не [и̃], как требовала позиция, а [j], как в примерах 1-й группы. Таким образом, показания этого графика должны быть исключены из характеристики обычной реализации /j/ в данной позиции.

В 3-ю группу вошли все слова с /j/, представленной [и̃] перед безударным конечным гласным [а] и [у]. Уверенное различение примеров в 1, 2 и 4, 5 градациях и неразличение их в 3-ей градации дают достаточно определённое представление о диапазоне длительности в этой позиции звука [и̃], представляющего /j/, и [и̃]-образного начала гласного.

В 4–7 группах представлены слова с /j/ или мягкой согласной фонемой после ударной гласной: /а/ — группы 4, 5, /о/ — группа 6, /е/ — группа 7. Такое распределение свидетельствует о важности в данном случае в первую очередь следующих параметров этих гласных: собственной силы (интенсивности) и связанных с нею громкости и длительности гласного, а также величине [и̃]-образного участка гласного.

Как известно, у гласного нижнего подъёма [a] интенсивность и длительность больше, чем у гласных среднего подъёма [e] и [o] см.: [Щерба 1912: 137; Златоустова 1954: 105—107; 1962: 45—47; Златоустова и др. 1968: 89—121; Кузнецов, Отт 1989: 68; Кузнецов 1997: 30; Касаткин 2006: 64], поэтому увеличение длительности [и]-образного участка слов *ба́ки*, *не зна́ки*, *кра́не* мало влияло на характер соответствующих стимулов 2-й градации, которые были опознаны как эти слова более чем в 75 % ответов: *ба́ки* и *кра́не* в 75,7 % ответов, *не зна́ки* в 90 %.

Уменьшение же длительности [и]-образной части у слов *ба́йки* и *незна́йки* приводило к неуверенному различению этих слов с *ба́ки* и *не зна́ки* в 4-й градации и неразличению в 3-й градации. Это свидетельствует о том, что для хорошего опознания /j/ в этой позиции она должна реализоваться достаточно длительным звуком, произносящимся весьма чётко.

Небольшое различие между графиками 4-й и 5-й групп связано с тем, что у слов 5-й группы (*кра́не* — *крайне*) в третьей градации зона неуверенного различения: трансформированное слово *кра́йне* определено как *кра́йне* всего в 17,1 % ответов, как *кра́не* в 65,7 % ответов и в 18,2 % ответов «не могу определить». Различие между этими оценками и оценками слов 4-й группы, возможно, связано с разницей в длительности гласных перед глухим и звонким согласным: известно, что перед глухими согласными длительность гласных увеличена по сравнению с длительностью перед звонкими согласными; см., например: [Gimson 1970: 94—95, 152, 179].

В шестой группе увеличение длительности [и]-образной части у слов *со́ки* и *сто́ки* привело к их неразличению с *со́йки* и *сто́йки* во 2-й градации (в отличие от *ба́ки*, *кра́не*, *не зна́ки*, уверенно различавшихся в этой градации); уменьшение длительности [и]-образной части у слов *со́йки* и *сто́йки* в 4-й градации мало влияло на их способность различаться со словами *со́ки* и *сто́ки*, а в 3-й градации приводило к неуверенному их различению, что также отличает эти слова от слов с /áj/.

Ударные гласные [a^и], [o^и], [e^и] отличаются ещё одной особенностью — разной длительностью [и]-образной части. А. М. Кузнецова обнаружила, что в позиции С'ГС [и]-образный начальный элемент составляет у гласного [a] 16,5 % длительности всего звука, а у [o] — 12 %. В позиции С'ГС' [и]-образный начальный элемент составляет у гласного [a] 18 % длительности всего звука, а у [o] — 10 % [Кузнецова 1965: 20, 26]. Что касается [e], то А. М. Кузнецова пишет: «рус-

ский материал, имевшийся в нашем распоряжении, подтвердил известное положение о большой степени изменчивости гласного [e] в позиции t'at» [Кузнецова 1965: 26]. Как известно, «[и]-образное начало гласного сильнее и заметнее, чем [и]-образное окончание, т. е. влияние предшествующего мягкого согласного на гласный сильнее, чем влияние последующего мягкого согласного» [Касаткин 2006: 147]. Поэтому необходимо было установить конкретные параметры [и]-образного окончания гласных [aⁿ], [oⁿ], [eⁿ].

Для этого был проведён дополнительный эксперимент. Пять дикторов различного пола и возраста читали на цифровой носитель 18 специально подобранных слов, в которых стоящие под ударением гласные [a], [o] и [e] находились в двух различных позициях: в позиции после твёрдого согласного перед мягким (СГС') и в позиции после мягкого согласного перед мягким (С'ГС'). Все эти примеры анализировались при прямом и обратном прослушивании с помощью программы PRAAT. По полученным данным у гласного [a] в позиции СГС' [и]-образный конечный элемент в среднем составляет 11,97 % длительности всего звука, у [o] — 9,00 %, у [e] — 25,18 %, а в позиции С'ГС' [и]-образный конечный элемент в среднем составляет у гласного [a] 16,75 % длительности всего звука, у [o] — 13,03 %, у [e] — 27,23 %.

Эта особенность [eⁿ] отразилась и на соответствующих графиках седьмой группы: здесь ни в одной градации нет неразличения /e/ и /ej/. Во второй градации при увеличении [и]-образной части у [eⁿ] в словах *лэте*, *Пэте*, *рэки* бо́льшая часть аудиторов (не считая их ответы «не могу определить») решила, что были произнесены слова с /j/: *лэйте*, *пэйте*, *рэйки*, хотя расстояние между этими ответами и ответами аудиторов, решивших, что были произнесены слова *лэте*, *Пэте*, *рэки*, свидетельствует о неуверенном различении этих слов. Такое же неуверенное их различение — в 3-й градации, а в 4-й градации уже уверенное различение.

К восьмой группе относятся слова с /j/ на конце слова. Здесь уверенно различаются только слова-парономазы в исходном чётком произнесении диктора. При небольшом же увеличении и сокращении исходной [и]-образной части слов возникают иные зоны: соотношение [и]-образной части стимула и не-[и]-образной части попадают в зону неразличения в 4-й градации и неуверенного различения с преобладанием восприятия примеров как не содержащих /j/ во 2-й и в 3-й градациях.

Мнения исследователей о реализации фонемы /j/ в данной позиции не всегда совпадают. Так, Л. В. Щерба считал, что в этой позиции [и̣] не произносится [Щерба 1912: 152—153]; Р. Кошутич писал, что [и̣] слышен, но очень слабо [Кошутич 1919: 371]; Р. И. Аванесов полагал, что здесь произносится [и̣] [Аванесов 1956: 188]; а М. В. Панов считал, что в этой позиции [и̣] не произносится, но при этом слоговая интонация закрытого слога сигнализирует о нём [Панов 1979: 109—110]; см. также [Панов 1967: 224—225 сноска; 2002: 31].

Данные эксперимента позволяют утверждать, что конечный [и̣] в слове может представлять реализацию /j/ только при достаточно чётком его произнесении, что предполагает обязательное нахождение слова в сильной фразовой позиции. Но и в этой позиции длительность [и̣] должна быть достаточно велика, так как уже при небольшом её сокращении /j/ перестаёт опознаваться.

4. Проведённый эксперимент по восприятию звуков на месте фонемы /j/ позволил создать базу данных, содержащую эталонные значения процентных соотношений звуковых сегментов (соответствующих части звука, представляющего гласную фонему без [и]-образного начала или завершения, и сегмента [и], который соответствует конечной или начальной фазе гласного, реализующего гласную фонему, и соседней фонеме /j/) в позициях после гласного перед согласным, после согласного перед гласным, в конце слова.

С помощью созданной базы данных была определена реализация фонемы /j/ в большинстве примеров, в которых звуки, произнесённые на месте фонемы /j/, не были идентифицированы при предварительном слуховом анализе.

Так, например, было необходимо определить, что произносится на месте фонемы /j/ в записанном в одной из телепередач слове *ли́стья* — [и̣] или ноль звука. Для этого с помощью программы Sound Forge была измерена у конечного гласного длительность сегмента [а] — 118 мс. Отдельно была измерена длительность предшествующего [и]-образного сегмента — 71 мс. Таким образом, общая длительность обоих звуковых сегментов составляет 189 мс, длительность сегмента [а] составляет 62,43 %, а длительность [и]-образного сегмента — 37,57 %. Эти цифры были сопоставлены с эталонными значениями процентных соотношений сегмента [а] с одной стороны, и [и]-образной части гласного [и̣а] вместе с соседней фонемой /j/ с другой стороны в паре слов *го́стя* — *го́стья*. Выяснилось, что слово *ли́стья* было произнесено с [и̣] на месте фонемы /j/.

Также было необходимо определить, что произносится на месте фонемы /j/ в слове *сча́стья*. Длительность конечного гласного сегмента [а] здесь 114 мс (77 %), длительность предшествующего [и]-образного сегмента — 34 мс (23 %). Общая длительность обоих звуковых сегментов составляет 148 мс. Эти цифры были сопоставлены с эталонными значениями процентных соотношений сегмента [а] и [и]-образной части гласного [а̣] вместе с соседней фонемой /j/ в паре слов *не На́стя — нена́стья*. Выяснилось, что слово *сча́стья* было произнесено с нулём звука на месте фонемы /j/.

В записанном слове *гро́здя* у конечного гласного длительность сегмента [а] составляет 16 мс (72,48 %), а [и]-образного сегмента — 63 мс (27,52 %). Общая длительность обоих звуковых сегментов 229 мс. Эти цифры были сопоставлены с эталонными значениями процентных соотношений сегмента [а] и [и]-образной части гласного [а̣] вместе с соседней фонемой /j/ в паре слов *го́стя — го́стья*. Оказалось, что в слове *гро́здя* невозможно определить реализацию фонемы /j/, так как её параметры попадают в зону неразличения в паре слов *го́стя — го́стья*.

В записанном слове *ежеднёвный* у конечного гласного стимула была измерена длительность сегмента [ы] — 65 мс (29,95 %) и [и]-образного сегмента — 152 мс (70,05 %). Общая длительность обоих звуковых сегментов 217 мс. Эти цифры были сопоставлены с эталонными значениями процентных соотношений сегмента [ы], с одной стороны, и [и]-образной части гласного [ы̣^н] вместе с соседней фонемой /j/, с другой стороны, в паре слов *сла́бы — сла́бый*. Выяснилось, что слово *ежеднёвный* было произнесено с [и̣] на месте фонемы /j/.

В слове *надёжный* у конечного гласного стимула длительность сегмента [ы] — 79 мс (44,39 %), [и]-образного сегмента — 99 мс (55,61 %). Общая длительность обоих звуковых сегментов 178 мс. При сопоставлении с эталонными значениями этих же сегментов у слов *сла́бы — сла́бый* выяснилось, что слово *надёжный* было произнесено с нулём звука на месте фонемы /j/.

В слове *мы́тый* у конечного гласного стимула длительность сегмента [ы] — 50 мс (35,21 %) и [и]-образного сегмента — 92 мс (64,79 %). Общая длительность обоих звуковых сегментов 142 мс. При сопоставлении с эталонными значениями этих же сегментов у слов *сла́бы — сла́бый* выяснилось, что у слова *мы́тый* невозможно определить реализацию фонемы /j/, так как её параметры характерны для зоны неразличения в паре слов *сла́бы — сла́бый*.

Таким образом была определена реализация фонемы /j/ в 494 словоформах из тех 672 словоформ, в которых звуки, произнесённые на месте /j/, не были идентифицированы при предварительном слуховом анализе. Оказалось, что 88 слов было произнесено с [j̥], а 406 — с нулём звука на месте /j/. При этом в 178 словоформах невозможно было определить реализацию фонемы /j/, так как звуки, произнесённые на её месте, характерны для зоны неразличения /j/ и её отсутствия.

5. Произношение сочетаний ea, ia, eo, io, эо

Эти сочетания (зияния) могут произноситься как два гласных звука, следующих друг за другом, либо они стягиваются в один звук.

I. Качество звуков в нестяженных сочетаниях

Качество звуков в нестяжённых сочетаниях может зависеть от позиции. Позиции могут быть фонетическими и орфоэпическими. В фонетической позиции в литературном языке допустим только один звук — представитель одной фонемы, в орфоэпической позиции возможны разные звуки — представители одной фонемы или разных фонем см.: [Каленчук 1993; Касаткин 2007: 344—346]. В произношении данных сочетаний почти все позиции орфоэпические, допускающие вариантность произношения.

1. Зияния в корне бывают в заимствованных словах, их особенность — произношение на месте /e/ и /o/ безударных [e] (после твёрдых согласных [э]) и [o] (часто на месте [o] произносится неогубленный гласный средне-заднего ряда средне-нижнего подъёма [Λ], который воспринимается слушающими как [o]): на месте первого гласного: *эбловый, эон; альвеола, галебн, хоробграф, жебда, пантебн, теблог*; на месте второго гласного: *иордань, ионосфера, родео, трио, радио, ададжио, геботанический, ндогегельянец, биогенетический, аудиозапись, биодобавка, социолингвистика*; на месте обоих гласных: *эозойский, эолит, эоцен; эонотема, эзинофилия, стерео, метеобомба, остеосинтез, неоготика, протеогенез*.

2. Сочетания гласных создают особую позицию. Так, обычно на месте /и/ и /е/ в безударных слогах после мягких согласных произносится [и] (точнее, гласный верхне-среднего подъёма [и̥], в другой транскрипции [и^е]): *л[и]са́* в словоформах *лисá* и *лесá* — от *лис* и *лес*. При зиянии же может происходить ассимиляция первого гласного следующему звуку — понижение подъёма.

Чаще всего это наблюдается перед следующим [а], стоящим под ударением или в первом предупредном слоге (где, точнее, произносится гласный средне-нижнего подъёма [а], в другой транскрипции [а⁹]): произносится [ea] после мягких согласных, [эа] после твёрдых, и только при особом напряжении может произноситься [иа] и [ья] (точнее, [и́а] и [я́а], [и̑а] и [я̑а]): *идеа́л, реа́ктор, сеа́нс, азиа́т, гладиа́тор, патриа́рх; реали́ст, диагра́мма, теоре́ма, биоло́гия; протеа́за, дифференциа́л, лейбница́нец, лиценциа́т, негоциа́нт, провинциа́л; тореадо́р, нунциа́тура, азеотро́пный, ажиота́ж.*

Эта разница в произношении совершенно незаметна в обычной речи. Так, при произношении *в[и]сна́* и *в[е]сна́*, *л[и]са́* и *л[е]са́*, *п[и]та́к* и *п[е]та́к*, характеризующем два разных типа произношения — иканье и эканье, разница хорошо слышна (эканье было свойственно литературному языку XIX в., а сейчас может иногда проявляться в отдельных словах или частях слов, отражающих так называемый «полный» стиль речи), а при произношении *ид[и]а́л* и *ид[е]а́л*, *ид[и]али́ст* и *ид[е]али́ст* — совершенно незаметна, не обращает на себя внимания, так как и тот, и другой варианты постоянно встречаются в речи в одном и том же произносительном стиле.

В позиции перед предупредным гласным, где оба гласных сочетания достаточно ослаблены, также существует тенденция к сближению подъёмов этих гласных, но проявляется это иначе. При ассимиляции этих соседних гласных опора может быть на первый звук и на второй. При прогрессивной ассимиляции произносится [иэ] после мягкого согласного, [ыэ] после твёрдого, при регрессивной ассимиляции — [ea] и [эа]. Поэтому эти варианты обычно выглядят как [иэ] и [ea]: *теа́трове́д, фреато́фит, биатло́нист, диагона́ль, неологиз́м, феодали́зм, биоге́нэз, биоми́цин; реаниматоло́г, аффилиа́ционный, теоретизи́ровать, виолончели́ст; [ыэ] и [эа]: социа́лизация, теодо́лит, национали́стский; остеохондропа́тия, национализа́ция.*

3. В конце слова звуки могут произноситься более длительно, чем в других позициях, и, следовательно, более чётко. Поэтому в безударном сочетании гласных, кроме произношения [иэ] и [ea] ([ыэ] и [эа]), возможен также и вариант [иа] ([ья]): *сте́рео, ра́дио; ада́жио, диза́жио* (в этих словах возможно также произношение конечного [о]).

4. В сложных словах с зиянием в конце первой основы при отсутствии дополнительного ударения возможны звуки [иэ] и [ea], как и в середине основы: *авиаба́за, видеока́мера, метеоста́нция.* При наличии дополнительного ударения на первой основе связь между основами ослабляется, конец первой основы произносится более дли-

тельно и возникает третий возможный вариант — [иа]: *авиаба́за, видеока́мера, метеоста́нция*.

Это ослабление связи между основами проявляется также в возможности произношения [о] в сочетаниях *eo, io*, стоящих в конце первой основы, при наличии дополнительного ударения; ср.: *остеопла́стика, остеоси́нтез, социосфе́ра, социотéхника* — [эа] и [ыэ]; *остеопла́стика, остеоси́нтез, со́циосфе́ра, со́циотéхника* — [эа], [ыэ] и [ыа], [ыю].

5. В позиции после ударного гласного может происходить повышение подъёма следующего гласного в результате его ослабления, что приводит к произношению [э]; так, [éа] и [éа́] ([èа] и [èа́]): *неотку́да, всèамерика́нский, вне́тмосфе́рный, вно́сочередни́к*; [èо] и [èэ]: *ге́обиоло́гия, ге́омагнитофо́н, елèопома́зание, иуде́охристиа́нин, трахе́обактерио́з*; [эо] и [ээ]: *необихевиори́ст, неогегелья́нец, неока́толицы́зм*; [йо] и [йэ]: *би́обиблиогра́фия, би́огенети́ческий*.

6. Варианты могут возникать в соответствии с традицией особого произношения отдельных слов:

ави́ация, гениа́льно, сери́ал — [еа́] и [иа́];
вариа́нт, пролетариу́т, вегетариу́нец — [еа́] и [иа́], не рекомендуется [ја́];
миллиа́рд — [еа́] и [иа́] и допустимо [ја́];
бриллиа́нт, валериа́новый, — [ја́] и допустимо [еа́] и [иа́];
валериа́на, материа́л — [ја́].

II. Качество звуков при стяжении сочетаний

Сочетания гласных могут стягиваться в один звук²¹. Факторы, способствующие стяжению или сдерживающие его, следующие.

1. Степень употребительности слова: в более употребительных словах стяжение более вероятно, чем в менее употребительных.

1.1. При ударении на втором гласном сочетания: *идеа́льный, океа́нский, теа́тр, гениа́льно* (более употребительные слова) — [еа́] и [иа́], в беглой речи²² возможно [а́] (ср.: *идеа́льный му́ж* — как

²¹ В дальнейшем рассматривается произношение нейтрального стиля речи. В так называемой «разговорной речи» (или «разговорном языке») компрессия (диереза звуков) может быть гораздо большей.

²² Под беглой речью здесь понимается более быстрый темп речи, что характеризует, в частности, слабые фразовые позиции — положение слова не под синтагменным или фразовым ударением или акцентным выделением.

*идя́льный, океа́нский парохо́д — как *ока́нский, теа́тр абсу́рда — как *тя́тр, гениа́льно сказа́но — как *гена́льно — стяжение возможно); — *ирреа́льный, орлеа́нский, зодиа́к, телиа́ни* (менее употребительные слова) — [eá] и [iá] (ср.: *ирреа́льный ми́р, орлеа́нская де́ва, зодиа́к халдеев, телиа́ни выпито* — стяжения нет); *социа́льный* (более употребительное) — [эá] и [ыá], в беглой речи возможно [á], — *парциа́льный* (менее употребительное) — [эá] и [ыá]; *официа́нт* (весьма употребительное) — [эá], [ыá] и [á], — *провинциа́л* (средней употребительности) — [эá] и [ыá], в беглой речи возможно [á], — *официа́л* (малоупотребительное) — [эá] и [ыá].

1.2. Сочетание перед ударным слогом: *империализм* (более употребительное) — [ea] и [ia] и допустимо [a], — *импрессионизм* (менее употребительное) — [ea] и [ia], в беглой речи возможно [a]; *милиционер* (более употребительное) — [эa], [ыa] и [a], — *инициатива* (менее употребительное) — [эa], [ыa] и допустимо [a].

1.3. Сочетание перед безударным слогом: *идеализация* (более употребительное) — [ea], [ia] и [e], [i], — *медиатизация* (менее употребительное) — [ea], [ia], в беглой речи возможно [e] и [i]; *реабилитация* (более употребительное) — [ea], [ia] и допустимо [e], [i], — *беатификация* (менее употребительное) — [ea] и [ia], в беглой речи возможно [e] и [i]; *специализация* (весьма употребительное) — [ыэ], [эa] и допустимо [э], *социализация* (средней употребительности) — [ыэ] и [эa], в беглой речи возможно [э], *официализация* (малоупотребительное) — [ыэ] и [эa].

Вопрос о том, два гласных произносится в этом случае или один сводится к вопросу о длительности [и]-образной ([e]-образной) и [ы]-образной части. При достаточной длительности этой части она воспринимается как отдельный гласный, отдельная фонема. При краткости этой части она воспринимается как фаза одного гласного. После мягких согласных у звука [a] есть обязательная краткая [и]-образная фаза, иначе — упреждённая часть неоднородного гласного [и́a]. Это широко известный факт (см., например: [Кузнецова 1965]). Гораздо реже упоминается фонетистами, что не только в сочетании мягких согласных с гласными, но и в сочетании твёрдых согласных с гласными «признак твёрдости-мягкости реализуется дважды — в согласном и следующем гласном» [Зубкова 1974: 59], что у согласных русского языка «существуют две окраски: так называемая “твёрдая” на *ы* и так называемая “мягкая” на *и*» [Щерба 1939: 56—57], что после твёрдых согласных начало следующего [a] может быть [ы]-образным или [э]-образным: произносится [и́a], [э́a] (см. [Дукельский

1962: 22, 31, 35, 38—39; Зубкова 1974: 67]). Сокращение в речи первого звука в сочетании гласных начинает восприниматься как начальная фаза второго гласного.

2. При увеличении расстояния от сочетания гласных до ударного слога вероятность стяжения увеличивается. Так, если ударение падает на второй гласный сочетания или сочетание находится перед ударным слогом, когда второй гласный сочетания находится в первом предударном слоге, где он достаточно сильный и длительный, стяжение обычно не происходит. Перед безударными слогами стяжение есть, и чем дальше сочетание гласных от ударного слога тем больше вероятность стяжения. Так, не в самых употребительных словах перед твёрдым согласным:

под ударением и перед ударным слогом без стяжения — [eá] и [iá]: *иде́ял, линей́рность; аммиа́к, педиатр*; [ió] и допустимо [eó]: *альвео́ла, коребо́пис, фразебо́лог*; [ió]: *априо́ри, гарибо́тта, идио́ма*; — [ea] и [ia]: *генеало́гия, океана́вт; гуммиара́бик, патриарха́льный; ареопа́г, стереоско́п; аксиома́тика, ихтиоза́вр*;

перед 1-м предударным слогом — [иэ], [ea], в беглой речи возможно [и] и [е]: *генеалогический, периаденит, мелиоративный*;

перед 2-м предударным слогом — [иэ], [ea], [и] и [е]: *идеологизация, метеорологический*;

3. В позиции перед ударным и 1-м предударным слогом включаются еще два фактора — 1) передний/непередний ряд гласного слога, предшествующего сочетанию гласных и 2) твёрдость/мягкость согласного, стоящего после сочетания гласных.

В позиции перед ударным гласным, когда сочетание гласных стоит после слога с гласным переднего ряда и перед твёрдым согласным стяжения гласных нет, произносится [ea] и [ia] в таких словах, как *линеату́ра, педиатри́я, идеогра́мма, библиогра́фия*. После слога с гласным непереднего ряда и перед мягким согласным также стяжения гласных нет, произносится [ea] и [ia]: *панкреати́н, вариати́вный, альвеоли́т, антиохийский*. И только когда действуют оба фактора — в позиции после слога с гласным переднего ряда и перед мягким согласным — стяжение возможно. Так, произносится [ea] и [ia], в беглой речи возможно [a]: *линеари́зм, медиате́ка, стереоти́п, идиоло́кт, иллюзиони́ст, импрессиони́зм*. В словах *ассоциати́вный, аукционёр* и *гляциоло́гия конвенциона́льный* произносится [эa] и [ya], но *инициати́ва, провинциализ́м* — [эa] и [ya], в беглой речи возможно [a].

В позиции перед ударным слогом перед мягким согласным вероятность стяжения безударных гласных сочетания, стоящих после мяг-

кого согласного, увеличивается в связи с тем, что в этой позиции они становятся ближе по артикуляции: второй гласный звук перед мягким согласным сдвигается в передне-средний ряд. Предшествующий сочетанию гласный оказывает ассимилятивное воздействие на сочетание, усиливая или ослабляя влияние следующего за сочетанием согласного.

Когда сочетание гласных стоит перед первым предударным слогом, каждый из этих двух факторов может действовать самостоятельно.

При отсутствии предшествующего слога перед мягким согласным и следующим гласным переднего ряда произносится [иэ] и [еа], в беглой речи возможно [и] и [е]: *реализация, реалистичный, реаниматор; диабетический, диаметральный, пианистический; геометрический, креолизация, теоретический; дионисийский*. Перед твёрдым согласным и следующим гласным непереднего ряда стяжения нет, произносится [иэ] и [еа]: *неандертальский, реактогенный, реакционный; диагностирование, диатермия, скиаскопический; географический, леопарденок; биографический, биологический*.

При наличии предшествующего слога на первое место выходит этот фактор, так как и перед твёрдым, и перед мягким согласным в этом случае стяжение сочетания гласных есть. Но после слога с гласным переднего ряда (в этой позиции обычно [и], гораздо реже встречается [ү]) стяжение осуществляется в [е] и [и], а после слога с гласным непереднего ряда (обычно [а], гораздо реже [у]) — только в [е]. Таким образом, предшествующий слог влияет на подъём гласного, являющегося результатом стяжения сочетания: [и] и [ү], стоящие после мягкого согласного, способствуют повышению его подъёма, а [а] и [у], стоящие после твёрдого согласного, — препятствуют:

после слога с гласным переднего ряда — [иэ], [еа], в беглой речи возможно [и] и [е]: *линеаризация, медиатизация, импрессионистичный, иллюзионистический; — генеалогический, периаденит, мелиоративный;*

после слога с гласным непереднего ряда — [иэ], [еа], в беглой речи возможно [е]: *нуклеаризация, макиавеллизм, ауреомицин, априористический; — океанография, гомеопатический, агиографический*.

4. В начале слова, обычно отличающемся повышенной интенсивностью, и в конце слова, обычно сопровождающемся повышенной длительностью, вероятность стяжения сочетания гласных уменьшается, в середине слова — увеличивается.

Так, нет стяжения в начале слова в таких словах, как: *ионийский, иорданский, иосифлянин; эозойский, эолитовый, энотема, эоплейстоцэн, эозинофилия*. То же после согласного: *реагировать, диакри-*

тика, теорéма, биограф́ия; — фреатоф́ит, диапа́зон, феодали́зм, биоми́цин.

Нет стяжения в конце слова в таких словах, как *империа́л, обсидуа́н, репатриа́нт, сатириа́з*, где произносится [eá] и [iaá]; ср. не в конце слова — [eá] и [iaá], в беглой речи возможно [á]: *артезиа́нский, бактериа́льный, тихоокеа́нский*; нет стяжения — [ыó]: *аттракцио́н, аукцио́н, конфекцио́н*, но не в конце слова — [ыó], в беглой речи возможно [ó]: *коррупцио́нный, популя́ционный*;

5. В длинных словах вероятность стяжения увеличивается по сравнению с короткими словами. Удлинение слова может происходить за счёт увеличения числа слогов, предшествующих сочетанию гласных и/или следующих за ним:

индуа́нский — [ea] и [ia]; мина́полисский — [ea] и [ia], в беглой речи возможно [a];

гиалино́з, диа́генез, диа́лектизм, био́генез, биоми́цин — [ia] и [ea]; реанима́тор, диа́метральный, геометро́ческий, дионисиа́нский — [ia] и [ea], в беглой речи возможно [и] и [e];

теодо́лит, теофедрин — [ыэ] и [эа]; остео́графический, протео́генез, протео́литический — [ыэ], [эа] и [ыю], [эо], в беглой речи возможно [э];

гео́лог — [ио́], в беглой речи возможно [ó]; *гео́логоизыска́тельский, гео́лого-почвенный, гео́логоразве́дка — [eò] и [иò] и допустимо [ò];*

социа́льный — [эа́] и [ыа́], в беглой речи возможно [á]; *социа́л-демокра́т, социа́льно-правова́й — [эа́], [ыа́] и допустимо [а́];*

метеори́т, библиоте́ка — [ea] и [ia], в беглой речи возможно [a]; *метеори́товед, библиоте́коведение — [ea], [ia] и допустимо [a].*

6. В сочетании гласных, стоящих внутри основы или в конце первой основы при второй связанной основе (не употребляющейся в качестве отдельного слова), вероятность стяжения больше, чем в конце первой основы сложных слов при второй не связанной основе (плотность соединения основ при второй связанной основе выше, чем при второй не связанной основе):

медиате́ка, медиати́вный, видеоте́ка, метеори́зм, метеори́т, стереоме́трия, стереоти́пный, гелиофи́льный, гелиофи́т, идиоле́кт — [ea] и [ia], в беглой речи возможно [a]; *медиабиз́нес, медиами́р, видеобиз́нес, видеове́рсия, видеоле́нта, видеоте́кст, стереофи́льм, стереохи́мия, гелиопе́чь, гелиоте́хник, гелиофи́зик, гелиохи́мик, идиостиль — [ea] и [ia];*

медиастини́т, медиатиза́ция, метеопати́ческий, стереоско́пический, библио́графировать, гелиоско́пия, идиома́тичный — [ia] и

[ea], в беглой речи возможно [и] и [е]; *медиапрогра́мма, медиа-ресу́рс, видеоголо́вка, видеокино́, видеолюби́тель, видеорекла́ма, метеобюро́, метеоприбо́р, стереозвуча́ние, стереоприста́вка, стереосисте́ма, библиоколлекто́р, гелиореа́ктор, гелиоцентри́зм* — [иэ] и [ea];

социализа́ция, национали́стский, социологи́ческий, остеологи́ческий — [ыэ] и [эа], в беглой речи возможно [э]; *социодина́мика, социокульту́рный, социолингвисти́ка* — [ыэ] и допустимо [ю]; *остеологи́ческий, остеомаля́ция* — [ыэ] и [эа], в беглой речи возможно [э]; *остеосарко́ма, остеосклеро́з* — [ыэ] и [эа] и допустимо [ю] и [эо].

7. На стыке с корнем разные приставки ведут себя по-разному. Так, перед первым предупредительным слогом

7.1. В словах с весьма частотной приставкой *не-*

7.1.1. В более употребительных словах

7.1.1.1. Перед слогом с гласным переднего ряда — [иэ] и [ea], в беглой речи возможно [и] и [е]: *необяза́тельно*;

7.1.1.2. Перед слогом с гласным непреднего ряда — [иэ] и [ea], в беглой речи возможно [е] и [а]: *необходи́мо, неограни́ченный, неоднокра́тно, неоснова́тельный*;

7.1.2. В менее употребительных словах — [иэ] и [ea], в беглой речи возможно [а]: *неаккура́тный, неандертальски́й, неаппети́тный, неаванта́жный, неадапти́рованный, необеспече́нный, необжито́й, необита́емый, необожже́нный, необозри́мый, неолимпи́йский, неопера́бельный*;

7.2. В словах с менее частотными приставками *пре-, при-, ре-* — [иэ] и [ea]: *преадапта́ция, преаними́зм; преобладáть, преодоле́ть, преосвяще́нство*; — *приарендо́ванный, приатланти́ческий; приободрить, приобре́тение, приопустить*; — *реадапта́ция, реактивиро́ванный, реампута́ция*;

7.3. В словах с приставкой *пере-* — [иэ] и [ea], в беглой речи возможно [е]: *переадреса́ция, переаранжи́ровать, переарестова́нный, переаттеста́ция*; — *переоблаче́ние, переобору́дование, переопы́ление*.

8. На стыке основ стяжение гласных встречается гораздо реже, чем в середине основы

8.1. При ударении на первом гласном сочетания — [èa] и [èэ]: *всèамери́канский*;

8.2. При ударении на втором гласном сочетания

8.2.1. *ea* — [eá] и [иá]: *послед́вгустовский*;

8.2.2. *eo*

- 8.2.2.1. После мягкого согласного — [eó] и [io]: *верхнеобский, всеобуч, всеобщий, синеобкий*;
- 8.2.2.2. После твёрдого согласного — *eo* — [eó]: *лжеобпыт*;
- 8.2.3. *io* — [io]: *восьмиобный*;
- 8.3. Перед ударным слогом
- 8.3.1. После мягкого согласного — [ea] и [ia]: *всеармёйский, древнеанглийский, общеарабский, палеарктический, позднеантичный, телеантенна*; — *башнеобразный, василеостронец, всеохватный, грязеоттапливающий, древнеозёрный, дробеочистка, елеосвящение, землеотвод, любвеобильный, нефтеотдача, огнеопасный, позднеосенний, послеобеденный*; — *архиопасный, внутриотдельский*;
- 8.3.2. После твёрдого согласного
- 8.3.2.1. При отсутствии предшествующих слогов — [эа] и [ыа]: *лжеакция*;
- 8.3.2.2. При наличии предшествующих слогов — [ыа] и [эа]: *блющеобразный, вышеобъявленный, кашеобразный, нижеозначенный, свежеобжаты, свежеокрашенный*;
- 8.4. Перед предударными слогами
- 8.4.1. При отсутствии предшествующих слогов — [ea] и [ie]: *внеаварийный, внеатмосферный, всеазиатский, всеафриканский; всеобнимающий, внеочередность; — всеамериканский, внеочередник*;
- 8.4.2. При наличии предшествующих слогов
- 8.4.2.1. После мягкого согласного — [ia] и [ea], в беглой речи возможно [e] и [a]: *общезазиатский, переднеазиатский, сталелюминиевый, телеавтоматика, телеателье; автомобилепрокидыватель, горячеоцинкованный, грязеочиститель, желчеотделение, жизнеописание, камнеобрабатывающий, картофелеовоцной, общеобластной, послеолимпийский, телеобъектив; антиоксидант, внутриобластной*; — *бронеавтомобиль, среднеарифметический, телеаппаратура, глеаммиакаты, вихреобразование, общеобразовательный, телеобозреватель; антиобледенитель*; — *телеангиэктазия, послеоперационный*;
- 8.4.2.2. После твёрдого согласного — [ыэ] и [эа], в беглой речи возможно [э]: *свежеасфальтированный; кожеобработка, свежеобмолоченный, свежеотпечатанный*.
9. В беглой речи, т. е. при более быстром темпе речи, что наблюдается, в частности, в слабых фразовых позициях — не под основ-

ным ударением фонетической синтагмы, вероятность стяжения больше; см. предшествующие примеры.

6. Реализация вибрантов

Данные об артикуляции русских вибрантов [p] и [pʰ] во многом противоречивы и не прояснены до конца. По общему мнению, это переднеязычные дрожащие, образуемые приближением кончика языка (апекса) к зоне альвеол, т. е. апико-альвеолярные какуминальные согласные (см. [Скалозуб 1963: 48; Матусевич 1976: 155; Bolla 1981: 99])²³. При этом кончик языка вибрирует в выдыхаемой струе воздуха (см. [Зиндер 1979: 146]). И все же произносительная характеристика вибрантов до конца не прояснена, поскольку их артикуляция многопараметрична и требует разностороннего рассмотрения.

Так, остаются недостаточно проясненными несколько вопросов: 1) каков характер контакта артикулирующих органов (плотный и длительный или слабый мгновенный) при смычной артикуляции вибрантов; 2) в каких позициях эти согласные являются действительно смычными, а в каких могут быть и щелевыми²⁴; 3) сколькими контактами («ударами») характеризуется артикуляция вибрантов в разных позициях.

Что касается характера контакта артикулирующих органов при производстве русских вибрантов, то этот вопрос в литературе не обсуждался, поэтому приходится довольствоваться лишь косвенными данными. Л. Г. Скалозуб отмечает, что «следы ударов (на палатограммах. — *P. K.*) кончика языка очень малы (...), место их находится за альвеолами резцов» [Скалозуб 1963: 48]. Кальман Болла приводит палатограммы русских вибрантов в инициальной позиции — *рак, рис*), свидетельствующие о точечных контактах языка с альвео-

²³ Нельзя согласиться с мнением Л. В. Бондарко о том, что мягкий вибрант в русском языке является дорсальным [Бондарко 1998: 64], так как при его артикуляции активным органом является именно кончик языка.

²⁴ Ср.: «Дрожащий мягкий звук *p'* только условно может быть назван дрожащим: при его образовании кончик языка может находиться в фиксированном положении, исключающем возможность вибраций, — в этом случае фонетически *p'* больше похож на щелевой, чем на дрожащий, и по своим артикуляционным характеристикам, и по акустическим свойствам» [Бондарко 1977: 84]. Здесь вызывает удивление противопоставление *щелевого дрожащему*, поскольку, как будет показано ниже, эти артикуляции вполне могут совмещаться.

лами [Bolla 1981: 76—77]. Такую же картину отпечатков интервокального [p] на палатограмме слова *араб* находим в работе А. М. Кузнецовой [Кузнецова 1969: 50]. Л. Р. Зиндер приводит кимограммы слов *куда* и *Кура*, свидетельствующие о кратковременности смычки у вибранта и сравнению со смычным [д] и замечает: «Неправильно рассматривать дрожание как некий вид смычных, при котором происходит быстрая смена смычки со взрывом. *Если бы это было так, то одноударный дрожащий не отличался бы от смычного* (курсив мой. — Р. К.)» [Зиндер 1979: 146]. Заметим в связи с этим, что на приведенных кимограммах различие как раз отчетливо видно, и оно заключается именно в *длительности* смычки.

Как вытекает из вышеизложенного, все эти данные (точечные контакты апекса с альвеолами, кратковременность смычки) свидетельствуют об одном: вибранты в русском языке в некоторых позициях могут образовываться как *мгновенные толчковые* (*taps*) — во всяком случае, это относится к твердому вибранту [p].

На рис. 8 представлены спектрограммы слов *ка́ра* и *ко́ра* в произношении мужчины-москвича. В обоих случаях твердый вибрант был реализован как одноударный *tap* с очень краткой смычкой. В ударном слоге (*ко́ра*) смычка имеет более кратковременный характер, чем в заударном. От смычного [д] интервокальный русский [p] на спектрограмме отличается только длительностью смычки.

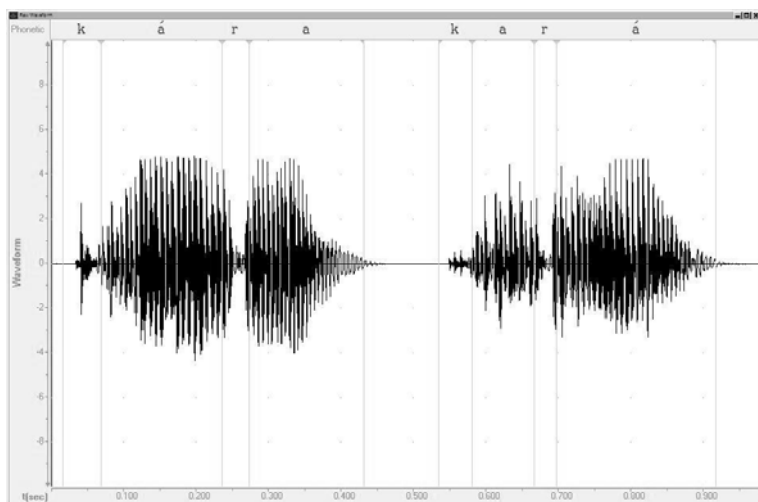

Рис. 8

Описание подобных артикуляций применительно к материалу других языков находим во многих современных фонетических работах (см. [Gimson 1970: 31; Crystal 1987: 153; Ladefoged, Maddieson 1996: 231]). Подобные артикуляции встречаются в разных языках мира. Как правило, они возникают при апико-альвеолярном положении языка. В британском английском таким образом артикулируется /r/ в интервокальной позиции, напр., в слове *very* (см. [Gimson 1970: 31]). Известен этот звукотип и фонетике испанского языка, где мгновенный смычный [r] фонологически противопоставлен вибранту [r], как в *pero* — *perro* (см. [Quillis 1963]). Испанский *tap*, впрочем, характеризуется как дентальный, а не альвеолярный (см. [Mопnot, Freeman 1972]). Характерен этот согласный и для американского английского, где он выступает в интервокальной позиции не только на месте фонемы /r/, но и на месте смычных /t/ и /d/: ср., напр., *city*, *latter* и *ladder*, произносимые в разговорной американской речи как [síri, læérə] (см. [Ladefoged, Maddieson 1996: 231]).

При произношении мягкого вибранта смычная артикуляция может осуществляться также и в виде *мгновенного скользящего* согласного (flap)²⁵. Особенно отчетливо это проявляется в заударных интервокальных позициях (напр., *Вáря, нá береэ*)

В тех случаях, когда происходит только сближение апекса с предполагаемой зоной контакта, но при отсутствии настоящей смычки, вибрант (обычно одноударный [pʰ]) может реализоваться как щелевой — хотя это может и расходиться с артикуляционными намерениями говорящего. От щелевого согласного типа [ж] этот согласный отличается краткостью (см. рис. 9) и наличием вибраций кончика языка. Таким образом [pʰ] может реализоваться как *щелевой дрожащий*.

Наиболее характерна такая артикуляция для [pʰ] в заударной интервокальной позиции (*бéрег, нáрень*). Как кажется, такое произношение [pʰ] возможно даже в конечной позиции (напр., *гарь, тепéрь, дéверь*).

²⁵ Относительно *taps u flaps* (в английской терминологии) можно сказать, что между этими двумя артикуляционными типами существует очень тонкое различие, принимаемое во внимание далеко не всеми фонетистами: при общей зоне образования (альвеолы или постальвеолярная зона), при общем активном артикуляторе (апекс или ламина) и при одинаковой — очень краткой — длительности смычки *flap* образуется кратким движением языка по касательной вдоль зоны контакта, а *tap* — точечной мгновенной смычкой (см. [Ladefoged, Maddieson 1996: 231]).

На рис. 9 приведены спектрограммы слов *náritь* и *parítь* в произношении того же диктора. На спектрограммах видно, что в том месте, где должна быть смычка, отчетливо видны шумовые составляющие, соответствующие кратковременной щелевой артикуляции. Следовательно, и в ударном слоге возможен одноударный щелевой [pʰ].

Согласные такого качества, т. е. образуемые сближением языка с зоной контакта и являющиеся по существу глайдами, в современной фонетике определяются как *аппроксиманты* (*approximants*) (см. [Ladefoged 1964; Crystal 1987: 157]).

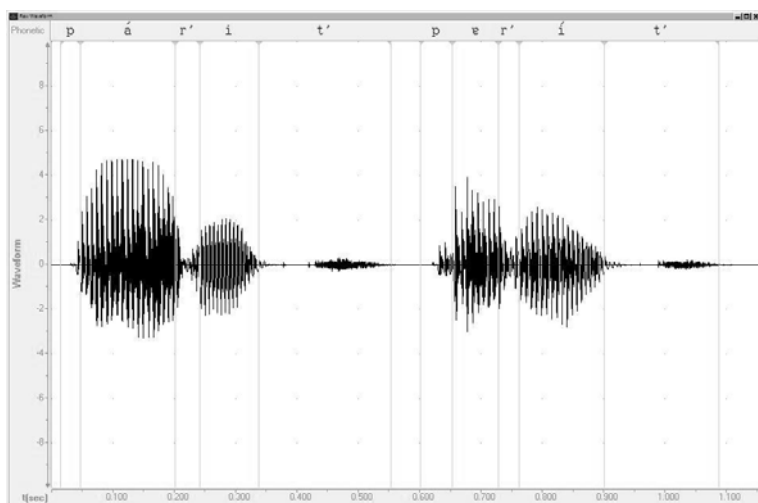

Рис. 9

Что касается вопроса о количестве ударов при произношении вибрантов, то даже здесь нет единого мнения среди специалистов, хотя проверка этого параметра не требует трудоемких артикуляционных исследований. Такую информацию можно получить при анализе осциллограмм.

М. И. Матусевич дополняет описание русских дрожащих сведениями о количестве ударов кончика языка об альвеолы при их артикуляции: «Количество этих “ударов” может быть различно, в русском [p] не очень раскатистое, и зависит это от его фонетического положения в слове: в начале слова перед гласным, перед и после согласного (например: *рак, право, рдеть*) оно имеет одну-две вибрации; между гласными — одну вибрацию (например, *nápa, корá* и др.)»

и только на конце слова — три-четыре вибрации, из которых последние обычно оглушаются (например, *пар*, *уда́р* и др.)» [Матусевич 1976: 155]. К. Болла пишет, что «при образовании дрожащего согласного (твердого [p]. — *P. K.*) кончик языка производит 3-4 удара (в некоторых фонетических положениях меньше, 1-2 удара)» [Bolla 1981: 145]. Характеристика мягкого дрожащего в той же работе такова: «...звук образуется быстро следующими один за другим прерывистыми смыканиями и размыканиями кончика языка» [Ibid.: 146].

Л. В. Бондарко полагает, что «количество вибраций — или ударов — может быть различным и зависит от многих факторов. Чаще всего в сочетании CV твердый дрожащий бывает двухударным, тогда как мягкий — одноударным» [Бондарко 1998: 64].

По нашим наблюдениям, многоударные вибранты в русском современном литературном произношении — большая редкость.

При этом согласные с такой артикуляционной характеристикой, безусловно, существуют в некоторых диалектах русского языка (где они физически не отличаются от «раскатистого» [ɾ] в испанском, судя по описаниям этого звука). Так, например, многоударные вибранты характерны для архангельских говоров (см. [Касаткин, Касаткина 1992: 131—132]), в которых они существуют в условиях корреляции согласных по напряженности/ненапряженности.

В русском литературном языке вибранты одноударны во всех неконечных позициях, кроме позиции перед и после согласного (*тра́вка*, *трава́*, *фо́рма*, *ко́бра*; *пря́мо*, *прямо́й*, *три*, *го́рько*), где произносятся преимущественно двухударные дрожащие. Оптимальной позицией для реализации неоднударных вибрантов является позиция между двумя согласными, напр., на межсловной границе (*зубр вы́шел*; *октябрь насту́пил*)²⁶. См. рис. 10—12.

При эмфазе в любых позициях возможно произношение и более «раскатистых» согласных.

В позиции конца слова количество ударов варьирует от одного до трех, и определяется это в значительной мере линейной позицией слова во фразе и характером ее интонационного оформления. При понижении тона к концу высказывания (при ИК-1) конечный поствокальный [p] скорее всего одноударен либо двухударен с оглушением последней смычки; [p'] в этих фразовых условиях реализуется обычно как аппроксимант. Ср. произношение конечных вибрантов

²⁶ См. об этом также [Скрелин 1999: 48].

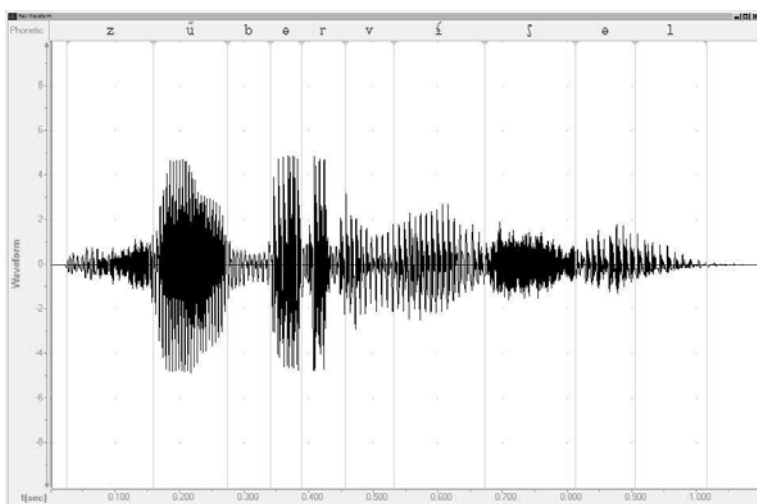

Рис. 10. Осциллограмма высказывания *Зуб вышел.*

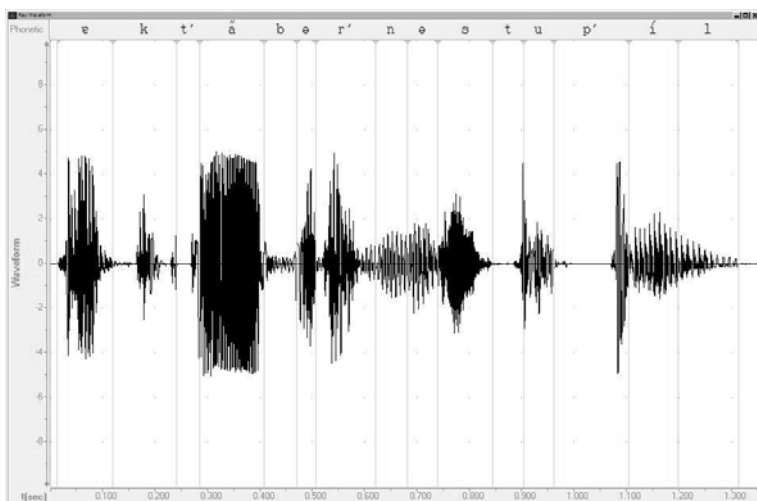

Рис. 11. Осциллограмма высказывания *Октябрь наступил.*

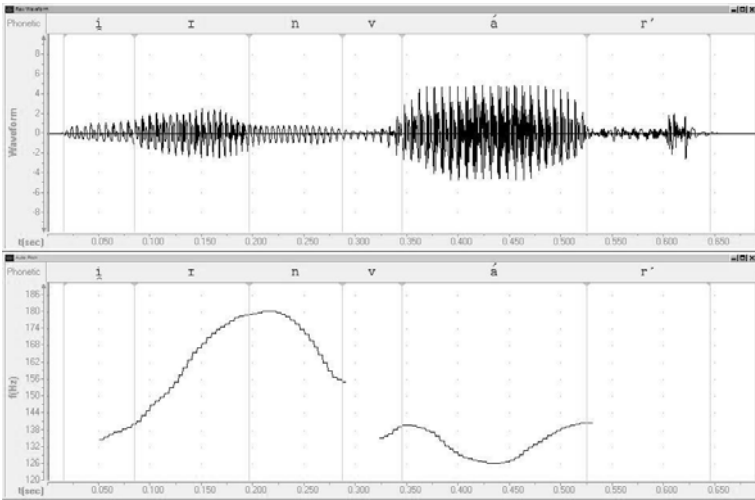

Рис. 12. Осциллограмма высказывания *Январь*.

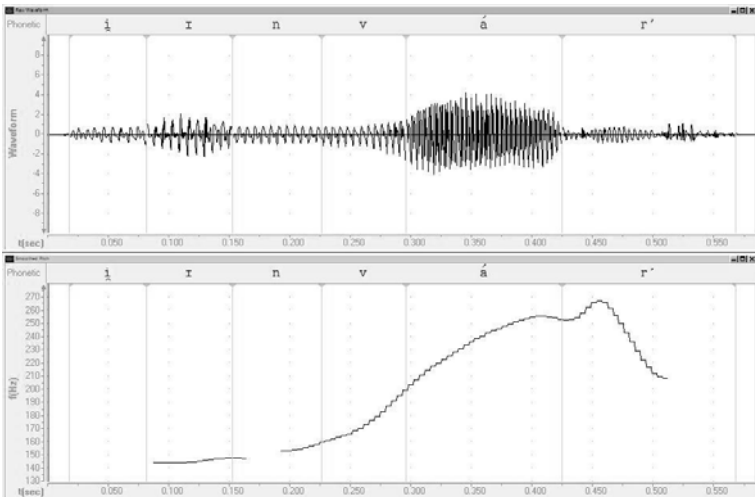

Рис. 13. Осциллограмма высказывания *Январь?*

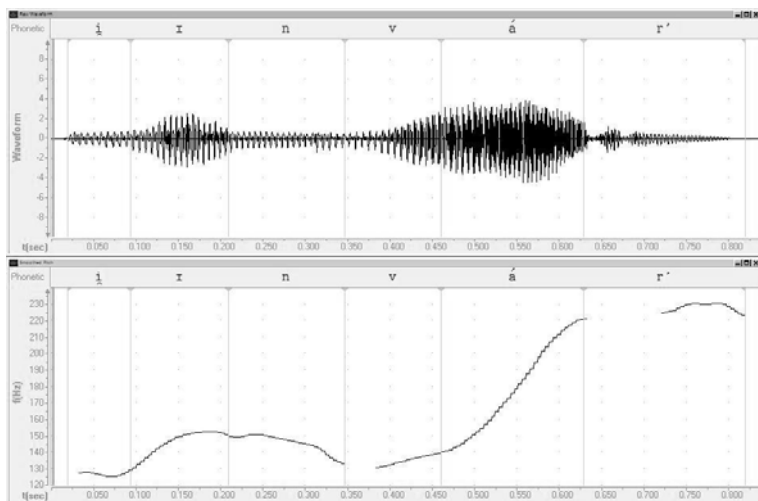

Рис. 14. Осциллограмма высказывания *Январь?*

в следующих высказываниях, произнесенных с ИК-1: *Лыжники вошли в сосновый бор. Стоял морозный январь.* Постконсонантные вибранты в этой фразовой позиции оглушаются полностью (*Сегодня идем в театр; Из чащи выскочил разъяренный вепрь*) или частично (*Он к нам всегда добр; Наступил морозный декабрь*) см. об этом подробнее в [Касаткин, Пауфوشима 1984].

В тех случаях, когда конечные поствокальные вибранты произносятся при высоком завершающем тоне, напр., при оформлении вопросительного высказывания без постцентральной части ИК-3 или ИК-4, ИК-6, эти согласные, как правило, не оглушаются. Ср. *Тогда был январь?* — ИК-3, ИК-4, ИК-6. *Там был собор?* — ИК-3, ИК-4, ИК-6.

Это наблюдение является ещё одним подтверждением особого статуса фразовых позиций под восходящим тоном: эти позиции относятся к категории сверхсильных (раздел I).

7. Ларингализация на сегментном уровне русской фонетики

Гортанные артикуляции традиционно считаются принадлежностью древних языков, см., напр., [Иванов 1965], а также некоторых современных, преимущественно экзотических [Вернер 1969; Иванов 1971]. Как показали исследования последних десятилетий, присутствуют соответствующие артикуляции и в фонетической системе со-

временного русского языка. Эту тему в русской фонетике первыми начали разрабатывать С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова, открыв серию публикаций статьей [Кодзасов, Кривнова 1977]. Это и все их последующие исследования русского речевого материала были направлены на выяснение роли гортанных артикуляций в русской речевой просодии.

Е. А. Брызгунова в свой реестр основных русских интонационных конструкций специально ввела ИК-7, которая отличается от ИК-3 дополнительной ларингальной артикуляцией — гортанной смычкой. С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова обнаружили в русской речи и другие типы гортанных фонаций (придыхание, «расслабленный» и «скрипучий» голос), вносящих дополнительные краски в реализацию отдельных участков речи или играющих в речевом потоке делимитативную роль.

Что же касается сегментных функций этих артикуляций, то применительно к современной русской литературной фонетике²⁷ они не рассматривались, а считались принадлежностью фонетических систем других языков: арабского, хауса, корейского, тайского, хинди, маратхи, ненецкого, нганасанского, иберийско-кавказских, и других. Отмечены сегментные гортанные артикуляции и в английском (в его британском и американском вариантах), и в немецком языках. Подробный обзор на эту тему содержится в [Ladefoged, Maddieson 1996: 48; Кривнова, Андреева 2007: 88—91].

Однако в последнее время становится все более очевидным, хотя и не исследованным до конца, также участие работы гортани и на сегментном фонетическом уровне русской звуковой системы. В статье [Добродомов 2002] содержится тщательный обзор всех исследований отечественных ученых на эту тему и оценивается роль одной из разновидностей ларингальных артикуляций — гортанной смычки, возникающей в качестве эпентезы или протезы в определенных позициях в русской сегментной фонетике.

Прецизионная классификация возможных способов работы гортани в языках мира содержится в фундаментальной работе американских исследователей П. Ладефогед и И. Меддисона [Ladefoged, Maddieson 1996]. По данным авторов, кроме *гортанной смычки* (*glottal stop*), в разных языках представлены следующие гортанные

²⁷ В некоторых севернорусских диалектах С. С. Высотский обнаружил гортанный смычный [ʔ] в соответствии с фонемой /k/ русского литературного языка [Высотский 1978: 127].

артикуляции: *скрипучий* и *хриплый голос* (*creaky & breathy voice*), а также *жесткая* (*stiff*) и *вялая* (*slack*) фонации. Авторы обращают внимание на то, что «детальное изучение работы голосовых связок показывает всю сложность этого феномена, и об этом нам еще многое предстоит узнать» (Там же: 49). Для дальнейшего изложения важно подчеркнуть, что все перечисленные возможности гортанных фонаций можно разделить на две неравные группы: *гортанная смычка* противопоставлена всем другим видам ларингализации как *концентрированная* — *разлитым* (точнее было бы назвать это противопоставление *компактным* — *диффузным*, если бы эти термины уже не были заняты), поскольку *glottal stop*, подобно другим смычным согласным, характеризуется определенными временными координатами, а все другие виды ларингализации сопровождают протекание (просодию) отдельных сегментов речевой последовательности и не имеют точной локализации по времени. Тем самым, гортанная смычка — это автономный речевой сегмент, а фонации взаимодействуют с другими сегментами: сочетаются с ними, «накладываются» на них, т. е. здесь мы имеем дело с *основной* и *дополнительной* артикуляцией, если иметь в виду уровень сегментной фонетики.

Наблюдения над современной русской спонтанной речью, а также результаты интроспективного анализа показали, что в русском языке ларингальный компонент может появляться в качестве одной из позиционных реализаций фонемы /j/ [Касаткина 2007: 417]. Артикуляционная (и акустическая) «непохожесть» йот-образных и ларингальных сегментов не может, с позиции московской фонологии, служить препятствием для объединения их в одну фонему. Впрочем, с одной точки зрения, у этих согласных все же имеется определенное сходство: и те, и другие могут выступать в качестве протез (*эх, јэх, ъэх*) или эпентез в хиатусах (ср. *иди́от, иди́јот, иди́џот*). Кроме того, обсуждаемое аллофоническое варьирование типологически сходно с историческим чередованием /ʔ//j/, представленным в фонетических системах ряда языков и, в частности, отмеченным Вяч. Вс. Ивановым в некоторых енисейских языках [Иванов 1971: 130—131].

Гортанные реализации /j/ в русской речи представлены двумя артикуляционными типами: гортанной смычкой и «скрипучим голосом»²⁸. Рассматриваемые ларингальные артикуляции наблюдаются в

²⁸ Ввиду неразработанности этой темы в русистике не беремся утверждать, какой именно тип гортанной фонации — *скрипучий*, *хриплый* или *жесткий* — здесь имеет место, поэтому выбор термина «скрипучий» условен.

качестве факультативных реализаций в некоторых позициях /j/: перед поствокальным [и] в хиатусах: *бои́, мой́* и т. п., а также в постконсонантной позиции перед [и] как ударным (*семьí, статы́* и т. п.) так и безударным (*ли́сьи, ра́чыи, свáтыи, сéмыи* и т. п.); см.: [Касаткина 2007: 417]. В первых двух случаях возможно произношение гортанного смычного на месте /j/, но значительно вероятнее во всех перечисленных случаях появление *разлитой* ларингальной фонации на ударном гласном (*семьí, статы́*), либо на всех гласных, входящих в состав слова (*сéмыи, свáтыи*).

Таким образом, из всех перечисленных выше гортанных артикуляций наиболее часто представленными в русской речи являются *разлитые* формы, они представляют собой дополнительную гортанную артикуляцию.

Описание восприятия подобной артикуляции находим в статье О. Ф. Кривновой и А. М. Андреевой: «В таких, весьма отличных от нейтральной фонации, условиях гласный приобретает перцептивные свойства сдавленности, напряженности, испорченности, скрипучести». [Кривнова, Андреева 2007: 85]. На осциллограммах это отражается в виде «биений», пульсирующих перебивов, накладывающихся на основной рисунок кривой.

На рис. 15 приведена осциллограмма слова *семьí* с «каноническим» [j] в соответствии с фонемой /j/, а на рис. 16 то же слово со «скрипучей» фонацией, окрашивающей конечный гласный [й] и часть предшествующего согласного [j]. Об этом свидетельствует появление беспорядочных колебаний на соответствующих сегментах.

Еще более ярко проявляется ларингальная «скрипучая» фонация, окрашивающая заударное *и*, при элизии предшествующего *ј*. Этот эффект можно видеть на рис. 17 и 18, где представлены реализации слова *ли́сьи*, записанного от разных дикторов.

Для большей наглядности произведена сегментация, благодаря которой можно видеть, что на рис. 17 гортанной фонацией окрашена вторая половина гласного [и].

На рис. 18 «скрип» проявляется на всей длительности заударного гласного, который реализуется на очень низком тоне.

Представленные реализации не отличаются высокой частотностью в речи, они присущи определенным фразовым позициям. Например, возможно их появление в репликах-ответах на вопрос:

Чьи это следы? — Лисьи.

Что ты принес? — Статы́.

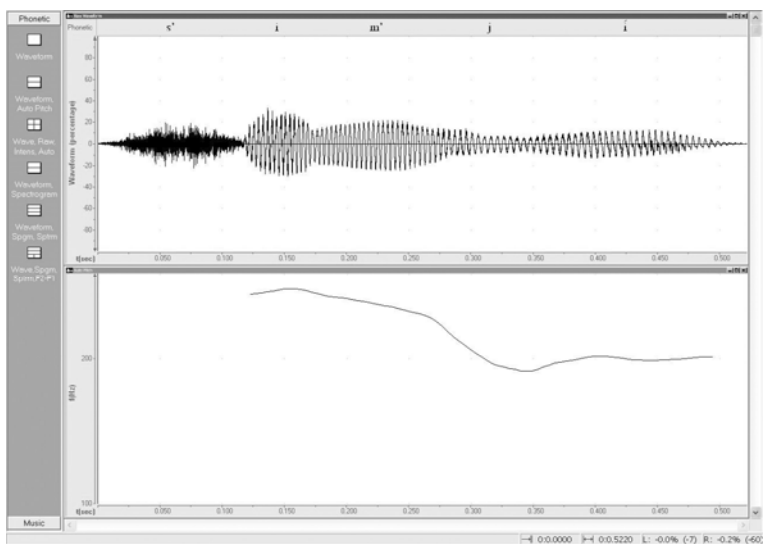

Рис. 15. семья.

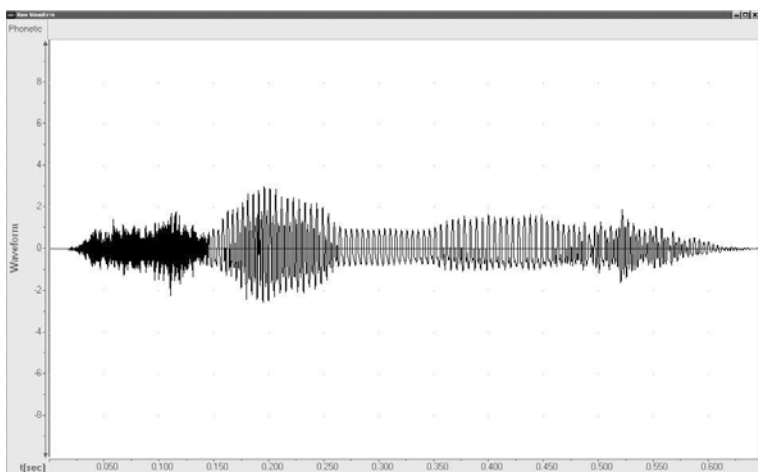

Рис. 16. семья

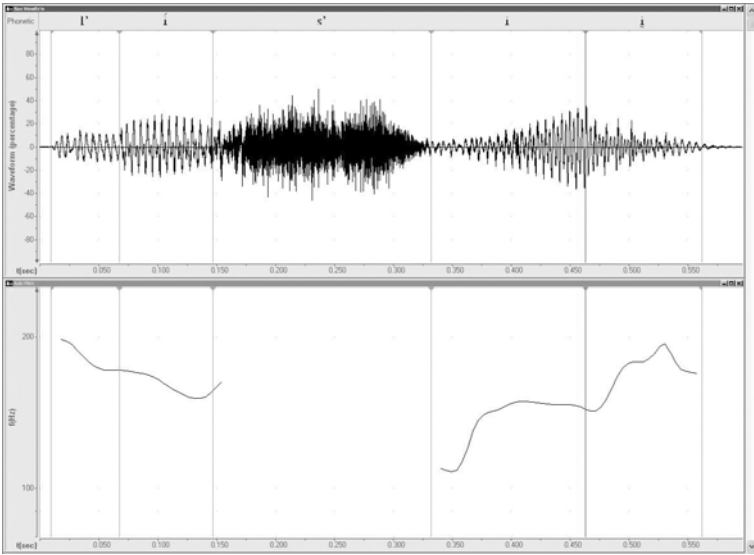

Рис. 17. лісьи

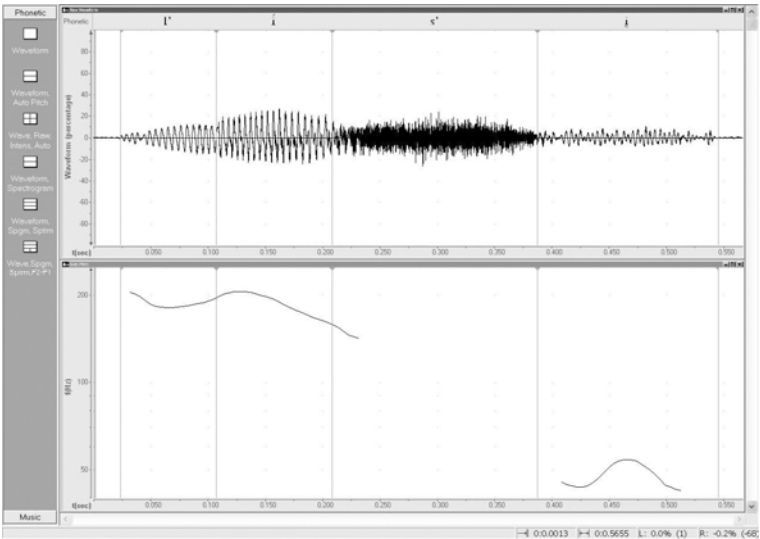

Рис. 18. лісьи

Исследуя явления глоттализации на суперсегментном уровне русской речи, О. Ф. Кривнова отмечает, что более высокой степенью встречаемости глоттализации и значительно бóльшим разнообразием ее фонетических реализаций отличается женская речь [Кривнова, Андреева 2007: 104]. То же можно отнести и к сегментному уровню: согласно нашим наблюдениям, гортанные артикуляции в качестве реализаций фонемы /j/ более свойственны женской речи, чем мужской.

Литература

- Аванесов 1950 — *Р. И. Аванесов*. Русское литературное произношение. М., 1950.
- Аванесов 1956 — *Р. И. Аванесов*. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов 1972 — *Р. И. Аванесов*. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972.
- Аванесов 1984 — *Р. И. Аванесов*. Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984.
- Антонова 2008 — *О. В. Антонова*. Некоторые особенности реализации инициальной фонемы /j/ перед [и] в формах местоимений *их, им, ими* // Язык современного города. Тезисы докл. междунар. конф. Восьмые Шмелевские чтения. М., 2008. С. 9—11.
- АОС 1980 — Архангельский областной словарь / Под. ред. О. Г. Гецовой. Т. 1—13. М., 1980—2010.
- Арзиани 2008 — *Е. Л. Арзиани*. Экспериментальные данные о реализации фонемы /j/ в некоторых фонетических позициях в современном русском литературном языке // Русск. яз. в науч. освещении. М., 2008. № 1 (15). С. 159—173.
- Бардин 1976 — *К. В. Бардин*. Проблема порогов чувствительности и психофизические методы. М., 1976.
- Баринова 1973 — *Г. А. Баринова*. Фонетика // Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973. С. 40—150.
- Бархударова 2002 — *Е. Л. Бархударова*. Явление вариативной реализации фонем и проблемы восприятия русской звучащей речи // Проблемы фонетики IV / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002. С. 31—36.
- Богородицкий 1887 — *В. А. Богородицкий*. Курс грамматики русского языка. Ч. I. Фонетика. Варшава, 1887.
- Бондарко 1961 — *Л. В. Бондарко*. Оттенки русских ударных гласных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1961.

- Бондарко 1977 — *Л. В. Бондарко*. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- Бондарко 1998 — *Л. В. Бондарко*. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
- Бондарко и др. 1974 — *Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер, В. Б. Касевич*. Стили произношения и типы произнесения // *Вопр. языкознания*. М., 1974. № 2.
- Брандт 1892 — *Р. Ф. Брандт*. Лекции по исторической грамматике русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1892.
- Брызгунова 1977 — *Е. А. Брызгунова*. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
- Брызгунова 1980 — *Е. А. Брызгунова*. Интонация // *Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. М., 1980. С. 96—122.*
- Вахек 1967 — *Й. Вахек*. К проблеме письменного языка // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.
- Вернер 1969 — *Г. К. Вернер*. Звуковая система сымского диалекта кетского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1969.
- Вещикова 2007 — *И. А. Вещикова*. Орфоэпия: Основы теории и прикладные аспекты. М., 2007.
- Высотский 1967 — *С. С. Высотский*. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // *Очерки по фонетике севернорусских говоров*. М., 1967.
- Высотский 1978 — *С. С. Высотский*. Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонологического строя говоров // *Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах / Отв. ред. С. С. Высотский. М.: Наука, 1978.*
- Гаспаров 1978 — *Б. М. Гаспаров*. Устная речь как семиотический объект // *Семантика номинации и семиотика устной речи. I. Тарту, 1978.*
- Гвоздев 1957 — *А. Н. Гвоздев*. Обладают ли позиции различительной силой? // *Вопр. языкознания*. 1957. № 6.
- Добродомов 2002 — *И. Г. Добродомов*. Беззаконная фонема /ʔ/ русского языка // *Проблемы фонетики IV / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002.*
- Дукельский 1962 — *Н. И. Дукельский*. Принципы сегментации речевого потока. М.; Л., 1962.
- Еськова 2004 — *Н. А. Еськова*. Вспоминая Учителя // *Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К столетию со дня рождения А. А. Реформатского / Отв. ред. В. А. Виноградов. М., 2004. С. 579—593.*
- Зализняк 2003 — *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка: словоизменение. 4-е изд., испр. и доп. М., 2003.
- Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зиндер 1964 — *Л. Р. Зиндер*. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков // *Вопр. фонетики*. Л., 1964.

- Зиндер 1979 — *Л. Р. Зиндер*. Общая фонетика. 2-е изд. М., 1979.
- Зиндер и др. 1958 — *Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко, М. В. Гордина, Н. Д. Светозарова, Л. П. Щербакова*. Отчет кафедры фонетики ЛГУ им. А. А. Жданова. ЛГУ, 1958 (рукопись).
- Златоустова 1954 — *Л. В. Златоустова*. Длительность гласных и согласных звуков русского языка // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Т. 114, кн. 6. Казань, 1954.
- Златоустова 1962 — *Л. В. Златоустова*. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
- Златоустова и др. 1968 — *Л. В. Златоустова, И. Г. Фролова, Е. В. Ленина, И. П. Оловяникова, И. Ф. Бывшева*. Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968.
- Зубкова 1974 — *Л. Г. Зубкова*. Фонетическая реализация консонантных противоположений в русском языке. М., 1974.
- Иванов 1965 — *Вяч. Вс. Иванов*. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
- Иванов 1971 — *Вяч. Вс. Иванов*. О происхождении ларингализации — фарингализации в енисейских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.
- Йокояма 2003 — *О. Б. Йокояма*. Нейтральная и ненейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы ИК // Вопр. языкознания. 2003. № 5.
- Каленчук 1986 — *М. Л. Каленчук*. Особенности реализации согласных фонем на стыках морфем в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Каленчук 1993 — *М. Л. Каленчук*. Орфоэпическая система современного русского литературного языка: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
- Касаткин 1968 — *Л. Л. Касаткин*. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных в русских говорах. М., 1968.
- Касаткин 1999а — *Л. Л. Касаткин*. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории языка. М., 1999.
- Касаткин 1999б — *Л. Л. Касаткин*. Аффрикаты на месте взрывных согласных перед шелевыми в русском языке // Проблемы фонетики III / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 1999.
- Касаткин 2003 — *Л. Л. Касаткин*. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003.
- Касаткин 2006 — *Л. Л. Касаткин*. Современный русский язык. Фонетика. М., 2006.
- Касаткин 2008 — *Л. Л. Касаткин*. Современный русский язык: Фонетика. 2-е изд. М., 2008.
- Касаткин, Касаткина 1992 — *Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина*. Противопоставление согласных по напряженности-ненапряженности в северно-

- русских говорах // Русистика сегодня: Функционирование языка: лексика и грамматика / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1992.
- Касаткин, Касаткина 2004 — *Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина*. Особенности реализации фонемы /j/ в позиции после согласного перед гласным в русском литературном языке // *Russian Linguistics*. 2004. 28.
- Касаткин, Пауфошима 1984 — *Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Пауфошима*. Акустическая характеристика противопоставления сонантов шумным согласным // *Фонология и просодия слова: Сб. науч. трудов*. М., 1984.
- Касаткин, Чой 2005 — *Л. Л. Касаткин, М. Ч. Чой*. Долгота/краткость согласного на месте сочетаний двух согласных букв в современном русском литературном языке. М., 2005.
- Касаткина 2007 — *Р. Ф. Касаткина*. О некоторых ларингальных артикуляциях в русской сегментной фонетике // *Проблемы фонетики V* / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2007.
- Касаткина 2008 — *Р. Ф. Касаткина*. Многоликий йот // *Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова*. М., 2008.
- Кодзасов 1989 — *С. В. Кодзасов*. О просодии русского слова // *Славянское и балканское языкознание. Просодия*. М., 1989.
- Кодзасов 2009 — *С. В. Кодзасов*. Исследования в области русской просодии. М., 2009.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова*. Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // *Проблемы теоретической и экспериментальной фонетики* / Под ред. В. А. Звегинцева. М., 1977.
- Кошутий 1919 — *Рад. Кошутич*. Грамматика руског језика. 1. Гласови. 2-о изд. Пг., 1919.
- Кривнова, Андреева 2007 — *О. Ф. Кривнова, А. М. Андреева*. Ларингализация и ее функции в речи // *Проблемы фонетики V* / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2007.
- Кузнецов 1997 — *В. И. Кузнецов*. Вокализм связной речи: Экспериментальное исследование на материале русского языка. СПб., 1997.
- Кузнецов 1949 — *П. С. Кузнецов*. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 5—44.
- Кузнецов, Отт 1989 — *В. Б. Кузнецов, А. В. Отт*. Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования «буква-звук» и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн, 1989.
- Кузнецова 1965 — *А. М. Кузнецова*. Изменение гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.
- Кузнецова 1969 — *А. М. Кузнецова*. Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости-мягкости согласных в русских говорах // *Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров* / Под ред. С. С. Высотского. М., 1969.

- Кузьмина 1981 — С. М. Кузьмина. Теория русской орфографии: Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М., 1981.
- Лаптева 2000 — О. А. Лаптева. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 2-е изд. М., 2000.
- Лотман 1992 — Ю. М. Лотман. Устная речь в историко-культурной перспективе // Ю. М. Лотман. Избранные статьи: В 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.
- Матвеева 1966 — Н. А. Матвеева. Несколько замечаний о пограничных сигналах // Проблемы лингвистического анализа. М., 1966.
- Матусевич 1976 — М. И. Матусевич. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976. [Учебн. пос. для пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература»].
- Николаева 1982 — Т. М. Николаева. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева 2000 — Т. М. Николаева. От звука к тексту. М., 2000.
- Николаева 2008 — Т. М. Николаева. Почему лингвисты не любят «про интонацию»? // Фонетика и нефонетика. К 70-летию С. В. Кодзасова. М., 2008.
- Оде 2007 — С. Оде. Заметки о понятии *тональный акцент* на примере русского языка // Проблемы фонетики V / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2007. С. 237—249.
- Панов 1961 — М. В. Панов. О разграничительных сигналах в языке // Вопр. языкознания. 1961. № 1.
- Панов 1967 — М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.
- Панов 1979 — М. В. Панов. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
- Панов 1990 — М. В. Панов. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.
- Панов 2002 — М. В. Панов. История русского литературного произношения: XVIII—XX вв. М., 2002.
- Панов 2004 — М. В. Панов. Фонетические «фантомы F» // М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004.
- Пауфошима 1983 — Р. Ф. Пауфошима. Некоторые особенности сандхи в севернорусских говорах // Русские народные говоры: лингвогеографические исследования / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1983.
- Пауфошима 1985 — Р. Ф. Пауфошима. Следы музыкального ударения в современном вологодском говоре // Дialeктография русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. М., 1985.
- Подвысоцкий 1882 — А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1882.

- Реформатский 1970 — *А. А. Реформатский*. Фонологические заметки // Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Реформатский 1979 — *А. А. Реформатский*. Очерки по фонологии, морфологии и морфологии. М., 1979.
- Реформатский 1997 — *А. А. Реформатский*. Введение в языковедение. М., 1997.
- Скалозуб 1963 — *Л. Г. Скалозуб*. Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев, 1963.
- Скрелин 1999 — *П. А. Скрелин*. Сегментация и транскрипция. СПб., 1999.
- Степанов, Эдельман 1976 — *Ю. С. Степанов, Д. И. Эдельман*. Принципы описания языков мира // Семиологические принципы описания языка. М., 1976.
- Торсуева 1995 — *И. Г. Торсуева*. Просодия литературного текста // Проблемы фонетики II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 248—258.
- Трубецкой 1960 — *Н. С. Трубецкой*. Основы фонологии. М., 1960.
- Чернышёв 1915 — *В. И. Чернышёв*. Законы и правила русского произношения. Пг., 1915.
- Щерба 1912 — *Л. В. Щерба*. Русские гласные в качественном и количественном отношении // Записки историко-филологического фак-та С.-Петербург. ун-та. Ч. 107. СПб., 1912.
- Щерба 1939 — *Л. В. Щерба*. Фонетика французского языка. 2-е изд. Л., 1939.
- Bolinger 1986 — *D. L. Bolinger*. Intonation and its parts. Melody in spoken English. London, 1986.
- Bolla 1981 — *K. Bolla*. A Conspectus of Russian Speech Sounds. Budapest, 1981.
- Chafe 1976 — *W. Chafe*. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and points of view // Subject and topic / *C. Li* (ed.). New York: Academic Press, 1976.
- Crystal 1987 — *D. Crystal*. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge University Press. 1987.
- Gimson 1970 — *A. C. Gimson*. An Introduction to the Pronunciation of English. London, 1970.
- Hussenhoven 1990 — *C. Hussenhoven*. Tonic association domains and the prosodic hierarchy in English // Studies in the pronunciation of English / *S. M. Ramsaran* (ed.). London, 1990.
- Ladd 1996 — *R. Ladd*. Intonational phonology. Cambridge, 1996.
- Ladefoged 1964 — *P. Ladefoged*. A Phonetic Study of West African Languages. Cambridge (UK), 1964.
- Ladefoged, Maddieson 1996 — *P. Ladefoged, I. Maddieson*. The sounds of the World's languages. Cambridge (Mass.), 1996.
- Laver 1996 — *J. Laver*. Principles of Phonetics. Cambridge (UK), 1994.
- Monnot, Freeman 1972 — *M. Monnot, M. Freeman*. A Comparison of Spanish single-tap /t/ with American /t/ and /d/ in post-stress intervocalic position //

-
- Papers in Linguistics to the Memory of Pierre Delattre / A. Valdman (ed.). The Hague: Mouton, 1972.
- Quillis 1963 — *A. Quillis*. Fonética y Fonología del Español. Consejo Superior de Investigaciones Científicas. Madrid, 1963.
- Pierrehumbert 1980 — *J. Pierrehumbert*. The phonology and phonetics of English intonation. PhD thesis. Cambridge (Mass.), 1980.

Глава II

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОНЕТИКЕ ПОДСИСТЕМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Особенности произношения заимствованных слов

1.1. Консонантизм заимствований

В наше время очень много говорят и пишут о новых заимствованиях в русском языке, причем, как правило, с отрицательными коннотациями: говорят о засорении русского языка, о его порче, о словесном мусоре и т. п. Оставляя в стороне вопрос о влиянии новых заимствований на систему языка в целом, коснемся только его звуковой стороны, т. е. фонетики и орфоэпии русского языка в эпоху массивованного вторжения *ксенизмов*, употребляя это слово в терминологическом смысле, без негативной оценки.

Тезис, который обосновывается и защищается в этом разделе: фонетической системой языка заимствуется только то, к чему система подготовлена, хотя бы в каком-то своём фрагменте. Какими бы массивованными ни были потоки заимствований, они не оказывают влияния на звуковую сторону языка-реципиента, если она защищена многослойной бронёй: определённым фонемным составом, набором аллофонов, сложившимися алгоритмами реализации фонем в речи, цепочками звуковых чередований.

Если в фонетической системе отсутствуют аллофоны, существующие в языке-доноре, они не заимствуются. Но если какие-то аллофоны уже существуют в языке, хотя бы и в качестве позиционно обусловленных редких звукотипов, почва для расширения сферы функционирования таких аллофонов и даже для отрыва их от позиций уже готова. В тех участках системы, где имеются какие-либо слабые звенья, возможны прорывы и «прорастание» новых фонематических отношений.

Лингвистам хорошо известно, что в истории русского языка уже были периоды массовых вторжений новой лексики, и что в то время

процессы заимствования фонетических черт происходили именно таким образом. Это положение можно проиллюстрировать двумя примерами из истории фонетики русского языка: 1) возникновением чередования твёрдых-мягких согласных перед фонемой /e/ и 2) появлением мягких шипящих в связи с заимствованиями из французского языка.

К началу Петровской эпохи, т. е. ко времени массового притока заимствований, русский язык уже принял множество более старых заимствований из греческого и латинского языков, а также единичных слов из тюркских и других языков, напр., из греческого: *дѣисис*, *дѣльта*, из лат. *декáн*, *депозит*, *диалѣкт* и *дефиниция* (через польск.), из тюркских *деньгá*, из тюркских или иранских *дѣрвиш*, из немецкого *дирѣктор*, *дизентерія*. Произношение твёрдых согласных перед *e* в некоторых из этих слов сохранилось до нашего времени.

В XVIII в. появилось большое количество заимствований из западноевропейских языков. В Петровскую эпоху, по данным Этимологического словаря русского языка [ЭСРЯ 1971], из французского языка были заимствованы такие слова, как *водевиль*, *галифѣ*, *дебош*, *деви́з*, *дезабилѣ*, *деса́нт*, *дефилѣ*, *канапѣ* и др., из голландского — *бейдевинд*, *гульден*, *ватерли́ния*, *ватерпа́с*, *верп*, *верфь*, *дрейф*, *корвѣт*, *крѣйсер*, *крен*, *рейд*, *рея*, *фрегáт* и др., из немецкого — *дезерти́р*, *деко́кт*, *декрѣт*, *дефѣкт*, *дивѣрсия*, *дилѣмма*, *докумѣнт*, *эфрѣйтор*, из английского *бѣйлиф*, *беккрóсс*, *вест* и др. Во многих из этих слов до наших дней произносятся твёрдые согласные перед *e*. В целом ряде заимствований (*абсорбѣнт*, *абсо́рбер*, *аллѣгро*, *аллѣя*, *бекáр*, *бекáс*, *деви́з*, *дево́н*, *метр*, *секунда*, *серви́з*, *тѣрмин* и др.) произносятся соответствующие мягкие согласные.

Однако противопоставление твёрдых/мягких согласных перед /e/ в эпоху массовых заимствований не было новым, оно уже существовало **внутри** русской фонетической системы. Первым, кто предположил произношение твёрдых согласных перед *e* в фонетической системе XVII в. — нач. XVIII в., в противоположность ситуации перед *ѣ*, был Л. Л. Васильев [Васильев 1910: 195, 202, 209, 214]. Он сделал это на основании изучения московских письменных памятников XVII—XVIII вв. и трудов В. К. Тредьяковского и А. П. Сумарокова. Согласно наблюдениям Л. Л. Васильева, в словах с этимологическим *e* произносились несмягченные согласные (*дэнь*, *дэньги*, *кисэ́ль*, *отэ́ц* и т. д.), а в словах с *ѣ* произносились согласные мягкие (*дѣ́ло*, *стѣ́ны*, *сѣ́рый*, *тѣ́ло* и т. д.). Л. Л. Васильев писал: «Не следует упускать из виду, что... Тредьяковский посредством *ѣ* передавал фран-

цузское *ie* (например, *новоманѣрныя* ⟨...⟩, *пѣса* (*pièse* — ‘пьеса’), которое отличается от *e* не только тем, что передает гласный звук, имеющий перед собою смягченный согласный, но и своим дифтонгическим характером...» [Васильев 1910: 206]¹. Наблюдение Л. Л. Васильева о твёрдости согласных перед *e* и мягкости перед *ѣ* было затем еще раз подтверждено в статье В. В. Виноградова [Виноградов 1919: 276—279], а позднее Б. А. Успенским, который обнаружил то же противопоставление твёрдых и мягких согласных перед *e* и *ѣ* не только в письменных текстах XVII—XVIII вв., но и в литургическом чтении современных старообрядцев [Успенский 1968: 29—36, 54—58]. В указанных системах противопоставлялись не только твёрдые согласные мягким, но противопоставлялись слоги: бемольный *te* — диземольному *t’ѣ*.

Твёрдые согласные перед *e* сохранились из более раннего состояния языка в ряде отдельных лексем, напр., в антропонимах: *Модѣст* — [дэ́], *Орѣст* — [рэ́], в топонимах: озеро *Нѣро* — [нэ́], город *Лодѣйное Поле* — [дэ́] (впрочем, в последнее время появилось уже произношение Ло[д’э́]йное), посёлок *Нѣхма* и др., в апелляциях: *разѣтакій*, *дѣисис* — [дэ́] (из др.-греч. ‘моление’), ряда других слов из церковно-славянского языка (напр., *днесь* — [нэ́]), в просторечных словах *оттѣда*, *оттѣль*, *отсѣль*, *отсѣда* (по наблюдению С. С. Высотского, из устного сообщения).

А. А. Реформатский обратил внимание на то, что сочетание твёрдого согласного с [э́] возникает также в комбинациях предлогов с русскими знаменательными словами: *в этом*, *от этого*, *с таким* и т. п. [Реформатский 1979: 20]. Очень подробно этот вопрос рассматривается в книге М. В. Панова «История русского литературного произношения XVIII—XX вв.» [Панов 1990: 328—360].

¹ М. В. Панов пополняет эту коллекцию. Он пишет: «Петр I в своих письмах требует строительства военных сооружений; среди того, что должно быть сделано, упоминает *полукавалѣры*. Раз есть *полу-*, то, очевидно, есть и целые *кавалѣры*...». Слово *cavalier*, по данным Британской энциклопедии, относится к фортификации, и, согласно М. В. Панову, могло писаться либо через сочетание гласных *ue*, либо через букву *ѣ*, о чем свидетельствуют разные источники, цитируемые в книге [Панов 1990: 356]. Там же находим цитату, из которой ясно, что и слово *инженер* также писалось с *ѣ*: *инженѣр* (заимствовано из фр., *ingénieur*). Т. е. там, где в языке-источнике писалось *ie*, при заимствовании в русский язык могло передаваться как *ѣ*, перед которым произносился мягкий согласный.

Распределение твёрдых и мягких согласных, зависящее от характера следующего гласного — *ѣ* или *е*, дожило до нашего времени в современных русских народных говорах и было зафиксировано в магнитофонных записях диалектной речи из некоторых южнорусских областей: Калужской обл. (Хвастовичский р-н), Рязанской обл. (Михайловский р-н), Тамбовской обл. (Пичаевский р-н), а также из Московской обл. (Шатурский р-н, д. Лека). Эти записи хранятся в фонотеке Отдела фонетики ИРЯ РАН.

Поэтому при возникновении многих новых заимствований в XVIII—XIX веках почва для произношения твёрдых согласных перед *е* уже была подготовлена. В процессе освоения заимствованных слов во многих из них твёрдые согласные заменялись на мягкие, и этот процесс продолжается в наше время, о чем свидетельствует, в частности, существование таких орфоэпических вариантов, как *бэйсик* ([б] и [б']), *белькáнто* ([б] и [б']), *дезодорáнт* ([д] и [д']), *декáн* ([д] и [д']), *прéссинг* ([р] и [р']), *темп* ([т] и [т']) и др.

Другой пример — появление мягких шипящих аллофонов в словах, заимствованных из французского языка: *амбушёр*, *брошюра*, *жюльён*, а также *абажур*, *атташе́*, *жалюзи́*, *желе́*, *жест*, *жиклёр*, *жонкиль*, *жуёр*, *инженю́*, *режиссёр*, *шевалье́*, *шевелюра́*, *шезлонг* и других подобных возникло тогда, когда в некоторых позициях, а именно перед гласными переднего ряда и рядом с мягкими согласными в исконно русских словах ещё произносились мягкие шипящие. Такое произношение сохранялось как след более раннего состояния языка, когда мягкость шипящих не была позиционно обусловлена.

В транскрипции Р. Ф. Брандта 1911 г. находим записи *веш'ней*, *череш'ня*, *греш'ник*, *виш'ня*, *веш'ливый* и т. п. (цит. по [Брандт 1982]). Брандт рассматривал мягкость шипящих в таких случаях именно как традиционную, как сохранение древнерусской мягкости. А. А. Шахматов в своих лекциях, прочитанных в 1911—1912 гг., отмечал: «Некоторые лица произносят *ш'*, *ж'* последовательно перед мягкими язычными: *насмеш'ник*, *преж'ний*. *здеш'ний*» (цит. по [Шахматов 1941: 111]). В те же годы современник Р. Ф. Брандта и А. А. Шахматова, Ф. Е. Корш, фиксируя существование такого произношения в речи образованных москвичей, возражал против его нормативности. Позицию Корша впоследствии разделял и М. В. Панов [Панов 1990: 122].

Тем не менее, позиционное смягчение шипящих дожило на правах узуального явления до наших дней. Оно отмечалось А. В. Исаченко

[Issatschenko 1947: 128], позднее Р. И. Аванесовым [Аванесов 1984: 162]. Даже в современной русской речи некоторые исследователи отмечают произношение мягких шипящих перед мягкими согласными и *j*, хотя и выводят его за пределы нормы, см., напр., [Касаткин 2001: 86].

Сравнительно недавнее отверждение *ж* можно предполагать в такой ситуации, как произношение *и*[н']*женёр*, *и*[н']*женю́*, *и*[н']*жи́р*, *ора́*[н']*жевый*, допустимое в пределах старшей орфоэпической нормы, где в мягком [н'] сохраняется след былого регрессивного воздействия мягкого шипящего на предшествующий переднеязычный носовой сонант. Можно сказать, что здесь мы имеем дело с «фантомной» мягкостью [н'] (по выражению М. В. Панова): мягкость шипящего уже утрачена, а след его ассимилирующего воздействия на предшествующий переднеязычный еще сохраняется, хотя бы и в речи отдельных носителей языка.

Всё это говорит о том, что в XVIII—XIX вв. позиционная мягкость шипящих, скорее всего, была представлена в фонетической системе русского языка более явно и служила тем фоном, на котором была «заимствована», а точнее сохранена мягкость шипящих согласных в словах, пришедших из западноевропейских языков и прежде всего из французского.

Итак, звуковой системой языка-реципиента заимствуется то, что уже существует в его фонетической системе, хотя бы и на её периферии. Кроме того, как пишет Л. Л. Касаткин, заимствования могут проявить закономерность, которая до этого существовала в языке в скрытом виде [Касаткин 1999: 96].

И хотя большие массивы заимствований, влившихся в лексикон русского языка в последние десятилетия, не оказали существенного влияния на фонетическую систему языка, отдельные участки орфоэпической системы отзываются на эту экспансию по мере того, как новые заимствования осваиваются языком.

Корреляция согласных по твёрдости — мягкости

В связи с обилием новых заимствований в последние годы увеличилось количество пар твёрдых-мягких согласных, различающихся в позиции перед /е/. Так, твёрдые переднеязычные произносятся в следующих заимствованных словах: *армрэслинг*, *ба́рттер*, *бренд*, *бизнес*, *бой-фрэнд*, *гёрл-фрэнд*, *дедлайн*, *детант*, *дефóлт*, *диснейлэнд*, *дисплéй*, *киднэ́птинг*, *консéнус*, *лейбл* (этикетка, ярлык), *плэ́йбой*, *плéер*, *пресс-релиз*, *рэ́йтинг*, *ресéпиен* (приёмная в гости-

нице), *рэслинг*, *сёрвер*, *секонд-хэнд*, *сленг*, *тэндер*, *фитнес*, *фрейм*, *хай-тэк* (от ‘high technology’ — ‘высокая технология’) и др. Твёрдые губные произносятся в следующих словах: *бейдж*, *бейсик*, *бедленд*, *бейлив*, *беккрóсс*, *джóббер*, *драйвер*, *вэстерн*, *интерфейс*, *мэнеджмент*, *пейджер*, *пейджинг*, *пейнтбол*, *пен-клуб*, *пёрсинг*, *ремейк*, *фейс-контрòль*, *фест-плата*, в том числе и в искусственном, псевдо-французском, слове *Шармэль* (название конфет).

Твёрдость согласных сохраняется во многих случаях даже при морфологической русификации заимствований, при активном их освоении: напр., *обг[рэ]йтить* и *обг[рэ]йдить* — ‘усовершенствовать компьютер’, *мерс* и *мёрсик* (производные от ‘мерседес’) с твёрдым губным: [мэ]рс и [мэ]рсик², [сэ]рверá, ф[лэ]шка и др. Усилилась позиция различения твёрдых/мягких заднеязычных за счет появления новых слов с твёрдыми *к*, *г*, *х* перед *е*: *кэмпинг*, *кэшью*, *кэт* (одно-мачтовое судно), *секонд-хэнд*, *скинхэд*, *хендаут*, *хэндлер*, *хэндлинг* (последние два слова — термины из кинологии), *хэппенинг*, *хеппинг-энд*, *уотергейт* и появления новых слов с мягкими заднеязычными перед гласными заднего ряда [о], [у], в том числе и в безударных позициях: *гёрлфрэнд*, *гётит* (название минерала), *кёрлинг*, *кювэ*³ и др.

В числе прочих твёрдых согласных перед [э] появился твёрдый [л]: *блэйзер*, *диснейлэнд*, *дисплэй*, *лейбл* (этикетка, ярлык), *лэп-тóp*, *плéер*, *плейбóй*, *сленг*, *флэши-моб*, *флэшка* и др. (раньше твёрдый *л* в заимствованных словах был представлен только в единичных случаях, см. об этом [Гловинская 1971: 77]); в связи с этим следует остановиться на вопросе о качестве [л] в английском языке по сравнению с *l* в немецком и французском языках, обсудить вопрос о сочетаниях *-льб-*, *-льд-*, *-льт-* и *-л* на конце слова в старых заимствованиях из английского (*билль*, *бульдог*, *газгóльдер*, *дальтóник*, *дальтонизм*, *дальтонид* (от *Dalton*), *джэнтльмен*, *кельт*, *кильт*, *кольт*, *сэттльмент*, *Джоуль*, *Кромвель*, *Вальтер Скотт*, *Уайльд*, *Фильдинг*, *Чайльд-Гарольд* и др., (но: *вилт* ‘увядание растений’) и *-лд-*, *-лт-* в новых заимствованиях: *дефóлт*, *мíлдью*, *полтергéйт*, *риэлтер*, *Билл*, *Орвелл*, *Уолт Дисней*, *хóлдинг*, *хóлтер*). Можно сравнить конечные сочетания *-бл*, *-пл*, *-кл*, *-гл* в современных англицизмах со старыми заимствованиями из французского, немецкого, голландско-

² При дальнейшем опрошении этого заимствования, напр., при использовании в сленге, возникает и мягкость губного: *мэрин*.

³ В качестве источников использован словарь [Крысин 2005], а также Интернет-ресурс «Национальный корпус русского языка».

го и английского языков, в которых сохранилось *-бль, -кль, -гль* (*биттл, дабл, гёрл, гул, лейбл, мюзикл, пазл, сингл, скреббл, спекл* (термин в оптической физике), *Дулиттл, Марпл, Пирл-Харбор*, с одной стороны, и с другой стороны — *дубль, ансамбль, артикль, бинóкль, дирижа́бль, консте́бль, моно́кль, спекта́кль*, диккенсовские *Никльби, Джингль*, маршаковские *синерукие джамбли*).

Для современных англицизмов, входящих в русский язык, существует негласная презумпция *не-мягкости л*: палатализованное *л* в пре- и постконсонантных позициях в новых заимствованиях скорее исключение, чем правило, в то время как для старых заимствований была актуальна презумпция *не-твёрдости*. Это связано с характером *l* в английском (он «более твёрдый», чем *l* в других европейских языках, но в то же время «более мягкий», чем *л* в русском языке. Это альвеолярный латеральный согласный [Gimson 1970: 200—201]. Эффект «большей» мягкости английского *l* по сравнению с русским *л* возникает, в частности, из-за отсутствия веляризации согласных в английском языке: русское *л*, как известно, веляризовано [Скалозуб 1963], в отличие от невеляризованного английского (*l*). В продолжение наблюдения О. Брока, который различал две степени палатализации: *i-овую* и *e-овую* [Брок 1910], можно говорить о двух степенях твёрдости согласных — *ы-овой* и *э-овой*. Первая представлена в основной системе русского языка (*лы́ко, ты́ква* и *лэп, нэп*), вторая — в заимствованиях из английского (*лейбл, лэп-топ*, но только *лифт* (не *лыфт!*), *лифлёт* (не *лыфлёт!*)). Из-за «расфокусировки» твёрдого русского *л* и немягкого английского *l* происходят колебания в произношении некоторых англицизмов с *л*: *дисп[л'э]й* и *дисп[л'э']й*, *п[лэ]йбóй* и *п[л'и']йбóй*, а также в варьировании согласных по твёрдости-мягкости при транслитерации некоторых английских антропонимов и топонимов: *Блумфилд* и *Блумфильд*, *Ньюка́сл* и *Ньюка́сль*, *Уайлд* и *Уайльд*, *Филдинг* и *Фильдинг*, *Честерфилд* и *Честерфи́льд*, *Шэффилд* и *Шэффильд* и др. (часть примеров из [Зализняк 2003]).

Несмотря на большое число заимствований из английского языка с мягкими шипящими, в фонетической системе русского языка не отмечено появления новых аллофонов — мягких шипящих согласных. Для сохранения мягкости шипящими в заимствованиях исчезла необходимая почва, которая была в более раннюю эпоху, при массовых заимствованиях из французского языка. По-русски новые заимствования из английского языка произносятся с твёрдыми шипящими, в отличие от ситуации в языке-доноре — *ше́йтинг, ресéпшен, шейк, шéйкер, шóптинг* и др. (произношение слов *sure* и *insurance* с

мягким шипящим [ʃʲ] в рекламном клипе по поводу страхования: «Страхование — от слова ‘страх’, “insurance” — от слова *sure*— ‘уверенность’!» воспринимается как цитата из чужого языка). Ср. также русифицированный компьютерный термин *расиáрить* ‘сделать доступным для других компьютеров в сети’ от английского *to share* — ‘распределить, разделить’.

При этом из орфоэпической системы уходит старое произношение *жюри́* с мягким [жʲ], а мягкость [шʲ], [жʲ], в таких словах, как *амбушю́р*, *брошю́ра*, *жюльве́рновский*, *жюлье́н*, *жяма́йтский*, *парашио́т* уже ушла в прошлое. Едва ли не единственными словами, произносимыми с мягкими шипящими и в наше время, остаются редко употребляемые старые заимствования из французского: *пшю́т* (‘фат’) и *жён-премье́р* (театральное амплуа ‘герой-любовник’).

Корреляция согласных по глухости-звонкости

Новый лексический массив не изменил положения с реализацией согласных по глухости-звонкости: на русской почве не пришло произношение конечных звонких согласных, характеризующее синтагматику английского языка. В этом случае повторилась ситуация со старыми заимствованиями из французского и английского языков. Слова *брен*[т], *вик-эн*[т], *драй*[ф], *драйвин*[к], *па*[п], *хеппи-эн*[т], *секонд-хэн*[т], *сноубо́р*[т], *фаст-фу́*[т], *флэш-мо́*[п] и др., произносятся так же, как давно заимствованные *бе*[ш] (*беж*), *блю*[с], *джа*[с], *до*[к] (*дог*), *ке*[п] (*кеб*), *ко*[т] (*код*), *гардеро́*[п], *консье́р*[ш], *пейза́*[ш], *прести́*[ш], *репорта́*[ш], *сно*[п], (*сноб*), *стен*[т] и др., т. е. с глухим согласным в соответствии с этимологически звонким на конце слова.

Н. В. Богданова отмечает в речи русских студентов произношение губно-губного *w*: *weekend*, *Word*, *Windows*; мягкие шипящие, звонкие согласные на конце слов: *па*[б], *кэ*[б], *бей*[дж] [Богданова 2001]. Такие случаи следует рассматривать как цитаты из английского языка, *Fremd-sprachphonetik* (элементы чужой фонетики), по А. А. Реформатскому.

В композитах, заимствованных в последнее время, на границе основ с исходом на этимологически звонкий согласный перед следующими сонантами и гласными возможно варьирование согласных по глухости-звонкости: *блю*[з]мён и *блю*[с]мён, *джа*[з]мён и *джа*[с]мён, *де*[д]ла́йн и *де*[т]ла́йн, *вин*[д]ро́уэр и *вин*[т]ро́уэр, *лен*[д]ро́уэр и *лен*[т]ро́уэр, *су*[б]ма́рина и *су*[п]ма́рина. Таким образом, в этом фрагменте орфоэпической системы повторяется положение, уже сложившееся раньше в русской орфоэпии, ср. *ме*[ж]а́ра́бский и *ме*[ш]а́ра́б-

ский, ме[д]осмо́тр и ме[т]осмо́тр, пе[д]институт и пе[т]институт, Си[б]не́фть и Си[п]не́фть (впервые на возможность варьирования звонкого и глухого согласного на границе основ обратила внимание М. Л. Каленчук [Каленчук 1995]). Заметим в этой связи, что в Орфоэпическом словаре представлен только вариант с глухим согласным (*мешобластнóй, мешледникóвый* и т. д.).

*Об отдельных аллофонах согласных
подсистемы заимствованных слов*

В связи с массивованным вторжением новых *ксенизмов* в позиции конца слова не появился носовой заднеязычный [ŋ], хотя имеется большое количество заимствований из английского языка с конечным сочетанием *-ng*. Слова с этим сочетанием произносятся так же, как и старые заимствования, т. е. с последовательностью согласных *n* и *k*: *ба́йки*[нк], *бо́ули*[нк], *дже́джи*[нк], *до́пи*[нк], *ка́рти*[нк], *марке́ти*[нк], *се́рфи*[нк], *скри́ни*[нк], *та́йми*[нк], *ше́йпи*[нк], *шо́ппи*[нк], *хо́лди*[нк]⁴ и др. При этом в русской орфоэпической системе существуют аллофоны [ŋ] и [ŋ'] на правах допустимых орфоэпических вариантов в определенной позиции, а именно в неконечной позиции перед согласным: *англи́йский, венгр, га́нгстер, пингви́н, сангви́ник* и др. Как отмечает Р. И. Аванесов, наиболее вероятно появление заднеязычного носового [ŋ] на месте сочетания *нк* в позиции перед *t* или *ц*: *инсти́нкт, пункт, адью́нкт, фу́нкция* и др. [Аванесов 1974: 198]. Л. Л. Касаткин отметил в числе аллофонов русских согласных мягкий заднеязычный носовой [ŋ'] [Касаткин 2003: 40, 137]. Этот согласный появляется в качестве закономерного аллофона фонемы /н'/ в фонетической системе русского языка в позиции перед заднеязычным согласным: *де́нь гне́ва, ко́нь кня́зя* и т. п. Как факультативная реализация сочетания согласных *ng* в позиции перед мягким согласным звукотип [ŋ'] появляется в таких случаях, как *пингви́н, сангви́ник* и т. п. в соответствии со старшей орфоэпической нормой. Таков же орфоэпический статус [ŋ'] в словах *а́нгел, арха́нгел, ева́нгелие* и производных от них, где сочетание *ng* находится в позиции не перед мягким согласным, но перед гласным переднего ряда.

⁴ Р. И. Аванесов полагал, что в таких словах, как *ранг, фла́нг, бумера́нг, мустанг, пеленг* и т. п. на конце слова «...при обычном переднеязычном [н] в небрежной аллегривной речи возможно также и заднеязычное [ŋ]» [Аванесов 1974: 198]. Можно предположить, что такое произношение конечного *ng* было свойственно русской разговорной речи того времени.

При этом замечено, что на бóльшей дистанции от удараения вероятность произношения носовых заднеязычных возрастает: *англича́нин* произносится скорее с [ŋ] и [ŋʲ], чем *англи́йский*, *гангстери́зм* произносится скорее с [ŋ], чем *га́нгстер*, *конкурсáнт* скорее с [ŋ], чем *ко́нкурс*, *функциона́льный* скорее с [ŋ], чем *фу́нкция*, *пингвино́нок* скорее с [ŋ] и [ŋʲ], чем *пингви́н*, *пунктуа́льный* скорее с [ŋ], чем *пункт*, *сангвини́ческий* скорее с [ŋ] и [ŋʲ], чем *сангви́ник* (из наблюдений автора и Л. Л. Касаткина). Следовательно, аллофон [ŋ] характеризуется в русском языке позиционной обусловленностью (термин введен А. Б. Пеньковским) и не «пересаживается» в финальную позицию, несмотря на обилие лексем, заимствованных из английского языка, дающих такую потенциальную возможность.

Однако в наше время стала возможной реализация бифонемного сочетания согласных *ng* в интервокальной позиции в аллофонах [ŋ] (перед непередними гласными) и [ŋʲ] (перед передними гласными), ср. следующие возможности: *ба́йкинга* — [ng] и допуст. [ŋ]; *ба́йкинге* [ngʲ] и допуст. [ŋʲ]; *ми́тинга* [ng] и допуст. [ŋ]; *ми́тинги* [ngʲ] и допуст. [ŋʲ] и т. д. Эти речевые факты можно рассматривать как проявление тенденции к отрыву определённых аллофонов от позиций, обусловивших их произношение, и к распространению этих аллофонов на другие позиции.

Несмотря на обилие новых лексических заимствований из английского языка с сочетанием [дж], в инициальных и интервокальных позициях пока не появилось новых аффрикат [д̥дж], [д̥жʲ]. Лексемы *джо́ггинг*, *джо́йстик*, *ме́неджер*, *джип*, *джин*, *ди-джей*, *джекпóт* и др. под. произносятся с бифонемным сочетанием твёрдых согласных /дж/ точно так же, как и в словах русского происхождения *отжа́ть*, *поджа́рить*, а также в старых заимствованиях *аджа́рец*, *аджи́ка*, *джи́у-джи́тсу*, *джу́нгли*, *джи́га*, *джиха́д*, *джейла́у*, *джезва́*, *дже́мпер*, *пиджа́к* и т. п. Это сочетание в русистике традиционно трактуется как бифонемное, где первый член — гиперфонема т/д, а второй — фонема /ж/⁵. На звуковом уровне это сочетание реализуется в сложном комплексе [джж], состоящем из сочетания аффрикаты [д̥ж] со щелевым [ж] [Касаткин 1999б: 80]⁶.

⁵ М. В. Панов считал, что на фонемном уровне это сочетание фонем /ч/ и /ж/ [Панов 1967: 90].

⁶ Упрощенную трактовку этих звуков как аффрикаты [д̥ж] в таких случаях, как *джаз*, *джи́нсы* и др. под. находим в [Кодзасов, Кривнова 2001: 360].

Упрощение консонантного комплекса наблюдается в тех случаях, когда он входит в состав еще более сложного кластера, т. е. в позиции предконсонантной (*имиджмэйкер*, *мэнеджмент*, *Тадж-Махал*) или постконсонантной (*дайджест*, *пéйджер*, *пéйджинговый*, *рéйнджер*, *тинéйджер*). В таких случаях по закону упрощения консонантных сочетаний щелевой [ж] утрачивается, и произносится звонкая твёрдая аффриката [дж] в позиции рядом с твёрдым согласным (*рéйнджер*, *Тадж-Махал*). В позиции рядом с мягким согласным и *j* (*дайджест*, *имиджмэйкер*, *мэнеджмент*, *пéйджер*, *тинéйджер*) возможно появление мягкой аффрикаты [д'ж'] как варианта /дж/: *да́й[д'ж']ест*, *ими[д'ж']мэйкер*, *мэне[д'ж']мент*. В таких случаях происходит упрощение групп согласных [йд'ж'ж'] > [йд'ж'], [д'ж'жм'] > [д'ж'м']. Тем самым появилась новая позиция для [д'ж']: раньше эта аффриката была возможна как вариация фонемы /ч/ только в позиции перед звонким согласным (*ал[д'ж']ба́*, *до[д'ж']го́рца* и др.).

Кроме того, в позиции перед сонантом, находящимся на границе морфем в начале второй морфемы (*имиджмэйкер*, *мэнеджмент*), возможно варьирование согласных по глухости—звонкости. Таким образом, в последней позиции допустимо произношение четырех аффрикат: [дж], [д'ж'], [ч] и [ч']. В позиции конца слова сочетание /дж/ после гласных непереднего ряда (*гло́бал-эдж*, *коттédж*, *хадж*) обычно реализуется в звукосочетании [чш], т. е. произносится твёрдая глухая шипящая аффриката + фрикативный [ш]. Звукосочетание [чш] имеется в определённых позициях в русской синтагматике, но не на конце слова, а в позиции перед *ш*, как реализация фонем /т/, /д/, напр., *вьи́це[ч]иши́й*, *на́[ч]иши́й*, *о[ч]иши́ть* и т. п.

Возможен также орфоэпический вариант с одной твёрдой аффрикатой [ч], появляющийся как закономерный в результате действия фонетического закона упрощения конечных сочетаний согласных: *ха[ч]*, *коттé[ч]*. Таким образом, твёрдая аффриката [ч] в основной фонетической системе русского языка имеет определенную позиционную прикрепленность. В подсистеме заимствованных слов появляется возможность «отрыва» этого аллофона от позиции.

На конце слова в позиции после гласного переднего ряда [и], а также после [й] — реализации фонемы /j/ (*бейдж*, *бридж*, *имидж*, *картридж*, *Кэмбридж*, *колледж*, *пóридж*, *Сэвидж*) наряду с указанными двумя возможностями реализации сочетания *дж* возникает и третья, а именно произношение мягкой аффрикаты [ч']: *бей[ч']*, *бри[ч']*, *ими[ч']*, *картри[ч']*, *Кэмбри[ч']*, *колле[ч']*, *пóри[ч']*, *Сэви[ч']*.

Заимствования с конечным сочетанием *дж* в таких случаях произносятся так же, как исконно русские *выпечь*, *горечь*⁷ и т. д. Здесь отчетливо проявляется действие прогрессивной аккомодации согласного предшествующему гласному переднего ряда или [й]. Отсюда следует, в частности, что прилагательные, образованные от названий британских городов *Гринвич* и *Кембридж*, произносятся с одинаковыми консонантными комплексами: *гринви*[ч'ск']*ий*, *кембри*[ч'ск']*ий*.

В позиции конца слова в подсистеме заимствованных слов появляется возможность произношения как твёрдой аффрикаты [ч]: *ха*[ч], так и мягкой аффрикаты [ч']: *бри*[ч']. В частности, такое положение вещей свидетельствует о том, что понятие «позиция конца слова» должно быть уточнено: после гласного переднего или непереднего ряда.

Отмечено также произношение перечисленных слов с факультативным вариантом [ч'ш']: *бэй*[ч'ш'], *бри*[ч'ш'], *ими*[ч'ш'] и др., то есть произношение мягкой аффрикаты с продленной щелевой фазой. Такие реализации наблюдаются преимущественно в коротких словах.

Таким образом, высказанное выше предположение об устойчивости фонетической системы русского языка перед натиском новых ксенизмов подтвердилось. Однако, как было показано, новые заимствования вносят разнообразие в орфоэпическую картину русского языка.

1.2. Вокализм заимствований

Слова иноязычного происхождения, входя в чуждую для них языковую систему, должны быть освоены заимствующим языком с разных точек зрения — фонетической, графической, лексической, грамматической. При этом под процессом фонетического освоения заимствованных слов понимают их приспособление к звуковой системе русского языка: в иноязычных по происхождению словах должна произойти замена фонем языка-источника на русские фонемы, и эти фонемы должны подчиниться законам позиционного поведения, свойственным русскому языку. В результате этого процесса большинство заимствованных слов полностью осваиваются русской фонетической системой, ничем не отличаясь ни по составу фонем,

⁷ Художник Орест Георгиевич Верейский, друг А. А. Реформатского, обыграл это явление в шуточном стихотворении: *Сын Альбиона по утрам / Сменясь, вкушает сладкий поридж. / А мы глотаем эту горечь / По двести и по триста грамм!*

ни по особенностям их реализации от исконно русских слов. Другие же иноязычные слова и морфемы продолжают сохранять в своем звуковом облике нечто необычное, не свойственное произношению русских слов. Именно эта группа и формирует орфоэпическую подсистему заимствованных слов.

Специфичность вокализма этой подсистемы — в особенностях поведения гласных в безударных позициях. Одной из особенностей позиционного распределения гласных в заимствованных словах является возможность произношения в безударных положениях звука [o], не подвергнувшегося качественной редукции. «Во многих заимствованных словах в начале века произносилось [o] безударное: *к[о]стюм, б[о]кал*. В некоторых словах это оканье было обязательным: *п[о]эт, п[о]эзия, с[о]нет, [o]тель* и пр.» [Панов 1967: 323]. Сравнение данных о реализации этой нормы в разных орфоэпических срезах на протяжении последних ста лет безусловно показывает, что рассматриваемая произносительная «странность» постепенно заменяется фонетической «обычностью» — вместо безударных нередуцированных гласных все чаще произносятся гласные, подвергшиеся обычной степени редукции, характерной для слов русского происхождения.

С точки зрения кодификации современной произносительной нормы [Орфоэпический словарь; Словарь трудностей русского произношения], все заимствованные слова, в которых в безударном положении потенциально мог бы произноситься [o], можно разбить на три группы:

1) слова, в которых безударный [o] обязателен (*б[о]á, б[о]мóнд, б[о]нвивáн* и пр.);

2) слова, в которых безударный [o] невозможен, произносится гласный обычной степени редукции (*б[а^o]кáл, п[а^o]ртфéль, р[а^o]мáн* и пр.);

3) слова, в которых возможны произносительные варианты, т. е. произносится и редуцированный, и нередуцированный звук (*п[а^o]эт* и *п[о]эт, с[а^o]нét* и *с[о]нét, ф[а^o]йé* и *ф[о]йé* и пр.).

При этом в различных источниках указывается, что основными факторами, способствующими появлению нередуцированного безударного звука [o], являются следующие:

1) Употребление слова в высоком произносительном стиле [Аванесов 1984: 210; Касаткин 2003: 165; Матусевич 1976: 105; Панов 1963: 14];

2) Недостаточная степень ассимилированности иноязычного по происхождению слова в русском языке [Аванесов 1984: 211; Матусевич 1976: 105; Панов 1967: 323—324];

3) Недостаточная частота употребления слова [Вербицкая 1976: 55];

4) Положение гласного в слоге, близком к ударному [Аванесов 1984: 210—211];

5) Положение рядом с другим гласным и в позиции конца слова [Вербицкая 1976: 55].

Рассматриваемая произносительная норма неоднократно изучалась на материале речи разных поколений XX века. Наиболее серьезные исследования выполнены Л. А. Вербицкой и М. Я. Гловинской [Вербицкая 1976; Гловинская 1971; 1976]. При этом удивительным представляется тот факт, что при орфоэпических описаниях данной нормы авторы останавливаются лишь на констатации факта произношения каждого конкретного слова, устанавливая, возможен ли в них безударный [o], но не пытаются выявить систему факторов, определяющих наличие или отсутствие этого варианта произношения (в отличие от описания других особенностей этой подсистемы). Скорее всего, это не случайно.

С момента исследований Л. А. Вербицкой и М. Я. Гловинской прошло около полувека, и неизвестно, каково положение дел с реализацией этой особенности произношения в современной норме.

Для выяснения этого вопроса было проведено орфоэпическое исследование, в ходе которого 24 носителя «младшей» нормы литературного произношения начитали на магнитофон фразы, в которые были включены 90 слов иноязычного происхождения с потенциально возможным безударным [o]. Результаты аудирования резко контрастировали с рекомендациями орфоэпических словарей: безударный [o] часто произносился в словах, в которых эта возможность не отмечена при кодификации нормы, и не произносился во многих случаях там, где это допускалось как вариант произношения. Например, в словах *жокей, коллаж, коллега, конспект, конференсье, модерн, прогресс, проект, рояль, фольклор, шокировать* и др. в [ОС] не предусмотрено безударного [o], а информанты в целом ряде случаев допускали такое произношение. В то же время в словах *боа, бомонд*⁸, *бонвиван* многие дикторы произносили гласный обычной степени редукции, что запрещается кодификаторами.

Расхождение между лексикографическими рекомендациями и произношением участвовавших в эксперименте дикторов может быть объяснено двумя причинами: либо рассматриваемая норма

⁸ Некоторое время назад по телевидению шла передача «Бомонд», которую вел Матвей Ганапольский, произносивший название своей передачи только как б[а³]мóнд.

очень быстро эволюционирует, «опережая» данные словарей, либо её нельзя исследовать тем способом, который использовался в эксперименте.

Выяснилось, что из описанных в литературе факторов, в системе современной «младшей» нормы действует лишь один — безударный [о] продолжает произноситься в очень узком круге редких, малоосвоенных слов (*бомонд, бонвиван, консоме* и пр.). Причем для большинства информантов подобные слова являются сугубо книжной архаикой, многие из дикторов не знали их значения. Проверить влияние высокого произносительного стиля на появление рассматриваемого варианта в условиях лабораторного эксперимента невозможно, но наблюдения над телевизионной речью, порождаемой в особых торжественных, официальных ситуациях, допускающих, а ранее и требовавших оформления по нормам высокого стиля, показывает, что и там указанный вариант практически не используется в наше время. Очевидно, что высокий стиль вообще уходит из стилистической произносительной парадигмы, что вызвано, скорее всего, экстралингвистическими причинами.

Проведённый эксперимент был повторен через три месяца с теми же текстами на той же группе информантов (участвовал 21 диктор из 24). Данные по конкретным словам значительно отличались от результатов, полученных ранее: одни и те же дикторы во многих случаях на разных этапах эксперимента произносили одни и те же слова по-разному (*б[а³]рдо* и *б[о]рдо*, *к[э]рдебалет* и *к[о]рдебалет* и мн. пр.). Создавалось впечатление полной факультативности, случайности появления безударного [о]. Но как показывает опыт, «случайность» распределения вариантов произношения почти всегда оказывается мнимой и при более глубоком исследовании удастся выявить те или иные причины, влияющие на реализацию нормы.

Судя по всему, произношение безударного [о] в заимствованных словах утратило ту функциональную нагрузку, которую этот вариант имел ранее, когда он воспринимался как «обобщенный звуковой сигнал заимствованности» [Панов 1980], как показатель «чуждости» слова. На этом этапе рассматриваемая особенность произношения была приметой конкретных заимствованных слов. Но этот вариант, выполнив в языке роль показателя «пришлости» слова, не ушел из системы, а получил новую функциональную нагрузку. Анализ позиционного распределения безударного звука [о] и редуцированных гласных в корнях заимствованных слов на материале большого массива записей звучащей речи позволяет прийти к выводу, что вариант

[o] стал использоваться для маркирования сильных фразовых позиций. При этом он не «привязан» к конкретному слову. Если ранее, сто лет назад, произношение, скажем, [o]тэль был единственно возможным, то в наше время на лексическом уровне невозможно предсказать, как будет произнесено — [o]тэль или [a^o]тэль. Распределение указанных вариантов нормы обусловлено фразовыми позициями, что и объясняет кажущуюся случайность появления [o] в описанных выше экспериментах.

Приведём в качестве иллюстрации примеры позиционного распределения в зависимости от фразовых условий редуцированных и нередуцированных вариантов произношения. Все примеры записаны на магнитофон во время телевизионных передач монологического характера на канале «Культура». Во всех случаях записано произношение одним и тем же человеком одного и того же слова или слов с одинаковым корнем, стоящих то в позиции просодического выделения, то в нейтральных условиях:

- (1) *Этот с[а^o]нет Шекспира известен в трех разных переводах. ...Я не знал, как называется то, что он читал, но для себя я сразу назвал это с[o]нетом.* (А. Вознесенский)
- (2) *В доме бабушки все р[а^o]яли были не новоделы, а подлинные. ... В гостиной стоял не просто р[o]яль, а концертный инструмент* (Т. Л. Щепкина-Куперник).
- (3) *Мне п[ə]этессой было быть стыдно. Я не п[o]этесса, я п[o]эт* (Б. Ахмадулина).
- 4) *Он был не просто л[o]ялен, он был предан. Л[а^o]яльность была повальной, преданность же единичной* (Е. Яковлев).

В рассмотренных примерах можно отметить разные причины акцентирования слова — нахождение в рематической группе, семантический контраст, эмпфаза и пр. — но во всех случаях сильная фразовая позиция маркируется безударным [o], а в нейтральных позициях произносится гласный, подвергшийся редукции обычной степени.

Для подтверждения этого предположения был проведен следующий опыт. Студентов филологических факультетов московских вузов просили по памяти прочесть строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова:

Погиб Поэт! — невольник чести —
 Пал, оклеветанный молвой.
 С свинцом в груди и с жаждой мести,

Поникнув гордой головой,
 Не вынесла душа **Поэта**
 Позора мелочных обид...

Слово *поэт* встречается в этом тексте дважды, в сильной и слабой фразовых позициях. Следует отметить, что первое произнесение слова в тексте часто провоцирует его выделение, подчеркивание (ср.: [Пауфошима 1983]) (отметим, что такую позицию стоило бы называть не фразовой, а текстовой). Большинство информантов оба раза прочли рассматриваемое слово одинаково: либо *n[aʰ]эм* (27 человек), либо *n[o]эм* (9 человек). Но 7 информантов прочли слово *поэт* по-разному: в первом употреблении, в сильной фразовой позиции, *n[o]эм*, а во втором случае — *n[aʰ]эм*. И ни разу не было зафиксировано обратного порядка произнесения.

Об использовании безударного [o] в заимствованных словах для подчеркивания семантической нагруженности слова говорят и объявление названия станции московского метро «Ш[о]ссе энтузиастов»⁹, и тексты рекламных телевизионных и радиороликов с произношением *m[o]нитор*, *k[o]ллаж* и др. В словарях подобные варианты произношения указанных слов не зафиксированы, но в реальных текстах они используются для выделения слова в потоке речи. Возможность появления безударного [o] потенциально заложена в большем числе слов, чем это обычно представляется. По сути дела, в корнях всех иноязычных слов, кроме частотной бытовой лексики, может проявиться эта орфоэпическая особенность.

Интересно отметить, что рассматриваемый вариант — безударный качественно нередуцированный [o] — активно употребляется в некоторых новейших заимствованиях как единственная возможность произношения (*bl[o]кбáстер*, *bl[o]кпóст*, *b[o]диáрт*, *b[o]диби́лдинг*, *k[o]рнфлэкс*, *n[o]утбúк*, *n[o]ртфóлио* и мн. др.), вновь принимая на себя роль маркёра иноязычного слова. Язык уже «переварил» массив заимствований, вошедших в русский язык на предыдущих этапах, этим иноязычным по происхождению словам в настоящее время не нужно подчеркивать свою «чуждость» фонетическими средствами, а новейшие заимствования все еще нуждаются в звуковых приметах своего иноязычного происхождения. Возможно, история повторяется.

⁹ Как показывают наблюдения, в метро записана речь разных дикторов, и можно зафиксировать три разных произнесения названия станции: *Ш[о]ссе энтузиастов*, *Ш[э]ссе энтузиастов* и *Ш[а]ссе энтузиастов*.

2. Фонетика подсистемы сложных слов

Введение

Современная лингвистика, и фонетика в частности, проявляет всё большее внимание к выявлению не универсальных, а частных закономерностей языка, фокусируясь на детальном описании явлений различных языковых подсистем. В начале XX в. в группу лексем, образованных по модели сложных и сложносокращённых слов, добавился большой массив новой лексики. За прошедшее столетие, и в особенности за последние десятилетия, в русском языке возникло много композитов, связанных с появлением новых реалий. Известно, что слова этой языковой подсистемы подчиняются специфическим фонетическим закономерностям, отличающим их от звукового оформления других слов русского языка. Последние исследования этого круга проблем были осуществлены в середине XX в. Между тем, необходимость системного исследования особенностей произношения сложных и сложносокращённых слов в русском литературном языке диктуется не только потребностями кодификации, но и связана с важностью изучения вопроса о тенденциях развития фонетического строя русского языка, а также с возможностью проследить на изучаемом материале степень и способы взаимодействия различных уровней языка. Известно, что грамматическое развитие в современном русском языке во многом устремлено к аналитизму и агглютинативности, что находит своё специфическое отражение на фонетическом уровне. Неоднократно высказывалось предположение, что композиты на самом деле являются не словами, а словосочетаниями [Русский язык и советское общество 1968 (II); Панов 1971а; Реформатский 1999]. Многие ученые пытались решить проблему статуса первой основы сложных и сложносокращённых слов: морфема это или лексема, и если лексема, то какая. Существуют различные точки зрения на проблему, связанную с выделением новой в русском языке части речи — аналитических прилагательных. Класс аналитических прилагательных начал формироваться около ста лет назад и был выделен в 60-х годах прошлого века. В настоящее время этот класс стал неотъемлемой частью системы признаковых слов русского языка и продолжает активно пополняться.

Известно, что поведение фонем в первой основе композитов зависит от силы проявления делимитативности на стыке основ, т. к. на границах морфем действуют одни фонетические закономерности, а в позиции середины морфемы — другие. Поэтому в подобных словах

гласные и согласные фонемы, входящие в состав первой основы, могут реализовываться не так, как в других морфемах. Проведенное исследование даёт возможность проследить динамику влияния грамматических особенностей композитов на их произношение.

Методика проведения эксперимента и анализа полученных данных

1. Методика проведения экспериментальной работы

Одной из основных задач исследования являлось получение фактических сведений о произношении композитов. Корпус данных собирался следующими способами.

1. Были проведены серии орфоэпических экспериментов, в ходе которых 80 информантов, москвичей во 2—3-м поколении, носителей русского литературного произношения, читали на магнитофон специально составленные фразы достаточно большого объёма, содержащие 380 проанализированных впоследствии композитов с варьирующимися орфоэпическими условиями. Информанты обоих полов были разделены на три возрастные группы: старшую (60 лет и старше), среднюю (30—59 лет) и младшую (17—29 лет)¹⁰. В общей сложности было получено 14180 дикторских ответов. Магнитофонные записи были подвергнуты аудиторскому анализу, а также проверялись инструментально с помощью компьютерной программы Speech Analyzer (в приложениях представлено 49 осциллограмм, спектрограмм и интонограмм).

2. Были привлечены массивы записей звучащей речи из художественных фильмов, а также из теле- и радиопередач разных жанров.

3. Материалом для исследования послужили также фрагменты спонтанной речи.

2. Методика анализа полученных данных. Многофакторный орфоэпический анализ

Орфоэпические исследования последних лет показали, что орфоэпический материал так же, как и фонетический, подчиняется пози-

¹⁰ В дальнейшем описании рядом с цифрой, указывающей процент произнесений, будут приняты сокращения: старшая возрастная группа — ст., средняя — ср., младшая — мл. При совпадении результатов у всех трёх возрастных групп указывается одна общая цифра.

ционному описанию. Применение процедуры многофакторного орфоэпического анализа позволяет вероятно представить появление конкретного варианта произношения как функцию целого ряда факторов.

Анализ научной литературы и собственные наблюдения на начальном этапе работы позволили выделить факторы и условия, которые предположительно могут влиять на распределение орфоэпических вариантов в первой основе сложных и сложносокращённых слов:

1) языковые: фонетические (просодический фактор, длина слова, место стыка морфемной границы по отношению к ударению и др.), грамматические (степень членимости слова, самостоятельность/несамостоятельность второй основы, наличие двух или более основ), лексические (степень освоенности слова и частотность его употребления, русская или заимствованная основа);

2) социолингвистические: возраст информанта и его гендерная принадлежность.

С целью исключить возможные разночтения в терминах, необходимо остановиться подробнее на понятии «просодический фактор». В работах Р. Ф. Касаткиной было показано, что наличие или отсутствие просодической выделенности первой основы композитов может влиять на плотность границы между основами и, как следствие, определять реализацию фонем [Kasatkina 1999].

Но просодическая выделенность первой основы может быть различной по степени проявления и возникать под воздействием разных причин. В фонетической литературе термины «побочное ударение» и «акцентное выделение» еще не так давно использовались как синонимы. В последние годы в работах ряда лингвистов эти понятия были разведены, что позволило внести бóльшую ясность в научную терминологию.

Во-первых, побочное ударение проявляет себя на уровне отдельного слова, причем обычно можно указать принципиальную возможность или невозможность его появления в конкретном слове (так, слово *водораздел* может быть произнесено и с дополнительным ударением, и без него: *вѡдораздѣл* и *водораздѣл*; а в слове *водопад* побочное ударение никогда не встречается). Обязательной приметой слова побочное ударение может быть только в том случае, если произнесение с одним (основным) ударением затруднительно. В первую очередь это касается слов, образованных сложением трёх или более

основ (*вдогрязелече́ние*), а также слов, в которых между основным ударением и местом потенциального побочного ударения длинная безударная цепочка (*вдоэмульсио́нный*). Что же касается акцентного выделения, то оно, в отличие от побочного ударения, не проявляется на уровне отдельного слова, а реализуется только в условиях фразы, при наличии теневого контекста, поэтому любая первая основа в слове сложной структуры может быть выделена акцентом (*Непонятно, зачем ему вместо традиционного лечения рекомендовали в́долече́ние*).

Во-вторых, побочное ударение выделяет слог в слове, т. к. его появление обусловлено только ритмически, никак не связано со смыслом высказывания; акцентное выделение маркирует значимые единицы языка (морфемы, слова, словосочетания); это выделение семантическое, а не ритмическое.

Таким образом, первый компонент слов сложной структуры может находиться либо в нейтральной просодической позиции, либо в позиции просодической маркированности, при этом просодическая выделенность может быть разных типов: основа может стоять под побочным ударением или под акцентом, который сопровождает её семантическое подчеркивание.

Чтобы проверить степень влияния просодического фактора на сегментную организацию первых основ композитов, фразы в проведенном эксперименте были составлены таким образом, чтобы первый компонент одних и тех же сложных и сложносокращённых слов стоял то в позиции семантической выделенности, что провоцирует появление акцентного выделения, то в немаркированной просодической позиции.

Консонантизм подсистемы сложных и сложносокращённых слов

Распределение вариантов парных согласных фонем на конце первой основы сложных и сложносокращённых слов во многом отличается от закономерностей, действующих в позиции середины морфемы и на других морфемных швах. В эксперименте были изучены особенности реализации фонем по глухости/звонкости, по месту и способу образования. В рассматриваемой позиции сосуществует большое число конкурирующих орфоэпических вариантов, распределение которых, как показали результаты эксперимента, определяется целым рядом факторов и предсказывается вероятно.

1. Распределение глухих и звонких согласных на конце первой основы сложных и сложносокращённых слов

Поведение конечных согласных фонем в первой основе композитов зависит от силы проявления делимитативности на стыке основ, то есть от того, осознают ли носители языка этот стык, а если осознают, то как воспринимают — как внутрисловесный или как межсловесный. Исследователи отмечали возможность появления вариантов реализации шумных звонких фонем на конце первых основ композитов в позиции перед следующим звонким, а также перед гласными, сонорными и [в], [в'] + гласный или сонорный. Материалы исследования дали возможность расширить круг подобных позиций, а также выявить факторы, способствующие появлению этих вариантов.

1.1. Фонетические факторы

1.1.1. Сегментные факторы

1.1.1.1. Длина слова

Анализ полученных данных показал, что этот фактор не влияет на реализацию конечных шумных согласных фонем как в позиции перед следующими шумными, так и перед гласными, сонорными и [в], [в'] + гласный или сонорный.

а) Реализация конечной глухой фонемы первой основы перед шумными звонкими: *пар[д]билёт* (100 %) и *пар[д]движение* (100 %); *про[в]билёт* (80 % ст., 80 % ср., 100 % мл.) и *про[в]движение* (80 % ст., 80 % ср., 100 % мл.); *го[з]заказ* (100 %) и *го[з]заказник* (100 %); *го[з]бюджет* (100 %) и *го[з]бюджетный* (90 % ст., 100 % ср. и мл.). Несмотря на то, что в последнем примере вторая часть представлена разными частями речи — существительным и прилагательным, — последняя фонема первой основы реализуется одинаково.

б) Реализация конечной звонкой фонемы первой основы перед шумными глухими согласными: *тор[к]пред* (100 %) и *тор[к]предство* (100 %); *ор[к]связь* (100 %) и *ор[к]техника* (100 %).

в) Реализация конечной звонкой фонемы первой основы перед шумными звонкими: *упра[в]дел* (100 %) и *упра[в]делами* (100 %); *хо[з]зод* (100 %) и *хо[з]зона* (100 %). Подобрать пары слов, которые отличались бы только одним фактором, весьма затруднительно. В данном случае в первом примере вторая основа слова *управдел* не существует в качестве самостоятельной лексемы, но тем не менее реализация последнего согласного совпадает со словом *управделами*.

г) Реализация конечной шумной фонемы первой основы перед гласными, сонорными и [в], [в'], за которыми идет гласный или сонорный: *про*[д]*налог* (100 %) и *про*[д]*развёрстка* (100 %); *хо*[з]*расчёт* (100 %) и *хо*[з]*расчётный* (100 %). В последнем примере вторая часть композитов представлена разными частями речи — существительным и прилагательным, — что опять-таки не мешает последней согласной фонеме реализоваться в тождественных звуках.

1.1.1.2. Длина безударной цепочки от начала слова
до слога с основным ударением или между слогами
с потенциальным дополнительным ударением и основным

Анализ полученных данных показал, что этот фактор, как и предыдущий, практически не влияет на реализацию конечных шумных согласных фонем как в позиции перед следующими шумными, так и перед гласными, сонорными и [в], [в'] + гласный или сонорный. Необходимо подчеркнуть, что от длины безударной цепочки непосредственно зависит наличие или отсутствие дополнительного ударения на первой основе. Это не может не отражаться на звуковом облике слова. Но для описания этой позиции специально отобраны только те варианты, которые были произнесены без побочного ударения.

а) Реализация конечной глухой фонемы первой основы перед шумными звонками: *го*[з]*банк* (80 % ст., 90 % ср., 100 % мл.) и *го*[з]*безопасность* (100 %); *го*[з]*дума* (100 %) и *го*[з]*бюджет* (100 %); *поли*[д]*грамотность* (90 % ст., 100 % ср. и мл.) и *поли*[д]*заключённый* (80 % ст., 85 % ср., 100 % мл.); *тре*[ч]*бальный* (80 % ст., 100 % ср. и мл.), *четыре*[ч]*бальный* (80 % ст., 100 % ср. и мл.) и *четыре*[ч]*барабанный* (80 % ст., 90 % ср., 100 % мл.); *пар*[д]*группа* (100 %) и *пар*[д]*билет* (100 %); *спе*[дз]*группа* (65 % ст., 80 % ср., 90 % мл.) и *спе*[дз]*задание* (75 % ст., 80 % ср., 100 % мл.); *те*[ч]*база* (100 %) и *те*[ч]*задание* (100 %).

б) Реализация конечной звонкой фонемы первой основы перед шумными глухими согласными: *хо*[с]*сектор* (100 %) и *хо*[с]*команда* (100 %); *ор*[к]*связь* (100 %) и *ор*[к]*секретарь* (100 %).

в) Реализация конечной звонкой фонемы первой основы перед шумными звонками: *хо*[з]*взвод* (100 %), *хо*[з]*договор* (100 %) и *хо*[з]*бюрократия* (100 %); *му*[з]*взвод* (100 %) и *му*[з]*заявка* (100 %); *гла*[в]*золото* (100 %) и *гла*[в]*железо* (100 %).

г) Реализация конечной шумной фонемы первой основы перед гласными, сонорными и [в], [в'], за которыми идет гласный или сонорный: *хо*[з]*отдел* (25 % ст., 20 % ср., 15 % мл.) и *хо*[з]*управление*

(20 % ст. и ср., 10 % мл.); *ме[д]вуз* (90 % ст., 80 % ср., 100 % мл.) и *ме[д]вытрезвитель* (80 % ст., 90 % ср., 90 % мл.).

1.1.2. Просодические факторы

1.1.2.1. Влияние акцентного выделения и побочного ударения на звуковой облик композитов

Данные эксперимента показали, что семантическая выделенность первой основы композита во многом способствует восприятию стыка между основами как межсловесного, а согласная фонема первой основы может реализовываться по законам конца слова перед паузой, а не его середины. При восприятии стыка как межсловесного реализация согласных фонем на конце первой основы является сигналом её самостоятельности, поэтому резко возрастает вероятность появления орфоэпических вариантов: *гò[з]дúма* и *гò[с]дúма*.

Отсутствие же какой бы то ни было просодической выделенности, т. е. акцентного выделения или побочного ударения, способствует восприятию стыка как внутрисловесного, что увеличивает вероятность действия позиционных закономерностей.

Так, во фразе «*Не ему, а именно вам следует обратиться в госдепартамент*» нет условий для появления акцентного выделения первой основы слова *госдепартамент*, оно произносится то с побочным ударением на первой основе, то без него: *гòсдепартáмент* и *госдепартáмент*; во фразе «*Вам смогут помочь только в госдепартаменте*» есть выделение и, соответственно, условия для возникновения акцентного выделения: *гòсдепартамент*. На стыке основ при наличии побочного ударения возможны варианты: *гò[з]департáмент* и *гò[с]департáмент*, но «необычных» вариантов с глухим звуком перед следующим звонким оказывается меньше, чем при произношении этого слова с акцентным выделением на первой основе. Случаи произношения с побочным ударением на первой основе занимают промежуточное положение между вариантами с акцентным выделением и просодически нейтральными. Таким образом, побочное ударение оказывается фактором, менее возмущающим привычный порядок, чем акцентное выделение: *гò[с]бюджét* (50 %) и *гò[з]бюджét* (50 %), *гò[с]бюджét* (15 %) и *гò[з]бюджét* (85 %), но *гò[з]бюджét* (100 %); *мáр[ш]бросóк* (90 %) и *мáр[ж]бросóк* (10 %), *мàр[ш]бросóк* (30 %) и *мàр[ж]бросóк* (70 %), но *мар[ж]бросóк* (100 %); *мú[с]взвòд* (30 %) и *мú[з]взвòд* (70 %), но *му[з]взвòд* (100 %).

Нарушение законов позиционного поведения звуков — произношение шумного глухого согласного перед звонким — является сигналом «отдельности» первой основы.

Между тем представляется, что акцентное выделение может быть обозначено не только просодическими средствами. Информантам были предложены для прочтения два типа фраз: в одних не было условий для возникновения акцентного выделения, в других же подразумевался «теневого контекст» (Т. М. Николаева) [Николаева 1982] и, соответственно, наличие акцентного выделения. (*Скажите, отделение госбанка принимает платежи сегодня или завтра?* /теневого контекст в такого типа фразах отсутствует/; *В наше время нельзя доверять ни частным банкам, ни госбанку* /в такого типа фразах есть условия для возникновения акцентного выделения/). В первом типе фраз все информанты произнесли *гo[з]ба́нк*, т. е. первая основа озвучена без побочного ударения и по законам середины слова.

Во втором типе фраз часть информантов произнесла *гọ[с]ба́нк*, т. е. первая основа с акцентным выделением и с реализацией конечной фонемы по законам произношения изолированного слова, а не его середины, что вполне объяснимо при наличии выделения на первой основе.

Вопреки ожиданиям, вторая часть информантов произнесла во фразах с тeneвым контекстом *гo[с]ба́нк*, т. е. без просодической выделенности гласного звука первой основы, но с реализацией конечной фонемы все же по законам конца слова. Подобное наблюдение, не описанное до сих пор в литературе, может свидетельствовать только об одном. Семантическая выделенность морфемы на звуковом уровне может проявляться различно: либо только просодически, либо сочетанием просодической выделенности и сегментных изменений, либо только сегментно.

В зависимости от просодической позиции конечные согласные фонемы первой основы композитов реализуются следующим образом.

1. Реализация конечной глухой фонемы первой основы перед шумными звонкими: *гọ[с]департа́мент* (80 % ст., 50 % ср., 60 % мл.) и *гọ[з]департа́мент* (20 % ст., 50 % ср., 40 % мл.), *гọ[с]департа́мент* (15 % ст. и ср., 10 % мл.) и *гọ[з]департа́мент* (85 % ст. и ср., 90 % мл.), но только *гo[з]департа́мент* (100 %).

2. Реализация конечной звонкой фонемы первой основы перед шумными глухими: по законам позиционных чередований согласных в данной позиции должен произ-

носиться глухой звук как внутри слова, так и в сандхи. Но результаты эксперимента и наблюдения над живой речью продемонстрировали возможность появления звонкого согласного при условии просодического маркирования первой основы: *хѳ[с]комáнда* (100 % ст., 70 % ср. и мл.) и *хѳ[з]комáнда* (0 % ст., 30 % ср. и мл.), но *хо[с]комáнда* (100 %).

3. Реализация конечной звонкой фонемы первой основы перед шумными звонкими: *хѳ[с]бюрокράтия* (30 % ст. и ср., 40 % мл.) и *хѳ[з]бюрокράтия* (70 % ст. и ср., 60 % мл.), *хѳ[с]бюрокράтия* (20 % ст., 10 % ср., 0 % мл.) и *хѳ[з]бюрокράтия* (80 % ст., 90 % ср., 100 % мл.), но *хо[з]бюрокράтия* (100 %).

Полученные результаты показывают, что звонкая фонема на конце первой основы может реализоваться глухим звуком только в позиции под акцентным выделением или побочным ударением, т. е. в тех случаях, когда информанты воспринимают первую основу композита как отдельное слово.

4. Реализация конечной шумной фонемы первой основы перед гласными, сонорными и [в], [в'] + гласный или сонорный: в данной позиции на месте этимологически звонкого на конце первой основы можно ожидать оба варианта реализации — и звонкий, и глухой: *гла[ф]врач* (50 % ст., 60 % ср., 35 % мл.) и *гла[в]врач* (50 % ст., 40 % ср., 65 % мл.), но *гла[в]врач* (100 % ст., 70 % ср., 100 % мл.); *хѳ[с]отдѳл* (20 % ст., 30 % ср., 15 % мл.) и *хѳ[з]отдѳл* (80 % ст., 70 % ср., 85 % мл.), но *хо[с]отдѳл* (75 % ст., 80 % ср., 85 % мл.) и *хо[з]отдѳл* (25 % ст., 20 % ср., 15 % мл.). Случаи произнесений с побочным ударением приближаются к варианту с акцентным выделением: *не[т]институт* (20 % ст., 0 % ср., 45 % мл.) и *не[д]институт* (80 % ст., 100 % ср., 55 % мл.), *не[т]институт* (10 % ст., 0 % ср., 25 % мл.) и *не[д]институт* (90 % ст., 100 % ср., 75 % мл.), но *не[д]институт* (100 %).

Отдельно следует остановиться на позиции /в/, /ф/ + /в/ + сонорный. Первая фонема в сочетании /фв/ в позиции под акцентным выделением реализовывалась почти всегда как [ф]: *прѳ[ф]врѳд*, *прѳ[ф]врѳдность*; в просодически нейтральной позиции появлялся небольшой процент произнесений со звонким: *про[ф]врѳд* (90 % ст. и мл., 100 % ср.) и *про[в]врѳд* (10 % ст. и мл., 0 % ср.), *про[ф]врѳдность* (100 % ст. и ср., 75 % мл.) и *про[в]врѳдность* (0 % ст. и ср., 25 % мл.). Причѳм если без акцентного выделения стык фонем реализовался как [фв] или [вв] (*про[фв]рѳдность* или *про[вв]рѳдность*), то в позиции просодической выделенности встречался только вариант [фв] (*прѳ[фв]рѳдность*). Что касается произношения [фф], о котором пи-

шет С. В. Князев [Князев 1999]: *про*[фф]*рѣднoсть*, — в проведённом эксперименте такие случаи не зафиксированы. Действительно, первая фаза [в] после глухого может оглушаться, но тотального оглушения ни при беглом слитном произношении, ни под акцентным выделением не происходит.

В сочетании /вв/ в просодически нейтральной позиции стык преимущественно оформлялся как [вв]: *гла*[вв]*ра́ч* (100 % ст. и мл., 70 % ср.). В средней возрастной группе зафиксировано произношение *гла*[фв]*ра́ч* (0 % ст. и мл., 30 % ср.). В позиции же под акцентным выделением процент произнесений с первым глухим звуком гораздо выше: *гла́*[фв]*ра́ч* (50 % ст., 60 % ср., 35 % мл.) и *гла́*[вв]*ра́ч* (50 % ст., 40 % ср., 65 % мл.). Случаев произнесения с двумя глухими (*гла́*[фф]*ра́ч*) отмечено не было.

1.1.2.2. Влияние разных типов произнесения (полного и неполного) на сегментный состав первой основы композитов

Н. Д. Светозарова, рассматривая примеры особо чёткого произнесения как ударенных, так и неударенных слогов, пишет о явлении «сверхполного», или «гиперполного», типа речи, противопоставляя его как неполному, так и обычному полному типу произнесения [Светозарова 2008].

Применительно к композитам сверхполный тип произнесения вызван спецификой самого материала. Среди сложных и сложносокращённых слов много малоосвоенных, зачастую трудных для понимания и произнесения лексем. Все это часто вызывает потребность в четком, а иногда и побуквенном произнесении. Отсюда возможно отсутствие чередований, приближение произношения к письму. Во многих случаях произношения типа *не*[д]*фа́к*, *му*[з]*фо́нд*, *ху*[д]*фо́нд* и др. могут быть вызваны именно этим фактором. Обычно с ним сочетается просодическое выделение первой основы.

1.2. Словообразовательные факторы

1.2.1. Количество основ

Количество основ в композитах в первую очередь отражается на их акцентуации. В двухосновных словах побочное ударение может отсутствовать. Оно обязательно только в тех случаях, когда между местом потенциального дополнительного ударения и основным ударением более трёх слогов. При наличии же трёх и более основ произнесение слова с одним ударением, как правило, весьма затруднительно. Естественно, что основа, находящаяся под ударением, скорее

воспринимается как самостоятельное слово, чем безударная, что отражается на звуковом оформлении стыка основ: конечная согласная оформляется по законам конца слова, а не его середины. Но в некоторых случаях возможно произнесение трехосновных слов без дополнительного ударения. Это может происходить, если одна из основ не существует в качестве самостоятельного слова. Так, слова *профгруппорг*, *райсобес* и под. для носителя языка членятся не на три части, а на две: *рай-собес*, *проф-группорг*, т. е. говорящие и слушающие не воспринимают вторую часть как сложное слово.

При произнесении без дополнительного ударения стык основ в многоосновных словах может оформляться по внутрисловесным законам: *сò[ц]бытсэ́ктор* (70 % ст., 100 % ср. и мл.) и *сò[дз̄]бытсэ́ктор* (30 % ст., 0 % ср. и мл.), но только *со[дз̄]бытсэ́ктор* (100 %).

1.3. Грамматические факторы

1.3.1. Степень членимости слова

По мере проведения эксперимента и анализа полученных результатов стало очевидным, что выделить степень членимости слова в качестве самостоятельного фактора, влияющего на произношение композитов, не представляется возможным. Восприятие или невосприятие слова говорящими и слушающими как сложного, очевидность или неочевидность границ между основами может объясняться совокупностью причин и являться следствием, а не причиной определенных событий. В связи с тем, что этот фактор обусловлен другими, рассмотренными в настоящей работе отдельно, степень членимости слова не будет фигурировать в работе как самостоятельный фактор, влияющий на звуковое оформление сложных и сложносокращённых слов.

1.3.2. Самостоятельность/несамостоятельность второй основы

В ряде современных работ отмечалось, что невозможность употребить вторую основу композита как отдельное слово подчеркивает для носителя языка спаянность компонентов, в результате чего фонемы реализуются по внутрисловесным законам. Если же вторая часть композита употребляется в качестве самостоятельной лексики, то плотность стыка между основами меньше, а стык фонетически чаще оформляется по законам конца слова. Например, *за[в]ма́г* (100 % ст., 60 % ср., 80 % мл.) и *за[ф]ма́г* (0 % ст., 40 % ср., 20 % мл.), но *за[в]магази́ном* (40 %) и *за[ф]магази́ном* (60 %); *сту[д]ба́т* (100 %), но *сту[д]бата́льо́н* (40 % ст. и мл., 30 % ср.) и *сту[т]бата́льо́н* (60 % ст. и мл., 70 % ср.).

Однако в данном случае можно предположить другую причину подобного распределения вариантов: в более длинном слове, при наличии нескольких слогов между основным ударением и местом потенциального дополнительного ударения, велика вероятность возникновения дополнительного ударения на гласном первой основы, что, конечно же, способствует звуковому оформлению стыка как межсловесного. Данные, полученные в результате эксперимента, подтверждают это предположение.

1.4. Лексические факторы

Русская или заимствованная основа

Все иноязычные основы, исследованные в эксперименте по глухости/звонкости, хорошо освоены носителями языка и уже не воспринимаются как заимствованные. В связи с этим различия в принципах звукового оформления конечной фонемы этимологически русских и иноязычных основ не обнаружено: *ху[т]фóнд* (100 %) и *му[с]фóнд* (100 %).

1.5. Социолингвистические факторы

Возрастные и гендерные различия

У респондентов, относящихся к младшей возрастной группе, явно прослеживается тенденция к произнесению композитов с оформлением стыка по законам середины слова, что говорит о восприятии слова как единого целого, а не как словосочетания, происходит своеобразное «опрощение» сложного слова. Процент таких произнесений у младшей возрастной группы по сравнению со старшей достоверно выше: *про[в]группа* (40 % ст. и 80 % мл.), *го[з]бáнк* (80 % ст. и 100 % мл.), *сне[дз]группа* (65 % ст. и 90 % мл.), *сельхо[з]артéль* (60 % ст. и 80 % мл.), *за[в]отделéнием* (0 % ст. и 40 % мл.).

Никаких различий в реализации согласных фонем по глухости/звонкости на стыках основ сложных и сложносокращённых слов у мужчин и женщин обнаружить не удалось.

2. Распределение согласных по месту и способу образования на конце первой основы сложных и сложносокращённых слов

Закономерности, определяющие чередования согласных по месту и способу образования, общеизвестны и подробно описаны. При систематизации полученных в эксперименте результатов принято следующее деление.

1. К группам согласных, в которых могут происходить чередования по **месту образования**, отнесены сочетания: зубные шумные перед шумными передненёбными ([с]¹¹, [з] перед [ш], [ж]); зубная аффриката перед нёбными щелевыми ([ц] перед [ш], [ж]); зубные щелевые перед нёбной аффрикатой ([с], [з] перед [ч']).

2. К группам согласных, в которых могут происходить чередования по **способу образования**, отнесены сочетания: взрывные зубные перед щелевыми зубными ([т], [д] перед [с], [з]); взрывные зубные перед аффрикатами ([т], [д] перед [ц], [ч']).

3. К группам согласных, в которых могут происходить смешанные чередования по **месту и способу образования**, отнесены сочетания: взрывные зубные перед щелевыми нёбными ([т], [д] перед [ш], [ж]); зубная аффриката перед нёбной ([ц] перед [ч']).

М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткина отмечают варианты произношения на конце первой основы сложных и сложносокращённых слов: *Мо[жж]илконто́ра* и *Мо[сж]илконто́ра*, *ли[цс]отру́дник* и *ли[тс]отру́дник*, *го[ш'ч']инóвник* и *го[сч']инóвник* [Каленчук, Касаткина 2003].

Как и в случае с чередованиями по глухости/звонкости, есть основания полагать, что можно расширить круг позиций, в которых наблюдаются варианты произношения по месту и способу образования на стыке основ сложных и сложносокращённых слов, и выявить факторы, способствующие возникновению этих вариантов.

2.1. Фонетические факторы

2.1.1. Сегментные факторы

2.1.1.1. Длина слова

Анализ полученных данных показал, что длина слова не влияет на реализацию конечных шумных согласных фонем первой основы.

а) Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по месту образования.

Зубные шумные [с], [з] перед шумными передненёбными [ш], [ж] в большинстве случаев заменяются передненёбными: *го[ш]шко́ла* (80 % ст., 70 % ср., 90 % мл.) и *го[ж]жа́лование* (70 % ст., 80 % ср., 90 % мл.). Значительно меньше половины случаев произносится с зубным: *го[с]шко́ла* (20 % ст., 30 % ср., 10 % мл.) и *го[з]жа́лованье* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.).

¹¹ В подобных случаях могут произноситься как твёрдые, так и мягкие звуки, но это различие игнорируется в дальнейшем описании.

При положении зубных щелевых [с], [з] перед нёбной аффрикатой [ч'] в подавляющем большинстве случаев чередования по месту не происходит, т. е. фонемы /с/, /з/ реализуются твёрдым глухим зубным [с]: *зо[с]чѐйн* (80 %) и *зо[с]чѐйнѐвник* (100 % ст., 80 % ср., 70 % мл.), соответственно *зо[ш']чѐйн* (20 %) и *зо[ш']чѐйнѐвник* (0 % ст., 20 % ср., 30 % мл.); *хо[с]чѐсть* (100 %) и *хо[с]чѐйнѐвник* (100 % ст., 90 % ср. и мл.), соответственно *хо[ш']чѐсть* (0 %) и *хо[ш']чѐйнѐвник* (0 % ст., 10 % ср. и мл.). В приведенных примерах основное ударение сдвигается на один слог вперед, но это, как видно, не влияет на произношение.

К сожалению, слов с зубной аффрикатой [ц] перед нёбными щелевыми [ш], [ж], которые можно было бы сопоставить по длине опорного слова, подобрать не удалось.

б) Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по способу образования.

Взрывные зубные [т], [д] перед щелевыми зубными [с], [з] почти стопроцентно реализуются аффрикатой вне зависимости от длины слова: *спор[дз]зѐл* (100 %) и *спор[ц]сѐкция* (90 % ст., 100 % ср. и мл.); *ме[ц]санбѐт* (100 %) и *ме[ц]санбѐтовец* (100 %); *не[ц]стѐж* (100 %) и *пар[дз]зѐговор* (100 %).

Взрывные зубные [т], [д] перед аффрикатами [ц], [ч'] всегда заменяются на имплозивный: *ме[т]цѐх* (100 %) и *ме[т]цѐнзор* (100 %). Причем перед [ч'] возможен как твёрдый [т], так и мягкий [т']. Во многом появление мягкости имплозивного обусловлено качеством предшествующего гласного: гласные переднего ряда способствуют мягкости следующего за ними имплозивного, тогда как гласные непреднего ряда — твёрдости: *не[т']чѐсть* (40 % ст., 30 % ср. и мл.) и *не[т]чѐсть* (60 % ст., 70 % ср. и мл.); *ме[т']чѐсть* (40 % ст., 30 % ср. и мл.) и *ме[т]чѐсть* (60 % ст., 70 % ср. и мл.); *спор[т]чѐсть* (100 %) и *спор[т']чѐсть* (0 %). О влиянии гласных на твёрдость/мягкость последующих согласных писал Л. Л. Касаткин [Касаткин 2008].

в) Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по месту и способу образования.

Зубная аффриката [ц] перед нёбной аффрикатой [ч'] в подавляющем большинстве случаев заменяется имплозивным, твёрдым или мягким (причем твёрдость/мягкость зависят от другого фактора, о котором будет сказано ниже): имплозивный в слове *спецѐчь* произнесли 100 % респондентов старшей группы и 80 % средней и младшей; слово *спецѐйнѐвник* произнесли с имплозивным 100 % опрошенных всех возрастных групп.

В связи с тем что не удалось обнаружить общеупотребительных слов различной длины с сочетанием на стыке основ взрывных зубных [т], [д] с щелевыми нёбными [ш], [ж], описать это сочетание с точки зрения рассматриваемого фактора не представляется возможным.

2.1.1.2. Длина безударной цепочки от начала слова
до слога с основным ударением или между слогами
с потенциальным дополнительным ударением и основным

Анализ полученных данных показал, что этот фактор, как и предыдущий, практически не влияет на реализацию конечных шумных согласных фонем первой основы. Как уже отмечалось выше, от длины безударной цепочки непосредственно зависит наличие или отсутствие дополнительного ударения на первой основе. Это отражается на звуковом облике слова. Но для описания этой позиции специально отобраны только те варианты, которые были произнесены без побочного ударения.

а) Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по месту образования.

Зубные шумные перед шумными переднёбными в большинстве случаев заменяются переднёбными: *Ро[ш]шѐлк* (100 % ст. и мл. и 90 % ср.) и *Ро[ш]шоколáд* (100 %).

При положении зубных щелевых перед нёбной аффрикатой фактор длины безударной цепочки также не играет роли: *го[с]чѐк* (100 % ст., 80 % ср., 70 % мл.) и *го[с]человѐк* (100 % ст. и 80 % ср. и мл.).

Примеры слов с зубной аффрикатой [ц] перед нёбными щелевыми дают такие же результаты: *спе[т]шкóла* (60 % ст., 70 % ср., 70 % мл.) и *спе[т]шифровáльщик* (70 % ст. и ср., 80 % мл.).

б) Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по способу образования.

Реализация взрывных зубных [т], [д] перед щелевыми зубными [с], [з] не зависит от длины безударной цепочки: *пар[дз]зáговор* (100 %), *пар[ц]состáв* (100 %), *пар[дз]заседáние* (100 %), *спор[ц]сооружѐние* (100 %).

Взрывные зубные [т], [д] перед аффрикатами [ц], [ч'] заменяются на импловивный независимо от рассматриваемого фактора: *ме[т]цензор* (100 %), *мето[т]цензура* (100 %), *спор[т]церемония* (100 %).

в) Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по месту и способу образования.

При описании предыдущего фактора (длина слова) за неимением примеров с равной безударной цепочкой сравнивались слова, в ко-

торых она на один слог длиннее, чем в другом. Как было показано, это не повлияло на произношение. Примеров с более длинной безударной цепочкой найти не удалось.

На сочетание взрывных зубных с щелевыми нёбными также есть возможность привести только примеры, в которых безударная цепочка отличается всего на один слог: *спор*[т̚]шко́ла (100 %) и *ме*[дж̚]жу́рнал (100 %).

2.1.2. Просодические факторы

2.1.2.1. Влияние акцентного выделения и дополнительного ударения на звуковой облик композитов

Проведённый эксперимент показал, что акцентное выделение на первой основе сложного или сложносокращённого слова увеличивает вероятность восприятия первого компонента композита как отдельного слова. Фонемы в этом случае могут вести себя как на конце самостоятельного слова в позиции перед паузой, поэтому резко возрастает вероятность отсутствия чередования по месту и способу образования и, как следствие, вероятность появления орфоэпических вариантов. Отсутствие же просодической выделенности, как и при чередовании по глухости/звонкости, способствует восприятию стыка как внутрисловесного, что увеличивает вероятность действия позиционных закономерностей. Так, во фразе: *Помимо художественной, он посещал еще и му́зико́лу* — вероятность произнесения *мӳ[с̚]шко́ла*, т. е. с отсутствием чередования, — 60 % ст. и ср. и 50 % мл., а во фразе *Он посещал му́зико́лу при Гнесинском училище* — вероятность такого произнесения уменьшается до 40 % ст., 30 % ср., 20 % мл., т. к. отсутствие просодической выделенности способствует восприятию стыка как внутрисловесного, что увеличивает вероятность действия позиционных закономерностей.

1. Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по месту образования.

Зубные шумные [с], [з] перед шумными переднёбными [ш], [ж] по внутрисловесным законам заменяются переднёбными. При сочетаниях зубных и переднёбных фонем в некоторых случаях в позиции под акцентным выделением возникают три варианта: *Мѝ[ж̚]-жилрегистр́ация* (20 % ст., 30 % ср., 10 % мл.), *Мѝ[з̚]жилрегистр́ация* (40 % ст., 50 % ср., 20 % мл.) и *Мѝ[с̚]жилрегистр́ация* (40 % ст., 20 % ср., 70 % мл.). Возможно, из-за влияния графики при чтении текста согласные, не подвергшиеся позиционному чередованию, пе-

ред глухим в акцентированной позиции могут быть представлены не только глухим, но и звонким вариантом.

При положении зубной аффрикаты [ц] перед нёбными щелевыми [ш], [ж] результаты реализации конечной согласной первой основы также различны в зависимости от позиции. Под акцентным выделением преобладают случаи произношения с зубным: *сѳ[ц]жильѳ* (90 % ст. и ср., 70 % мл.) и *сѳ[дж]жильѳ* (10 % ст. и ср., 30 % мл.); *спѳ[ц]шкѳла* (60 % ст., 20 % ср., 0 % мл.) и *спѳ[т̚]шкѳла* (40 % ст., 80 % ср., 100 % мл.). В позиции же без просодической выделенности преобладают случаи произношения с нёбным: *со[ц]жильѳ* (30 % ст. и ср., 20 % мл.) и *со[дж]жильѳ* (70 % ст. и ср., 80 % мл.); *спе[ц]шкѳла* (40 % ст., 30 % ср., 20 % мл.) и *спе[т̚]шкѳла* (60 % ст., 70 % ср., 80 % мл.).

При положении зубных щелевых [с], [з] перед нёбной аффриктой [чʲ] под акцентным выделением чередования по месту образования не происходит, т. е. фонемы /с/, /з/ в большинстве случаев реализуются твёрдым глухим зубным [с]: *зѳ[с]чинѳвник* (100 %), *зѳ[с]чин* (100 %). Иногда фонема /з/ в этой позиции реализуется звуком [з]: *мѳ[с]чѳсть* (90 % ст., 100 % ср., 80 % мл.) и *мѳ[з]чѳсть* (10 % ст., 0 % ср., 20 % мл.); *хѳ[с]чѳсть* (90 %) и *хѳ[з]чѳсть* (10 %). В позиции без просодической выделенности также преобладает произнесение глухого зубного [с], хотя у среднего и младшего поколений прослеживается тенденция к появлению нёбного: *зо[с]чинѳвник* (100 % ст., 80 % ср., 70 % мл.).

2. Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по способу образования.

Взрывные зубные фонемы /т/, /д/ перед щелевыми зубными /с/, /з/ в середине слова реализуются аффрикатами, однако этого может не происходить. Причём процент произнесений без чередования в позиции под акцентным выделением значительно выше, чем в просодически нейтральной позиции: *нѳ[ц]сѳстѳв* (40 %) и *нѳ[т̚]сѳстѳв* (60 %), но *не[ц]сѳстѳв* (90 % ст., 100 % ср. и мл.) и *не[т̚]сѳстѳв* (10 % ст., 0 % ср. и мл.).

При реализации взрывных зубных перед щелевыми зубными так же, как и при рассмотренных выше чередованиях по месту образования, под акцентным выделением иногда могут возникать три варианта произношения: *нѳ[дз̚]зѳведѳние* (10 % ст. и мл., 20 % ср.), *нѳ[т̚]зѳведѳние* (10 % ст. и мл., 0 % ср.) и *нѳ[д]зѳведѳние* (80 %). Таким образом, звонкие согласные, не подвергшиеся позиционному чередованию, перед глухим могут быть представлены не только глухим, но и звонким вариантом.

Взрывные зубные [т], [д] перед аффрикатами [ц], [ч'] внутри слова заменяются на имплозивные, но иногда под акцентным выделением могут сохраняться взрывные: *ме́[т]ча́сть* (50 % ст. и мл., 60 % ср.) и *ме́[т]це́нтр* (50 % ст. и мл., 40 % ср.). В просодически нейтральной позиции в ста процентах случаев на конце первой основы произносится имплозивный.

3. Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по месту и способу образования.

Зубная аффриката [ц] перед нёбной аффрикацией [ч'] в позиции середины слова заменяется нёбным имплозивным, но на стыке двух основ сложных и сложносокращённых слов этого может не происходить, причем процент произнесений с зубной аффрикацией [ц] под акцентным выделением значительно выше: *спе́[ц]чино́вник* (50 % ст., 40 % ср. и мл.) и *спе́[т]чино́вник* (50 % ст., 60 % ср. и мл.), но *спе[ц]чино́вник* (0 %) и *спе[т]чино́вник* (100 %).

Взрывные зубные [т], [д] перед щелевыми нёбными [ш], [ж] чередуются по законам середины слова с нёбными аффрикатами, но, как и в предыдущем случае, этого может не происходить на стыке основ композитов, особенно в позиции под акцентным выделением: *спо́р[ч]шко́ла* (80 % ст., 60 % ср., 70 % мл.) и *спо́р[т]шко́ла* (20 % ст., 40 % ср., 30 % мл.), но *спор[ч]шко́ла* (100 % ст. и ср., 90 % мл.) и *спор[т]шко́ла* (0 % ст. и ср., 10 % мл.).

При отсутствии чередования перед [ш] на месте фонемы /д/ зафиксирован небольшой процент произнесений [д]: *тру́[ч]шко́ла* (10 % ст. и мл., 0 % ср.) и *тру́[т]шко́ла* (70 % ст., 60 % ср., 80 % мл.), но *тру[д]шко́ла* (20 % ст., 40 % ср., 10 % мл.).

Необходимо отметить, что случаи с побочным ударением занимают, как правило, промежуточный вариант между случаями с акцентным выделением и просодически нейтральными или же примыкают к одному из них: *спе́[ц]шифро́вальный* (60 % ст., 70 % ср. и мл.), *спе́[ц]шифро́вальный* (50 % ст., 30 % ср., 40 % мл.), *спе[ц]шифро́вальный* (30 % ст. и ср., 20 % мл.), но *спе́[т]шифро́вальный* (40 % ст., 30 % ср. и мл.), *спе́[т]шифро́вальный* (50 % ст., 70 % ср., 60 % мл.), *спе[т]шифро́вальный* (70 % ст. и ср., 80 % мл.).

2.1.2.2. Влияние разных типов произнесения (полного и неполного) на сегментный состав первой основы композитов

Как уже было сказано выше, среди сложных и сложносокращённых слов много редко употребляющихся, малоосвоенных, трудных для понимания и произнесения лексем. Все это вызывает потреб-

ность в четком, а иногда и побуквенном произнесении. Именно этим зачастую объясняется отсутствие чередований на стыке основ композитов, приближение произношения к письму: му[з]ча́сть, ху[д]со-вёт, тру[д]и́кóла. Обычно такие произнесения сопровождается протодическое выделение первой основы.

2.2. Словообразовательные факторы

2.2.1. Количество основ

Полученные данные аналогичны результатам эксперимента по глухости/звонкости. Оформление стыка основ зависит, в первую очередь, от акцентуации. В проанализированном материале трехосновные композиты произносились либо всегда с побочным ударением, либо всегда без него, т. е. в эксперименте нет многоосновных слов, которые произносились бы то с дополнительным ударением, то без него. Примеры слов с побочным ударением: мо[ж]жи́лрегистра́ция (20 % ст. и ср., 40 % мл.), мо[з]жи́лрегистра́ция (60 % ст., 70 % ср., 40 % мл.) и мо[с]жи́лрегистра́ция (20 % ст. и ср., 10 % мл.).

2.3. Грамматические факторы

2.3.1. Самостоятельность/несамостоятельность второй основы

Проведённый эксперимент не даёт возможности получить достоверные результаты из-за нехватки необходимого лексического материала среди общеупотребительных слов.

2.4. Лексические факторы

2.4.1. Степень освоенности слова и частотность его употребления

Часто употребляющиеся, хорошо освоенные носителями языка слова, как правило, имеют более плотный стык между основами, хуже членятся. Такие слова, как правило, имеют более быстрый темп произнесения, чем менее освоенные лексемы. В связи с этим стык основ в таких композитах имеет тенденцию оформляться по законам середины слова. И напротив, лексемы редко употребляющиеся, «экзотические», зачастую имеют тенденцию к более полному стилю произношения. Все это должно способствовать восприятию «отдельности» первой основы и, естественно, произнесению конечной согласной первой основы по законам конца слова. Так, в словах *спортшкóла*, *худшкóла* и *трудшкóла* процент произнесений с отсутствием чередования на стыке основ увеличивается в соответствии с

усилением редкости лексемы: *спор*[т]шкóла (0 %), *ху*[т]шкóла (40 % ст. и ср., 20 % мл.) и *тру*[т]шкóла (60 % ст., 50 % ср., 40 % мл.), но *спор*[ч]шкóла (100 %), *ху*[ч]шкóла (60 % ст. и ср., 80 % мл.) и *тру*[ч]шкóла (40 % ст., 50 % ср., 60 % мл.)¹².

Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и на стыке основ, где могут происходить чередования по месту образования: *го*[с]шкóла (20 % ст., 30 % ср., 10 % мл.) и *му*[с]шкóла (40 % ст. и ср., 30 % мл.), но *го*[ш]шкóла (80 % ст., 70 % ср., 90 % мл.) и *му*[ш]шкóла (60 % ст. и ср., 70 % мл.) и по способу образования: *не*[т]совéт (0 %) и *спор*[т]совéт (20 % ст. и ср., 10 % мл.), но *не*[ц]совéт (100 %) и *спор*[ц]совéт (80 % ст. и ср., 90 % мл.).

2.4.2. Русская или заимствованная основа

Как и в эксперименте по глухости/звонкости, различия в принципах звукового оформления конечной фонемы этимологически русских и иноязычных основ не обнаружено. Это связано с тем, что, как уже было сказано, все иноязычные основы, исследованные в эксперименте, хорошо освоены носителями языка и уже не воспринимаются как заимствованные.

2.5. Социолингвистические факторы

2.5.1. Возрастные и гендерные различия

Результаты проведённого эксперимента по месту и способу образования подтверждают данные, полученные в исследовании по глухости/звонкости. У респондентов, относящихся к младшей возрастной группе, явно прослеживается тенденция к произнесению композитов с оформлением стыка по законам середины слова, что говорит о восприятии слова как единого целого, а не как словосочетания. Процент произнесений с наличием чередования в младшей группе испытуемых оказался выше, чем в старшей.

¹² Здесь следует отдельно отметить, что частотность употребления влияет не только на чередование по месту и способу, но и по твёрдости/мягкости. Если выделить случаи произнесения с имплозивным, то процент произнесений с мягким окажется выше в более частотных словах, чем в менее частотных: *спе*[т']часть (80 % ст., 50 % ср. и мл.), *спе*[т']чиновник (40 % ст., 30 % ср., 10 % мл.), *спе*[т']чел (0 %); *ме*[т']часть (70 %) и *пе*[т']часть (40 % ст., 30 % ср. и мл.). У старшей возрастной группы процент произнесений с мягким имплозивным выше, чем у младшей.

1. Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по месту образования.

Зубные шумные [с], [з] перед шумными передненёбными [ш], [ж]: му[ш]шкóла (60 % ст. и 70 % мл.), спе[т̚]шкóла (60 % ст. и 80 % мл.), го[ж]жáлованье (70 % ст. и 90 % мл.), хо[ж]журнáл (50 % ст. и 70 % мл.).

При положении зубных щелевых [с], [з] перед нёбной аффрикатой [ч'] у респондентов старшей возрастной группы чередования по месту (за редким исключением) не происходит, у средней возрастной группы уже есть некоторый процент с чередованиями, а у младшей группы он иногда еще более увеличивается: го[ш̚']чинóвник (0 % ст., 20 % ср., 30 % мл.), го[ш̚']чéк (0 % ст., 20 % ср., 30 % мл.), го[ш̚']-чáсть (0 % ст., 20 % ср. и мл.), хо[ш̚']чáсть (0 % ст., 10 % ср. и мл.).

2. Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по способу образования.

Взрывные зубные фонемы /т/, /д/ перед щелевыми зубными /с/, /з/: не[ц]состáв (90 % ст. и 100 % мл.), мосво[ц]стрóй (50 % ст. и 70 % мл.), ху[ц]совéт (80 % ст. и 100 % мл.).

Взрывные зубные [т], [д] перед аффрикатами [ц], [ч']: в этом случае в нейтральной просодической позиции ни у одной возрастной группы не зафиксировано случая произнесения без чередования. В ста процентах случаев на месте взрывного произносился имплозивный, твёрдый или мягкий.

3. Реализация сочетаний согласных, в которых могут происходить чередования по месту и способу образования

Взрывные зубные [т], [д] перед щелевыми нёбными [ш], [ж]: ху[ч]шкóла (60 % ст. и 80 % мл.), спор[дж]журнáл (80 % ст. и 100 % мл.), тру[ч]шкóла (40 % ст. и 60 % мл.).

Никаких различий в реализации согласных фонем по месту и способу образования на стыках основ сложных и сложносокращённых слов в речи мужчин и женщин обнаружить не удалось.

Вокализм подсистемы сложных и сложносокращённых слов

Реализация гласных фонем в словах элементарной структуры регламентируется местом по отношению к ударению и твёрдостью/мягкостью предшествующего согласного. Законы качественной и количественной редукции гласных подробно описаны в лингвистической литературе.

В словах с несколькими основами поведение гласных может быть иным. Законы произношения, свойственные исконно русским бесприставочным словам, могут нарушаться. По всей видимости, это связано с общим стремлением грамматического развития современного русского языка к аналитизму. Первые компоненты композитов могут пытаться доказать свою самостоятельность, что отражается на реализации гласных фонем.

Как было показано выше, в сложных и сложносокращённых словах первая основа может находиться либо в нейтральной просодической позиции, либо в позиции просодической выделенности. Существуют две точки зрения на зависимость степени редукции гласного от наличия на нем ударения.

Первой точки зрения придерживался Р. И. Аванесов, который считал невозможным произношение качественно нередуцированных гласных в безударном слоге, и, наоборот, говоря о наличии побочного ударения, аргументировал это особым качеством гласного [Аванесов 1974].

Однако в научной литературе широко распространена и вторая точка зрения. Многие авторы отмечали, что и при отсутствии побочного ударения безударные гласные могут произноситься без качественной редукции; среди большого количества примеров приводились и случаи отсутствия редукции в сложных и сложносокращённых словах: *к[о]мпáртия*, *г[о]сбáнк*, *с[п'э]цкúрс*. В работах М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной предложена новая концепция, позволяющая развести вопросы о качестве гласного и наличии на нем ударения [Каленчук, Касаткина 1997]. В работе М. Я. Гловинской, Н. Е. Ильиной, С. М. Кузьминой, М. В. Панова свойство безударных гласных произноситься без редукции в первой основе сложных и сложносокращённых слов связывается с особым статусом первой основы. Авторы считают такие образования не сложными словами, а аналитическими конструкциями, состоящими из прилагательного и существительного [Гловинская и др. 1971].

Настоящая работа базируется на точке зрения М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной: отсутствие или наличие редукции гласных в первой основе сложных и сложносокращённых слов не зависит от просодической выделенности первой части композита. Это значит, что слово *водораздел*, например, может быть произнесено четырьмя различными способами: *в[э]дораздél*, *в[о]дораздél*, *в[э]дораздél* и *в[ò]дораздél*.

Итак, в словах сложной структуры действуют особые закономерности, влияющие на реализацию гласных фонем в первой основе.

В проведенном исследовании выяснялось, какими факторами обусловлено распределение качественно редуцированных/нередуцированных гласных в первой основе сложных и сложносокращённых слов.

Выявление законов распределения гласных в первой основе композитов даст возможность ответить на вопрос, действительно ли аналитические прилагательные обладают особыми фонетическими признаками. В области вокализма первые части сложных и сложносокращённых слов могут подчеркивать свою самостоятельность двумя способами: дополнительным ударением на первой основе и/или произношением качественно редуцированного безударного гласного. Такие звуковые сигналы отдельнословности связывают со стремлением языка к усилению аналитизма.

1. Фонетические факторы

1.1. Сегментные факторы

1.1.1. Длина слова

Анализ полученных данных показал, что этот фактор не влияет на качество гласных первой основы. Вне зависимости от длины слова процент произнесений с редуцированным остаётся неизменным: *м[э]ловёр* (100 %) и *м[э]ловэрие* (100 %); *д[э]мосёд* (100 %) и *д[э]мово́дство* (100 %) *д[э]морощенный* (100 %); *г[э]ловокружéние* (100 %) и *г[э]ловокружíteльный* (100 %); *ст[и³]клова́р* (100 %) и *ст[и³]клова́рочный* (80 % ст., 100 % ср. и мл.); *свящ[и³]ннослужíteль* (10 % ст., 20 % ср. и мл.) и *свящ[и³]ннослужíteльский* (20 %); *карт[э]фелево́д* (10 % ст., 20 % ср., 30 % мл.) и *карт[э]фелево́дство* (10 % ст., 20 % ср. и мл.); *г[а²]счéк* (20 % ст. и ср., 30 % мл.) и *г[а²]спрёмия* (20 % ст. и ср., 30 % мл.).

1.1.2. Длина безударной цепочки от начала слова

до слога с основным ударением или между слогами
с потенциальным дополнительным ударением и основным

Количество употреблений качественно редуцированных гласных (как просодически выделенных, так и безударных) достоверно увеличивается с удалением от ударного слога. Процент произнесений с редуцированным гласным у респондентов младшего поколения выше, чем у старшего и среднего, но, тем не менее, указанная тенденция прослеживается у всех возрастных групп: *мн[о]гоко́мнатный* (0 %), *мн[о]гокана́льный* (10 % ст. и ср., 0 % мл.), *мн[о]гонацио́нальный* (30 % ст. и ср., 10 % мл.), *мн[о]гоконфе́ссиональный* (100 % ст.,

90 % ср., 40 % мл.). Во всех вышеуказанных примерах суммированы все случаи произнесений с гласным полного образования — находящиеся под побочным ударением и стоящие в безударной позиции.

1.1.3. Межслоговая ассимиляция гласных

Ассимиляции обычно подвергается конечный гласный первой основы на *-о*, за которым следует слог с *у*: *мете[у]бюро́*, *мете[у]чувствительный*, *голов[у]круже́ние*, *пале[у]глуби́ны*.

В первом компоненте композитов вместо [э] в результате воздействия гласных соседних слогов могут произноситься звуки [э^{bl}], [э^a] и др., т. е. происходит ассимиляция по подъёму гласных. Причём следует отметить, что изменениям могут подвергаться даже те гласные первой основы, которые находятся под потенциальным дополнительным ударением. Они испытывают влияние гласного, находящегося в последующем слоге: *к[э^{bl}]рдиоце́нтр*, *к[э^{bl}]рдиоло́гия*, *карт[э^{bl}]фелекопа́лка*, *мн[э^a]зого́мнатный*.

1.1.4. Зияние гласных

Л. П. Крысин пишет, что явление хиатуса, или зияния, не очень характерно для фонетической структуры русского слова [Крысин 2000]. Автор отмечает, что увеличению числа слов, содержащих несколько гласных подряд, способствует численный рост класса аналитических прилагательных, оканчивающихся на гласный или на сочетание из двух гласных: *авто-*, *авиа-*, *аудио-*, *био-*, *кардио-*, *палео-*, *социо-*, *стерео-* и т. д. По мнению Л. П. Крысина, дополнительное ударение в сложных и сложносокращённых словах способствует произношению последовательности гласных с большей отчётливостью и меньшей, чем обычно, степенью редукции неударных гласных.

Действительно, данные проведенного эксперимента подтверждают, что процент произнесения в первых основах композитов качественно нередуцированных безударных гласных при их скоплении достаточно высок. Явление хиатуса не было предметом специального исследования в данной работе, тем не менее полученные данные позволяют сделать некоторые наблюдения.

1. В часто употребляющихся, «приболтанных» словах гласные редуцируются¹³, причем это наблюдается у всех возрастных групп. Так, слово *кардиогра́мма* произнесли с редуцированным все опрошенные респонденты: *карди[а³]гра́мма*.

¹³ В приведённых примерах обсуждается только качество второго гласного, т. к. безударный первый всегда произносился как [и³].

2. Зачастую даже малочастотные слова произносятся с редуцированными гласными в указанной позиции, причем степень редукции может быть различной: *мете[а³]наблюдэния* и *мете[э]наблюдэния*. Следует отметить, что процент произнесений с редуцированным у младшей возрастной группы значительно выше, чем у старшей. Так, слово *метеонаблюдэния* произнесли с редуцированным 20 % ст. и ср., 40 % мл., *метеогра́мма* — (20 % ст., 50 % ср. и мл.), *кардиосклеро́з* — (0 % ст. и ср., 20 % мл.), *кардиохирурѓия* (0 % ст. и ср., 20 % мл.), *па́лиосейсмологический* (50 % ст., 90 % ср., 100 % мл.).

3. Дополнительное ударение на первой основе композитов отнюдь не всегда способствует произношению нередуцированных гласных. По результатам исследования, обычно произносят гласный полного образования при ударной первой основе только представители среднего поколения: *мэте[о]наблюдэния*, *мэте[о]гра́мма*, *мэте[о]ка́рта*, *ка́рди[о]хирурѓия*.

Что касается представителей старшего поколения, то процент произнесений с гласным полного образования при ударной первой основе обычно выше, чем с редуцированным, хотя и встречаются случаи произнесения с редуцированным: *мэте[о]наблюдэния* (30 %) и *мэте[а³]наблюдэния* (20 %), притом остальные 50 % произнесли слово без побочного ударения, но с гласным полного образования: *мете[о]наблюдэния*; *мэте[о]гра́мма* (30 %) и *мэте[а³]гра́мма* (20 %), но *мете[о]гра́мма* (50 %); *мэте[о]ка́рта* (30 %) и *мэте[а³]ка́рта* (20 %), но *мете[о]ка́рта* (50 %). Некоторые слова респонденты старшей возрастной группы при ударной первой основе произнесли только с гласным полного образования: *мэте[о]патический*, *мэте[о]рологический*.

В речи же младшего поколения побочное ударение не оказывает никакого влияния на качество гласных при зиянии: *мэте[о]гра́мма* (20 %) и *мэте[а³]гра́мма* (20 %) (остальные случаи произнесены без дополнительного ударения на первой основе); *мэте[о]ка́рта* (20 %) и *мэте[а³]ка́рта* (20 %), *ка́рди[о]хирурѓия* (40 %) и *ка́рди[а³]хирурѓия* (30 %), *па́ли[а³]сейсмологический* (100 %).

4. Часто редуцированный безударный гласный, находящийся без побочного ударения провоцирует произношение безударного гласного в зиянии: *м[и³]те[а³]роло́гия*, *м[и³]те[а³]гра́мма*, *к[э]рди[а³]склеро́з*. В большинстве случаев такое произношение с двумя редуцированными гласными свойственно младшей возрастной группе. То есть у говорящего имеется общая установка на редукцию гласных. При этом обратного явления не наблюдается: произношение гласного пол-

ного образования в месте потенциального побочного ударения не приводит к обязательному произнесению гласного в зиянии без редуции.

5. В речи младшего поколения при скоплении гласных может редуцироваться даже тот безударный звук, который находится под потенциальным побочным ударением: *ge[a³]логоразвѣдочный*.

6. Сочетания гласных могут стягиваться в один звук. Л. Л. Касаткин выявил, что вероятность стяжения возрастает при увеличении расстояния от сочетания гласных до ударного слога [Касаткин 2008]. Полученный материал подтверждает это: *мет[и³]карта* — 10 %, *мет[и³]патический* — 20 %, *мет[и³]наблюдения* — 30 %.

Л. Л. Касаткин утверждает, что вероятность стяжения уменьшается при более чётком произношении звуков в сочетаниях *ea, ia, eo, io, eo*. Это происходит, в частности, «в первой основе сложного слова со второй не связанной основой» (т. е. употребляющейся в качестве отдельного слова) [Там же]. В проведенном эксперименте получены аналогичные данные: *мет[и³]грамма* — 0 %, *мет[и³]карта* — 10 %.

Наличие побочного ударения уменьшает вероятность стяжения: *кард[и³]хирургия* — 0 % и *кард[и³]хирургия* — 30 %. Следует отметить, что более сильная степень редуции гласного, предшествующего зиянию, провоцирует стяжение, т. е. процент произнесений *к[э]рд[и³]хирургия* выше, чем *к[a³]рд[и³]хирургия*.

1.2. Просодические факторы

1.2.1. Влияние акцентного выделения и дополнительного ударения на звуковой облик композитов

Проведенный эксперимент показал, что в первых основах слов, находящихся под акцентом, в первой основе чаще встречается гласный полного образования, хотя возможен и качественно редуцированный. Чем сильнее фразовая позиция, тем сильнее маркирована первая основа, что подчеркивает её самостоятельность.

Процент произнесений с гласными полного образования в позиции под акцентным выделением обычно выше, чем в позиции под побочным ударением и без просодической выделенности: *м[ă]лосолёный* (90 % ст и ср., 70 % мл.), *м[ă]лосолёный* (10 % ст.) и *м[a]лосолёный* (0 %) (случаи произнесения с побочным ударением у ср. и мл. групп не зафиксированы). Необходимо подчеркнуть, что в позиции под акцентным выделением также может встречаться и редуцированный гласный: *м[э]лосолёный* (10 % ст. и ср., 30 % мл.).

Во многих случаях из-за большого количества слогов между основным ударением и потенциальным побочным на первой основе

возникает побочное ударение. Редуцированный гласный под побочным ударением чаще наблюдается у средней и младшей групп, чем у старшей: [с'й³]йсмогеологический (0 % ст., 20 % ср. и 30 % мл.); палео-[с'й³]йсмогеологический (20 % ст., 50 % ср. и мл.); карт[э]фелекопáлка (0 % ст. и ср., 20 % мл.); п[э]ртсобрáние (0 % ст., 30 % ср. и 20 % мл.).

1.2.2. Влияние полного и неполного типа произнесения на сегментный состав первой основы композитов

Как уже было сказано выше, применительно к композитам сверхполный тип произнесения вызван спецификой самого материала. Часто такому типу произнесения сопутствует просодическое выделение первой основы. Процент произнесений с гласным полного образования в этом случае обычно значительно выше, чем с редуцированным, вероятность стяжения гласных при зиянии крайне низка. Что касается неполного типа произнесения, то он присущ скорее младшему поколению. Во многом этим фактором объясняется большой процент редуцированных гласных у людей до 25 лет.

2. Словообразовательные факторы

2.1. Количество основ

В композитах с тремя основами, при условии четко воспринимающейся границы между частями слова, как правило, первая основа стоит под побочным ударением и находящийся в ней гласный не подвергается качественной редукции: р[à]йвоенкомáт (100 %), р[à]йжилотдél (100 %), м[à]ловодпроницáемый (100 %), ст[э]ложелезобетóн (100 %). Поведение второй основы в таких словах зависит от степени её спаянности с опорным компонентом. При слабо воспринимающейся границе побочное ударение обычно отсутствует, гласный же может быть как полного образования, так и подвергаться качественной редукции: мáлов[о]дпроницáемый (50 %) и мáлов[э]дпроницáемый (50 %).

3. Грамматические факторы

3.1. Самостоятельность/несамостоятельность второй основы

Не выявлено разницы в качестве гласного первой основы в сложных словах с опорным компонентом, представляющим собой самостоятельное слово, и композитах со второй основой, представленной связанным компонентом: [б'и³]локáменный (100 %), [б'и³]ломрámорный (100 %), с одной стороны, и [б'и³]лобры́сый (100 %), [б'и³]ло-

швёйка (100 %), с другой; *ɛ[о]сд́а́ча* (100 % ст. и ср., 90 % мл.) и *ɛ[о]сст́ра́х* (90 % ст., 100 % ср., 80 % мл.); *с[п'э]цфóнд* (100 %) и *с[п'э]цх́ра́н* (100 % ст. и ср., 90 % мл.).

В отдельную группу следует выделить слова, включающие в свой состав радикалоиды. Модель, по которой образованы такие лексемы, очень хорошо освоена языком: *садо́вóд*, *животновóд*, *овце́вóд*, *лесо́вóд* и т. д. В результате носители языка уже не воспринимают такие образования как сложные слова, поэтому в первой основе произносится гласный обычной степени редукции.

4. Лексические факторы

4.1. Степень освоенности слова и частотность его употребления

Частотные слова имеют четко прослеживающуюся тенденцию к своему рода опрощению, в результате чего происходит «слияние» основ и сложное слово в звуковом плане оформляется как слово элементарной структуры: *м[и³]лко́лэсье* (50 % ст., 70 % ср. и мл.) и *м[и³]лко́тэ́мье* (30 % ст., 20 % ср. и мл.); *м[и³]дсест́ра́* (100 %) и *м[и³]дредáктор* (20 % ст., 40 % ср., 60 % мл.). На первой основе редко употребляющегося слова чаще встречается побочное ударение, что само по себе провоцирует употребление нередуцированного гласного.

Иногда в случае частого употребления слово перестает восприниматься как сложное, чему способствует наличие связанного компонента второй основы. В результате безударные гласные в первой основе подвергаются качественной редукции. Во всех нижеприведенных словах редуцированный гласный был произнесён в 100 % случаев тремя возрастными группами: *м[э]лосóльный*, *д[э]мосéд*, *д[э]мовóдство*, *д[э]мофóн*.

4.2. Русская или заимствованная основа

Разница в принципах звукового оформления гласной фонемы в этимологически русских и иноязычных первых основах композитов обусловлена исключительно степенью освоенности и частотностью употребления лексем. Если заимствованная основа хорошо освоена носителями языка и часто употребляется, то фактор её происхождения не влияет на качество гласного звука в ней.

5. Социолингвистические факторы

5.1. Возрастные и гендерные различия

В младшей возрастной группе в подавляющем большинстве слов, допускающих варианты произнесений, зафиксирован более высокий

процент гласных с качественной редуцией, чем в старшей и средней: $z[i^{\text{a}}]нсék$ (30 % ст., 60 % ср. и мл.), $n[э]намериканизм$ (0 % ст. и ср., 20 % мл.), $z[a^{\text{a}}]сдáча$ (0 % ст., 10 % мл.), $ge[э^{\text{a}}]логоразвѣдчик$ (0 % ст., 20 % мл.). Примечательно, что это касается не только частотных слов, но и редко употребляющихся, и даже окказионализмов: $z[э]сперсо́на$ (0 % ст. и ср., 10 % мл.), $z[э]счелове́к$ (0 % ст. и ср., 20 % мл.), $n[i^{\text{a}}]дстудѐнт$ (0 % ст. и ср., 20 % мл.). Такую же картину можно наблюдать и в том случае, когда на первую основу падает дополнительное ударение: $c[э́]нгигиени́ст$ (0 % ст. и ср., 10 % мл.), $n[э́]намерикани́зм$ (0 % ст. и ср., 20 % мл.), $c[i^{\text{a}}]йсмогеологический$ (0 % ст., 20 % ср., 30 % мл.).

В некоторых случаях представители младшей возрастной группы допускают редуцию бо́льшей степени, чем представители старшего и среднего поколений: $n[э́]ртдисципли́на$, $p[э́]йсобѐс$ (ср. у ст. и ср.: $n[a^{\text{a}}]ртдисципли́на$, $p[a^{\text{a}}]йсобѐс$).

Отдельно следует подчеркнуть, что процент произнесений редуцированных даже в позиции под акцентным выделением у представителей молодого поколения выше, чем у старшего и среднего: $m[i^{\text{a}}]лкомаси́та́бный$ (0 % ст. и ср., 20 % мл.), $m[э́]лосолѐ́ный$ (10 % ст. и ср., 30 % мл.).

В речи молодого поколения практически в любой первой основе сложных и сложносокращѐнных слов может произноситься гласный, подвергшийся редуции, причем он может находиться под дополнительным ударением или акцентом. Во многих случаях подобные «младшие» варианты звукового оформления композитов противоречат лексикографическим рекомендациям, например: $[a^{\text{a}}]ргвьѐ́воды$, $[a^{\text{a}}]ргба́нк$, $стр[э́]йматериáлы$, $тр[ʼэ́]хрублѐ́вый$, $ge[э́]логоразвѐ́дочный$ и др. Различий в произношении гласных в первых основах сложных и сложносокращѐнных слов у мужчин и женщин не обнаружено.

Заключение

Результатом предпринятого исследования стало системное описание вокализма и консонантизма произносительной подсистемы сложных и сложносокращѐнных слов в современном русском литературном языке.

В ходе проведения исследования был получен представительный массив фактических сведений о реализации гласных и согласных фонем в сложных и сложносокращѐнных словах. К полученным данным была применена процедура многофакторного позиционного

анализа, позволяющая выявить совокупность языковых и социолингвистических факторов, способных вероятно предсказать появление конкретных вариантов произношения.

В области консонантизма в фокусе внимания были закономерности реализации конечных фонем первых основ композитов по глухости-звонкости, месту и способу образования. Анализ таких закономерностей приводит к заключению, что большинство рассмотренных факторов — фонетических, грамматических и лексических — влияют на распределение орфоэпических вариантов опосредованно, так как они воздействуют на просодический фактор, а именно на наличие или отсутствие просодической выделенности основы. Полученные данные показали, что в позиции без акцентного выделения и побочного ударения резко снижается возможность появления орфоэпических вариантов, поскольку просодическая выделенность первой основы композита способствует восприятию её как отдельного слова. Фонемы в этом случае могут вести себя так, как на конце самостоятельного слова перед паузой. Таким образом, просодическое выделение является основным фактором, влияющим на возможность появления орфоэпических вариантов на стыке основ сложных и сложносокращённых слов. В позиции без акцентного выделения и побочного ударения резко снижается возможность появления орфоэпических вариантов как по глухости/звонкости, так и по месту и способу образования.

В области вокализма просодический фактор — второй по значимости. Проведённый эксперимент показал, что в словах, находящихся под акцентным выделением, в первой основе чаще встречается гласный полного образования, хотя возможен и качественно редуцированный. Чем сильнее фразовая позиция, тем сильнее маркирована первая основа, что подчеркивает её самостоятельность и провоцирует появление нередуцированного гласного. В позиции под побочным ударением чаще встречается нередуцированный гласный, чем в просодически нейтральной. В позиции без акцентного выделения и побочного ударения резко снижается возможность появления гласного полного образования в первой основе сложных и сложносокращённых слов. Основной же фактор, влияющий на реализацию гласных в первой основе сложных и сложносокращённых слов, — принадлежность информантов к той или иной возрастной группе. В сложных и сложносокращённых словах на звуковом уровне языка уменьшается значение нередуцированных гласных первой основы как показателей самостоятельности основы, отдельнословности. Отсутствие редукции гласных в первой основе композитов как фонетический признак

самостоятельности слова для аналитических прилагательных на современном этапе развития языка перестает быть релевантным.

В массе своей композиты (особенно это касается сложносокращённых слов) — порождение XX в., явление для языка новое и во многом чуждое. Недаром в русских говорах эти слова плохо «приживаются», редко употребляются, а если и произносятся, то обязательно с побочным ударением, при этом между основами часто вставляется частица и склоняется первая основа [Савинов 1998]. В середине XX в. первые основы сложных и сложносокращённых слов стремились к приобретению «самостоятельности», что до сих пор еще отражается на орфоэпическом оформлении композитов в речи старшего поколения: звуки первой основы стремятся подчеркнуть её отдельность, суверенность. На уровне консонантизма это отражается в нарушении оформления внутрисловесной границы на стыке основ композитов, а на уровне вокализма фонетическим сигналом отдельности слова является произношение безударных гласных полного образования. Данные эксперимента позволяют предположить, что язык «переварил» это чужеродное для него явление, следовательно, отпала необходимость явного разграничения основ. В результате в речи младшего поколения чётко прослеживается тенденция звукового оформления композитов, даже вновь появившихся и окказиональных, по модели слов элементарной структуры. У респондентов младшего поколения при произнесении сложных и сложносокращённых слов в просодически нейтральной позиции выше процент произнесений с оформлением границы основ по законам середины слова. Это может свидетельствовать о том, что стык основ в композитах с течением времени становится все менее очевидным для носителей языка; первые основы меньше, чем в речи старшего поколения, стремятся к выражению «самостоятельности». В сложных и сложносокращённых словах на звуковом уровне языка уменьшается значение нередуцированных гласных первой основы как показателей самостоятельности основы, отдельнословности.

Если бы грамматические особенности в подсистеме сложных и сложносокращённых слов (стремление к аналитизму и агглютинативности) продолжали диктовать фонетике направление пути её развития, то можно было бы ожидать, что мы увидим картину прямо противоположную. Полученные же результаты позволяют сделать вывод, что если грамматический фактор в данной подсистеме и влиял на произношение, то только на начальном этапе массового появления композитов.

На фонетическом уровне не удалось решить проблему статуса первой основы сложных и сложносокращённых слов (т. е. ответить на вопрос, морфема ли это или лексема, и если лексема, то какая). Не обнаружилось и принципиальных различий в звуковом оформлении компонентов, которые, по мнению многих исследователей, могли бы претендовать на роль аналитических прилагательных, а также тех, которые не имеют прав на такой статус.

Проведенное исследование позволило описать одну из частных производительных подсистем русского литературного языка — подсистему сложных и сложносокращённых слов, установив при этом реальное многообразие орфоэпических вариантов, характерных для слов этой группы. Применение многофакторного позиционного анализа дало возможность описать иерархию языковых и экстралингвистических факторов, влияющих на реализацию фонем композитивов. Полученные факты во многом противоречат имеющимся лексикографическим сведениям, что позволяет говорить о необходимости пересмотра некоторых кодификационных рекомендаций.

3. Служебные слова: взаимодействие фонетики и грамматики

1. Известно, что фонетика большинства языков не описывается правилами, одинаковыми для разных групп слов. Произносительное пространство — не единый материк, а группа островов разного размера, на каждом из которых правит собственный фонетический «режим». Фонетическая система русского литературного языка — сложная система, состоящая из ряда подсистем, имеющих свои особенности: «свой набор звуковых единиц, свои законы их поведения» [Панов 1979: 14]. И одну из таких подсистем формируют служебные слова — предлоги, союзы, частицы, специфике произношения которых посвящена настоящая работа.

2. Произношение предлогов. Предлоги, во многих случаях не имея собственного ударения и группируясь вокруг акцентного центра фонетического слова, стремятся «подчеркнуть» свою лексическую и грамматическую самостоятельность другими звуковыми средствами. На сегментном уровне в области вокализма это произношение безударных гласных, не подвергшихся качественной редукции (ударения нет, а гласный такой, как под ударением), а в области консонантизма — нарушение законов позиционных чередований, характерных для позиции внутри значимых единиц, и реализация фонем по законам конца фонетического слова, а не его середины. На

просодическом уровне — это маркирование служебных слов в условиях фразы акцентом и возможное наличие на предлоге дополнительного ударения.

Указанные особенности звукового оформления первообразных предлогов были изучены в эксперименте. 48 дикторов, носителей русского литературного произношения разного возраста и пола, читали на магнитофон фразы, содержащие 100 предложно-падежных сочетаний с варьирующимися орфоэпическими условиями. Результаты прослушивания магнитофонных записей позволили выявить обсуждаемые ниже закономерности.

2.1. Факторы, влияющие на произношение качественно редуцированного/нередуцированного безударного звука в предлоге.

Во всех изученных предлогах без ударения могут произноситься как редуцированные, так и нередуцированные гласные: б[и³]з *остановки* и б[э]з *остановки*, д[э] *обеда* и д[о] *обеда*, н[э] *сле зимы* и н[о] *сле зимы*, пр[э] *тебя* и пр[о] *тебя*, [а³] *событиях* и [о] *событиях*, и т. д. Но распределение этих орфоэпических вариантов неодинаково в разных предлогах и зависит от целого ряда факторов.

2.1.1. *Происхождение предлога.* Реализация гласной фонемы предлога во многом обусловлена его производностью/непроизводностью, т. е. тем, коррелирует ли семантически и словообразовательно в настоящее время предлог с мотивировавшим его ранее знаменательным словом.

Все предлоги, расцениваемые синхронно как непроизводные, с точки зрения реализации в них гласной фонемы ведут себя двумя разными способами: в одних из них появление безударного качественно нередуцированного гласного встречается намного реже, чем произношение редуцированного, а если и происходит, то на большом расстоянии от ударного слога (предлоги *без, до, за, над, о(об), перед, по, под, про, через* и др.); в других — произношение безударных нередуцированных звуков [о] и [э] является гораздо более частотным вариантом, чем произношение редуцированного гласного (предлоги *кроме, меж*).

Чем можно объяснить различное звуковое оформление предлогов, расцениваемых в современном русском языке как первообразные? Можно предположить, что это связано с их происхождением: предлоги первой группы — изначально непроизводны, они унаследованы русским языком из общеславянского фонда; предлоги же второй группы в древности были все же производными [Черкасова

1979: 227]. В. В. Виноградов говорил, что они «исстари были втянуты» в группу непроемных, «примкнули» к ним [Виноградов 1986: 557]. Удивительно, но даже по прошествии многих языковых эпох предлоги «помнят» о своём происхождении.

У производных предлогов, которые проявляют большую самостоятельность, статистически преобладает нередуцированный безударный гласный: *вн[ʼэ] посёлка* и *вн[и³] посёлка* (76 % и 24 %), *п[о]дле дóма* и *п[э]дле дóма* (62 % и 38 %), *св[э]рх всего* и *св[и³]рх всего* (88 % и 12 %), *[о]коло сада* и *[а³]коло сада* (92 % и 8 %) и пр. И только в предлоге *после*, по данным проведенных экспериментов, редуцированные и нередуцированные гласные произносились приблизительно с одинаковой частотностью: *п[о]сле зимы* и *п[э]сле зимы*, что отличает его от остальных производных предлогов и сближает с группой непроемных предлогов. Различия в звуковом оформлении производных предлогов, возможно, вызваны тем, что «непервообразные предлоги... находятся на разных ступенях отхода от тех знаменательных слов, которыми они мотивированы» [Русская грамматика 1980: 709].

Итак, реализации гласной фонемы предлогов редуцированным или нередуцированным звуком может зависеть от того, насколько тесны синхронно семантические и словообразовательные связи конкретного предлога с именем, наречием или деепричастием, от которого он образован: чем теснее корреляция со знаменательным словом, тем вероятнее отсутствие редукции.

2.1.2. *Место по отношению к ударению* — чем дальше от ударного слога, тем вероятнее произнесение нередуцированного гласного — *до мамы, до дороги, до магазина, до похолодания* — нередуцированный гласный [о] употреблен информантами в 3 %, 14 %, 22 %, 46 % соответственно; *вне дома, вне посёлка, вне досягаемости* — [ʼэ] был произнесен в 62 %, в 88 %, в 100 % соответственно.

2.1.3. *Межслоговая ассимиляция гласных* [Пауфошима 1980]: гласные в предлоге часто «подстраиваются» под последующие гласные знаменательного слова или других слогов предлога. Ср.: *меж ними* и *меж нами* было произнесено со звуком [и³] в предлоге в 98 % и 62 % всех случаев. В двухсложных предлогах вероятность появления нередуцированных вариантов гласных фонем выше, чем в односложных. При этом в предлогах типа *перед* и *через* действует как бы общая «установка» на качество произнесения гласных — в большинстве случаев либо оба редуцируются, либо оба остаются нередуцированными — [чʼиʳʼи³з] *дымоход* или [чʼэрʼэз] *дымоход*.

2.1.4. *Степень освоенности слова, сочетающегося с предлогом, и его частотность.* Количество произнесений с нередуцированным гласным достоверно возрастает при сочетании предлога с редким, недостаточно освоенным словом. Ср.: *без клавиши* и *без клаузулы* — [’э] произнесен в 0 % и в 42 % соответственно; *пр[о] прови́ант* и *пр[о] лотси́анство* (21 % и 76 %) (в последнем примере оба слова малочастотны в речи, но степень их освоенности разная, что проявляется в реализации гласных фонем).

2.1.5. *Позиция зияния.* В предлогах, заканчивающихся на гласный, резко возрастает количество нередуцированных реализаций конечной фонемы, если следующее слово начинается с гласного. Ср.: *до остановки* — *до перехода* ([о] в предлоге произнесен в 78 % и в 24 % соответственно).

2.2. Реализация конечных фонем предлогов глухими или звонкими звуками в позиции перед гласными, сонорными и /в/, /в’/ + гласный или сонорный, начинающими знаменательное слово.

Конечные парные по глухости/звонкости фонемы предлогов, находящиеся в позиции перед гласными, или сонорными, или сочетанием /в/, /в’/ + гласный или сонорный, начинающими знаменательное слово, могут реализовываться глухими или звонкими звуками либо по законам середины слова, либо по законам стыка знаменательных слов. Конечные фонемы всех непроезводных предлогов ведут себя как конечные фонемы приставок — указанная позиция для них сильная, парные глухие и звонкие фонемы различаются — о[т] *воды́*, но по[д] *водо́й*. Конечные фонемы большинства производных предлогов ведут себя так, как будто они находятся на стыке знаменательных слов, а не на конце служебного — рассматриваемая позиция для них слабая: *сква[с’] окно́* (ср.: *бе[з] окна́* и *обра[с] окна́*); *всле[т] ветру́* (ср.: *по[д] ветром* и *холо[т] ветра*) [Каленчук 1993: 141—151].

Между двумя названными группами предлогов, конечная фонема в которых ведёт себя либо как на конце приставки, либо как на конце знаменательного, а не служебного слова, находится предлог *меж*. Его связь со знаменательным словом, от которого он произошёл, ослаблена, но не утеряна полностью. Это проявляется в наличии орфоэпических вариантов по глухости/звонкости в анализируемой позиции: *ме[ж] на́ми* и *ме[ш] на́ми*, *ме[ж] ва́ми* и *ме[ш] ва́ми*, *ме[ж] ма́ленькими* и *ме[ш] ма́ленькими*, *ме[ж] о́стрыми* и *ме[ш] о́стрыми*.

2.3. Наличие/отсутствие позиционных чередований согласных на стыке предлога и знаменательного слова.

Принято считать, что закономерности, регулирующие поведение согласных в современном русском литературном языке, в большинстве случаев формулируются в терминах позиционных чередований звуков: перед передненёбным шумный зубной заменяется передненёбным, перед глухим шумный звонкий заменяется глухим и т. д. Наблюдения над окружающей нас живой речью носителей русского литературного языка позволяют заключить, что в некоторых позициях, в частности на стыке предлога и знаменательного слова, стали возможны, хотя и нерегулярно, сочетания согласных, запрещённые в пределах одной синтагмы на предыдущих этапах развития языка, например, *бе[с-ч']истотéла*, *и[з-ж]éсти* и пр. Подобные факты, фиксируемые и ранее, обычно расценивались как отступления от литературного произношения под влиянием письма. Но их частотность в речи современного молодого поколения, причем и в речи тех носителей языка, чьей орфоэпической компетенции можно доверять, заставляет по-иному взглянуть на эти произносительные явления [Каленчук, Касаткина 2003].

Можно с определённой долей осторожности предположить, что в русском языке начался процесс разрушения позиционных чередований согласных по глухости/звонкости, месту и способу образования. По аналогии с процессом изживания мягкости согласных перед следующими мягкими разрушение и этих позиционных чередований скорее всего будет происходить неравномерно в разных морфологических позициях и в разных группах слов. Можно предполагать, что новая закономерность должна установиться сначала на легко ощущаемых носителем языка морфемных стыках, затем она захватит и «плотные», менее заметные морфемные швы и только после этого проникнет в позицию середины морфемы. В настоящий момент новые сочетания звуков возможны только на ярко агглютинативных стыках, каким и является стык предлога со знаменательным словом, причем частотность появления новых вариантов зависит от степени очевидности для носителя языка морфемного шва. Вот некоторые из примеров произнесения конечных согласных предлогов, не подвергшихся позиционному чередованию, зафиксированные в спонтанной речи и при чтении информантами текстов:

«зубной + передненёбный» (*и[з-ж]елéза*, *бе[з-ж]áлости*, *сква[з'-ж]а-люзи́*, *бли[с'-ш]оссé*);

«зубной щелевой + /ч/» (*бе[с-ч']асов, и[с-ч']есучи, бли[с'-ч']асти, скво[с'-ч']астокóл*);

Системный, а не случайный характер подобных произнесений доказывает тот факт, что согласный, не подвергшийся позиционному чередованию, появляется только в определённых условиях, а именно на неплотных морфемных стыках, заметных для носителей языка, и не появляется в других позициях (при наличии произносительных вариантов типа *бе[с-ч']ислá* или *и[з-ж']эсти* не отмечено произнесений типа *во[сч']чик* или *вы[сш]ий*, в которых согласные находятся на плотном стыке морфем¹⁴).

Одним из факторов, поддерживающих разрушение позиционных закономерностей на стыках морфем, является наличие акцента на морфологической части, к которой принадлежит первый согласный в сочетании: произношение *бе'[с] числа*, при котором первый компонент выделен сильнее, чем второй, более вероятно, чем произнесения *бе[с] числá* или *бе[с] числа*, при которых первый компонент акцентно не маркирован, а акцентно выделен второй, либо оба компонента нейтральны [Kasatkina 1999]. Можно предположить, что влияние просодической позиции на сегментную реализацию фонем является только этапом в развитии процесса разрушения позиционной закономерности. При этом складывается впечатление, что процесс разрушения позиционных чередований по глухости/звонкости начался позже, чем все остальные. Произношение рядом, например, зубного и передненёбного согласного чаще наблюдается при просодической выделенности предлога, но уже возможно, хоть и реже, и без него: *бе'[з ж]алости* и *бе[з ж]алости*. Но произношение рядом глухого и звонкого возможно только при сильном выделении предлога и на большом расстоянии от ударного слога знаменательного слога: *Нельзя утверждать подобное бе'[с-д]оказательств*.

Если высказанное предположение верно и начался процесс разрушения оставшихся до сих пор обязательными позиционных закономерностей по глухости/звонкости, месту и способу образования, это подтверждает движение русского языка в направлении, определенном М. В. Пановым: система согласных усложняется, что проявляется в первую очередь в уменьшении позиционной зависимости звуков. А следовательно, предлоги получают большую фонетическую независимость в составе фонетического слова, что поддержит их «суверенный» статус на лексическом и грамматическом уровне.

¹⁴ Впрочем, в эмфазе и такое произношение возможно.

2.4. Наличие дополнительного ударения на предлоге.

Дистанция в 3 слога между гласным в предлоге и местом ударения в знаменательном слове резко повышает вероятность появления на предлоге дополнительного ударения: *до прудá, до прибýтия, до проишéствия, до переполоха* звук [о] в предлоге произнесен в 0 %, в 12 % и в 50 % соответственно.

2.5. Наличие акцентного выделения на предлоге в условиях фразы.

Предлог в условиях фразы может получить акцент в случае, если он семантически маркирован [Николаева 1982] в связи с эмфатическим, контрастивным или сопоставительным выделением. Приведу некоторые примеры из телевизионной речи:

Это лекарство надо принимать не дó обеда, а пóсле.

Если заваривать чай бéз листьев смородины, выйдет невкусно.

Покупай, что понравится — свéрх сметы, бéз сметы, прóтив сметы.

Пóсле реформы спорить будет поздно, надо сейчас договариваться.

Внé атмосферы такой аппарат не полетит.

Особо часто такое выделение используется в публичной речи как риторический прием. Интересно отметить, что в случаях, когда просодически выделяется не сам предлог, а знаменательное слово, с которым он связан, в предлоге возрастает вероятность произнесения гласного, не подвергшегося редукции.

3. Произношение частиц. Как показало проведенное исследование, многие русские первообразные частицы, будучи акцентно несамостоятельными и примыкая к ударному слову, на сегментном уровне оформляются то как отдельные слова, то как морфемы.

3.1. Была изучена реализация гласных фонем в частицах *ведь, вот, да, де, мол, так, хоть*, то есть только в тех частицах, которые могут быть клитиками. Следует заметить, что многие из рассмотренных частиц имеют разговорный характер.

3.1.1. Произношение частицы *ведь* определялось в первую очередь её положением по отношению к ударному слову. В препозиции эта частица оформлялась как абсолютная клитика: *в[и³]дь завтра будет поздно, в[и³]дь неудобно спать на полу, в[и³]дь положение непростое*. Будучи энклитикой, частица *ведь* произносилась как с редуцированным, так и с нередуцированным гласным при значительном преобладании первого варианта. При этом количество произнесений

безударных гласных без качественной редукции незначительно возрастало по мере удаления от ударного слога: *о́н* в[и³]дь *обе́щал* и *о́н* в[э]дь *обе́щал* (92 % и 8 %); *до́ма* в[и³]дь *лучше* и *до́ма* в[э]дь *лучше* (84 % и 16 %); *гра́дусник* в[и³]дь *разбили* и *гра́дусник* в[э]дь *разбили* (80 % и 20 %).

3.1.2. При произношении частицы *вот* зарегистрированы варианты в[э]т и в[о]т. Если частица *вот* является проклитикой, преобладает вариант с [о]: в[о]т *ты́* и *сделай* и в[э]т *ты́* и *сделай* (91 % и 9 %), в[э]т *тебя́* и *попросят* и в[э]т *тебя́* и *попросят* (82 % и 18 %). А если эта частица является энклитикой, то варианты [о] и [э] равновероятны, и лишь на значительном расстоянии от ударения [о] встречается чаще, чем [э]: *ты́* в[о]т и *ты́* в[э]т (58 % и 42 %), *скоро* в[о]т *случится* и *скоро* в[э]т *случится* (50 % и 50 %); *бублики* в[о]т *купили* и *бублики* в[э]т *купили* (80 % и 20 %).

3.1.3. Произношение гласного в частице *да* связано с её значением. Существует две омонимичные безударные частицы *да*: с усиительным и с модально-волевым значением. В первом случае во всех предударных позициях, включая первый предударный, в частице произносился звук [э]: *да́йте послушать*, *да́йте ему пальто*, *да́йте подождите немного* (ср.: [Орфоэпический словарь: 664]). Во втором случае, когда частица употребляется в значении 'пусть', сосуществуют варианты произношения — [э] и реже [а]. Д. Н. Ушаков отмечал, что в частице *да*, употребленной в этом значении, произносится безударный [а] вне зависимости от места по отношению к ударению, и это отличает эту частицу от омонимичного союза *да* [Ушаков 1928: 24]. Такая же рекомендация приводится и в: [Орфоэпический словарь: 111]. Но, судя по результатам эксперимента, это не так: вариант [а] в первом предударном возможен только при условии, что под ударением произносится тоже [а]: *да́* *здравствует* и *да* *здравствует* (72 % и 28 %), но только *да́* *будет проклят*, *да́* *ведают потомки*. По наблюдениям Р. Ф. Касаткиной, в стихотворной строчке *Да здравствует солнце! Да скроется тьма!* нормативно такое произношение: *Да́ здравствует солнце! Да́ скроется тьма!*

3.1.4. Согласно полученным данным, постпозитивная разговорная частица *де* может произноситься как в виде [д'э], так и в виде [д'и³] при незначительном преобладании первого варианта: *о́н*-[д'э] *сказал* и *о́н*-[д'и³] *сказал*, *ди́ре́ктор*-[д'э] *говорит* и *ди́ре́ктор*-[д'и³] *говорит*.

3.1.5. Частица *мол* может быть как препозитивной, так и постпозитивной. Согласно лексикографическим рекомендациям [Орфоэпический словарь: 664], она произносится со звуком [ъ]³ вне зависимости от места по отношению к ударению. Но результаты исследования опровергают это. Будучи проклитикой, частица *мол* произносится и с редуцированным, и с нередуцированным гласным: *м[э]л-о́н не виноват* и *м[о]л-о́н не виноват*. При постпозитивном положении также фиксируются варианты произношения: *о́н-м[э]л не виноват* и *о́н-м[о]л не виноват* (70 % и 30 % соответственно). Кроме того, на большом расстоянии от ударения как у мол-проклитики, так и у мол-энклитики возрастает количество произнесений безударного [о].

3.1.6. Во всех зафиксированных примерах частица *так* произносилась со звуком [э]: *т[э]к-ты́ еще занят, т[э]к-тебя́ не ждет, т[э]к-перезвони́ мне, ты́-т[э]к домой идешь* и т. д.

3.1.7. Гласная фонема в частице *хоть* реализовалась вариантно — со звуком [э] и со звуком [о] вне зависимости от слога и положения по отношению к ударному слову: *х[э]ть-ты́ приходи* и *х[о]ть-ты́ приходи* (86 % и 14 %), *ты́-х[э]ть позвонил* и *ты́-х[о]ть позвонил* (68 % и 32 %). Это противоречит рекомендациям [Орфоэпический словарь: 664; Ушаков 1928: 24]. Можно отметить, что количество произнесений рассматриваемой частицы с нередуцированным гласным незначительно увеличивается при удалении от ударного слога.

Итак, гласные фонемы рассмотренных частиц реализовались тремя разными способами: либо звуками, подвергшимися качественной редукции обычной степени, либо качественно нередуцированными звуками, либо звуками редуцированными, но не в той степени, как этого требует формула Потебни.

3.2. Реализация конечных фонем предлогов глухими или звонкими звуками в позиции перед гласными, сонорными и /в/, /в'/ + гласный или сонорный, начинающими знаменательное слово.

М. И. Матусевич писала: «Если встречается служебное слово и знаменательное, независимо от того, будет ли это предлог (...) или частица, то обычно наблюдаются такие же изменения, как и внутри слова [Матусевич 1976: 198]. С этим нельзя согласиться. Многие авторы отмечали, что конечные фонемы частиц *ведь* и *уж* реализуются в рассматриваемой позиции по законам стыка знаменательных слов: *ве[т']-он обиделся, у[ш]-не-буду больше молодым* (ср. *лебе[т'] одинокий, но[ш] острый*). Р. И. Лихтман писала о том, что «в живой речи окружающих людей, пользующихся литературным языком, мы не-

однократно отмечали в указанной позиции произношение звонкого согласного», и приводила примеры *ве[д']-это, у[ж]-не-буду* [Лихтман 1980: 83]. Но представляется, что подобные произношения всё же несут след диалектного влияния.

Оправдывается каламбур В. В. Виноградова, называвшего частицы в своей классификации частей речи *частичными словами* (частичный 1 — имеющий отношение к частице, свойственный частице; частичный 2 — захватывающий лишь часть чего-л.; неполный, не целый) [Виноградов 1986: 554]. Действительно, многие частицы, судя по их фонетическому поведению, только отчасти слова, а отчасти — морфемы. Если другие служебные слова стремятся подчеркнуть звуковыми средствами свою грамматическую и лексическую отдельность, то у большинства частиц стремление прямо противоположное: их самостоятельность иллюзорна, постепенное ограничение свободы их передвижения в предложении и прикрепление к определенной категории слов превращает многие частицы в агглютинирующие приставки или суффиксы. В связи с этим, может быть, для некоторых частиц верно неоднократно критиковавшееся в литературе предположение В. Н. Сидорова, противопоставившего частицы служебным словам: «В отличие от служебных слов частицы выражают несинтаксические формальные значения, присоединяя к реальному значению самостоятельных слов различного рода дополнительные смысловые оттенки... Следовательно, по своей грамматической роли и значению частицы сближаются со словообразовательными аффиксами — приставками и суффиксами, которыми также присоединяются дополнительные значения к реальному значению самостоятельных слов» [Аванесов, Сидоров 1945: 224]. По крайней мере, звуковое оформление некоторых частиц, особенно постпозитивных, отличает их от других служебных слов.

4. Произношение союзов. Большинство русских союзов имеют самостоятельное ударение, особенно это касается так называемых «гибридных» союзов, совмещающих значение союзов со значениями других грамматических категорий. В эксперименте проверялось произношение безударных на лексическом уровне союзов *но, да, что, чтобы, где, то... то, хоть, коли*.

Многими исследователями отмечалась возможность произнесения в безударных союзах качественно нередуцированных звуков и

гласных, редуцированных не в той степени, как это определяется формулой Потебни [Ушаков 1928: 24; Панов 1967: 186; Панов 1979: 15, 63; Аванесов 1974: 105; Орфоэпический словарь: 664; Пожарицкая 1985: 26; Касаткин 2006: 74—75 и др.].

Как показали результаты проведенного исследования, гласные фонемы в союзах могут реализоваться тремя разными способами:

1. В одних союзах употребление качественно нередуцированных безударных гласных обязательно: *на улице т[о] дóждь, т[о] снéг; сегодня холодно, н[о] сýхо; неизвестно, гд[э] спрятан*); произношение редуцированных гласных в этих случаях воспринимается как просторечие;

2. В союзе *да* произносится звук [э] вне зависимости от места по отношению к ударению (*ты д[э]́н; ты д[э] я́*);

3. В остальных союзах зафиксированы варианты произношения: *х[э]ть вíдит око, да зуб неймет* и *х[о]ть вíдит око, да зуб неймет; не знал, чт[э]́н зайдёт* и *не знал, чт[о]́н зайдёт* и т. д. Выбор варианта произношения в данной группе союзов на первый взгляд выглядит случайным. В некоторых случаях одни и те же информанты, читая тот же текст вторично, произносили гласный в рассматриваемых союзах не так, как при первом чтении. Можно отметить, что на распределение вариантов произношения может влиять наличие/отсутствие акцентного выделения знаменательного слова, с которым союз объединяется в одну фонетическую единицу. Если сравнить два контекста: *Я не знал, что он зайдёт завтра* и *Я не знал, что он зайдёт, а не она*, во втором случае при сильной выделенности местоимения *он* союз-проклитика произносился с нередуцированным гласным в три раза чаще, чем в первом примере, в котором местоимение произнесено просодически нейтрально.

Итак, суммируя результаты проведённого исследования, можно заключить, что фонетическое оформление служебных слов «выдает» их различную грамматическую природу: предлоги и союзы, будучи отдельными словами, нуждаются в постоянном подтверждении своего суверенного статуса, в том числе и фонетическими средствами, частицы же с точки зрения их звукового оформления часто ведут себя как морфемы в составе слова, а не как самостоятельные лексические единицы. В русском литературном языке проявляется явное стремление служебных слов к отдельности, и фонетика предоставляет им возможность подкрепить свой статус самостоятельных слов звуковыми средствами.

4. Рефлексы старомосковского произношения в современной звучащей речи

Известно, что многое в современном литературном произношении основывается на звучащей речи москвичей рубежа XIX—XX веков, т. е. той фонетической системе, которую называют старомосковской¹⁵. При этом принято считать, что многие орфоэпические варианты, восходящие к старомосковской традиции, в настоящее время надо расценивать либо как уже полностью устарелые, либо как просторечные. Однако наблюдения над современной живой спонтанной речью литературно говорящих коренных москвичей разного возраста, а также анализ массивов звучащей речи теле- и радиопрограмм позволяет усомниться в непреложности этого утверждения. С целью выяснения частотности появления старомосковских произносительных вариантов в современной речи был проведен ряд экспериментов; в качестве предмета исследования были выбраны следующие произносительные нормы: произношение безударных флексий глаголов II спр. 3 л. мн. ч.; произношение согласных на месте буквосочетания *чи*; произношение форм род. п. мн. ч. существительных, оканчивающихся на сочетание «согласный + -ня»; произношение возвратного постфикса.

Произношение безударных флексий глаголов II спр. 3 л. мн. ч.

Существует мнение, что у глаголов II спр. 3 л. мн. ч. в безударных флексиях в соответствии с современной нормой произносятся [-эт]: [хóд'эт] (*хóдят*), [л'úb'эт] (*лю́бят*), [мóч'эт] (*мóчат*), [в'íd'эт] (*вídяют*), [в'эр'эт] (*вéрят*), в отличие от старомосковского произношения этого окончания, совпадавшего по звучанию с окончаниями глаголов I спр. [-ут]: [хóд'ут], [л'úb'ут], [мóч'ут], [в'íd'ут], [в'эр'ут]¹⁶.

¹⁵ Первым, как представляется, термин «старомосковское произношение» в его настоящем виде употребил Д. Н. Ушаков в работе 1936 г. (опубл. в 1964 г.) [Ушаков 1964: 11]. Однако скоро термин *старомосковский* (по отношению к разговорной речи москвичей, обладающей архаическими чертами) становится общелингвистическим. Ср. Б. В. Томашевский в статье «Стихотворная система “Горя от ума”» пишет: «...по стилю произношения комедия Грибоедова построена на материале старомосковского разговорного языка. Многие черты этого говора ныне утрачены» [Томашевский 1946: 80].

¹⁶ Очевидно, такое произношение на рубеже XIX—XX вв. было нормативным и в Москве, и в Петербурге. См. транскрипции Л. В. Щербы: «mol'ut» [Щерба 1957: 143].

Р. И. Аванесов отмечал, что произношение в безударных окончаниях глаголов второго спряжения звука [у] «для современного русского языка либо представляет собой сознательную стилизацию под старое московское произношение, либо характеризует просторечный, нелитературный язык» [Аванесов 1984: 200]. Несколько иного мнения придерживался М. В. Панов, считавший, что в настоящее время следует рекомендовать произношение [то́п'эт], [л'у́б'эт], [ло́в'эт], [ко́рм'эт], [му́т'эт], [хо́д'эт], [про́с'эт] (*то́пят, ло́бят, ло́вят, ко́рмят, му́тят, хо́дят, про́сят*); старая орфоэпическая норма, по его мнению, по-прежнему остается допустимой, хотя и менее предпочтительной [Панов 1967: 320]. «Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова даёт следующую рекомендацию: «На месте безударного окончания 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения -ат (-ят) произносится [-ът]¹⁷: [д'ы́шьт] (ды́шат), [сл'ы́шьт] (слы́шат), [д'э́ржът] (де́ржат)... Так же произносится это окончание, когда за ним следует возвратная частица -ся: [сл'ы́шь^тцъ] (слы́ш^тся), [д'э́ржъ^тцъ] (де́рж^тся), [стр'о́уъ^тцъ] (стр'о́ятся)... Произношение этих форм с гласным [у] в окончании -ат (-ят), свойственное русскому литературному языку в прошлом, теперь удерживается по преимуществу в речи старшего поколения, а также в сценической речи: [д'ы́шут] (ды́шат), [ко́н^бчът] (ко́нчат), [стр'о́йт] (стр'оят), [ва́р^бут] (ва́рят)» [ОС: 678].

Из приведенных орфоэпических рекомендаций очевидно, что старомосковское произношение безударных флексий глаголов II спр. 3 л. мн. ч. со звуком [у] не является распространенным явлением в современном русском литературном языке. Однако Р. Ф. Касаткина обратила внимание на сохранение некоторых, как принято считать, архаических черт старомосковского произношения в современной речи москвичей разного возраста (в том числе и молодых). Это наблюдение касается и упоминавшихся выше особенностей произношения глагольных окончаний. Для выяснения вопроса о распространённости этого явления был поставлен специальный орфоэпический эксперимент, цель которого состояла в определении регулярности появления старомосковских вариантов произношения данных глагольных форм в речи современных москвичей и описании факторов, поддерживающих их сохранение в речи.

Источником информации о функционировании анализируемой нормы послужила речь информантов, к которым предъявлялись сле-

¹⁷ В настоящей работе (когда речь не идёт о цитировании) вместо знака [ъ] будет использоваться знак [э]. При цитировании же знак [ъ] будет сохраняться.

дующие требования: все они должны были быть москвичами не менее чем во втором поколении, владеть русским литературным языком как родным, детство и большую часть сознательной жизни провести в Москве и не иметь явных речевых дефектов. Всего в эксперименте приняли участие 35 человек, чья звучащая речь записывалась в ходе эксперимента; впоследствии записи были подвергнуты аудиторскому анализу.

Информанты были разделены на 3 группы по возрастному критерию, а именно: в старшую группу объединялись люди, рождённые в 20–30-е годы XX века; в среднюю группу объединялись рождённые в 40–60-е годы XX века и, соответственно, в третью, младшую группу — рождённые в 70–80-е годы XX века. В ходе эксперимента выяснилось, что гендерное различие информантов не играло роли в реализации рассматриваемой нормы. Испытуемым сообщалась ложная (отвлекающая внимание) цель эксперимента, после чего им предлагались для прочтения вслух специально составленные тексты, насыщенные глаголами в интересующей нас грамматической форме (в общей сложности 75 глаголов), которые отличались друг от друга ритмической структурой, длиной, возвратностью/невозвратностью, степенью лексической освоенности, фразовой позицией и другими орфоэпическими факторами. Аудиторскому анализу был также подвергнут материал различных информационных телевизионных программ, записанный на магнитофон, общее время звучания которого составило около 30 часов, и зафиксированные случаи употребления данных глагольных форм в бытовой речи москвичей разного возраста.

В результате исследования были получены данные, свидетельствующие о том, что в речи испытуемых всех трёх поколений встречается старая московская норма произнесения глаголов II спр. 3 л. мн. ч. с безударным окончанием [-ут], но проявляется это с разной частотностью. В процентном соотношении в речи старшего поколения «орфоэпических бабушек и дедушек» (10 испытуемых) старомосковская норма реализуется в 70–80 % случаев употребления данных глагольных форм; в группе информантов среднего поколения «орфоэпических пап и мам» (10 испытуемых) частотность появления старомосковского произносительного варианта немного превышает 50 %; в речи информантов младшего поколения, входивших в группу «орфоэпических детей и внуков» (15 испытуемых), преобладает произнесение безударных глагольных флексий II спр. 3 л. мн. ч. со звуком [э], однако частота появления старомосковского варианта составляет все же составляла 15–20 %.

Распределение орфоэпических вариантов (по числу словоупотреблений) внутри трёх возрастных групп информантов, принимавших участие в эксперименте, отражено в таблице № 1.

Благоприятными фонетическими и грамматическими условиями для сохранения старомосковского варианта в речи информантов всех возрастных групп являются следующие:

1. В возвратных формах глаголов гораздо чаще информантами произносилось старомосковское окончание [-ут], чем при прочих равных условиях в невозвратных глагольных формах, то есть испытуемые скорее склонны были произносить [та́ш'уцэ] (*та́щатся*), чем [та́ш'ут] (*та́щат*); [но́с'уцэ] (*но́сятся*), чем [но́с'ут] (*но́сят*); [л'эч'уцэ] (*лэ́чатся*), чем [л'эч'ут] (*лэ́чат*) и др.

2. Большое влияние на устойчивость старомосковского произносительного варианта оказывает качество согласного, предшествующего безударной флексии, особенно это касается твёрдости/мягкости предшествующего согласного: вариант [-ут] явно «тяготее» к позиции после мягкого¹⁸ (например, [пэ́ха'ро́н'ут] (*по́хоро́нят*), [к'ра́с'уцэ] (*к'ра́сятся*), [знáч'уцэ] (*знáчатся*), [пра'и'звóд'уцэ] (*про'извóдятся*), [та'ро́п'ут] (*то́рöпят*) и др.).

3. На реализацию рассматриваемой нормы влияет и место образования согласного, предшествующего флексии. Перечисленные далее позиции даны в порядке уменьшения степени их влияния.

3.1. Положение безударной флексии глаголов II спр. 3 л. мн. ч. после переднеязычного согласного: [прóс'ут] (*прóсят*), [в'íд'ут] (*в'идят*), [смóтр'ут] (*смóтрят*), [д'ы́шут] (*ды́шут*), [к'рúж'уцэ] (*к'рúжатся*).

3.2. Положение безударной флексии глаголов II спр. 3 л. мн. ч. после губно-зубного согласного: [лóв'ут] (*лóвят*), [га'тóв'ут] (*готóвят*).

3.3. Положение безударной флексии глаголов II спр. 3 л. мн. ч. после губно-губного согласного: [л'úб'ут] (*лúбят*), [га'лúб'ут] (*голúбят*), [кóрм'уцэ] (*кóрмятся*).

4. Положение безударной флексии глаголов II спр. 3 л. мн. ч. после [и]: [па'стро́иут] (*постро́ят*), [сто́иут] (*сто́ят*), [успа'кóиуцэ] (*успоко́ятся*).

Распределение процентных соотношений орфоэпических вариантов в зависимости от качества звука, предшествующего окончанию глагола II спр. 3 л. мн. ч., отражено в таблице № 2.

¹⁸ Необходимо отметить, что в этом классе глаголов позиция безударной флексии после мягкого абсолютно превосходит по численности позицию после твёрдого согласного звука.

Таблица № 1

**Произношение безударного окончания глаголов II спряжения
в форме 3-го лица мн. ч. информантами разных возрастных групп**

№	Список глагольных форм	Вариативность произношения в старшей группе испытуемых (10 информантов)		Вариативность произношения в средней группе испытуемых (10 информантов)		Вариативность произношения в младшей группе испытуемых (15 информантов)	
		[эт]	[ут]	[эт]	[ут]	[эт]	[ут]
1	<i>беспоко́ятся</i>	7	3	4	6	12	3
2	<i>ве́рят</i>	1	9	3	7	11	4
3	<i>ви́дят</i>	1	9	4	6	11	4
4	<i>возгла́вят</i>	4	6	8	2	15	—
5	<i>вы́родят</i>	3	7	5	5	15	—
6	<i>вы́рубят</i>	4	6	9	1	15	—
7	<i>вы́следают</i>	3	7	4	6	13	2
8	<i>голу́бят</i>	6	4	4	6	12	3
9	<i>гото́вят</i>	3	7	4	6	15	—
10	<i>да́вят</i>	3	7	8	2	15	—
11	<i>де́лят</i>	2	8	3	7	10	5
12	<i>доба́вят</i>	5	5	5	5	14	1
13	<i>ды́шат</i>	1	9	3	7	11	4
14	<i>зави́сят</i>	1	9	4	6	11	4
15	<i>запра́вят</i>	4	6	5	5	13	2
16	<i>заста́вят</i>	4	6	7	3	13	2
17	<i>знако́мят</i>	9	1	10	—	15	—
18	<i>знача́тся</i>	2	8	4	6	9	6
19	<i>изга́дят</i>	5	5	7	3	15	—
20	<i>карта́вят</i>	6	4	8	2	15	—
21	<i>ко́рмятся</i>	4	6	5	5	11	4
22	<i>кра́сятся</i>	1	9	3	7	8	7
23	<i>кру́жатся</i>	4	6	4	6	9	6
24	<i>ку́пят</i>	7	3	8	2	15	—
25	<i>ку́рят</i>	2	8	7	3	15	—
26	<i>ла́дят</i>	6	4	8	2	15	—
27	<i>ле́чат</i>	3	7	3	7	8	7
28	<i>ле́чатся</i>	1	9	2	8	7	8
29	<i>ло́вят</i>	3	7	2	8	11	4
30	<i>лука́вят</i>	4	6	9	1	15	—
31	<i>лю́бят</i>	1	9	4	6	11	4

№	Список глагольных форм	Вариативность произношения в старшей группе испытуемых (10 информантов)		Вариативность произношения в средней группе испытуемых (10 информантов)		Вариативность произношения в младшей группе испытуемых (15 информантов)	
		[эт]	[ут]	[эт]	[ут]	[эт]	[ут]
32	<i>морóчат</i>	1	9	5	5	11	4
33	<i>ненавídaют</i>	3	7	7	3	13	2
34	<i>нóсят</i>	2	8	4	6	9	6
35	<i>нóсятся</i>	1	9	3	7	8	7
36	<i>облагорóдят</i>	9	1	10	—	15	—
37	<i>обхóдят</i>	3	7	5	5	13	2
38	<i>обхóдятся</i>	2	8	4	6	13	2
39	<i>отнóсят</i>	3	7	6	4	15	—
40	<i>отнóсятся</i>	—	10	3	7	12	3
41	<i>переплáвят</i>	6	4	9	1	15	—
42	<i>перерубáют</i>	8	2	10	—	15	—
43	<i>пострóят</i>	7	3	9	1	11	4
44	<i>потревóжат</i>	5	5	6	4	15	—
45	<i>похорóнят</i>	4	6	7	3	12	3
46	<i>пристрéлят</i>	6	4	5	5	15	—
47	<i>прокáзят</i>	9	1	4	6	15	—
48	<i>прослáвят</i>	5	5	10	—	15	—
49	<i>произвóдятся</i>	3	7	4	6	11	4
50	<i>промéдят</i>	8	2	8	2	15	—
51	<i>прорубáют</i>	8	2	10	—	15	—
52	<i>прóсят</i>	3	7	7	3	13	2
53	<i>прохóдят</i>	2	8	4	6	12	3
54	<i>пúстят</i>	5	5	9	1	15	—
55	<i>разбáвят</i>	4	6	10	—	14	1
56	<i>раздáвят</i>	4	6	10	—	15	—
57	<i>свёрлят</i>	4	6	10	—	15	—
58	<i>сёрдят</i>	2	8	9	1	14	1
59	<i>сёрдятся</i>	1	9	8	2	12	3
60	<i>слóжат</i>	1	9	4	6	11	4
61	<i>слы́шат</i>	4	6	4	6	12	3
62	<i>смóтрят</i>	2	8	4	6	10	5
63	<i>стóят</i>	8	2	5	5	15	—
64	<i>тáщат</i>	3	7	4	6	11	4
65	<i>тáщатся</i>	—	10	3	7	10	5
66	<i>тёрпят</i>	7	3	8	2	13	2

№	Список глагольных форм	Вариативность произношения в старшей группе испытуемых (10 информантов)		Вариативность произношения в средней группе испытуемых (10 информантов)		Вариативность произношения в младшей группе испытуемых (15 информантов)	
		[эт]	[ут]	[эт]	[ут]	[эт]	[ут]
67	<i>то́пятыя</i>	4	6	7	3	11	4
68	<i>торо́пятыя</i>	5	5	6	4	14	1
69	<i>торо́пятыя</i>	3	7	4	6	13	2
70	<i>уба́вятыя</i>	4	6	7	3	15	—
71	<i>угро́бятыя</i>	4	6	10	—	15	—
72	<i>уничто́жатыя</i>	3	7	9	1	15	—
73	<i>успоко́бятыя</i>	7	3	8	2	13	2
74	<i>це́мятыя</i>	5	5	8	2	14	1
75	<i>цу́рыятыя</i>	1	9	6	4	13	2

Таблица № 2

**Влияние качества предшествующего звука
на распределение вариантов произношения безударного окончания
глаголов II спряжения в форме 3-го лица мн. ч.**

	Вариативность произношения в старшей группе испытуемых (10 информантов)		Вариативность произношения в средней группе испытуемых (10 информантов)		Вариативность произношения в младшей группе испытуемых (15 информантов)	
	[ут]	[эт]	[ут]	[эт]	[ут]	[эт]
Позиция после переднеязычного согласного	69,7 % (304 словоупотребления)	30,3 %	46,4 % (204 сл.)	53,6 %	18,5 % (122 сл.)	81,5 %
Позиция после губно-губного согласного	57,8 % (81 словоупотребление)	42,2 %	27,1 % (38 сл.)	72,9 %	6,2 % (13 сл.)	93,8 %
Позиция после губно-зубного согласного	46,4 % (65 словоупотреблений)	53,6 %	26,4 % (37 сл.)	73,6 %	8,6 % (18 сл.)	91,4 %
Позиция после звука [й]	27,5 % (11 словоупотреблений)	72,5 %	35 % (14 сл.)	65 %	15 % (9 сл.)	85 %

Итак, в ходе исследования были получены данные, позволяющие утверждать, что условия, благоприятные для появления старомосковского произносительного варианта в данных глагольных формах, в основном совпадают для всех трёх возрастных групп, принимавших участие в эксперименте. Это следующие условия: возвратная форма глагола, позиция безударной флексии после переднеязычного согласного звука, позиция после губно-зубного согласного, позиция после губно-губного согласного, позиция после мягкого согласного, позиция безударной флексии глагола II спр. 3 л. мн. ч. после [й].

Можно было предполагать, что на выбор произносительного варианта оказывает влияние такой фактор, как частотность употребления, привычность данного слова для носителей русского литературного языка: вполне вероятно, что «приболтанность» слова (по выражению С. С. Высотского) могла провоцировать сохранение старомосковской нормы. Однако данные настоящего исследования не подтверждают этого. Также, по-видимому, не влияют на выбор произносительного варианта фразовая позиция глагольной формы, место флексии по отношению к ударению, длина слова.

Поскольку в проведённых экспериментах дикторы читали текст и, следовательно, находились под влиянием орфографии, необходимо было проследить за функционированием рассматриваемой нормы в спонтанной речи. Для этого использовался особый орфоэпический приём, при котором анализируемый факт «выманивался», т. е. испытуемый, спровоцированный специально смоделированной речевой ситуацией, вынужден был употребить интересующую нас глагольную форму. В качестве речевых моделей-«провокаций» были использованы пословицы «*Яйца курицу не учат*» и «*На обиженных воду возят*». Информанту, не предупреждённому о лингвистических целях беседы, говорилось: «Не могу вспомнить конец пословицы. Яйца курицу... — что там дальше?». Результат был получен следующий: в 70 % случаев информанты произносили по-старомосковски «*Яйца курицу не уч[’ут]*» (что объясняется, по-видимому, явлением межслоговой ассимиляции), но только в 10 % случаев «*На обиженных воду воз[’эт]*» — в остальных случаях использовался младший вариант: [уч’эт] и [вóz’эт]. Эти факты указывают на достаточно устойчивое бытование старого московского варианта в спонтанной речи москвичей разного возраста.

Необходимо отметить, что, по нашим наблюдениям, в детской речи старомосковский вариант произношения рассматриваемого

окончания встречается чаще, чем во взрослой. Интересно будет проследить, изменится ли соотношение старого и нового вариантов в речи этих детей через несколько лет, когда они уже будут испытывать на себе постоянное влияние буквы, что теоретически должно способствовать вытеснению старомосковского варианта.

Почему полученные в ходе проведенного исследования данные расходятся с мнением лингвистов, считающих, что произношения [вóз'ут] и [мúч'ут] либо архаичны, либо просторечны? У этого факта может быть несколько объяснений. Либо процесс угасания рассматриваемой старомосковской нормы идет более медленными темпами, чем предполагали ранее, либо, как предполагает Е. А. Брызгунова, причина заключается в волнообразности, свойственной некоторым фонетическим процессам [Брызгунова 1998: 18]. Если встать на эту точку зрения, то наличие в современной речи москвичей столь явных следов старомосковского произношения представляется волной подъёма, на которой прежняя норма приобретает новую актуальность. И одновременно становится понятным, почему исследователи, работавшие над этой проблемой ранее, не сталкивались с частотными проявлениями определённых черт старомосковского произношения, так как в тот момент языковой процесс переживал период спада активности в реализации именно этой нормы. Однако такое утверждение не может считаться правомерным до того момента, пока не будет проведено подробное исследование аудиозаписей и транскрипций середины XX века, пока нынешние дети дошкольного возраста, с высокой частотностью употребляющие в речи старомосковский вариант произнесения глагольного окончания, не вырастут и не испытают «гипноза» буквы (тогда станет возможным в ходе отдельного эксперимента выяснить, сохранились ли старомосковские варианты в речи «орфоэпических правнуков»). Лишь после проведения подобного исследования можно будет сделать вывод о том, как же функционирует старомосковский говор в настоящее время: как отмирающая архаическая норма или как временно угасший, но получивший «второе дыхание» вследствие волнообразного развития фонетический процесс.

Произношение согласных на месте буквосочетания *чн* в современном русском литературном языке

Общеизвестна точка зрения, согласно которой в современной «младшей» норме происходит последовательное вытеснение старомосковского варианта произношения буквосочетания *чн* как [шн]

([шн']) произношением, соответствующим написанию: [ч'н] ([ч'н'])¹⁹, т. е. произносят *бўдни[ч']ный* вместо *бўдни[ш]ный*, *кирпй[ч']ный* вместо *кирпй[ш]ный*, *цвето[ч']ный* вместо *цвето[ш]ный*, и проч. Однако исследования современной звучащей речи москвичей показали, что этот процесс протекает не так быстро и безусловно, как это казалось еще несколько десятилетий назад.

Для выяснения динамики явления необходимо прежде всего определить, по каким законам происходила мена орфографического сочетания *чн* в звукосочетание [шн] в эпоху старомосковской орфоэпической нормы. Очевидно, что уже на рубеже XIX–XX веков эта норма носила лексикализованный характер, т. е. большое значение имели факты орфоэпической прикреплённости [Каленчук 1993а]. Любопытно свидетельство Ф. Е. Корша: «само произношение *ч* перед *н* так сильно колеблется, что мудрено его втиснуть в правило» [Корш 1902: 65]. Однако он выделяет случаи, когда «*ч* в выговоре устойчивее»: при корреляции с [ч'] в производящем слове: *ночь* — *но[ч']ной*; *точка* — *то[ч']ный*; *речка* — *ре[ч']ной*; при ударении непосредственно перед *ч*: *со[ч']ный*, *запé[ч']ный*²⁰. Оба эти фактора вызывают сомнение, и прежде всего потому, что, в противовес собственному утверждению, для первого случая Ф. Е. Корш пятью строчками ниже приводит пример произношения *не[шн]ик*, *не[шн]ой* при производящем слове *печь*; также неясно, почему для прилагательного *речной* производящим словом исследователь считает слово *речка*, а не *река* (таким образом, мы наблюдаем корреляцию уже не с [ч'], а с [к]); для второго случая утверждение и вовсе представляется спорным — ср. примеры произношения [шн], несмотря на наличие ударного гласного непосредственно перед *ч*: *калá[ш]ный*, *молó[ш]ный*, *корй[ш]невый*, *кулá[ш]ный*, *табá[ш]ный* и многое другое. Вероятно, место по отношению к ударению вовсе не оказывало влияния на выбор того или иного произносительного варианта.

В. И. Чернышёв, вслед за Ф. Е. Коршем, указывал, что «*чн* сохраняется, например, (...) в словах книжных» [Чернышёв 1915: 43].

¹⁹ Подробнее см. в статье С. П. Обнорского «Сочетание *чн* в русском языке» // Изв. комиссии по русск. яз. АН СССР. Л., 1931. Т. 1. С. 93—110.

²⁰ Прямо противоположного мнения придерживался С. П. Обнорский. Его вывод таков: «Очевидно (...) что ударяемость слова на слоге непосредственно за сочетанием *чн* фонетически обеспечивала сохранность *ч* в данном сочетании» [Обнорский 1931: 95]. Это противоречие также отмечено С. Н. Боруновой [Борунова 2006].

Примеры, приводимые учёными для этого случая, практически полностью совпадают: к «разговорным», «обиходным» относят слова: *конé[ш]но, наконé[ш]ник, ску[ш]но, молó[ш]ный*; к «книжным» относят слова: *конé[ч']ный, млé[ч']ный, то́[ч']ный, зву[ч']ный, истó[ч']ник*. Это утверждение возможно принять, однако, с оговоркой: нельзя не обратить внимание на то, что подавляющее большинство слов, приведённых в качестве примеров, стилистически нейтральны. Что же следует понимать под «обиходными» и «книжными» словами? Вероятно, говоря об «обиходных» словах, исследователи имеют в виду ту часть словарного запаса, которая усваивается человеком непосредственно в процессе общения с другими людьми, т. е. воспринимается «со слуха»; «книжными» же считаются те слова, которые человек воспринимает не через звучащую речь окружающих, а через чтение (т. е. произносительный навык таких слов формируется под «гипнозом буквы», отсюда сохранение произношения [ч'н], соответствующего написанию)²¹.

Таким образом, на основании приведённых выше данных, представляется возможным сделать лишь следующий (не вполне конкретный) вывод: сочетание *чн* согласно старой московской норме произносилось как [шн] ([шн']) в определенном кругу «обиходных» слов. Однако в таком случае для каждого слова все равно потребовались бы уточнения, ср. транскрипцию Ф. Е. Корша *запé[ч']ный* при общеизвестном фразеологизме *друг сердé[ш]ный, таракан запé[ш]-*

²¹ С. П. Обнорский несколько расширяет термин *книжная лексика*. Исследуя набор лексем, в которых нормативным признавалось произношение [ч'н], он пишет: «Анализируя состав этих слов, нельзя не обратить внимания на то, что в поглощающем большинстве случаев эта лексика узколитературного характера и употребления, а генетически — старого книжного происхождения. Это обстоятельство принципиально должно иметь своё значение в объяснении общей причины сохранения в данной лексике сочетания *чн*. Понятно, что книжные слова, в частности древнеболгаризмы (<...>) в традиционном своём произношении в классе грамотеев были обеспечены от изменчивости. Отсюда, обобщая это положение, в отношении большого числа современной литературной лексики с сочетанием *чн* можно думать, что эта лексика сохраняет своё старое обличье, как именно лексика книжного происхождения и бытования в книжной среде» [Обнорский 1931: 95]. Здесь С. П. Обнорский противопоставляет пласт книжной лексики тем словам, которые «на общей русской почве» (т. е. в живой разговорной речи на основе московского говора) приобретали [шн] из кластера [т'ш'н]. См. также [Соболевский 2005; Шахматов 2002; Дурново 1924].

ный (произношение *сердце[ш]ный* зафиксировано у него же)²² — требования рифмы не дают возможности произнесения в данном случае *запе[ч']ный* (или здесь допустимо вариантное произношение, которого также не исключала старомосковская норма: *молод[ч']ная кистота*, но *молод[ш]ная каша*)?

Ср. у Р. И. Аванесова: «В современном литературном произношении [шн] обязательно лишь в немногих словах, в ряде других слов оно допустимо рядом с [ч'н]. В остальных же случаях произносится [ч'н]. В настоящее время произношение [шн] вместо *чн* по старым московским нормам во многих случаях приобрело просторечную, сниженную стилистическую окраску, а для ряда слов характеризует диалектную речь» [Аванесов 1984: 183]. Орфоэпический словарь под редакцией Р. И. Аванесова дает следующие рекомендации: «сочетание *чн*, как правило, произносится в соответствии с написанием, т. е. [чн]» [ОС: 676], однако тут же приводятся разнообразные рекомендации, в каких случаях возможно либо произношение [шн] ([шн']), либо вариантное произношение [ч'н]/[шн], причем выбор варианта с языковой точки зрения ничем не мотивирован. Это подтверждает предположение, высказанное в связи с реализацией этой нормы в эпоху распространения старомосковской системы: норма в значительной степени носит лексикализованный характер.

Однако действительно ли возможно говорить о том, что произношение [шн] на месте буквосочетания *чн* в настоящее время относится к сфере просторечия (см.: [Аванесов 1984: 183; Пирогова 1970: 40])? Вызывает сомнение следующее: все исследователи звучащей речи периода конца XIX — начала XX века, описывая рассматриваемую нами норму, приводят перечень слов, в которых встречался старомосковский произносительный вариант (что также подтверждает предположение о лексикализованности этой нормы). Согласно наблюдениям лингвистов, в ряде слов (в которых уже не было бы оснований предполагать появление старомосковского произносительного варианта) многие литературно говорящие москвичи разного возраста последовательно произносят [шн]: *було[ш]ник*, *подсвѣ[ш]ник*, *заа́до[ш]ный*, *шу́то[ш]ный*, *тря́по[ш]ный* и т. д. Для выяснения вопроса о распространенности этого явления было проведено анкетирование, цель которого состояла в определении регулярности появ-

²² Ср. у В. А. Богородицкого в транскрипции басни «Ось и чека» отмечено произношение [сер'д'еч_{нѣ}] (в значении «любезный сердцу»: *как ни бился сердечный*) [Богородицкий 1887: 107].

ления старомосковских вариантов произношения в современной речи и описании факторов, поддерживающих их сохранение. Анкетирование проводилось среди москвичей, владеющих литературным языком и не имеющих речевых дефектов. Как и в предыдущем эксперименте, важным требованием к испытуемым было наличие «московских корней», т. е. не только сами информанты, но и их родители должны были детство и большую часть сознательной жизни провести в Москве. Анкеты были составлены с учётом произносительных рекомендаций как лингвистов прошлого, так и современных академических изданий по орфоэпии, т. е. в них были включены (согласно рекомендациям)²³ как старомосковские, так и современные произносительные варианты. Анкетированному предлагалось выбрать тот вариант, который свойственен его речи. В исследовании принимали участие испытуемые, разделённые по возрастному критерию на «старшую», «среднюю» и «младшую» орфоэпические группы. Всего в эксперименте приняли участие 35 информантов. При статистических подсчётах также учитывались случайно зафиксированные в бытовой речи случаи употребления рассматриваемой нормы и анализировалась речь дикторов телевизионных программ канала «Культура».

Изучение современной звучащей речи позволило выявить некоторые закономерности в динамике рассматриваемой нормы. Возможно установить определенные этапы отхода от старомосковского произношения:

1. В некоторых словах сохраняется только старомосковский произносительный вариант [шн]: *конé[ш]но, нарó[ш]но* и др.

2. В следующей группе слов сосуществуют реализации [шн] и [ч'н] при преобладании старшего варианта: *горчй[ш]ники* и *горчй[ч']ники*, *ску[ш]но* и *ску[ч']но*, *пра́че[ш]ная* и *пра́че[ч']ная*, *подсвё[ш]ник* и *подсвё[ч']ник*, *яй[ш]ница* и *яй[ч']ница* и др.

3. Равноправие вариантов [шн] и [ч'н]: *беспорядо[ш]ный* и *беспорядо[ч']ный*, *тряпо[ш]ный* и *тряпо[ч']ный*, *шүто[ш]ный* и *шүто[ч']ный*, *порядо[ш]ный* и *порядо[ч']ный* и др.

4. Сосуществование [шн] и [ч'н] при преобладании младшего варианта: *гóрни[ч']ная* и *гóрни[ш]ная*, *тряпй[ч']ный* и *тряпй[ш]ный* и др.

5. Произношение исключительно [ч'н] согласно младшей норме: *ябло[ч']ный*, *молó[ч']ный* и др.

²³ См.: [Баринава, Ильина, Кузьмина 1971; Баринава, Панов 1971; Панов 1971].

Распределение произносительных вариантов в процентном соотношении в трёх группах информантов представлено в таблицах № 3, 4, 5 (лексемы, допускавшие в какой-либо возрастной группе произношение только со звуко сочетанием [ч'н], не отражены в таблицах).

При общей тенденции к вытеснению старомосковского произносительного варианта новым можно было бы ожидать, что в речи каждого следующего поколения будет происходить отдаление каждого конкретного слова от старомосковского варианта. Однако в обязательном порядке этого не происходит. В речи современного молодого поколения в некоторых случаях наблюдалась консервация того соотношения вариантов [ч'н]/[шн], которое фиксировалось и на предыдущем этапе развития языка (*горчѣ[ш]ники, ску[ш]но, прáче[ш]ная, подсвѣ[ш]ник, яй[ш]ница, тряпó[ш]ный, шүто[ш]ный, девѣ[ш]ник, скворѣ[ш]ник, очѣ[ш]ник, спѣче[ш]ный*).

С одной стороны, тенденция к вытеснению старомосковского произносительного варианта прослеживается достаточно очевидно: если в группе информантов старшего возраста набор слов, произносимых с [шн] в 100 % случаев, включает такие слова, как: *горчѣ[ш]ники, конѣ[ш]но, ску[ш]но, нарó[ш]но, прáче[ш]ная, подсвѣ[ш]ник, яй[ш]ница*, то в «средней» группе испытуемых набор сокращается — орфоэпические «папы и мамы» допускают уже вариантное произношение таких слов, как *горчѣчники* и *скучно* (хотя в первом слове скорее можно было бы предположить стремление использовать исключительно старомосковский вариант произношения, во избежание скопления одинаковых согласных в пределах одного слова; слово же *скучно* знало вариантное произношение еще в XIX веке: ср. у А. С. Пушкина рифмы *душно — ску[ш]но* и *ску[ч']ной — однозвучный*²⁴); «орфоэпические внуки» же в числе безвариантных произношений только с [шн] оставляют лишь слова *конѣ[ш]но* и *нарó[ш]но* — в остальных случаях либо наблюдается вариантное произношение, либо новый вариант [ч'н] ([ч'н'] вытесняет прежний).

Однако, несмотря на то, что такое движение нормы свидетельствует о последовательном вытеснении старомосковского произносительного варианта из речи литературно говорящих москвичей, представляется поспешным относить употребление многих слов, где реализуется [шн] на месте буквосочетания *чн*, к области архаики или просторечия. В пользу этого утверждения убедительно свидетельствует то, что во множестве случаев литературно говорящие москвичи

²⁴ Ср. транскрипцию Ф. Е. Корша: *skúщпѣ́* (ску́чной) — *ѣднзвүщпѣ́* (однозвучный) [Чернышёв 1915: 102].

Таблица № 3

**Распределение произносительных вариантов на месте *чн*
в речи информантов старшей возрастной группы**

	<i>ин</i>	<i>ин/чн</i>	<i>чн</i>
горчичник	100 %	—	—
конечно	100 %	—	—
нарочно	100 %	—	—
скучно	100 %	—	—
прачечная	100 %	—	—
подсвечник	100 %	—	—
яичница	100 %	—	—
тряпочный	80 %	20 %	—
шапочное (знакомство)	80 %	20 %	—
шуточный	75 %	—	25 %
порядочный	70 %	—	30 %
(друг) сердечный	70 %	30 %	—
горячечный	60 %	—	40 %
калачный (ряд)	60 %	—	40 %
булочная	60 %	—	40 %
калачник	50 %	—	50 %
горничная	40 %	—	60 %
(старая) перечница	30 %	—	70 %
лавочник	25 %	—	75 %
булавочная (головка)	20 %	—	80 %
булочник	20 %	—	80 %
взяточник	10 %	—	90 %
ключница	10 %	—	90 %
перечница	10 %	10 %	80 %
молочный	10 %	10 %	80 %
крошечный	10 %	—	90 %
тряпичный	10 %	10 %	80 %

(в том числе и молодые) используют старомосковскую норму в произнесении таких слов, как: *беспорядо[ш]ный*, *було[ш]ная*, *горни[ш]ная*, *горчй[ш]ники*, *загадо[ш]ный*, *тряпй[ш]ный*, *тряпо[ш]ный*, *праче[ш]ная*, *пéре[ш]ница (старая)*, *сердé[ш]ный (друг)*, *шапо[ш]ное (знакомство)*, *шүто[ш]ный* и пр., причём частотность употребления устаревших, как принято считать, вариантов составляет от 10 % (у молодежи) до 90 % (в старшей группе испытуемых).

Таблица № 4

**Распределение произносительных вариантов на месте *чн*
в речи информантов средней возрастной группы**

	<i>ин</i>	<i>ин/чн</i>	<i>чн</i>
конечно	100 %	—	—
нарочно	100 %	—	—
яичница	100 %	—	—
прачечная	100 %	—	—
подсвечник	100 %	—	—
горчичник	90 %	—	10 %
шапочное (знакомство)	90 %	10 %	—
скупчо	80 %	—	20 %
порядочный	65 %	—	35 %
булочная	60 %	—	40 %
(старая) перечница	60 %	—	40 %
(друг) сердечный	30 %	—	70 %
тряпочный	30 %	30 %	40 %
лавочник	10 %	—	90 %
горничная	10 %	—	90 %
будочник	10 %	—	90 %
булочник	10 %	—	90 %
сливочный	10 %	10 %	80 %

Факторами, провоцирующими появление старомосковской нормы, традиционно признавались следующие: 1) принадлежность слова к фразеологическому обороту: *сердешный друг*, *шапошное знакомство* (о чем свидетельствуют Ф. Е. Корш, Р. И. Аванесов, М. Л. Каленчук)²⁵ — это положение не вызывает противоречий; наличие в соседнем слоге звука [ч'] (т. е. проявление дистантной диссимиляции): *очё[ш]ник*, *стиче[ш]ный* — однако во втором слове уже достаточно частотно появляется вариант с [ч'н]: *спиче[ч']ный*, ср. также расшатывание старомосковской нормы произношения слова *горчй[ч']ники* (хотя старомосковский вариант по-прежнему предпочтительнее). Однако особенно заслуживающими внимания представляются случаи сохранения старой московской нормы в тех условиях, где, казалось бы, теоретически вероятнее предполагать появление нового ва-

²⁵ См.: [Корш 1902; ОС; Каленчук 1993].

Таблица № 5

**Распределение произносительных вариантов на месте букв *чн*
в речи информантов младшей возрастной группы**

	<i>шн</i>	<i>шн/чн</i>	<i>чн</i>
конечно	100 %	—	—
нарочно	100 %	—	—
яичница	70 %	10 %	20 %
подсвечник	60 %	—	40 %
шапочное (знакомство)	60 %	—	40 %
(друг) сердечный	60 %	—	40 %
горчичник	50 %	—	50 %
скучно	30 %	30 %	40 %
(старая) перечница	30 %	10 %	60 %
порядочный	20 %	—	80 %
тряпочный	20 %	30 %	50 %
шуточный	20 %	10 %	70 %
беспорядочный	10 %	10 %	80 %
булочная	10 %	—	90 %
булочник	10 %	—	90 %
загадочный	10 %	—	90 %
тряпичная	10 %	10 %	80 %
горничная	10 %	—	90 %
прачечная	10 %	—	90 %

рианта. Это прежде всего случаи корреляции с [ч'] в производящем слове: *ночь-но[ч'н]ой*, (сомнительность влияния этого фактора на появление [ч'н] уже рассматривалась выше), ср. слово *подсвее[шн']ик* (*свеча*) — в «старшей» и «средней» группах информанты произносили в 100 % случаев с [шн], в «младшей» группе — в 60 % случаев.

Р. И. Аванесов высказывал предположение, что произношение может консервироваться в тех словах, которые обозначают исчезнувшие из жизни реалии — возможно, с этим связано последовательное проявление в произношении слова *подсвечник* старой московской нормы. Р. И. Аванесов также утверждал, что «[шн] на месте *чн* не произносится в словах, которые в предыдущем слоге имеют согласный [ш]: *пуше[ч'н]ый, игруше[ч'н]ый*» [Аванесов 1984: 185] (что, очевидно, связано с явлением дистантной диссимиляции).

М. Л. Каленчук предположила, что произношение [шн] будет появляться частотнее в словах, которые уже имеют звук [ч] в предыдущих слогах: *очé[шн']ик* и пр. [Каленчук 1993: 245—246]. Этому противоречит устойчивое употребление «старой» нормы в словах *шá-но[шн]ое* знакомство (90 % – 60 %) ²⁶ и *шúто[шн]ый* (75 % – 30 %); с другой стороны, зафиксированы и многие случаи произношения типа *горя́че[ч'н]ый, пра́че[ч'н]ая*.

Как уже говорилось выше, Ф. Е. Корш считал, что ударение на слоге перед [ч] провоцирует употребление варианта с [ч'н]. Учитывая все вышесказанное, трудно с ним согласиться. Однако предположение Ф. Е. Корша косвенно подтверждается следующим образом: в примерах *тряпóчный* и *тряпíчный* (в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова оба имеют помету *разг.*) наблюдалась существенная разница в выборе произносительного варианта: в слове *тряпо[шн]ый* испытуемые в 80 % – 20 % делали выбор в пользу старшей нормы, в слове же *тряпí[шн]ый* — только в 10 % случаев. Однако на основании этого единичного примера трудно сделать вывод, насколько влияет «удаленность» ударения на сохранение этой старомосковской нормы.

Орфоэпический словарь рекомендует произношение в «новых словах» только [ч'н]: *сьéмо[ч'н]ый, лёнто[ч'н]ый, потó[ч'н]ый*. Однако были зафиксированы случаи произношения в телевизионной речи таких примеров, как: *подáро[шн]ый отдел, гостíни[шн]ый комплекс, съéмо[шн]ый день, загáдо[шн]ый случай*. Здесь мы имеем дело со случаями гиперкоррекции, а ни в коем случае не со следами возрождения старой нормы, т. к. лингвистически для этого не наблюдается никаких объективных условий. Желательно было бы, чтобы подобные случаи в орфоэпических словарях сопровождались запретительными пометами.

В экспериментах, призванных выяснить закономерности проявления исследуемой орфоэпической особенности, принимали участие как филологи, так и информанты, не имеющие специальных лингвистических знаний; было выяснено, что речь лингвистов, «отягощенных информацией», в реализации нормы более консервативна.

²⁶ При указании на процентное соотношение приводятся верхняя и нижняя границы нормы: первая цифра — данные о речи старшего поколения, вторая — младшего.

Произношение твёрдого/мягкого согласного
в исходе основы в форме Р. п. мн. ч.
у существительных, заканчивающихся
в начальной форме на сочетание «согласный + ня»

*Как бронзовой золой жаровень,
Жуками сыплет сонный сад.
Со мной, с моей свечою вровень
Миры расцветише висят.*
Б. Л. Пастернак

*Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.*
А. С. Пушкин

Принято считать, что в современном русском литературном языке есть ряд существительных женского рода (около 300 лексем), оканчивающихся на сочетание «согласный + ня» в И. п. ед. ч., в словоизменительной парадигме которых представлено чередование /н/ и /н'/ на конце основы. Это слова: *басня, башня, вишня, головня, двойня, жаровня, каменоломня, конюшня, опочивальня, пашня, пекарня, подворотня, просвирня, псарня, сводня, сотня, спальня, таможня, харчевня, черешня* и пр. Во всех формах слов этого класса, кроме Р. п. мн. ч., на конце основы выступает /н'/; а в Р. п. мн. ч. основа оканчивается на /н/ (*ба́с'н'а/ — ба́с'эн/; жаро́в'н'а/ — жаро́в'эн/; коню́'шн'а/ — коню́'шэн/; со́'т'н'а/ — со́'т'эн/; ста́'в'н'а/ — ста́'в'эн/; суи́'л'н'а/ — суи́'л'эн/; тамо́'жн'а/ — тамо́'жэн/; харче́'в'н'а/ — харче́'в'эн/* и пр.). Поскольку позиция конца слова для согласных фонем по твёрдости/мягкости является сигнификативно сильной, налицо морфонологическое чередование, подкрепленное парадигматическим соответствием между полной и уменьшительной формами: *ба́с'н'я — ба́се'н/ка, ба́се'н/ок; харче́'в'н'я — харче́'ве'н/ка, харче́'ве'н/ок.*

Интересен тот факт, что в некоторых подобных случаях чередование /н/ и /н'/ на конце основы отсутствует. Слова *барышня, боярышня, деревня, кухня* в род. п. мн. ч. имеют форму с /н'/, что отражено и в орфографии: *барышень, боярышень, деревень, кухонь*. Четыре приведенных выше примера традиционно считались исключениями из общей закономерности. Однако наблюдения последнего времени по-

зволяют утверждать, что список исключений из правила в настоящий момент может быть изменен.

Насколько безысключительно реализуется чередование /н/ и /н'/ в подобных существительных? Вопрос об этом поднимался и ранее. В ходе многочисленных дискуссий об упорядочении русской орфографии (с конца XIX века и до настоящего времени) высказывались различные (порой диаметрально противоположные) предложения по унификации этого правила [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии 1965]. С одной стороны, предлагалось во всех существительных, оканчивающихся сочетанием «согласный + -ня» в форме родительного падежа множественного числа писать *ь* (следовательно, произносить [н']), т. е. писать: *басень, вишень*, и пр. С другой стороны, в середине XX века высказывалось предложение упразднить написание *ь* в словах-исключениях и писать *барышен, кухон* (очевидно, при этом предполагалось, что следует и произносить [н]). При внимательном рассмотрении удивляет неоднородность подобных предложений: в большинстве случаев авторы ратуют за изменение написания не всех слов этого класса, а лишь некоторых. Вероятно, это вызвано колебаниями в произношении таких слов, причем как в одну, «мягкую», так и в другую, «твёрдую» сторону. Согласно некоторым источникам, различия в произношении форм Р. п. мн. ч. существительных, кончающихся сочетанием «согласный + -ня», существовали в русском литературном языке ещё с начала XIX столетия, хотя выяснение даже самых общих закономерностей таких произносительных (и орфографических) неоднородностей представляется сложным. Свидетельства о судьбе этой группы слов довольно скудны. Уже в трудах Я. К. Грота [Грот 1885] формы *барышень, деревень, кухонь* даются как орфографические исключения. Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова²⁷, чутко отражавший и некоторые произносительные особенности эпохи, во всех существительных-«неисключениях» на -ня фиксирует форму с /н/ в Р. п. мн. ч. (однако и на это свидетельство нельзя полностью полагаться, т. к. первые предложения об обязательном написании *ь* в подобных случаях датируются уже 1894 годом [Житомирский 1894]. Далее, в течение всего XX столетия орфография слов этого класса остается неизменной, однако предложения по унификации орфографического правила продолжают поступать регулярно. Значит ли это, что в 1885 году (дата выхода в свет «Филологических разысканий»

²⁷ См.: [Ушаков 1935а].

Я. К. Грота) морфологическое чередование было бесспорно существующим только для четырех слов, в дальнейшем же (первый «звон» поступает спустя всего 10 лет) появились значительные колебания в произношении, что провоцировало многочисленные попытки внести изменения в существующие правила?

По всей видимости, так и обстоит дело, что убедительно подкрепляются свидетельством В. И. Чернышёва, указавшего, что «исключение, которое делается для слов *барышень* и *кухонь*, не имеет больших оснований. Если руководствоваться языком писателей, то отступлений от данного правила найдется гораздо больше, так как установившаяся для нас твёрдость конечного *н* в родительном падеже имен на *-ня*: *песен*, *колоколен* и т. п., — не принимается писателями безусловно не только для письма, но и для произношения» [Чернышёв 1970: 473]. Очевидно, что колебания в произношении слов этого класса, и, как следствие этого, в их орфографии, реально существовали в русском литературном языке задолго до того, как были зафиксированы Я. К. Гротом. У А. С. Пушкина встречаем написания: *барышень*, *песень*, *башень*, *сплетень* (все эти орфографические варианты, кроме первого, зафиксированы в изданиях 1829—38 гг.); Н. А. Некрасов в стихотворении «Поэт» рифмует: *плесень* — *песень*. У А. С. Пушкина же встречаем: «Ах, братцы! Как я был доволен, // Когда церквей и колоколен...» («Евгений Онегин», VII, XXXVI). Бесспорно, что здесь окончание должно быть твёрдым, таковы требования точной рифмы, присущей поэзии XIX столетия. Однако у В. И. Чернышёва относительно этого случая находим примечание, что в издании 1838 года слово *колоколень* было зафиксировано с мягким знаком. Непросто решить в таком случае, как согласовать требования точной рифмы с подобной авторской (?) орфографией. У Б. Л. Пастернака: «Как бронзовой золой *жаровень* // Жуками сыплет сонный сад. // Со мной, с моей свечою вровень, // Миры расцветшие висят»; здесь свидетельство несомненное.

Не останавливаясь подробно на этом частном вопросе, можно все же сделать общий предварительный вывод, что колебания в произношении форм родительного падежа множественного числа существительных с окончанием «согласный + *-ня*» существовало в русском литературном языке еще с начала XIX столетия.

Решение же этого вопроса с диахронической точки зрения невозможно без полного представления о том, каковы в данный момент реальные произносительные расхождения с орфографическими рекомендациями (в которых косвенно прослеживаются и орфоэпиче-

ские), в речи современных литературно говорящих людей. Наблюдения над разговорной речью москвичей разного возраста показывают, что описываемые колебания, существовавшие два века назад, существуют и сегодня. С целью выяснения характера этих колебаний был проведён специальный орфоэпический эксперимент, результаты которого свидетельствуют, что перечень слов, имеющих в Р. п. мн. ч. только твёрдое окончание [н], может быть сужен. Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе в нём приняли участие 35 информантов разного возраста, которым было предложено образовать интересующую нас форму Р. п. мн. ч. от 20 слов, оканчивающихся на сочетание «согласный + -ня». На втором этапе список слов был расширен до 50, а в качестве испытуемых были привлечены еще 11 информантов. Выяснилось, что частотность появления мягкого произносительного варианта в таких существительных неодинакова, и варианты распределяются следующим образом:

1) мягкий произносительный вариант встречается с вероятностью более 50 % (*ставня–ставе[н’]*; *таможня–таможе[н’]*; *пригоршня–пригорше[н’]*);

2) твёрдый и мягкий произносительный варианты возможны в равной степени (*харчевня–харчеве[н’]* и *харчеве[н]*; *часовня–часове[н’]* и *часове[н]*);

3) появление [н’] в окончании вероятно менее чем в 50 % — более чем в 20 % случаев (*жаровня–жарове[н’]*; *пекарня–пекаре[н’]*; *каменоломня–каменоломе[н’]*);

4) мягкое произношение возможно менее чем в 20 % случаев (*вишня–више[н’]*; *конюшня–конюше[н’]*; *коптильня–коптиле[н’]*; *пивоварня–пивоваре[н’]*; *сводня–своде[н’]*; *черешня–череше[н’]*);

5) мягкость конечного звука не отмечена (*басня–басе[н]*; *песня–песе[н]*; *просви́рня–просви́ре[н]*; *сотня–соте[н]*; *сушильня–сушиле[н]*).

Среди слов этой группы не было зафиксировано ни одного примера, в котором мягкое [н’] встречалось бы со 100 % вероятностью.

Отдельным пунктом следует выделить особенность, ярко проявившуюся в ходе второго этапа экспериментального исследования. Помимо конечного [н] (или [н’]) существительные, оканчивающиеся сочетанием «согласный + -ня», могут иметь окончание *-ей* (*голова́ня–голова́ней*; *запа́дня–запа́дней*; *кле́шня–кле́шней*; *не́ровня (и не́ровня́)–не́ровней*; *пяте́рня–пяте́рней*; *разма́зня–разма́зней*; *ро́вня–ро́вней*; *ступня́–ступне́й*; *схо́дня–схо́дней* и *пр.*) Некоторые слова допускают вариативное окончание: *дво́йна–дво́йней* и *дво́ен*; *тро́йна–тро́йней* и *тро́ен*; *лю́тня–лю́тней* и *лю́тен* [Еськова 1994].

В результате эксперимента выяснилось, что у большинства информантов (носителей русского литературного языка) вне зависимости от возраста наблюдается тенденция к замещению «верного» окончания [н] на *-ей* в тех случаях, когда возникает затруднение с выбором твёрдого или мягкого произносительного варианта. Во многих случаях информанты произносили *жарóвней* вместо *жарóвен*, *пекáрней* вместо *пекáрен*, *ста́вней* вместо *ста́вен*, *суши́льней* вместо *суши́лен*, *часóвней* вместо *часóвен* и пр. Это явление, по-видимому, следует объяснить стремлением говорящего к некому сглаживанию противоречий. Информанту известно, что в языке допустимо образование Р. п. мн. ч. с окончанием *-ей* от существительных, внешне (фонетически и орфографически) ничем не отличающихся в исходной форме от имен, образующих ту же форму при помощи конечного [н] (или [н']), и в первом случае формобразование не предполагает никаких орфоэпических вариантов. Подобные колебания были известны и ранее. В одном из стихотворений А. С. Пушкина находим: «Мне ль было сетовать (<...>) и *сплетней* наблюдать игривую за-тею...». Наблюдается движение и в противоположном направлении — встречаются «ошибки» подобного рода: *западé[н]* и *западé[н']* вместо *западнэй*; *сходé[н]* и *сходé[н']* вместо *сходнэй*.

Такая нестабильность позволяет предполагать лексикализованность нормы, так как представляется сложным выявить какие-либо фонетические или грамматические факторы, обуславливающие это распределение. Также, по-видимому, не оказывает влияния на проявление мягкости/твёрдости конечной фонемы возрастной критерий, который учитывался в исследовании. Вопрос о причинах и характере возникновения мягкого произносительного варианта требует дальнейшего изучения.

Особенности произношения возвратного постфикса в русском литературном языке

Исследователи звучащей речи, обращавшиеся к проблеме звукового оформления возвратного постфикса *-ся/-сь* в русском литературном языке на рубеже XIX—XX столетий, утверждали, что нормативным является его произношение с твёрдым согласным. Об этом писали Р. И. Аванесов, Ф. Е. Корш, М. В. Панов, Д. Н. Ушаков, В. И. Чернышёв, Н. Я. Черных и многие другие. Также большинство исследователей придерживается мнения, что в течение XX века «твёрдый» вариант произношения в речи литературно говорящих

москвичей сменился «мягким» почти во всех фонетических позициях. Однако анализ различных источников заставляет сомневаться в бесспорности подобного утверждения.

На рубеже XIX—XX вв. учёные единодушно признают, что господствующим как в сценической орфоэпии, так и в речи всех литературно говорящих людей было произношение возвратного постфикса с твёрдым [с], то есть произносили: *бою́[с]* (*бою́сь*), *гну́[с]* (*гну́сь*), *стремлю́[с]* (*стремлю́сь*) и *боя́л[сэ]* (*боя́лся*), *гну́л[сэ]* (*гну́лся*), *стреми́л[сэ]* (*стреми́лся*). В. И. Чернышёв утверждал, что «окончания *сь, ся* в глаголах произносятся твёрдо: *вырати́лса*, *жени́лса*, *вырачу́с*, *жени́с* и т. п.» [Чернышёв 1915: 54], подкрепляя свои слова примерами из известных поэтов: А. С. Пушкина (*бьюсь — муз; союз — боюсь*), В. А. Жуковского (*началась — нас*), И. А. Крылова (*родясь — час; глаз — поднялась*)²⁸ [Там же: 54], а также собственной транскрипцией некоторых слов: *вздúмылыс* (*вздúмалось*), *пусти́лса* (*пусти́лся*), *тагдзружы́лса* (*так сдружился*), *изъве́сти́лса* (*известился*), *вырати́лса* (*воротился*), *аста́лис* (*остались*) [Там же: 101]. Ф. Е. Корш в начале XX века последовательно транскрибирует: *забу́ду[с]*, *возвратя́[с]*, *наглядя́[с]*, *обвила́[с]*; *запер[сá]* [Корш 1902: 74, 93, 94].

В середине XX столетия исследователи продолжают указывать на произношение возвратного постфикса с твёрдым согласным (по нормам старомосковской орфоэпической системы), отмечая, что в настоящий момент (то есть во второй половине XX века) такое произношение перестало быть нормативным. По мнению П. С. Кузнецова, «в части (...) говоров и, в частности, в московском, имело место отвердение согласного в возвратной частице. Произношение возвратной частицы с твёрдым согласным в течение долгого времени было нормой литературного языка. В настоящее время, под влиянием орфографии, все больше распространяется произношение в этой форме мягкого *с'*» [Кузнецов 1953: 274]. М. В. Панов писал: «В начале XX века было обычно произношение возвратных форм с твёрдым [с], потом под влиянием орфографии распространилось «мягкое» произношение. В наше время оно стало обычным» [Панов 1967:

²⁸ К этим примерам (а не ко всему утверждению в целом), призванным иллюстрировать произносительную ситуацию на рубеже XIX—XX веков, можно отнести с некоторым недоверием, памятуя, что сами тексты, на которые ссылается В. И. Чернышёв, написаны веком раньше, в начале XIX столетия.

320]. Ср. также указание Р. И. Аванесова: «Возвратная частица *-сь* после гласных в личных формах глагола и в форме прошедшего времени произносится ⟨...⟩ по старой московской норме — твёрдо ([с])» [Аванесов 1984: 205].

Однако у В. И. Чернышёва, помимо приведенного выше, есть и другое любопытное свидетельство: «Подобно этому, и в глаголах на *сь* (произносится *с*) поэты, при обычных рифмах на *с* (*разлилась* — у нас), допускают изредка и рифмы на *сь*. Так, у Пушкина находим рифмы: *изумясь* — *князь*, *князь* — *томясь*, *князь* — *не шевелясь* («Руслан и Людмила», песнь пятая), *обвилась* — *князь* («Песнь о Вещем Олеге»). У Некрасова, тоже как исключение, находим: *возясь* — *грязь* (Сочинения, т. I, 8-е изд. 1902, с. 458). И у Фета есть рифма *связь* — *стыдясь* («О, этот сельский день»). У Майкова также: *таясь* — *князь* («У гроба Грозного»), *крестясь* — *князь* («Суд предков»)» [Чернышёв 1915: 28]. Здесь необходимо отметить одну деталь: не обсуждая характер примеров, большинство из которых спорны, и об этом будет сказано ниже, нам важно убедиться, что В. И. Чернышёв допускает возможность произношения возвратного постфикса с мягким согласным, хотя и считает более предпочтительным твёрдый вариант, и не осуждает поэтов за такие «орфоэпические вольности». Есть основания полагать, что подобные примеры не были редкостью — ни на рубеже XIX—XX веков, ни даже ранее. И были ли это действительно «вольности», а не нечто другое?

Принимая во внимание, что многие примеры, которыми ученые иллюстрируют свои наблюдения, относятся к первой половине XIX столетия²⁹, представляется целесообразным более детально проанализировать те произносительные нормы, которые существовали в литературном языке в первой половине XIX века, так как именно в это время формируется основа, ставшая базой для старомосковской орфоэпической системы. Всё, что относилось к словесности золотого века русской литературы, воспринималось младшими современниками и потомками как нечто образцовое, заслуживающее подражания.

Вернемся к замечанию В. И. Чернышёва о появлении в стихах известных поэтов рифм, предполагающих произнесение возвратного постфикса с мягким согласным [с']. Он считает подобные случаи ис-

²⁹ Значит ли это, что в ряде случаев описана не вполне современная исследователям норма?

ключительными, выбивающимися из общей картины. Для того чтобы проверить это утверждение, был проведен анализ стихотворных текстов поэтов первой половины XIX столетия³⁰. Известно, что в этот период требования точной рифмы были безусловны, и это позволяет нам считать появление в рифмованных окончаниях случаев произнесения возвратного постфикса с твёрдым или мягким согласным реализацией именно орфоэпических особенностей речи авторов, а не соблюдением требований орфографии, как можно было бы предположить. Да и сами требования орфографии были еще неустойчивы, об этом убедительно свидетельствует частная переписка той эпохи, см. [Панов 1990].

Для анализа речи поэтов первой половины XIX века были взяты стихотворные тексты А. Н. Апухтина, Е. А. Баратынского, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского. Если предположения исследователей верны, то в речи этих авторов (точнее, в рифмах, которые возможно было бы обнаружить) значительное предпочтение должно было отдаваться произнесению возвратного постфикса *-сь* твёрдым [с]. Ср. у М. В. Панова фонетический портрет петербургского гвардейского поэта Сергея Никифоровича Марина: «он обычно пишет *-сь* (и *-ся*), но произносит согласный в этой частице, очевидно, твёрдо; о том говорит рифма: *встрепенись—Борис*» [Панов 1990: 256—257]. Однако прежде чем мы обратимся к анализу частотности проявления как твёрдых, так и мягких вариантов произношения возвратного постфикса, следует прояснить ситуацию с особой глагольной формой, в которой, по мнению исследователей, на протяжении всего XIX сто-

³⁰ В книге М. В. Панова «История русского литературного произношения XVIII—XX вв.» подробно обсуждается вопрос о различиях между московской и петербургской орфоэпической нормой на разных этапах становления литературного языка. Однако для первой половины XIX века это несходство следует признать не слишком существенным прежде всего потому, что сами говорящие не заостряют на нём пристального внимания. «Причина миролюбия, видимо, в том, что бытовая речь, по крайней мере в первой трети века, не очень строго нормирована, она только становилась литературной. Московско-петербургские различия скрадывались этой орфоэпической пестротой, не до конца преодоленной в самом Петербурге (в меньшей степени — в самой Москве)» [Панов 1990: 246]. В связи с этим признано нецелесообразным проводить чёткое разделение между московскими и петербургскими поэтами этого периода, да и само такое разделение было бы затруднительным.

летия нормативной была именно мягкая реализация возвратной частицы. Речь идет о деепричастиях с ударением на последнем слоге. «По традиционным нормам частица *-ся (-сь)* произносилась, как сказано, всегда с твёрдым [с], кроме одного случая: в деепричастиях с ударением на последнем слоге *-сь* должна была произноситься мягко, т. е. *брал[сь]*, *бравший[сь]*, *беру[с]*, но *беря[с']*; *тряс[сь]*, *трясший[сь]*, *трясешь[сь]*, но *тряся[с']*» [Панов 1967: 322]. Описывая речь С. Н. Марина, М. В. Панов не обходит вниманием эту особенность его произношения; впрочем, указав на рифму *поселясь — ась*, двумя строчками ниже исследователь приводит пример *стремясь — Парнас*, считая это «перевыполнением плана по твёрдости» [Панов 1990: 257].

Данные, полученные в ходе анализа³¹ поэтических текстов первой половины XIX столетия, представлены в таблице № 6. В текстах А. Н. Апухтина единственный обнаруженный пример — деепричастие с ударением на последнем слоге, произносится с мягким [с']: *наклонясь-князь* («Старая цыганка»). Все найденные примеры в текстах Е. А. Баратынского — деепричастия с ударением на последнем слоге, произношение постфикса во всех случаях мягкое: *торопясь-князь*, («Бал»), *смеясь-связь* («Цыганка») и др. У А. С. Грибоедова твёрдый вариант произношения возвратной частицы зафиксирован четыре раза: *что-с-поднялось*, *встречались-та ли-с*, *союз-боюсь*, *ужас-понату́жась* («Горе от ума»); мягкий вариант реализации деепричастия с ударением на последнем слоге зафиксирован один раз: *воротясь-связь* («Горе от ума»). В текстах Д. В. Давыдова трижды были встречены примеры твёрдого произношения возвратного постфикса у глаголов, прочих примеров не найдено: *явись-Денис* («Полусолдат»), *не бось-пёс* («Голодный пёс») и др. В баснях И. А. Крылова был найден всего один пример реализации возвратного постфикса с твёрдым [с]: *у нас-завелась* («Собачья дружба»); также зафиксирован один пример мягкого произношения в деепричастии с ударением на последнем слоге: *возвратясь-князь* («Лжец»);

³¹ При анализе использовались тексты как собственно литературных произведений, так и (в некоторых случаях) опубликованных черновиков. Однако необходимо отметить, что данная выборка не носила тотального характера, хотя и стремилась охватить творчество поэтов так полно, насколько это было возможно. Также следует учитывать, что упомянутыми авторами было оставлено наследие неодинакового объема, что нашло выражение в значительных колебаниях количества примеров, найденных у разных поэтов.

но любопытно, что наряду с этим у Крылова встречается и один твёрдый вариант произнесения частицы в деепричастии с ударением на конце: *родясь–час–глаз* («Охотник») ³². В стихотворных текстах М. Ю. Лермонтова картина более подробная — семь случаев твёрдой реализации возвратного постфикса у глаголов: *обóz–началась* («Валерик»), *китарис–обвились* («Ангел смерти») и пр.; мягкий вариант у глаголов появляется в четырех примерах: *князь–началась* («Последний сын вольности»), *раздалась–князь* («Измаил-Бей») и пр.; в деепричастиях мягкий (нормативный) [с'] появляется пять раз: *отворотьясь–князь* («Измаил-Бей»), *князь–воспалась* («Литвинка») и др.; твёрдый [с] в возвратной частице был обнаружен дважды: *час–склонясь* («Ребёнку»), *не страшась–час–приказ* («Боярин Орша»). Наиболее обширный материал для изучения удалось обнаружить в стихотворных текстах А. С. Пушкина. Было зафиксировано пятнадцать примеров реализации возвратной частицы у глаголов с твёрдым [с]: *зажглись–Дафнис* («Рассудок и любовь»), *вкус–признаюсь* («Городок»), *боюсь–муз, кулис–неслись, в нос–перевелось* («Евгений Онегин») и др.; мягкий постфикс встретился четыре раза: *обвилась — князь* («Песнь о Вещем Олеге») и др.; мягкое произношение постфикса в деепричастиях с ударением на последнем слоге встретилось восемь раз: *изменясь–князь* («Руслан и Людмила»), *грязь–свалясь* («Евгений Онегин») и др.; и неожиданным оказалось то, что твёрдый вариант произнесения возвратной частицы в этой форме у А. С. Пушкина численно превосходил нормативный мягкий — было зафиксировано одиннадцать примеров с твёрдым [с]: *нас–родясь* («К другу стихотворцу»), *озолотьясь–час* («Осгар»), *застыдясь–нас* («К молодой актрисе»), *тотчас–суетясь* («Евгений Онегин») и др. В текстах В. А. Жуковского возвратный постфикс с твёрдым согласным был встречен трижды: *враз–поднялась* («Светлана»), *угас–разлилась* («Громобой»), *лилась–Дуглас* («Замок Смальгольм или Иванов вечер»); а с мягким [с'] один раз: *зажглось–ось* («Громобой»); и единственный случай реализации постфикса в деепричастии с ударением на последнем слоге — мягкий: *князь–распалась* («Вадим»).

³² Этот последний пример В. И. Чернышёв использует в качестве иллюстрации нормативного твёрдого произношения возвратного постфикса, не выделяя особо форму деепричастий с ударением на последнем слоге. Но большинство примеров, которые исследователь приводит как доказательство появления мягких рифм в поэтической речи — именно деепричастия с ударением в конечном слоге. См.: [Чернышёв 1915: 28, 54].

Таблица № 6

**Произношение твёрдого/мягкого согласного в возвратном постфиксе
в первой трети XIX века**

Авторы	Глаголы		Деепричастия с ударением на последнем слоге	
	[с]	[с']	[с']	[с]
А. Н. Апухтин	—	—	1	—
Е. А. Баратынский	—	—	6	—
А. С. Грибоедов	4	—	1	—
Д. В. Давыдов	3	—	—	—
И. А. Крылов	1	—	1	1
М. Ю. Лермонтов	7	4	5	2
А. С. Пушкин	15	4	8	11
В. А. Жуковский	3	1	1	—

Полный перечень исследуемых случаев реализации возвратного постфикса в стихотворных текстах начала XIX в. (по данным собраний сочинений А. Н. Апухтина, Е. А. Баратынского, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского) представлен в таблице № 7.

Таблица № 7

**Произношение твёрдого/мягкого согласного в возвратном постфиксе
по данным рифмы в поэтических текстах начала XIX в.**

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
А. Н. Апухтин		<i>Наклонясь — князь</i> («Старая цыганка»)
Е. А. Баратынский		<i>Князь — ленься</i> («Пирь»)
		<i>Вертясь — князь</i> («Бал»)
		<i>Растворясь — князь</i> («Бал»)
		<i>Оживясь — князь</i> («Бал»)
		<i>Торопясь — князь</i> («Бал»)
А. С. Грибоедов	<i>Что-с? — поднялось</i> («Горе от ума»)	<i>Воротясь — связь</i> («Горе от ума»)
	<i>Встречались — та ли-с?</i> («Горе от ума»)	

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
А. С. Грибоедов	<i>Союз-боюсь</i> («Горе от ума»)	
	<i>Ужас — понатужась</i> («Горе от ума»)	
Д. В. Давыдов	<i>Боюсь — в ус</i> («Полусолдат»)	
	<i>Явись-Денис</i> («Полусолдат»)	
	<i>Не бось — пёс</i> («Голодный пёс»)	
В. А. Жуковский	<i>Враз — поднялась</i> («Светлана»)	<i>Зажглось — ось</i> («Громобой»)
	<i>Угас — разлилась</i> («Громобой»)	<i>Князь — распаясь</i> («Вадим»)
	<i>Лилась — Ду́гас</i> («Замок Смальгольм или Иванов вечер»)	
И. А. Крылов	<i>У нас — завелась</i> («Собачья дружба»)	<i>Возвратясь — князь</i> («Лжец»)
	<i>Родясь — час — глаз</i> («Охотник»)	
М. Ю. Лермонтов	<i>Час — склонясь</i> («Ребёнку»)	<i>Князь — началась</i> («Последний сын вольности»)
	<i>Обоз — началось</i> («Валерик»)	<i>Раздалась — князь</i> («Измаил-Бей»)
	<i>Боролось — голос</i> («Ах, ныне я не тот совсем...»)	<i>Отворотясь — князь</i> («Измаил-Бей»)
	<i>Кипарис — обвились</i> («Ангел смерти»)	<i>Князь — отворотясь</i> («Измаил-Бей»)
	<i>Раз — зажглась</i> («Хаджи-Абрек»)	<i>Занялась — князь</i> («Измаил-Бей»)
	<i>Голосá — раздался́</i> («Мцыри»)	<i>Разгорячась — князь</i> («Измаил-Бей»)
	<i>Вилась — не раз — глаз</i> («Мцыри»)	<i>Князь — воспалилась</i> («Литвинка»)
	<i>Не страшась — час — приказ</i> («Боярин Орша»)	<i>Взвилась — князь</i> («Хаджи-Абрек»)
	<i>Поднялась — раз</i> («Боярин Орша»)	<i>Не крестясь — князь</i> («Боярин Орша»)

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
А. С. Пушкин	<i>Утомясь — час — нас</i> («К Наталье»)	<i>Обвилась — князь</i> («Песнь о Вещем Олеге»)
	<i>Нас — родясь</i> («К другу стихотворцу»)	<i>Набралось — насквозь</i> («Собрание насекомых»)
	<i>Озолотясь — час</i> («Осгар»)	<i>Омрачась — грязь</i> («Канон в честь М. И. Глинки»)
	<i>Зажглись — Дафнис</i> («Рассудок и любовь»)	<i>Князь — распаясь</i> («Руслан и Людмила»)
	<i>Денис — убрались</i> («Казак»)	<i>Изумясь — князь</i> («Руслан и Людмила»)
	<i>Час — освободясь</i> («К Батюшкову»)	<i>Князь — томясь</i> («Руслан и Людмила»)
	<i>Вкус — признаюсь</i> («Городок»)	<i>Князь — не шеvelясь</i> («Руслан и Людмила»)
	<i>Час — постучась</i> («Мечтатель»)	<i>Князь — изнуясь</i> («Руслан и Людмила»)
	<i>Застыдьясь — нас</i> («К молодой актрисе»)	<i>Изменясь — князь</i> («Руслан и Людмила»)
	<i>Час — притаясь</i> («Сон (Отрывок)»)	<i>Налилось — насквозь</i> («Сказка о мертвой царев- не и о семи богатырях»)
	<i>Боюсь — муз</i> («Сон (Отрывок)»)	<i>Грязь — сваясь</i> («Евгений Онегин»)
	<i>В пояс — беспокоясь</i> («Жених»)	
	<i>Кипарис — разрослись</i> («Жених»)	
	<i>Вниз — впились</i> («Утопленник»)	
	<i>Довелось — шtos</i> («Из пись- ма к Великопольскому»)	
	<i>У вас — взялась</i> («Из пись- ма к Великопольскому»)	
	<i>Кипарис — разрослись</i> («Когда порой воспомина- ние...»)	
	<i>Вас — оружась</i> («Когда так нежно, так сердечно...»)	
	<i>Союз — боюсь</i> («Руслан и Людмила»)	

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
А. С. Пушкин	<i>Кавказ — лиясь</i> («Кавказский пленник»)	
	<i>Трус — отрешусь</i> («Анджело»)	
	<i>Нас — поклонясь</i> («Сказка о мёртвой царевне и о се- ми богатырях»)	
	<i>Раз — поднялась</i> («Сказка о мёртвой царевне и о се- ми богатырях»)	
	<i>Кулис — неслись</i> («Евгений Онегин»)	
	<i>В нос — перевелось</i> («Евгений Онегин»)	
	<i>Тотчас — суетясь</i> («Евгений Онегин»)	

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что произношение возвратного постфикса в первой трети XIX века в двух рассматриваемых позициях было в а р и а т и в н ы м, хотя предпочтение отдавалось твёрдой реализации у глаголов и мягкой — у деепричастий с ударением на последнем слоге³³. Впрочем, в этот период не существовало никаких конкретных произносительных рекомендаций для возвратного постфикса. О предпочтениях мы можем судить, опираясь на статистические данные и учитывая дальнейшую судьбу сочетания *-ся/-сь*.

Итак, исходя из полученных сведений, можно утверждать, что произношение, предшествовавшее становлению старомосковского говора, в целом соответствовало тем нормам, которые впоследствии были описаны исследователями на рубеже XIX—XX веков, при этом у некоторых авторов была допустимой довольно значительная вариативность. Судя по орфоэпическим правилам, сформулированным лингвистами в начале XX столетия, старомосковское произношение

³³ Впрочем, будем учитывать, что у А. С. Пушкина количество примеров с твёрдым произнесением возвратного постфикса у деепричастий с ударением на последнем слоге превышает количество мягких. Однако общая статистика все же не дает оснований полагать, что твёрдый вариант был предпочтительнее в этой позиции.

категорически отвергало как мягкую реализацию возвратного постфикса у глаголов, так и твёрдую — у деепричастий с ударением на конце. В пункте № 21 лекции³⁴ о московском произношении Д. Н. Ушаков говорит: «Глагольное окончание, которое пишется *-сь* и *-ся*, произносится с твёрдым [с]: *бою*[с] — *боиш*[сэ], кроме деепричастий с ударением на конце: *боя*[с’]. Там произносится мягко. В причастиях на *-ся* одинаково допустимо и [сэ] и [с’э]: *боющийся*[сэ] и *боющийся*[с’э] и т. д.»; это утверждение описывает старомосковскую норму. Некоторыми лингвистами высказывалась точка зрения, согласно которой петербургская (ленинградская) норма в начале XX века отличалась от московской в рассматриваемом аспекте. Еще в середине XIX века произошло размежевание двух произносительных центров. «Различия в произношении между двумя столицами стали рассматриваться как различия между двумя орфоэпическими образцами. Петербургские черты — книжность выговора, неотграниченность некоторых норм от городского просторечия» [Панов 1990: 94]. Ср. также: «Р. Ф. Брандт приводит такие примеры: ст’р’имис’с’а, н’ис’бс’с’а (обозначение здесь полумякости у частицы *ся* и предшествующего согласного — отражение петербургской черты, притом фонетически несущественной)»³⁵ [Там же: 107] и: «Частица *ся*, *сь*, произносимая с твёрдым [с] в Москве, в Питере произносится с мягким [с’]» [Там же: 153]³⁶. Причина этого расхождения — более сильное влияние орфографии на произношение в Петербурге, «прочность произносительных традиций в Москве» [Панов 1967: 320]. Свидетельства лингвистов, фиксировавших в начале XX столетия московское произношение, непротиворечивы, см., например, фиксации Й. Люнделля: [абра́дъвълса], [въража́йт’ъс], [абраш’а́ус], [ѣа н’ъс’м’ьѣус], [ръс’т’ър’а́фшъс] и пр. [Lundell 1890: 23, 27, 28, 40, 52]; см. также приведённые выше транскрипции Ф. Е. Корша, В. И. Чернышёва и др.

Представляется важным проследить, как реализовывалась эта норма в поэтических произведениях авторов (как москвичей, так и

³⁴ Фонотека отдела фонетики ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, запись А-619.

³⁵ Любопытно, что, обсуждая уже другую проблему (эканья-йканья), Р. Ф. Брандт («петроградец среди москвичей», по выражению М. В. Панова) транскрибирует [раз’в’илас], с твердым [с] в окончании [Брандт 1913: 37].

³⁶ См. об этом также: [Чернышёв 1970а: 343; Матусевич 1976: 22—23; Вербицкая 1977: 130, 256].

петербуржцев) в первой трети XX века. Эпоха уже не предъявляла таких строгих требований к точности рифмовки, однако в некоторых случаях качество согласного можно восстановить с уверенностью. Ср. высказывание А. К. Толстого, который одним из первых отступил от абсолютной точности рифм, неизбежной для поэзии XIX века: «Гласные, которые оканчивают рифму, — когда на них нет ударения — по-моему, совершенно безразличны, никакого значения не имеют. Одни согласные считаются и составляют рифму»³⁷ [Толстой 1964: 108]. Это замечание важно — нас будет интересовать именно качество согласного в рифмованном окончании. С учётом того, что для этого периода уже актуально наличие двух «орфоэпических центров», были отдельно проанализированы тексты поэтов-«москвичей» и поэтов-«петербуржцев». В первую группу вошли: В. Я. Брюсов, З. Н. Гиппиус, Б. Л. Пастернак, М. И. Цветаева.

В ходе анализа текстов поэта-«москвича» В. Я. Брюсова не было зафиксировано случаев твёрдого (старомосковского) произнесения возвратной частицы у глаголов; обнаружено восемь употреблений возвратного постфикса с мягким [с']: *ввысь* — *понеслись* («Медая») и пр.; и найден один пример мягкого произнесения возвратного постфикса в деепричастии с ударением на конце: *оградясь* — *связь* («Замкнутые»). У З. Н. Гиппиус единственный найденный пример — мягкая реализация постфикса в деепричастии: *в грязь* — *смеясь* («Она»). В текстах Б. Л. Пастернака в тридцати пяти примерах у глаголов зафиксировано произнесение с твёрдым [с]: *первალась* — *час* («Объяснение») и пр.; мягкий вариант — в двадцати девяти примерах: *впилось* — *насквóзь* («Старый парк») и пр.; реализация возвратного постфикса с мягким [с'] у деепричастий с ударением на последнем слоге была зафиксирована в пяти случаях: *погрузясь* — *грязь* («Прощанье») и пр.; твёрдый же вариант возвратной частицы обнаружен восемь раз (очередной пример того, что «орфоэпически неверный» вариант может численно превосходить нормативный): *заслонясь* — *у нас* («Про эти стихи») и пр. У М. И. Цветаевой удалось обнаружить сто тринадцать случаев реализации возвратной частицы у глаголов с твёрдым [с]: *борóлось* — *гóлос* («Уж сколько их упало в эту бездну...») и пр.; возвратный постфикс с мягким [с'] у глаголов встретился пятьдесят два раза: *ввысь* — *молись* («Ростком серебряным...») и пр.; дважды зафиксированы примеры мягкого произношения возвратного постфикса у деепричастий с ударением на по-

³⁷ См. об этом также в [Панов 1990: 157—158].

следнем слоге: *светясь* — *связь* («Не краской, не кистью!...») и пр.; твёрдый согласный [с] в этой форме встречается шесть раз: *злясь* — *час* («Поэма конца»).

Результаты представлены в таблице № 8.

Таблица № 8

Произношение твёрдого/мягкого согласного в возвратном постфиксе в первой трети XX века (у поэтов-«москвичей»)

Авторы	Глаголы		Деепричастия с ударением на последнем слоге	
	[с]	[с']	[с']	[с]
В. Я. Брюсов	—	8	1	—
З. Н. Гиппиус	—	—	1	—
Б. Л. Пастернак	35	29	5	8
М. И. Цветаева	113	52	2	6

Полный перечень исследуемых случаев реализации возвратного постфикса в стихотворных текстах в первой трети XX века (по данным собраний сочинений В. Я. Брюсова, З. Н. Гиппиус, Б. Л. Пастернака, М. И. Цветаевой) представлен в таблице № 9.

Таблица № 9

Произношение твёрдого/мягкого согласного в возвратном постфиксе по данным рифмы в поэтических текстах первой трети XX в. (у поэтов-«москвичей»)

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
В. Я. Брюсов		<i>Оградясь</i> — <i>связь</i> («Замкнутые»)
		<i>Молись</i> — <i>высь</i> («Habet illa in alvo»)
		<i>Ввысь</i> — <i>понеслись</i> («Медея»)
		<i>Вознестись</i> — <i>высь</i> («В полдень»)
		<i>Ввысь</i> — <i>понеслись</i> («Признание»)
		<i>Ввысь</i> — <i>вознестись</i> («В горнем свете»)

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
В. Я. Брюсов		<i>Ввысь — оступись</i> («Восхождение»)
		<i>Ввысь — мчись</i> («К русской революции»)
		<i>Зажглись — высь</i> («Я доживаю полстолетья...»)
М. И. Цветаева	<i>Пляс — клялась</i> («Спят трещотки и псы соседовы...»)	<i>Умылась — милости</i> («Вчера еще в глаза глядел...»)
	<i>Русый — поклонюся</i> («На пушок девичий, нежный...»)	<i>Сросся — вовсе</i> («Так русский дух с подвалом сросся...»)
	<i>Светлоруса — урвуся</i> («Ранне-утреня...»)	<i>Боролась — в голосе</i> («Голоса с их игрой сулящей...»)
	<i>Не довелось — простоволоса</i> («Ранне-утреня...»)	<i>Роясь — то есть</i> («Цыганская страсть разлуки!...»)
	<i>Взвился — лесá</i> («Нищих и горлиц...»)	<i>Сталось — жалость</i> («Еще и еще песни...»)
	<i>Свыкся — Стиксом</i> («Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...»)	<i>В высь — жглись</i> («Не ветром ветренным — до — осени...»)
	<i>Сказка — спасся</i> («Не чернокнижница! В белой книге...»)	<i>Прельстись — не в высь</i> («Бессонница! Друг мой!...»)
	<i>Не повлекуся — укусом</i> («Эвридика — Орфею»)	<i>Не готоваясь — совесть</i> («Как сонный, как пьяный...»)
	<i>Взвился — небеса</i> («Стой! Не Федры ли под небом...»)	<i>Обнималась — малость</i> («То-то в зеркальце — чуть брезжит...»)
	<i>Взвился — небеса</i> («Стой! Не Федры ли под небом...»)	<i>Не стыдилась — милость</i> («То-то в зеркальце — чуть брезжит...»)
	<i>Долговласа — отлилася</i> («Плач матери по новобранцу»)	<i>Вонзилась — милость</i> («Охватила голову и стою...»)
	<i>Рольс-Ройсы — стройся</i> («В сапогах, подкованных железом...»)	<i>Смелость — спелось</i> («Там, где мед — там и жало...»)
	<i>Рольсы и Ройсы — бойся</i> («Вот он, грузов наспинных...»)	<i>Малость — досталась</i> («Не успокоюсь, пока не увижу...»)

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
М. И. Цветаева	<i>Смесься — мяса</i> («Деревья»)	<i>Милость — льстилась</i> («Сам Черт изъявил мне милость!...»)
	<i>Вниз — вернись — проснись</i> («Колдунья»)	<i>Разрываясь — голова есть</i> («Заря пылала, догорая...»)
	<i>Боролось — голос</i> («Памяти Нины Джаваха»)	<i>Прямость — не упрямясь</i> («Есть в стане моём — офицерская прямоть...»)
	<i>Зажглась — глаз</i> («Потомок шведских королей»)	<i>Вьсь — отзовись</i> (Об ушедших — отошедших...»)
	<i>Унеслось — волос</i> («Маме»)	<i>Совесьть — готовясь</i> («Не называй меня никому...»)
	<i>Спалось — волос</i> («Подрастающей»)	<i>Вонзилось — милость</i> («Думаешь — скалы...»)
	<i>За нас — поднялась</i> («Мятежники»)	<i>Ввьсь — молись</i> («Ростком серебряным...»)
	<i>Голос — боролась</i> («Дикая воля»)	<i>Ввьсь — молись</i> («Ростком серебряным...»)
	<i>Девиз — клялись</i> («Тройственный союз»)	<i>Свились — высь</i> («С архангельской высоты седла...»)
	<i>Зажглись — глаз</i> («Только девочка»)	<i>Сдались — ввьсь</i> («Над спящим юнцом — золотые шпоры...»)
	<i>Поклянись — вниз — отвернись</i> («В сквере»)	<i>Остановись — ввьсь</i> («Прямо в эфир...»)
	<i>Голос — расколось</i> («Неразлучной в дорогу»)	<i>Смелость — пелось</i> («Ханский полон»)
	<i>Вниз — остановись</i> («Идешь, на меня похожий...»)	<i>Нажрись — Русь</i> («Следок твой непытан...»)
	<i>Улеглась — из Вас</i> («Я сейчас лежу ничком...»)	<i>Русь — удавлюсь</i> («Не растеклась ещё...»)
	<i>Трус — не борюсь</i> («Идите же! — Мой голос нем...»)	<i>Милость — клонилась</i> («По-небывалому...»)
	<i>Глаз — разлилась</i> («Байрону»)	<i>Милость — простилась</i> («Мимо иди!...»)
	<i>Боролось — голос</i> («Уж сколько их упало в эту бездну...»)	<i>Низь — оскользньсь</i> («По Безымянной...»)

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
М. И. Цветаева	<i>Рвалось — волос</i> («Уж сколько их упало в эту бездну...»)	<i>Обманись — мысль</i> («Вкрадчивостию волос...»)
	<i>Расколось — голос</i> («Быть нежной, бешеной и шумной...»)	<i>Не льстись — ввысь</i> («Но тесна вдвоем...»)
	<i>Вниз — слились</i> («С. Э.»)	<i>Спаستись — ввысь</i> («Когда обидой — опилась...»)
	<i>Боролась — голос</i> («П. Э.»)	<i>Седость — спелость</i> («Не краской, не кистью!...»)
	<i>Час — клялась</i> («Все глаза под солнцем — жгучи...»)	<i>Светясь — связь</i> («Не крас- кой, не кистью!...»)
	<i>Ус — клянусь</i> («Германии»)	<i>Седость — спелость</i> («Золото моих волос...»)
	<i>Глаз — родилась</i> («Радость всех невинных глаз...»)	<i>Насквозь — сжилось</i> («Спаси Господи, дым!...»)
	<i>Пляс — клялась</i> («Спят тре- шотки и псы соседовы...»)	<i>Вымылась — жимолость</i> («Монистом, расколотым...»)
	<i>Не довелось — волос</i> («Мне полюбить Вас не довелось...»)	<i>Высь — не очнись</i> («Луна — лунатику»)
	<i>Крежу Вас — щурясь</i> («Ни- кто ничего не отнял!...»)	<i>Мелочь — имелось</i> («Минута»)
	<i>Удостоюсь — пояс</i> («На- станет день — печальный, говорят!...»)	<i>Срываясь — острова есть</i> («Клинок»)
	<i>И Вас — крестясь</i> («Настанет день — печаль- ный, говорят!...»)	<i>Укрепись — кисть</i> («Наука Фомы»)
	<i>Сошлась — не спас</i> («Всюду бегут дороги...»)	<i>Страсть есть — расправь- тесь</i> («Пражский рыцарь»)
	<i>Бус — вкус — уз — снюсь</i> («В огромном городе мо- ём — ночь...»)	<i>Жимолость — низринулась</i> («Оставленного зала трон- ного...»)
	<i>Вкус — не дорожусь</i> («Про- даю! Продаю! Продаю!...»)	<i>Встречаясь — сердца́ есть</i> («Выстрел — в самую ду- шу...»)
<i>Ни нас — накренья</i> («Еще один огромный взмах...»)	<i>Гляжусь — на Русь</i> («Ни к городу и ни к селу...»)	

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
М. И. Цветаева	<i>Пришлось — волос</i> («После стольких роз, городов и городов...»)	<i>Русь — побожусь</i> («Не быть тебе нулём...»)
	<i>Пояс — успокоюсь</i> («И падает шёлковый пояс...»)	<i>Близь — вернись</i> («Родина»)
	<i>Кроюсь — пояс</i> («И падает шёлковый пояс...»)	<i>Вся — нося</i> («Поэма конца»)
	<i>Вкус — боюсь</i> («Смывает лучшие румяна...»)	<i>Покоился — в поясе</i> («Автобус»)
	<i>Раз — звалась</i> («Аймек-гуарузим — долина роз...»)	
	<i>Союз — клянусь</i> («Доблесть и девственность! — Сей союз...»)	
	<i>Волос — спалось</i> («Развела тебе в стакане...»)	
	<i>Вилась — глаз</i> («Я помню ночь на склоне ноября...»)	
	<i>Час — вилась</i> («Я помню ночь на склоне ноября...»)	
	<i>Глаз — унялась</i> («Это и много и мало...»)	
	<i>Час — лилась</i> («Сам Черт изъявил мне милость!...»)	
	<i>Мороз — слилось</i> («Высокой горести моей...»)	
	<i>Сказ — смеясь</i> («Так, в землю проводив меня глазами...»)	
	<i>Уст — продаюсь</i> («Ты принес мне горсть рубинов...»)	
	<i>Час — удалась</i> («Сын»)	
	<i>Бус — боюсь</i> («Ты пишешь перстом на песке...»)	
	<i>Час — разошлась</i> («Среди диких моряков — простых рыбаков...»)	
<i>Бус — смеюсь</i> («Хоровод, хоровод...»)		

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
М. И. Цветаева	<i>Груз — смеюсь</i> («Хоровод, хоровод...»)	
	<i>Вернись — сервис</i> («Все сызнава: опять рукою робкой...»)	
	<i>Зажглась — час</i> (Есть некий час — как сброшенная клажа...)	
	<i>Вернись — риз</i> (Семеро, семеро...)	
	<i>Кроясь — пояс</i> («Тщетно, в ветвях заповедных кроясь...»)	
	<i>Ряс — родилась</i> («Не для льстивых этих риз, лживых ряс...»)	
	<i>Союз — веселюсь</i> («Не для льстивых этих риз, лживых ряс...»)	
	<i>Раз — клялась</i> («По-небывалому...»)	
	<i>Бус — кус — безус — клянусь</i> («А уж так — ни о чем!...»)	
	<i>Риз — не стыдись</i> («Масляница широка!...»)	
	<i>Вас — рвалась</i> («Когда же, Господин...»)	
	<i>Изверьясь — вереск</i> («В смертных изверьясь...»)	
	<i>Вереск — удостоверьясь</i> («В смертных изверьясь...»)	
	<i>Апофеоз — расплелось</i> («Не краской, не кистью!...»)	
	<i>Волос — сбылось</i> («Золото моих волос...»)	
	<i>Глаз — разлилась</i> («Рассвет на рельсах»)	
	<i>Раз — кичась</i> («Лютня»)	
	<i>Раз — кичась</i> («Лютня»)	

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
М. И. Цветаева	<i>В пляс — сорвалась</i> («Плач цыганки по графу Zubову»)	
	<i>Длюсь — уст</i> («Не черно-книжница! В белой книге...»)	
	<i>Мыс — вернись</i> («В час, когда мой милый брат...»)	
	<i>Бус — добыюсь</i> («Прорицаниями рокоча»)	
	<i>Понеслось — колес</i> («Хвала времени»)	
	<i>Родилась — час</i> («Хвала времени»)	
	<i>Разлилась — час</i> («Занавес»)	
	<i>Глаз — родилась</i> («Сок Лотоса»)	
	<i>Тицусь — уст</i> («Наклон»)	
	<i>Сбылось — волос — слез</i> («О путях твоих пытаться не буду...»)	
	<i>Пропуск — брошусь</i> («Пражский рыцарь»)	
	<i>Кроясь — поезд</i> («Поезд»)	
	<i>Бос — жглось</i> («Полотерская»)	
	<i>Не срастись — свист</i> («От родимых сел, сел!...»)	
	<i>Отродясь — вас</i> («Наша совесть — не ваша совесть!...»)	
	<i>Масс — звалась</i> («В стране, которая — одна...»)	
	<i>Смеюсь — Союз — горжусь</i> («Челюскинцы»)	
	<i>Из глаз — удалась</i> («Есть на карте — место...»)	
	<i>Вкус — потянусь</i> («Ушел — не ем...»)	
	<i>Обойдусь — трус</i> («Робин Гуд и Маленький Джон»)	

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
М. И. Цветаева	<i>Леплюсь — союз</i> («Поэма конца»)	
	<i>Злясь — час</i> («Поэма конца»)	
	<i>Слез — пролилось</i> («Поэма конца»)	
	<i>Союз — смеюсь</i> («Поэма конца»)	
	<i>Сжились — вниз</i> («Поэма конца»)	
	<i>За нас — впились</i> («Поэма конца»)	
	<i>Впились — раз</i> («Поэма конца»)	
	<i>Не жалуюсь — провожала нас</i> («Поэма конца»)	
	<i>На вкус — проснусь</i> («Поэма конца»)	
	<i>Пери́сь — союз</i> («Поэма конца»)	
	<i>На бис — тряслись</i> («Автобус»)	
Б. Л. Пастернак	<i>Исус — учусь — брус — рвусь</i> («Магдалина I»)	<i>Ввысь — неслись</i> («Свадьба»)
	<i>Прервалась — час</i> («Объяснение»)	<i>Усядусь — радость</i> («Вокзал»)
	<i>Бурнуса — вернуся</i> («Памяти Демона»)	<i>Повесть — готовясь</i> («Зима»)
	<i>Рвалось — колосс</i> («Памяти Демона»)	<i>Хотелось — целость</i> («Оттепелями из магазинов...»)
	<i>Час — разлилась</i> («Июльская гроза»)	<i>Малость — подымалась</i> («Марбург»)
	<i>Конфуз — нарвусь</i> («Жестоко продрогши и до подбородков...»)	<i>Кладезь — глядясь</i> («Тоска»)
	<i>Союз — боюсь</i> («Чего же я трушу? Ведь я, как грамматику...»)	<i>Двоися — восвояси</i> («Поэзия»)

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
Б. Л. Пастернак	<i>Заслонясь — у нас</i> («Про эти стихи»)	<i>Вися — вся</i> («9-е января»)
	<i>Удоостворясь — через</i> («Плачущий сад»)	<i>Напряглись — б́лизь</i> («9-е января»)
	<i>Мечась — час</i> («Балашов»)	<i>Высь — отзовись</i> («Болезнь»)
	<i>Ожесточась — час</i> («Образец»)	<i>Дымилась — немилость</i> («Памяти Рейснер»)
	<i>Крепясь — припас</i> («Уроки английского»)	<i>Рысь — смотришь</i> («Двадцать строф с предисловием (Зачаток романа “Спекторский”»)»)
	<i>Глаз — взвилась</i> («Распад»)	<i>Погася́ — вся</i> («Я знал, что эта женщина к партийцу...»)
	<i>Брус — упрусь</i> («Дик приём был, дик приход...»)	<i>Куролесья — мелколесье</i> («Вечерело. Повсюду ретиво...»)
	<i>Выкинься — Диккенса</i> («Январь 1919 года»)	<i>Врозь — началось</i> («Лейтенант Шмидт»)
	<i>Торса — тёрся</i> («Матрос в Москве»)	<i>Остервенясь — грязь — остервенясь</i> («Лейтенант Шмидт»)
	<i>Час — мчась</i> («9-е января»)	<i>Становясь — бязь</i> («Спекторский»)
	<i>Пузы́рясь — и́рис</i> («Вариации»)	<i>Огромность — опомнюсь</i> («Мне хочется домой, в огромность...»)
	<i>Полюс — неволюсь</i> («Разрыв»)	<i>Грусть — озарюсь</i> («Мне хочется домой, в огромность...»)
	<i>А нас — юнясь</i> («Клеветникам»)	<i>Немилость — дымилось</i> («Волны»)
	<i>Тужась — ужас</i> («Раскидывая хлопо...»)	<i>Уставясь — зависть</i> («Волны»)
	<i>Рвалась — глаз</i> («Памяти Рейснер»)	<i>Уверясь — ересь</i> («Есть в опыте больших поэтов...»)
	<i>Глаз — тилась</i> («Станция»)	<i>Связь — распрямясь</i> («Не волнуйся, не плачь, не труди...»)
<i>Боролись — полюс</i> («Густая слякоть клейковиной...»)	<i>Спра́ваясь — завязь</i> («Весеннею порою льда...»)	

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
Б. Л. Пастернак	<i>За лес — казались</i> («Высокая болезнь»)	<i>Впились — насквозь</i> («Старый парк»)
	<i>Горбясь — корпус</i> («Высокая болезнь»)	<i>Ввысь — неслись</i> («Свадьба»)
	<i>Глаз — вилась</i> («Лейтенант Шмидт»)	<i>Ввысь — трястись</i> («Быть знаменитым некрасиво...»)
	<i>Занедужась — ужас</i> («Лейтенант Шмидт»)	<i>Насквозь — сбылось</i> («Все сбылось»)
	<i>Неслась — глаз</i> («Лейтенант Шмидт»)	<i>Насупился — жулел всё</i> («Тоска, бешеная, бешеная...»)
	<i>Не увяз — остановясь</i> («Лейтенант Шмидт»)	<i>Не торопись — высь</i> («Раньше я покрывал твои колени...»)
	<i>Тезис — грезясь</i> («Спекторский»)	<i>Врозь — ползлось</i> («Предчувствие»)
	<i>Разведясь — подрез</i> («Спекторский»)	<i>Погружаясь — грязь</i> («Прощанье»)
	<i>Злюсь — плюс</i> («Спекторский»)	<i>Узорясь — прорезь</i> («Зарево»)
	<i>Подвинусь — минус</i> («Спекторский»)	
	<i>Адрес — не зазясь</i> («Спекторский»)	
	<i>Боюсь — союз</i> («Не волнуйся, не плачь, не труди...»)	
	<i>Рассказ — осмотрась</i> («Весеннею порою льда...»)	
	<i>Фёрса — втерся</i> («Путевые записки»)	
	<i>Прервалась — час</i> («Объяснение»)	
	<i>Поднапружась — ужас</i> («Apassionata»)	
	<i>Кризис — близясь</i> («Последний день Помпеи»)	
	<i>Глаз — жглась</i> («Наброски к фантазии “Поэма о ближнем”»)	
	<i>Моясь — пояс</i> («Зверинец»)	
	З. Н. Гиппиус	

Для анализа петербургской орфоэпической нормы были выбраны тексты И. Ф. Анненского, А. А. Ахматовой, А. А. Блока, О. Э. Мандельштама.

У И. Ф. Анненского обнаружено восемь случаев реализации возвратного постфикса у глаголов с твёрдым [с]: *вилісь—новіс* («Контрафакции. Осень») и пр.; мягкий вариант (то есть нормативный, по мнению некоторых исследователей, для петербургской орфоэпической нормы) встречается у глаголов в восемнадцати примерах: *близь — разрослісь* («Вариант. Маки в полдень») и пр.; в деепричастиях мягкий (нормативный) вариант появляется трижды: *дробясь—связь* («Аметисты») и пр.; реализация возвратной частицы с твёрдым [с] была зафиксирована только в одном случае: *час—горячась* («Тоска маятника»). В текстах А. А. Ахматовой пример твёрдого произнесения возвратного постфикса у глаголов обнаружен только в одном случае: *зажглось—волос* («По полу лучи луны разлились...»); пять примеров реализации частицы с мягким согласным [с']: *родилась—связь* («Реквием») и пр.; мягкая реализация возвратного постфикса в деепричастии с ударением на последнем слоге была зафиксирована в четырёх случаях: *давясь—связь* («Музыка») и пр. Анализ стихотворений А. А. Блока позволил обнаружить возвратный постфикс с твёрдым [с] у глаголов в девятнадцати примерах: *волос—развилось* («Пляски осенние») и пр.; мягкий постфикс у глаголов встретился в двадцати семи примерах: *не коснётся—Русь* («Русь») и пр.; найдено четыре примера произнесения возвратного постфикса с мягким согласным в деепричастии с ударением на конце: *обратясь—взять* («Бледные сказанья») и пр.; и один пример твёрдой реализации этой формы: *стремясь—вас* («Вот — в изнурительной работе...»). В текстах О. Э. Мандельштама возвратный постфикс в твёрдом варианте у глаголов был встречен восемь раз: *ужас—не рúшась* («Я вижу каменное небо...») и пр.; мягкий постфикс обнаружен в девяти примерах: *не родилась—связь* («Silentium») и пр.; в деепричастиях с ударением на конце вариант с мягким [с'] появляется пять раз: *связь—прямясь* («Голубые глаза и горячая лобная кость...») и пр.

Результаты отражены в таблице № 10.

Полный перечень исследуемых случаев реализации возвратного постфикса в стихотворных текстах в первой трети XX века (по данным собраний сочинений И. Ф. Анненского, А. А. Ахматовой, А. А. Блока, О. Э. Мандельштама) представлен в таблице № 11.

Таблица № 10

**Произношение твёрдого/мягкого согласного в возвратном постфиксе
в первой трети XX века (у поэтов-«петербуржцев»)**

Авторы	Глаголы		Деепричастия с ударением на последнем слоге	
	[с]	[с']	[с']	[с]
И. Ф. Анненский	8	17	3	1
А. А. Ахматова	1	5	4	—
А. А. Блок	19	27	4	1
О. Э. Мандельштам	8	9	5	—

Таблица № 11

**Произношение твёрдого/мягкого согласного в возвратном постфиксе
по данным рифмы в поэтических текстах первой трети XX в.
(у поэтов-«петербуржцев»)**

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
И. Ф. Анненский	<i>Глаз — влилась</i> («Май»)	<i>Близь — разрослись</i> («Вариант. Маки в полдень»)
	<i>Лилась — глаз</i> («Конец осенней сказки»)	<i>Участь — мучась</i> («Старая шарманка»)
	<i>Слилась — глаз</i> («Свечку внесли»)	<i>Дробясь — связь</i> («Аметисты»)
	<i>Глаз — приподнялась</i> («Кошмары»)	<i>Билось — застылость</i> («Дочь Иaira»)
	<i>Полос — лилось</i> («Светлый нимб»)	<i>Усталость — осталось</i> («После концерта»)
	<i>Час — горячась</i> («Тоска маятника»)	<i>Уньность — распустилась</i> («Контрафакции. Весна»)
	<i>Лилась — глаз</i> («Черная весна»)	<i>Вязь — смеясь</i> («Контрафакции. Весна»)
	<i>Вились — повис</i> («Контрафакции. Осень»)	<i>Налились — высь</i> («Он и я»)
	<i>Берусь — ус</i> («Колыбельная»)	<i>Усталость — осталось</i> («Забвение»)
		<i>Слились — высь</i> («Месяц»)
	<i>Таясь — связь</i> («Тоска медленных капель»)	

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
И. Ф. Анненский		<i>Кись — кись-кись — пройтись</i> («Нервы»)
		<i>Ввысь — разлетись</i> («Сонет»)
		<i>Выси — развилися</i> («Для чего, когда сны изменили...»)
		<i>Выси — подивися</i> («Опять в дороге»)
		<i>Унылость — обносилась</i> («Ель моя, блинка»)
		<i>Унылость — сломилась</i> («Ноша жизни светла и легка мне...»)
		<i>Осталось — жалость</i> («Ноша жизни светла и легка мне...»)
		<i>Жалость — осталось</i> («Зимний сон»)
		<i>Злость — пришлось</i> («Бессонные ночи»)
		<i>Жалость — сжималась</i> («Старые эстонки»)
А. А. Блок	<i>Боролось — голос</i> («Я вышел в ночь — узнать, понять...»)	<i>Высь — гонись</i> («Дышит утро в окошко твое...»)
	<i>Карниз — обнялись</i> («Двойник»)	<i>Высь — зажглись</i> («Стихи о Прекрасной Даме. Вступление»)
	<i>Хаос — неслоь</i> («Статуя»)	<i>Связь — удалясь</i> («Не пой ты мне и сладостно, и нежно...»)
	<i>Улеглась — час</i> («Осень поздняя. Небо открытое...»)	<i>Высь — постучись</i> («Без меня б твои сны улетали...»)
	<i>Волос — развилось</i> («Пляски осенние»)	<i>Ввысь — оглянись</i> («Дома растут, как желанья...»)
	<i>Стремясь — вас</i> («Вот — в изнурительной работе...»)	<i>Сбылись — высь</i> («Покраснели и гаснут ступени...»)

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
А. А. Блок	<i>Вас — понеслась</i> («Корабли пришли»)	<i>Неслись — высь</i> («Рассвет»)
	<i>Кр^оясь — пояс</i> («В час глухой разлуки с морем...»)	<i>Берегись — ввысь</i> («Дали слепы, дни безгневны...»)
	<i>Кр^оясь — пояс</i> («Твое лицо бледней, чем было...»)	<i>Хочешь всё — воротись</i> («Всюду ясность божия...»)
	<i>Понеслась — час</i> («Ты смотришь в очи ясным зорям...»)	<i>Высь — оглянись</i> («Твари весенние»)
	<i>Вниз — улыбнись</i> («Бледные сказанья»)	<i>Не коснись — Русь</i> («Русь»)
	<i>Кр^оясь — пояс</i> («Я в дольний мир вошла, как в ложу...»)	<i>Русь — не коснись</i> («Русь»)
	<i>Пляс — понеслась</i> («О, что мне закатный румянец...»)	<i>Улыбнись — очнись — высь</i> («В серебре росы трава...»)
	<i>Скитайся — вальса</i> («В неуверенном, зыбком полете...»)	<i>Собрались — ввысь</i> («Последний день»)
	<i>Волос — повелось</i> («Юрию Верховскому»)	<i>Взвилась — вязь</i> («Снежная вязь»)
	<i>Глядись — Массис — влелись</i> («Антверпен»)	<i>Вязь — предалась</i> («Снежная вязь»)
	<i>Полюс — боролись</i> («Всё на земле умрет — и мать, и младость...»)	<i>В высь — глядись</i> («Настигнутый метелью»)
	<i>Боролось — голос</i> («На смерть Коммисаржевской»)	<i>В высь — понеслись</i> («На зов метелей»)
	<i>Вилась — нас</i> («В густой траве пропадешь с головой...»)	<i>Обратясь — вязь</i> («Бледные сказанья»)
<i>Сплелось — мороз</i> («Возмездие»)	<i>Кр^оясь — прорезь</i> («Сквозь винный хрусталь»)	

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
А. А. Блок		<i>Боюсь</i> — <i>Русь</i> («О, что мне закатный румянец...»)
		<i>Разошлись</i> — <i>высь</i> («Забывшие тебя»)
		<i>Дивись</i> — <i>высь</i> («Глаза, опущенные скромно...»)
		<i>Перелιάсь</i> — <i>связь</i> («И вновь — порывы юных лет...»)
		<i>Зажглись</i> — <i>ввысь</i> («Мери»)
		<i>Смеясь</i> — <i>вязь</i> («Грустя и плача и смеясь...»)
		<i>Стучась</i> — <i>князь</i> («В густой траве пропа- дешь с головой...»)
		<i>Русь</i> — <i>не боюсь</i> («Река раскинулась. Те- чет, грустит лениво...»)
		<i>Сажусь</i> — <i>Русь</i> («Новая Америка»)
		<i>Не трусь</i> — <i>Русь</i> («Двенадцать»)
		<i>Спасе</i> — <i>не завирайся</i> («Двенадцать»)
А. А. Ахматова	<i>Зажглось</i> — <i>волос</i> («По полу лучи луны разли- лись...»)	<i>Дробясь</i> — <i>связь</i> («И жесткие звуки влаж- нели, дробясь...»)
		<i>Давясь</i> — <i>связь</i> («Музыка»)
		<i>Не дозовусь</i> — <i>Русь</i> («На- прягаю голос и слух...»)
		<i>Родилась</i> — <i>связь</i> («Реквием»)
		<i>Боюсь</i> — <i>марусь</i> («Реквием»)
		<i>Горжусь</i> — <i>Русь</i> («Р.С.Ф.С.Р.»)
		<i>Князь</i> — <i>наклонясь</i> («С первым звуком, сле- тевшим с рояля...»)

Автор	Твёрдый вариант	Мягкий вариант
А. А. Ахматова		<i>Русь — разберусь</i> («Ты напрасно мне под ноги мечешь...»)
		<i>Боясь — карась</i> («Цветов и неживых вещей...»)
О. Э. Мандельштам	<i>Берусь — вкус</i> («Мне жалко, что теперь зима...»)	<i>Не родилась — связь</i> (« <i>Silentiūm</i> »)
	<i>Бурнус — боюсь</i> («О бабочка, о мусульманка...»)	<i>Связь — тряслась</i> («Я вздрагиваю от холода...»)
	<i>Ос — пришлось</i> («Вооруженный зрением узких ос...»)	<i>Князь — кичась — князь</i> («Царское село»)
	<i>Ужас — не рушась</i> («Я вижу каменное небо...»)	<i>Началась — князь</i> («Я не знаю, с каких пор...»)
	<i>Пёнясь — теннис</i> («Спорт»)	<i>Связь — нашлась</i> («Я не знаю, с каких пор...»)
	<i>Боролось — голос</i> («Как женственное серебро горит...»)	<i>Связь — прямясь</i> («Голубые глаза и горячая лобная кость...»)
	<i>Раскис — влюбись</i> («Чарли Чаплин»)	<i>Связь — не пенясь</i> («Я вижу каменное небо...»)
	<i>Перевернулись — Моргулис</i> («Моргулеты»)	<i>Отозвалось — мира ось</i> («Ода»)
		<i>Близясь — близость</i> («Ода»)
		<i>Сошлось — ось</i> («Ода»)
		<i>Учась — часть</i> («Ода»)
		<i>Боюсь — гусь</i> («Пароходик с петухами...»)
	<i>Удалось — вкось</i> («Дождик ласковый, мелкий и тонкий...»)	

Сравнительный анализ данных, приведенных в таблицах № 8—9 и таблицах № 10—11, показывает, что произношение возвратного постфикса в первой трети XX века в двух рассматриваемых позициях было, как и веком раньше, *вариативным*, хотя в это время уже существовали подробные орфоэпические рекомендации, как следует

произносить возвратную частицу и в деепричастиях с ударением на последнем слоге, и в прочих глагольных формах. Основываясь на анализе текстов поэтов-«москвичей», можно лишь с осторожностью сказать, что в начале XX столетия все еще отдавалось предпочтение твёрдой реализации у глаголов и мягкой — у деепричастий с ударением на конце. Причастия, о вариативном произношении которых упоминал в своей лекции Д. Н. Ушаков, не были выделены в отдельную часть исследования, так как слишком редко встречались в поэтических текстах в качестве рифмы. В Петербурге произношение *-сь/-ся* было, как и в Москве, в а р а т и в н ы м, возможно, с небольшим преимуществом мягкого варианта у глаголов. У деепричастий с ударением на последнем слоге в этот период и в Москве, и в Петербурге, вероятно, нормативным был мягкий вариант, о чем свидетельствуют найденные примеры. Только в текстах поэтов-«москвичей» Б. Л. Пастернака и М. И. Цветаевой у деепричастий преобладает твёрдое произношение. Возможно, это следствие гиперкоррекции.

Безусловно, полученных сведений недостаточно, чтобы с уверенностью утверждать, что вариативное произношение возвратного постфикса было присуще не только поэтической, но и живой литературной речи москвичей в первой четверти XX столетия (как и речи петербуржцев). Но этот пробел восполняется дополнительным анализом поэтических произведений начала XIX и начала XX века. Многочисленны примеры того, что авторы (не только в рамках подобных жанров, но и в пределах одного стихотворения) употребляют рифмы как с «твёрдой», так и с «мягкой» реализацией возвратной частицы. Рассмотрим несколько таких примеров.

Начало XIX века:

1) О дети, светлый день *угас* — \ Уж солнце за горою; \ Уж по закату *разлилась* \ Багряною струею... (В. А. Жуковский «Громобой»).

2) И небо с края в край *зажглось* \ И застонало в страхе; \ И дрогнула земная *ось*... \ И, воющий во прахе, \ Творца грядуща слышит бес... (В. А. Жуковский «Громобой»).

Начало XX века (Москва):

1) «Тогда», — и вдруг застряло слово — \ Кругом, что мог окинуть *глаз*: \ «Ты сам пропал и арестован», \ Восстанья присказка *ви-лась*. (Б. Л. Пастернак «Лейтенант Шмидт»).

2) И голая ненависть листьев и лоз \ Краснеет до корней волос. \ Не надо. Наземь. Руки *врось!* \ Готово. *Началось*. (Б. Л. Пастернак «Лейтенант Шмидт»).

Начало XX века (Петербург):

1) И вот опять, опять в возвратный || Пустилась *пляс...* || Метель поет. Твой голос — внятный. || Ты *понеслась* || Опять по кругу... (А. А. Блок «О, что мне закатный румянец...»).

2) В кружении этом || Когда ты устанешь? || Чьи песни? И звуки? || Чего я *боюсь?* || Щемящие звуки || И — вольная *Русь?* (А. А. Блок «О, что мне закатный румянец...»).

Что еще может служить подтверждением гипотезы о вариативности произношения возвратного постфикса в первой четверти XX столетия? Убедительным доказательством было бы свидетельство ученого-лингвиста. И такое свидетельство существует. Выше уже упоминалась лекция Д. Н. Ушакова 1941 года о старомосковском произношении. Трудно недооценить эту запись — она одновременно и теоретическое, и практическое руководство по овладению «коренным московским» произношением. В ходе лекции ученый перечисляет характерные черты старомосковского наречия и параллельно иллюстрирует их примерами. Затем, также в качестве иллюстрации, следует чтение рассказа А. П. Чехова «Дачники». Речь самого Д. Н. Ушакова признавалась современниками образцом литературного произношения. Существует и транскрипция рассказа «Дачники», опубликованная в 1926 году [Дурново, Ушаков 1926]. В этой работе также отражены расхождения в произношении исследователей. Сравнение транскрипций Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушакова со звучащей речью последнего показало следующее:

Таблица № 12

**Сравнительный анализ транскрипции (Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков)
и звучащей речи (Д. Н. Ушаков)
на материале рассказа А. П. Чехова «Дачники»**

Транскрипция Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушакова	Транскрипция магнитофонной записи Д. Н. Ушакова	Расшифровка текста
pragú'ŋiv'ŋs	прогúливала[с]	<i>прогúливалась</i>
paži,ni'fšxhs	поженívших[сэ]	<i>поженívшихся</i>
ža'ŋs	жáла[с]	<i>жáлась</i>
ixmú'ŋiŋs	хмúрила[с]	<i>и хмúрилась</i>
štty'valnû'jšs (t'yalny'û'jš*)	ты волнúешь[сэ]	<i>что ты волнúешься (ты волнúешься)</i>
spřa'tš'zao'b'ŋk	спрýтала[с] за óблако	<i>спрýталась за óблако</i>
řkaza'ŋs	показáли[с]	<i>показáлись</i>

Транскрипция Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушакова	Транскрипция магнитофонной записи Д. Н. Ушакова	Расшифровка текста
ia'st'na'v'í'f's	и остано'вило[с]	<i>и остано'вилось</i>
pas'ly'š'f'f's	послы'шало[с]	<i>послы'шалось</i>
ry'kaza'f's	показа'ли[с]	<i>показа'лась</i>
zaž'da'f's	заждал[сá]	<i>заждался</i>
na'd'ê'üs	надею[с]	<i>надеюсь</i>
u's'la'va'f's	и целова'л[сэ]	<i>и целова'лся</i>
ia'b'ir'nû'f'sz g'aš't'a'm	оберну'вши[с'] к гостям	<i>и, оберну'вшись к гостям</i>
kaza'f's	каза'ла[с]	<i>каза'лось</i>
ana'ly'ba'f's	она улыба'ла[с]	<i>она улыба'лась</i>
kaza'f's	каза'ла[с]	<i>каза'лось</i>
at'vir'nû'f's	отверну'л[сэ]	<i>отверну'лся</i>

* Вариант произношения Н. Н. Дурново.

Как видно из таблицы № 12, только в одном случае налицо несоответствие текста транскрипции с фактической реализацией возвратного постфикса в живой речи. Однако запись лекции Д. Н. Ушакова не ограничена рассказом «Дачники». Обратимся к первой, теоретической части. Рассказывая о старомосковском говоре, Д. Н. Ушаков несколько раз употребляет в речи возвратные глаголы. Рассмотрим эти примеры:

— *исторически сложившую[с'э] систему* (мягкий вариант реализации нормы; в причастиях, как было сказано выше, Д. Н. Ушаков допускает двойное произношение; впрочем, о возможности произношения в этой форме [с'э] и [сэ] есть только одно свидетельство — его собственное);

— *обращаю[с'] к ним* (снова мягкий вариант у глагола);

— *приближающийся[с'э] к [а]* (мягкий вариант у причастия);

— *приближая[с'] к [и]* (деепричастие с ударением не на последнем слове — и снова мягкое произношение);

— *произносящая[с'э] группа [зж]* (мягкий вариант у причастия);

— *ня[ц'с'э]* (глагол в форме повелительного наклонения — мягкое произношение);

— *я и ограничу[с']* (мягкий вариант у глагола).

Любопытно, что твёрдый вариант произношения появляется тогда, когда исследователь иллюстрирует нормативное (или то, которое он призывает считать нормативным) произношение возвратного постфикса, а также во время чтения рассказа, тщательно затранскри-

бировавшего ранее, то есть в тех случаях, когда внимание ученого прежде уже было сосредоточено на спорных моментах. Мягкий вариант встречается в непринужденной речи, когда Д. Н. Ушаков «забывает», как следует произносить. И этого последнего факта уже достаточно для того, чтобы с большой долей уверенности утверждать — мягкая реализация возвратного постфикса у глаголов была возможна и достаточно частотна в старомосковском говоре (несмотря на то, что официально предпочтение отдавалось твёрдому варианту). Взаимозаменяемость твёрдого и мягкого вариантов у глаголов отразилась и на судьбе деепричастий с ударением на последнем слоге, где также было возможно произношение частицы и с твёрдым, и с мягким согласным, хотя нормативным считалось мягкое произношение.

В книге «Фонетика современного русского литературного языка» показано, что в середине XX века «более распространенным в литературном языке является произношение мягкого [с'] в возвратной частице. Однако встречается также и произношение с твёрдым [с] (...) Прочнее всего держится старое [с] в частице *-ся* в глаголах после твёрдого [л], легче всего уступает оно новому [с'] в частице *-ся* после [и]» [Русский язык и советское общество 1968: 104, 106]. Интересно проследить, каково состояние процесса замены твёрдой реализации возвратного постфикса мягким вариантом на сегодняшний день, то есть в начале XXI века. С целью выявления частотности распределения орфоэпических вариантов был подвергнут аудиторскому анализу массив записей телевизионной речи (в основном на материале новостных программ и ток-шоу). В исследование были также включены зафиксированные факты спонтанной речи москвичей. Было признано нецелесообразным использовать для сбора материала различные виды анкетирования и чтения текстов, так как одним из основных двигателей процесса замены твёрдого [с] мягким [с'] большинство исследователей признает именно влияние письма. В ходе эксперимента был проанализирован 191 пример. Результаты таковы:

— глаголы на *-ись* (94 примера) зафиксированы только с мягким [с']: *стабилизировали*[с'], *собрали*[с'], *оказали*[с'] и пр.

— глаголы на *-ась, -ось, -усь* (62 примера) также только с мягким [с']: *остану*[с'], *начала*[с'], *одевала*[с'] и пр.

— глаголы на *-лся*: 27 примеров произнесения с мягким [с']: *находи́л*[с'э], *занима́л*[с'э] и пр. и 8 примеров с твёрдым [с]: *призна́л*[сэ], *жени́л*[сэ] и пр.

Очевидно, что реализация возвратного постфикса с мягким согласным в современном литературном языке практически вытеснила старомосковский вариант, за исключением только позиции после [л], где твёрдость все еще поддерживается прогрессивной ассимиляцией. Однако и в этой форме возвратный постфикс все чаще произносится мягко.

Заключение

Результатом предпринятого исследования стало выявление ряда рефлексов старомосковской орфоэпической системы в современной звучащей речи. Полученные результаты убедительно показали, что некоторые из старомосковских черт, признававшиеся ранее архаическими (произношение безударных флексий глаголов II спр. 3 л. мн. ч. со звуком [у]; произношение [шн] на месте буквосочетания *чи* в определенном круге слов), следует признать нормативно допустимыми в современном языке наряду с новыми произносительными вариантами. Кроме того, были описаны условия, поддерживающие сохранение старомосковских произносительных вариантов в литературной речи москвичей.

Анализ лингвистических источников дал возможность установить, что в русском литературном языке еще с начала XIX столетия существовали варианты в произношении форм Р. п. мн. ч. существительных, кончающихся сочетанием «согласный + *-ня*». Наблюдения над речью москвичей разного возраста показывают, что колебания существуют и сегодня. Нестабильность реализации конечной фонемы твёрдым или мягким согласным позволяет предполагать лексикализованность нормы.

Некоторые из этапов исследования носили не только синхронический, но и диахронический характер (то есть касались не только описания поведения рассматриваемых явлений в современном языке, но и содержали попытку реконструкции состояния некоторых фрагментов орфоэпической системы на рубеже XIX—XX вв.). Результаты показали, что реализация возвратного постфикса с мягким согласным у глаголов была не только возможна, но и достаточно частотна в старомосковском говоре, несмотря на то, что официально предпочтение отдавалось варианту произношения с твёрдым согласным. В современном литературном языке старомосковский вариант практически вытеснен, за исключением позиции после звука [л].

Итак, наблюдения над речью окружающих москвичей разного возраста позволяют прийти к выводу, что степень архаичности неко-

торых старомосковских вариантов и их функциональная нагрузка в системе современного произношения оцениваются не всегда правильно. Результаты исследований убедительно показали, что некоторые из старомосковских черт, признававшиеся ранее архаическими, следует признать нормативно допустимыми в современном языке наряду с новыми произносительными вариантами. Кроме того, описаны условия, поддерживающие сохранение старомосковских произносительных вариантов в литературной речи москвичей.

Литература

- Аванесов 1952 — *Р. И. Аванесов*. О качестве задненёбной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1952. № 2.
- Аванесов 1974 — *Р. И. Аванесов*. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Аванесов 1984 — *Р. И. Аванесов*. Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984.
- Аванесов, Сидоров 1945 — *Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров*. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945.
- Баринаова, Ильина, Кузьмина 1971 — *Г. А. Баринаова, Н. Е. Ильина, С. М. Кузьмина*. О том, как проверялся вопросник по произношению // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
- Баринаова, Панов 1971 — *Г. А. Баринаова, М. В. Панов*. О том, как кодировался фонетический вопросник // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
- Барышева 1999 — *С. Ф. Барышева*. Ассимилятивное смягчение согласных в речи артистов Малого театра // Проблемы фонетики III / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 1999.
- Богданова 2001 — *Н. В. Богданова*. Произношение и транскрипция. СПб., 2001.
- Богородицкий 1887 — *В. А. Богородицкий*. Курс грамматики русского языка. Ч. I. Фонетика. Варшава, 1887.
- Богородицкий 1935 — *В. А. Богородицкий*. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.; Л., 1935.
- Борунова 2006 — *С. Н. Борунова*. Из истории произношения [шн] на месте этимологического сочетания *-чън- // Вариативность в литературном произношении. Борьба вокруг нормы / Под ред. Ж. В. Ганиева. М., 2006.
- Брандт 1892 — *Р. Ф. Брандт*. Лекции по исторической грамматике русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1892.
- Брандт 1913 — *Р. Ф. Брандт*. Лекции по истории русского языка. М., 1913.

- Брандт 1982 — *Р. Ф. Брандт*. Лекции по исторической грамматике русского языка. М., 1982. Вып. 1. Фонетика.
- Брок 1902 — *О. Брок*. Об исчезновении междугласного *i, j* // Сб., посвящ. ... Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902.
- Брок 1910 — *О. Брок*. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910. (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 5.2).
- Брызгунова 1998 — *Е. А. Брызгунова*. Русское литературное произношение девяностых годов XX века // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское преподавание. Тезисы докл. Междунар. конф. М., 1998.
- Будде 1898 — *Е. Ф. Будде*. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях // Известия ОРЯС. 1998. Т. 3. Кн. 3.
- Васильев 1910 — *Л. Л. Васильев*. Несколько данных для определения звукового качества буквы *l* сравнительно с буквой *e* в памятниках XVIII века, употребляющих эти буквы в слог под ударением по-древнему, при замене в слог без ударения буквы *l* буквою *e* // Известия ОРЯС АН. 1910. Т. 15. Кн. 4.
- Вербицкая 1976 — *Л. А. Вербицкая*. Русская орфоэпия. Л., 1976.
- Вербицкая 1977 — *Л. А. Вербицкая*. Современное русское литературное произношение: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1977.
- Виноградов 1919 — *В. В. Виноградов*. Исследования в области фонетики севернорусского наречия: Очерки из истории звука *l* в севернорусском наречии // Изв. ОРЯС. 1919. Т. 24. Кн. 1—2.
- Виноградов 1986 — *В. В. Виноградов*. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1980.
- Востоков 1859 — *А. Х. Востоков*. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики изложенная. 10-е изд. СПб., 1859.
- Высотский 1949 — *С. С. Высотский*. О говоре д. Лека (по мат-лам экспедиции 1945 г.) // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 2.
- Гловинская 1971 — *М. Я. Гловинская*. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
- Гловинская 1976 — *М. Я. Гловинская*. Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском литературном языке // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Гловинская и др. 1971 — *М. Я. Гловинская, Н. Е. Ильина, С. М. Кузьмина, М. В. Панов*. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
- Грот 1876 — *Я. К. Грот*. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876.
- Грот 1885 — *Я. К. Грот*. Филологические разыскания. СПб., 1885.

- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР) / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.
- Дурново 1917—1918 — *Н. Н. Дурново*. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1: Южновеликорусское наречие. Вып. 1. М., 1917; Вып. 2. Шамордино, 1918.
- Дурново 1924 — *Н. Н. Дурново*. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.
- Дурново 1969 — *Н. Н. Дурново*. Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969.
- Дурново, Ушаков 1926 — *Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков*. Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения. Прага, 1926.
- Еськова 1994 — *Н. А. Еськова*. Краткий словарь трудностей русского языка. М., 1994.
- Житомирский 1894 — *К. Г. Житомирский*. Принципы правописания и их применение к русскому языку // Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1894.
- Зализняк 2003 — *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. 4-е изд. М., 2003.
- Каленчук 1993 — *М. Л. Каленчук*. Орфоэпическая система современного русского литературного языка: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
- Каленчук 1993а — *М. Л. Каленчук*. О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости // Проблемы фонетики I / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1993.
- Каленчук 1995 — *М. Л. Каленчук*. Фонетика и грамматика: звуковые приметы аналитических прилагательных // Проблемы фонетики II. М., 1995.
- Каленчук, Касаткина 1997 — *М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина*. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.
- Каленчук, Касаткина 2003 — *М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина*. О процессе разрушения позиционных чередований согласных в современном русском литературном языке // Тезисы IV Междунар. конф. «Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование». М., 2003.
- Калнынь 2005 — *Л. Э. Калнынь*. Синтагматика сонантов в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 11. М., 2005.
- Касаткин 1968 — *Л. Л. Касаткин*. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных согласных в русских говорах. М., 1968.
- Касаткин 1999а — *Л. Л. Касаткин*. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 1999б — *Л. Л. Касаткин*. Аффрикаты на месте взрывных согласных перед щелевыми в русском языке // Проблемы фонетики III. М., 1999.
- Касаткин 2001 — *Л. Л. Касаткин*. Фонологическое содержание долгих мягких шипящих [ш':], [ж':] в русском литературном языке // Русск. яз. в науч. освещении. М., 2001. № 1.

- Касаткин 2003 — *Л. Л. Касаткин*. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003.
- Касаткин 2005 — *Л. Л. Касаткин*. Русская диалектология. М., 2005.
- Касаткин 2006 — *Л. Л. Касаткин*. Современный русский язык. Фонетика. М., 2006.
- Касаткин 2008 — *Л. Л. Касаткин*. Произношение сочетаний ЕА, ИА, ЕО, ИО, ЭО в современном русском литературном языке // Язык современного города. Тезисы докл. междунар. конф. «Восьмые Шмелевские чтения». М., 2008.
- Касаткина 1999 — *Р. Ф. Касаткина* (ред.). Русские народные говоры: звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999.
- Касаткина 2009 — *Р. Ф. Касаткина*. Новые данные о говоре д. Лека // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 14 / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2009.
- Князев 1999 — *С. В. Князев*. О прогрессивной ассимиляции в современном русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 4. М., 1999.
- Кодзасов, Кривнова 2001 — *С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова*. Общая фонетика. М., 2001.
- Корш 1902 — *Ф. Е. Корш*. Русское правописание // Известия ОРЯС АН. 1902. Кн. 1.
- Кошутий 1919 — *Р. Кошутий*. Граматика руског језика. Пг., 1919.
- Крысин 2000 — *Л. П. Крысин*. Новые аналитические прилагательные и явление хиатуса // Активные языковые процессы XX века. Тезисы докл. междунар. конф. IV Шмелевские чтения. М., 2000.
- Крысин 2005 — *Л. П. Крысин*. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005.
- Кузнецов 1953 — *П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Лихтман 1980 — *Р. И. Лихтман*. Конечные звонкие согласные на стыке слов // Филологические науки 1980. № 1.
- Матусевич 1941 — *М. И. Матусевич*. Введение в общую фонетику. Л., 1941.
- Матусевич 1976 — *М. И. Матусевич*. Русское литературное произношение. М., 1976.
- Матусевич 1976а — *М. И. Матусевич*. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
- Николаева 1982 — *Т. М. Николаева*. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии 1965 — Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.) / Отв. ред. акад. В. В. Виноградов. М., 1965.
- Обнорский 1931 — *С. П. Обнорский*. Сочетание *чн* в русском языке // Изв. комиссии по русск. яз. АН СССР, Л., 1931. Т. 1.
- Орфоэпический словарь — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.

- Панов 1963 — *М. В. Панов*. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. М., 1963.
- Панов 1967 — *М. В. Панов*. Русская фонетика. М., 1967.
- Панов 1971 — *М. В. Панов*. О том, как составлялся вопросник по произношению // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
- Панов 1971а — *М. В. Панов*. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.
- Панов 1979 — *М. В. Панов*. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
- Панов 1980 — *М. В. Панов*. О парадигматике и синтагматике // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1980.
- Панов 1990 — *М. В. Панов*. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.
- Пауфошима 1980 — *Р. Ф. Пауфошима*. Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные процессы безударных гласных) // ИАН СЛЯ. М., 1980. Т. 39. № 1.
- Пауфошима 1983 — *Р. Ф. Пауфошима*. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Пеньковский 1967 — *А. Б. Пеньковский*. О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Петерсон 1939 — *М. Н. Петерсон*. Введение в языковедение. М., 1939.
- Петерсон 1941 — *М. Н. Петерсон*. Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941.
- Пирогова 1970 — *Н. С. Пирогова*. Русское литературное произношение: пособие для студентов-иностранцев. М., 1970.
- Пожарицкая 1985 — *С. К. Пожарицкая*. Современный русский язык. Фонетика. М., 1985.
- Поржезинский 1907 — *В. К. Поржезинский*. Введение в языковедение. М., 1907.
- Поржезинский 1910 — *В. К. Поржезинский*. Элементы языковедения и истории русского языка. М., 1910.
- Реформатский 1979 — *А. А. Реформатский*. Очерки по фонологии, морфологии и морфологии. М., 1979.
- Реформатский 1999 — *А. А. Реформатский*. Введение в языковедение. 5-е изд. М., 1999.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Ч. 1. М., 1980.
- Русский язык и советское общество 1968 — Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры // Русский язык и советское общество / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.
- Русский язык и советское общество (II) 1968 — Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

- Савинов 1998 — *Д. М. Савинов*. Заметки об ударении в онимах юга Московской области // *Язык: изменчивость и постоянство*. К 70-летию Л. Л. Касаткина. М., 1998.
- Саппок и др. 1993 — *К. Саппок, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина*. Новые наблюдения над говором д. Лека (по следам А. А. Шахматова и С. С. Высотского) // *Die Welt der Slaven*. 1993. Jg. 38. I (N.F.17.I).
- Светозарова 2008 — *Н. Д. Светозарова*. О полном и сверхполном типе произнесения и его отражении в тексте художественного произведения // *Фонетика и нефонетика*. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008.
- Скалозуб 1963 — *Л. Г. Скалозуб*. Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев, 1963.
- Словарь трудностей русского произношения 2001 — *М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина*. Словарь трудностей русского произношения, М., 2001.
- Соболевский 2005 — *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка. 5-е изд. М., 2005.
- Степанов, Эдельман 1976 — *Ю. С. Степанов, Д. И. Эдельман*. Семиологический принцип описания языка // *Принципы описания языков мира*. М., 1976.
- Сумароков 1787 — *А. П. Сумароков*. Полное собрание всех сочинений. Ч. X. 2-е изд. М., 1787.
- Толстой 1964 — *А. К. Толстой*. Собр. соч. М., 1964. Т. 4.
- Томашевский 1946 — *Б. В. Томашевский*. Стихотворная система «Горя от ума» // *А. С. Грибоедов. 1795—1829*. Сб. статей под ред. И. Клабуновского, А. Слонимского. М., 1946.
- Томсон 1910 — *А. И. Томсон*. Общее языковедение. 2-е изд. Одесса, 1910.
- Успенский 1968 — *Б. А. Успенский*. Архаическая система церковнославянского произношения. (Из истории литургического произношения в России). М., 1968.
- Ушаков 1928 — *Д. Н. Ушаков*. Русская орфоэпия и ее задачи // *Русская речь*. Новая серия. Вып. 3. Л., 1928.
- Ушаков 1935 — *Д. Н. Ушаков*. Произношение // *Д. Н. Ушаков* (ред.). Толковый словарь русского языка. М., 1935. Т. I.
- Ушаков 1935а — *Д. Н. Ушаков* (ред.). Толковый словарь русского языка. М., 1935. Т. I.
- Ушаков 1964 — *Д. Н. Ушаков*. К вопросу о правильном произношении // *Вопросы культуры речи*. Вып. 5. М., 1964. С. 8—16.
- Ушаков 1995 — *Д. Н. Ушаков*. Краткое введение в науку о языке // *Русский язык*. М., 1995.
- Черкасова 1979 — *Е. Т. Черкасова*. Предлог // *Русский язык: Энциклопедия*. М., 1979.
- Чернышёв 1915 — *В. И. Чернышёв*. Законы и правила русского произношения. Пг., 1915.
- Чернышёв 1970 — *В. И. Чернышёв*. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики // *В. И. Чернышёв*. Избр. труды. М., 1970. Т. I.

- Чернышёв 1970а — *В. И. Чернышёв*. Как говорят в Петербурге // *В. И. Чернышёв*. Избр. труды. М., 1970. Т. II.
- Шахматов 1941 — *А. А. Шахматов*. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941.
- Шахматов 2002 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. М., 2002.
- Щерба 1957 — *Л. В. Щерба*. К вопросу о русской орфоэпии // *Л. В. Щерба*. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- ЭСРЯ 1971 — Этимологический словарь русского языка / Под рук. и ред. Н. М. Шанского. М., 1963—1982. Вып. 1—8. А—К.
- Gimson 1970 — *A. C. Gimson*. An introduction to the pronunciation of English. Oxford, 1970.
- Issačenko 1947 — *A. V. Issačenko*. Fonetika spisovnej ruštiny. Bratislava, 1947.
- Kasatkina 1999 — *R. F. Kasatkina*. The prosody and the voiced/voiceless consonant correlation in Russian // Proceedings of the 14th JCPS. San Francisco, 1999. Vol. 1.
- Lundell 1890 — *J. A. Lundell*. Etudes sur la prononciation Russe. Pt. I. Compte rendu de la littérature. Stockholm; Norstedt, 1890.

Глава III

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОНЕТИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ

1. Вокализм

1.1. Новые данные о говоре деревни Лека Шатурского района Московской области

Округ, в котором находится знаменитая деревня Лека, носит название Ялмочь, по речке Ялма, притоке реки Пры. Топоним Ялмочь употребителен в речи жителей до сих пор, но существует и другой — Пышелецкий куст — по теперешнему административному центру Пышлицы. Районный центр — г. Шатура. Естественной границей с Владимирской и Рязанской обл. служит цепь озер (Святое, Дубовое, Шагара, Великое), к юго-востоку от которых, уже на Рязанщине, находятся другие лингвистически привлекательные деревни — Деулино и Новосёлки, говорам которых посвящено немало исследований, а лексика говора дер. Деулина собрана в «Словаре современного русского народного говора» под ред. И. А. Оссовецкого.

Округ Ялмочь (или Ялмат) — обособленная в этнографическом и лингвистическом отношении группа населения.

Лингвистическая ситуация д. Деулина и деревень, входящих в округ Ялмочь, даёт основание для сопоставления их языковых систем, поскольку и те, и другие представляют собой островные говоры. Островное положение способствовало сохранению в обоих говорах целого ряда архаических черт, которые прослеживаются на разных уровнях языковой системы.

В начале 1900-х годов по деревням Ялмоти прошли в одной из своих экспедиций И. Г. Голанов и Н. Н. Дурново. Они были в 1910 году в двух километрах от деревни Лека, обнаружили в этом говоре семифонемный вокализм, то есть существование двух дополнительных фонем средневерхнего подъёма — + *ять* и *омега* (см. [Голанов, Дурново 1910]). В 1912 и 1915 гг. там побывал А. А. Шахматов, опубликовавший в 1913 году свою знаменитую работу [Шахматов 1913].

Через 43 года после А. А. Шахматова, летом 1945 года, в Ялмоти, в основном, в деревне Лека, побывала экспедиционная группа под руководством С. С. Высотского — С. В. Бромлей, Т. С. Коготкова, Н. Н. Кононова. В 1949 году появилась статья [Высотский 1949а]. С. С. Высотский отмечает островное, изолированное положение этих говоров. Он пишет, что «краины Ялмоти... представлялись когда-то как границы культурного мира: за лесом и озерами живут “мамáи”, “куршакí”, “баля́ки”, и говорят там по-другому...» [Там же: 8].

Летом 1991 г. экспедиционная группа в составе Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной и Кристиана Саппока (Бохумский университет, Германия) посетила Ялмоть (деревни Шеино и Лека). Было записано 7 часов звучания диалектной речи. Это была разведывательная поездка, которая показала, что за прошедшие со времени экспедиции С. С. Высотского 46 лет говор претерпел лишь незначительные изменения, и многие архаические черты в его системе сохранились. Семифонемная система гласных под ударением, обилие дифтонгических реализаций гласных фонем, следы архаической системы предударного вокализма, следы цоканья в системе консонантизма, сохранение твёрдости согласными в позиции перед /e/, явились ярким доказательством тезиса об устойчивости диалектных звуковых систем: «устойчивость современных русских диалектов в их фонетике и морфологии предстает как бесспорный факт» [Калнынь 1997: 121]. О стабильности языковых систем см. также [Калнынь 1989].

В говоре продолжает сохраняться семифонемный вокализм, произношение немягких согласных перед фонемой /e/, как это было и при А. А. Шахматове. С. С. Высотский добавил к этому следующие наблюдения над архаическими явлениями в фонетике говоров Ялмоти: фонемы /e/, /o/ могут реализоваться не только в монофтонгах [e], [o], но и в дифтонгах [бу], [ей]. Он был первым, кто обратил внимание на особый характер гласного *ы* под ударением: в говорах Ялмоти в соответствии с *ы* произносится напряжённый гласный, сдвинутый в область заднего ряда: *с[ы]н, пал[ы́], вад[ы́]*. Раньше такой характер *ы* был отмечен только в севернорусских говорах.

Еще во время краткого пребывания в Леке в 1991 году мы отметили случаи дифтонгической реализации фонемы /y/: *ш[бу́]ба, р[бу́]-шили, обр[бу́]шить, сл[бу́]шать, запр[бу́]да* и др. См. [Саппок и др. 1993], а также [Касаткин 1999: 378; Варбот 2008]. Всё это факты, свидетельствующие о сохранении глубокой архаичности фонетической системы описываемых говоров.

Поэтому мы продолжили сбор речевого материала и летом 2007 г. в том же составе посетили некоторые деревни Ялмоти (Пышлицы, Лека, Горелово, сделали 20 часов аудиозаписей). В 2008 году мы снова побывали в Леке и Горелове, а также и в других деревнях этого куста: в Кушэвице, Зименка́х, Филимакине, Дорофееве, Филисове (записали 30 часов звучания).

Материал, собранный во время двух последних поездок в деревни Ялмоти, позволил добавить к уже имеющемуся набору дифтонгов два других: [и̯а] и [и̯о]: [п'и̯а]ть — *пять*, [м'и̯а]со — *мясо*, [в'и̯о]л — *вёл*, [с'и̯о]ла — *сёла*). О дифтонгах такого типа в других русских говорах см. [Бубрих 1913; Касаткин, Пауфошима 1981].

Кроме того мы отметили существование архаических грамматических форм (напр., формы 3-го лица наст. времени глаголов 1-го спряжения без конечного *-т* (*берё, идё, несё, течё*), формы плюсквамперфекта у глаголов, напр., *он был уехал*), архаизмов в лексике (*золóвь* — 'золовка', *новиня́* — 'нынче' и др.) — всё это позволяет причислить говор Ялмоти к числу наиболее привлекательных объектов для системного диалектологического исследования.

Наши основные информанты — женщины 1925, 1926, 1927 гг. рождения. Во время экспедиции С. С. Высотского им было по 18—20 лет.

С динамикой развития говора можно связать появление случаев монофтонгизации дифтонгов, которые мы отметили во время последних экспедиций: (*прио*[хвó]тила — *приохó*тила, *пропо*[лwó]ть — *прополó*ть, *по*[лwó]ть — *полó*ть, *о*[хwó]та — *охó*та, [кwo]нь — *конь*, [хвó]тца — *хó*чется, [дwó]брьй — *дó*брьй, у[м'jé]льйй — *умé*льйй, в[ów]ду — *вó*ду, г[ów]ду — *гó*ду, ко[нэй]ц — *конé*ц, м[эй]тров, [п'ja]ть — *пять*, [м'já]со — *мясо*). Были записаны также гиперкорректные формы: [т'ó]рдый — *твёрдый*, д[уó]е — *двóе*, д[уó]р — *двор*, в которых этимологический согласный ([w]) как бы «поглощается» первым компонентом дифтонга [уо]. По поводу этой диалектной инновации заметим, что здесь мы имеем дело с развитием диалектной системы, не зависящим от влияния литературного языка.

Не останавливаясь на всех основных чертах фонетики говора, сосредоточимся только на некоторых, которые в диалектологической литературе до сих пор не нашли адекватного объяснения. Это касается предударного вокализма и некоторых особенностей консонантизма.

Предударный вокализм

С. С. Высотский писал: в говоре Леки «после смягченного согласного в предударном слове (<...> представлено еканье с четко про-

износимым звуком *e* ⟨...⟩ По материалам Дурново и Шахматова, еканье считается основным признаком вокализма для всей данной округи» [Высотский 1949а: 35]. Но Н. Н. Дурново даже на основании своего экстенсивного обследования отметил в говоре также и элементы яканья, что он объяснял активным воздействием со стороны южнорусского наречия. Спорадическое употребление форм сильного яканья «в смешении с еканьем при характерном колебании качества предударного звука» отмечал и С. С. Высотский в статье 1949 г.: «Часто он (предударный гласный после мягких согласных. — *Р. К.*) представлен в виде гласного, лишь слегка пониженного по сравнению с *e*, но уже, безусловно, принадлежащего категории переднего *a*. Менее часто слышится совсем явно выраженное образование *a*, возможное при яканье» [Там же: 35].

Это неустойчивое, колеблющееся состояние предударного вокализма после мягких согласных сохранилось в говорах Ялмоти и до нашего времени. Поскольку в нашем распоряжении имеется большое количество аудиозаписей речевого материала¹, надежная звукозаписывающая аппаратура и компьютерные программы для анализа речевых сигналов, мы смогли представить более полную картину соотношения звукотипов [e] и [a] в первом предударном слоге в обсуждаемом говоре.

Сплошное прослушивание большого массива записей показало, что присутствие большого количества *a*-образных гласных (наряду с *e*-образными) в первом предударном слоге продолжает быть характерной чертой говора. Эти реализации возможны в разных позициях, не зависят от качества гласных под ударением и от качества следующего согласного (*c[e]cтpá — c[’a]cтpá, p[e]ká — p[’a]ká, ч[e]cóв — ч[’a]cóв, n[e]mú — n[’a]mú, n[e]mók — n[’a]mók*). И по нашим данным, как и по данным С. С. Высотского, количественно преобладает еканье — около 70 % всех случаев.

Л. Л. Касаткин провел эксперимент по восприятию разными аудиторами (20 человек) гласных 1-го предударного слога после мягких согласных в текстах, записанных от разных информантов, живущих в разных деревнях Ялмоти [Касаткин 2009а]. Анализ аудиторских ответов, обработанных статистически, подтвердил правильность наших предварительных наблюдений: выявились три зоны перцептивных эталонов варьирующих гласных: [e] (количественно преобладающая), [’a] (значительно меньшая) и зона смешения этих двух

¹ У С. С. Высотского не было магнитофонных записей.

звукотипов. Близость южнорусских говоров² свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в прошлом они составляли единое целое с говорами Ялмоти.

При анализе прослушанного материала обращают на себя внимание два момента — 1) выделяется позиция после *ч* — здесь явно преобладает яканье: *но[ч'а]ва́ла*, *[ч'а]со́в*, *но[ч'а]му́*, *ни[ч'ав]о́*, *в[ч'а]ра́* — 66 % случаев произношения [ʼа] против 34 % случаев произношения [е]. 2) Также особым образом ведут себя местоимения — в них тоже больше случаев яканья: *[йа]го́*, *[йа]му́*, *[с'а]бе́*, *[ч'а]го́*, — 60 % якающих форм против 40 % ёкающих. К обсуждению позиции после *ч* обратимся в разделе о консонантизме, а что касается местоимений, то они ведут себя как особая подсистема и могут дольше сохранять приметы более раннего архаического состояния фонетической системы (об этом см. [Савинов 2002]).

Совершенно новое явление в предударном вокализме после твёрдых согласных говора Ялмоти, обратившее на себя наше внимание и не замеченное предшествующими исследователями — присутствие элементов диссимилятивного аканья.

Границы распространения диссимилятивного аканья проходят значительно восточнее, чем это обычно считается и чем это представлено на карте № 1 ДАРЯ [ДАРЯ]. Наши исследования показали, что такой тип вокализма представлен не только на западе южнорусской территории, как это обычно считается, но и значительно восточнее, в говорах Тульской и даже Восточной (Рязанской) групп южнорусского наречия. Об этом свидетельствуют, в частности, магнитофонные записи текстов в звучащей хрестоматии «Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие», а также в статье [Касаткина 1998]. Это отмечено также в [Савинов 2003].

В говоре Ялмоти отмечены следы диссимилятивного аканья (у всех 5 информантов из Леки и Горелова, записи речи которых были прослушаны), что проявляется в произношении гласного [э] в позиции перед ударным [á]: *ст[э]я́ть*, *н[э]я́ла*, *с[э]ма́*, *н[э]ха́ли*, *настр[э]-га́ла*, *пр[э]ца́й*, *стр[э]за́ла*, *ск[э]за́л*, *н[э]ва́ришь*, *ник[э]да́*.

Кроме того, были обнаружены случаи произношения гласного [э] в позиции перед фонемами /о/-открытое и /е/-открытое в таких сло-

² «Южные пределы Ялмоти соприкасаются с узкой полосой говоров с явной южнорусской основой (с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем) (...) там дольше сохранялся южнорусский женский костюм — панева и “рога”» [Высотский 1949: 7—8].

вах, как *т[э]кóй*, *з[э]зéта*, *пл[э]тóк*, *н[э] тóрф*, *стр[э]шнéй*, что соответствует отражению реликтов архаического диссимильативного аканья.

Следует отметить, что при отходе диалектных систем от архаического состояния диссимильативное аканье, даже его архаические типы, в говорах держится значительно дольше, чем яканье. Объяснение, к которому неоднократно прибегал в своих устных выступлениях С. С. Высотский, следует искать в социолингвистическом аспекте. Яканье — яркая диалектная черта³, которая негативно оценивается горожанами и которой стыдятся носители диалекта, поэтому понятно их стремление отказаться от этой диалектной черты. Диссимильативное аканье менее заметно для слушающих, поэтому держится в говорах дольше.

Кроме того, важна и фонетическая реальность. В упомянутой выше статье сказано: «Возникает вопрос, почему фиксация разных типов диссимильативного аканья более затруднительна, чем разных типов яканья. Дело в том, что артикуляционный контраст между гласными непереднего ряда [a], [a̠] и [э] оказывается гораздо менее чётко выраженным, чем между гласными переднего ряда [æ], [e] и [и], более удалёнными друг от друга в артикуляционном пространстве» [Касаткина 1998].

2. О некоторых чертах консонантизма

Частотность а-образных реализаций предударных *a*, *e* в говоре Ялмоти (*но[ч'а]м'у́*, [*ч'а*]с'ы́ и т. п.), возможно, связана с тем, что говор в недалёком прошлом был цокающим. На следы твёрдого цоканья в говоре Леки обратил внимание С. С. Высотский. Оно, в частности, сохраняется в местной топонимике (Кушóвица — из Якушéвичи, П'ышлица из П'ышеличи). В наших записях зафиксировано неоднократно произнесенное *Церкáсово* (Черкасово)⁴. Кроме того, С. С. Высотский пишет, что «как реликты утраченного цоканья сохранились те редкие слова, которые не встретили в речи литературного типа соответствующий образец “для исправления” *кэцед'ык*, *цур-цура*» [Высотский 1949a]. В наших записях отмечен случай *рэчка течё*

³ С. С. Высотский называл эту произносительную диалектную особенность «серой, мужицкой».

⁴ Топонимы Кушевица и Пышлица зафиксированы на картах, а *Церкасово* отмечено только в устной речи (на картах — Черкасово).

цёрная с прогрессивной дистактной диссимиляцией, форма *сицяс*, а также *вну́чка*, *до́чка*, *По́лицка* — при передаче речи женщин старшего поколения — матери или бабушки. Отмечена также гиперкорректная форма *чады́т* вместо *цедя́т* (сказано: *их через ма́рлю чады́т*).

Неожиданной находкой явилось произношение несколькими информантами *у* — фрикативного в соответствии с фонемой /г/, и отмечено оно было преимущественно в подсистеме местоимений: [ч'ауó], [н'ич'ауó], [кауó]. Зафиксировано такое произношение также и в случаях [мау́], [бра́уу]. В случае [сва́г'и] (*сва́и* — им. мн. от *сва́я*), записанного от одной из наших информанток, мы имеем дело с гиперкорректной формой, где вместо [j], в котором может реализоваться /ч'/, ошибочно (в соответствии с литературным языком) произнесен [г'].

Заключение

Итак, со времени первых фиксаций основных особенностей говоров Ялмоти прошло почти сто лет. Островное положение говоров и устойчивость их языковой системы делают возможным сохранение фонетического строя, в том числе и таких его фрагментов, которые являются свидетельствами южнорусского происхождения этих говоров. Изменения, происходящие в нём — результат скорее внутреннего развития самого говора, нежели воздействия со стороны литературного языка.

Остатки яканья, отмечавшиеся и ранее Н. Н. Дурново и С. С. Высотским, и существующие в говоре Леки до нашего времени, а также следы диссимилятивного аканья, в том числе и диссимилятивного аканья архаического типа, отмеченные нами в двух последних экспедициях, свидетельствуют о южнорусском происхождении этого говора. Повидимому, еканье — более позднее явление, которому предшествовало яканье (сильное или возможно какого-то другого типа, который утратился уже к началу XX века).

1.2. Фонемы /ɔ/, /ɔ̃/, /a/ в слободских говорах Харовского района Вологодской области

1. Говоры Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области давно привлекают к себе внимание диалектологов. Впервые на одну из ярких особенностей этих говоров — немягкость согласных на месте мягких в других говорах и в литературном языке — обратила внимание Р. Ф. Касаткина [Пауфошима 1961]. Различным особенностям фонетики этих говоров посвящены работы

[Азарх 1973; Пауфошима 1973; 1975; 1977; Преображенская 1973а; 1973б; Треблер 1980; Красовицкий 1993; 1995; 1996; Касаткин 1999а: 154—191, 207—210, 379—389, 398—408]. В фонотеке Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН хранятся многочасовые магнитофонные записи, сделанные этими диалектологами в 1960—90-х гг., а также новые записи сотрудников отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН 2003—2005 гг. Эти записи позволяют выявить и описать многие черты слободских говоров.

2. Система гласных слободских говоров включает фонемы /ɔ/ и /ω/⁵, которые обычно противопоставлены под ударением в сильных фразовых позициях, а в слабых позициях обычно не различаются, реализуясь в звуке [o].

Впервые различие /ɔ/ и /ω/ было обнаружено в одном вологодском говоре О. Брокком, который привёл в своём описании и многие примеры реализации этих фонем [Брок 1907: 32—51]. Л. Л. Васильев показал распределение этих фонем в разных морфемах на основе анализа им нескольких памятников письменности, а также диалектологических описаний конца XIX — начала XX вв., главным образом работы О. Брока. Л. Л. Васильев определил и условия возникновения этого различия: /ω/ происходит из древнерусской /o/ под восходящим ударением, а /ɔ/ из древнерусской /o/ под нисходящим ударением и из /ъ/ [Васильев 1929]. К таким же выводам независимо от Л. Л. Васильева пришел и А. А. Шахматов, считавший, что «растяжение *o* под восходящим ударением в *ω* произошло до перехода *ъ* в *o*» [Шахматов 1915: 189—192, 334—335]. Позднее и диалектологи и историки языка неоднократно отмечали две эти фонемы в русских говорах и в письменных памятниках. А. А. Зализняк, описавший осо-

⁵ Традиционное обозначение этих фонем /o/ и /ô/. Вслед за А. А. Шахматовым [Шахматов 1913 и др.] обозначение их как /o/ и /ω/ использовал С. С. Высотский, объясняя это тем, что диакритический знак *ô* служит для фиксации напряжённого гласного и поэтому неудобен для передачи фонемы, представленной звуками, напряжённость которых не обязательна или не является их отличительным качеством [Высотский 1967: 14—15, 34—44; и др.; см. также: Касаткин 1989: 38; 2005: 30]. А. А. Зализняк ввёл обозначение /ɔ/ — /ô/ [Зализняк 1978а: 75]. В данном разделе для одной фонемы принимается обозначение А. А. Шахматова и С. С. Высотского, для другой — А. А. Зализняка, что отражает особенности системы вокализма слободских говоров, тогда как для других говоров правильнее использовать другие знаки, например /o/ — /ω/ и др.; см.: [Высотский 1967: 73].

бенности распределения этих фонем в говорах восточнославянских языков, считает, что «возникновение на всей (или почти на всей) восточнославянской территории противопоставленных фонем /ɔ/ (“о открытое”) и /ɔ̄/ (“о закрытое”)» было «одним из результатов процесса падения и “прояснения” редуцированных» [Зализняк 1985: 173].

Типичными представителями /ɔ̄/ в слободских говорах являются дифтонг [ȳɔ̄] и звук, который на слух определяется как монофтонг [ɔ̄] «закрытое», но при инструментальном анализе часто выявляется его неоднородность; иногда на месте [ɔ̄] произносится более закрытый звук типа [y] ⁶.

Подробный анализ звуков, реализующих /ɔ̄/ и /ɔ/ в севернорусских, в том числе и в слободских говорах, был проделан Р. Ф. Касаткиной в монографии [Пауфошима 1983], где значительное место уделено рассмотрению влияния на реализацию фонем фразовых позиций. Р. Ф. Касаткина, в частности, показала, как одно и то же слово может произноситься при повторах: «Так, например, в высказывании: *тут Шубиха, Шубиха у нас была, я на Шубихе возьму и удавлюсь на берёзе* (Калининская обл., Рамешковский р-н) первое упоминание топонима *Шубиха* представляет собой рему, поэтому слово это, находясь в сильной фразовой позиции, произносится отчётливо, без каких-либо фонетических деформаций. При повторе то же слово оказывается в более слабой позиции, оно становится фонетически более уязвимым. Третья реализация того же слова манифестирует тему, фразовая позиция его ещё более слабая. Поэтому реально этот текст был произнесён следующим образом: [тут шуб'иха | шув'иха у на́з была́ | ја на шу́их'е воз'му́ и удавл'ус' на б'ир'оз'е]. В этом отрезке текста в слове *Шубиха* представлены разные степени деградации звонкого смычного губного» [Там же: 7; см. также сноску 12 на с. 245].

Подобный пример с фонемой /ɔ̄/ записан в Слободском сельсовете Харовского р-на: *ф^хтору́дѡва || ф^хторо́ѡва || <...> она фторо́ѡва до́лжна пр'ибы́т ||*. Слово *ф^хтору́дѡва* произнесено с длительностью 833 мс, [ȳɔ̄] — 213 мс. При втором произнесении длительность слова 633 мс, [ɔ̄] — 164 мс, при третьем — 414 мс и [o] — 96 мс ⁷; см. также: [Гецова 1959: 113—117; Касаткин 1999: 370, 379—381, 385—388].

⁶ Характеристику звуков, представляющих /ɔ̄/ в севернорусских говорах, см. в [Высотский 1967: 14—18, 24—25, 29—31, 38—39, 44, 70, 73].

⁷ Длительность и другие качества звуков устанавливались с помощью компьютерной акустической программы Praat [Boersma, Weenink 2005]. Все примеры прослушивались многократно, часто с выделением звуков и их

толокно́, толокну́д; энó, однó; подошлó, прошилó, прошилó, прожылу́дз дак, уда́лос; давну́д, давну́а, даўно́, дале́кó, добрүү́д, л'ихкó, роўну́д, роўно́, см'елó, тежé'елóа, туплу́д, туплó, хорошó, хорошу́д, хорошу́а;

6) окончание существительных Р. п. мн. ч. **-ов:** *батогу́ов, бере-гóв, бл'ину́оў, годóв, домóв, клопу́оў, из М'ит'укóв, п'ирогóв, по́лов'ику́в, снопо́в, ут'угóв, уц'еникóў, холодо́ў, ц'асóв, ц'уўкóв;*

7) окончание прилагательных ср. р. И. п. ед. ч. **-оў:** *такóо м'эсто, друго́о, шерст'анóўе;*

8) окончание прилагательных муж.-ср. р. Р. п. ед. ч. **-овэ:** *такóо, х^фтору́ова, х^фтору́ва;*

9) окончание местоимений муж.-ср. р. Р. п. ед. ч. **-ово**⁸: *йиу́о, ц'иу́о, ниц'и́во, и образованных от этой формы прилагательных: йе(в)о́нна;*

10) окончание прилагательных II. п. ед. ч. муж.-ср. р. **-ом:** *в однóм; и так же в наречии потóм;*

11) окончание прилагательных жен. р. ед. ч. **-ой:** *бóлшу́ой, одну́ой, сл'епóй; и суффикс наречия домóўй, домóўй, дому́й, дому́й.*

Фонема /ɔ/ обычно реализуется в открытом гласном [ɔ], реже в дифтонге [ɔу], иногда в более открытом звуке типа [a], и представлена в таких морфемах, в том числе выделяемых лишь исторически:

1) корни слов: *бэх, бóуу, бóлно, бóле* (наречие), *бóлше, бóлшы, побóлшы, бэр* (элемент шитья), *бóрону, бóц'к'и, бр́с'ивс'о, забр́сцл'и, одбр́сы, вóду, вэс, в́з-эт, В́лоқ, св́лок, в́лос(ть), в́ровск'и, вэш, вр́дц, гв́с* (гвоздь), *гв́здцкоў, гэт, ѓд-от, ѓда, ѓды, ѓлоду, ѓлос, в ѓрл'и, ѓрот, в ѓроде, ѓрк'ий, ѓрк'ие, ѓрст'и, ѓру-ту, ѓры, ѓста, ѓстц-т'и, үспод'и, д́ж дак, д́ўгайа, д́ўго, над́рого, н́д́рого, под́ўгу, дэм, д́м'ик, д́ма* (наречие), *д́рого, н́д́рого, д́ц, д́ц'к'а, др́в-то, др́р, др́рнц, ж́лта, ж́ўтэй, ж́ртоэ, ж́рты, ж́пы, зал́ушку, иѓрқи, иќны, иш́, кал́шы, карт́шок, карт́шец'к'и, сќвано, ќзы, ќлобэм, Ќла, Ќл* (зват. форма), *Ќл'к'и, Н'иќла, ќнц'илос, оќнц'ив, кол́с, кол́сзу, ќрм, ќрму, ќрм'ит, ќрм'ат, наќрм'ит, ќсу, заќрит, от-ќрэц'а, пр'иќр́йом, оќм* (кроме), *пол́жат, л́рк'иш, л́шат, л́шк'и, луќшко, м́да, н́возм́жно, порозм́вцла, м́йеш, м́иш, пом́эму, м́лодос, м́стцк, м́ты, м́х, н́гц, н́ц'йей, з́братц* (наряды на свадьбе), *з́з'иро, э́й, з́кна, в з́кнах, з́коло, З́ле* (Оля), *З́л'г'у, эн,*

⁸ А. А. Зализняк ввёл знак О «как обобщающий символ для всех графем класса О» [Зализняк 1978а: 75]. Здесь и далее для обобщённого обозначения фонем «типа о», т. е. /ɔ/ и /ɔ/, используется строчная буква о.

в *áтиам*, *áсин*, *áсенйу*, *áсен'ий*, *áсцнйей*, *áццр'ит*, *áч'ен*, в *окáпах*, к *экáшку*, под *окáшкам*, *плáтнцк'и*, *плáхо*, *пáл*, *пáлк*, *пáлосу*, *пáлосы*, *пáроньйе*, *пáрна*. *пáртет* (3 лицо мн. ч.), *пáрт'ит'ц'е*, *испáрт'иши*, *испáртет*, *пошехáнка*, *пошехáны-тц*, *прáбуим*, *р'ешáта*, *рáж дак*, *рáдиш*, *рáуш*, *рáзова*, *рáсы*, *св'екрáу*, *св'екрáушка*, ф *С'имф'ирáпол'и*, *скáрб'и*, *скáро*, *слáво*, *сáк*, *сáлodu*, *сáнцá*, *сáфньишко*, *сáрок*, *сáх'и*, *сáхнит*, *сáхл'и*, *посáхнит*, *стáга*, *стáпу*, *осторáжен'ее*, *стáрону*, *стрáгой*, *стрáг'ийе*, *твáрок*, *тá* (союз *éжел'и ... тá*), и *тá*, *тáжо*, *тáл*, *тáрку*, *тáлстáйá*, *тáросты*, *потáлишиá*, *потáние*, *тáчно*, *т'áжáлайá*, *хвасáнк'и*, *хáду*, *хáтко*, *хáлот*, *хáлодно*, *хáлс*, *хáус* (*холст*), *хáт* (*хоть*), *хáд бы штá*, *шкáлу*, *шáрк*, *шáрку*, *вошáр*, *заиáр*, *наиáр* *е*, *поиáр*, *пр'ишáр*, *шáркам* (*шоркаем*), *шиáтку* и др.;

2) предлоги и приставки: **вá-**: *вáврáмá*; **вáз-**: *вáзрас*; **дá-**: *дá кровц*, *дá св'иту*, *дáжыл'и*; **á-**: *áсцк* (*осек*); **áт-**: *áддал'и*, *áддых*; **пá-**: *пá дв'и*, *пá дому*, *пá л'ису*, *пá насту*, *пá тр'и*, *пá сту*, *пáжыу*, *пáжыы*, *пáжы-л'и*, *пáмáлá*, *пáпцл'и*, *пáпусту*; **пáд-**: *пáд ногц*, *пáд ногц*; **прá-**: *прáдал'и*, *прáлуп* (*прорубь*); **сá-**: *сáдрав*, *сáвеснá*;

3) суффиксы существительных, прилагательных и наречий **-эк-**, **-цек-**: *домáк*, *жырáк*, *квасáк*, *кузоáк*, *кусбáк*, *л'есáк*, *плáтáк*, *сынáк*, *р'им'ишиáк*; *высáкой*, *шырáкайá*; *глубáко*, *шырáко*; *катáц'ик*, *кузо-вáц'к'и*, *л'истáц'ик*, *мотáц'к'и*, *плáтáц'ик*;

4) суффикс числительных **-áж-**: *двáйо*, *трáйо*.

5) окончание существительных 1-го склонения и местоимений Т. п. ед. ч. и суффикс наречий **-áж**: *водáй*, *золáй*, *кл'укáй*, *косáй*, *мукáй*, *ногáй*, *пилáй*, *рукáй*, *со Слободáй*, *снохáй*, *сторонáй*; *со мнáй*; *в'иснáй*, *з'имáй*; единично встретилось произношение *в'иснáй*;

6) окончание существительных 2-го склонения Т. п. ед. ч. и суффикс наречий **-эм**: *за гумнáм*, *женцáм*, *з'ернáм*, *кам'ишкáм*, *пескáм*, *попáм*, *р'им'ишкáм*, *снапáм*, *столáм*, *топорáм*, *умáм*; *б'егáм*, *бос'и-кáм*; *п'ешкáм*, *тайкáм*; предлога *кругáм* 'вокруг';

7) окончание прилагательных И. п. ед. ч. муж. р. **-áж**: *вышйтáй*, *другáй*, *какáй*, *нцпáхáй*, *простáй*, *роднáй*, *сл'епáй*, *сырáй*, *такáй*, *худáй*, *шофковáй*;

8) окончание местоимений **-á** и в производных словах: *тá*, *хтá*, *штá*, *да штá ты*, *нцзаитá*, *итáбы*;

9) окончание местоимений **-áж**: *йейá*;

При обычной фонеме /о/ в окончании существительных ср. р. И. п. ед. ч. фонема /á/ выступает у существительного с суффиксом **-ств-** *бо(ль)ишынствá*. Наряду с многочисленными примерами с фонемой /о/ в слове *вот*, представленной звуком [ɔ], встретился также

пример произношения *вѣтат*. При многократно зафиксированной фонеме /ω/ в слове *мнѹбого*, *мнѹго* встретился пример *мнѹго*. При обычном произношении частицы *хѣт* (*хоть*) встретился единичный пример произношения *хѹт л'и*. Как и в других говорах, возможно чередование фонем /ɔ/ || /ω/ в разных формах одного и того же корня: *кѹсу* и *с'инокуѹс*⁹.

В заимствованных из литературного языка словах одной и той же структуры могут быть разные гласные. Так, в магнитофонных записях встретились *к'инѹд*, но *пalmѹ*. В селе Арзубихе Слободского сельсовета на вопрос, чем отличается их говор от говора соседнего села, местная жительница, подумав, сказала: «У нас говорят [картѹшка], а у них [картѹшка]».

Таким образом, фонемы /ω/ и /ɔ/ реализуются в характерных для каждой из них звуках, звук [o] — результат их неразличения, нейтрализации.

По классификации А. А. Зализняка, учитывающей реализацию /ω/ или /ɔ/ в некоторых морфемах, распределение этих фонем в слободских говорах соответствует великорусскому принципу и характерно для северо-восточной группы северного типа [Зализняк 1985: 173—176].

3. Историки русского языка и диалектологи указывают на то, что различение фонем /ω/ и /ɔ/ в русском языке возможно только в ударных слогах, а в безударных на их месте произносится один и тот же гласный, при полном оканье это обычно [o]; см., например: [Брок 1907: 32—51; Шахматов 1915: 190—191, 334—335; Дурново 1924/2000: 194—196, 184—185; Аванесов 1949: 44, 63; Кузнецов 1960: 45—47, 52; 1965: 141—143; Строганова 1964: 31, 37; Гард 1974: 107; Зализняк 1978б: 51—52, 59; Касаткин 1989: 38—39, 43; 2005: 30—31, 36; Николаев 1996: 220]. Л. Л. Васильев отмечает в описаниях севернорусских говоров конца XIX — начала XX вв. и отдельные примеры с дифтонгом и у в безударных слогах, но не придаёт им значения [Васильев 1929: 10—11].

А. А. Зализняк в памятнике XIV века Мерило Праведное обнаружил известную и по другим памятникам систему передачи /ɔ/ — /ω/, которую он назвал омеговой: /ω/ передаётся буквой ω. В подавля-

⁹ Распределение /ɔ/ и /ω/ в разных морфемах в русских говорах и в памятниках письменности см., в частности: [Брок 1907: 32—51; Васильев 1929; Методические указания 1957: 162—179; Зализняк 1978б; Пауфошима 1983: 36—37].

ощем большинстве случаев ω пишется под ударением и, как считает А. А. Зализняк, ω может свидетельствовать о месте ударения в слове (хотя буква ω может писаться и по другим, определённым А. А. Зализняком принципам). В Мериле Праведном в некоторых словах могут писаться две буквы ω , выступающие в разных слогах, либо ω пишется при явном ударении на другом слоге. В большинстве этих случаев, по мнению А. А. Зализняка, ω стоит в слоге с второстепенным ударением, иногда с колеблющимся ударением; в некоторых случаях написание ω объясняется орфографическими правилами [Зализняк 1978а; 1978б; 1979; 1985: 173—179]. «Однако ω представлено и в тех случаях, где ударение явно падало не на окончание»: «в окончаниях М. ед. муж. и сред. -*Омъ* и Д. М. ед. жен. -*Ои* у местоимений и прилагательных <...>. Это дает основания видеть в данной черте Мерила фонологическую, а не орфографическую особенность» [Зализняк 1978б: 66—67].

Слободские говоры опровергают общее мнение о различии / ω / и / ω / только под ударением (по крайней мере, это касается окружающих русских говоров) и дополняют наблюдение А. А. Зализняка о возможности противопоставления этих фонем и в безударных позициях. Так же как различие / ω / и / ω / под ударением проявляется только в сильных фразовых позициях, а в слабых позициях эти фонемы обычно нейтрализуются, совпадая в звуке [ω] ¹⁰, в безударных слогах в сильных фразовых позициях может наблюдаться различие этих фонем.

Так, в тех же морфемах, где / ω / и / ω / зафиксированы под ударением, могут произноситься:

закрытый гласный [ω] или гласный более высокого подъёма, совпадающий с [y], представляющие фонему / ω /:

1) суффикс существительных и прилагательных **- ω в**: *Vátoł ω (в)о*, в *Rákoўск'им*, *rákoўск'изэ*; в примерах *кумоўjá*, *трудоўу*, *п'ер'удуўу* можно предполагать также ассимиляцию гласному верхнего подъёма [y] в соседних слогах, обычную в русских говорах; см.: [Высотский 1967: 45—46; Касаткина 1996];

2) окончание существительных 2-го склонения И. п. ед. ч. ср. рода и суффикс наречий **- ω** : *ста́до ω* ; *ба́йко ω* , *до́ўго ω* , *недо́ўго ω* , *нидо́ўго ω* , *доўгу л'и*, *ла́дно*, *мнóго*, *потóмо*

¹⁰ С точки зрения П. Гарда и А. А. Зализняка, / ω / и / ω / нейтрализуются в [ω] [Гард 1974: 108; Зализняк 1978б: 59].

[л]). Однако написание в этих приставках буквы *ω* в безударных слогах в Мериле Праведном свидетельствует о том, что эта позиционная обусловленность в языке писцов уже отсутствовала: они воспринимали звук [ɔ] в этих случаях как представитель фонемы /ω/.

Однако в этих приставках возможно и произношение безударного [ɔ] или [õ] — представителей /ɔ/, как и под ударением: *пѣшобѣ, поѣвѣс'ат, прѣжн'ѣдиш*.

3) Суффикс *-онок-*: *роб'ѣднук*.

4) Окончание существительного 2-го склонения Т. п. ед. ч. *тоѣ-ком, ч'ѣном*. Возможно, здесь повлияло окружение согласных; так, во втором примере форманта F1 у носовых согласных [н] — 362 Гц, [м] — 310 Гц, у гласного [ɔ] — 388 Гц (о значении F1 см. ниже)¹¹.

5) Окончание звательной формы существительных 1-го склонения в слове *бабу* встречается неоднократно. Кроме окончания *-у-у*, т. е. долгого [y:], представляющего собой, по-видимому, трансформацию [ɔ] при его продлении, обычном для эмфатического произношения этой формы, в русских говорах в звательной форме чаще встречается окончание *-оу* — результат растяжения при эмфазе дифтонга [ɔy] — представителя /ɔ/: *Л'еноу* и т. п.; см.: [Голубева 1998].

6) Всегда безударная соединительная гласная в сложных словах в примерах с подобным окружением согласных: *боѣмуѣк'и* (*богомолки*), *самогѣнка, сѣнокѣсам, салѣмор'ѣск'и*. Л.Л.Васильев в примерах с соединительной гласной *о* из памятников письменности с камерной системой обозначения /ω/ — /ɔ/ (/ω/ передается буквой с камерой) отмечает только *о* и *ω* без камеры [Васильев 1929: 103—104, 109]. А.А.Зализняк пишет: «Соединительная гласная *-О-* почти всегда пишется в Мериле как *о* (<...>), правда, несколько раз встретилось “реликтовое” *ω*» [Зализняк 1979: 55, 91]. В *блѣωбоазнивына* А. А. Зализняк предполагает «не ошибку, а необычную акцентовку» [Зализняк 1978б: 67].

7) В корнях слов: *в боѣатом, побоѣате, прѣбурѣн'ат, воѣкѣѣ, догвор'ѣл'ис, огѣрот, в уѣорудѣ, дѣмѣѣ, думѣѣ, по кѣлѣтк'и, по курѣтк'и* (по колодке), *кѣрма, курч'ѣгу, ѣбѣи* (числительное), *былѣ ѣнѣ, полѣжѣм ѣвсѣ, рубѣте, ѣпрѣѣтѣла, Слѣбыдѣ, хорѣша, хѣѣст'ѣны, хѣѣстѣнѣѣ*; здесь, так же как и в рассмотренных выше приставках, безударные гласные [ɔ] и [y] произносятся рядом с губными соглас-

¹¹ Однако Г. Фант, рассматривая назализацию гласных, пишет: «Включение носовых полостей относительно мало сказывается на частотном положении двух первых формант» [Фант 1964: 157].

ными, а также заднеязычными и [l] и объяснение их возникновения и функционирования может быть тем же.

Безударный [ɔ] при ударном [ɔ̣] в той же морфеме в слободских или других русских говорах встретился в суффиксе наречий: *глубѡкѡ, нлѡхѡ, хѡткѡ*; в окончаниях существительного *на сѡѡнышкѡ*, прилагательного *ф холѡднѡм*, местоимения *с ѡтѡ, ѡтѡѡ*; в корнях слов *нѡ ѡт (вот), дѡйѡт, пѡрѡг'ѡ, скѡтѡну, сѡрѡк, хѡлѡдно*. Наблюдается чередование гласных в корне *кѡлѡн || кѡлѡба*.

В безударных слогах закрытый гласный на месте /ω/ и открытый на месте /o/ встречаются гораздо реже, чем под ударением, чаще совпадая в звуке [o]. Связано это, по-видимому, с тем, что артикуляционное (и акустическое) «расстояние» между ними под ударением больше, чем в безударных слогах. С этим связана и бѡльшая трудность опознания и фиксации этих безударных звуков носителями литературного языка. Этим, возможно, объясняется общее мнение диалектологов, что /o/ и /ω/ различаются только под ударением.

Известно, что подъѡм гласного при спектральном анализе отражается на частоте форманты F1, причѡм эта зависимость обратно пропорциональна: у одного и того же говорящего чем ниже положение языка, тем выше частота F1, и наоборот: чем выше положение языка, тем ниже частота F1, см.: [Фант 1964: 114—115, 121; Crystal 1992: 135; Кодзасов, Кривнова 2001: 160]. В рассмотренных примерах из речи женщин частота F1 ударного [ɔ̣] колеблется в большинстве случаев между 694 и 920 Гц, а в отдельных примерах составляет 938, 1008, 1078 и 1095 Гц. Таким образом, диапазон «области рассеивания» (термин А. Мартине [Мартине 1960: 70—71]) ударного [ɔ̣] 401 Гц. Диапазон колебаний частоты F1 безударного [ɔ] значительно меньше: от 606 до 833 Гц, т. е. 227 Гц. Частота ударного [ɔ̣] колеблется между 339 и 484 Гц (диапазон 145 Гц), а безударного между 362 и 502 Гц (диапазон 140 Гц).

Различие между гласными [ɔ̣], [ỵɔ̣], [o], [ɔ], отражѡнное в частоте F1, можно видеть и на конкретных примерах, где значение F1 показано справа от гласной буквы (одна цифра соответствует частоте в центральном, стационарном участке гласного, две или три цифры — в начале и конце или в начале, середине и конце гласного):

хо554рѡ484шѡ432—519—414 , *хо537рѡ467шѡ484* , *хо562рѡ450шѡ425* ,
кѡ449лѡ449ѡ (колол), *закѡ449лѡ449л'ѡ*, *пѡ462тхѡѡ450—574д'ѡт*, *пѡ425*
пѡ413скѡ339ткѡм, *пѡ425здо512рѡѡ413—537ѡ624всѡ*;

ѡ711мѡ920к, *ѡ711кѡ938шѡец'к'ѡ*, *ѡ748кѡ785шѡец'к'ѡ*, *ѡ772зѡ723рнѡ996й*, *с*
мѡ760лѡ673кѡ772м, *хѡ822ткѡ686* , *нлѡ958хѡ847* , *сѡ698рѡ686к*, *кѡ860лѡ694п*;

*кó₆₁₁лq₄₈₇ба, бó₆₉₄йкq₅₀₂, дó₆₈₆ǰzq₄₅₀, про₅₇₁mq₃₆₂кál'и, пq₄₇₅бo₅₈₆уá-
тее, вq₄₅₀дó₆₂₄й, пq₄₅₀тó₅₆₂м, q₅₀₂дббрó₇₆₃сы, хq₄₈₄у́стїнq₆₉₄й, ку́д₄₆₇₋₆₄₁-
рo₇₄₆к, нó₆₄₈ o₇₂₃братцї, Вó₈₁₀лкo₅₇₄ǰ, пo₇₄₆ ко₅₈₉сцáм, нó₇₈₁д нq₄₄₉ци (но
нó₈₈₆ци), хo₅₆₂хo₇₂₃тáл'и;*

*пo₆₂₄хo₆₃₆хo₇₃₅тáл'и, пq₄₄₉здо₅₁₉рó₅₃₇ац'е, пq₄₈₇то₅₃₇лq₄₈₇ка,
úво₅₅₄во₅₀₂во₆₉₄, до₅₁₉рq_дo₄₈₄₋₇₈₁₋₆₂₄o₇₆₃й.*

Восприятие безударного гласного в диалектной речи носителями литературного языка может быть ошибочным с точки зрения диалектной системы. Так, в слове *бq₃₃₇₋₄₃₂лшó₇₁₁й* первый гласный сначала был определен как [o], но спектральный анализ показывает в нём такое скольжение тембра, которое характерно для представитель /o/: [o̞]. В данном случае восприятие исследователя опиралось на вторую фазу гласного, отличающую его от [o] более низкой формантой F1, соответствующей более закрытому звуку.

Гласные [o̞], [o] и [o] отличаются не только подъёмом, но и степенью огубленности, наибольшей у [o̞] и наименьшей у [o], что в спектре гласных отражается главным образом на форманте F2: увеличение огубленности гласного приводит к понижению частоты F2 и наоборот, см.: [Кодзасов, Кривнова 2001: 160]. Поэтому при одной и той же частоте или близким частотам F1 гласные звуки могут восприниматься по-разному, если они различны по частотам F2, например: *пq хоз'áйс(тв)у* [o] — F1 562, F2 847, [o] — F1 562, F2 1132—1615; *догqвор'ил'ис* первый [o] — F1 500, F2 1467, [o̞] — F1 425, F2 797, второй [o] — F1 475, F2 996—1789.

4. В слободских говорах в большинстве примеров представлено полное оканье — различие [o] и [a] во всех безударных слогах.

В 1-м предударном слоге

фонема /a/: *аф'тóбус, вар'át, вражáк, гармóшка, гармóшку, глázá, даўнó, дадút, жарá, забуду, забуд'ет'е, зав'óс, загнút, закpрóцїт, заláela, запóмлїла, зашóд, какáйа, какáа-то, какyу, кабóшы, картóшец'к'и, квартїру, квасóк, кваш'н'á, крап'ил'у, мал'їна, накóрм'ит, нал'jóшї, намáжыш, намéл'ут, на пáм'ит, нашlá, нїзамўжна, нї наттї, острам'ил'и, пасéт, пахát, посадїл'и, разá двá, ржанáйа, рукавá, самá, сарáй, скажy, сказáy, старyшка, стакáшыц'ок, та-кайа, такqо, ташишyт, травy, хранїл'и, шал'эй и др.;*

фонемы /o/ и /o̞/: *боуáтыи, бойyс, бол'и'óйо, болшyи, борóск'и, борóску, борóскáй, в горáх, возїт, война, войны, в онбáр, вопpóс, вошл'и, гow'ин'йу голóдныйа, горóх, должна, до л'éта, домóй, до óсен'и, дорqга, дошlá, зов'óт, изовjót, изомнyт, изо ржyи, коwó, ко-*

гда́, ко́лотку, кому́, копе́йок, коро́ву, коро́у, коры́то, кос'и́, коси́т, косе́ат, косы́нк'а, кото́лы, кузовщи́к'и, на нога́х, на пустоша́х, ни́кому́, ни́хороша́я, об́еишы́к, ове́ц', ови́на, ов'о́с, овса́, овс'е́ана, оддал'и́, оди́елас, оди́н, одна́, окла́н, онба́ры, ору́дийе, отн'о́ссе, отрэ́пл'ут, оц'о́шут, плоша́тк'и, побэ́лышы, подáрок, подáру, подр'áт, по же́рибáу, пойд'о́м, пойдúт, помóжыт, послáбжэ, посл'едн'а, посл'ид'н'е, посóхн'ит, поста́ил'и, потóм, потхóдит, пошлó, прожн'е́ош, проши́аит, робóтал'и, робóту, робáтка, роди́муу, роди́тл'ий, розвóдчи, розд'и́л'ат, роскáзывает, рос'с'и́кл'и, свое́е, сво́о, сво́их, сво́у, с'иноко́су, скоти́ны, снопо́w-то, соба́ка, созна́ит'и'е, с тобо́й, тво́и, тогда́, топе́р, топу́рр, уроди́ла, фторо́-од гэ́т, хожу́, хожа́ина, холо́дны, хорóша, хот'и́елос'е, хоти́в и др.

Во 2-м предударном слоге:

фонема /a/: забежа́ла, заберáэт, заберéм'ини́т, загору́одат, загу́л'ау, зап'иш'у, запр'ег'о́т, запрег'е́от, запрекц'и́, заставл'е́ют, заступ'и́фса, за това́р'иш'и́а, захвати́л'и-то, захот'е́лос'о, карау́л, на бума́шк'и, на войну́, наговáр'иват, на задво́рках, назб'ира́эи, на Кавка́с, на ковра́х, на колóсйах, накоси́ла, налажа́т, нанелáс, нан'имáт, на полáтех, на полу́, на р'ек'е́, народи́вс'е, наруб'и́в, насаж'о́на, на солóм'и, насто́йашиэ, нашал'áд дак, нат счм́йо́й, самова́р, с малол'е́тк'и́й, стар'ик'и́, тракторá, трактор'и́стом и др.;

фонемы /ω/ и /ɔ/: бойе́ва́я, боро́ни́т, в по́лушал'и́чках, в пото́лқи́, городи́л'и, до в'и́сны, договáр'илас, догонéет, дожы́ваэи, дожы́гу́т, дожы́ут, дожы́ла, до ты́о, домоткáно, кож'ура́-та, молодáя, молод'и́е, молоти́ла, молоти́т, молото́ц'к'ем, н'и окроши́, ни́хорошо́, обеишáнный, об́ижáите, обиспéч'иши, обробо́тка, огоро́ды, огоро́ш'иут, окладу́т, оммо́лт'ат, опсеку́т, осторо́ж'н'еэ, отви́д'о́т, отслу́ж'и́, поб'идни́е, повил'и́, подо́гло́бл'ик'и, подре́дит'и'е, по дрова́, пожы́ла, поисц'и́, покаж'у́, покупáл'и, полас'т'и́ш', полосá, по́уц'и́фс'е, по морóш'ку, по однóй лошад'е́, по петц'и́, по пцтц'и́, попрошл'и́, посад'áт, посади́л'и, по сем'и́, посл'н'е́е, потому́ што, потр'ес'о́ш, потрудн'е́, потылу́дк, похл'ебáт, по ц'еты́.л, прожы́ла, про мен'á, просц́вáт, просток'и́ш'к'и, робет'и́шок, робет'и́ш'ка, робот'и́ш'и́а, рожен'и́ц'у, розйи́жжáт'и'е, розопр'и́ет, розош́лас, розош'л'и́, розр'еи́шáл'и, роскаж'у́, росп'ил'и́т,ображéаиш, сос'и́тáл'и, со сл'езáм, толокну́, сохрaнéют, соберу́т, соопи́шл'и, сос'и́'итáл'и, схорони́ла, холодо́у, хорош'у́д, хороше́н'ек и др.

В 3-м предударном слоге:

фонема /a/: наговори́ш';

фонемы /ω/ и /ɔ/: *освободѣ́фс'е, освободѣ́л'и, ослободѣ́вс'е, обо(б)шеств'ѣл'и, по окуш'ѣр'ку.*

В заударном неконечном закрытом слоге фонемы /ω/ и /ɔ/: в *Хáровск'ей, йáмоц'к'и*¹².

В заударном неконечном открытом слоге:

фонема /a/: *дѹмала, пер'иб'ивáлас'е, пóдал'и, појéхал'и, пр'ийéха-ла, робóтал'и, роскáзывала, уйéхал'и, х кóмнате;*

фонемы /ω/ и /ɔ/: *бóрону, вѣ́сохла, ү́споди, дѣ́н óто днѣ, за д'éто-н'ек, лүж'óново, на ху́то.г'и, нѣ́дóрого, пóдорог'и, пóлосу, по ү́óрному, ф С'имф'ирóпол'и, С'ивостóпол'и, скорóмново, стóрону, ш'óуковы́х.*

В заударном конечном закрытом слоге:

фонема /a/: в *ш'л'áпках, грү́дам, зáбраў, жéнишынам, йéхат, лóшат, му́ц'илас, óторвав, полóжат, роскáзывает, состáр'илас, со ш'л'áпкам, с рѣ́ж'икам, топѣ́лас, уйéхал;*

фонемы /ω/ и /ɔ/: в *ел'ѣ́кой пóс:, вѣ́ц'иром, в ү́истом, гóд-от, йáгот, кóлос, кр'ѣ́пкой, клю́ватор, мужы́к-от, ов'ершóной, остáлос, поднóсом, потхóдом, пóлос, полу́ц'ýлос, тр'áпок, уц'áсток, фунтов, шл'áпой, э́кой.*

В заударном конечном открытом слоге:

фонема /a/: *áвууста, брáта, вѣ́шла, два гóда, дóма, дрáка, йе́нна, јѣздѣ́ла, кнѣ́га, крáйна, лопáтѣ́на, л'убóва, мáма, нев'ел'ѣ́ка, п'ер'е-вáла, пережывáла, перѣ́жцвáла, погу́л'áла, пост'урáла, плáвда, с вáма, скородү́мова, слáва бóуу, стáла, т'áпла погóда, т'óмна старү́ха, сү́нула, фторóва;*

фонемы /ω/ и /ɔ/: *боуáцво, бóлно, деенóсто, жы́то, зв'э́дом-то, мнóго, м'éсто, нимнóшко, одд'é́лно, óз'иро-то, полóжено, прѣ́красно, трóо дѣ́тѣ́й, у кáжноо, фс'áко, хү́до бы́ло, ү́ѣтив'иро.*

Встречается также обычное для окающих говоров произношение в отдельных словах безударного [o] на месте этимологической фонемы /a/: *доүодáесе, зон'ихáйт, кок'ѣе, но мостү́, уколáла*; а также произношение под влиянием литературного языка безударного [a] на месте этимологической /o/, в том числе и в словах, заимствованных из литературного языка: *зоатéхн'ик, кал'идóр, развед'óш, развóдѣш', снапэм, тавáр'иш'и'а, тавáр'ишищѣ́й, салдáтѣ́к, скар'ейо.* В некоторых случаях [a] на месте [o] может объясняться ассимилятивным

¹² При стечении согласных внутри слова в вологодских говорах слого-раздел обычно проходит между согласными; см.: [Пауфошима 1977: 189—193; Калнынь, Масленникова 1985].

воздействием соседних гласных: *жáлавалас, жáлават'ц'е, д'и(в)-ц'óнка ат у íх,*

Однако полное оканье выдерживается непоследовательно, в результате отхода от него возникает неполное оканье, когда во втором и третьем предударных слогах и в заударных слогах на месте фонем /ω/, /ɔ/ и /a/ произносится [э].

Фонема /a/: во 2-м и 3-м предударных слогах: *дэ воз'мút, зэг'ибáт, из-зэ ивó, кэк на дрóвá, нэзывáл'и, на трэктор'ýста;* в заударном неконечном слоге: *болшúшишэйа, в'эрушишэйа, высыпéла, д'ýлгэитцэ, договáр'иэл'ис'е, йáшин'ивэйа, кáж'нэйа, кóмнэту, оввáр'ивэит, одúннаэтим, прúйэхэла, свáжывэút, тр'и гóлэ этрóбóтэла;* в заударном конечном закрытом слоге: *бр'óвнэм, водá катúлэс, двáтцэт, двáтцэд два, ид'óд дэк, лáптем ц и ш'эркам ц и ш'эркэм, прúйэхэв, склáдывэт, трúнáтцэт' л'эт, тр'úтцэт рубл'ей, туд дэг былá;* в заударном конечном открытом слоге: *гóдэ, д'úушкэ-тэ, зáвтрэ, пúтатцэ, ésta трыс'ен'úинэ ак ow'óс.*

Фонемы /ω/ и /ɔ/:

во 2-м и 3-м предударных слогах: в предлогах и приставках: *по вэскл'ис'эн'йем, дэ с'инокóса, вэбовúйт, гэт эсвэбодúт'е, идú гэд-дыхáй, тóжэ этпускáл'и, пэтамú ш'ш'е, пэутру', пэд ыкóны, прэдайт, прэжылá, рэзб'ежáл'исе, рэзош'л'íz' да, рэзр'ишáйт, рэскажы', сэберút, сэб'úйáйс'е (j < p), сэ старúхой;* в корнях: *кэрунáток (курóпáток), мэлóкó, мэлóтú, на лэшад'э, на двуу лэшэд'áх, по однóй лэшад'и, прэсток'úш'к'и, прэсток'úш'у, рэжен'úц'у, штэбы óн;*

в заударных слогах: в корнях: *вырэсл'и, выстэит'ц'е, д'ил'эк-тэришы, кóлэс, пóхорэны, пúстэи, пот стáрэс, тел'ив'ízэлу, трáхтэр, Ф'óдэра, хóлэдно;* в суффиксах наречий: *тáмэшин'и; ниудóбнэ, пóратэ, пор'áдэшинэ, тóл'кэ л'иш'и;* в окончании существительных 1-го склонения Т. п. ед. ч.: *борóскэй, грúткэй, мутобóкэй, полов'инэй;* 2-го склонения И. п. ед. ч. ср. рода: *это м'эстэ;* Т. п. ед. ч.: з закóнным брáкэм, з д'эткэм, кóлбэм, пóд окúшкэм, подрóскэм, трúбуналэм, ш'ш'итэвóдэм и в суффиксе наречия р'áдэм; в окончании прилагательных муж. рода ед. ч. И. п.: *б'элэй, жынáтэй, стáрэй, стáршэ(й)-эт, т'óнлэй;* муж.-ср. рода ед. ч. Р. п.: *вóсмэва, óсмэва гóду, колхóзнэва, п'áтэва, éstaва, úтэвэ;* Д. п.: *вел'икэму-то, éstaму;* П. п.: *п'áтэм году;* ср. рода ед. ч. И. п.: *п'áтэе, сушóнэйо, ч'ерн'ишинэйо; гр'áзнэ эк, з'úmнэ лнó, пр'эж'нэ толокнó;* в окончании указательного местоимения жен. рода Р. п.: *до éstaе;* П. п. ед. ч.: *на éstaй;* глаголов прошедшего времени ед. ч. ср. рода: *былэ разгóрóжынэ, нэ былэ, как вышлэ, слуц'úлэс'а;* в причастии *напáханэ-то;* в

указательном местоимении: *этэт, итэт*; в постпозитивных частицах: *вэз-эт, зв'эзд-эт, колхоз-эт, мост-эт, восклиц'ен'е-тэ, вѣнестц-тэ, д'элэ-тэ, дрѳ-тэ наруб'ит, жыт-тэ нада, куды-тэ жѳал'и, малы остал'ис'-тэ, нада как-тэ жыт, он-тэ, ранышы-тэ, у Анны-тэ, у от'ц'а-тэ, худо-тэ так, шыыт-тэ.*

Звук [э] на месте /ω/, /o/ и /a/ может произноситься и в первом предударном слоге перед слогом с разными ударными гласными:

фонема /a/: *зэ ийй, зэстá(в)ит, кэкайá, кэкой-тэ, квэрт'иру, кэк мál-ц'ик'и, нэ двѳр, сэжál'и, скэзáв, нѳ скэзál, стрэдáла, тэкайá былá;*

фонемы /ω/ и /o/: *бэлшй, бэрѳску, вэзмý, вэйну, вэлѳсйá, грамэ-фѳна, дэбрѳ, домэткánэá, домэткánэй, дрэвá, дрэжжэй, изэвйѳт, и энá, к экзшку, кэн'ушн'и, н'иэхѳта, обэж'áйит, уб'ил'е эднáко, вет эттудá, пэ(й)д'шй, подэшѳр, полэсá, пэнáл'и, нэрэс'áтá, пэскѳткку, пэсэхл'и, прэвѳд'ит, прэдѳлнэй, прэстэй, прэстѳе, рэззáивал'и (роз-даивали), рэскáзэват, рэскѳшныи, рэст'ѳт, слэвá, сэбáк'и, сэлѳмы, сэтр'ѳш, стáйт, за стэлѳм, стэрѳнку, тэдá (тогда), трахтэр'истá.*

Звук [э] в первом предударном слоге может произноситься при [э] и во втором предударном: *гэвэр'ит, гэвэр'у, грэмэфѳн, освэбэжá, рэзгэвэр'шм, рэскэзáла, по неэстэрѳжнэстц, хэрэшѳ.*

На месте звука среднего ряда [э] может возникнуть звук передне-среднего ряда [э], что обычно (хотя и не всегда) бывает рядом с переднеязычным согласным, который может вызвать аккомодацию этого гласного: в предударных слогах: *дэ товѳ, дэрогá, зэлэй, лѳкшуй, дв'эр'и эткрѳем*; в заударных слогах: в корнях: *с'эй гэт, нэдэ*; в постпозитивной частице: *с му́жѳм-тэ*; в окончании прилагательных И. п. ед. ч. муж. рода: *болшуйшйэй, домѳткánэй, заишч'ур'инэй, котѳрэй, похвáлнэй л'ис(т), продѳлнэй, прэдѳлнэй, н'jánэй, вѳт ýлакэй (этакий)*; в других окончаниях: *стáростэй быы, былá взрѳслэй, на колхэзнэй, жэѳтывэ.*

Соотношение примеров с [э] ([э]) в соответствии с /ω/ и /o/ неравноценно: [э] ([э]) встречается на месте /o/ гораздо чаще, чем на месте /ω/. Можно считать, что неполное оканье в слободских говорах возникло вначале при произношении [э] на месте /a/ и /o/ и только позднее в это неразличение с фонемой /a/ включается и фонема /ω/.

В соответствии с этими фонемами могут произноситься и другие безударные гласные: [ы] — *быронц'л'и, пыд ыгзѳкк; длывám, кыкэй-то, потылѳк, рыднѳй, Слѳбыды, сьѳлѳмка, сьшл'и; нэ выдá водá, жэѳтывэ*; в некоторых случаях [ы] может объясняться ассимиляцией [а], [о], [ѳ], [э] к соседним гласным верхнего подъема: *укýтымс'е, ход бы ынá (она), к ýтымý, кл'иу'кв'инныйѳ (-оѳ); [л] — тлкэй, клруѳу,*

з'імнэ лнó, јётл, прáв'инл, ф колхóз'е-тл; [а] — кáкай хóж (какой хочешь), э́тат, на пу́сташ, на́да (часто в этом слове, возможно, под влиянием ударного гласного). Возможна также диереза гласного: сам(о)ва́р, хор(о)и'ó, на девитна́ц(а)тэм, трѣтц(а)т копéрк.

В форме Р. п. ед. ч. прилагательных муж.-ср. рода в слободских говорах несколько раз встретилось окончание *-ова* в слове *фторóва*, наряду с обычным окончанием *-ово*: *луж'óново, пёрново, скорóмново*, а также с диерезой согласного: *восцмнáтцатoo* и др. Окончание *-ова* в этой форме отмечено и в большинстве севернорусских говоров с полным оканьем, часто в сосуществовании с окончанием *-ово*; см.: [ДАРЯ II, карта 45]. Происхождение звука [а] здесь может быть связано с фонемой /ɔ/, в соответствии с которой под ударением и без ударения, как указывалось выше, может произноситься ещё более открытый гласный, совпадающий с [а]¹³. Если это так, то [а] в этом окончании — след прошлого различия фонем /ω/ и /o/ в безударных слогах в севернорусских говорах, не знающих этого различия в настоящее время.

2. Консонантизм

2.1. Консонантизм слободских говоров Харовского района Вологодской области

1. Яркая особенность старшей фонологической системы этих говоров — отсутствие противопоставления согласных по твёрдости/мягкости и противопоставление гласных по переднему/непереднему ряду.

1.1. На конце слова и перед согласным — в главной диагностической позиции — могут быть только твёрдые согласные (кроме случаев, когда мягкость или полумягкость согласного обусловлена аккомодацией соседнему гласному переднего ряда). Перед гласными в соответствии с мягкими согласными литературного языка и многих русских говоров в слободских говорах могут произноситься твёрдые, полумягкие и мягкие согласные звуки, но их полумягкость и мягкость позиционно обусловлена следующими или предшествующими гласными переднего ряда; см.: [Касаткин 1999а: 154—170].

¹³ О других объяснениях [а] в этом окончании см.: [Толкачёв 1960; Русская диалектология 1972: 158—159].

Подобная система обнаружена ещё в одном вологодском говоре в Биряковском районе [Там же: 145—154], следы такой системы, а именно твёрдость согласных на месте мягких согласных литературного языка и большинства русских говоров (кроме позиции перед /е/, где твёрдость согласного, по-видимому, была исконной, см.: [Там же: 391—395]), встречаются во многих севернорусских говорах; см. [Азарх 1967; 1970; ДАРЯ, вып. I, карта 65]. При описании этих систем высказано предположение, что твёрдые согласные в этих говорах на месте мягких в других говорах не результат отвердения, а сохранение древней системы [Касаткин 1999а: 167—170].

Также было высказано предположение, что одним из следствий прежнего отсутствия противопоставления согласных по твёрдости/мягкости является твёрдость [т] в глагольных окончаниях 3-го лица единственного и множественного числа в севернорусских говорах [Касаткин 1984: 55—56].

А. И. Соболевским и А. А. Шахматовым была выдвинута гипотеза о возникновении этих форм в севернорусских говорах с [т] твёрдым в результате отвердения конечного согласного [Соболевский 1907/2004: 117, 249; Шахматов 1915: 320]. Этой же точки зрения придерживались и Н. Н. Дурново [Дурново 1924/2000: 332/308] и В. Г. Орлова, см.: [Образование с-р наречия 1970: 197]. Другое, нефонетическое объяснение данного явления было выдвинуто С. П. Обнорским [Обнорский 1941; 1953: 135—137]. П. С. Кузнецов считал, что есть основания и у фонетического, и у нефонетического объяснения [Кузнецов 1956].

Однако в истории глагольных форм 3-го лица не было отвердения [т] в собственном смысле этого слова. Возможная нетвёрдость согласного звука в позиции перед [ь], обусловленная этим гласным переднего ряда, утрачивалась вместе с падением редуцированного гласного; см. [Касаткин 1999а: 93]. Позиционно обусловленная вариация фонемы /т/ в связи со сменой позиции заменялась другой вариацией той же фонемы — твёрдым [т]. Возникнув фонетическим путем в говорах, не знавших противопоставления согласных по твёрдости/мягкости, [т] твёрдый в окончании 3-го лица глаголов мог заимствоваться и говорами с другой фонетической системой.

Не случайно, что написание форм 3-го лица с конечным *-ть* на месте прежнего *-ть* «первоначально (<...> обнаруживается в письменности русского Севера» «в памятниках с XIII в., но особенно распространяется в конце XIII и в XIV в.» [Иванов 1982: 60], т. е. в эпоху, непосредственно следовавшую за падением редуцированных гласных.

Таким образом, произношение твёрдого [т] в этих глагольных формах в севернорусских говорах можно считать вслед за А. И. Соболевским [Там же: 103] одним из следствий падения редуцированных.

В большинстве русских говоров древняя система с отсутствием противопоставления согласных по твёрдости/мягкости и противопоставлением гласных по ряду заменилась системой с противопоставлением согласных по твёрдости/мягкости и отсутствием противопоставления гласных по ряду, а в части северных говоров этот процесс замедлился или не произошел вовсе. Возникает вопрос, чем объясняется это различие между русскими говорами, что сдерживало эту замену прежней системы согласных новой системой в части севернорусских говоров или препятствовало ей? Возможно, в этом случае следует предполагать влияние местных финно-угорских языков.

1.2. С характером системы согласных связано и наличие или отсутствие у твёрдых согласных веляризации — приподнятия задней части спинки языка к задней части нёба. Это свойство твёрдых согласных возникало в русском языке в связи с образованием категории твёрдости/мягкости согласных; см.: [Касаткин 1999а: 185—188]. Твёрдые согласные русского литературного языка и многих русских говоров, как известно, веляризованные. В севернорусских же говорах твёрдые согласные могут быть невеляризованными, у них отсутствует задний фокус. Такая артикуляция может создавать эффект неполной твёрдости, полумягкости; см.: [Кузнецова 1977: 93; Пауфошима 1978: 27; Чекман 1979: 45—46].

Следует различать отсутствие веляризации и полумягкость. Полумягкость согласного вызывается небольшим сдвигом тела языка вперёд и приближением вследствие этого передней части спинки языка к передней части нёба. При мягкости, т. е. палатализованности, согласного эта артикуляция выражена в большей степени. Поэтому невеляризованные согласные могут быть твёрдыми и полумякими. Мягкие согласные всегда невеляризованные.

Артикуляторное инструментальное исследование твёрдых согласных слободских говоров, как и других севернорусских говоров, с точки зрения наличия или отсутствия у них веляризации не проводилось. Такое исследование предполагает «применение рентгенологической методики, что пока в полевых условиях неосуществимо» [Пауфошима 1978: 27]. Поэтому об отсутствии веляризации у твёрдых согласных слободских говоров можно судить по особому повышенному тону, характерному для невеляризованных согласных.

В слободских говорах невелиаризованными являются главным образом переднеязычные согласные, губные — чаще велиаризованные, у заднеязычных согласных велиаризация — основная часть их артикуляции, они — велиарные. В позиции перед гласными заднего ряда верхнего подъёма [у], [ы] и губные и переднеязычные согласные велиаризованные: поднятие задней части спинки языка к мягкому нёбу, необходимое для [у], [ы], распространяется и на предшествующий согласный.

1.3. О невелиаризованности переднеязычных согласных говорит и характерное для слободских говоров и обычно связанное с невелиаризованностью согласных в других языках произношение альвеолярных согласных на месте зубных литературного языка. Альвеолярная артикуляция согласных легко определяется на слух и визуально.

Артикуляционную базу старшей системы слободских говоров характеризует сдвинутость назад артикуляционного фокуса переднеязычных согласных. На месте зубных согласных литературного языка и многих говоров в слободских говорах произносятся альвеолярные согласные — апикальные, когда с альвеолами смыкается или к ним поднят кончик языка, или какуминальные, когда вверх загнут весь передний край языка: [л], [т], [д], [н], [ç], [з], [ц'] и постальвеолярные ретрофлексные, когда кончик языка загнут вверх и назад: [л̠], [т̠], [д̠], [н̠], [ç̠], [з̠], [ц̠'], а также [ц̠], [ж̠]¹⁴. О таких согласных в севернорусских говорах см.: [Высотский 1967: 47; Кузнецова 1969: 44 сл.; 1977: 64—70].

1.4. Отдельный вопрос — отвердение так называемых исконно мягких согласных. В слободских говорах старшая система характеризуется мягким цоканьем. Отвердение же щелевых шипящих — не завершённый процесс.

Почти у всех представителей слободских говоров фонемы /ш/, /ж/ в большинстве позиций представлены твёрдыми невелиаризованными звуками [ш], [ж]: *шаршáвый, на шалну́и, нáша, покушаат, булшáйа, хорошбá, ов'ершóной, шэ́рк, нáшо, шест'и́, шэ́сто́м, картóшец'к'и, вы́шэв, рáнциэ, хорóшэй, в йед'инол'и́ином, руинáйа; пожáлуй, вы́-*

¹⁴ Для обозначения альвеолярных согласных на месте зубных литературного языка и многих русских говоров здесь используется точка под буквой; такое же обозначение см., в частности: [Кузнецова 1977: 72, 95; Зиндер 1979: 149—151]. Для обозначения постальвеолярных согласных на месте зубных и отодвинутых назад щелевых шипящих используется знак Международного фонетического алфавита [̠], обозначающий там отодвинутые назад гласные; см.: [Ладефогед 1999: 29, 31].

р'еж'ат'у'е, жан'и́, жан'и́х, жал'и́езо, жол'тый, жон'и́х, смóжот, жерд'и́ну, полóжено, э́жэл'и, скáжэт, полóжэн, кáжноо. После таких [ш], [ж] произносится гласный [ы] среднего ряда: *на́шы, м'ёншы, б́шы, жь́л'и, ржы, рэ́скажы́, мужы́к, ц'ужы́йе, зажы́точный, полóжы́т, ужы́шиша, жы́в'ём, жы́в'э́тц, полóжы́м, пожы́рне́е, жы́т'я́, во́жжы,* тогда как после других твёрдых согласных обычно произносится звук [ы] заднего ряда. Возможно также произношение невелиаризованного [ш] перед [ѳ]: *маши́ны, шц'р'ок'ийо.* Гораздо реже после [ш], [ж] встречается произношение [ы́] заднего ряда, в этом случае [ш], [ж] велиаризованные: *вы́сушы́м, мужы́к.*

Обычно [ш], [ж] велиаризованы также перед [ɔ], [у], могут быть велиаризованными перед заднеязычными согласными: *хорош'о́, хорош'у́, отёдуш'т, бо́лу, шк'о́ла, к ок'и́шк, под ок'и́шк.*

У некоторых представителей слободских говоров, главным образом в позициях перед и после [и], а также перед мягкими согласными, изредка встречается произношение полумягких [ш'], [ж'] и мягких [ш''], [ж'']: *ст'ёл'иш', в'ид'иш', скос'и́ш', скос'и́ш':, об'ер'ош':, пл'иш'л'и́, стару́ш'ка; ж'ц'л'а́, наж'н'ом; — хор'ош'и́х, посм'отр'иш', руб'и́ш', робет'и́ш'к'и, проток'и́ш'к'и, пл'иш'л'и́, ш'j'ош ц'и ш'j'ош, жэ́нш'ин'и, ш'ш'ит'а́д дак, сош'ш'ит'а́т, ш'ш'ит'э́в'о́дэм; ж'и́л'и, ж'и́в'о́т.*

Артикуляционное различие между этими звуками состоит в разной ширине глотки, что связано с положением тела языка, и в степени поднятия средней части спинки языка к твёрдому нёбу. При произношении твёрдых [ш], [ж] тело языка отодвинуто назад, между корнем языка и задней стенкой глотки наименьшее расстояние (такие согласные некоторые лингвисты называют фарингализованными; см.: [Зубкова 1974: 37–41; Дюрэн 1977: 74–80; Касаткин 2006: 43–44]). При велиаризованных [ш], [ж] задняя часть спинки языка приподнята к мягкому нёбу, при невелиаризованных — средняя и задняя части спинки языка опущены и лежат ровно. При полумягких [ш'], [ж'] тело языка немного продвинуто вперёд, средняя часть спинки языка несколько приподнята к твёрдому нёбу. При мягких [ш''], [ж''] тело языка значительно продвинуто вперёд, средняя часть спинки языка приподнята выше и вместе с задней частью составляет горку от поднятого кверху кончика языка. Чёткой границы между мягкими [ш''], [ж''] и полумягкими [ш'], [ж'], а также между полумягкими и твёрдыми [ш], [ж] нет, поэтому в некоторых случаях мягкость, полумягкость или твёрдость этих звуков можно определить лишь условно.

У одного информанта — Руфины Петровны Коноплёвой, речь которой была записана в д. Арзубихе М. Н. Преображенской в 1967 г. и Р. Ф. Касаткиной в 1971 г., в соответствии с /ш/, /ж/, наряду с твёрдыми невелиризованными звуками, гораздо чаще, чем у других представителей этого говора, могут выступать мягкие и полумягкие звуки. Этот случай — подтверждение положения о том, что речь разных говорящих на одном и том же языке или диалекте может отражать различные этапы течения фонетического процесса.

Данные русских диалектов позволили установить, что отвердение щелевых шипящих согласных по-разному происходило в разных позициях; см.: [Русская диалектология 2005: 67]. В речи Р. П. Коноплёвой звуки на месте /ш/, /ж/ распределены по позициям следующим образом.

Перед [а], [о], [у], [е] возможны мягкие [шʹ], [жʹ]¹⁵, больше примеров на полумягкие [ш̣], [ж̣], чаще всего произносятся твёрдые [ш], [ж]:

— перед [а]: *держ'át, бож'áта, бож'át, ж'áлобы, пож'áлуста, держ'ál, полóж'ат*; — *káш'а, потсуи'ат, хорóш'а, слýш'ай, слýш'ал'и; обэж'áййт', б'еж'áло, убеж'áла, бож'átника, ж'áлыўц'е, пож'áлуста, полóж'ат, ж'алáэт, слýж'ат, стóрож'а*; — *м'ишáййт, м'ишáл'и, исклюшáт, розр'ешáл'и, ф' полушáл'ц'иках, шал'эй, ф'ершáл'иц'а, нашáл'ád дак, лóшат, на лошáд'и́е, на лошáд'и́, Сáша, кáша, нáша, пáпáша, хорóша, ф' кáлóшах, слýшал'и, св'éшáййт; вражáк, обр'ежáиц'е, жáла, сáжáл'и, пожáлуста, вырежáл'и, улажáла, уважáл'и, убежáла, жáлавалас, не жáлыўсе, жáднац, жарá, жан'ит'ц'а, полóжат*;

— перед [о], а также [о], [о]: *уш'óў, хорош'ó; луж'óнаа, насаж'óна, — бол'и'óйо, пош'óў, ш'óўковых, в ш'одковóм, хорош'ó, хорош'óд, робет'иш'ог дак, картóш'ок; луж'óново, луж'óныйо, ж'óўта, ж'óўтуйу, ж'óрты́м, с му́ж'ом; ш'óркам (шоркаем)*; — *хорóшó, робет'ишок; тóжо*;

— перед [у]: *высуш'у; покаж'у; — зап'иш'у, прэсток'иш'у, кáш'у; л'еж'у, кож'у́к'и, деш'у́р'ит*; — *од'óжу, об'и́жус'е, погláжус*;

— перед [е]: *жéж'ел'и, мóж'ед быт*; — *горш'éц'ик, окуш'ёр'ку, снош'ёл'н'иц'и, хорош'ён'ег дак, ш'ерс'т'аньйó, хорóш'ей, нáш'ево, порáнш'е; слýж'ён'йó, ж'eláэ(т) дак, теж'elóá, ж'ен'и́вс'е, ж'ен'и́-*

¹⁵ После мягких согласных произносятся упреждённые гласные [а̣], [о̣], [у̣]. В приводимых здесь примерах эта упреждённость гласных после мягких согласных, как правило, не отражена, не показана диакритическим знаком.

л'иц, ж'ес'т'аной, обд'аж'ено, к'аж'етц'о, т'ож'е, д'аж'е, хуж'е, эж'ел'и; — горш'ец'к'и, хорош'ен'ек, шес (шесть), окрош'ет'ц'е, пше-нищ'и, на лош'ед'ах, л'аш'ед'ах, болше(н)ств'о, обо(б)ш'еств'ил'и, шер-с'т'ан'ым, карт'ош'ец'к'а, хор'ошей, н'аш'ей, п'ишет, р'анше, пор'анше, пост'алше; бож'ествинноэ, пл'игож'ен'ок, ж'ениш'ина, ж'ениш'ину, рожен'иц'у, рожен'иц'у, жен'их, жен'и(л)с'а, жен'иц'ф'о, т'аж'ел'о, эж'ел'и, й'эж'ел'и, пом'аж'еши, скаж'ет, т'ож'е, д'аж'е.

Твёрдые [ш], [ж] и полумягкий [ж'] встретились перед [э]: по-хуж'э, — ум'ейш'аму (умёрш'ему), р'анш'э, пом'аж'эт (3 л. мн. ч.).

Иное соотношение таких примеров перед [и]: чаще всего произносятся мягкие [ш'], [ж'] и гораздо реже полумягкие [ш'], [ж']: суш'ит, суш'ил'и, высуш'ит; муж'ик, ц'уж'им, л'еж'ит, служ'ил, б'еж'ит, ж'илу, ж'илы, ж'ила, ж'ив'от, ж'и(в)уд дак, ж'ив'ит'е, ж'ирнов'а, ж'ин'иху, муж'ик'оу, н'ож'иком, с р'ыж'иком, р'ыж'ик'и, р'ыж'иков, с р'ыж'икам, пол'ож'иш', пол'ож'ит, л'ож'ив, пол'ож'инэ; — каш'и, стак'аш'иц'ок, хор'ош'ийе; ж'илу, ж'ил'и, ж'ив'од дак, прож'ив'от, муж'ик'ом, р'ыж'ик'и, р'ыж'иков. Дальнейшее изменение приводит к произношению гласного передне-среднего ряда [и], перед которым только полумягкие и твёрдые звуки: уш'иб дак, уш'ип, ш'ирок'ийе, каш'иц, хор'ош'иц; ст'ал'и ж'ит, ж'ил'и, пож'и(в)ит, служ'ил'и, пож'иц, отслуж'иц, служ'иц, отслуж'ит, муж'ик'од; — бол'иш'ийо, бол'иш', высуш'ит, выш'иц; р'ж'и, ж'ил'и, ст'ав ж'ит, скаж'иц, л'еж'ит'и, пол'ож'ит; а затем гласного среднего ряда [ы] и заднего ряда [ы], перед которыми только твёрдые согласные: бол'иш'ийо, бол'иш'и, небол'иш'ийе, ш'ирок'ийо, д'ил'экт'арш'и, каш'иш'и, стак'аш'иц'ок, хор'ош'ийэ, хор'ош'ым, краш'иш'и, р'анш'и; ж'ын'ат'эй, м'ож'ыт, нам'аж'ьш'и, пом'аж'ьж' ж'ак (дак); и ш'ифан'еры; р'р'ж'ы.

Перед мягкими согласными и [и] чаще всего произносятся мягкие [ш'], [ж']: кваш'н'а, остор'ож'н'ейе, розош'л'и, ш'т'ей, ш'т'и, изб'уш'к'е, горш'к'и, гор'ш'к'и, со ш'к'ам (щам), н'ош'к'и, преснуш'к'и, преснуш'к'и-т'и, изб'уш'к'и, карт'ош'к'и, сош'ют, по б'ож'иш', — ф'ил'апках, вош'л'и, пр'иш'л'и, пош'л'и, ш'т'ам зв'ал'и, ш'т'и, ш'к'и, горш'к'и, карт'ош'к'и, мор'ош'к'и, в'ерхов'аж'и; — й'аш'иш'и, п'аш'иш'и, т'амаш'иш'и.

Перед твёрдыми согласными [ш'], [ж'] встречается немного реже, чем [ш], [ж], ещё реже произносятся [ш], [ж]: пиен'иш'ныйо, н'онеш'ноо, уш'ла, уц'ла, ну ш'т'о ты, за уш'к'о, од'иш'ка, стар'уш'ка, мор'ош'ка, карт'ош'ка, изб'уш'ку, робет'иш'ка, робет'иш'ка, бат'уш'ко, бат'уш'ком, мат'уш'ка, д'еуш'ку; сл'уж'бу, пр'эж'нэ, — нар'ош'но, пор'ад'ош'но, гр'иш'но, уш'ла, ц'ла, пр'иш'л'ос, ш'т'обы,

и́'кóлы, и́'кóлы, ф и́'кóл'и, кор'еш':кám, гори́'кóв, нимно́ш'ко, избу́ш'ка, избу́ш'ку, лукóш'ко, морóш'ку, картóш'ку, д'éуц'кам, робет'и́ш'ка, с робет'и́ш'кам; кáж'нэйу, неосторóж'но, прот'áж'но; — попи́р'óишы, уцлá, розошлáс, итóбы, йéште, п'(р)ишлá, ф и́'кóл'и, на и́'кóл'н'ико́; гу́мáжныи, протéáжно.

На конце слова также возможны мягкие, полумягкие и твёрдые шипящие:

— перед паузой: *то́л'кэ л'иш':, а уш', дак уш'; — нац'и́с'тциш', по́лбж'иши, развóдциш', вáр'иши, наговор'циш', стыд'и́ш', моéш' моéш' || др'есвэ́ нако́л'т'иш', ид'óш', исто́рк'óш', зáмуш', э́т'и хош', не бóдет уш', тракторá уш', тогдá уш', — рш:; развед'óш, потр'ес'óш, на́мáжыш, поду́майеш, сéд'еш, убйéш, назб'и́рэш, зна́аш, д'éлаш, фс'игдá уц;*

— перед следующим словом, начинающимся с гласного: *гл'едии́ш' и хвáтцт^h, пол'jóш' иш'и'о, вóт уш' и, э́тэ уш' и до́к'а, поди́ уц' и нц́т, вóт уш' э́та, уш' э́тэ, глáд'иши' э́то, уш' онá, вар'и́ш' э́т; — нал'jóш' и вс'о, óн уш' ц зэ́стá(в)ит, дак уш' он, — помáжеш ц и́с'и́, зна́еш э́тот, стáн'иши о́вáр'ивэ́т, дак у:ш' онц́;*

— перед следующим словом, начинающимся с согласного:

мягкого: *зáмуш' н'ил'з'á, посцд'и́ш' в'ет, у нáс уш' н'éт, уш' н'и смогáэт, уш' јéж'ел'и, розвóдциш' и́х', л'иши' йему́ — думáаш м'áса;*

твёрдого: *полáс'т'иши' потр'ес'óш, стóрош' ход'и́ы, зна́аш' коды́, уш' вóт, э́тэ иш' вóт, уш' тáм, онá уш' как в'éрушишáа, уж' бóлно слáткá; — подóш' вóт, уш' мнóго, а уш' мы́, тáк уш' на пám'ит, уш' тáм, уш' на войну́, уш' кáк-тэ, тáм уш' кровáт'и, уш' ход'и́в, иш' робет'и́ш':кá; — вс'о уш' тóт, зна́аш' намнóт, зна́аш' намóц'ат, зна́аж за брaтáна, зна́эж бы́ло, на́мáжыж жáк (дак), нáж бы́.*

На конце слова мягкие и полумягкие шипящие встречаются с одинаковой частотой, твёрдые несколько реже. При этом просматривается некоторая позиционная прикреплённость: перед мягкими согласными следующего слова почти всегда произносятся мягкие шипящие, тогда как перед твёрдыми согласными мягкие шипящие встречаются гораздо реже, чем полумягкие и твёрдые вместе взятые. В некоторых примерах можно предполагать влияние предшествующего и следующего [и], [й] (ср., например, произнесённые одна за другой формы 2-го лица ед. ч. глаголов *полáс'т'иши' потр'ес'óш*).

В сочетании двух целевых шипящих выделяются примеры с неодинаковым произношением первого и второго согласного, где боль-

шая степень палатализованности связана с соседним гласным переднего ряда, а меньшая — с гласным непереднего ряда: *иш'шó*, *пл'и-еж'жál'и*, *рóж'ж'ен'иц'к'и*. Кроме того встретились следующие примеры: *в'эруш'и'иу дак*, *тодст'и'и'ие*, *муш'и'ина*, *муш'и'ину*, *иш'и'ó*, *пэтам'и'и'е* (потому что, ср.: *ш'ш'о*), *кák ш'ш'о* (что); — *порóц'и'ем* (полощем), *иш'и'ó*, *иц'и'е*, *робот'áш'и'а*, *болш'и'и'а*, *болш'и'и'их*; — *обеиш'и'анный*, *св'еиш'и'ен'н'ик*, *св'еиш'и'ен'(и)к*, *ишше*, *ишшо*, *пошшó*, *пошш'и'пл'ит*, *ошш'и'пайу*, *ишш'и'пál'и*, *ишш'и'л'áла*, *ишш'и'котур'ом*, *ишш'и'экотур'ила*, *ишш'и'экотур'и(т)*, *зав'ид'и'ишшей*, *з'ишшу*, *в'эрушш'и'яа*, *тавар'ишш'и'ц'ий*, *дрэжж'эй*. Сокращение долготы произошло в словоформах *жéни'ина*, *жéни'ину*, *иш'е*, *иш'ó*, *пр'и-и'ж'эй*.

Таким образом, произношение щелевых шипящих в языке этого представителя слободского говора подтверждает известные по другим русским говорам закономерности процесса отвердения щелевых шипящих: позициями, в которых дольше всего сохранялись мягкие шипящие, были позиция перед [и] и позиция перед мягкими согласными. Кроме того возможно было и влияние предшествующего гласного переднего ряда. Данные этого говора свидетельствуют также о том, что при переходе от палатализованного шипящего к твёрдому велляризованному промежуточными ступенями было произношение полумягких согласных, а затем твёрдых невелляризованных.

2. Система консонантизма слободских говоров отражает переходный этап от противопоставления согласных по напряжённости/ненапряжённости к противопоставлению их по глухости/звонкости.

Русские говоры с системой противопоставления согласных по напряжённости/ненапряжённости были обнаружены в Архангельской обл., описан комплекс фонетических черт, характеризующих эту систему, и высказано предположение, что она — наследие древнерусского, и праславянского, и праиндоевропейского языка, а её сохранению способствовало окружение финно-угорских языков [Касаткин, Касаткина 1992; Касаткин 1999а: 227—274]. Позднее в большинстве русских говоров эта система заменилась системой с противопоставлением согласных по глухости/звонкости, и весь прежний фонетический комплекс заменился новым комплексом звуковых черт. Однако в некоторых говорах процесс перехода от старой системы к новой происходит в наши дни, свойства прежней системы проявляются в сохранении некоторых её фонетических особенностей.

2.1. Одной из таких черт является слабая напряжённость артикулирующих органов при произношении звонких согласных. Следст-

вием ее может быть слабая смычка органов речи или её отсутствие при произношении смычных согласных и более широкая щель при произношении щелевых согласных. На месте смычных возникают щелевые согласные, на месте щелевых — аппроксиманты, т. е. согласные с более широкой щелью (для обозначения таких согласных здесь используется знак Международного фонетического алфавита [ɹ], употребляющийся там при пониженных гласных), и неслоговые гласные (примеры см. ниже в характеристике реализаций фонем).

2.2. С прежней системой противопоставления согласных по напряжённости/ненапряжённости связано и произношение в консонантном сочетании первого шумного согласного напряжённого, а второго ненапряжённого. Это проявляется в следующих особенностях слободских говоров.

Возможна бóльшая долгота первого согласного, встречающаяся в таком сочетании в некоторых случаях в сильной фразовой позиции: *зус_{106т79бййе}* (цифры справа снизу от буквы обозначают длительность в мс соответствующего звука), *гармонѝс_{126т65а}*, *м'ѝс_{146к'76и}*, *пѝс_{18н78бййо}*, *тос_{106к78овала}*, *ц'ѝс_{143т80ойо}*, и *с₁₄₇ в₄₅ойнѝ*, *кор'еш_{150к84ам}*, *мер'ѝш_{194к81а}*, *морѝш'118к66а*, *паш_{167н50ц}*, *попир'ѝш_{166н53ы}*, *гор'ш'147к'8тѝ*, а также *м'ѝс:ту*, *кѝс':т'ат*, *пр'ѝс:трѝгэѝ*, *пращ'ѝнл с:кэзала*, *робет'ѝш':ка*, *подуш:койу*, *пор'адош':но*, *вѝщ:ла*, *ѝз':д'ет (ездят)*.

При продлении щелевого согласного в начале слова может возникать начальная фаза другого места образования: *бѝѝѝ фѝстар'ѝк*, *оп'ад жы вѝсудá (сюда)*, *это он вѝбѝрник не вѝс серѝбрѝный* (в последних двух примерах может быть и приставка *в-* при её отсутствии в этих словах в других говорах; см. также отмеченные в севернорусских говорах слова *взáвтра*, *взадáром*, *взáмуж*, *взáмужем*, *взарáз*, *взачастую*, *взгорѝть*, *вздрѝлой*, *взимѝй*, *всквозь*, *всоединѝть* в [СРНГ, вып. 3–5; СГРС, том II; АОС, вып. 4, 6–7]).

Перед щелевым согласным может возникать смычка того же места образования: после паузы — *ѝзатѝн'ат*, после гласного — *ов'ѝрс*, здесь слабая краткая смычка языка с альвеолами перед [ç] производит впечатление звука [р]. Перед смычным согласным может возникать щелевой того же места образования: *кодѝѝ ѝпозастывáэ(т) вот эт настѝ бывáѝут; другѝй стѝбѝжэ тáг д'ѝлаат; щтáло щт'ѝснэ*.

Встречается прогрессивная ассимиляция согласных: *с'с'ѝны (стѝны)*, *ссу'н'и (ступни)*, *з'ѝлаит (сделают; здесь ещё и стяжение одинаковых согласных, см. ниже)*, *хл'еп фѝѝдал'и*, *за шчѝ (< што 'что')*, *ш'ш'о (< ш'то 'что')*, *пошиѝ (< пошто)*; *намáжыж жак*

(*дак*) — здесь сочетание [жд] на стыке слов изменилось в [ждж], а затем смычный между двумя щелевыми выпал; *руц'к'и с потхóдо(м) мош'к'и (ножки) с поднóсом* — здесь [н] после [м] предшествующего слова изменился в [м], а затем долгий [м:] на стыке слов сократился.

Вставка [т] в сочетании *сп*: *о́страм'ул'и*; [д] в сочетании *зр*: *здр'éлаа*.

2.3. Долгие согласные на конце слова перед паузой встречаются в сильной фразовой позиции: *в40.л'100e128c220, вoдá к76a75т80ú45l62a79c190, что ц'ивó в'72ó92c258, наш к83o59l31x95ó120c245, на н'úжный п85l67á117c250(м), в'53e80l'60ú106k46o80ú77 п92ó138c180(м), с50k85o91c94ú109ш190, вьгp'иб'еш88 o61б'72u85p'26ó195ш172, с97т90ы190d'72ú152ш'224, п36o116-д45ú202м70a113ú57e100ш224, п32l66a79x234, м64o122x178, в57 258o71p33o90-д82á239x255, а также ни удалóс:, квáс:, т'ос:, л'ес:, с''úел'и ов'ós:, на квáкáс:, аф'тóбус:, зáбрау нас:, бéспокóисе (о)в (= об) вáс:, поис: (поесть), дас:(т); *гр'ех из ус:(т), éту рóш:, в горáх:, ч'éрез úx'x, дáл'и дóм:, колу́óm колóл'и | ну́ фс'ó топóрp, схватúы топу́брp*; то же может быть и перед словом, начинающимся с согласного: *с103 o92-б54ó140и98x194 к73o102н'88ц'86é150ú70*.*

Продление фазы взрыва у взрывных согласных приводит к прозношению на их месте придыхательных согласных: *нару́б'ит^h, хвátит^h, дол́жнá пр'убыт^h, апетúт' пр'уд'от^h, ж'ив'от^h, вьжгут^h, гул'эт^h, так^h, вот ц'já дак^h, ни давáл'и дак^h, н'и родныи дак^h, с'ин'úk^h*.

На конце слова [к^h] мог изменяться в [кx], а затем в [x]: *а зна́й(у) дэх скажу́, ах прóсто с нéц'и, тах и обр'езáэт*.

2.4. Возможны импловивные согласные на конце слова перед паузой: *п'ил'úт, што́júт, ид'от, сцүстоок'édт, д'éлаэт, п.л'ипу́туват, пр'ив'áзвáаат, вeщóй вот, не свóй вот*.

Возможно и отсутствие согласного в этой позиции: *зав'áжэт ыjú и б'ер'ó(т), дбýгу л'и éто з'д'éла(т), нуц'óноц'кú трú не прпнес'ба(т), и он'át ц'налажáэ(т)*.

3. Записываемая на магнитофон диалектная речь спонтанная, она строится по тем же законам, что и спонтанная литературная речь. Так, в ней возможна диереза (выкидка) отдельных звуков и целых звуковых блоков (часто при повторении одинаковых или фонетически близких слогов — гаплогогия):

ýа слыхáла вот от сво́(ý) мáтк'и; в мойó(ý) в жьзы́нощцú вот пзl не мьýсе, с этэ(ý) вер'óзкой, со мнó(ý) однá жцлá, а зна́й(у) дэх скажу́, недóбго л'ежы(т) шóбы не изьéда; он тák'ийо розулá(д)и(т) штобы нé было мориын; клáд'а(т) хтору́йо (кладёт); мы вод бáн

пос(т)лоил'и; с радос(т)йу, по хоз'айс(тв)у, својо сопст'(в)енџ, јес'л'и (у) м'ин'а былá бы д'эушка | (а)к'(j)а и з'д'елáла;

он л'эж'ит нџ хód':(ит) дак; внџц'к'е прџижсáй(ет) дак; не знá(ет) куда йтџ, на р'еку скód'ад да || прокатá(йут) да и фс'ó; да двáц(ать) п'átáйе эт(о) н'и двáтџэт' шестóй(е); у мен'á тóтэй сын-от вџи(ше)йо образовáн'(ие) им'ййет; этá уш' и дóц'к'а в'эру(йу)шишáйа; вот ытаа подóш(ва) вон к этó(му) м'эс:ту; а анá з'д'елá(ла) жóртэй; варén'н'о (<...>) мал'ינוу(во) вóт ч'йтџн'ку (чү-точкү); дожыlá до пёрво(во) áвугуста; эн посл'эднó вр'ém'а с кáлхóзн:(ово) сошóр пр'иц'идáтел'а; у кáжно(во) сво́й бы(о) онвáр; а у кáж'но(во) бџло пó тр'и по ц'етџр'е; хџзе стáро(во) б'удет; нáс вóт пóџ крáш(еный) но оџ óц'иџ холóднџй; а млáчиый трактор'йстóм || вот млáчи(ий)-от и сид'иџ; йа с тобóй нџ договáр'и(ва)лас (<...>) а óн гыт | кáк не договáрџ(вали)с | йéсл'и мы бы с тобóй бы нџ договáр'и(в)эл'ис'е йá гэд бы нџ зашóр; трџтџц(а)т копéрџ дам; а иџ вóт с'á(ду) дџмаи (думаю); нáда (йе)жо вџдрат; нац'инáат жо (еџ); ска(зала) нџ вџ опетџт (в севернорусских говорах для передачи чужой речи может употребляться глагол сказал (-ла, -ли), который часто выступает в редуцированной форме ска; в южнорусских говорах обычно в этой функции употребляется глагол говорит, который также выступает в различных редуцированных формах).

Сочетания одинаковых или близких по артикуляции согласных и гласных часто стягиваются. Такие сочетания обычно встречаются на стыке слов:

дáр бы бóу здорó(в)йе, онá со м(н)óй р'áдэм, ф с'ин'(н)ик'и, ом'(м)итáйут с''éно (обметают), обраш(и)áл'и, ишó, эн тóл'к'а иш'ó уш' ходи́в мол'ит'ц'е (ш'о < ш'и'о < ш'то), пр'ишжáйут;

собáк у íх' та(м) мнóбџго, сџлуж'и(в) фс'у сџлуж'бу; óн уш цспытá(в) фс'ák'ийá жызн'и; и зубó(в) в рóте нет; скэзá(в) вóт кос'и тџ(т) да; лáша(т)-ту уш'ид'иџ; то в áрм'ийу вџзозву(т) то в л'эс ув'ид'ет; от пл'иџиде(т) там; уш'и.áа(т) там; у ворó(т) дв'е пáрк'и стойáт; толокáнов продавá(т) дак; в л'эс н'и хóдџ(т) дак; во(т) домов вóсџмџс'ат; тџ(т) дџц'и нџдалекó жыв'эт; а госудáрсто не здџла(т) да(к) колхóзы лáзџ з'д'илайут; ка(к) хтó о(т) тут не затвор'ид дак' ет вџскоц'ат; хџдо бџло и(з)-за хл'éба; эт'и у(ж) з имóвк'и-т'и вóт оџ'е сџтар'иннџи-тџ уш; не бџду пот' корóво(й) йа ум'ирáт; к этó(й) јáм'и; отéц' (с)хóдџт запр'ег'ót; вот шáн (< вот тџиан = чан); пр'ишжáйу(т) г'эрбоват (вербовать);

бо(о)шџнстџз; а бó(о)шэ н'ихтó; т'иб'е кó(о) и мн'е кóр (кол — мера длины); эту о(о)ц'и́ну; зџ'елá(о) он; эт'и полов'ик'и тóл'ко (о)т

*џх пы́л одна́; ток(о) одна́ко недо́ждь; џкóво-(о)т н'э́ту; шт(о) она́
 фс'ех кр'џпу'ей; на́ мост(у) у на́з бы́ла вер'овка; на э́л'э'у (у)ш џ по-
 об'џдџсе; он с а́рм'иш пр'ишó(џ) уш; дватцетџ годó(џ) уџ'џт'џ'е
 на́дэ; вот она́ мно́го на́ко́сџ(а) а́ мне прџдџтџ тра́ву-т(у) увџстџ;
 открьџаџ'е) э́та отръџаџ'е в џџх закрџшоџ'к'а; укџтымс'е
 (о)дџџáлом; сџџ-то бџспо́кџс'е (о)в (= об) вáс; м'ин(е) одџвџце-то
 вџт хот'э́лџсе; там џдџт и собáк(е) и э́џ тџже.*

4. В состав согласных фонем входят: губные /п/, /б/, /ф/, /в/, /м/, переднеязычные /т/, /д/, /с/, /з/, /ц/, /н/, /л/, /р/, /ш/, /ж/, среднеязычная /ј/, заднеязычные /к/, /г/, /х/, /ҕ/ — 20 фонем. Они представлены следующими звуками.

Губные согласные

Фонема /б/ обычно реализуется смычным взрывным звуком [б]: *ба́буџка, бо́џко, бэх, болнџ'у, бо́лно, бо́лушџџ, робџты, будџт, бух-
 нут, бы́ла, не бывáла, быџ, горбџл'к'џ, робџт'џшка, соберџт, рџблџй,
 обрад'э́ла, обробџтка, добрџд, набџџт.* Перед гласными фонемами
 переднего ряда возможно произношение [б']: *б'џд'н'акџџ, Злџб'џха,
 б'э́џџо, тџб'э́, в џзб'џџ, роб'џта, срџб'џт.*

При ослаблении напряжённости нижняя челюсть не поднимается достаточно высоко, губы расслаблены и не создают смычки. Возникает произношение на месте /б/ плоскощелевого звука [β]: *нахл'ебá-
 ес'с'џ, повáшенк'џ (побасџнки), робџта, робџты, на робџту, в џзџву,
 корџву л'џ выкá, какџй-то вџ вџт, н'е вџβрос'ат, сџвџá, робџнок.*

После гласного перед [у] возможна диереза [б]: *ба́ушка, хџџе
 стáро удет (хџџе старџго будџт).*

Перед глухим согласным в середине слова и на стыке слов и на конце слова перед паузой и перед следующим словом с начальным [в], после которого гласный, произносится [п]: *бáпка, зџпкџ, зџпк'џ,
 џпк'џ, вџпшом (в общџм); хл'еп хорџшџџ; уш'џп ||; зџп вџдџрнџ. Но:
 оџ'џбка, вџшџ (вообщџ); штџв тџже.*

На месте исконной *б* выступает фонема /п/ в словоформе *скоп'э́
 (скобе).*

Перед [м] произошла ассимиляция: на месте [б] произносится [м]: *омморџз'ет'џ'е, омма́жџт, оммара́џџџе, омџтáл'џ, оммо́џ'ат.*

Перед [н] также возможна ассимиляция по назальности: *шубнџк'џ
 и шумнџк'џ.*

Перед [в] произошла ассимиляция: на месте [б] произносится [в]: *оввáр'ивџт (инф.), оввáр'ивад дак, оввáр'ивџт, оввáл'ит'џ'е, бџспо-*

кѡиꙋс'е (о)в (=об) вѡс; ов'ин'ц'ѣл'и (по-видимому, из *об-* со стяжени-ем *вв'*, хотя возможна и приставка *о-*).

Фонема /п/ обычно реализуется звуком [п]: *нѡр'ен, полуꙋ'ѡла, посол'ит, по-за однѡй, пустиꙋл'и, плѡтѡа, плас(т), плотѡм, продѡлнѡй, продорѡждѡ да, прѡтиꙋ'ок, снопѡа, попѡйт, круꙋк'и, суп, затѡцѡл'и пѣч'к'и, педѡес'ѡт копѡек, топѣр*. Перед гласными фонемами переднего ряда часто произносится [п']: *п'итѡтцѡ, п'ирошк'и, п'илѡ, нап'ихѡит, росп'ил'ит, куп'ит, к'ип'еткѡм, тѡп'ѡт*.

Фонема /м/ представлена звуками [м] и [м']: *мѡмку, мук'и, молѡденк'ей, смогѡйꙋ, прѡн'имѡла, дѡмѡла, намѣл'ем, скорѡмнѡво, нам — м'ис'еꙋ'а, крѡм'и, см'ех, пом'ѣкꙋ'и, м'ѡсу, м'ѡꙋку*.

Под влиянием переднеязычного [р'] следующий губной звук [м] может отодвинуться в переднеязычную область: *в ѡрн'иѡе* (но с *ѡрм'и*).

Фонема /ф/ представлена звуками [ф] и [ф'] и встречается в заимствованных корнях: *фаꙋ'ѣрк'и, на фѣрм'и, фѡврѡл'ѡ, фуражꙋ, фꙋнтѡв, Маꙋꙋфа, ѡформл'ѣт, пофѡррѡсѡстѡе, — ф'ершал'иꙋ'а, ф'иврѡл'ѡ, шкѡф'ик*.

Фонема /в/ может быть представлена следующими звуками.

Во многих позициях /в/ может реализоваться в звуке [в] губно-зубном, таком же, как в литературном языке и во многих говорах. Но обычным представителем /в/ является и звук того же места образования, но с более широкой щелью — аппроксимант [в̥]. Более широкая щель у этого звука связана со слабой степенью напряжённости артикулирующих органов. Обычно аппроксимантом называют губно-губной [w], но в слободских говорах губным аппроксимантом обычно является [в̥]. В прежних описаниях слободских и других севернорусских говоров нередко указывается на реализацию фонемы /в/ звуком [w]. Однако по крайней мере в части случаев следует видеть за таким обозначением аппроксимант [в̥].

Перед гласным в начале слова и после согласного обычно произносятся звуки [в] или [в̥]: *вар'ѡт, два, звѡлꙋ, пѡ два, квас, водѡй, в одѡн, хвос, натвѡр'ѡт, розвѡдет, свойѡй, пѣрвоѡ, вѡѡжꙋт, вѡн'имѡйꙋт, в ызб'иѡе, высѡко, вѡгр'ѣб'ѣш, вꙋꙋ'ирѡм, вес, вез'д'ѣ, в ѡто, двѣр'и, с'ѣл'совѣт, в ѡтой, вѡснѡй, двѡ, — ѡвѡрѡмѡ, ѡдѡа, ѡѡпатка, ѡѡтекѡт, ѡѡходѡл'и, вѡт' и ѡѡпл'ѣтѡл'и, ковѡды*. Перед гласными фонемами переднего ряда возможно произношение [в'] и

[в̥']: *в'ел'и́кой, в'есно́й, в'ида́л'и, в'ин'ц'о́, нцизв'э́сно, с в'и́н'икэм, с'в'и́кроф, с'в'и́ц'а́, — в'и́дал'и, в'и́дно, дэ'и.*

По-видимому, гиперкоррекцией можно объяснить произношение [б], [б'] в слове *разве*: *ра́збѣ, ра́зб'е*. Если это так, то фонемы /б/ и /в/, по крайней мере, раньше могли в некоторых случаях совпадать в одном звуке, нейтрализоваться. Близкими звуками являются губно-губной плоскощелевой [β], нередко выступающий на месте /б/, и губно-губной круглощелевой [w] — один из представителей /в/. При слабой напряжённости артикуляции это различие между [β] и [w] может утрачиваться.

Между гласными произносятся: [в] — *называ́л'и, рэзгэ́в'и́м, про́свѣат, по́п'ива́эм, повал'и́ци, дава́л'и, бы́вала, сказа́ываит, самова́ры, сно́ва, э́това, ц'ево́, не́ц'ево; [в̥] — дро́ва́, самова́р, клю́ва́тей, дева́л'и, э́ва́, бы́ва́ла, тра́ва́, бу́ва́ло, обрабо́тыва́л'и, п'е́р'ина́ц'ева́т, слэ́ва́, сл'и́ва́л'иц'е, иво́, и́во́, у́и́во́, ко́во, д'и́воц'ок, д'е́воц'кѣ, и́во́, вэ́з'и́во, ко́рово́й, ш'и́тэво́дам, у́ниво́, ц'и́во́, ко́рово́, и́а вѣ́шлѣ, жы́во́т, вы́во́т.*

Рядом с огубленным гласным может в результате аккомодации произноситься губно-губной [w]: *ко́ро́ву, пово́ска, до тово́, этэ́во, добро́ во́, и́во́, и́во́нна, д'и́во́к, з' де́леву, ни́ц'и́во́, си́во́нцѣ, го́то́ва, дро́ва́, и́ело́вым.*

При ослаблении напряжённости артикуляции возникает звук [ʏ] — *ну́ и́о*. Дальнейшее изменение приводит к тому, что происходит стяжение огубленного неслогового гласного на месте /в/ и следующего огубленного слогового гласного: *у коо́, у и́во́, кузцо́к, во́сѣм'на́тцатоо, ни та́к што (в)о́зл'и, св'е́кроу́шка, за́лоу́шка, д'э́у́шка*. При ещё большем ослаблении артикуляции произносится неслоговой гласный: *подо́шѣа, пудо́шѣы*.

Перед гласными фонемами переднего ряда возможно произношение [в'] и [в̥']: *пов'езу́т, жы́в'ём, сел'сов'э́тцѣ, вдов'и́гла, нав'и́ну́, пров'и́ют, по́лов'ина, по в'и́ц'ик'и, гов'и́ни́е, дер'ив'а́нный, при́в'а́занаа, жы́в'э́тцѣ, с'в'о́кор, — о́в'и́н, Ува́ро́в'и́ц', Анато́л'и́о́в'и́ц', по́ло-в'и́к'и́, зада́в'и́л'и, при́в'а́жш, о́в'о́с*. Возможен и нуль звука: *нае́нно (наверно), поста́иш, поста́им*.

Под влиянием следующего гласного заднего ряда [ɣ] открытый [в̥] может отодвинуться назад в область передненёбного [ɣ]: *ф' не́ц'и́л'ьмо́эт*.

Очевидно, гиперизмом является произношение [ɪ] на месте *в' з'и́мо́лоц'к'а (зимовочка)*, связанное с неразличением, нейтрализацией /в/ и /л/ в некоторых позициях.

Перед согласным в начале слова произносится:

— перед звонким согласным — [в]: *внуц'к'е, вр'идныйе, вр'е-д'ат, в л'ес, в р'ишота, в дровах, в д'эло, взэл'и, врем'а, в боуатом, в мойо(й) в жызноцтц;*

— перед глухим согласным — [в]: *это вс'о, ниболишо вс'о, всф-дак'и, с'инокосы вс'и зарос'т'ил'и, туды в кал'идол, захватил'и-то в ц'истом, а вц'ира, в Хароск'у; — [в]: было в потолюкц, йа в школу ходила; — [й]: с роботы йс'о; — [у] после [у] предшествующего слова: *нала было сразу у болниц'у-ту; но чаще всего произносится [ф]: фп'ел'ом, ф пец'к'у-ту, ф пец'и, ф пцц'и, ф пец', заттц ф пол'е, ф пол'ин'иц'у, ф с'ер'еду и ф п'атниц'у, фсходит, нц фс'о, и фс'о, фс'у, у фс'их, фс'ак'ие, фс'ак, фс'ак'и, фстан'еи, фс'тавай, ф стуну, ф с'инокос, ф сж, ф с'ел'совет, фторово, ф тр'ит'ц'ет, ф ту-ту в г'ерманск'иу войну, ф школу, ф котл'е, ф костр'и, ф кузниц'и, ф хл'хози, ф Хароск'и. Результат регрессивной ассимиляции — произношение сс'е (все).**

Результат гиперкоррекции как следствие возможной нейтрализации /в/ и /у/ — произношение [в] на месте у: *а мужык кооды в л'ес вйид'ет (ведет), йес в д'евушк'и (у девушки) зта косынк'а да.*

Перед согласным в середине слова может произноситься согласный:

— перед звонким согласным — [в]: *правда, ровно, бр'евнуб, дерев-н'а, совжут, навжут; — [в]: давно, бр'овна, дерц'ен'а, на коврах, Пáгло;*

— перед глухим согласным — [в]: *овса, Тарасовск'иц; — [в]: дц-ч'онка, д'ишч'оноч'к'е, зимовк'и, зимовк'е, з'имовкц, вер'евку, спражк'и; — [ф]: офс'ануу, до Харофск'е, з'имовка.*

Однако часто в этой позиции возможен и неслоговой гласный, качество которого в значительной степени зависит от соседних звуков. Перед переднеязычными согласными произносится: после [а]: *прада, даонба;* после [о], [э]: *дронц, роунуб, оуца.* Перед заднеязычным согласным может произноситься [о]: *д'игока, мутокэй, в'ер'ох'и,* но гораздо чаще произносится [й]: *д'эйк'и, кузоук'и, истоук'ут, пос'оуц, з'имоук, в з'имоук'е, вер'оук, в'ер'зуку, в'ер'ауку.*

Звук [й] возникает в результате влияния артикуляции предшествующего и последующего звуков. После огубленного гласного в результате коартикуляции на месте [в] должен возникнуть губно-губной согласный [w]. Однако щель из-за недостаточной напряжённости губ слишком широка для образования согласного, а конфигурация вытянутых в трубочку губ сохраняется, при этом задняя часть

ним возникал протетический [у]; см.: [Касаткин 1999а: 253—256; 2005: 23, 59—60; Касаткин, Юмсунова 2004: 87—90].

В тех русских говорах, где в начале слова перед согласным произносился губно-зубной [в], он в процессе перехода от противопоставления согласных по напряжённости/ненапряжённости к противопоставлению их по глухости/звонкости терял долготу, сохраняя своё качество перед звонким согласным, а перед глухим согласным оглушался в [ф].

Изменению [в] в [ф] способствовало то, что в начале слова в слободских говорах имелся звук [ф] иного происхождения — из сочетания *хв*: [ф]ост, [ф]амать, [ф]оя и др. В настоящее время в слободских говорах такое произношение встречается в единичных случаях: *фóба, от фóйу рубѝл'и*. В материалах ДАРЯ это явление в слободских говорах не отмечено, ареал этого явления по ДАРЯ вплотную подходит к слободским говорам [ДАРЯ, вып. I, карта 54]. Вполне вероятно, что прежде это диалектное явление было распространено на более широкой территории, включавшей и слободские говоры.

В сочетании *хв*, как и в других сочетаниях глухого шумного согласного со следующим непарным звонким, в эпоху, когда согласные были противопоставлены по напряжённости/ненапряжённости, произошла прогрессивная ассимиляция, приведшая к оглушению звонкого согласного. Звуки [х] и [ф] были близки тем, что [ф], как об этом свидетельствуют многие русские говоры, был лабиовелярным, т. е. в его образовании участвовали два фокуса — губной и заднеязычный. В связи с этим близкие по артикуляции согласные стянулись: [хф] > [ф]; см. [Касаткин 1999а: 121—122, 257].

На месте лабиовелярного [ф^х] вследствие усиления второго фокуса возникает произношение звука [х]: *х ш'кóлу, ни х тóпл'инуу, хтору́йу, из двух пластóх*. Этой же особенностью [в], по-видимому, объясняется произношение на его месте звука [у] в примере *ц'асóв у одѝннацет*.

В слободских говорах нередко наблюдается отсутствие [в] в разных позициях. Некоторые примеры могут объясняться стяжением одинаковых звуков на стыке слов: *нары(в) в гэрл'и, стул'ико(в) вот н'э былэ, получ'а(в) вот, этó вот(в) вэйну, сра(з)у(в) ваннууу*; так же и *с'э(в) (сел) ф с'ел'сов'эт*.

В других случаях не произносится [в] в начале слова, в том числе на месте предлога: *собáк у их: та(м) мнóуго (в) пос'óукѝ; || (в) пѝц'к'у сláзѝм; || (в) п'ѝц'к'ах мѝл'иц'; знач'ит (в) п'эрвом годѝ; (с) сус'элэм (в)м'иц'т'е п'ил'ид'и; сл'ицáл'иц'е вот э (в)м'иц'тѝ; нашу*

деревн'у да Полутиху (в)м'иште; (в) Мака́роск'е эн зы́в'от; а бо́луш ч'ас' (в)с'о бр'о́внам называ́л'и; у (в)с'эх; от (в)с'о э́к'и роска́зывают; по́том (в) сел'цов'эти; ф с'инокос (в) са́му жару; жы́в'эд (в) Зло́б'и-х'е; нц'у мно́гцү (в) дере́внц'у был'и самова́ры; подава́й (в) наро́дный су́т; там (в) Л'ин'гра́дц'у жы́в; то́п'иц'е и ц'ат вес' || (в) ко́мнату; (в) ко-ры́ты помы́лас; пожа́луй и (в) колхо́зц'у-то мы́ пё́лвы; с М'и́тих'и-то й́ехад (в) зóру-ту; потом (в)озм'от. Согласный может не произноситься при более быстром темпе речи: спёр(в)а пошл'и́, д'и(в)ц'о́нка, дер'ев'анны́й гзс (звезда) на́до запу́стц'ит.

В сочетании *рств* звук [в] не произносится: *госуда́рство*.

На месте безударного сочетания *вы* в начале слова или после гласного может произноситься [у]: *одыва́т'ц'е выр'ежа́т'ц'е; зот'и* *выпл'ета́л'и; выл'еза́йет* — произнесено медленно, чётко и тут же *ул'иза́т ул'иза́т* в обычном темпе речи; также *поута́сц'ивзят, по-то́м уда́бл'ивзят* (выдалбливает), *уц'ёр'на́ят* (вычерпывают). На месте начального сочетания *во* также может произноситься [у]: *ут ка́г дере́вн'а, куды́ ут, уд* (вот) *ја́ к ийо́й сходи́ла, ун гол'а́т* (вон говорят), *ун ка́к ма́лц'ик'и бы́лц'.*

Перед начальным *о* может быть протетический [в]: *так ц'ва́бови́от*.

Особый интерес представляет произношение частицы, которая имеет вид *вот* и *от* и при этом обе формы могут встречаться в одной фразе:

— *мы́ вот, вот по́ полу; вод бы́ло э́ потоло́кц'у кол'ц'о́; || вот как; вот йа́ йёсл'и оберу́ постёл'; такэ́й дак а вот; а вот сей́гот; вот одц'нна́цет рубл'икрү́ полу́ч'а(в) вот как рублё́й; па́р'ен да́ вот ја́; вот В'и́т'к'а захо́дит; а по́сн'ен'к'е дак вот квасэ́ да́ гору́шек на-рос'т'от; ов'ершо́ной вот ы́дак; а но́н(е) э́кой вот пру́тиц'ок вон как на в'и́н'ик поло́жы́т ц'то́ ни сруб'ат; вод зарбс'т'ил'и фс'е с'иноко́сы || а ра́ниэ́ дрэ́-то не́ было по пол'а́м | эт то́пел дак вот дрова́-тц'у на задво́рках; вот ц'в'ен'ка ма́лен'к'а ма́лен'к'а вот не бо́луэ́ как вот ны́н'и поло́жено; ф тр'и́т'ц'ет'-ту годо́в вот по́сл'и войны́-то; а эт вот оботтц'и́ кругэ́м дак уш' фс'о л'ис(т); (м)н'и́ дак вот ц'и́ поробо́тац' колу́ном; а хл'еп уб'и́ла́л'и дак вот фс'о се́р'п'и-кам; вот э́'ак (эдак) ц' жы́л'и; вот од'и́нна́це(ть) сно́п'и́ков нажн'о́м и поста́им сусэ́о́нц'и́к; вод баушка́ вот ишо́ бы с'уда́ карто́шка бы ц'и́тыр'е; вот ста́руха-та́ и н'и об'и́еда́т; золо́ты́е сло́вэ́ зэ́врима́ ска́заны́ вот уш' э́так вот; не сво́й вот; вот э́то пёрвона́ц'а́но так; ја́ вот ц'с' ц'и́мц'и́ б'ид'н'акэ́; вот тако́йо бы́ло та́к ве́дц'но́ што́ вот*

вот || *как тэ этэ рózнцлос*; *вот уши это* | *это фс'о вот ја вот уши перцжывáла*; *из в'ер'зòх'и вот опэт' ищ кудёл'и совжут вот таку в'ер'áуку* || *и эту в'ер'зòрку вот эт'им сáлэм фс'у йейз'иу оммáжут*;

— *ак от куды́ вот*; *и от на тоká хòд'ат вот ы́ в'иснóй-то*; *а вот пр'итс'идáт'ел' бьы́ у нáс от* | *нáс (наш) м'есчный*; || *от нáша бáнбá*; *а от у Áнны; йá от пómл'у; накостбáт* || *дак от*; *р'áдом полòск'и дак от*; *мы двзйо дак от*; *зыбоц'к'а от йкаа*; || *от как*; *полáтц от у нас*; *онá св'ёрху от йкаа*; *а от эт'и-тц м'истá*; *ходил'и от мы за јáго-дам*; *а от јá-то нц пómл'у йтово*; *од гумна* | *дак пожáлуй у фс'их солóмой бьло (покрыто)*; *ну эт* || *а у этóво бáушк'и сын бьы́; вь́сушым и давáй молотцт* || *тòжэ рукáм от эл'ак (эдак)*; *счòп'икам'и зв'áжым от*.

Возможна и диереза [т] ([д]) перед словом, начинающимся с [т], [п], [д] в результате произношения в этой позиции имплозивного [т] ([д]) и стяжения долготы смычной фазы согласных: *кто о(т) тут не затвор'ид дак, робет'ишка о(т) пр'и(д)ут, нáшэй о(т) деревн'и*.

Двойко может быть расценен пример || *уот и пойдёши ййзбы мьт вот*; здесь [ў] может быть реализацией /в/ (хотя в других примерах [ў] на месте /в/ в начале слова не отмечен) либо являться частью дифтонга [ўо] — представителя /ω/. Эта фонема в слове *вот* отмечается не только в слободских говорах, но и в севернорусских; см. также: [Касаткин 1999а: 470].

Возникает вопрос, какая из этих форм — *вот* и *от* — первична и, следовательно, какой процесс здесь наблюдается: протеза [в] или его отпадение? Высказывались разные предположения: 1) частица *вот* возникла из **отъ* [Соболевский 1907/2004: 142; Dolobko 1926: 107—109; Зализняк 1978: 49; Корещný et al. 1980: 548—551]; 2) *вот* образована от частицы *во* [Сими́на 1972: 136]; 3) *от* происходит из *вот* [Кузьмина, Немченко 1962: 14; Касаткин 1999а: 470]. Однако в (1) и в (3) речь идёт о разных эпохах: в дрeнем *от*, точнее *от*, развивался протетический *в*, но современная указательная частица *от*, встречающаяся и в других севернорусских говорах (см.: [СРНГ: вып. 24]), скорее всего, не является сохранением древнейшей формы, а результат диерезы [в] в начале слова *вот*. Подтверждением этого может служить следующее.

Частица, имеющая в литературном языке форму *ведь*, где начальный согласный исконный, а гласная фонема на месте /ѣ/ (см.: [Фасмер 1964: т. 1, 284—285]), в слободских говорах также встречается с наличием и отсутствием первого согласного (кроме того, с гласным [е] и [и] и с твёрдым согласным на конце слова):

— он'и в'ет-то вр'ёдны; хорошó в'ет хорошóуд; ну он недáвный вет эттúда; в'ед до Харóфск'е фс'о дорóга; в'ид'иши в'ед домá-тú; а т'óс-от в'ит ну кáжный сум'ív росп'ил'ít-то; м'ин(е) одúвáце-то вúт хот'éлосе тóжэ, колу́н эт в'ит' т'еж'óый;

— дак' ет вúскоц'ат; у коó ет; на íзбу вúв'ес'т'и дак'ит ни в' одно́м м'и́с'т'е, на полу́-то ит; да ит и самóй; з'ем'él'к'и-тэ ид' бýлòд скупén'к'е; ну да ид' дафно́.

Таким образом, можно говорить о неустойчивости и диерезе, выпадении звука на месте /в/ в разных позициях.

Переднеязычные согласные

Фонема /л/ может реализоваться звуками разной степени напряжённости. При достаточно большой степени напряжённости произносятся звуки [l], [l̥] или заимствованный из литературного языка [л]. Звук [l] — апикальный или какуминальный альвеолярный с контактом кончика языка и альвеол, [l̥] — ретрофлексный с контактом кончика языка и заальвеолярной части твёрдого нёба. Они обычно произносятся при опущенной задней части спинки языка, т. е. эти звуки невелиризованные. Перед [ɔ], [y], [ɤ] эти звуки могут быть велиризованными. Звук [л] — зубной с контактом передней части спинки языка и верхними зубами и приподнятой задней частью спинки языка к задней части нёба, т. е. велиризованный. При произношении этих звуков возникает также щель по бокам языка или с одной его стороны. Архаической системе свойственны звуки [l] и [l̥], позднее заменяющиеся на [л]; см.: [Касаткин 1999: 178—191].

При ослаблении напряжённости может возникнуть лишь точечный контакт языка с альвеолами или отсутствие этого контакта при достаточно узкой щели. В этом случае тембр звука может быть близок к [l] или [л] и ассоциироваться с этими звуками. Подобные звуки в данной работе обозначаются диакритикой [l̥] и [л̥]. При точечном контакте языка с альвеолами или заальвеолярной частью нёба может возникнуть и звук типа [p], но не вибрант¹⁶. При ещё большей щели и загнутом кверху кончике языка произносится аппроксимант [ɹ].

¹⁶ Звуки типа [p] в русских говорах на месте /л/ и /л'/ (в том числе в говорах Харовского р-на Вологодской обл.), а также на месте /т/, /т'/ и /д/, /д'/ описаны Р. Ф. Касаткиной [Касаткина 2004], см. с. 292—295.

При ещё большем ослаблении напряжённости артикуляции возникают разные неслоговые гласные, характер которых зависит от артикуляции соседних звуков.

Таким образом, характер звука на месте /л/ определяется главным образом тремя параметрами артикуляции: 1) местом образования — в области зубов, или альвеол, или в примыкающей к альвеолам заальвеолярной части нёба; 2) наличием или отсутствием веляризации, т. е. сближением задней части спинки языка с задней частью нёба и при этом прогибом вниз средней части спинки языка либо с опущенной всей задней частью спинки языка; 3) наличием смычки передней части спинки языка с пассивным органом и степенью её плотности или наличием щели и её шириной.

Звук [l] обычно не такой, как [l̥] «европейское», он, скорее, похож на английский [l] перед [i], т. е. от кончика языка, загнутого вверх к альвеолам, не сразу начинается прогиб вниз спинки языка, а загнутая вверх часть языка менее напряжённая и более толстая. Этот звук производит впечатление некоторой мягкости. При ещё большем утолщении произносится полумягкий [l̥]. В некоторых позициях [l̥] становится палатализованным в отличие от других согласных, которые в этих позициях обычно не приобретают такой палатализованности и должны расцениваться как твёрдые невеляризованные.

Объясняется это тем, что при артикуляции [l] края языка опущены и даже небольшое продвижение тела языка вперед вызывает поднятие вверх средней части его спинки, т. е. палатализацию этого согласного. У других же переднеязычных такое продвижение языка вперед вызывает лишь их полумягкость, а для приобретения ими мягкости, палатализованности необходимо большее продвижение тела языка вперед; см. [Касаткин 1999а: 188—189].

Поскольку мягкий апикальный или дорсальный [l̥] литературного языка может произноситься с контактом передней части спинки языка не с верхними зубами, а с дёснами и альвеолами (см.: [Скалозуб 1963: 42—45]), то этот звук [l̥], парный твёрдому [l], и мягкий апикальный звук [l̥], парный твёрдому [l], обычно на слух практически неотличимы.

Реализация /л/ в конкретных примерах.

Перед гласными и непреднего ряда [a], [o], [ɔ], [ɔ̄], [ы], [у] фонема /л/ обычно представлена звуком [l]: *ládnə, glázu, plátīa, nlas:(m), shkóla, nað'élaiom, ž·člá, býlá, n'ulá, moǵlá, pvalá, obra-d'ela, p̄čn'ímála, xodčlā, xodčlā, dūmala, bývála, v̄člula; ýǵly, kúkly, slýchál'ū, t'ej'óbyj, č'élym, b'élyjo, nólyjo, krúǵlyj; lótku,*

плотом, рѹдохлой, заколоу'ен, долон, волосѹа, солóмой, молóденк'ей, сволоу'ат, положым, д'ело, náлоу'к'ем, былó, захот'елос'о, бугáло, зарóстáло; лшат, нлэхэ, слэвá; солóмка, полóск'и, йелóвым, удалóс.; колóл'и, измолóдѹтѹм; лѹкоу'кѹ, глѹбóкэ, колу'н, шкóлу, полу'áла, по-жáлу'й, исполу, самолѹчышэ. Гораздо реже у старшего поколения отмечается [л]: *слыхáла, рэскэзáла, лóшат, б'éлой, от потолóку, хлóдно, б'ыло, д'ило.* Возможны также: [l'] (следующие за ним гласные непереднего ряда продвигаются вперёд, нередко в передний ряд) — *ж'ул'á, был'á, своз'ул'á, ход'ул'á, л'áпы, пр'и'нц'ул'á, игр'áл'á, прибол'él'á, д'él'áл'и, л'рпáтам, хól'одно, бывáл'о, был'о, н'у был'о;* [l] — *полóжышѹ, на полу';* [p] — *он'и ромáйт'и'е, не ропнула, по курóтк'и* (по колодке) *поруц'илосе;* [p̣] — *прóтѹком, [l] — солóмый, жылá, п'исáла, бывáло, стáл'и ломáт, нá лук.* При увеличении щели может возникнуть неслоговой гласный: *сусэо'нц'ик, у ку'о рóшад'вз'áд* — либо звук на месте /л/ между гласными может выпасть: *на поу.*

Перед [е] на месте исконных *е* и *ь*, а также *я* произносится: [l] — *лэз'ивэ, лэжы'т, рѹблэй, полэй, солей, náлец', малэн'к'о, малэн'к'и, далéкó, далéко;* [l'] — *мал'энк'эд, оформ'эт, нахл'ебáл'и'с'е, гл'ед'ит;* [l'] и [л'] — *рѹбл'ей, погул'эт, — л'ежы'т, ул'ежы'т, похл'ебáт, намé-л'ем, потребл'ейут, л'энту; — [l]: п'елен'ишн'иг бу'у (пелёночник).*

Перед звуками на месте исконной /ѣ/ обычно произносятся мягкие согласные: *посл'édно, ф котл'é, — жал'и'эзо, л'это-то, к л'эсу, хл'éба, л'этом, л'этос, в л'ес, ф пол'е, побóл'ей,* но возможно и [l] — *до колén, éле.*

Перед [и]: [l] — *ли'ноц'ик, ли'но́к, поли'тин:иц'у, полавáли, прóрали, звáли, побóли;* [l'] — *сól'и, нахл'ебáл'и'с'е;* [l'] — *посол'ит, колóл'и, сѹ-д'ул'и; — [л'] — л'ис'н'иц'а, л'из'ед до земл'и, л'и'но́к, бл'иско, пол'и-н'иц'у, ф'ершал'иц'а, рѹбл'икоу, нид'ул'и, род'ител'и, ш'ы'л'и, грáб-л'и, пóсл'и, йéсл'и, забол'и'ю, похл'ибáйом, мол'ит'и'а, стéл'иш', заросл'и, б'ыл'и, ж'ыл'и, стáл'и, взél'и, пуст'ул'и, давáл'и, захват'ул'и, горóд'ул'и, робóтал'и, óторвал'и, д'эжыл'и, оц'ис'т'ил'и; [л'] — п'и-л'и'д'и; возможны эти разные звуки и в соседних словах: *б'ыл'и да ушл'и, тр'и'л'и дв'э'ли.* Между гласными при слабой напряжённости возможен [л]: *поход'и'и поход'ил'и.**

Перед другими гласными фонемами переднего ряда обычно произносится [л'] — *по пол'ám, шл'áпу, ф'иврал'á, употр'ибл'áйу; грáб-л'и'фв'иш:о, стéб'ел'и'фк, горбыл'ог дак, с'л'ошкѹ, отр'епл'ом; кл'и'ук-в'ин:ыйа, прокормл'и'у, л'удѹ, л'удéй, пómл'у, на фól'у; [l'] — дал'эко, л'и'убэ, л'уд'ем; но возможны и [l] — *лэ́дн, [l'] — л'э́дн.**

Перед твёрдыми и мягкими согласными и на конце слова на месте исконного твёрдого *l* обычно произносится неслоговой гласный: [ə] — *жб́эты, м'э́экой, б'и́ээк'и, на п́ак'и-та* [ɔ] — *п́о́ра, п́о́роны́е, жб́о́тэй, п́а́рка, ж́а́рка, ш́ок, м'э́око, в́о́к-кóв, в́о́рк, д́о́го, нед́о́го, над́о́го, н́ид́о́гэ; п́ак'и, то́к'о́м, (о)с́кү́д-к'и, с́цсто́к'э́дт; [ɔ̃] — д́о́го, нед́о́го, п́о́ кра́ш(е́ный); [ỹ] — п́а́ку ([ỹ] здесь не огубленный), т́о́км, исто́ку́т, пос'о́кү, пр'а́ку. м'а́ку, то́ш.ы, д́о́гой, д́о́га́я, д́о́го, подо́гу, д́о́гэ, д́о́го, подо́гу, по́го́ла. Соседние слоговой и неслоговой гласный могут стягиваться: до *со(л)нушка*. Возможен также [l] — *и п́л и п́л тут не мýыс'е*; в заимствованных из литературного языка словах: *колх́с, ф колх́зү, колх́зы, колх́знуу*, в словах из рассказанной сказки: *с́лд́ат, с́лд́атүк; [l] — и:у́ка́лас (целкалась); [l'] — в официальном имени председателя колхоза Михаи́л· А́нато́л'и́ов'иц'.* Влияние литературного языка отражает и [l] — *полто́ра, ж́э́лта-та, ж́о́лтайа, п́лку, колх́з-э́т, и:о́лка́ца, б'э́лк'и, оттолк'о́т.**

На месте исконного мягкого *l'* перед твёрдыми согласными и на конце слова обычно произносится [l] — *пó лү; болн́ц'у, бо́лно, б́лно, с'и́лно, пра́е'и́нл, п́рво́нац'а́лно, хм'елн́к, шалн́у, уд'ив'и́телн́ой, обеза́телно, болн́дй, болн́о́й, болн́а́я, бу́нш́а́я, болн́ых, болн́о, бо́лше, бо́лше^{б'}, б́лшы́, бо́лу, поб́лшы́; Кэ́л ||, коб́ел, п́л' од́на́; возможны также [l'] — *бо́л'но, с'и́л'но, прод́о́л'нэй, пр'итс'ид́ат'ел' б́ы́ф; [l'] — хмел' не рост'о́т, с''и́ел'и л'нү* (в этих словах мягкость [l'] может быть обусловлена влиянием предшествующих гласных переднего ряда); в новых словах: *с'ел'сов'и́ет, сел'сов'э́тү; [l'] в слове то́л'ко*, которое произносится обычно с мягким [к']. Перед мягкими согласными обычно произносится [l'] — *мел'н'иц'и, зал'н'о́т, б'ил'жо́а, горб́ыл'к'и-тү, з'ем'ел'к'и, пос́тел'к'е, со стэ́л'к'ам, то́л'к'о, то́л'к'а, скóл'к'о, скóл'к'е, скү́л'к'е, О́л'г'у; а также возможны [l'] — *то́л'к'и, түй'к'и, кол'ц'о́, кол'ц'а́; [l] — то́лк'е, ма́лү'ик'е.***

В глагольных формах прошедшего времени мужского рода на месте исконного суффикса *-л-* на конце слова и перед возвратным постфиксом обычно выступает фонема /в/;

— на конце слова: [в] — *ру́к'и о́торвав робóчы́м-то, сум'и́в рос-п'ил'и́т-то, там (в) Л'и́н:гра́дү жы́в ү ма́мку ув'о́с, ни вы́шэв ү до-мо́й, вз'ав с'уды́, окн́ц'и́в эт уш, вы́мы́в ү оп́ат, д'э́лав; [в] — хтó-то наруб'и́е ||, с'ид'е́е ||, вз'а́е оц'и́стүе ||, б́ы́э́тат, ста́е он тут, вел'и́е ме́на́, вз'а́е д.лүзүйү, на́ро́д б́ы́е хорóший, проси́е и́то; [w] — походо́ү да; [w] — дава́ү от;*

В исконном корне *bol-* в слове *бóйко* ‘больно’ произошла замена /l/ на /j/, по-видимому, в результате возможного совпадения звуков, воплощающих эти фонемы в данной позиции.

Результат ассимиляции предшествующему [м] — произношение [н] на месте /l/: *ч’ужь́йм l’ýд’ем нцш (лишь) то́лк’е*.

Замена [н’] на [л’, l] произошла в словах *пóмл’у, запóмл’ула*.

Фонема /д/ обычно реализуется смычным взрывным звуком: зубным [д] — *кoдá, нáдa, дóму, нa долóн, дoрoгo, вoдóй, прoдóуeт, холóднoй, oднá, рoднýи, пoдрeдúт’ц’e, пoсúдú, хoдúлa, oдúннацeт, дeсúт, мoлóдeнк’eй, дeржáл’у;* альвеолярным [д] — *нц дáм, с’удá, р’áдом, сmогáиd дo вэц’ура, дoжжыл’у, пoйдúт, oклaдúд дa, бúдúт, дaдúт, жeр-дúну, хoдúлa, вpóдц бы, пó двa дн’á, дpовá, дoжжoвáйa, дóмa, вpóдц, г’eдúт, идú, л’удeй, пoйдú, нeгдe, сaлдáтцк, дupá дa;* постальвеолярным [д] — *тpудú, нáдэ, гpуду, кoдú, oддáл’у, с’удú, кoлдú, пoгóдa дaк, хúдо бýло*.

Перед гласными переднего ряда может произноситься мягкий согласный: [д’] — *д’эфк’у, д’эвушк’у, oбрaд’éла, д’éло, д’éдушкo, з д’эт-кэм;* [д’] — *нцгд’é, ýнзд’ула, лóшад’у, вjúд’ет, зд’úлат, уд’ив’úтeннoйo, зд’éлафсe*.

При слабой смычке языка с дёснами произносится [д]: *пoдáвáй, двa гóдa, нáдa п’утáтцэ, нáдa кáк тэ жь́йт, захóдúт,* при смычке с альвеолами — [д]: *кoрдú, захóдúт, вoт б́дaк*.

При слабой смычке кончик языка может создавать эту смычку, а края языка опускаются: *э́лак, э́л’ак ‘эдак’, вoт б́лакэ́й*.

При ослаблении напряжённости язык может не создавать смычки с верхними зубами или альвеолами и на месте /д/ произносится щелевой звук типа [ð]: *заскóц’ушú туды́ дa, э́дa сoбáкa*.

При слабой напряжённости может произноситься в случае приподнятости кончика языка к альвеолам [p]: *ýa рaк знáйу, курб́ ýa д’энус, нa свáрби, э́рaк;* [p]: *пpóрали (продали), нц’уно́ рaк уш, бp’угáры;* при приподнятости кончика языка к заальвеолярной части нёба и более широкой щели — [t]: *лeу́ки, двa гóла, пoу́гóла, пoлaвáлу, нáлэ бýло, д’úткo лa бáткa, сус’éлэм*.

При ослабленности артикуляции и опущенном кончике языка произносится [й]: *пpцхóйцат, и л’eжь́йт нa пeц’ú ýa ||*.

Возможна и диереза согласного, обычно при быстром темпе речи: *на лoшe(д)ú, пp’ú(д)ут, нц с ц(д)úт’цe, pозу́лá(д)и(т)*. Слово *нáдо* может произноситься со звуком [д], но обычна и диереза этого звука: *нáа*.

На конце слова перед паузой и перед гласным и сонорным согласным, а также перед глухим согласным в середине слова и на стыке слов на месте /д/ произносится [т], [т̚], [т̚̚]: *сут* ||, *огорóт* ||, *огорóт̚* ||, *в'ет* у *кájсноо*, *ф* *п'ер'ет* *нусти́л'и*; *ч'ивó-нибут* как, *д'эткó*, *з* *д'эткэм*, *лóтку*, *вѣпáтка*, *потхóдит̚*.

На конце слова перед звонким шумным согласным следующего слова произносится звонкий согласный: *нáрóд* *быв̚е*, *в'ед* *домá-тц̚*. *џи́р'ид* *займ'óm*.

Перед [н] обычно произносится [д]: *в* *однóм*, *хлédно*. Но ассимиляция произошла между двумя [н] в примере *он* *ннá* (дня) *на* *трѝ* *сушѝл̚*.

Фонема /т/ может быть представлена следующими звуками:

[т] — *таку́*, *робóтал'и*, *товó*, *топёр*, *óторвал'и*, *робóту*, *тёмно*, *отéц'*, *стéл'иш'*, *мáтер'и*, *отéдишут*, *прути́ц'ок*, *захватѝл'и*; *тут*, *городи́т-то*, *росп'ил'йт-то*, *положѝт*, *сруб'ат*, *пр'ив'áжут* *хот* (*хоть*), *плáтия*, *к'ип'еткóм*;

[т̚] — *обругáйит̚*, *будут̚*, *подѣмут̚*, *џтэт̚*, *горбы́л'к'и-тц̚*, *отéдишут*, *кати́лэс*: ||, *прути́ц'ек*, *тут̚*, *тón'ат̚*, *во́т* *нѝ* *поробóтат̚*, *замах-нѝтц̚'е*, *моло́тц̚т̚*, *шишѝтку*, *ф* *котл'é*, *ц'етѝ́р'и*, *итѝ́*, *л'иц'йт̚*, *обратѝ́тц̚'е*;

[т̚̚] — *бу́хнут̚* *по* *ц'у́рк'и*, *батóг-от̚*, *огорóт̚*, *ул'ежѝ́т̚*, *вар'áт̚*, *џто*, *уц̚* *тѝ́т̚*;

[т̚̚̚] — *куп'йт̚̚̚*, *апетѝ́т̚̚̚*, *lá(ð)ит̚̚̚*;

[т̚̚̚̚] — *прот'áнут̚̚̚̚*, *в'йт'к'á*, *эт'их*, *нарос́т'óт̚̚̚̚*, *т'éдс*, *тр'йт̚̚̚̚* *ц'ет̚̚̚̚*, *смёрт'и*;

[т̚̚̚̚̚̚] — *ну́с'т̚̚̚̚̚̚* *ил'и*, *п'и́рошк'и-т̚̚̚̚̚̚* *и*, *дровá-т̚̚̚̚̚̚* *и*, *в'ит̚̚̚̚̚̚* *т'ежсóльи*, *эт̚̚̚̚̚̚* *им*, *во́т'и* *у* *ворó(т)*, *вѣ́стоит̚̚̚̚̚̚* *ц'е*, *апет'йт̚̚̚̚̚̚*.

Перед звонким шумным согласным внутри слова и на стыке слов /т/ обычно представлена звонкими [д], [д̚], [д̚̚̚]: *óддал'и*, *пóдд'óржывал'и*, *пéддес'áт̚*, *работáд* *бы́ло* *не́кому*, *вод* *бáушка*, *мой-од* *брáт̚*, *мóжыд* *бѝт̚*, *л'из'ед* *до* *земл'и*, *ид'óд* *д'éло*, *батóг-од* *д'е* *џэ́йт̚*, *гovo(р)и́д* *да*, *нап'ил'ад* *да* *продорóж'ад* *да*, *лоспол'ин'ад* *да*, *росп'ил'ад* *да*, *фсхóдѝд* *да*, *пойдѝд* *дак*, *затвор'ид* *дак*, *п'исáд* *дак*, *и'и'итáд* *дак*, *болшо-од* *заколóц'ен*, *вод* *зашишур'инэ́й*, *џи́р'ид* *займ'óm*, *фс'ó* *од* *жыв'óт̚*, *оп'ед* *жы*, *п'ад* *годóв*, *дэс'ид'* *годóв̚̚̚̚̚̚*, *йéхад* (в) *зóру-ту*.

Но: *куп'йт̚̚̚̚̚̚* *б'éльио* *мук'и*, *во́т* *зð'éлафсе* *нары́в* — [т], [т̚] взрывные.

Перед [т] или [д] следующего слова конечный звук [т] или [д] на месте /т/ может не произноситься: *то* *в* *áрм'ицу* *вѣ́зову(т)* *то* *в* *л'эс*,

от *пl'ujúde(m)* там, у *ворó(m)* дв'е *пáок'и*, *ту(m)* *дóц* *нудалеко́ жы-в'óт*.

На конце слова перед паузой обычно произносится [т] — *схóд'ат* *наруб'ат*, *окатáт*, *сволóц'ат*; [т] — *смóжот* *наруб'ит*, *наруб'ит*, *топтáт*. Возможен в этой позиции также имплозивный согласный [т], [т]: *п'ил'ит*, *ид'ó*, *стojит*, *не свóй воt*; а также придыхательный [т^h]: *пр'ид'óт^h* || и др., примеры см. выше. На конце слова перед сонорным согласным следующего слова может произноситься [д]: *уд (вот) ja к йой сходи́ла*.

Ослабление, утрата смычки [д] на месте [т] и ассимиляция следующему [ж] встретилась в примерах: *этц poloзiа пл'ет'óт он'аж же в'ызбу*; и *йэн тут он'аж же в'ер'óвкой св'áзуат*.

Ослабление и утрата смычки может быть и у [т]: *воt и сáк (так)*.

В слове со значением 'щи' может произноситься [т'] и [к']: *ш'т'и́ дак ш'т'и́, ш'т'и́ пóсныйо, ш'т'áм звáл'и, ш'т'ей*; — *ш'к'и, со ш'к'áм*.

Сочетание [-ст] на конце слова теряет [т]: *хвóс прцд'éла'и, зв'ис 'взъезд', в'ел'икой пóс*: ||, *пои́с*: || 'поесть', *н'и́жный плáс*: ||, *дас*: ||, *пус у нáж жывуt, вóлоç Рáм'ин'ие, йес. наклáс в'иçнэй*,

В сочетаниях /стк/, /ств/ [т] не произносится: *подрóскáм. хоз'áйс'в'е, боуáцво*,

Фонема /т/ на месте исконной /д/ может быть результатом перестройки фонемного состава слова в позиции нейтрализации /т/—/д/: *р'эт'цц'к'а, р'эт'ец'к'и* от *р'этк'а* 'редька', *çlátоçтэй* от *çlátкой* 'сладкий',

Фонема /з/ может быть представлена следующими звуками:

[з] — *зал'н'óт, скáзываит, пр'ив'езут, хозáин, взéл'и; звáлц, знáйу, коlхóзнуу, возмус, избу, возм'и*;

[з] — *зарóстáло, застэл'им, затонц'л'и, забол'и́йу, с:казáла, золоты́-йе, хозáин, зоут, звáл'и, пол'э́ңо, выл'езáйет, из-за, из в'ерзox'и, з'д'эткэм*;

[з] — *ул'изáт, з glazám, звалóç*;

[з'] — *сийз'д'им, óт цз'бá*;

[з'] — *в з'имóвк'и, з'имóлоц'к'а, з'имóй, воз'м'óш, вз'ав, хоз'áин, з'д'éлаэм*;

[з'] — *з'им'эл'к'и, з'имóйка*;

[з'] — *вэ́з'ицо*.

На конце слова перед паузой и перед гласным и сонорным согласным, а также перед глухим согласным в середине слова и на

стыке слов на месте /з/ произносится [с], [ç]: *ув'о́с, ис топора́, ис ку-
дёл'и, çа́ломор'ёск'и, р'ёска, бешпоқиç'е.*

Но перед [в], за который звонкий шумный согласный, произно-
сится звонкий [з]: *два раз вдов'и́ела.*

Перед [ж] произносится [ж]: *как раж жн'ом дак.*

Фонема /с/ может быть представлена следующими звуками:

[с] — *сам'и, самовары́, овса́, соберу́т, солбо́мой, квасо́з да, косо́й,
сын, сѣты́, м'асу, сум'ив, сусзо́нц'ик; руга́все, ѓсенйу, косѣт, ѓсик;
своѣой, свозѣл'а, своло́ц'ат, см'ех, ста́ра, шест'и́, шестом, ц'и́стом,
устро́иссе, ф костр'и́, заросл'и́, сно́ва, сѣиз'д'им, скóл'к'е, ско-
ти́нк'и, пово́ска, роска́зывают, поло́ск'и, поскóткам, сходи́ла;*

[ç] — *коза́, полоза́, çам'им, насади́м, ц'еçов, ç çобо́й, çоло́мк'и,
с'иноко́сѣ, неçу́т, çупа́, насуши́м, на поло́су, поиçи́ 'поешь', воçим,
проçим, пов'иçим, çеу'ас, в л'еç, ваç, колоç-эт, çвоиво́, ç м'и́еçта, оç-
та́лоç, на́ц'иçто, прив'еçти́, ц'иçла́, çл'ил'иç, рæçкóл'ит, вѣçкоу'ила,
çа́ломор'ёск'и, мака́роçк'ий, ç ко́йк'и;*

[ç] — *çидѣл'и, çиçтpрpу, çеу'ас, çроçлаç, у наç, поçп'иет, çтанут,
çт'ены, и́еçл'и, Тара́çовск'ийа;*

[с'] — *ф с'ёр'еду;*

[с'] — *фс'ак'и, фс'е, по вæск'ис'ен'и́ем, м'ис'еу'ей, жан'и́æс'е,
ослободѣв'е, захот'елос'о, с'иноко́с, скос'иш', нарост'ом;*

[ç'] — *ç'ено, нахлебáл'иç'е, бешпоқиç'е, зака́тиçе'е, ç'и́лно, краç'ит,
ç'ид'ев, паç'ом, фç'о, ç'оçтpы, зарóç'т'ил'и, вѣв'еç'т'и, м'иç'т'е,
крéç'т'икам, ç'jиз'д'ат;*

[ç'] — *ç'эна, ç'и́йел'и, вѣв'иç'ит'и'е, ç'ид'и́ж да, фç'о, ç'п'ихá-
йим, ç'н'эгу, вм'иç'т'е, иç'и́вл.*

На конце слова перед паузой возможно произношение долгого
согласного: *ов'о́с:, ни удало́с:, квас:, т'ос:, ка́тиçлæс:, пос:(т), поиç:
(поеть), нлæс:(т), дас:(т).*

Перед звонким согласным в начале и внутри слова и на стыке
слов /с/ представлена обычно звонкими [з], [з̣], [з̤], [з̥]: *здава́т, з
бр'о́внам, з до́му, з гла́зм, у на́з был, у на́з д'едушкэ, у на́з ба́нц, в'ез'
б'ёлэ́й, возм'и́ да брóз да, ја остайѣз' до́ма | обл'ежа́йѣз' да,
изломáл'из' дак, у на́з д'едушкэ, з гла́зм. Но: у на́с бы́ла.*

Возможно, приставка з на месте с в слове зв'áжым.

Гиперизмом являются звуки [ш], [ш̣] на месте [с] в словах *штога́,
роци́л'и́т', повáшенк'и* (побасенки).

Перед согласным может быть долгий звук: *п ráв'и́нна ç:кэ́ála.*

Перед [ш̣] произносится [ш̣]: *иш̣'и́ кобы.*

Перед [ж] произносится [ж]: у *наж жывут*.

Фонема /ц/, выступающая на месте этимологических *ц* и *ч*, обычно представлена звуком [ц'], таким образом, в слободских говорах исконно было мягкое цоканье: *л'ис'н'иц'а, ф'ершал'иц'а, м'ис'ец'а, п'јен'иц'а, кон'ц'а, кол'ц'а, в'ин'ц'о, п'атниц'у, болниц'у, пол'ин'иц'у, операц'у, ц'ер'ква, ц'элым, м'ис'ец'ей, в'иц'и, кузнц'и, отец', налец'*; — *полуц'ала, ц'ат, окуц'ат, сволоц'ат, вьскоц'ат, уц'оныи, прутц'ок, ц'ужыи, ц'елов'эк, ц'есов, заколоц'ен, нец'ево, с'инокоc'н'иц'ееш, на п'ец'и, в ц'истом, оц'ис'т'ил'и, уц'ивс'е, ц'иууны, ц'исла, ниц'иwo, вц'ира, в'иц'ик'и, пом'ек'и, нец'им, нац'н'от, иец'м'ен'ц, молоц'к'о, р'ет'ц'к'а, картшец'к'и, вр'ем'иц'к'е, ф нец'к'ех*. Произносится также альвеолярный апикальный [ц'']: *ц'етър'и, оц'истц'е, вьскоц'ила, сц'ц'ас, ц'итв'ер(е), дулац'ина, шиоц'к'и*; Возможен также [ц''] — альвеолярный дорсальный звук, средний между [ч'] и [ц'], но ближе к [ц']: *знац'ит, линоц'ик, нац'исто, сусзоц'ик, ноц'ес', ц'урк'и, п'ец'к'и, р'ет'ец'к'и, п'алоц'к'ем*; а также [ц]: *пл'ем'анниц'ц*.

Под влиянием литературного языка возникло произношение и других звуков:

в соответствии с литературным [ц]

[ц] — *дв'атц'ат', тр'итц'ат рубл'ей* (наряду с *тр'ит'ц'ет*), в *тр'иц'ат' шэсто́м, одц'ннац'ит, одц'ннац'ет, двиц'атц'ит, воц'мнатц'атоо, на ул'ицу, сп'ицыал'нэ, конц'итц', пей*;

[ц'] — *пл'ем'анниц'ц*;

[ч'] — *п'и(р)о́жн'ич'и* — результат гиперкоррекции;

в соответствии с литературным [ч']

[ч'] — *ч'айу, по ч'орному, ч'ужы́х, ч'ужы́э, прутц'ек, фч'ила, уч'ит'ел'н'иц'ей, на ч'иво́, ч'иво́-нибут, но́ныч'и, д'иц'чо́ноч'к'е, п'еч'к'и*;

[ч''] — альвеолярный дорсальный звук, средний между [ч'] и [ц'], но ближе к [ч']: *о́ч'ин (очень), полуц'а́(л) вот*;

[ц''] — альвеолярный дорсальный звук, средний между [ч'] и [ц'], но ближе к [ц']: *знац'ит, нац'исто, сусзоц'ик, линоц'ик, ноц'ес', ц'урк'и, п'ец'к'и, р'ет'ец'к'и, п'алоц'к'ем*;

[ц] — *нэ цэтыл'о́х, зц'р'ид, иец'ин, нацнэц'е, п'алоцк'а, йамоцк'и*;

[ч] — *робóчы́м, робóчы́ых* (типичное произношение этого слова в северных говорах; очевидно, в этом слове литературный звук переинтерпретирован как реализация /тш/), *пóтч'уут, за́жы́точны́ю*.

Встречаются и другие звуки на месте /ц/ в отдельных примерах. Так, ослаблением аффрикаты и утерей ею смычной фазы объясняются [ç'] в слове *рубѣ'икѣм*, где альвеолярный апикальный звук [ц'] = [т'ç'] теряет смычную фазу после взрывного согласного; [ç] в *вэтой п'ѣск'и*, где твёрдый постальвеолярный апикальный [ц] теряет смычную фазу перед смычным в конце фонетической синтагмы; [з] в *дóз да сы́на* (< *додз да* 'дочь'), где твёрдый [ц] озвончается и утрачивает смычку перед звонким смычным того же места образования. Звук [д] в *дóд жывóт* (< *дóдѣж жывóт* 'дочь') объясняется тем, что твёрдый [ц] с круглощелевой конечной фазой перед плоскощелевым [ж] изменяется в альвеолярный [ч], озвончается и утрачивает щелевую фазу в результате стяжения одинаковых соседних звуков. В слове *оу'с'á* (*отца*) у напряжённого [т'] перед [ц'] = [т'ç'] возникает придыхание, которое перед смычным того же места образования заменяется щелевой фазой согласного: [т'^h] > [т'ç'], а следующая аффриката в результате ослабления теряет начальную смычку, оканчиваясь между двумя щелевыми.

В формах возвратных глаголов после /т/, представленной взрывным согласным или в результате стяжения нулём звука, обычно произносится аффриката: [ц'] — ед. ч.: *остаѣт'и'а*, *мóл'ит'и'а*, *заб'ер'ѣт'и'е*, *открывáиц'е*, *открэѣ'а*, *тóп'иц'е*, *назывáиц'е*; мн. ч.: *омморóз'ет'и'е*, инфинитив: *подредíт'и'е*, *одивáт'и'е*, *выр'ежáт'и'е*, *обратíт'иц'е*, *л'иц'иц'и'е*, *мыц'е*; [ц''] — ед. ч.: *вѣ'в'ис'иц'и'е*; инфинитив: *замахнѣт'иц'е*; [ц'] — ед. ч.: *вѣ'стоит'и'е*, *жéжет'и'и* (*режется*); инфинитив: *дозывáт'и'а*; [ц] — мн. ч.: *грезнѣтце*; инфинитив: *п'итáтцэ*; [ц] — инфинитив: *одивáце*. О возникновении аффрикаты на месте /с/ в этих формах см. [Касаткин 1999а: 251—252].

Встречается также произношение со звуками [ç'], [ç'], [ç], [ç] в постфиксе и аффрикатой на месте согласного окончания: ед. ч.: *захóц'ец'с'е*, *закáтцѣ'с'е*, *ççитáец'се*; мн. ч.: *наидѣц'с'о*; инфинитив: *одевáц'с'е*, *мыц'с'е*, *уб'илáц'се*. Эти формы могут объясняться сохранением прежнего согласного в постфиксе и обычным для русского языка изменением взрывного согласного в аффрикату перед щелевым того же места образования; см.: [Касаткин 1999б]. Другое объяснение — то же, что и для слова *оу'с'á* (*отца*), см. выше.

В сочетании [ç'ц'] (= [ç'т'ç']) смычный между щелевыми выпал, возможно и стяжение одинаковых согласных: *ç'ç'итáиц'о* (*считается*); *ççитáец'се*, *ç'ç'итáиц'е*, *çоç'ç'итáл'и*, *ç'итáица*, *ç'итáи* (*считай*); *çетáвóдэм* (*счетоводом*). Такое произношение в этом корне характерно для говоров с мягким цоканьем; см. [ДАРЯ, вып. 1, карта 50].

Фонема /н/ может быть представлена следующими звуками:

[н] — *на́да, одна́, но́ныч'и, тёмно, ка́жноо, по одному́ сно́пу, бо́лно, прот'áнут, ванну́йу, не́ было, не́ц'ево, не о́ч'ин, не зна́йу, нѣдѣл'и, нѣизв'ѣсно, ни дава́л'и, на до́лон, па́р'ен, йеџм'и́н, Л'ин(и)нгра́дѣ, овѣ́нйо, гов'и́нйе, ра́ншэ, м'э́ншы;*

[н̆] — *на́да, на́ш:, на́д'э́лайом, на́клáс, на колхо́знуу, по́ насту, по́рна, ба́неѣ, сѣо́п'икам'и, колу́ном, войнѣ́, одну́, м'и́нуло, не́куды, не́кому, не́ было, нѣѣт, в'исѣ́й, нѣ́жной, кнѣ́шкѣ, нѣ́дѣ'э́, нѣ́ поробо́тат, нѣ́ родна́а, в'и́нѣк'и, колу́н, ов'и́н, э́н;*

[н̆̄] — *бу́хнут;*

[н̆̄'] — *д'ен';*

[н̆̄'] — *йеџ'м'э́н'и, к'и́н' да (кинѣ);*

[н̆̄'] — *л'и́с'н'иц'а, н'ет, н'иѣт, н'икак'и́а, н'икуды́, в'ин'и'о́, з д'э́н'з'ем, по́сн'ен'к'е, в'и́н'ик, ма́лен'к'а, ма́лен'к'о, по́сэ́хн'ит;*

[н̆̄'] — *н'иѣт, фа́н'э́рк'и, м'е́н'а́, н'и́жний, на ов'и́н' с'п'иха́йим.*

В словах *пóздо* (*поздно*), *бо́лшествó* (*большинство*) отсутствие *н* не может объясняться особенностью упрощения групп согласных, в слове *пóздо* может быть и особенность словообразования без суффикса.

Фонема /р/ может реализоваться вибрантом, как правило, одноударным [р]: *игра́ла, на ковра́х, порóма, брóдом, открьэ́ц'а, огорóт, морóшк'и, ѳорóта, добру́д, загору́ддат, в'идру́д, пройд'о́т, дро́жжѣ, закрѣл'и, отрѣ́ващиц'е, ру́кѣ, зару́б'инк'и, кру́гэм, горбы́л'к'и́-ѣѣ, то́пéр уш, кост'о́р, о́торвал'и, гармо́шка, госуда́рсто, картэ́шок, по́д-д'о́ржывал'и, заде́ришкѣ, ф'ершал'и́ц'а, на задво́рках, и'у́рк'и.*

Перед гласными переднего ряда чаще, чем у других переднеязычных согласных, произносится мягкий [р̆]: *р'а́дом, пр'а́мо, пр'а́ла, тр'а́пок, вар'а́т, вер'о́ука, на сер'о́тк'е, бр'о́вна, бр'евну́д, пр'ема́а, дер'ев'а́ннаа, тр'и, гр'и́вы, ф'костр'и́, р'ика́, двéр'и.*

Перед [е] из *е, а́* и перед [и], [й] может произноситься и твёрдый невелиаризованный [р]: *дерéвн'а, вре́м'а, трéтей, сере́брений, отрéпл'ом, варéн'н'о, брэ́в'ин, дрэ́н'и (дряни), ре́сѣл'и, перел'ива́л'и, го́ре, дерéвн'у, дерѣ́вн'а, тракторѣ́ст, сѣ́тарика́, перѣ́ташибы́л'и, прѣ́н'има́ла, прѣ́лóжыт, прѣ́в'азанаа, прѣ́ижжэ́й, прѣ́в'естѣ́, прѣ́д'и́т'э́;*

[р̆] — *кр'и́л'и;*

[р̆] ретрофлексный — *огоро́ды, горо́дѣл'и, ру́дхло́й, об'еру́т;*

[р̆'] — *кр'э́пко;*

[р̆] — *сра́зу, гра́бл'идв'ишишо, топорáм, родител'и, прóрали (прóдали), рублѣ́й, ра́ншы, робо́тат, ру́к'и, на́в'и́рх, тру́ды́, с Ку́:мзѣ́ра, дѣ́ра́;*

[р̆'] — *пр'ид'о́т^н||;*

[p̥p̥] — с *пápp̥нцм, пápp̥ен, топópp̥ ||, т̥pp̥енáла, пофópp̥сц̥ствие, сц̥с̥тpp̥у, корpp̥ыто, [p̥p̥] — самовápp̥ ||, [p̥p̥'] — свар'p̥'у.*

В позиции *СерС* перед губным и заднеязычным согласным может произноситься [p̥]: *пéр'вым, сéр'н'икам, ц'ёр'ква, кв'ёрху, уц'ёр'пат* (вычерпывают).

Однако часто смычка между загнутым кверху языком и передней частью нёба отсутствует и произносится звук типа [ɹ]: *салáй, уб'илáл'и, фч'илá, колхóзы лáцц'д'илáйт, сестлá, из дláнок, слáзу, класíва, глáзно, лоб'áта, лобáт, лоспол'ин'ад да, толокáнов, клогáток, дáлом, колóвы, оголút (огород), лубц́л'и, заклútат, клúгл'ен'к'и, налúb'ет, по тел'ив'ízалу, плес (прясть), глестц́, г дэлеуу, кúлиц'и, пéлвы, кал'и-дóл, топéл дак, зв'ил, кос'т'óл; кв'ёр'ху, уц'ёр'пат* (вычерпывают).

[ɹ'] — *цэтыл'óх, об'ел'óm, обл'ежáйц̥з' да, пл'иц̥идет, вэскл'ис'е-н'йем, топéл' с'инокóсы, вал'ím, говол'и, пл'ибаутоц'к'и;*

[ɹ] — *у́м'и́л ||;*

диереза: *обрэбóтывал'и (p)áниэ, гово(p)úд да;*

[j], [й] — *ногóй и жéжет, р'эска жéжет'ц'и, сц̥áнут отвоиáд двéл'и.*

Фонемы /ш/, /ж/, как сказано выше, представлены разными звуками с точки зрения твёрдости/мягкости и веляризованности/невеляризованности. На месте /ш/, /ж/ могут также произноситься следующие звуки: заальвеолярные ретрофлексные [ɬ], [ʂ]: *вѣ́суц̣ат, бáбуц̣ка, св'ек.л̣уц̣ка, зав'áжыц̣, повал'иц̣, полóжыц̣, от уц̣ йа вѣ́ц̣:lá, лeжы́т;* аппроксимант [ʂ]: *такáа жóлта-та, покаж̣у́, дж̣жыл'и, т̣ж̣э, кáжной, н̣ж̣но;* [p]: *скáрот;* круглощелевые свистящие: [ç]: *подозгút;* [ç], [ç]: *розр'есáйц̣уд б'ит'у́, сáрик, а цсó (ещё) пол'ев'ик'и́-тц̣, на нóсках, робетц̣ска, скúры, сқúру, что что (што 'что') нáс (наш), под'óс (пойд̣иш), почтáн'икоф накройс, ус́ это, как ус́ т'еб'á йа зóалá да, пол'езáт, поб'езы́т, ху́зе, нó poly хóдиз да;* [ç], [ç]: *в'и́д'ис́ свóивó, иссó (ещё), нáсы́м, эн зы́в'óт, хоз̣у́;* [с^ш]: *ре-с^ш'ыл'и;* [ш^с], [ж^с]: *ис корóвы кóж'ы и'с̣йт.*

Щелевые свистящие на месте шипящих — следы прежнего различения этих двух рядов согласных, сохраняющегося в цоканье — произношении свистящей аффрикаты на месте свистящей и шипящей; см. [Касаткин 1999а: 329—361].

Повидимому, о произношении [с] на месте [ш] и следующем сокращении долгого [с:] перед согласным [к'] свидетельствует пример *муск'áйа (мужская)*.

На месте /ж/ произносится [ш], [ɬ] перед глухим согласным внутри слова и на стыке слов: *дру́к вóзл'е дру́шку, кн̣ц̣и́шку, непо-мнóшку, п'ирошк'и́, с'л'óшку; муш хоруби́эй, уш фс'ó, уш по прó-*

реже [ɛ̯]. Перед безударными гласными почти никогда не произносится [j]. В южнорусских же говорах звук [j] — типичный представитель фонемы /j/ перед ударными гласными и нередко произносится перед гласными безударными; см. [Брок 1907: 64—72; Касаткин 1989: 69; 2005: 70—71]. Связано это с разной степенью напряжённости артикулирующих органов в северных и южных русских говорах при произнесении звуков на месте фонемы /j/. При слабой напряжённости органов речи при произношении звонких согласных, свойственной севернорусским говорам, язык ниже опускается в ротовой полости, расстояние между языком и нёбом увеличивается и становится таким, при котором произносится уже не согласный, а неслоговой гласный.

В слободских говорах фонема /j/

перед ударным гласным обычно реализуется звуком [и̯]:

— после гласного: *настойа́шиэ, мойо́й, сво́йой, по́йѣхал, сто́йѣл'и, засм'ийѣл'ис'е.*

Более открытый звук: *насм'иѣ́лас.*

Возможно и полное отсутствие звука на месте /j/ после гласного перед [и]: *мо́й, сво́йм, стэ́йт, сто́йм, по́йс.*

Перед другим гласным: *настэ́шиэ, на стрэ́ннй-то.*

— после согласного: *вэ́бовийо́т, изэ́вийо́т, зв'ир'йо́, сий́з д'џм, по́пйут, кос'йо́в'ишио, сно́пйа, вот йа́ йес, к йой, вь́нут йих, от йих.*

— **в начале слова:** *йе́й, йу́пк'и, у йи́фó, у йе́фó, за о́з'иры йй́з'д'ил'и, на йе́тэй, и йе́ту, э́тџ йа́моц'к'и, по йа́годы, до и́фó, в йед'инол'и́шном, дак џи́фó, иши́фó.*

— При особой выделенности звукового отрезка, большей его напряжённости произносится [j]:

про́ѣхаў, об́ѣхаџ, пу́ѣхэл'и, по́ѣхал, п.л'и́идет, сво́ја, су́ют, да́јут, сто́јат, насто́јашиый, сто́јйт, јй́з'д'ив јй́з'д'иэ, ре́съл'и јехат, кл'и́ц'ет што јйт' јйт, за ја́годам, а за́йц'и-ти ет јес(ть), па́р'ен да́ вот ја́, а от ја́-то нџ по́мл'у, || ја остай́уз' до́ма, || ја ба́ушка, э́сто ба́ушка ја (ответы на вопрос: Это вы?), || ја йиво́ свар'р'у́, с јим, у јих, ја́годы-тџ, вот' ја́, у јой, пј́ен'иц'а, заб́јот, изов́јот, обов́јот, кор'јó, изј́ѣда, корја́-та, корјóм, заб́јот, прџ́бјот, сощ́јот, во́рқо́в б́јут, наб́јут, жы́тја́, с'јй́з'д'ат, сџм́јй, б'ил'јо́а, сов́јут, нав́јут.

Протетический [й] перед [и]: *пой́дедиш йй́збы мыт.*

[в'] на месте /j/ — гиперизм: *в л'ес ув'ид'ет.*

Перед безударным гласным, как и в литературном языке, обычно произносится неслоговой гласный:

— после гласного: *двѣйо, трѣйо, подушкойоу, ч'аюу, обл'ежсайуз' да, в арм'ийу, с''ийел'и, пр'икрѣйом, с'тайа, нада ийо нар'езат;*

— после согласного: *платѣа, овѣнйо, гов'иние, по вѣскл'ис'ен'ием;*

— в начале слова: *с''ийел'и йецм'ин, с'ийагодам.*

Между гласными возможен и нуль звука на месте /j/: *нѣ (й)ид'ат, у(й)еж:ал'и, вы(й)ихаэ, по(й)исѣ, наидец'с'о, сараи, хоз'аин, с''ийел'и, арм'иш, копѣок.*

Стяжение одинаковых звуков на стыке слов: *не бѣду пот корѣво(й) йа ум'ират.*

Диереза [й] в слабой фразовой позиции: *в мойо(й) в жызнѣстѣ вот пѣл не мѣсе.*

В начале синтагмы где обычно наблюдается бѣльшая напряжѣнность, возможен звук [j]: *||жиму надайѣм ||.*

После гласного перед согласным

— *буйна, з'д'елайт'и, скамейк'и, на койк'е, зайц'и, пойду, проидут, пойдут, пойд'от, войны-то, хоз'аис'в'е, кушайт'е, займ'ѣм,*

— *у(й)д'ѣм, куша(й)те.*

В формах местоимений звук на месте /j/ может произноситься: *всу йейѣ, нац'инаат йейѣ;* отсутствует: *||ийѣ, кѣк'иму нада ([kj] > [k'k'] либо долгий на конце слова), у зѣѣ, н'ѣт'ийѣ, поискѣд'ийѣ, пр'ив'ѣдут'ийѣ.* Возможна диереза первого слога: *нада жо (еѣ) выдрат, нац'инаат жо (еѣ).*

В формах глаголов с приставками и корнем *-ид-* возможна диереза первого звука корня: *по(й)д'ѣт, по(й)дут, про(й)д'ѣш, но: проид'ѣт, уидѣѣт.*

После согласного: *цѣн'йу, полѣз:йа, в'ѣз'йеф, выбѣѣт, полѣзйа, в'ѣз'йа, на полѣзйе, волѣсйа, Настѣсйе, — вот йа йеэ; — варѣн'н'е, варѣн'н'ѣ.*

На конце слова:

— перед гласным следующего слова: *в'есной и ѣсен'ий худо, пожалуй у фс'их, мой-ѣд брат, роднѣй-ѣт.*

— перед согласным следующего слова: *б'ѣлѣй с'в'ѣт, родной-ѣт, одной-ѣт, такой н'украшѣвой старѣй, йѣй поднѣмѣл'и, давай кулѣц'ит, домѣй пошѣэ, фторѣй так, гвѣздѣй-ѣт, кровѣтѣй-ѣт, трѣтей гѣт, кѣкой-ѣт, з'имѣй-ѣт, такѣй дак, подавай (в) народный сѣт, рублѣй дѣсѣт, хорѣшый кр'ѣпкой, ов'ершѣной вот, ѣкой вот, солѣмой бѣѣ, л'удѣй н'ит, кѣжѣной д'ѣн', роднѣй дѣм; — к ѣто(й) жѣм'и, с ѣтѣ(й) вер'ѣкой;*

— перед паузой: *с ма́ц'ихой, весно́й, за н'е́й, ц'ужо́й, ис кудэ́л'ий, до́ўгой, на мо́лоденк'ей, по тэ́й, нц' ка́жный, п'илэ́й, продо́лнэй*; — а по́том т'ос на́в'ирх || до́рожа́ны(й) || што́бы во́да каті́лэс:

При сильной напряжённости на месте /j/ может произноситься смычный согласный [г']: — *г'цjó (её), г'ему́, ф с'емг'йе́, с'емг'и́*.

Гиперизм: [в'] на месте /j/: *ув'ид'ет (уедет)*.

В севернорусских говорах, как известно, в окончаниях прилагательных и в формах глаголов наблюдаются колебания в произношении звуков на месте /j/ между гласными: [й] может произноситься и может отсутствовать, кроме того может происходить ассимиляция и стяжение гласных: *до́браца > до́браа > до́бра, зна́цет > зна́т > зна́ат > зна́т*. Эта особенность входит в число черт, противопоставляющих Северное наречие Южному; см., например: [Кузнецов 1973: 94–95; Захарова, Орлова 1970: 74].

В слободских говорах наблюдается ещё одна промежуточная ступень этого процесса: отсутствие [й], но при этом произношение следующего гласного переднего ряда: *до́браа, зна́ут*. Дальнейшее ослабление артикуляции звука переднего ряда [y] приводит к утрате его лабиализации: *они́ зна́ит*. Сокращение этого гласного даёт неслоговой звук [й]: *они́ д'элайт*. И конечный этап — стяжение этих гласных: *там поны́ совража́т*.

Ступени этого процесса в окончаниях **прилагательных** между гласными:

— **после ударного гласного:**

-аја — *вѣпѣтка бо́лшайа, бу́лшайа, жэ́ншына мо́лодайа, ру́шнайа бы́л робо́тка, товста́йа;*

бул'шайа, дру́гаа, така́а, тодста́а, шуба таа;

нц'родна́а сц'стра́а, пр'ема́а бы́л, ржа́наа со́лмка, кака́а дерѣв'а, така́а на́лоцк'а;

ж'цла́ стару́шка ста́ра ста́ра, шэ́йна, вот ц'вен'ка ма́лен'к'а ма́лен'к'а;

-ују — *дру́гуйу, ру́шнуйу м'аўку, каку́йу, таку́йу, тодсту́йу, хторуйо; на шалну́и;*

то каку́у бр'ев'о́шко, каку́у с'л'о́шку, фс'у́ таку́у жы́с;

кродá дру́г у'и поста́иш, ф с'унокос (в) са́му жару́;

-ојо — *вот тако́йо бы́ло, бол'и'о́йо ||, тако́йе;*

ф тако́йе | ф таќо го́лодно вр'эм'е;

в'идáа како́о домэ́тканэа ткáл'и;

перц'йэ́хал'и на д.лугó м'и́цто, во́инно-то вр'эм'и́ц'к'е, а по́сн'ен'к'е дак во́т квасо́г да гору́шек;

пропр'иет, по̀сп'иет, розопр'иет;

-ају- — *ни зна́йу, ни смога́йу, употри́бл'а́йу, быга́йут, вы́н'има́йут, вы́с'и'ита́йут, зоп'иха́йут, има́йут, м'иша́йут, нак'ида́йут, и́евó и обэ́ж'а́йут' у нас, называ́йуц'е;*

не зна́у, ни́ зна́у, зна́ут, оммара́уцэ́;

ут коды́ розр'е́са́йуд б'ит' куда́ (когда) не розр'иша́уц' ут; обруга́йут;

зна́ит, смога́ид до вэ́ц'ира;

вну́ц'к'и при́жжэ́й дак;

там поны́ совража́т;

-еју- — *заставл'е́йут, кац'е́йут, вел'иц'е́йут, потребл'е́йут;*

-ију- — *забол'и́йу, пров'и́йут, просџ́йут, розопр'и́йут;*

насџ́ит;

-оју- — *закры́т;*

— **перед ударным гласным:**

-ају- — *зда́йут;*

— **между безударными гласными:**

-аје-/ајо- — *наџ'е́лайом;*

овва́р'ивэ́ит;

д'е́лаэ́т, з'д'е́лаэ́т, л'а́паэ́т, з'д'е́лаэ́м, зб'е́гаэ́мо;

д'е́лаат, поку́шаат, пр'ив'а́зваат ||;

д'е́лаиш, фсџ' ровно́ н'е вџ́ц'енаиш ||, л'е́паж до́џџо, поц'и́н'иваж

дрџ́рнџ; вв'о́ртыват, вы́та́ск'иват, д'е́лат, закру́ц'иват, опу́-

товат, пл'ипу́туват ||, св'а́зуат (связа́вает), вы́да́бл'ивэ́т;

да ла́птем ц'и ш'о́ркам ц'и ш'о́ркэм;

-оје- — *вы́мои́ж да;*

-ају- — *дэ́лайут, з'д'и́лайут, з'д'е́лайут'ц'е́;*

з'д'е́лаут;

џу́маи, з'е́лаит (сдела́ют), овва́р'ивэ́ит, ска́зываит;

дэ́лаит;

вы́сџ'ирэ́йт ([э] на месте [а], нуль звука на месте /j/, [й] на месте [у]);

-оју- — *вы́мойу(т) да;*

-ује- — *прџ́буим;*

-ују- — *ж'а́лыц'е́.*

В формах **наречий**: *скар'е́йо.*

Заднеязычные согласные

Фонема /г/ обычно реализуется звуком [г]: *обруга́йут, смога́йу, дорџ́а, два го́џа, горџ́х, огоро́џы, и́аго́џы, недо́џго, баџ́оџ-от, ногџ́и,*

кругѡм, гѹмна, гѹмнѡ, подѡѹгу, гдѣ, глас, глѹбѡкѡ. Возможны также [ɣ] — звук с узкой короткой щелью: *нѹдѡроѹго, однѹ грѹѹду, дѡѹгѡ;* [y] — звук с узкой длинной щелью: *помнѡѹго, ѡѹгуста, розѹла-(ѡ)и(т);* [y̆] — звук с широкой щелью: *ц'иѹуны, коѹды;* [ɣ']: *з д'ѣн'-г'ѣм, ѡл'г'у.*

На конце слова перед паузой и перед следующим словом, начинающимся с сонорного согласного или [в], после которого гласный, произносится [к]: *сапѡк, батѡѡк, ут'ѹк ѡес', друк возл'ѣ друшкѹ.* Перед [к], [к'] произносится имплозивный [к̚], [к̚']: *л'ѣкѡ, л'ицкѡ, м'ѡк'к'иѣ.* Перед [ц'] произносится [к]: *л'ѣкц'и.*

Мена [ɣ] на [в] произошла в слове *самовѡнк'и* при обычном произнесении *самогѡнка.*

Возможна диереза конечного звука на месте /г/ после согласного перед паузой: *в'ел'ицкый ц'итв'ѣр(г).*

В союзном слове *где* произносится начальный звук [ɣ]: *вот теп'ѣр' гд'ѣ у нас бѣл'и з'имѡѹка-та; на ѡзбу вѣв'ѣс'т'и дак цт ни в однѡм м'ѡс'т'ѣ гд'ѣ жѡ окатѡт; Полѹтѹха | гд'ѣ вы жыв'ѡти; возможна и диереза [ɣ] между двумя [д]: батѡг-од дѣ сѹѡит | тапѡ коррѣито на нѡсках.*

Фонема /y/ представлена звуком [y]: *боѹаты, боѹатыи-т'и, боѹѡво, нѹ боѹато, в боѹатѡм, побѡѹате, боѹѡц (богач), слѡва боѹу, в'ѣрушиѡѡ бѡѹу, а боѹ знат, боѹѡмѡлк'и, нѹ даѡ ѹѡспѡт, не прив'ед'и ѹѡспѡд'и, блаѹѡдат; на конце слова произносится [x]: бѡх.*

Фонема /к/ обычно реализуется звуками [к]: *кѡк-тѡ, роскѡзыват, картѡшок, на задѡрках, робѣт'ицка, н'ицк'иѡ, кѡкѡѡ, дѡткѡ да бѡпка, вот ѡв'ѣн'ка, прокормл'иѹ, кѡсѡѡ, кѡсѡнк'ѡ, мужѡѡк-ѡт, с'ѣнокѡс, кѡмѹ, под окѡшкѡм, шкѡла, такѹ, н'ицкѡды, куп'ит', лѹкѡѹкѹ, вел'ицкѹм поѡтѡм, квас, кр'ѣпкѡѡ, закрѣл'и, к своейѡѡ, пом'ѣкц'и, в'ин'иц; [к']: к'ип'ѣткѡм, мѹк'и, полѡск'и, руск'их, скѡтѡнк'и, ѡа дак'и н'ѣ возмѹс, в г'ѣрманск'иѹ, ф н'ѣц'к'и-ту (вин. п. ед. ч.), на молѡденк'ѣѡ, пѡсн'ѣн'к'ѣ, скѡл'к'ѣ, с пѡлоц'к'ѣм (тв. п. мн. ч.), ф пѣц'к'ѣх, дак'ѣт вѣскоц'ѡт, В'ит'к'ѡ, мѡлен'к'ѡ, р'ѣт'цѹк'ѡ, тѡл'к'ѡ, пѡлоцк'ѡ, тоѡк'ѡм, слѡбоцк'ѡѡ, малѣн'к'ѡ, скѡл'к'ѡ; после и перед [и] возможен также [к̚]: иѹтѡѡцк', подрѹшк'и-т'и.*

Перед звонким шумным согласным внутри слова и на стыке слов произносится [ɣ]: *г бѡпк'ѣ, мужѡѡг бѡѡѡ, ѡсѡг бѡѡѡ, тѡг бѡ, ѡѣкаг бѡѡ, рѡнѡше даг бѡ рѹк'и ѡторвав, кѡтѡѡѡг дѣр'ив'ѡннѡѡ, даг дѡѡѡго, ч'ѡлаѡѣг дак, квасѡг да, да мѡлотѡг да, тѡг да, кѡг дрѡѡѡ-т'и, кѡг дѡжжѡвѡѡѡѡ, горбѡл'ѡг дак, кѡг з бр'ѡвѡм, кѡг жѡлѡѡт; возможен также [ɣ]: кѡѡ жѡѡ. Но: да кѡнцк бѡѡѡ да.*

Возможна регрессивная ассимиляция по месту образования: || *ḍ дру-го́му* (к *дру́гому*), диереза звука между двумя [д]: *навóзид* (к) *дóму*.

Перед [т] может произноситься [х]: *хтэ*, *хтó-то*, *трахтэр*, *трахтэр'исты*.

При слабой напряжённости возможно произношение на месте [к], [к'] щелевого [х], [х']: *вот тáх*: ||, *из в'ер'óрх'и* (при обычном в'ер'óрка).

В сочетании *ркн* заднеязычный выпал: *швáрнуў*.

Фонема /х/ обычно представлена звуком [х]: *слыхáл'и*, *нап'ихáит*, *хозáин*, *сходóила*, *схóд'ат*, *плóхэ*, *кэлхэс*, *ф хэлхэци*, *хúдо*, *нуплохúм*, *хвос*, *захватúл'и*, *хм'елнúк*, *хл'éба*, *похл'ибáйом*, *посóхн'ит*; после [и] может произноситься [х']: *жон'úх*, *úх'ну бáн'у*; перед [и] и мягким согласным — [х']: в *Злóб'их'и*, *зоотéх'н'иком*.

На конце слова перед звонким шумным согласным следующего слова произносится [γ]: *на эт'их нутошáу бýло*, *у ç'éу бýло*, *étуу бл'инудú*, *у мнóгúу* (в) *дерéвнц*, *а тýу до мен'á óддал'и*, *в'эруш'иш'иу дак*, *на своúх ногáу дэ*, *никак'иу завóдоф*, *двуу годóў*, *горóу горóхóм*. Возможно произношение [γ] и перед сонорным следующего слова: *на двуу лэшед'áх*.

В некоторых словах произносится [к] ([к']) на месте исконного [х]: *кл'ев*, *сқодú*, *сқод'ад да*, *кож'úk'и* (*кожухи*).

В некоторых словах на месте [х], [х'] произносится [ф], [ф']: *фúтор*, *по кúфнц*, *поңаф'и́ду* (*панихиду*); лабиовелярный звук: *кúх'на*. Возможна ассимиляция по месту образования — произношение [в] на месте [γ] перед [б]: *úв* (*их*) *бож'áта зоúт*.

В слове *шахáт*, *шах фпер'ót* фонема /х/ на месте исконной /г/.

5. Как сказано выше, согласные фонемы в старшей системе слободских говоров не противопоставлены по твёрдости/мягкости. Эта система испытывает сильное влияние литературного языка, перестройка этой системы происходит в настоящее время, и в речи младшего поколения уже видны проявления новой системы, где согласные мягкие могут противопоставляться твёрдым в одних и тех же позициях.

Старшая система согласных фонем слободских говоров включает корреляцию по глухости/звонкости, в неё входят: /п/-/б/, /т/-/д/, /с/-/з/, /ш/-/ж/, /к/-/г/, /х/-/γ/ — 12 фонем. Эти пары фонем нейтрализуются на конце слова перед паузой и перед гласным и сонорным согласным следующего слова, а также перед глухим шумным согласным внутри слова и на стыке слов, где они реализуются соответст-

вующим глухим согласным, и перед звонким шумным согласным внутри слова и на стыке слов, где они реализуются соответствующим звонким согласным.

При большом количестве примеров, характеризующих эту закономерность, есть и единичные отступления от неё: произношение внутри слова и на стыке слов глухого согласного перед звонким шумным и звонкого перед глухим шумным. По-видимому, это следы прежней системы противопоставления согласных по напряжённости/ненапряжённости, когда согласный перед согласным находился в сильной позиции и не испытывал влияния следующего согласного. Об этом же говорят и некоторые примеры прогрессивной ассимиляции согласных и другие описанные выше факты.

На месте фонемы /в/ может произноситься звук [ф], наиболее частые примеры встречаются в начале слова перед глухим согласным, где [ф] произносится гораздо чаще, чем [в]. В позициях же конца слова и перед глухим согласным в середине слова примеры с [ф] встречаются гораздо реже, чем другие звуки — [в], [в̥] и неслоговые гласные.

Звук [ф], представляющий /ф/, возможен только перед гласным, [ф] на месте /в/ и на месте /ф/ встречаются в разных позициях, фонемы /в/ и /ф/ не имеют позиций нейтрализации, поэтому они не составляют пары по глухости/звонкости. Однако сближение этих фонем началось уже в речи старшего поколения представителей слободских говоров, в речи же младшего поколения произошли дальнейшие изменения и фонемы /в/ и /ф/ стали парными по глухости/звонкости.

Фонемы /с/–/ш/ и /з/–/ж/ представляют корреляцию по способу образования: свистящие круглощелевые/шипящие плоскощелевые; перед [ш] и [ж] фонемы /с/–/ш/ и /з/–/ж/ нейтрализуются и бывают представлены шипящими [ш] и [ж].

Слободские говоры сохраняют следы прежней системы неразличения всех свистящих и шипящих согласных, когда на месте шипящих произносились свистящие звуки. Это проявляется в мало поколебленной системе мягкого цоканья и в отдельных примерах произношения свистящих щелевых согласных на месте шипящих.

Фонема /б/ перед [в] внутри слова реализуется звуком [в]. Такое сочетание возникает на стыке приставки *об-* с корнем, начинающимся с [в]. Сочетание [вв] может быть и на месте приставки *в-* с корнем, начинающимся с [в]. Поэтому можно говорить о нейтрализации /б/ и /в/ в позиции перед [в]. Следовательно, фонемы /б/ и /в/ пред-

ставляют одномерную оппозицию по терминологии Н.С.Трубецкого и составляют пару по взрывности/щелинности.

Фонема /б/ перед [м] внутри слова реализуется звуком [м], возникает сочетание [мм]. Однако поскольку нет примеров произношения [м] на месте /м/ перед [м], нельзя говорить о нейтрализации /б/ и /м/ в этой позиции: сочетание [мм] внутри слова всегда представляет сочетание фонем /бм/.

Фонемы /в/ и /л/ внутри слова перед согласными и в конце слова могут реализоваться разными согласными звуками: [в], [в̥], [w], [ф] и др. в соответствии с /в/ и [l], [l̥] и др. в соответствии с /л/. В этих позициях фонемы /в/ и /л/ часто реализуются также одними и теми же неслоговыми гласными. Таким образом, наблюдается различие и нейтрализация этих фонем в одних и тех же позициях в слове.

Однако при таком рассмотрении не учитывается еще один вид позиций — фразовых. Определяя пути утраты различия фонем /ω/ и /o/, /ъ/ и /e/, Р. Ф. Касаткина писала: «Слабые фразовые позиции создают условия для нейтрализации ⟨ω⟩—⟨o⟩ и ⟨ъ⟩—⟨e⟩. Можно предположить, что именно таким был путь отхода от древней системы, различающей семь гласных фонем в большинстве говоров русского языка, включая те, которые легли в основу современного литературного языка» [Пауфошима 1983: 33]. Эти же условия необходимо учитывать и при рассмотрении взаимоотношений между /в/ и /л/: внутри слова перед согласными и на конце слова эти фонемы различаются в сильных фразовых позициях и не различаются, нейтрализуются в слабых фразовых позициях.

Таким образом, фонемы /в/–/л/ парные, нейтрализация снимает их различие по месту и способу образования: /в/ «губная» «щелевая» «звонкая» — /л/ «переднеязычная» «щелевая» «срединная».

Возможны и другие условия для нейтрализации согласных фонем. Так, выше указывалось, что при ослаблении напряжённости артикуляции на месте «переднеязычных» фонем /л/, /р/, /д/ могут произноситься одни и те же звуки [р], [р̥], [л]. Это ослабление напряжённости может возникать в слове, находящемся в слабой фразовой позиции, но возможно и в сегментах речевого потока большей протяжённости, чем слово, и охватывающих несколько слов, всю фонетическую синтагму или фразу и даже несколько фраз.

Ослабление напряжённости может приводить и к произношению щелевого аппроксиманта на месте /б/, приводящему к нейтрализации /б/ и /в/, звонкого щелевого согласного на месте /г/, приводящему к нейтрализации фонем /г/ и /г̥/.

Случаи произношения [в'] на месте /j/ показывают возможность нейтрализации /в/ и /j/. Примеры произношения [ц] на месте /л/ и /р/ свидетельствуют о возможности нейтрализации фонем /л/, /р/ и /j/.

2.2. О некоторых проявлениях апико-альвеолярных артикуляций в русских говорах

Давно замечено, что в диалектах русского языка можно обнаружить такие фонетические явления, которые считались до сих пор принадлежностью самых экзотических фонетических систем. Так и то явление, которому посвящен раздел, было впервые открыто в системах, весьма далеких от славянских — языках австралийских аборигенов (см., напр., [O'Grady 1960; Oates 1964]) и западно-африканских языках [Ladefoged 1968]. Существенное различие, однако, состоит в том, что в русских диалектах это явление относится к разряду sporadических, а не регулярных, и остается в сфере речи, а не языковой системы¹⁷.

При работе над звучащей хрестоматией [Касаткина 1999] обнаружилось, что нередко в диалектной спонтанной речи в соответствии с фонемами /л/ и /л'/ произносятся *р-образные* звуки.

Это явление впервые обратило на себя внимание автора при расшифровке магнитофонных записей для 1-го выпуска хрестоматии, посвященного севернорусским говорам [Касаткина 1991]. Таких случаев при прослушивании текстов спонтанной севернорусской диалектной речи было обнаружено несколько, но в хрестоматию вошли только три: *в рѳтках* (в лѳдках), *роскѳзывара* (расскѳзывала) и *р'ѳсы* (лѳсы) [Там же: 86, 93, 183]. Все примеры — из записей говоров Харовского р-на Вологодской обл. *Р-образный* согласный выступает здесь и на месте палатализованного [л'] — *рѳсы-*, и на месте фонемы /л/, которая в вологодских говорах реализуется как апико-альвеолярный латеральный согласный [l]: *лѳвка*, *лѳк*, *былѳ*, *лѳтка* и т. п.

В магнитофонных записях южнорусской речи также были отмечены подобные случаи, но *р-образный* согласный здесь был представлен на месте мягкого [л'], ср. следующие примеры: *Был'и падр'ѳч'ч'ик'и на р'ѳес'и* (на лѳесе) — Калужская обл., Юхновский р-н; *патѳм мы*, *бѳбы падр'ѳр'им* (подѳлим) — Смоленская обл., Руднянский р-н; *бр'инѳв* (блинов) *нѳн'иклѳ*; *ѳей р'ѳба* (Лѳуба) *звѳли*; *Паѳл'и дѳр'а* (дѳле, дѳльше); *им ѳтѳ дѳр'и* (дѳли) — Калужская обл., Хва-

¹⁷ О вибрантах в русском литературном языке см. [Касаткина 2000а].

стовический р-н, *паўрѣри* (погрели) — Воронежская обл., Россошанский р-н, *реш'йт'* (лечить) — Курская обл., Октябрьский р-н.

Возникает вопрос, какие особенности артикуляции [л] и [л'] в диалектной речи способствуют возникновению акустического и перцептивного эффекта появления звуков типа *p* (*p'*) вместо латерального? Как уже было сказано, в вологодском говоре, из которого приведены примеры *на рѣтк'е*, *роскázывара* в соответствии с /л/ обычно произносится так называемое *l-среднее*, т. е. звук апикоальвеолярного образования, отсутствующий в большинстве говоров южнорусского наречия. При артикуляции такого согласного может возникнуть эффект произношения *p-образного* звука в тех случаях, когда смычка более кратковременна, чем при реализации [л]. Возникает так называемый *мгновенный* латеральный *flap* или *tap*¹⁸, т. е. согласный того же места образования, что и [л], но характеризующийся или очень короткой смычкой (*tap*), или мгновенным скольжением кончика языка (*flap*). П. Ладефогед и И. Мэддисон подчеркивают, что пассивный орган при этом — альвеолы или постальвеолярная зона. Именно такая артикуляция характерна для многих русских говоров (см. [Кузнецова 1977: 64—66]. На палатограммах, приведенных в статье А. М. Кузнецовой, хорошо видно, что зоной контакта переднеязычных смычных в обследованных ею говорах является область альвеол, а в некоторых случаях и постальвеолярная зона. В той же работе показано, что активным артикулятором при произношении переднеязычных во многих говорах является апекс, т. е. кончик языка. Это хорошо видно на лингвограммах [Там же: 65]. Тем самым многие говоры русского языка отличаются от литературного с его дорсальным артикуляционным укладом (см., напр., [Матусевич 1959: 52; Кузнецова 1977: 63].

Следовательно, для возникновения эффекта мгновенного согласного требуются три условия: 1) активным артикулятором является апекс (кончик языка) или ламина (примыкающая к апексу поверхность языка) [см. Ladefoged, Maddieson 1996: 231]; 2) пассивный артикулятор — альвеолы или постальвеолярная зона; 3) краткость смычки.

¹⁸ Между этими двумя артикуляционными типами существует очень тонкое различие, принимаемое во внимание далеко не всеми фонетистами: при общей зоне образования (альвеолы или постальвеолярная зона), при общем активном артикуляторе (апекс или ламина) и при одинаковой — очень краткой — длительности смычки *flap* образуется кратким движением языка по касательной вдоль зоны контакта, а *tap* — точечной мгновенной смычкой (см. [Ladefoged, Maddieson 1996: 231]).

Тот же эффект может наблюдаться и при образовании мягких латеральных апико-альвеолярного характера, если смычка недостаточно реализована. Латеральный *flap* [L] очень близок по акустическому эффекту к *flap* 'у *эровому* — [ɾ] [Ladefoged, Maddieson 1996: 243] — отсюда и возникает слуховое впечатление о замене одного плавного согласного другим. Следовательно, приведённые случаи должны были бы иметь следующую транскрипцию: [в Лóтках, Л'ысы, на Л'йёс'и, бЛ'инów, дáЛ'и] и т. д.

Возможно, что именно с таким, первоначально только речевым акустическим эффектом связаны появления лексикализованных случаев типа *колидóр*, *дилéктор*, *ралёк*, *Хлор* (имя Фрол), *хрóлка* (хлорка), *фёршал* (фельдшер), известных многим говорам и московскому просторечию, где явления дистантной диссимиляции или метатезы плавных могли появиться в результате гиперкоррекции. Также результатом гиперкоррекции, по-видимому, следует объяснять произношение *хлáнишь* вместо *хрáнишь*, отмеченное нами в Новооскольском р-не Белгородской обл. в таком контексте: (набойщики ходили, разрисовывали холстину для фартуков) — *И не линяло? Нет, не линяло. Харóшэя ляжы́ть, бувáлэ хлáниш...*

Ещё один фонетический факт, связанный с существованием апикального уклада языка при артикуляции переднеязычных согласных в ряде говоров: появление *p-образного* звука в соответствии с /т/, /т'/ и /д/, /д'/: многочисленные случаи произношения частицы *эрак* (эдак) в вологодских говорах (ср. также лексикализованные примеры *свáрьба* 'свадьба', *усáрьба* 'усадьба', *клáрьбище* 'кладбище' в тех же говорах). В южнорусских говорах также записаны следующие примеры такого рода: *пáлэсáрьи* 'полосáтые', *аринáкэвыи* 'одинáковые' — Хлевенский район Липецкой обл.; *свáрьба* — Хвастовичский р-н Калужской обл.; *Суржа, за Суржэю* (топоним 'Суджа') — Обоянский р-н Курской обл.

Здесь на месте *t* и *d*, *d'* также произносится *p-образный flap*. Эта артикуляционная замена сродни той, что отмечена для американского английского: ср., напр., *ladder* [Crystal 1987: 153], *city*, *latter* и *ladder*, произносимые в разговорной американской речи как [sígi, lærə] — [Ladefoged, Maddieson 1996: 231]¹⁹.

¹⁹ Здесь можно привести один курьёзный пример, записанный от русской старообрядки в США, в штате Орегон. Она приехала в Соединённые Штаты, совершенно не зная английского языка. Знала только несколько выражений, в том числе — в её произношении — *шарáн*. Она полагала, что это значит 'спасибо' и употребила его в разговоре с американцем, к которому

В литературном английском такой же согласный произносится и на месте /r/ в интервокальной позиции, напр., в слове *very* [Gimson 1970: 31; Crystal 1987: 153]²⁰. Известен этот звукотип и фонетике испанского языка, где мгновенный смычный [r] фонологически противопоставлен вибранту [r], как в *pero* — *perro* [Quillis 1963] (испанский *flap*, впрочем, характеризуется как дентальный, а не альвеолярный, см. [Monnot, Freeman 1972]).

Для восприятия носителей русского литературного языка два мгновенных согласных — латеральный L и эровый r — звучат одинаково, так как в системе русского консонантизма отсутствует противопоставление фонем, воплощением которых являются подобные согласные. Сквозь свое “фонологическое сито” (по выражению Н. С. Трубецкого) — носители литературного языка слышат в необычных диалектных реализациях нечто *p-образное*, принимая это за реализации фонем /p/ или /p’/.

Все эти сигналы свидетельствуют о специфике артикуляционной базы конкретного говора или группы говоров, об особом — апикоальвеолярном — артикуляционном укладе в них.

Английским терминам *flap* и *tap*, обозначающим разновидности мгновенных артикуляций, могут соответствовать русские термины *скользящие* (или *касательные*) и *толчковые*.

3. Аканье и яканье — история и современность

3.1. Из истории аканья — яканья в русском языке

1. Что такое аканье

Аканье присуще всем говорам Южного наречия русского языка и значительной части среднерусских говоров. Свойственно оно и литературному языку.

Первые указания на аканье относятся к XVIII в. А. Д. Кантемир в рукописном русско-французском словаре (1737 г.) отметил: «Дворя-

нанималась на работу. Удивилась его негативной реакции и только потом узнала, что это значит ‘заткнись!’ — *shut up!* Здесь в американском английском тоже произносится *flap*, который русскими воспринимается как /p/.

²⁰ Впрочем, и в русском литературном языке, по-видимому, в некоторых случаях возможна реализация интервокального одноударного p как мгновенного смычного, особенно в заударных позициях. Это предположение нуждается в дополнительной экспериментальной проверке.

не и те, кто им подражает, часто заменяют О на А в начале и в середине слов; например говорят: *агурец, акошко, пападья, башмак* на месте *огурец, окошко, попадья, бошмак*» [Успенский 1994: 200]. В. К. Третьяковский в «Разговоре между чужестранным человеком и российским об орфографии» уточнил: «В московском выговоре все (о) неударяемые за (а) произносятся. Пример: *малако* вместо *молоко*. Сие наблюдение есть без изъятия» [Третьяковский 1748: 398; см. также 148—149, 305, 368; 1849: 273; см. также 207]. М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» указывал: «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы *о* без ударения, как *а*, много приятнее» [Ломоносов 1952: 430].

В XIX в. стал употребляться термин «аканье». Н. И. Надеждин в 1841 г. использует термины «аканье» и «оканье» как главные признаки двух основных наречий великорусского языка; см.: [Оссовецкий 1961: 17]. М. А. Максимович видел различия в аканье, он выделяет рязанское наречие, которое «обращает *о* без ударения в дебелое *а*», и московское наречие, которое «обращает *о* без ударения в лёгкое *а*» (1839); см.: [Даль 1852/1978: XLVI]. Но какова разница между этими видами аканья, М. А. Максимович не уточняет. В. И. Даль определял аканье следующим образом: «*о* без ударения везде произносится как полногласное *а*» [Там же: LXIX].

А. И. Соболевский, подводя итоги изучения русских диалектов в XIX в., аканьем называет произношение звука [а] на месте /о/ и /а/ уже не только после твёрдых согласных, но и после мягких и выделяет два типа аканья. При умеренном аканье, характерном для литературного языка и части Московской губ., «на месте древних (= орфографических) неударяемых *а* и *о* слышится: {...} в начале и в конце слов всегда и в середине слов после искони твёрдых согласных {...} непосредственно перед ударением — *а*, несколько закрытое, приближающееся к *о*», после мягких согласных — *и*. При сильном аканье, занимающем «весь великорусский юг, отчасти восток и запад», «место нашего неударяемого *а* занято тоже *а*, но более открытым, резким, произносимым отчётливо, неприятно для нашего слуха. Этот последний звук слышится также на месте наших *и* и глухого, близкого к *ы* — после *ј*, мягких согласных, шипящих и *ц*» [Соболевский 1897: 10, 13]. В современной диалектологии термин «умеренное аканье» не употребляется, а «сильное аканье» употребляется как синоним «недиссимилятивного аканья».

Этапным в исследовании аканья было открытие А. А. Шахматовым в говорах Мосальского уезда Калужской губ. особого типа аканья, названного позднее диссимилятивным аканьем жиздринского типа, — произношение на месте /а/ и /о/ перед ударным [а] звука более закрытого, чем [а], а перед другими ударными гласными [а] широкого. Этот же тип аканья А. А. Шахматов обнаружил в текстах народной речи, записанных В. Н. Добровольским в говорах Ельнинского уезда Смоленской губ. [Шахматов 1896—1897]. Это было открытие в русской диалектологии зависимости в южнорусских говорах качества предударных гласных от качества ударных. Ранее диалектологи знали лишь о зависимости гласных от твёрдости/мягкости следующих согласных, характерной, главным образом, для севернорусских говоров²¹. А. А. Шахматов высказывает предположение, что обнаруженный им тип древний, из него позднее возникло недиссимилятивное аканье.

В XX в. были открыты многие типы аканья и яканья. Огромный вклад в описание большинства из них был сделан Н. Н. Дурново, который на основе собственных полевых исследований южнорусских говоров и анализа примеров, приведённых в разных описаниях говоров, классифицировал основные типы яканья и дал им названия [Дурново 1917—1918]. Эта классификация была позднее дополнена Р. И. Аванесовым [Аванесов 1949: 77—102; 1974: 143—169] и другими диалектологами, открывшими новые типы предударного вокализма.

Важным было открытие Н. Н. Дурново [Дурново 1929б: 317] и О. Б. Курило [Курило 1924; 1928], затем аспиранткой С. С. Высотского И. С. Делюсиной архаического типа диссимилятивного аканья (параллельного известному ранее архаическому типу диссимилятивного яканья), который позднее также обнаружила и описала Т. Ю. Строганова [Строганова 1955]. К. Ф. Захарова на основе ана-

²¹ В. И. Даль первый описал тип аканья и яканья, позднее названный жиздринским типом диссимилятивного аканья и яканья: в смоленском наречии «коли последующий слог под ударением, то *е, ѣ* переходят в *я*, а после коренного *ц, р, ш, щ, ч* в *а*. Если же в слог под ударением будет *а, я*, то *е, ѣ* переходят в *и*, а после *ц, р, ш, щ, ч* в *ы*. Вот замечательное склонение слова *дитя*: И. *дзяцѣ*, Р. *дзицѣ*, Д. *дзяцѣ*, В. *дзяцѣ*, Тв. *дзяцѣм*, П. *о дзяцѣ*» [Даль 1852/1978: LXXV]. С современной точки зрения в этом описании к предударным *е* и *ѣ* надо добавить *я* (В. И. Даль имел в виду буквы). Здесь впервые указана зависимость предударного гласного от ударного в русских говорах, однако это наблюдение В. И. Даля не было замечено русскими диалектологами и историками русского языка.

лиза материалов ДАРЯ сделала важные наблюдения о происхождении и путях развития некоторых типов яканья [Захарова 1959; 1971; 1975 и др.]. К описанной Н. Н. Дурново ассимилятивной зависимости предударного гласного перед [а] в некоторых типах вокализма после мягких согласных были добавлены разные типы ассимилятивной зависимости предударного гласного после твёрдых согласных перед гласными среднего подъёма при аканье, обнаруженные Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель, а также Д. М. Савиновым [Касаткина, Щигель 1995; Савинов 2001: 212—213]. Обнаружены и описаны были и другие типы предударного вокализма в акающих говорах; см.: [Касаткин 1999: 417—424; 2002а; Чекмонас 1999] и др.

Многие исследователи XX в. характеризуют аканье как неразличение, нейтрализацию безударных /о/ и /а/; см., например: [Дурново 1924: 78; 1969: 154; Аванесов 1949: 62; Кузнецов 1960: 52; Колесов 1972: 100; Горшкова, Хабургаев 1981: 99; Иванов 1990: 203] и др.²² Этого определения, конечно, недостаточно: то, что звуки на месте этих фонем в безударных слогах произносятся одинаково, ещё не говорит, каковы эти звуки. И диалектологи, раскрывая это определение, уточняют его в своих описаниях типов аканья: во всех этих типах произношение безударного звука [а] на месте /о/ и /а/ в некоторых позициях обязательно. Нет ни одного типа аканья, где бы на месте /о/ и /а/ в безударных слогах произносились только звуки, отличные от [а], и никогда, ни в одной позиции не произносился бы звук типа [а].

Неполнота общего определения аканья требовала уточнения. Не всякая нейтрализация гласных неверхнего подъёма в безударных слогах может быть названа аканьем. В окающих говорах отмечаются случаи произношения предударного [о] на месте /а/: *руковá, брoлá, глoзá, зoбрáл'и, похáт'* и т. п. Некоторые диалектологи, описывая эти случаи, высказывали предположение, что в системах этих говоров произошла нейтрализация /о/ и /а/ в предударном [о] [Русская диалектология 1964: 37], и называли такую систему гиперкорректным оканьем [Жуковская 1968: 6—10; Назарова 1975: 101—102] или

²² Некоторые лингвисты продолжали пользоваться принятым ранее определением: «Так как чаще всего неударяемому предударному и заударному “о” северновеликорусских говоров соответствует в южновеликорусских — звук “а”, то эту черту южных диалектов называют “аканьем»» [Ерёмин, Фалёв 1928: 31]; «аканье, т.е. произношение неударяемого орфографического о в виде а, напр. *вадá*» [Богородицкий 1935: 246] и др.

гипероканьем [Касаткина 1991: 17; Чекмонас 1998: 62]. Но никто не называл такую нейтрализацию аканьем. В некоторых окающих говорах известно еканье, т. е. нейтрализация гласных неверхнего подъёма после мягких согласных в 1-м предударном слоге при произношении на их месте звука [е]. Но еканье в окающих говорах тоже никто не называет аканьем или его проявлением. В некоторых языках, например в английском, гласные неверхнего подъёма в некоторых безударных позициях нейтрализуются в звуке [э], но и это явление не называют аканьем.

В начале 1970-х гг., когда началась работа над энциклопедией «Русский язык», Р. И. Аванесов, член её редколлегии, поручил Л. Л. Касаткину написать статью об аканье и одобрил её. В этой статье сказано: «А(канье) в узком смысле — неразличение *о* и *а* в безударном положении, совпадение их всегда или в части позиций в звуке *а*» [Энциклопедия 1979: 14]. Позднее эта формулировка с некоторыми уточнениями повторялась в разных энциклопедических изданиях, учебниках и учебных пособиях.

Эта формулировка соответствовала представлениям лингвистов об этом явлении: «Аканье, т. е. совпадение безударных *а* и *о* в одном звуке. При этом в 1 предударном слоге из *а* и *о* после твёрдых согласных по большей части бывает *а*, чем и вызвано название самого явления»²³ [Дурново 1924: 78—79]; «В акающих говорах одни и те же гласные произносятся различно в зависимости от того, находятся они под ударением или не под ударением, и в зависимости от того, в котором слоге перед ударяемым или после него они находятся. По одному частному случаю этого широкого явления, а именно потому, что в известных случаях на месте буквы *о* произносится [а], всё явление условно называется в науке *аканьем* — словом, взятым из уст народа» [Ушаков 2009: 189]; «Под умеренно акающими (говорами) понимают такие, в которых звук, близкий к *а*, является на месте *о* и *а* лишь в первом предударном слоге, а в остальных слогах (кроме начала слова) на месте этих гласных является редуцированный гласный. Под сильно акающими понимают такие, в которых *а* на месте *о* и *а* является в любом безударном слоге» [Кузнецов 1948: 29].

Итак, **аканье** — это **неразличение в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъёма при совпадении их в части пози-**

²³ По произносимому звуку и обозначающей его букве названы и другие типы безударного вокализма: оканье, яканье, иканье, еканье (эканье), ёканье.

ций в звуке [а]. Аканье в узком смысле — такое неразличение /о/ и /а/ после твёрдых согласных, аканье в широком смысле — такое неразличение всех гласных фонем неверхнего подъёма после твёрдых и мягких согласных.

2. Как возникло аканье

О причинах возникновения аканья лингвистами высказывались разные предположения. Большинство лингвистов принята теория А. А. Шахматова, который полагал, что аканье возникло в результате двух фонетических процессов.

Сначала в восточнорусском наречии — основе южнорусского наречия и белорусского языка — произошло сокращение длительности всех безударных гласных среднего и нижнего подъёма, в результате чего они совпали после твёрдых согласных в редуцированном гласном [э] (А. А. Шахматов обозначал этот звук как *α* или *ъ*), а после мягких согласных в редуцированном [э̣] (А. А. Шахматов писал — *ε*, употреблявшееся в начале XX в. для обозначения безударного «иррационального» [ε̣] закрытого; см.: [Брок 1916: 22]).

Затем на следующем этапе эти [э], [э̣] удлинились перед гласными верхнего подъёма [и], [ы], [у] и верхне-среднего [иѐ] — /ѐ/ и [уѐ] — /ѡ/. Это удлинение привело к изменению [э] > [а], а [э̣] в одних диалектах изменялся в [а], в других в [е]. Перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов [е], [о], [а] удлинения не было, в этой позиции так и остался [э], а [э̣] > [е], чаще в [и]²⁴. Это аканье было диссимилятивным²⁵. Ещё позднее в части южнорусских говоров

²⁴ П. С. Кузнецов писал: «Многие лингвисты, и уже давно, рассматривают аканье (в широком смысле) как результат редукции гласных в безударном положении, но именно как результат, а не как самоё редукцию. Так по существу рассматривал в генетическом плане аканье и Шахматов. И при всём различии в деталях, и весьма существенных деталях, такое понимание аканья следует признать соответствующим действительному положению вещей» [Кузнецов 1964: 33].

²⁵ Следует иметь в виду, что причиной происхождения этого типа аканья не могла быть диссимиляция — стремление говорящих, сознательное или бессознательное, расподобить подъёмы гласных. Диссимиляция — лишь результат фонетических процессов, происходящих в определённых позициях, но она никогда не является их причиной. «Принцип диссимилятивности в аканье состоит в том, что характер гласного звука зависит от характера гласного звука следующего слога: перед слогом с гласными верхнего подъ-

произошло обобщение предударного гласного [a] в 1-м предударном слоге перед всеми ударными гласными. Так возникло сильное аканье; см.: [Шахматов 1896—1897; 1915: 331—343; см. также: Дурново 1924: 188—190].

Эта теория была принята большинством диалектологов и историков русского языка, хотя высказывались и другие предположения.

Теория А. А. Шахматова вызывает множество вопросов. Причины предполагаемого им сокращения безударных гласных среднего и нижнего подъёма в безударных слогах (в результате чего они должны были совпасть в [э] и [э̞]), он объяснял так: «Конечно, и аканье, и редукция гласных в основании своём явления однородные <...>; зависели эти явления от усиления экспираторной силы ударения; ударяемый слог стал произноситься сильнее, громче, чем раньше, чем в общер(усском) праязыке; это привело к ослаблению силы слогов неударяемых, <...> а, о, е <...> потеряли свою первоначальную природу при сокращении, заменяясь гласными неполного образования: заднего ряда α и среднего ряда ε» [Шахматов 1941: 116]. Но чем было вызвано усиление этих ударных гласных, А. А. Шахматов не писал.

Высказывались предположения, что сокращение безударных гласных могло быть в результате перехода от музыкального ударения к динамическому [Трубецкой 1987: 161; Якобсон 1929: 83 и сл.; Кузнецов 1965: 152—153]. Но в языках с динамическим ударением 1-й предударный слог не обязательно резко отличен от ударного по силе и длительности. В старомосковском произношении, в средне-русских говорах вокруг Москвы, в современных окающих говорах различия между ударным слогом и 1-м предударным по длительности может и не быть или оно может быть минимальным; см.: [Аванесов 1949: 78—61; Высотский 1973: 34—41].

Сокращение безударных гласных не обязательно связывать с усилением ударных гласных, оно могло быть вызвано другой причиной — изменением русской и белорусской артикуляционной базы: ослаблением в русском и белорусском языках (по сравнению с другими славянскими и другими индоевропейскими языками) степени напряжённости артикулирующих органов в момент речи, происшедшим более 1000 лет тому назад и вызвавшим в русском и белорусском языках ряд фонетических из-

ёма или начинающимися с артикуляции верхнего подъёма старые безударные гласные среднего и нижнего подъёма дали а <...>; перед слогом с гласными среднего и нижнего подъёма <...> являются гласные среднего или верхнего подъёма, т. е. отличные от а» [Дурново 1969: 157].

менений, в том числе и идущих в настоящее время процессов, приводивших к ослаблению не только безударных, но и ударных гласных; см. [Касаткин 1989: 39–41; 1999а: 131–133].

Неясны и причины того, что после сокращения безударных гласных среднего и нижнего подъёмов, приведшего к совпадению их в [э] и [э̣], произошло, по мнению А. А. Шахматова, удлинение этих звуков перед гласными верхнего и верхне-среднего подъёма. Неясно также, почему при этом [э] > [а], [э̣] > [а] и [и]. Звук [э] среднего ряда среднего подъёма, он в равной степени удалён от других гласных среднего ряда: [ы] — верхнего подъёма и [а] — нижнего. В современных говорах с диссимильативным аканьем часто отмечается произношение [ы], реже [э] наряду с [э]: говорят не только *к[э]сá*, *тр[э]вá*, но и *к[ы]сá*, *тр[ы]вá*, *в[ы]дá*, *д[ы]мá*, *н[ы]шлá*, *х[ы]зья́ка*; реже *в[э]дá* и т. п.; см.: [ДАРЯ I, карта 2]. Возникает вопрос, почему [э] при удлинении перешёл в [а], а не в [ы] или [э], иначе говоря, почему возникло аканье, а не ыканье или эканье? Как мог [э̣] изменяться не в более близкий к нему [е], а в [’а] и в [и]?

О. Брок выдвинул более простое объяснение происхождения диссимильативного аканья, но он так же, как и А. А. Шахматов, считал, что условием для его возникновения было предварительное совпадение безударных гласных в редуцированных [э] и [э̣], а затем произошло их изменение в предударном слоге в [а]. О. Брок предположил, что перед возникновением аканья в южнорусских говорах существовала нейтрализация гласных неверхнего подъёма после твёрдых согласных в звуке типа [э] (Брок обозначал его как [ѣ], он писал также о «редуцированном а» — «переходном звуке между а и ъ»), после мягких согласных в звуке типа [ь], а позднее в позиции перед гласными верхнего подъёма они изменились в [а], что и привело к возникновению аканья [Брок 1916: 26, 58]. Но О. Брок связывал это изменение не с изменением ударных гласных, а с их исконным качеством, как писал об этом Н. Н. Дурново, излагая взгляды О. Брока, «тем, что в следующем ударяемом слоге в одних случаях были гласные краткие (тогда предударная гласная удлинялась), в других долгие (тогда она оставалась редуцированной)» [Дурново 1917—1918, вып. 2: 50]. Как известно, с точки зрения собственной длительности гласные верхнего подъёма краткие, гласный нижнего подъёма долгий. При диссимильативном аканье выступает следующая зависимость: перед долгим гласным произносится краткий гласный, перед кратким гласным — долгий: *сѣхá* — *саху́*, *с’истрá* — *с’астру́* [Брок 1916: 57—59].

Теория О. Брока проще объясняет зависимость между предупредными и ударными гласными, но и к ней можно отнести некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении теории А. А. Шахматова.

Ответ на некоторые из этих вопросов даёт говор липован — старообрядцев Нижнего Подунавья.

В говоре старообрядцев села Татары́цы области Силистры Болгарии диссимилятивное аканье с обычным произношением в 1-м предупредном слоге после твёрдых согласных на месте /o/, /ω/ и /a/ звука [э] перед ударным [а] и звука [а] перед другими ударными гласными: *ба́л'на́йэ, вэ́йна, дэва́л'и, ма́ја, па́ч'ал, сэба́к, хэва́ит'*; — *ба́л'и́т', касы́, вайну́, ма́лако́, па́м'о́р, па́јед'иши, сват'э́й* и т. п. Перед ударным [а] встречается также [а]: *ба́ра́нк'и, да́ждáлс'э, па́жа́л'илс'э, па́кла́ду, сама́, хлапча́ты*, а также несколько более закрытый гласный [а̣]: *дура́ка ва́л'а́т', ка́на́к, па́кла́дут', са́ба́к* [Касаткин 2008а: 118].

Такое произношение [а] перед ударным [а], встречающееся и в других говорах с диссимилятивным аканьем, диалектологи объясняли влиянием литературного языка и говоров с сильным аканьем. О. Брок писал: «Для меня нет сомнения, что переход ъ > а в слоге предупредном совершается в наши дни главным образом под влиянием извне, всего больше со стороны московского произношения» [Брок 1916: 28; см. также: Дурново 1917—1918, вып. 1: 28]. В числе примеров «отхода от традиционных систем в современных говорах русского языка под влиянием литературного языка» В. Г. Орлова и Т. Ю. Строганова рассматривали и переход от диссимилятивного аканья к недиссимилятивному [Орлова, Строганова 1968: 191—192, 196—198, 203]. Однако говор Татары́цы (сейчас это Болгария, ещё раньше это была территория Румынии, а ещё раньше Турции) не испытывает такого влияния: жители села слышали раньше и слышат сейчас русскую литературную речь слишком редко, чтобы она могла вызвать подобное произношение.

Кроме того, «благодаря своей близости к системе аканья литературного языка (недиссимилятивного типа) диссимилятивное аканье изживается с большим трудом. Его особенность — отличие в качестве предупредного гласного — обычно не осознаётся говорящим. Различие [ъ] и [а] не оценивается носителем диалектной речи как значимое, и он не замечает, что произносит разные звуки перед разными ударными гласными» [Орлова, Строганова 1968: 191—192]; «Такое аканье — там, где звуку *a* перед слогом с гласными, отличными от *a*, соответствуют перед слогом с *a* такие звуки, которые в другой позиции не встречаются и воспринимаются как звуки, более

близкие к *a*, чем к другим безударным гласным того же говора. В таком случае человек при произношении объективно не может отличить эти звуки от безударного *a*, хотя произносит их иначе. Для него это варианты того же самого *a*» [Дурново 1929а: 69].

В говоре Татарицы примеры произношения [а] перед ударным [а] встречаются обычно в сильных фразовых позициях (под синтагменным или фразовым ударением), при акцентном выделении слова, эмфазе и медленном, чётком проговаривании слова. Такое распределение звуков на месте /о/, /ω/ и /а/ свидетельствует о том, что звук [а] в этой позиции не связан с отходом от диссимилятивного принципа, просто [а] и [э] — разные просодические варианты одной и той же фонологической единицы — архифонемы /о|ω|а/, доминанта которой (основной представитель) осознаётся говорящими как [а]. Этот звук произносится при достаточной его долготе, а [э] — при кратком его произнесении²⁶.

Эта же зависимость есть и в литературном языке, и в говорах с сильным аканьем: в 1-м предударном слоге на месте /о/, /а/ произносится [а], а в других безударных слогах, где звук обычно гораздо короче, — [э]: *м[э]лодо́й, н[э]писáть, зóр[э]д, вьп[э]х[э]л* и т. п. В беглой речи, при ускоренном темпе в литературном языке и в акающих говорах [э] на месте [а] произносится часто и в 1-м предударном слоге перед разными ударными гласными. Быстрый темп характерен и для компрессивов — широко употребительных, высокочастотных слов, в которых и в литературном языке, и в говорах безударные гласные, в том числе и гласные 1-го предударного слога, а также и согласные не только могут сокращаться, но и вовсе отсутствовать: *д[э]ва́й, кэда́, н[э]ка́, н[э]то́м, дес(я)ти́, т(е)не́рь* и др.

На месте [а] после мягких согласных в литературном языке при убыстрении темпа речи обычно произносится гласный среднего подъёма [е] ([e^н]); ср.: *от моря до моря — от мо́р[’е] до мо́р[’а]*; на конце фонетической синтагмы слово под синтагменным ударением, это сильная фразовая позиция, здесь конечный гласный продлён, а не в конце синтагмы — слабая позиция, здесь гласный короче, и его тембр другой.

При замедлении темпа речи на месте [э] может произноситься более открытый гласный и в других позициях. П. С. Кузнецов писал

²⁶ Н. Н. Дурново приводит примеры произношения, отмеченные в г. Курске: «двѣяйта, пѣпа, скѣзала, стѣяла, дѣвай, пѣзвать (реже *a* отчетливо: салдаты)» [Дурново 1917—1918, вып. 1: 27].

о говоре с. Борки Можарского р-на Рязанской обл.: «По моим наблюдениям, во втором предупредном слоге (и далее к началу слова) на месте *о* и *а* после твёрдых согласных часто наблюдается, как и в литературном языке, редуцированный гласный типа *ъ*, например *пѣлкилѣ, зѣпѣлтарѣ рублѣ, мѣлакѣ, пѣн'амнѣошкѣ, пѣлажѣыла, рѣс'с'в'алѣос'* (рассвелось) и т. д. Но в этом же положении при более медленном темпе речи можно слышать и более отчётливый гласный типа звука, наблюдающегося в литературном языке в первом предупредном слоге, например: *пѣсвѣамѣ* (по-своему), *хлѣпатѣть* (хлопотать), — звук, несомненно, более отчётливый, менее редуцированный, чем в слове *пѣтписѣалис'* (соседнем слове той же фразы, откуда заимствую примеры)» [Кузнецов 1948: 31—32; см. также: Щерба 1912/1983: 154—155; 1983: 56—57].

Неоднократно наблюдалось произношение особых звуков на месте /ѣ/ и /ѡ/ лишь в сильных фразовых позициях или при эмпфазе, медленном проговаривании слова, в то время как в слабых фразовых позициях произносятся те же звуки, что и на месте /е/ и /о/ [Дурново 1917—1918, вып. 2: 53—55; Гецова 1959: 113—117; Пауфошима 1983: 7, 62; Касаткин 1999а: 370, 379—381, 385—388; 2008б: 51]; см. также: [Высотский 1975: 9].

Произнесение звука [а] требует известного напряжения артикулирующих органов: от нейтрального их положения, свойственного, в частности, речевой паузе, язык и нижняя челюсть должны опуститься вниз (гласный [а] — нижнего подъёма). Но при кратком произнесении этого звука необходимое для [а] движение органов речи не успевает произойти и органы речи остаются в пределах нейтрального положения. Это положение типично для [э]; см.: [Щерба 1912/1983: 103]. Таким образом, [э] — это звук среднего ряда среднего подъёма, который произносится после твёрдых согласных на месте [а] при недостаточном времени для его реализации. После мягких согласных на месте [а] в тех же условиях краткости звука произносится упреждённый [э] или [е] — гласные среднего подъёма передне-среднего или переднего ряда.

В истории южнорусского вокализма не было двух этапов, описанных А. А. Шахматовым: сокращения безударных гласных неверхнего подъёма, приведшего к их совпадению в [э] после твёрдых согласных и [э] после мягких, а затем их удлинения, приведшего к изменению их в [а]. Была только такая степень редукции безударных гласных, которая привела к совпадению гласных неверхнего подъ-

ёма в [a], реализовавшийся при краткости в некоторых позициях звуком [э] после твёрдых согласных и [е] после мягких²⁷.

Аканье возникло в связи с совпадением безударного [o] с [a]. По-видимому, это произошло (по крайней мере, вначале) в тех говорах, где такой [o] был в минимальной степени отличен от [a]. Подобные системы отмечены и в современных говорах, севернорусских и южнорусских. В них на месте /o/ произносится под ударением [ɔ] — гласный заднего ряда средне-нижнего подъёма слабо лабиализованный; см., напр.: [Высотский 1967: 66—81; ДАРЯ I, карта 42; Касаткин 2008б; Савинов 2008]. Даже при небольшом ослаблении напряжённости этого гласного, что свойственно безударным позициям по сравнению с ударной, различие между таким [ɔ] и [a] утрачивалось и они совпадали в одном звуке²⁸. В эпоху возникновения аканья система гласных, в которой были противопоставлены [ɔ], представлявший /o/, и [ɔ], представлявший /ɔ/, была, безусловно, распространена гораздо шире, чем в настоящее время.

Широко распространено мнение, что в безударных позициях /o/ и /ɔ/ не различались, на их месте произносился один и тот же звук.

²⁷ П. С. Кузнецов, соглашаясь с предположением А. А. Шахматова, что аканью предшествовала редукция безударных гласных, приведшая к совпадению гласных неверхнего подъёма в безударных слогах, считает, что гласным звуком, в котором совпали все эти гласные, в некоторых позициях был [ʌ], являющийся «нормой и современного литературного произношения» [Кузнецов 1964: 33]. Следует учитывать, что в современном литературном языке в 1-м предударном слоге и в некоторых других позициях произносится гласный, точнее обозначающийся как [a^ɔ], или [a], или [ɐ].

²⁸ «Объясним изменение неударяемого *o* в *a* в южновеликорусском произношении, напр. *вада́* из *водá*. Для произношения гласного *o* губы выдвигаются вперёд и образуют сужение (<...>). С течением времени вся эта сложная работа губ постепенно ослабляется при произнесении неударяемого *o* и в результате переходит в пассивное или индифферентное состояние губ при среднем раскрытии рта, а при таком укладе получается уже другой гласный, именно — *a*. Из сказанного ясно, что изменение неударяемого *o* в *a* (через посредствующую стадию *ǎ* [= *ʌ*. — Л. К.] произошло в направлении уменьшения работ при произношении (<...>). Если же в северновеликорусских говорах в данном неударяемом положении сохраняется *o*, то это указывает на то, что в языке-предке этих говоров гласный *o* имел более устойчивую губную артикуляцию, чем в языке-предке южновеликорусских говоров» [Богородицкий 1935: 25—26].

О некоторых других объяснениях возникновения аканья см.: [Ваахтера 2007; 2009: 67—96].

Однако обнаружено различие этих фонем и без ударения в одном архаическом севернорусском говоре (см. выше, с. 237—243). Если такое различие этих фонем было в древности и в южнорусских говорах, то на месте /*ω*/ под ударением в сильной фразовой позиции произносился дифтонг [y^ω], а в безударных позициях, очевидно, монофтонг — гласный верхне-среднего подъёма заднего ряда [o]. Этот звук был близок к [y] и совпал с ним при ослаблении напряжённости в большей части говоров с диссимилятивным аканьем. Так, в северном (смоленском) ареале отмечено произношение: *торг*[y]в^атъ, *слаб*[y]в^атъй, *п*[y]п^ала, *п*[y]м^азатъ, *п*[y]в^язка, *п*[y] м^ясу, *л*[y]п^ата, *сам*[y]в^ар, *л*[y]м^атъ, *х*[y]в^атъ, *пом*[y]з^атъ, *п*[y]п^аша, *без*[y]б^разие, *цел*[y]в^али и др. На южной периферии диссимилятивного аканья [o] сохранился в некоторых говорах как [o] или [o]-образный звук: *задр*[o]в^ами, *р*[o]ж^али, *зим*[o]в^али, *разг*[o]в^аривая, *п*[o]ст^авки, *х*[o]з^яйство, *л*[o]п^атка, *м*[o]з^ла, *п*[o]в^яж^ут, *п*[o]ст^авят, *п*[o]ж^алуйста; *л*[ъ^o]п^ата, *п*[ъ^o]в^язывать и др.; см.: [Строганова 1975; ДАРЯ I, карты 2, 9, 10]. Звуки [y] и [o] отмечены в этих говорах не только на месте /*ω*/, но и на месте /*o*/ и даже на месте /*a*/, но произношение безударного [o] на месте /*a*/ встречается и в окающих говорах (см. выше), эти примеры отражают, очевидно, результат нефонетической замены одних звуков другими.

Таким образом, в южнорусских говорах процесс нейтрализации безударных гласных был связан с их ослаблением в безударных позициях. Вначале с [a] после твёрдых согласных совпал [э], представлявший /*ω*/, так возникло аканье. В этот процесс включился и [o], представлявший /*ω*/. В западных южнорусских говорах этот процесс мог приводить не только к совпадению /*ω*/ с /*a*/, но и к совпадению /*ω*/ с /*y*/ или к сохранению безударного [o] в отдельных словах.

3. Из истории формирования типов аканья и яканья

1. А. А. Шахматов считал, что аканье возникло как диссимилятивное, а позднее в результате обобщения гласного [a] в 1-м предударном слоге перед всеми ударными гласными в части окающих говоров возникло сильное аканье [Шахматов 1915: 338—339]. Этой точки зрения придерживаются и большинство диалектологов и историков русского языка; см., напр.: [Дурново 1917—1918, вып. 2: 78; 1924: 187—193; 1969: 157; Аванесов 1952: 38—43; 1955: 29—30, 33—34; Кузнецов 1965: 153—154; Горшкова, Хабургаев 1981: 102—106; Иванов 1990: 205—209] и др. Высказывалось также предположение, что исходным

был тип сильного аканья, а диссимильятивное аканье возникло из него позднее; см.: [Курило 1928; Ван-Вейк 1934—1935; Вайян 1950: 107, 234; Чекмонас 1987: 343, 346] и др. Данные современных русских говоров дают основание предполагать иное происхождение диссимильятивного и сильного аканья на разных южнорусских территориях.

Диссимильятивное аканье распространено в западных говорах Южного наречия, а сильное в восточных, а также и в среднерусских говорах и в литературном языке.

Как установил О. Брок, в говорах с диссимильятивным аканьем перед кратким гласным произносится долгий гласный, перед долгим гласным — краткий. Гласные верхнего подъёма [и], [ы], [у] краткие, поэтому перед ними произносится долгий гласный [а], а перед долгим гласным [а] произносится краткий [э] [Брок 1916: 57—59]. Эта зависимость наблюдается не только между 1-м предударным и ударным гласным, но и между гласными других слогов: «В таких говорах фонемы *o* и *a* выступают во 2-м предударном слоге после твёрдых согласных в общем варианте *ъ*, если в 1-м предударном слоге звучит гласный нижнего подъёма *a*, и в варианте *a*, если в 1-м предударном слоге звучит любой гласный верхнего (или среднего) подъёма: *в н'йа/брѣ, г'сна/да́, н'да/жди́*; но: *б/аси/ко́м, г/алу/бе́й* и т. п. (...) Если под ударением гласный нижнего подъёма *a*, то в заударном слоге преимущественно наблюдается *ъ*, а при наличии под ударением других гласных гласные неверхнего подъёма реализуются обычно в звуке *a*: *на ху́т/а/ри, в сто́р/а/ну* при: *ста́р/ъ/му, йа́бл/ъ/ка*» [Русская диалектология 1964: 67—68]; в говоре с. Татарницы в Болгарии: *варэч'айт'ис'а, пазэбрал'и, панэклал'и, заул'идиши, пас'ид'им, канцылар'ийу, закујут', да салэвја́, пэкавар'ат'* и т. п. [Касаткин 2008а: 120; см. также: Касаткин 1999а: 414].

Произношение [э] ([ъ]) свидетельствует о краткости слога, произношение [а] — о долготе слога. Такая волнообразная ритмика слова: чередование долгих и кратких слогов — свойство многих языков. Она наблюдается и в некоторых севернорусских говорах, где «случаи выпадения и сильной редукции гласных в 1 п/у и в 1 з/у неочечном слоге и усиление и удлинение во 2 з/у на конце слова являются остатками более древней просодии слова, имевшей, вероятно, волнообразную ритмику с усилением через слог, подобную украинской» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 47]²⁹.

²⁹ О ритмике слова в украинском языке, где условная сила слогов передана цифрами (как в известной «формуле Потебни») 1—3/4—2—3/4—1—1/2, см.: [Богородицкий 1910: 317].

В соседних с севернорусскими говорами прибалтийских финских языках также наблюдается «чередование по силе чётных и нечётных слогов». От «модели фонетического слова в основной массе русских акающих говоров», отвечающей «схеме, предложенной ещё А. А. Потёбнёй» (1—2—3—1), отступает «предполагаемая модель далёкого предка не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом. В общеиндоевропейской системе определённого периода (...) одним из наиболее слабых был первый предударный слог» [Кузнецов 1964: 34—35].

О подобной ритмике слова с чередованием долгого и короткого слога в древнерусском языке свидетельствует распределение сильных и слабых редуцированных гласных [ъ] и [ь]: сильный редуцированный перед слогом со слабым редуцированным, слабый редуцированный перед слогом с сильным редуцированным и гласным полного образования. Об этом же говорит и место второстепенного ударения в слове в древнерусском языке: «Выбор слога или слогов, на которые падает второстепенное ударение, определяется несколькими факторами. Основной из них — ритмический: второстепенное ударение падает через слог вправо от главного, затем ещё одно через слог от этого второстепенного и т. д.» [Зализняк 1985: 179].

В говорах с сильным аканьем иная ритмическая структура слова. Здесь обычно гласный 1-го предударного слога по длительности мало отличается от ударного гласного и может быть даже длительнее ударного, а гласные других безударных прикрытых слогов намного короче ударного; см.: [Брок 1916: 9; Высотский 1973: 35, 40; Реформатский 1979: 42—44; Касаткина, Щигель 1995: 236—254] и др. Поэтому в 1-м предударном слоге на месте /o/ и /a/ произносится достаточно полновесный гласный [a], а в других безударных прикрытых слогах, кроме конечного открытого, — краткий [ə].

Такая ритмическая структура слова названа Р. Ф. Касаткиной контуром «сильный центр и слабая периферия», он характерен не только для восточных южнорусских говоров, но и для всех средне-русских, включая говоры с неполным оканьем и оканьем гдовского и полновского типов [Высотский 1973: 35, 40, группы V, VI; Касаткина 1996: 222—235]. Говоря о говорах с неполным оканьем, П. С. Кузнецов писал: «Безударный вокализм этих говоров развился, по-видимому, независимо от воздействия на них аканья» [Кузнецов 1965: 154—155].

В восточных южнорусских говорах на месте [ə] в результате дальнейшей его редукции часто бывает и нуль звука: *к(а)рус'ёл'*, *з:(а)*

доброту́, пэу(о)вар'ит', пр(о)давát', с:(о)ур'ебáл'и и гораздо чаще в заударных слогах: *н'эк(о)му, нап'ис(а)нэ, в'áz(а)нэйу, вóл:(о)сэ, фхут(о)р'и, вьір(о)с'л'и, с'в'ók(о)р, хóл(о)т, рабóт(а)л, хáтк(а) свэжя́, плóх(о) мн'е* и т. п. (в скобках указаны непронесённые гласные). Редукция гласного до нуля широко известна в этих говорах в тех же позициях и на месте /e/, /o/, /a/ после мягких согласных. Такая редукция практически отсутствует в западных южнорусских говорах, т. е. в говорах с диссимилятивным аканьем. Изоглосса этого явления резко разделяет западные и восточные южнорусские говоры; см. [ДАРЯ I, карта 32; Кузнецов 1948: 32—33; Голубева 1985; Касаткин 2002б] и др.

Разное распределение по позициям в фонетическом слове [а] и [э] в говорах с сильным и диссимилятивным аканьем — это различие поверхностное, тогда как глубинное, лежащее в его основе — это отличие этих говоров по ритмической структуре слова; ср.: [Войтович 1972: 39].

Различие между диссимилятивным и сильным аканьем возникло в результате реализации одной и той же фонетической модели — аканья, т. е. произношения [а] на месте безударных /o/ и /a/, в говорах с разной ритмической структурой слова, а не в результате изменения диссимилятивного аканья в сильное после аналогического выравнивания, обобщения гласного [а] перед всеми ударными гласными, как думал А. А. Шахматов³⁰. В некоторых говорах с диссимилятивным аканьем действительно может происходить его замена на сильное, но это также связано с изменением ритмической структуры слов³¹.

³⁰ Замена звука [э] звуком [а] «по аналогии» невозможна в силу того, что говорящие не осознают различия между этими звуками (см. выше).

³¹ Село Кунича Флорештского района Молдавии населено русскими старообрядцами, предки которых бежали сюда в начале XVIII в. от преследования со стороны правительства и официальной церкви; см. [Болученкова 2010: 61]. По наблюдениям, сделанным в 2010 г., диалектные черты этого говора характерны для Юго-Западной диалектной зоны, именно оттуда были переселенцы в Куничу [Касаткин 2011]. В говорах Юго-Западной зоны распространено диссимилятивное аканье жиздринского типа и яканье жиздринского и суджанского типов; см. [ДАРЯ I, карты 2, 3, 8]. Но в Куниче у местных жителей, сохраняющих диалектные черты говора, сильное аканье и сильное яканье при соответствующей ритмике фонетического слова. Очевидно, что в течение жизни на бессарабской земле у жителей Куничи произошло изменение ритмики слова, приведшее и к смене типа аканья и яка-

Решение вопроса о том, какой из этих типов первичен, а какой вторичен, зависит от того, как решается вопрос о территории, на которой возникло аканье. Р. И. Аванесов считал, что «первоначальная территория акающего диалекта охватывала бассейны верхней и средней Оки и Сейма, т. е. современную курско-орловскую, тульскую и рязанскую территорию (...) во второй половине XII — первой половине XIII в.» [Аванесов 1955: 28; см. также: Аванесов 1952: 40, 41]. На этой территории в настоящее время распространены говоры с диссимилятивным и сильным аканьем, и очевидно, что оно и в момент своего возникновения было здесь таким же.

Возникает вопрос о причинах изменения ритмики слова в восточных акающих говорах: на месте более древней ритмики с чередованием сильных и слабых слогов в этих говорах возникает ритмика слова с сильным центром и слабой периферией. Возможно, причиной этого было иноязычное влияние.

Так, известно большое количество тюркизмов в русском языке (см. [Шипова 1976]) и русских фамилий тюркского происхождения, «связанных с переходом на русскую службу выходцев главным образом из Золотой Орды, а также из родовых и государственных объединений тюркоязычных народов» [Баскаков 1979: 3; см. также: Халиков 1992]. Большинство этих людей занимало высокое положение в русском обществе, поэтому особенности их речи воспринимались как весьма престижные, что приводило не только к заимствованию русскими тюркских слов, но и к некоторым изменениям в русской фонетике.

В современном татарском языке слова с [а] перед [а] произносятся так же, как в современном русском литературном языке, «так что такие случаи не представляют трудностей ни для татарина по отношению к русским словам, ни для русского по отношению к татарским» [Богородицкий 1953: 92]. Именно эта модель ритмики слова могла быть заимствована в древности русскими у татар и других тюркоязычных народов.

Особенно тесными были связи с татарами русских — представителей говоров Южного наречия — в восточной его группе, поэтому изменение исконной ритмики слова произошло именно в этих говорах.

ня. Подтверждают это и наблюдения над этим говором В. И. Тудосе, которая также обнаружила здесь сильное аканье, но указала, что «в обрядовых песнях встречается диссимилятивное аканье» [Тудосе 2003: 154].

2. Нейтрализация гласных неверхнего подъёма после мягких согласных первоначально, по мнению А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, О. Брока, В. Н. Сидорова [Сидоров 1969: 21], была представлена звуком среднего или средне-верхнего подъёма типа [ɛ], а позднее перед разными ударными гласными этот звук изменялся в [а] и [е], в результате чего и возникли различные типы яканья. Однако не ясны причины, по которым [ɛ] должен был измениться в [а]. И в этом случае следует предполагать иной путь изменения: доминантой архифонемы /e|ʔ|a/ при возникновении аканья был звук [а], который не в последующее время, а с самого же начала при сокращении перед слогом с долгим гласным заменялся звуком [е]. Таким образом, **при возникновении аканья (и яканья) [а] и [е] были позиционными просодическими вариантами одной и той же архифонемы в 1-м предупредном слоге.**

Позднее во многих русских говорах, как и в литературном языке, предупредный [е] изменялся в [и]. О том, что **в соответствии с современным [и] на месте /e|ʔ|a/ прежде произносился [е]**, может говорить следующее.

Н. Н. Дурново, рассматривая пути изменения обоянского типа яканья в суджанский, писал: «На месте старых *e, ь, ъ, а* после мягких согласных перед слогом с гласными среднего (и, д⟨олжно⟩ б⟨ыть⟩, нижнего) подъёма звучала гласная, отличная от старого *и, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩* в противном случае аналогия, вызывавшая изменение этой гласной в *а* перед слогом с *о* из *ь*, должна была затронуть и случаи со старым *и* в этом положении» [Дурново 1917—1918, вып. 2: 46].

На основе анализа южнорусских памятников Г. А. Хабургаев установил: «Южновеликорусские писцы как правило пишут в соответствии с гласным первого предупредного слога *e*, а не *и* (кроме ⟨...⟩ случаев с *я*). В частности, в курских грамотах начала XVII в. отмечено только *e* ⟨...⟩. Эти факты не оставляют сомнения в том, что на коренной южновеликорусской территории в первом предупредном слоге *и* по крайней мере до середины XVII в. не произносился как «не-а» системы яканья и в ряде южновеликорусских говоров начинает появляться лишь во второй половине столетия. ⟨...⟩ Можно предполагать, что южновеликорусские писцы передавали буквой *e* предупредный *ь*, который произносился после мягких согласных в соответствии с *ь* после твёрдых. В силу своей “неустойчивости” этот сильно редуцированный гласный в одних говорах (например, задонских) со временем совпал с *e* (от которого артикуляционно он не от-

личался), в других — с *и* ⟨...⟩. Передача гласного среднего подъёма переднего ряда *ь* посредством буквы *е* — явление совершенно естественное, если учитывать арсенал графических средств, которыми располагали писцы в XVII столетии. Вторая половина XVII в., видимо, и есть тот период, когда в целом ряде южновеликорусских говоров осуществлялся процесс изменения предударного *ь > и*» [Хабургаев 1966: 300—301].

В 1973—1974 гг. Е. Г. Бурова и Л. Л. Касаткин обследовали говоры Чухломского акающего острова в Костромской обл. и обнаружили там особый тип диссимильтивно-умеренного яканья, названный ими чухломским. Он отличается от верхне-днепровского типа диссимильтивно-умеренного яканья тем, что гласные неверхнего подъёма после мягких согласных перед твёрдыми в позиции перед ударным [а] воплощаются в чухломском типе в звуке [е], а в верхне-днепровском типе в [и], и есть основания считать, что диссимильтивно-умеренное яканье верхне-днепровского типа развилось из яканья чухломского типа, сохранившего эту старую особенность в окружении окающих говоров [Касаткин 1999а: 417—424].

Современные процессы, идущие в акающих говорах и в литературном языке, также свидетельствуют о прежнем произношении [е] на месте современного [и] в безударных слогах. Так, известно, что в литературном языке современное иканье заменило прежнее эканье. В якающих говорах на месте предударного [а] после мягких согласных часто произносится [е] при сокращении долготы этого гласного. Звуки [а] и [е] в этой позиции, таким образом, вместе противопоставлены звуку [и], выступающему в других позициях. Такое соотношение этих звуков названо противопоставлением [и] — не-[и] [Касаткина 1999: 148, 182; Касаткин 2002а: 253].

В. Н. Сидоров, посвятивший рассмотрению перехода предударного [е] в [и] одну из своих книг, писал, что это изменение «может быть твёрдо установленным, хотя для него и не найдено объяснения» [Сидоров 1969: 16]. Однако можно считать, что оно было связано, во-первых, с краткостью этого безударного звука: по собственной длительности [и] короче [е]. Звук [и] выступает на месте гласных неверхнего подъёма после мягких согласных не только в 1-м предударном слоге во многих акающих говорах, но и в других безударных слогах, самых кратких в слове, в говорах со всеми типами аканья. Но главное — изменение [е] в [и] было связано с мягкостью предшествующего согласного: артикуляция [и] ближе к дополни-

тельной артикуляции палатализованного согласного, доминировавшего в слоге. По-видимому, это **изменение [е] > [и]** связано с **установлением мягкости согласных на месте прежних твёрдых перед [е]** (о прежней твёрдости согласных перед [е] см.: [Касаткин 1999: 391—396]).

3.1. Основные типы диссимилятивного яканья, описанные Н. Н. Дурново, выделены на основании того, какой гласный — [а] или [и] — произносится на месте /e|ʲ|o|a/ после мягкого согласного в 1-м предударном слоге перед ударными гласными верхне-среднего и среднего подъёма.

Типы диссимилятивного яканья

Гласный 1-го предударного слога на месте /e/, /ʲ/, /o/, /a/ после мягких согласных							Ударный гласный
жизд- ринский	суджан- ский	щигров- ский	мосаль- ский	обоян- ский ³²	дмитри- евский	донской	
а	а	а	а	а	а	а	и, ы, у
а	а	а	а	а	а	и	ʏ̯ — /ω/
а	а	а	а	и	и	и	о
а	и	и	а	и	и	и	ʔо из е
а	и	а	и	а	и	и	йе — /ʲ/
а	и	и	и	и	и	и	е
и	и	и	и	и	и	и	а

Предударные [а] и [и] на месте гласных неверхнего подъёма после мягких согласных в 1-м предударном слоге Н. Н. Дурново рассматривал как проявление диссимиляции [Дурново 1917—1918, вып. 1: 34—35]. Однако если учесть прошедшие процессы совпадения в части говоров /ʲ/ с /e/ (при суджанском, мосальском, дмитриевском и донском типах) и /ω/ с /o/ (при донском типе), изменения ударного [е] в [ʔо] и перехода предударного [е] в [и], то предшествующее изменению [е] в [и] **произношение гласного среднего подъёма [е] перед ударными гласными того же среднего подъёма [е] и [о] с бóльшим основанием может быть связано с ассимиляцией ударному гласному.**

³² Обоянский и задонский тип, отличающийся от обоянского произношением [е] вместо [и] на месте гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слог, обобщенно называют архаическим типом.

Исходным для всех типов диссимилятивного яканья Н. Н. Дурново вслед за А. А. Шахматовым считал обоянский тип [Дурново 1917—1918, вып. 2: 64—66]. Однако в основе этих типов можно видеть не обоянский, а жиздринский тип, ср. [Ван-Вейк 1934—1935], осложнённый ассимиляцией предударного гласного ударному [e], в некоторых типах также [o], по-разному проявившейся перед исконными /ѣ/ и /о/ и осуществлявшейся в одних говорах до, а в других после перехода [e] в [’o].

Таким образом, **исходная модель диссимилятивного яканья — жиздринский тип, а другие типы диссимилятивного яканья возникли в результате ассимиляции предударного гласного [a] ударным гласным среднего подъёма [e] и [o]. Поэтому правильнее называть их типами ассимилятивно-диссимилятивного яканья.**

Подтверждением этому могут служить данные, свидетельствующие об особом поведении гласных перед гласными среднего подъёма.

1) Так, Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель, а также Д. М. Савинов обнаружили в акающих говорах явление ассимиляции предударного гласного ударным гласным среднего подъёма [e] и [o] в позиции после твёрдых согласных [Касаткина, Щигель 1995; Савинов 2001: 212—213]. Известны и другие случаи ассимиляции гласных в древнерусском языке и в русских говорах; см.: [Касаткина 1996: 207—221; Касаткин 1999а: 398—399]). Это одно из проявлений сингармонизма в русских говорах; ср. [Высотский 1949: 73].

2) Более устойчивые соответствия между предударным и ударным гласным среднего подъёма, чем между гласными других подъёмов, наблюдаются при гдовском оканье.

Гласные 1-го предударного слога							Ударные гласные	
после твёрдых согласных		после мягких согласных						
		перед твёрдыми			перед мягкими			
/o/	/a/	/o/	/e/	/a/	/o/	/e/	/a/	
[a]							/и/, /y/	
[o]	[a]	[o]	[e]	[a]	[e]	[e]	[a]	/e/, /o/
[a]							/a/	

Этот тип — результат воздействия акающих говоров на окающие. Перед ударными гласными верхнего и нижнего подъёмов на месте /o/ после твёрдых согласных и на месте /e/ и /o/ после мягких согласных возникло произношение [a], что привело к совпадению в этом

звуке в данных позициях всех гласных фонем неверхнего подъёма. Перед ударными же гласными среднего подъёма [е] и [о] в 1-м предударном слоге сохраняется различие [о] и [а] после твёрдых согласных и [е], [о], [а] после мягких; см.: [Русская диалектология 1964: 40, 65]. Аканье проникло в позиции перед ударными [и], [ы], [у] и перед [а], а перед ударными [е] и [о] этого не произошло. Аканью не удалось разорвать здесь связь между ударными и предударными гласными.

3) Принято считать, что в современном русском литературном языке после [ж], [ш], [ц] на месте *e* в 1-м предударном слоге обычно произносится [ы] (точнее [ы^э], в другой транскрипции [ы^э], [ы̆]): [жы^эрл^о], [шы^эрш^ав^ы], [шы^эпт^ат^э] и др. [Аванесов 1956: 111—112]; *ш[ы^э]ст^и, скреж[ы^э]т^ать, лж[ы^э]ц^а* [Касаткин 2008в: 153—154]. Наряду с [ы^э] может произноситься и [э^н] как остаток прежнего эканья [Панов 1979: 160]. Однако перед ударными гласными среднего подъёма гораздо шире, чем перед гласными верхнего и нижнего подъёмов распространено произношение предударного [э] ([э^н]) как результат ассимиляции, уподобления гласных: *ж[э]л^эзный, ж[э]л^эт^эть, ж[э]л^эт^ок, ж[э]рл^о, ж[э]ст^окий, ж[э]т^он; ш[э]рб^эт, ш[э]р^энга, ш[э]ст^эрка, ш[э]ст^ой, ш[э]ст^ок; ц[э]л^эбный, ц[э]л^эе, ц[э]л^эван-ный, ц[э]нтр^эовка, ц[э]нтр^эовочный, ц[э]пн^ой, ц[э]рк^эвный* и т. п.

3.2. На достаточно большой части территории Восточной (Рязанской) группы и большей части Донской группы Южного наречия при сильном аканье распространено ассимилятивно-диссимилятивное яканье; см.: [Захарова 1975; ДАРЯ I, карта 3; Хмелевская 1970, карты 7, 8; Орлов 1984: 8—9]. Названо так оно было Н. Н. Дурново [Дурново 1917—1918, вып. 2: 86], по мнению которого оно «получилось из диссимилятивного восточного (задонского) типа вследствие ассимиляции предударных открытых гласных гласным ударяемого слога» [Дурново 1923: 369]. «Ассимилятивность, — писал Р. И. Аванесов, — заключается в зависимости гласного предударного слога <...> от качества гласной фонемы ударенной <...>: если под ударением находится *a*, то в предударном слоге в качестве варианта гласных фонем неверхнего подъёма выступает звук *a*»; «ассимилятивность <...> представляет собой результат позднейшего процесса, наложившийся на уже отстоявшуюся систему <...> диссимилятивного яканья»; «о диссимилятивной основе этой разновидности яканья можно догадаться только по различению гласных предударного слога, когда под ударением находятся гласные фонемы среднего или выше-среднего подъёма» [Аванесов 1949: 88—92].

Типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья

Гласный 1-го предударного слога на месте /e/, /ѣ/, /o/, /a/ после мягких согласных				Ударный гласный
ореховский	новосёлковский	култуковский	кидусовский	
а	а	а	а	и, ы, у
а	а	а	а	ӯо — /o/
а	а	а	а	о
а	и	а	и	’о из е
а	а	и	и	йе — /ѣ/
и	и	и	и	е
а	а	а	а	а

В этих говорах после мягких согласных перед всеми ударными гласными произносится [а] и только перед [е], выступающим на месте /e/ (в некоторых говорах также перед исконной /ѣ/, совпавшей с /e/, и/или перед [’о] на месте прежнего [е]), произносится [и]. Если учесть, что предударный [и] возник на месте прежнего [е], а во многих этих говорах отмечаются неразличение /e/ и /ѣ/ и примеры неперехода [е] > [’о], что было характерно, очевидно, для этих говоров в прошлом (см.: [Аванесов 1952: 31—34; ДАРЯ I, карта 38; II, карты 82, 94]), то можно это произношение, как и подобное произношение при суджанском, щигровском, мосальском и других типах, объяснить ассимиляцией предударного гласного ударному: перед ударным [е] предударный [а] заменялся на [е]. Во всех остальных позициях произношение предударного [а] подчинялось принципу сильного яканья.

Ассимилятивность в этих типах касается не позиции перед [а], как считают диалектологи вслед за Н. Н. Дурново, а позиции перед [е], поэтому название этого типа в разных его разновидностях должно быть не ассимилятивно-диссимилятивное, а ассимилятивно-сильное яканье. В основе этих типов было сильное яканье.

3.2. Архаичный диссимилятивный вокализм в развитии

3.2.1. Одной из важнейших и до конца не решённых проблем изучения южнорусских говоров является вопрос о причинах возникновения и развития различных систем вокализма первого предударного слога. В говорах представлено множество разновидностей аканья/яканья, отличающихся друг от друга типологически, то есть общей системой зависимостей и противопоставлений. Большинство

систем вокализма с диссимилятивной основой (прежде всего различные типы диссимилятивного, ассимилятивно-диссимилятивного, умеренно-диссимилятивного, диссимилятивно-умеренного яканья/яканья) имеет устойчивую сочетаемость с определёнными системами ударного вокализма. И хотя связь между ними зачастую формальна, то есть отсутствует прямая зависимость ударных и предупредных гласных, пяти-, шести- или семифонемные системы ударного вокализма всегда сосуществуют с определёнными моделями предупредного вокализма, что даёт необходимый материал для исторических реконструкций.

В этой связи важность для исследователя имеет не только факт сохранения, но и констатация отсутствия в говоре под ударением семи гласных фонем, а также установление системы конкретных тембровых разновидностей гласных средне-верхнего, среднего и средне-нижнего подъёма, выступающих в разных говорах на месте этимологических *e*, *ъ*, *o* и *ω*.

Так, критически важным условием существования архаического яканья задонской разновидности является наличие в говоре под ударением противопоставлений /*ω*/ ~ /*o*/ и /*ъ*/ ~ /*e*/ — с различными системами соотношений их репрезентантов (при возможном параллельном действии ассимилятивных процессов). Однако обоянский подтип архаического диссимилятивного яканья вовсе не предполагает семифонемного вокализма. Это связано с тем, что обоянское яканье может как сохранять связь с особыми реализациями /*ω*/, /*o*/, /*ъ*/, /*e*/, так и существовать вне этой зависимости, что наблюдается при переходе системы к пятифонемному вокализму [Захарова 1971: 3].

Обоянское диссимилятивное яканье при изменении условий своего существования, то есть при исчезновении семифонемного вокализма, трансформируется в щигровский или суджанский типы диссимилятивного яканья, отличительной чертой которых, таким образом, является обязательное отсутствие под ударением различия /*ω*/ и /*o*/, /*ъ*/ и /*e*/. Диссимилятивно-умеренное яканье неархаического типа (так же, как и умеренное) обычно сочетается с пятифонемной системой вокализма. Диссимилятивно-умеренное яканье архаической разновидности, напротив, обычно поддержано наличием под ударением семи гласных фонем, однако выбор определенного звуко-типа уже не зависит только от гласного под ударением, а обусловлен также качеством следующего за ним согласного.

Подобная «формальная» зависимость от ударных гласных наблюдается и при новосёлковском ассимилятивно-диссимилятивном

яканье, которое в южнорусских говорах обычно сочетается с семифонемным вокализмом. Для этой системы, сохраняющей рефлекс противопоставления предударных гласных только перед /ʎ/ и /e/, в синхронном плане не важен факт различения семи гласных фонем, однако система корреляций, то есть конкретных отношений их презентантов, становится основным источником для исследования генезиса этого типа вокализма [Касаткина, Савинов 2007].

Не менее разнообразны соотношения различных систем диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного аканья с особенностями ударного вокализма. Архаический тип диссимилятивного аканья и развивающаяся на его основе ассимилятивно-диссимилятивная разновидность аканья обязательно поддерживаются различием под ударением /ω/ и /o/, /ʎ/ и /e/, тогда как прохоровский и жиздринский типы диссимилятивного аканья обычно сочетаются с пятифонемным вокализмом.

3.2.2. Типологическое разнообразие моделей предударного вокализма как после мягких, так и после твёрдых согласных, а также сама возможность функционирования многих из этих типов обусловлены не только внешней контекстной зависимостью, но и внутренними причинами — качеством самих предударных гласных. Гласный первого предударного слога после мягких согласных может реализоваться большим количеством разных звуков в зависимости от гласного под ударением. Эти звуки вслед за Н. Н. Дурново [Дурново 1917—1918] обычно принято разделять на звукотипы [а] — не-[а]. Так, Р. И. Аванесов (без ссылки на Н. Н. Дурново) писал, что «“не-а” может звучать как [и] или [е]», а также «в целой гамме звуков между [е] и [и] (<...>), например, [е], [е^h], [е^с], [и]» [Аванесов 1974: 154], то есть гласным «“не-а” может быть любой звук переднего ряда нижнего подъёма» [Захарова 1970: 5].

Иначе обобщает эти гласные Л. Л. Касаткин, который отмечает, что в качестве безударных гласных, функционирующих как звуки неверхнего подъёма, могут выступать звуки в диапазоне от [е] до [а], и, таким образом, для большинства русских говоров правильнее было бы говорить о функциональном противопоставлении в первом предударном слоге гласных [и] и не-[и] [Касаткин 1999: 148].

Таким образом, корреляция звукотипов [а] — не-[а], где [а] противопоставлено [е], сосуществует в южнорусских говорах с системами корреляций [и] — не-[и], где [а] и [е] являются вариантами единого звукотипа не-[и] и вместе противопоставлены звукотипу [и], в котором реализуются не только фонемы неверхнего подъёма, но и

/и/. При этом каждая из этих систем противопоставлений характерна для определённой разновидности вокализма и является его типологической особенностью, ограничивающей возможности дальнейшего развития.

Данные исторической диалектологии свидетельствуют о том, что гласный [и], наиболее частотный сегодня вариант противопоставления [а], появился в южнорусских говорах относительно недавно. В памятниках, созданных на территории распространения диссимилиятивного вокализма, в качестве унифицированных вариантов гласных первого предударного слога после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъёма используются только *я* и *е*. Однако отсутствие [и] в этой позиции в прошлом вовсе не свидетельствует о том, что этот гласный «скорее всего, распространяется из “вторично” акающих средневеликорусских говоров» [Горшкова, Хабургаев 1997: 110].

Распространение в первом предударном слоге [и] как реализации гласных неверхнего подъёма — это не механическое заимствование, это факт развития системы предударного вокализма. В результате этого процесса меняется не только нагруженность звукотипов, меняются сами звукотипы, в первом предударном слоге появляется новое функциональное противопоставление гласных.

По мнению Г. А. Хабургаева, появление и распространение аканья связано с тенденцией к ликвидации фонемных различий между гласными безударных слогов, которая «является общей для всех говоров русского языка» [Хабургаев 1965: 63]. В этом аспекте появление в подавляющем большинстве южнорусских говоров корреляции [и] — не-[и] можно рассматривать как закономерный этап развития диалектных систем вокализма, поскольку «тенденция к унификации дифференциальных признаков безударных гласных» выражена в них еще более явно. Кроме того, корреляция [и] — не-[и] отражает универсальный принцип дисперсии, характерный для многих языковых систем: гласные стремятся занять более удаленные друг от друга точки вокалического пространства, что способствует их большему акустическому различию [Кодзасов, Кривнова 2001: 431].

3.2.3. Вопросы эволюции южнорусских систем предударного вокализма неоднократно затрагивались в исследованиях диалектологов и историков языка, однако и сегодня их нельзя считать в достаточной степени изученным. Прежде всего причины этого кроются в недостаточном знании и использовании при диахронической интерпретации фактического диалектного материала: анализ хрестоматийных схем аканья и яканья без учета всего комплекса языковых

фактов приводит к неверным выводам и порождает обобщения, неадекватные действительности. Это заведомое упрощение реальной картины отнюдь не способствует научной разработке вопроса и в конечном счёте препятствует созданию типологии систем предупредного вокализма.

Архаические типы предупредного вокализма также не стали исключением: их описанию и интерпретации посвящена большая литература, однако, как правило, внимание лингвистов было приковано исключительно к произношению гласных в первом предупредном слоге конкретной разновидности аканья или яканья. Кроме того, сами системы анализировались на основании вторичных источников, например, материалов, собранных для Диалектологического атласа русского языка [Захарова 1959; 1971], что сразу же накладывало на исследование определенные ограничения: собранный материал не всегда давал возможность установить и интерпретировать специфические особенности системы ударного вокализма, а также характер связи между типами аканья и яканья. Очевидно, что только комплексный подход, учитывающий все элементы общей системы вокализма, позволит проанализировать существующие архаические типы предупредного вокализма как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах.

Под архаическими типами предупредного вокализма понимаются такие модели аканья и яканья, которые по-разному реагируют на гласные верхнего и верхне-среднего подъёмов, с одной стороны, и на гласные среднего и нижнего подъёмов — с другой. Как известно, архаическое яканье было открыто и описано в начале XX века [Васильев 1905: 336—355; Дурново 1917: 40—73], соответствующий тип аканья был обнаружен дважды: в 1920-х годах Н. Н. Дурново [Дурново 1929б: 317] и в 1950-х — Т. Ю. Строгановой [Строганова 1955: 94—103]. Но и Н. Н. Дурново и Т. Ю. Строганова производили анализ материала на основании только слуховой оценки диалектного произношения, без подтверждения слуховых образов с помощью инструментального анализа, поэтому вплоть до 1970-х годов существование этой модели подвергалось сомнению некоторыми учёными, например Ф. П. Филиным [Филин 1968: 59].

Магнитофонные записи, сделанные в 1960—80-е годы в различных южнорусских говорах, документально подтвердили существование этого типа вокализма: он был обнаружен в некоторых населённых пунктах Новооскольского и Алексеевского р-нов Белгородской обл., Россошанского р-на Воронежской обл., Хлебенского р-на

Липецкой обл. (образцы звучащей речи из этих населённых пунктов приведены в [Касаткина 1999]). Архаические модели диссимилятивного вокализма и сегодня функционируют в южнорусских говорах как живая закономерность, которой подчиняются не только старые, но и новые слова, вошедшие в говор сравнительно недавно. Диалектологические экспедиции Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН³³ 1999—2010 гг. выявили архаические типы аканья и яканья в селах Роговатое и Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл., в селах Верётье и Мастюгино Острогожского р-на Воронежской обл., в с. Истобное Репьёвского р-на Воронежской обл., с. Татарино Каменского р-на Воронежской обл. Следы архаического аканья, сочетающегося с диссимилятивно-умеренным яканьем архаической разновидности, отмечены в с. Зайцево Белёвского р-на Тульской обл. и с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.

3.2.4. Как известно, архаическое диссимилятивное яканье существует в двух разновидностях: задонской и обоянской. При задонском диссимилятивном яканье гласный [а] в первом предударном слоге чередуется с [е], а при обоянском — с [и], то есть эти модели имеют различные системы корреляций предударных гласных: более древнее [а] — не-[а] — при задонском яканье и возникшее позднее [и] — не-[и] — при обоянском.

Для говоров с архаическими типами вокализма характерно функционирование под ударением семи гласных фонем. Однако вопрос о реальной фонетической зависимости гласных первого предударного слога от ударных гласных /ω/, /о/, /ѣ/, /е/ остаётся открытым. Как известно, сохранение или трансформация архаических типов предударного вокализма напрямую связаны с наличием/отсутствием в говоре под ударением противопоставлений /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/: любые изменения, происходящие в системе семифонемного вокализма, провоцируют соответствующие изменения в архаических системах аканья и яканья. При этом остается неопределённость в понимании того, какие конкретно особенности системы ударных фонем в наибольшей мере влияют на изменения подобных архаических систем вокализма.

Известно, что не только переход задонской разновидности яканья в обоянскую, но даже полная утрата диссимилятивного принципа,

³³ В экспедициях участвовали научные сотрудники ИРЯ РАН И. И. Исаев, О. Г. Ровнова, Д. М. Савинов, аспиранты С. В. Дьяченко и Е. В. Корпечкова.

характерного для архаических типов вокализма, может происходить при наличии в говоре семи гласных фонем. Разумеется, противопоставление фонем /ω/ и /o/, /ʙ/ и /e/ в говорах зачастую проводится не последовательно. Однако общее количество примеров, а также анализ просодических условий произношения звукотипов (последовательная реализация противопоставления в сильной фразовой позиции и непоследовательная — в слабой) обычно свидетельствуют о наличии в говоре семифонемной системы вокализма.

3.2.5. Система противопоставлений гласных фонем /ω/ и /o/, /ʙ/ и /e/ может существовать в нескольких вариантах. В наиболее архаическом виде она реализуется как система дифтонгов: [y̞o̞] — [o̞y̞] и [i̞e̞] — [e̞i̞], то есть эта система может быть признана прототипичной для всех остальных разновидностей семифонемного вокализма, представленных в русских диалектах [Касаткин 1999: 388]. Однако для большинства говоров характерна тенденция к монофтонгизации, к произношению дифтонгов только в определённых фразовых условиях, даже к смешению артикуляций, когда восходящий дифтонг (или дифтонгоид) становится возможным не только на месте /ω/ и /ʙ/, но также на месте /o/ и /e/.

В говорах представлены различные модификации системы противопоставлений, которые определяют особенности её функционирования и оказывают разные по своей направленности влияния на систему гласных первого предударного слога. Эти модификации можно рассматривать как этапы поступательного развития исходной прототипичной системы, которая представлена на схеме 1. Стрелки на этой схеме показывают основное движение дифтонгов, реализующих фонемы /ʙ/, /ω/, /e/ и /o/.

Процесс монофтонгизации проходит в два этапа: на первом этапе монофтонгируются нисходящие дифтонги, представляющие фонемы /o/ и /e/, на втором — восходящие. Различные звуки, представленные на месте фонем верхне-среднего и среднего подъёмов, характеризуют предыдущие этапы развития системы ударного вокализма и дают материал для диахронических реконструкций. Например, фонема /o/ в пределах одного говора может реализоваться звуками [o̞y̞], [o], [ɔ], различными дифтонгоидами со значительно более длинной и интенсивной [ɔ]-образной фазой. На месте фонемы /e/ отмечаются не только дифтонг [e̞i̞] или гласный среднего подъёма [e], но также монофтонг средне-нижнего подъёма [ɛ] или дифтонг с начальной [ɛ]-образной фазой, что характерно, например, для некоторых говоров Рязанской и Белгородской областей.

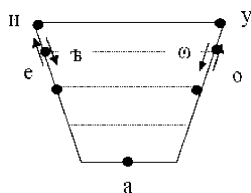

Схема 1

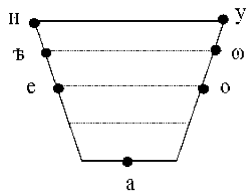

Схема 2

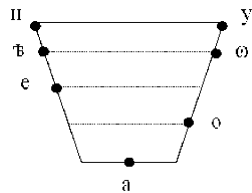

Схема 3

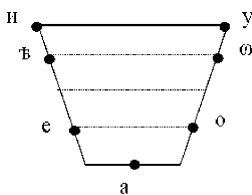

Схема 4

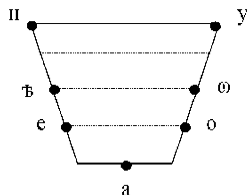

Схема 5

Ни одна из этих систем не существует в чистом виде, но проявляется как тенденция. Если внутренняя динамика развития подобной системы определяется на основе количественных методов статистики, то для оценки ее влияния на архаические системы предупредного вокализма необходим качественный анализ позиционного распределения звуков, реализующих фонемы /ѡ/, /о/, /ѣ/, /е/. Материал, собранный на территории южнорусского наречия в говорах с архаическими типами аканья и яканья, свидетельствует о том, что общий вектор изменения этих систем вокализма определяется принципиальной возможностью появления под ударением гласного средне-нижнего подъёма [ε] как реализации фонемы /е/. Наличие этого звука свидетельствует об устойчивости в говоре семифонемного вокализма, о параллелизме развития систем противопоставлений /ѡ/ и /о/, /ѣ/ и /е/, которые реализуются как оппозиция двух степеней подъёма: верхне-средний ~ средне-нижний или средний ~ средне-нижний (соответственно, схемы 4 и 5).

Практически во всех южнорусских говорах, различающих под ударением семь гласных фонем, звук [ɔ] отмечается как возможная реализация фонемы /о/. По всей видимости, этот факт связан с историей развития системы ударного вокализма в русском языке. Так, в слободских говорах Харовского р-на Вологодской обл. Р. Ф. Касаткина обнаружила следующую закономерность: в соответствии с *о под нисходящим ударением в говоре произносится дифтонг [ɔу] и монофтонг [ɔ], а в соответствии с *ѣ — почти исключительно [ɔ].

Эту особенность Р. Ф. Касаткина интерпретирует как сохранение следов «древнего различия **o* под нисходящим ударением и **ь*», то есть монофтонг [ɔ] был типичным воплощением фонемы /ʏ/ в сильной позиции [Пауфошима 1983: 35—36; Касаткин 1999: 388].

Данные южнорусских говоров с архаическими типами аканья свидетельствуют о том, что в момент формирования архаических систем предупредного вокализма звукотипы [бу] и [ɔ] были реализациями одной фонемы и, возможно, уже тогда находились в отношении дополнительного распределения в зависимости от фразовой позиции. Впоследствии в результате развития процесса монофтонгизации звук [ɔ] из аллофона, характерного для слабой фразовой позиции, становится основной реализацией фонемы /o/; при этом на месте дифтонга [yō], реализующего фонему /ω/, постепенно распространяются гласные [o] и [o], то есть функциональное противопоставление фонем /ω/ и /o/ сохраняется.

Иначе протекает монофтонгизация дифтонгов [йе] и [ей]. Сначала этот процесс захватывает дифтонг [ей] [Касаткин 1999: 393], который теряет [и]-образную фазу и изменяется в гласный [е], хотя спорадически на месте /е/ встречаются гласные верхне-среднего подъёма [ɛ] или [ɨ], а под акцентным выделением — дифтонги, причем не только [ей], но и [йе]. Основной реализацией фонемы /ʏ/ в сильной фразовой позиции остается дифтонг [йе], в слабой — появляются гласные [ɛ] и [е]. Основным результатом начавшегося процесса становится появление зоны неразличения фонем, что создаёт условия для изменения системы вокализма в целом, ведёт к утрате функциональной наполненности противопоставления /ʏ/ и /е/. На рис. 1 и 2 представлены осциллограммы и спектрограммы форм *д'йе-да* и *qm'йец*, отмеченных в говоре с. Веретье.

На графиках отчётливо видно, что обе формы имеют под ударением дифтонг [йе], который в первом случае реализует фонему /ʏ/, во втором — /е/. Таким образом, в южнорусских говорах противопоставление /ʏ/ и /е/, утрачивается раньше, чем /ω/ и /o/. Отмечаемые шестифонемные системы вокализма обычно имеют следующий вид:

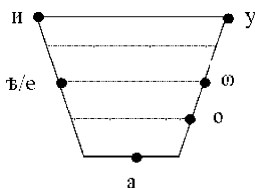

Схема 6

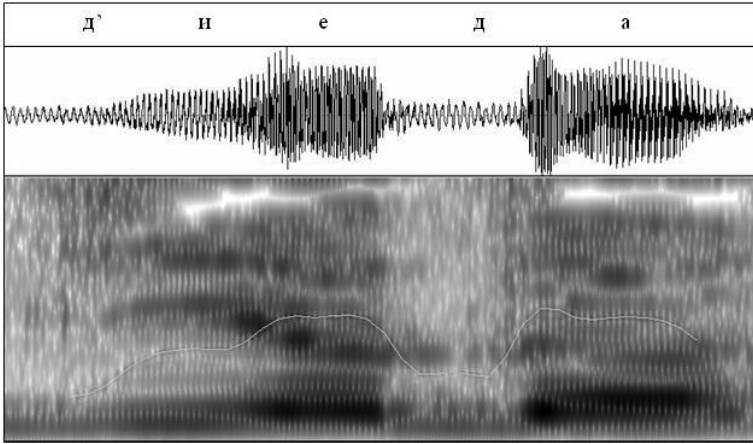

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма формы *d'ida* (деда).
Записана в с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.

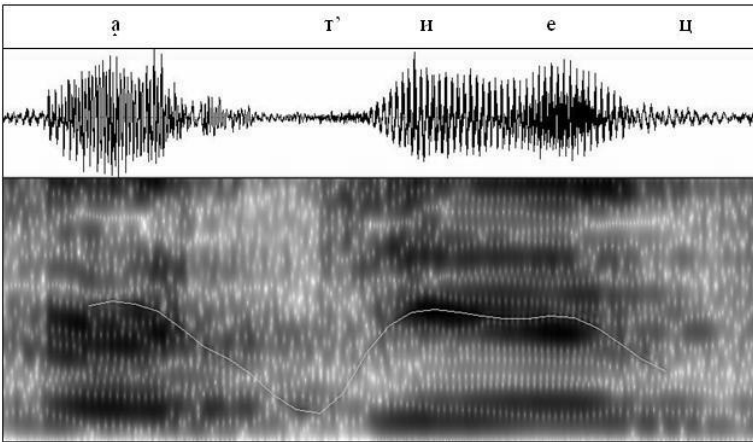

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма формы *at'icu* (отец).
Записана в с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.

Подобные системы или следы их былого существования отмечают в некоторых населённых пунктах Белгородской и Воронежской обл. [Касаткина 1999: 157; Савинов 2010б: 282]. Г. А. Хабургаев отмечал шестифонемные системы вокализма с сохранением противопоставления фонем /*ω*/ и /*o*/ в окрестностях Курска [Хабургаев 1966: 280; 1975: 72].

у гласного отсутствует начальный [и]-образный переходный участок, что создает акустическое впечатление твёрдого согласного, разумеется, подобного [и]-образного участка нет и перед твёрдым согласным.

Наконец, предударные гласные, находящиеся в позиции перед /е/, имеют тенденцию уподобляться ударному гласному не только по ряду, но и по подъёму: например, в первом предударном слоге после твёрдых согласных перед [ɛ] могут произноситься на месте /o/, /a/ гласные [ɑ] или [æ], а перед [ɛ̣] и [ɨ̣] — [ɔ̣] или [ɛ̣]. Подобную черту впервые обнаружили Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель в говоре д. В. Колыбелка Хлевенского р-на Липецкой обл. — в этом говоре с архаическими типами предударного вокализма гласный [ɔ̣] перед ударным [e] становится более передним [Касаткина, Щигель 1995: 298]. На рис. 3 и 4 представлены осциллограммы и спектрограммы форм *ат'эц*, *малэд'ин'иц*. На графиках видно, что форманты гласных первого предударного слога подстраиваются под форманты ударных гласных. То есть реализации фонемы /е/ имеет большой «ассимилирующий» потенциал.

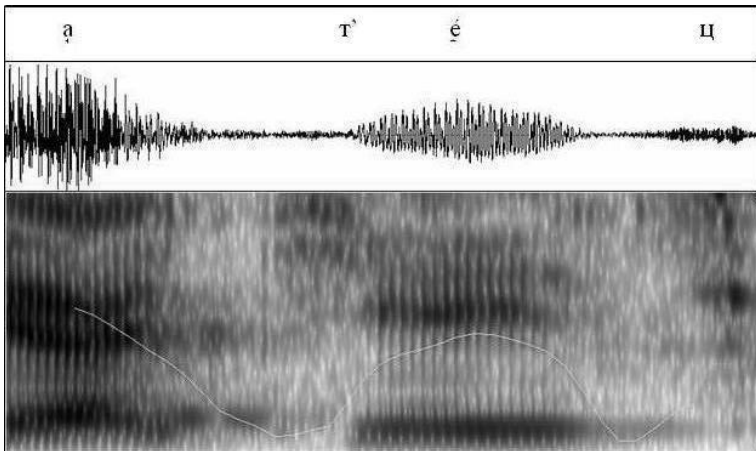

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма формы *ат'эц* (отец).
Записана в с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.

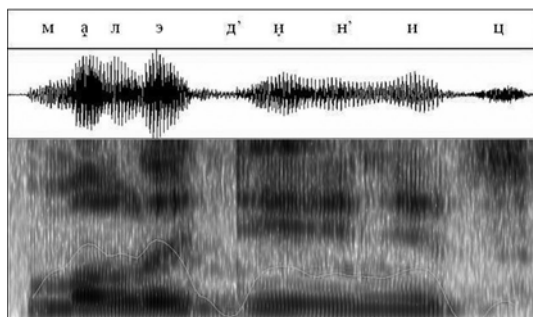

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма формы *малэд'цн'иц'* (младенец).
 Записана в с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.

3.2.8. Произношение перед реализациями фонемы /е/ звуков [е] и [э]³⁴, что характерно для наиболее архаических систем предударного вокализма, не может считаться диссимиляцией, но свидетельствует в пользу ассимилятивных отношений между гласными просодического центра³⁵ слова, то есть между ударным гласным и гласным первого предударного слога. Вероятно, существующая сегодня зависимость предударного гласного от степени подъёма ударного гласного исторически не первична [Горшкова, Хабургаев 1997: 117] и причиной появления и развития типов предударного вокализма, подобных архаическому, не могла быть непосредственно диссимиляция, то есть стремление говорящих расподобить подъёмы гласных [Касаткин 2009б: 96]. Можно предположить, что качественная диссимиляция — это лишь результат, внешнее проявление действия других фонетических процессов. По-видимому, процессом, обусловившим появление и развитие диссимилятивных архаических систем предударного вокализма, стало формирование той ритмической структуры слова, которая характерна сегодня для южнорусских говоров. Выделение просодического центра и его противопоставление всем другим гласным слова привело к изменению всей вокалической системы: в новых условиях оптимальным основанием для её существования становится компенсаторная зависимость между гласными просодического центра — система стабилизируется на основании различия ударных и предударных гласных по длительности.

³⁴ Имеющего в этой позиции склонность к переходу в более передний ряд.

³⁵ То есть между ударным гласным и гласным первого предударного слога. Термин предложен Р. Ф. Касаткиной.

Не вызывает сомнений первичность количественных отношений между гласными просодического центра [Брок 1916: 57—59; Касаткин 1999: 447—448; Касаткин 2009б: 96—98]. Важнейшее условие существования подобной системы: чем длительнее ударный гласный, тем более короткие звуки произносятся в первом предударном слоге.

Со временем произошло качественное разграничение предударных гласных в зависимости от их квантитативных характеристик. Возможные количественные модификации были обобщены в два звукотипа: [a] — не-[a]. Долгий широкий [a] стал произноситься перед гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов, а более короткие и закрытые [ə] и [e] — перед гласными среднего и нижнего подъёмов. Появление после мягких согласных звука [e] перед ударными гласными среднего подъёма в принципе нарушало диссимилятивный принцип, поскольку свидетельствовало скорее о регрессивной ассимиляции. Поэтому задонская разновидность архаического яканья может быть отнесена к диссимилятивным типам вокализма лишь отчасти — неслучайно в южнорусских говорах задонский тип диссимилятивного яканья почти никогда не существует в чистом виде, без исключений.

Кроме того, появление системных различий в реализации звуко-типа не-[a] в зависимости от твёрдости-мягкости предшествующего согласного ([e] после мягких, [ə] после твёрдых) становится первым шагом к утрате абсолютного параллелизма систем предударного вокализма после твёрдых и после мягких согласных — на предыдущем этапе система корреляции предударных гласных основывалась только на квантитативных признаках, которые, очевидно, не зависели от качества предшествующего согласного. Таким образом формируются наиболее архаические типы диссимилятивного аканья и яканья задонской разновидности, поддержанные семифонемным ударным вокализмом с системой нисходящих и восходящих дифтонгов в соответствии с фонемами /ω/, /ъ/ и /o/, /e/.

3.2.9. Однако начинается трансформация исходной прототипичной системы ударного вокализма — получает развитие процесс монофтонгизации дифтонгов. Система предударного вокализма чутко реагирует на начавшиеся изменения: для архаического диссимилятивного яканья задонского типа, точно настроенного на прежнюю модель ударного вокализма, важны не конкретные характеристики складывающейся системы корреляций /ω/ — /o/ и /ъ/ — /e/, но сам факт начавшихся изменений. Появление тенденции к разрушению старой системы дифтонгов провоцирует в задонской разновидности

яканья структурные сдвиги, адекватные новым условиям функционирования.

Ассимилятивно-диссимилятивная природа задонского архаического яканья обуславливает нестабильность этого типа вокализма: в нем всегда присутствуют либо черты обоянского диссимилятивного яканья, свидетельствующие о переходе к «подлинной» диссимилятивной системе вокализма, либо элементы умеренно-диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного яканья новосёлковской разновидности, свидетельствующие об утрате самого принципа диссимиляции.

Соответственно, возможны два варианта развития задонского типа вокализма. Если в говоре ритмическая структура слога допускает произношение широких длительных гласных перед гласными среднего, средне-нижнего и нижнего подъёмов (при наличии в говоре ассимилятивных тенденций), гласный [а] распространяется в первом предударном слоге перед ударными [ɔ] и [а], и диссимилятивный принцип перед этими гласными исчезает в принципе. Так, в говоре д. В. Колыбелка наблюдается первая ступень перехода задонского архаического яканья к ассимилятивно-диссимилятивному [Касаткина, Щигель 1995].

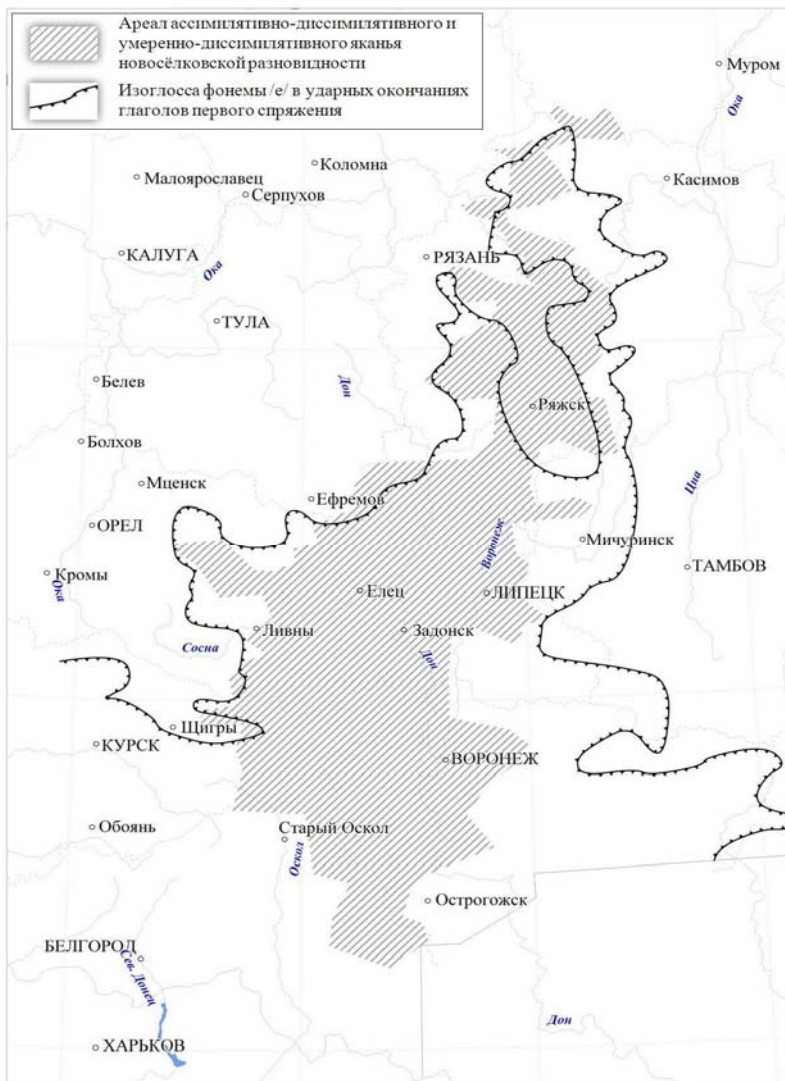
Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель показали, что изменение обусловлено ассимиляцией гласных первого предударного слога ударным гласным средне-нижнего и нижнего подъёмов [ɔ] и [а]. В результате в первом предударном слоге на месте фонем неверхнего подъёма начинают употребляться не две, а три звуковые единицы: после твёрдых согласных — [ā] перед /i/, /y/, /ω/, /ʙ/; [ǣ] перед /a/; [ə] перед /o/, /e/, /ʔa/; после мягких — [ā] перед /i/, /y/, /ω/, /ʙ/; [æ] перед /o/, /a/; [e] перед /ʔo/, /e/, /ʔa/. Очевидно, что прежде всего ассимиляции подвергаются гласные перед ударным [а], затем перед [ɔ]. По-видимому, со временем гласный [ǣ] после твёрдых согласных распространяется также перед ударным [ɔ], то есть возникает система умеренно-диссимилятивного аканья и яканья на новосёлковской основе.

Переходу [ə] и [e] в [а] перед ударным [ʔa] мешает дифтонгическое образование этого гласного, см. примеры *м'итѣа́шка*, *рѣадѣм*, *лѣшэдѣах* [Касаткина 1999: 127]. Только после монофтонгизации [ēa] начинается распространение [а] перед ударным [ʔa], которое совпадает с изменением системы корреляций после мягких согласных: от [а] — не-[а] к [и] — не-[и]. Видимо, именно этим объясняется непоследовательность произношения [а] перед [ʔa].

Это изменение системы корреляций приводит к фонологизации противопоставления [и] — [а] и к утрате фонетической зависимости гласного первого предударного слога от ударного гласного. После твёрдых согласных возможность для лексикализации и грамматикализации противопоставления отсутствует, с чем связано распространение в говорах сильного аканья, которое может сохранять лишь следы прежней диссимильтивной системы перед ударным *a*.

Как правило, новосёлковское ассимилятивно-диссимильтивное яканье сочетается в южнорусских говорах с системой семифонемного вокализма, в которой гласные средне-верхнего или среднего подъёмов противопоставляются гласным средне-нижнего подъёма: [ɔ] ~ [ɔ̄], [ɛ] ~ [ɛ̄] или [o] ~ [ɔ], [e] ~ [ɛ]. Однако сохранение противопоставления гласных [а] — [и] перед /e/ и /ь/ при этом типе вокализма уже не имеет никакого отношения к особенностям системы ударных фонем. На выбор гласного в первом предударном слоге влияют морфонологические факторы, то есть консервация системы новосёлковского ассимилятивно-диссимильтивного яканья поддерживается наличием в говоре ряда значимых грамматических черт. Так, изоглосса фонемы /e/ в ударных окончаниях глаголов первого спряжения в основных чертах совпадает с ареалом ассимилятивно-диссимильтивного яканья новосёлковской разновидности (см. карту на с. 333). Эта же изоглосса практически полностью покрывает и территорию, на которой Диалектологический атлас русского языка фиксирует щигровское диссимильтивное яканье. Впрочем, населённых пунктов, в которых отмечается этот тип вокализма, немного, и они не занимают сплошной территории [Захарова 1971: 7].

3.2.10. В том случае, если в говоре ритмическая структура слога жёстко ориентирована на диссимильтивный принцип (перед ударными гласными средне-нижнего и нижнего подъёмов могут произноситься только короткие узкие гласные), происходит фонологизация корреляции гласных в первом предударном слоге. Для увеличения контрастности противопоставления гласный [e] повышает подъём и смещается в область [и], в результате чего формируется архаическое яканье обоянской разновидности. При переходе системы противопоставления от [а] — не-[а] к [и] — не-[и] также прекращается действие прежних фонетических закономерностей, поскольку образуется новая фонологическая модель. В зависимости от различных условий звук [и], являющийся основным вариантом фонемы /и/, противопоставляется гласному [а], реализующему фонемы /а/, /о/, /e/. Поэтому даже в системе архаического яканья обоянской раз-

новидности, поддержанного семифонемным вокализмом, появление того или иного варианта зависит уже не только от фонетической позиции, но также от различных фонологических или лексико-грамматических условий. Подобная система, как правило, изменяется лишь за счёт закрепления или распространения одного из звукотипов в

определённых формах или словах, а также за счёт распространения [и] перед фонологически мягкими согласными.

Если трансформация системы ударного вокализма приводит к появлению на месте фонемы /е/ гласного [ε], что свидетельствует о стабильности системы semifонемного вокализма в целом, архаическое аканье и обоянское диссимилятивное яканье также последовательно сохраняются, отмечаются лишь единичные исключения. Если развитие системы ударного вокализма не приводит к появлению [ε] как возможной реализации фонемы /е/, начинается постепенная утрата противопоставления /ъ/ ~ /е/, что провоцирует изменения систем аканья и яканья. Прежде всего это выражается в разрушении системы диссимилятивного яканья, и лишь затем — диссимилятивного аканья, вопреки существовавшему ранее мнению [Захарова 1959: 42]. Как показывают последние исследования [Дьяченко 2011], архаичная диссимилятивная система предударного вокализма после твёрдых согласных сохраняется значительно лучше, чем после мягких согласных, и становится, по сути, особой ритмической моделью. Это связано с тем, что артикуляционный контраст между гласными непереднего ряда [а] и [э] оказывается гораздо менее четко выраженным, чем между гласными переднего ряда, более удаленными друг от друга в артикуляционном пространстве [Касаткина 2000б: 102], различие звуко типов после твёрдых согласных не осознается носителями говора и потому легко сохраняется, превращаясь в особую ритмическую модель. Яканье, напротив, «одиозная» черта, которая воспринимается как яркая диалектная особенность и потому первой устраняется из речи.

В качестве примера можно привести говоры с. Веретья Острогского р-на Воронежской обл. и Солдатского Старооскольского р-на Белгородской обл. В первом говоре звук [ε] как реализация фонемы /е/ не отмечен, противопоставление фонем /ъ/ и /е/, /ω/ и /о/ постепенно утрачивается, что сразу же приводит к нарушениям в системе диссимилятивного яканья обоянской разновидности, к появлению элементов иканья. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в системе частиц, предлогов и отрицаний, находящихся в позиции первого предударного слога: гласный [и] в этой позиции возможен перед любым гласным.

В говоре Солдатского, напротив, звук [ε] — возможная реализация фонемы /е/, наряду с [ε], [е], [εй], соответственно, в этом говоре практически нет отклонений от системы обоянского яканья. Система

частиц, приставок и отрицаний подчиняется общей системе чередований.

Обоянское диссимильативное яканье при изменении условий своего существования, то есть при полном исчезновении противопоставления /ѣ/ — /е/ и /о/ — /о/, может трансформироваться в щигровский или суджанский типы диссимильативного яканья. Развитие этих систем предударного вокализма происходит под действием морфонологических факторов: звук [а] перед ударным [о] из *о и *ѣ распространяется благодаря морфологическому обобщению основ слов с ударением на флексии, при этом в лексемах с ударением на основе звук [и] может сохраняться.

Типы предударного вокализма в южнорусских говорах

Типы предударного вокализма	Гласные под ударением									
	а	о	ѡ	ы	у	а	о	е	ѣ	и
	Перед твёрдыми согласными					Перед мягкими согласными				
Диссимильативное яканье Задонского типа	е		а			е		а		
Диссимильативное яканье Обоянского типа	и		а			и		а		
Диссимильативное яканье Дмитриевского типа	и		а			и		а		
Диссимильативное яканье Суджанского типа с «наметившейся переходностью»	и	и (а)	а			и		и		
Диссимильативное яканье Суджанского типа с «развитой переходностью»	и	а (и)	а			и	и (а)	и	а	
Диссимильативно-умеренное яканье неархаического типа	и	а (и)	а			и				
Умеренно-диссимильативное яканье Суджанского типа	а (и)	а			и		и (а)	и	а	
Диссимильативное яканье Щигровского типа	и	а (и)	а			и		а		
Умеренно-диссимильативное яканье Новоселковского типа	а (и)	а			и		а			
Ассимильативно-диссимильативное яканье Новоселковского типа	а					а (и)	и		а	

Разумеется, процессы аналогического выравнивания всегда ограничены определенными парадигмами и не распространяются механически, поэтому системы суджанского и щигровского типов яканья практически всегда сохраняют черты своей основы — архаического яканья обоянской разновидности.

3.2.11. Таким образом, архаические типы вокализма проходят сложный путь эволюции, в результате которой качественно меняется система зависимости гласных первого предударного слога от ударных гласных: изначальная зависимость от конкретных количественных характеристик ударного гласного сменяется зависимостью от качества конкретной реализации фонемы. На следующем этапе употребление предударного гласного связано с положением перед определённой фонемой, а затем — с положением в определённом слове или грамматической категории, что характерно для щигровского и суджанского типов диссимилятивного яканья. То есть развитие системы предударного вокализма проходит три этапа: от регулярного варьирования аллофонов, обусловленного фонетическим законом позиционного чередования, через фонологизацию к морфонологизации, к усилению влияния слов и форм на функционирование этих систем.

3.3. Развитие системы гласных после твёрдых и мягких согласных в говорах с архаическим типом вокализма

Архаические диссимилятивные системы предударного вокализма образовались, вероятно, в результате компенсаторной диссимиляции гласных по длительности, при которой перед долгим гласным может быть краткий гласный, а перед кратким — долгий. Впервые этот принцип был сформулирован О. Броком [Брок 1916: 57—59]. Поскольку закон количественной диссимиляции никак не связан с твёрдостью/мягкостью предшествующего согласного, модели аканья и яканья должны были сосуществовать как параллельные системы.

Однако такой параллелизм обнаруживается далеко не во всех современных говорах, знающих нейтрализацию фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге. Об этом свидетельствует гораздо большее многообразие типов яканья, чем типов аканья. Обнаруженные и описанные в последние десятилетия типы яканья дополнили картину русского предударного вокализма после мягких согласных. Так, Л. Л. Касаткин и Е. Г. Бурова при обследовании чухломского акающего острова обнаружили в нём особое диссими-

лятивно-умеренное яканье с противопоставлением в предупредном слоге после мягких согласных трёх звуков: [e], [a], [и] [Касаткин 1999: 417—418]. В некоторых псковских говорах В. Н. Чекмонасом был открыт бельский тип яканья, он описан в [Чекмонас 1999: 89—141]. В то же время исследования Д. М. Савинова показали, что дмитриевский тип диссимильятивного яканья является разновидностью суджанского типа [Корпечкова, Савинов 2009: 53—62]. Следует заметить также, что были открыты новые типы аканья: ассимильятивно-диссимильятивное, которое соответствует ассимильятивно-диссимильятивному яканью [Касаткина, Цигель 1995: 295—309], белёвское, соответствующее дмитриевскому диссимильятивному яканью [Савинов 2001: 212—213]. Кроме того, в некоторых районах Белгородской области в 1950-х гг. был отмечен тип аканья, соответствующий донскому яканью. Но в связи с недостаточной достоверностью материалов, подтверждающих такой тип аканья, его наличие ставилось учёными под сомнение [Строганова 1964: 39]. Диалектные тексты из Хвостовического района Калужской области (расшифровка и комментарий произведены Л. Л. Касаткиным) подтвердили существование такого типа аканья, и он был назван прохоровским [Касаткина 1999: 46]. Однако эти типы аканья реализуются непоследовательно и представляют собой лишь следы единого происхождения. Не обнаружено моделей вокализма после твёрдых согласных, соответствующих щигровскому, суджанскому, мосальскому типам диссимильятивного яканья, а также умеренному. Всё это говорит о том, что вокализм после твёрдых и после мягких согласных развивается по разным моделям.

В данном разделе ставится задача определить, в какой момент происходит разрыв связи между развитием системы гласных после твёрдых и после мягких согласных, установить причины и последствия этого разрыва.

Раздел основан на материале говора с. Веретье Острогожского района Воронежской области.

I

1. В современных говорах архаическому аканью полностью соответствует наиболее архаичное задонское яканье, здесь системы гласных после мягких и твёрдых согласных параллельны. Соответствие поддерживается семифонемным ударным вокализмом.

Параллелизм между системами гласных после твёрдых и мягких согласных свидетельствует о диссимильяции, зависимости предупред-

ного гласного от ударного гласного: перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма фонемы /ѣ/, /о/, /е/, /о/, /а/ реализуются в звуке нижнего подъёма, и наоборот, перед ударным гласным нижнего и среднего подъёма эти фонемы не могут быть представлены звуком нижнего подъёма.

Соотношение гласных в говорах с архаическим аканьем и задонским яканьем представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Гласные 1-го предударного слога в говорах с архаическим аканьем
и яканьем задонского типа**

Гласный 1-го предударного слога				Гласный под ударением
на месте пред- шеству- ющий согласный	/y/	/и/	/ѣ/, /о/, /е/, /о/, /а/	
твёрдый	[y]	[ы]	[а]	/и/, /y/, /ѣ/, /о/
мягкий	[y]	[и]	[а]	
твёрдый	[y]	[ы]	[э]	/е/, /о/, /а/
мягкий	[y]	[и]	[е]	

Таким образом, расподобление гласных по подъёму выражается в противопоставлении звуков [э] — [а] после твёрдых согласных и [е] — [а] после мягких согласных. Это противопоставление обусловлено фонетической зависимостью предударных гласных от ударных гласных.

Пока зависимость между предударным и ударным гласным существует на фонетическом уровне, вокалические системы после твёрдых и мягких согласных развиваются в соответствии друг с другом. В говорах с архаическим типом вокализма такой параллелизм отмечала К. Ф. Захарова [Захарова 1959: 14—15].

Однако на определённой ступени развития говора фонетическая позиционная зависимость утрачивается, и далее отношения между предударным и ударным гласным развиваются под действием фонологических и морфонологических факторов. Это проявляется в том, что система предударных и ударных гласных существует как модель, где употребление звукотипа в предударной позиции регламентируется ударной фонемой, а не её конкретной реализацией. Таким образом, тот или иной звук в первом предударном слоге после мягких со-

гласных может являться показателем определённой формы, притом что под ударением может произноситься один и тот же звук. Так, при пятифонемном ударном вокализме может произноситься *н[’имó]й* в именительном падеже м. р., но *н[’амó]й* в косвенных падежах ж. р.

Этот процесс отражается в первую очередь на системе гласных после мягких согласных, хотя в некоторых случаях особым образом сказывается на вокализме после твёрдых согласных. Речь идёт о западных говорах русского языка и северо-восточных говорах белорусского языка. В них представлено последовательное диссимилятивное аканье жиздринского типа при пятифонемном ударном вокализме, причем звуком, противопоставленным [а] по подъёму в предударной позиции после твёрдых согласных, является [ы], то есть диссимиляция выражается в противопоставлении гласных звуков верхнего и нижнего подъёма [Строганова 1975: 42—43]. Учитывая, что после мягких согласных в этих говорах также противопоставлены гласные верхнего и нижнего подъёма [и] и [а], можно сказать, что здесь наблюдается параллелизм после твёрдых и мягких согласных, имеющий иную основу по сравнению с архаическим аканьем и задонским яканьем. В этом случае предударная позиция оказывается позицией нейтрализации для фонем неверхнего подъёма и для фонемы /и/. Фонемы неверхнего подъёма и /и/ нейтрализуются перед ударными гласными нижнего подъёма и различаются перед гласными верхнего и среднего подъёма.

Соотношение звуков, реализующих гласные фонемы в первом предударном слове в таких говорах, показано в таблице 2.

Таблица 2

**Гласные 1-го предударного слога в говорах
с диссимилятивным аканьем и яканьем жиздринского типа,
при котором гласные неверхнего подъёма перед ударным гласным
нижнего подъёма совпадают в звуках верхнего подъёма**

Гласный 1-го предударного слога				Гласный под ударением
на месте пред- шеству- ющий согласный	/y/	/и/	/Ѣ/, /Ѡ/, /Ѣ/, /Ѡ/, /а/	
твёрдый	[у]	[ы]	[а]	/и/, /y/, /Ѣ/, /Ѡ/
мягкий	[у]	[и]	[а]	
твёрдый	[у]	[ы]		/а/
мягкий	[у]	[и]		

Возникновение «нового» параллелизма как «важный фактор разрушения старых типов вокализма и развития новых» было описано Р. И. Аванесовым [Аванесов 1970: 477]. Такой «новый» параллелизм содержит в себе противоречие в том плане, что фонема /и/ и фонемы неверхнего подъёма нейтрализуются в звуках [ы], [и] только перед ударным гласным нижнего подъёма, причём теми же самыми звуками фонема /и/ реализуется во всех остальных позициях, отличаясь этим от фонем неверхнего подъёма.

Язык в стремлении преодолеть это противоречие может развиваться разными путями. Так, например, в некоторых говорах, знающих нейтрализацию фонем неверхнего подъёма и /и/ перед ударным гласным нижнего подъёма, фонемы неверхнего подъёма могут быть представлены звуками [и] и [ы] не только перед ударным гласным нижнего подъёма, но и перед ударными гласными среднего подъёма, например, *p[ʼикó]й, n[ыгó]й* (рекой, ногой) [Аванесов 1970: 477].

Включение фонемы /и/ в систему отношений между предударным и ударным слогом может происходить другим способом. Так, в некоторых смоленских говорах фонема /и/ после твёрдых согласных реализуется в звуке [ы] перед ударными гласными верхнего и среднего подъёма и в звуке [э] перед ударным гласным нижнего подъёма. Но, как отмечает И. Л. Сталькова, хотя эта фонема в данном случае и включается в системные отношения ударных и предударных гласных, но отражает не диссимилятивную зависимость подъёма предударного гласного от подъёма ударного, а скорее ассимилятивную, поскольку звук [э] по сравнению с [ы] ниже по подъёму и ближе к [а] [Сталькова 1973: 74—86].

Помимо этого, исследователи отмечают в некоторых говорах с диссимилятивным типом вокализма явления, якобы свидетельствующие о включении в отношения между предударным и ударным гласными фонемы верхнего подъёма /у/. Это выражается в том, что перед ударным гласным нижнего подъёма фонемы неверхнего подъёма после твёрдых согласных реализуются звуками [у], [э^у], [ы^у] и т. п. [Строганова 1975: 43—50]. Но тот факт, что помимо лабиализованного гласного [у] в этой позиции в других говорах может встречаться лабиализованный же [о], а также преимущественное употребление этих звуков в «лабиализующем» окружении (в соседстве с губными или заднеязычными согласными, согласным [л] или при наличии звука [у] в предыдущем слого) свидетельствует о том, что лабиализованные звуки в этой позиции, вероятно, произносятся под влиянием соответствующего звукового окружения.

Таким образом, утрата фонетической зависимости гласного первого предударного слога от гласного ударного слога приводит к преобразованию всей системы гласных.

2. Задонское яканье — неустойчивый тип предударного вокализма, склонный к изменениям. При таком типе в предударной позиции различается наибольшее количество фонем, а для русских говоров характерна тенденция к уменьшению количества звукотипов в первом предударном слоге. С этим связано появление гласного [и] как варианта противопоставления гласному [а] в говорах с диссимилятивным вокализмом. К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев видели причину возникновения в этой позиции звука [и] во влиянии «вторично» акающих среднерусских говоров [Горшкова, Хабургаев 1981: 111]. Однако это представляется сомнительным. Возникновение такого противопоставления, вероятно, связано с внутренними закономерностями развития вокализма [Савинов 2010а: 105].

В юго-западных русских говорах изменение задонского яканья приводит к тому, что пара противопоставленных после мягких согласных звуков [е] — [а] сменяется парой [и] — [а], то есть [е]→[и]. Изменение [е] в [и] в первом предударном слоге не уникально, многочисленные аналогичные примеры приводит В. Н. Сидоров [Сидоров 1969: 15—24]. Условия для изменения [е] в [и] в говорах с архаическим типом вокализма появляются тогда, когда начинает изменяться система ударного вокализма, при непоследовательном различении фонем /ω/ и /o/, /ѣ/ и /е/. Система предударного вокализма реагирует на это тем, что увеличивается контрастность противопоставления предударных звуков. Противопоставление [э] — [а] после твёрдых согласных, напротив, устойчиво и сохраняется в большинстве говоров с диссимилятивным вокализмом, но так же, как после мягких, зависит от ударной фонемы, а не звука.

Таким образом, вокализм после твёрдых и мягких согласных начинает развиваться по разным моделям:

а) после твёрдых согласных: противопоставлении [э] — [а] сохраняется;

б) после мягких согласных: противопоставление [е] — [а]→[и] — [а].

Современные говоры представляют разные ступени этого процесса. Так, по нашим наблюдениям, в говоре с. Татарино Каменского района Воронежской области изменение задонского яканья в обоянское — живой процесс, так как предударный [е] перед ударными средне-нижнего и нижнего подъёма встречается наряду с предудар-

ным [и], а также [и^е], [и^н] в той же позиции, причём у некоторых информантов старшего поколения звук [е] в данной позиции наблюдается довольно последовательно, тогда как у представителей младшего варианта говора здесь преобладает [и]. В говоре с. Веретье Острогожского района Воронежской области сохраняются только рудименты былого [е], то есть спорадически отмечаются звуки типа [и^е], [и^н].

II

Современный говор с. Веретье различает семь гласных фонем. Однако фонемы /ω/ и /o/, а также /ѣ/ и /e/ иногда совпадают в одном звуке. Приведём материал, подтверждающий это.

Фонема /ѣ/ представлена следующими звукотипами:

1) дифтонгом [иѣ] (см. рис. 6). Чаще всего именно он реализует фонему, если слово находится в сильной фразовой позиции, а ударный гласный — перед твёрдым согласным или в абсолютном конце слова: б[’иѣ]гаю, б[’иѣ]гають, б[’иѣ]гала, д[’иѣ]ло, д[’иѣ]ла, д[’иѣ]лать, д[’иѣ]лаешь, д[’иѣ]лай, д[’иѣ]лають, д[’иѣ]лае, д[’иѣ]лали, в[’иѣ]тром, д[’иѣ]вушка, д[’иѣ]вочка, н[’иѣ]ту, д[’иѣ]д, д[’иѣ]ду, д[’иѣ]да, д[’иѣ]душка, б[’иѣ]лый, пол[’иѣ]зла, челов[’иѣ]к, гор[’иѣ]ла, Махачкал[’иѣ], в курян[’иѣ], сял[’иѣ], ид[’иѣ] (где), ус[’иѣ];

2) дифтонгоидом [иѣ]. Он также чаще произносится в сильной фразовой позиции, перед твёрдым согласным и в абсолютном конце слова: д[’иѣ]д, д[’иѣ]душки, д[’иѣ]лать, д[’иѣ]лал, св[’иѣ]т, н[’иѣ]ту, д[’иѣ]тства, б[’иѣ]гають, у[’иѣ]хала, на[’иѣ]лси, няв[’иѣ]ска, см[’иѣ]ны, д[’иѣ]вочку, бр[’иѣ]зговаю, везд[’иѣ], сторон[’иѣ], ид[’иѣ] (где), пяч[’иѣ], однако может произноситься и в слабой фразовой позиции: д[’иѣ]лають, д[’иѣ]лала, д[’иѣ]лае, д[’иѣ]лаешь, д[’иѣ]лали, б[’иѣ]лый, б[’иѣ]лых, в[’иѣ]тка, д[’иѣ]лси, н[’иѣ]т, д[’иѣ]ду, гд[’иѣ], в огн[’иѣ].

Отмечено несколько примеров с дифтонгом или дифтонгоидом перед последующим мягким согласным: д[’иѣ]ти, [’иѣ]ли, д[’иѣ]вки, т[’иѣ]стице;

3) звуком [ѣ] верхне-среднего подъёма переднего ряда (см. рис. 7). Он чаще реализует фонему /ѣ/ в том случае, когда слово находится в слабой фразовой позиции: а) перед твёрдым согласным и в абсолютном конце слова: сял[’ѣ], вс[’ѣ], гр[’ѣ]х, дв[’ѣ], ид[’ѣ] (где), д[’ѣ] (где), д[’ѣ]-то (где-то), б) перед мягким согласным: няд[’ѣ]ли, отв[’ѣ]те.

Если слово находится в сильной фразовой позиции, звук [ѣ] произносится, как правило, под ударением перед мягким согласным и /j/: р[’ѣ]чку, дв[’ѣ]сти, Андр[’ѣ]й, сво[’ѣ]й, хотя отмечены примеры, в

которых этот звук находится перед твёрдым согласным или в абсолютном конце слова: *д[’э̣]душка, нев[’э̣]ска, д[’э̣]лаешь, н[’э̣]ту, во-
обиц[’э̣]*;

4) редко — звуком [e] среднего подъёма: *д[’э̣]душка, [j’э̣]дем*. Такие примеры характеризуются слабой фразовой позицией слова.

После отвердевших шипящих и [ц] отмечается [ɕ]: *на конц[’ɕ] — и [e]: ц[’э̣]н, построж[’э̣]й*.

Фонема /e/ представлена следующими звуками:

1) [e] среднего подъёма (см. рис. 8): а) перед твёрдыми согласными и в абсолютном конце слова: *бер[’э̣]м, начн[’э̣]м, возъм[’э̣]м, бер[’э̣], жив[’э̣], соб[’jэ̣], мен[’э̣]* (меня), *себ[’э̣]* (себя), *и[j’э̣], дво-[’jэ̣]шками* (двойняшками), *[’э̣]то, [’э̣]того, [’э̣]той*, б) перед мягкими согласными: *д[’э̣]нь, дв[’э̣]ри, [j’э̣]сть* (имеется), *д[’э̣]нег, вр[’э̣]мя, вер[’э̣]ттинская, дн[’э̣]й, дет[’э̣]й, [’э̣]ти, [’э̣]тим, [’э̣]тих*;

2) звуком [ɕ] верхне-среднего подъёма (см. рис. 9): а) перед твёрдыми согласными и в абсолютном конце слова: *з[’э̣]млю, на з[’э̣]м, н[’э̣] были, жив[’э̣], мен[’э̣]* (меня), б) перед мягкими согласными и /j/: *д[’э̣]нег, д[’э̣]нги, д[’э̣]рева, м[’э̣]нее, н[’э̣]сть, д[’э̣]сять, д[’э̣]нь, рожд[’э̣]нье, отб[’э̣]йте, дет[’э̣]й, у н[’э̣]й, гост[’э̣]й*;

3) звуком [ɨ] верхнего подъёма: а) перед твёрдыми согласными и в абсолютном конце слова: *молод[’ɨ]ц, от[’ɨ]ц, н[’ɨ] было, привез[’ɨ]* (привезёт), б) перед мягкими согласными и /j/: *д[’ɨ]сять, д[’ɨ]нег, [j’ɨ]й, рожд[’ɨ]нья*;

4) не систематически в сильной фразовой позиции дифтонгом [’и̯е̯]: а) перед твёрдыми согласными и в абсолютном конце слова: *д[’и̯е̯]р-жуть, н[’и̯е̯] было, жив[’и̯е̯], зайд[’и̯е̯]шь, от[’и̯е̯]ц*, б) перед мягкими согласными: *д[’и̯е̯]нег, [j’и̯е̯]сть*.

После отвердевших согласных представлены звуки [e], [ɕ]: *ц[’э̣]ркве, три ц[’э̣]тнера, ш[’э̣]рсти, уж[’э̣], ж[’э̣]нщину*.

Твёрдые согласные перед ударной /e/ отмечены в группе наречий *докель, откель, оттедова* и т. п.: *док[’э̣]ль*.

Таким образом, фонемы /ɤ/ и /e/ в некоторых случаях совпадают. Это наблюдается как в сильной фразовой позиции, когда они выражаются дифтонгом [’и̯е̯], так и в слабой фразовой позиции, когда они представлены звуками [ɕ], [e].

Как известно, для южнорусских говоров с семью фонемами под ударением на месте фонемы /e/ характерен дифтонг [’е̯и̯]. При отходе от семифонемного вокализма этот дифтонг утрачивается раньше, чем дифтонг [’и̯е̯], реализующий /ɤ/, хотя определённые различия сохраняются: перед /ɤ/ согласные смягчаются, перед /e/ — остаются

твёрдыми [Касаткин 1999б: 393—394]. В говоре с. Веретье на современном этапе его развития при полной утрате дифтонга [ей] согласные перед /е/ смягчаются.

Фонема /ω/ после твёрдых согласных реализуется звукотипами:

1) дифтонгом [yō] (см. рис. 10). Он произносится только в сильной фразовой позиции, чаще перед твёрдым согласным или в абсолютном конце слова: *бр[уō]шка, бр[уō]шечку, гот[уō]вим, гот[уō]-вили, сял[уō], давн[уō]*, но иногда и перед мягким согласным: *прест[уō]льные*;

2) дифтонгоидом [ʋō]: а) перед твёрдыми согласными: *всп[ʋō]мню, в[ʋō]т, раб[ʋō]тать, гор[ʋō]д* (огород), *хор[ʋō]ший, нямн[ʋō]жско, Вазюн[ʋō]вы, сяд[ʋō]го*, б) перед мягкими согласными и /j/: *в[ʋō]зим, в[ʋō]зе* (возит), *ух[ʋō]де, вых[ʋō]дите, г[ʋō]нутся, ск[ʋō]льки, х[ʋō]-чешь, спр[ʋō]сишь, сс[ʋō]рились, поб[ʋō]льше, Г[ʋō]зикова* (фамилия), *дедушка м[ʋō]й, вод[ʋō]ю*;

3) монофтонгом [ɔ] верхне-среднего подъёма заднего ряда. Этот звук чаще произносится в слабой фразовой позиции: а) перед твёрдыми согласными и в абсолютном конце слова: *в[ɔ]т, хв[ɔ]ст, раб[ɔ]ту, девян[ɔ]сто, кор[ɔ]вку, восьм[ɔ]го, давн[ɔ]*, б) перед мягкими согласными: *Вор[ɔ]неж, Москв[ɔ]ю*;

4) монофтонгом [o] среднего подъёма заднего ряда (см. рис. 11). Он чаще произносится в слабой фразовой позиции: а) перед твёрдыми согласными и в абсолютном конце слова: *м[о]жно, в[о]т, немн[о]жско, пол[о]жешь, пох[о]ж, гор[о]д* (огород), *кор[о]ва, хор[о]шая, девян[о]сто, винт[о]вка, год[о]в, молоко[о]*, б) перед мягкими согласными и /j/: *спр[о]сишь, перех[о]дють, вор[о]нежская, гот[о]вим, Григ[о]рьевич, вод[о]й, сестр[о]й*.

После мягких согласных отмечен только звук [’о]: *по-сво[јо]му, Реп[јо]вка, плетн[’о]в, Гуля[јо]вы* (фамилия), *с семь[јо]ю, бель[јо], плеч[’о]*³⁶.

Фонема /o/.

Реализуется после твёрдых согласных звуками:

1) [ɔ] средне-нижнего подъёма. Он характерен для слов в сильной фразовой позиции: а) перед твёрдыми согласными и в абсолютном конце слова: *в[ɔ]ду, в[ɔ]дка, р[ɔ]стом, б[ɔ]ри, в [ɔ]щем, с[ɔ]тых*,

³⁶ Фонема /ω/ после мягких согласных, как известно, стала возможной в формах *семьёю, бельё, Репьёвка* в результате грамматической аналогии с формами типа *страной, село, Петровка*. Это так называемый «новый ω», см. [Аванесов 1949: 54; Захарова 1959: 11].

г[ó]д, д[ó]ма, д[ó]лго, г[ó]лод, г[ó]роде, т[ó]же, г[ó]спиталь, г[ó]с-
поди, ик[ó]ночку, бр[ó]нзою, др[ó]в, б[ó]к, ветряк[ó]м, хт[ó], коз[ó],
колх[ó]зы, б) перед мягкими согласными и /j/: д[ó]чери, д[ó]чка,
бр[ó]сил, с[ó]весть, свекр[ó]вья, стр[ó]йная, н[ó]чью, втор[ó]й;

2) [о] среднего подъёма (см. рис. 12). Этот звук произносится как
в сильной, так и в слабой фразовой позиции: а) перед твёрдыми со-
гласными и в абсолютном конце слова: г[ó]да, ик[ó]на, ст[ó]рону,
гр[ó]б, м[ó]лодости, т[ó]же, в[ó]ду, г[ó]лос, с[ó]рок, б[ó]ком, д[ó]м,
б[ó]г, п[ó]варом, г[ó]лод, к[ó]су, др[ó]в, в [ó]бщем, мах[ó]тки, га-
зопр[ó]вод, нихт[ó], ег[ó], моег[ó], коз[ó], 2) перед мягкими соглас-
ными и /j/: д[ó]миках, п[ó]сле, вр[ó]де, [ó]чень, нестр[ó]гие, пос[ó]-
дим, г[ó]речко, д[ó]се (до сих пор), д[ó]черью, больш[ó]й, дв[ó]е,
друг[ó]й, жив[ó]й;

3) отмечено несколько примеров с ударным гласным [о] верне-
среднего подъёма: ег[ó], сух[ó]й, дом[ó]чек.

После мягких согласных фонема представлена звуком [о] с на-
чальным и-образным переходным участком: гимнаст[’ó]рка,
т[’ó]лка, т[’ó]лку, реб[’ó]нка, Кулен[’ó]нка, впер[’ó]д, вед[’ó]рочку,
Апл[’ó]тов, хат[’ó]нка, девч[’ó]нка.

Приведённый материал показывает, что фонемы /ω/ и /о/ могут
совпадать в слабой фразовой позиции, реализуясь звуками [о] и [о].

Количество примеров, произнесённых с тем или иным звуком на
месте этих четырёх фонем, неодинаково. Для того чтобы установить
примерное процентное соотношение между числом слов с разными
звуками, реализующими одну и ту же фонему, была проанализиро-
вана сплошная выборка слов из 45-минутной аудиозаписи. Были вы-
браны слова с ударными фонемами /Ѣ/, /е/, /ω/, /о/. Из поля зрения
исключены только слова, произнесённые шёпотом. Результаты
представлены в таблице 3.

Судя по примерам, приводимым К. Ф. Захаровой, в 1950-х годах
соотношение звукотипов, реализующих фонемы /ω/ — /о/ и /Ѣ/ —
/е/, было иным. Во-первых, фонема /е/ могла быть представлена ди-
фтонгоидом [ѣ̃]: н’е^u была, йе^uс’т’, ве^uтьт³⁷ [Захарова 1959: 9].
Во-вторых, фонема /о/ могла быть представлена дифтонгоидом [о̃̃]:
до̃̃ч’ка, дво̃̃йка, хто̃̃ [Там же]. В современных материалах таких
примеров не зафиксировано.

Эти различия свидетельствует о движении говора в сторону пя-
тифонемного вокализма.

³⁷ Здесь и далее сохранена транскрипция оригинала.

Таблица 3

**Процентное соотношение звуков,
реализующих фонемы верхне-среднего и среднего подъёмов**

Фонема	Общее количество встретившихся в аудиозаписи слов с этой ударной фонемой	Звукотип, в котором реализуется фонема	Количество примеров с этим звукотипом	Отношение к общему количеству примеров с этой ударной фонемой
/Ѣ/	282	[иѐ]	98	35 %
		[йѐ]	99	35 %
		[е]	66	23 %
		[ӗ]	19	7 %
/е/	231	[ӗ]	95	41 %
		[е̄]	58	25 %
		[и]	31	14 %
		[иѐ]	47	20 %
/о̆/	318	[ўо̆]	24	8 %
		[ўо̄]	105	33 %
		[о̆]	78	24 %
		[о̄]	111	35 %
/о/	278	[э̆]	81	29 %
		[о̆]	166	60 %
		[о̄]	31	11 %

III

Система предупредных гласных после твёрдых согласных сохраняет достаточно последовательное противопоставление [э] — [а].

Перед ударными гласными нижнего и средне-нижнего подъёма наблюдается звук среднего ряда среднего подъёма [э], однако иногда он несколько снижается по подъёму и приобретает качество [а^э]. Кроме того, часты примеры, когда в случае так называемого «лабиализующего» окружения (соседство губных, заднеязычных согласных, [л]) звук [э] приобретает огубленность³⁸.

Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма произносится звук [а]. Он более длителен, чем [а] в той же позиции в

³⁸ В транскрипции этот звук обозначается как [э^о].

речи литературно говорящих людей, и по длительности близок к ударному гласному [a]. Случаев, когда в позиции перед гласными верхнего и средне-среднего подъёма после твёрдых согласных произносился бы другой звук, нами не отмечено.

Количественная диссимилиация гласных подтверждается данными, полученными в результате измерений длительностей предударных гласных после твёрдых согласных перед разными ударными фонемами. Они приведены в таблице 4. Длительность измерялась в мсек, с помощью программы PRAAT. За 100% принимаем длительность ударного гласного, приводим минимальное и максимальное значение длительности предударного гласного и ударного гласного. При этом не разделяем длительность звуков, представляющих одну и ту же фонему под ударением, поскольку разница между длительностями этих звуков несущественна.

Таблица 4

**Длительность предударных гласных после твёрдых согласных
по отношению к ударным гласным разных подъёмов**

Предударный гласный		Отношение А:Б (в процентах %)	Ударная фонема	
	Длительность звука (в мсек) А		Длительность звука, реализующего фонему (в мсек) Б	
[a]	112 — 171	140,7±29,2	77 — 132	/и/
	124 — 179	113,3±24,6	75 — 169	/y/
	116 — 176	116,2±20,1	94 — 170	/Ѣ/
	120 — 190	120,1±21,9	90 — 173	/Ѡ/
[э]	71 — 94	52,2±13,7	118 — 254	/е/
[э ^о]	66 — 91	55,8±8,1		
[а ^э]	64 — 100	51,5±9,0		
[э]	61 — 93	50,4±8,1	110 — 246	/о/
[э ^о]	60 — 89	47,0±5,5		
[а ^э]	67 — 102	48,5±10,9		
[э]	65 — 117	51,5±12,6	133 — 280	/а/
[э ^о]	60 — 97	47,9±9,2		
[а ^э]	74 — 108	50,5±7,3		

Результаты измерений показывают, что предударный гласный перед ударными гласными нижнего и среднего подъёма составляет примерно половину длительности ударного гласного вне зависимости от того, какую тембровую характеристику он имеет: [ə], [ə^o] или [a^o]; предударный [a] перед гласными верхне-среднего и верхнего подъёма длиннее ударного или равен ему по длительности.

Обращает на себя внимание тот факт, что такое распределение длительности звуков выдерживается вне зависимости от того, каким звуком реализуются под ударением фонемы /ɤ/, /ω/, /e/, /o/. Иными словами, качество и длительность предударного гласного зависят не от акустической характеристики звука, который произносится в ударном слове, а от фонемы, которую этот звук реализует.

1) Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма.

Перед /и/, /у/:

— мам[алы́]га, сн[апы́], к[анты́], ст[албы́], пр[ажы́]ли, з[абы́]то, пон[ашы́]таи, з[абы́]ла, т[ап'ы́]сь, м[ал'ы́]твы, к[ас'ы́]ли, т[ак'ы́]е, н[ашл'ы́];

— в[аи́ну], н[асту́]х, красн[ату́], ст[ару́]хи, с[аи́ду]тсЯ, з[а б́у]д-кою, з[асну́]ли, н[адру́]жка, н[апу́]тно, н[аду́]мала, пор[азру́]шили, н[амну́]ть, раз[атру́].

Перед /ѣ/:

— с[аб'и́е], г[ар'и́е]ли, на дв[ар'и́е], с[ас'и́е]ди, х[ат'и́е]лося, на в[айн'и́е], у к[ал'и́е]ны, с[аўс'и́е]м, на г[ар'и́е], р[азб'и́е]глись, н[аб'и́е]гли;

— на в[ад'ѣ], на гол[ав'ѣ], по з[ар'ѣ], усё н[а с'в'ѣ]те, по-з[а р'ѣ]чкою, р[аз'в'ѣ]дка, н[апр'ѣ]е, н[атсл'ѣ]дники, н[ад'ѣ]ну, н[ајѣ]дешь, н[ајѣ]лись, н[ајѣ]ли, н[ајѣ]дем;

— сг[ар'ѣ]ли, у кр[ав'ѣ], пох[ат'ѣ]лось, раскр[ас'н'ѣ]ются, у Ка-раз[ан'д'ѣ], н[ајѣ]хала, н[ав'ѣ]сил, постр[ажѣ]й.

Перед /ω/:

— р[абуд́]тали, пост[ануд́]вишь, н[амуд́]лисси, б[алуд́]то, н[атцуд́]-пишь, н[алуд́]ть, г[атуд́]вим, м[алуд́]денький, н[алуд́]г, н[азуд́]р, в[ас'муд́]го, мол[ач'куд́], к[алуд́]тются, у к[алуд́]дца, н[атхуд́]де, кол[ашкуд́]лы, н[а двуд́]р, н[а куд́]никах, н[а гуд́]рки, з[азвуд́]не, р[азмуд́]-чишь, н[а двуд́]р;

— г[алуд́]вку, в[ас'муд́]м, р[абуд́]тал, у В[аруд́]неже, н[аруд́]г, х[аруд́]шая, на к[аруд́]вах, заг[атуд́]вку, тр[авуд́]ю, сир[атуд́]й, г[атуд́]вила, сх[аруд́]нуть, вт[аруд́]го, к[алуд́]нки, д[ашкуд́]ле, з[ахуд́]чется, з[амуд́]л-кло, с[а мнуд́]ю, н[адвуд́]рье;

— *вт[аро]го, м[ало]денькие, г[ало]се, х[ало]дный, д[амо]й, к[аро]-ва, д[амно], на в[аро]тах, п[аго]нуть, н[а во]лю, з[аво]дятся, пов[а]о]му.*

2) Перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма.

Перед /e/:

— *пр[эвл'э]ние, к[эн'э]чно, ст[элк'э]м, с[эп'э]ль, н[эч'н'э]шь, з[эс'н'э]м, в[эз'м'э]шь, з[эдр'э]мим, под[этр'э], н[э з'э]млю, п[этр'э]м, н[э см'э]рть, под[эшэ]шь, др[эжжэ]й, бл[эжэ]нная;*

— *мол[эд'э]и, хол[эд'э]и, р[эжд'э]ния;*

— *у в[э'э]нных, р[э'в'э]сники, поп[э'д'э]тсЯ, в[э'з'м'э]м, пом[э'ун'э]те, н[э'м'э]ньше, н[э'мн'э]м;*

— *мол[а'д'э]и, х[а'рч'э]й, рог[а'ч'э]й, понакл[а'д'э]м, н[а'тр'э]м, н[а'п'э]нси, з[а'д'э]ньги.*

Перед /o/:

— *ряд[эв'о]й, к[э'о], мол[эд'о]й, гор[эцк'о]й, по пл[эт'о]чку, до т[э'о], пор[эш'о]к, к[эрт'о]шку, ник[э'о], на в[эст'о]к, н[э 'р'о]б, н[э 'о]сень, н[эт'о]лише;*

— *за н[эп'о]м, н[эс'о]к, н[эж'о]м, с[эв'о]к, кол[эс'о]чек, вт[эр'о]й, пир[эж'о]чек, с мол[эк'о]м, с[эв'о]к, р[эск'о]пки, н[э ж'о]рдке, с[эл'о]ная, черн[эз'о]м;*

— *н[э'о] череди, у к[э'о];*

— *м[э'х'о]тки, б[э'л'ш'о]й, н[э'тс'о]лнухи, в[э'с'м'о]рка, н[э'кр'о]в, н[э'тс'о]вывали, н[э'з'о]нтику, н[э'стр'о]ились, н[э'ч'о]тные;*

— *пл[а'т'о]чки;*

— *пом[а'з'о]чек, н[а'б'о]жники, в[а'с'м'о]й, гимн[а'с'т'о]рка, н[а'н'о]вы, нед[а'л'о]ко, з[а'в'о]л.*

Перед /a/:

— *уд[э'у'а] (вдовца), к[эс'а]ми, под[эшл'а], к с[эб'а]чим, к[эрм'а], ост[эл'а]ся, скл[эд'а]е, разв[эр'а]чуй, скл[эд'а]ла, н[эшл'а], к[эс'а], к[эт'а]ли, пр[эхл'а]дней, ск[эз'а]ла, раз[эрв'а]лся, заст[эвл'а]ют, напр[эвл'а]-ешь, у л[эпт'а]х, р[эд'н'а], Тр[эс'т'а]нка, д[э'а]ркам, на сух[эр'а]х, до-з[эн'а]ли, н[эч'а]ли, самост[э'а]тельно, н[эн'а]тно, н[эр'а]дно;*

— *н[э'п'а]ли, с[э'бр'а]л, к[э'пн'а], к[э'п'а]ли, об[э'рв'а]тые, н[э'х'а]-тах, м[э'т'а]ется, обр[э'б'а]тывали, в[э'ин'а], доб[э'вл'а]ть, з[э'н'а]е-теся, б[э'а]тсЯ;*

— *непр[а'з'ра]чный, з[а'дв'а]дцать, в[а'л'а]ется.*

В позиции первого предударного слога после отвердевших согласных гласные фонемы неверхнего подъёма представлены звуком [а] перед ударными гласными /и/, /у/, /ь/, /о/:

— ж[ан'и́]х, ши[ан'и́]ца, двади[ат'и́], уц[ап'и́]лась, ц[апы́], ц[алу́]ють;

— ж[ал'и́е]тки, ж[ан'и́е], чиж[ал'и́е]й, чиж[алó], ши[астó]го, ши[астó]м.

Гласные фонемы неверхнего подъёма после отвердевших согласных перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма реализуются в звуке [ы]: ж[ына́], лош[ыд'и́]й, ц[ыпó]м, ц[ыпó]к, но чаще в этой позиции произносится звук [э], в определённых позициях он приобретает огубленность:

— лош[эд'и́]й, лош[эд'и́]й, ж[эр'ó]бная, ж[э°лтó]к, арж[эно́]й (Им. п., м. р.);

— ж[эна́]тай, на лош[эд'а́]х, круж[эва́], ц[э°пл'а́]ють, ниши[эта́], шиш[эка́].

Таким образом, наблюдается процесс преобразования системы предупредных гласных после отвердевших согласных. После отвердения звуков [ж], [ш], [ц] гласные, следующие за ними, сдвинулись из зоны переднего ряда в зону среднего ряда. Что касается звука [а], который произносится перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма, то на этом его изменение завершилось (он совпал с [а] после всех твёрдых согласных). Звук [и], произносившийся перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма, изменялся в два этапа: 1) передвинувшись в зону среднего ряда, он совпал с [ы], 2) в связи с влиянием вокалической системы после твёрдых согласных звук [ы] понизился по подъёму, совпав с [э]. В аудиоматериалах встречаются примеры, отражающие первый этап, и примеры, отражающие второй этап, но преобладают последние.

После мягких согласных в говоре представлено противопоставление [и] — [а].

Эквивалентом [э] после мягких согласных выступает [и], он произносится перед гласными нижнего и среднего подъёма. Отмечены отдельные примеры с [е] и [и^е]. Надо заметить, что в рукописных материалах к ДАРЯ (комплект 540, южный том) имеется несколько примеров с [и^е] и [е^и] в этой позиции: б'и^ер'óза, нъс'т'р'е^ил'áйум', с'е^им'йá, нът'е^ир'áл³⁹. Наличие этих примеров свидетельствует о том, что существующий сегодня обоянский тип яканья сформировался на основе задонского типа. Это подтверждается данными соседних говоров. Так, задонское яканье имеют в основе говоры Алек-

³⁹ В примерах сохранена транскрипция источника.

сеевского района Белгородской области, граничащие с Воронежской областью на западе. Задонское яканье наряду с умеренно-диссимилятивным кидусовской разновидности наблюдается в говорах Лискинского района Воронежской области, к востоку от Веретья [ДАРЯ 1986: карта 8]. Кроме того, переход от задонского к обоянскому яканью отмечен в говоре с. Татарино (к югу от Веретья).

Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма, как и после твёрдых согласных, произносится [а]. Но в этой же позиции наблюдаются иногда [е] и [и].

Перед ударными /ѣ/, /о/, /е/, /о/ так же, как и после твёрдых согласных, выбор того или иного звука зависит от ударной фонемы.

Приведём примеры.

1) Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма.

Перед /и/, /у/:

— предударный гласный в корне: л[’ажы́], с ч[’аты́]рнадцати, пят[’ары́]х, р[’ады́], хр[’асцы́], ч[’аты́]ре, св[’аклы́], [дзы́]к, л[’ажы́]ть, р[’ашы́]ли, ч[’асы́], шерст[’аны́]е; — л[’ап’ы́], отд[’ал’ы́]лися, степ[’аул’ы́], л[’ач’ы́]ла, прив[’аз’ы́], в[’анк’ы́], б[’ал’ы́]ли, з[’амл’ы́], м[’ашк’ы́], посв[’ат’ы́]ть, р[’аз’ы́]ною, разв[’ал’ы́]ся, до п[’ат’ы́], изм[’ан’ы́]ли, л[’ап’ы́]ли, подв[’ал’ы́], р[’ад’ы́]ску, н[’ас’ы́], поразд[’ал’ы́]лись, св[’ат’ы́]ли, н[’акл’ы́], погл[’ад’ы́]м; — б[’ару́]ть, зав[’арну́], пр[’аду́], бер[’агу́], по м[’ашку́], у д[’ар’у́]жку, по з[’ану́], по сн[’агу́], гл[’ажу́], дов[’аду́], н[’аку́]ть, прин[’асу́], по с[’алу́], хл[’абну́]ла, в[’арну́]ли, д[’аржу́], подм[’ату́], т[’ану́]ли, с[’аку́]нды, л[’апл’у́], л[’ач’у́];

— предударный гласный в частице *не*, предлогах и приставках: н[’а з’ы́]мы, н[’а х’ы́]тро, н[’а пр’ы́]дуть, н[’а бл’ы́]жний, н[’а л’ы́]пли, н[’а в’ы́]жу, н[’а б’ы́]лися, н[’а в’ы́]росли, чер[’ас тр’ы́], пер[’акл’ы́]чу, пер[’ашл’ы́], пер[’ас’ы́]ле, пер[’ажы́]ли, пер[’ары́]в, пер[’ажы́]тки; — н[’а бу́]де, н[’а ру́]сский, н[’а ту́]тошняя, чер[’аз лу́]г, н[’а д’у́]же.

Примеры с [е] и [и] в позиции перед ударными гласными верхнего подъёма:

— ч[’иты́]ре, н[’икл’ы́], д[’ит’ы́]шек, пригл[’ид’ы́]ть, с[’им’я́], [дий]чко, с[’истр’ы́]на, н[’ис’ы́]те, кр[’ис’т’ы́]ли, н[’икл’ы́]; — н[’етл’у́], сор[’ивну́]емся, б[’иру́]ть, в[’изу́]ть, н[’иску́], пов[’ирху́], н[’ису́]ть;

— н[’и слы́]шала, н[’и п’ы́]ли, н[’и шл’ы́], н[’и пр’ы́]де, чер[’истр’ы́]; — н[’и бу́]дет, чер[’из зу́]бы, чер[’из лу́]г. Третий примеров — с предударным гласным в предлоге, приставке или частице *не*.

Перед /ѣ/:

— предударный гласный в корне: в[’арт’иѣ]лась, в кур[’ан’ѣ], н[’ав’ѣ]ска, у моём зв[’ан’ѣ], у другом с[’ал’ѣ], у гр[’аз’ѣ], к ст[’ан’ѣ]; — н[’адѣ]ли, к с[’астр’ѣ], у зв[’ан’ѣ], у н[’ав’ѣ]сти, гл[’адѣ]ли, Ал[’акс’ѣ]евку, коло в[’арб’ѣ], по гр[’аз’ѣ], у пон[’адѣ]ль-ник, вес[’ал’ѣ]й, [ѡавр’ѣ]и, в[’арт’ѣ]лися, две н[’адѣ]ли, на н[’ач’ѣ], С[’ару’ѣ]евна, к н[’ав’ѣ]сте, на кол[’ас’ѣ], нч[’ал’ѣ]; — гл[’адѣ]ли, по н[’адѣ]ли, см[’ашн’ѣ]й, у каждой с[’ам’ѣ], у н[’ач’ѣ], в н[’ав’ѣ]ска, на св[’акл’ѣ], с[’астр’ѣ] сын, в но[ѡавр’ѣ];

— предударный гласный в частице *не*, предлогах и приставках: н[’а б’иѣ]лый, н[’а үр’иѣ]бувають, н[’а д’иѣ]лали, чер[’аз р’иѣ]чку, б[’аз д’иѣ]ла; — н[’а св’ѣ]тя, н[’а јѣ]ли, н[’а јѣ]здя, н[’а јѣ]здили, н[’а р’ѣ]чка, н[’а п’ѣ]ли, чер[’аз р’ѣ]чку, чер[’аз м’ѣ]сяц, пер[’ајѣ]хал; — н[’а д’ѣ]лали, н[’а үр’ѣ]ли, чер[’аз р’ѣ]чку, чер[’аз дв’ѣ], пер[’ат т’ѣ]м, пер[’агр’ѣ]ешь, пер[’ад’ѣ]лали, пер[’ар’ѣ]жешь.

Отмечено несколько примеров с предударным гласным [и] в этой позиции:

— вес[’ил’иѣ]е, Ал[’икс’иѣ]евка, по з[’им’иѣ] (от зем), Ал[’икс’ѣ]вку, С[’иру’ѣ]евича, — н[’и д’иѣ]лали, н[’и в’иѣ]шают, н[’и в’ѣ]шаный, н[’и јѣ]здили, пер[’ијѣ]хал. Половина примеров — с предударным гласным в приставке или частице *не*.

Перед /ѡ/:

— предударный гласный в корне: в[’асн’ѡ]ю, дев[’ан’ѡ]сто, ум[’арл’ѡ], з[’арн’ѡ], к с[’ад’ѡ]му, м[’ашк’ѡ]в, с[’ад’ѡ]го, Бел[’ак’ѡ]-ва, Кул[’аш’ѡ]вка, с[’ад’ѡ]й (ж.р., Р.п.), с[’адл’ѡ], н[’ач’н’ѡ]я, [ѡаиц’ѡ], т[’апл’ѡ], [ѡаүр’ѡ]рий; — [ѡаүр’ѡ]рий, в[’асн’ѡ]й, з[’арн’ѡ], звень[ѡав’ѡ]й, кол[’ас’ѡ], м[’ашк’ѡ]в, у св[’ат’ѡ]м угле, в[’анк’ѡ]в, вес[’ал’ѡ], звень[ѡав’ѡ]ю, к с[’ад’м’ѡ]му, Кул[’аш’ѡ]вке, про зв[’ан’ѡ], у сорок с[’ад’м’ѡ]м, хр[’аст’ѡ]в, с л[’асн’ѡ]й ягоды, Ч[’арн’ѡ]ва, в[’асн’ѡ]ю, с[’ад’м’ѡ]е; — дев[’ан’ѡ]сто, в[’адр’ѡ], с[’ад’м’ѡ]го, сем[’ан’ѡ]в, д[’ад’ѡ]в, за н[’ам’ѡ]го, у с[’ал’ѡ], ч[’ас’ѡ]в, б[’ал’ј’ѡ], с с[’ам’ј’ѡ]ю, Гул[’ај’ѡ]вы (фамилия);

— предударный гласный в частице *не*, в приставке: н[’а ск’ѡ]се, н[’а х’ѡ]дим, н[’а ст’ѡ]е, н[’а р’ѡ]дный; — н[’а х’ѡ]че, н[’а сх’ѡ]де, н[’а х’ѡ]дим, н[’а п’ѡ]мню, пер[’ах’ѡ]дчивая, пер[’ав’ѡ]дуть; — н[’а п’ѡ]мню, н[’амн’ѡ]жско, н[’а х’ѡ]цца.

Отмечены следующие примеры с [е] и [и] перед ударной /ѡ/:

— у в[’идру’ѡ], вес[’ил’ѡ], [ѡиүр’ѡ], д[’ил’ѡ]в, с[’ид’м’ѡ]го, в[’исн’ѡ]ю, з[’ерн’ѡ],

— н[’и пѠ]мню, н[’емнѠ]жско, н[’е хѠ]дють, н[’е пѠ]мню. В трети примеров предударный слог находится в частице или приставке *не*.

2) Перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма.

Перед /e/:

— предударный гласный в корне: зад[’ир’э]шь, пл[’ит’э]нь, т[’ик’э], запл[’ит’э], д[’ит’э]й, т[’ип’э]рь, в[’из’э]м, дер[’ив’э]н-скай, заб[’ир’э]м, н[’ик’э]м, пов[’из’э], прин[’ис’э]шь, соб[’ир’э]м-си, хр[’иш’ш’э]нье, д[’ир’э]вьями, наб[’ир’э]м, н[’ич’э]й, спл[’ит’э], д[’ир’э]вня, т[’ип’э]рича, т[’ирп’э]ния, б[’ир’э]м, позаб[’ир’э], ч[’итв’э]рг, по д[’ир’э]вне, н[’ис’э]м, в[’ис’э]нный, [ич’м’э]нь, д[’и-шэ]вле; — д[’ит’э]й, инт[’ир’э]сно, в[’ит’э]тся;

— предударный гласный в частице *не*, предлоге и приставке: н[’и жэ]нится, н[’и кр’э]стится, чер[’из γр’э]йдер, чер[’из н’э]сколькя, пер[’ив’э]сть, пер[’итк’э]; — чер[’из д’э]нь.

Перед /o/:

— предударный гласный в корне: св[’икрѠ]вья, с[’идѠ]й, в[’инѠ]-чек, земл[’инѠ]й, св[’итѠ]й, ч[’иснѠ]к, м[’ишѠ]к, земл[’инѠ]й; — н[’и-сѠ]к, ветр[’икѠ]м, зв[’инѠ]м, м[’ишѠ]к, н[’имѠ]й, н[’исѠ]к, н[’иш-кѠ]м, с[’идѠ]й, с[’ид’мѠ]й, с[’илѠ]м, с[’имсѠ]т, св[’итѠ]й, б[’илѠ]к, греб[’ишѠ]к, бурь[’инѠ]м, н[’исѠ]к, н[’ишкѠ]м, в[’ирхѠ]м, н[’ицсѠ]т, с[’ирпѠ]м, ч[’ижѠ]лая, св[’ишшѠ]ная, раскл[’ишѠ]ванны, т[’ил’Ѡ]нок, некр[’иш’ш’Ѡ]най, н[’ин’Ѡ]к, пос[’ир’Ѡ]дке, р[’иб’Ѡ]нка, с р[’им’-н’Ѡ]м, с[’ир’Ѡ]жку, у в[’из’Ѡ]нках, ч[’ит’в’Ѡ]ртом, н[’ил’Ѡ]нки, н[’ит’Ѡ]рки, прив[’из’Ѡ]ных, у б[’ир’Ѡ]зе, у с[’ир’Ѡ]дке, вл[’ир’Ѡ]д, в[’ид’Ѡ]рочку, в[’ир’Ѡ]вкою, с[’ил’Ѡ]джи;

— предударный гласный в частице *не*, предлогах: н[’истрѠ]гие, н[’и Ѡ]чень, н[’и скѠ]льзкие, н[’и бѠ]чка, чер[’из мѠ]ст, б[’из рѠ]га;

— н[’е кѠ]лоны, н[’и трѠ]нули, н[’и мѠ]й (глагол в императиве), б[’из Ѡ]череди, б[’из γрѠ]ба, чер[’из γѠ]д;

— предударный гласный в местоимениях *его*, *ничего*: [иγѠ], нич[’иγѠ], нич[’иγѠ], нич[’еγѠ].

Перед /a/:

— предударный гласный в корне: в[’еза]ли, ст[’и’ба]ть, по-м[’и’рла], запр[’и’га]ем, опред[’и’ла]ть, дозв[’и’р’а]ла, с[’ида]я, сгр[’иба]ли, зв[’ина], од[’ива]лись, отр[’иза]л, подн[’ила], предс[’ида]-тель, с[’истра], выр[’иза]л, н[’икла], т[’иγа]ю, в[’иза]ть, вос[’имна]д-цатого, н[’итна]дцать, з[’ива]ть, хл[’иба]йте, [цивл’а]ется, д[’ин’га]ми, с д[’ит’а]ми, с[’им’ја], ст[’ир’н’а], т[’ил’а]т, в[’ит-р’а]к, д[’ив’а]тый, пл[’им’а]нный, р[’иб’а]та, разд[’ил’а]лась, не в[’ил’а], с[’им’ја], см[’ија]лась, с[’истра], в[’иза]ли;

— предударный гласный в частице *не*, предлогах и приставках: *н[’и нá]до*, *н[’и знá]ю*, *н[’ипрá]вда*, *н[’и пр’á]ли*, *б[’ис пá]мяти*, *пер[’ипрá]ва*.

Приведённый материал позволяет представить в таблице соотношение звуков, реализующих гласные фонемы в первом предударном слоге после твёрдых и мягких согласных.

Таблица 5

**Соотношение гласных в первом предударном слоге
после твёрдых и мягких согласных в говоре с. Веретье**

Гласный 1-го предударного слога		Гласный под ударением
Предшествующий согласный	/ʙ/, /ω/, /e/, /o/, /a/	
твёрдый	[a]	/и/, /y/, /ʙ/, /ω/
мягкий	[a], (единично [и], [e])	
твёрдый	[э], [aʲ], [эʲ]	/e/, /o/, /a/
мягкий	[и], (единично [иʲ], [e])	

Картина соотношения звуков после твёрдых и после мягких согласных представляется противоречивой в области реализации фонем неверхнего подъёма.

Основным звуком, представляющим гласные фонемы неверхнего подъёма перед ударными гласными среднего и нижнего подъёма после мягких согласных, является [и]. Звуки [и^е] и [e] употребляются факультативно, они отмечены в нескольких словах с ударными /o/, /a/. Таким образом, в говоре сформирован тот тип яканья, который принято называть обоянским. При этом в позиции перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма функционируют звуки от нижнего до среднего подъёма. Такое противопоставление характерно для большинства южнорусских говоров [Касаткин 1999: 441—442].

При обоянском типе яканья гласные фонемы неверхнего подъёма перед ударными /e/, /o/, /a/ и фонема /и/ перед всеми ударными гласными реализуются одним и тем же звуком [и]. Он становится функционально свободным в употреблении и поэтому проникает в позиции перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма, где в соответствии с системой обоянского яканья ожидается [a]. С [и] в этой позиции чаще употребляются те слова, в которых пер-

вый предударный слог находится в приставках, предлогах и частице *не*: *пер*[’ијэ]хал, *чер*[’ис тр’й], *чер*[’из зү]бы, *чер*[’из лү]г, *н*[’и пџ]мню, *н*[’и д’ѳѳ]лали, *н*[’и в’ѳѳ]шають, *н*[’и јѳ]здили, *н*[’и в’ѳ]шаный, *н*[’и п’й]ли, *н*[’и шл’й], *н*[’и слы]шала, *н*[’и пр’й]де, *н*[’и бѳ]дет. Предлоги, приставки и частицы как наиболее подвижное звено системы реагируют на изменения в ней первыми.

Подводя итоги, надо сказать следующее.

1. При отходе от семифонемного ударного вокализма в предударной позиции после мягких согласных достаточно быстро распространяется звук [и] вместо [а], тогда как звук [э] вместо [а] в позицию после твёрдых согласных не проникает. При этом в позиции, где ожидается [э], иногда отмечается [а]-образный звук, однако по длительности он значительно отличается от [а], произнесенного в «законной» позиции, что подтверждается результатами измерений.

Таким образом, архаическая основа в говоре лучше сохраняется после твёрдых согласных, чем после мягких, вопреки высказанному ранее мнению «об особом пути развития вокализма после твёрдых согласных и более раннем устранении диссимилятивного принципа в этом положении» [Захарова 1959: 42].

2. При архаическом аканье закономерно чередование предударных гласных [э]||[а]. При этом и тот, и другой звук реализуют всегда только фонемы неверхнего подъёма /о/, /ω/ и /а/. Выбор звука зависит от длительности ударного гласного: перед долгим гласным произносится краткий, перед кратким — долгий. Следовательно, такой тип аканья представляет собой ритмическую модель, которая выражается в волнообразной смене последовательности долгих и кратких слогов [Касаткин 2010: 88—90]. Диссимилятивный принцип свойствен русскому аканью в целом, однако в одних говорах он касается количественных и тембровых характеристик гласных, в других (в том числе в московском аканье) — только количественных [Касаткина 2005: 38].

В противоположность системе архаического аканья, при котором в предударном слоге чередуются звуки, реализующие гласные фонемы неверхнего подъёма, обоянское яканье предполагает чередование гласных [и]||[а], в котором, помимо гласных фонем неверхнего подъёма, участвует фонема /и/. Таким образом, это противопоставление носит фонологический характер. Поэтому диссимилятивное аканье сохраняется лучше, чем диссимилятивное яканье.

Лучшая сохранность диссимилятивного аканья связана также с тем, что гласные непереднего ряда [э] и [а] менее удалены друг от

друга в артикуляционном пространстве по сравнению с гласными переднего ряда [и] и [ʼа]; см. об этом [Касаткина 2000б: 102].

Кроме того, яканье — черта одиозная, она не может присутствовать в речи литературно говорящих людей, тогда как диссимилятивное аканье может характеризовать южнорусский вариант литературного языка, см. [Букринская, Кармакова 2010].

3. Несмотря на то, что звук [э] представляет всегда фонемы /а/, /о/, /ω/ в определённых позициях, в отличие от его эквивалента после мягких [и], который, помимо фонем неверхнего подъёма, реализует фонему /и/, архаическое аканье может быть фонологической моделью, то есть существовать как «стереотип произношения», при котором качество предударного гласного не зависит от конкретных тембровых характеристик ударного гласного.

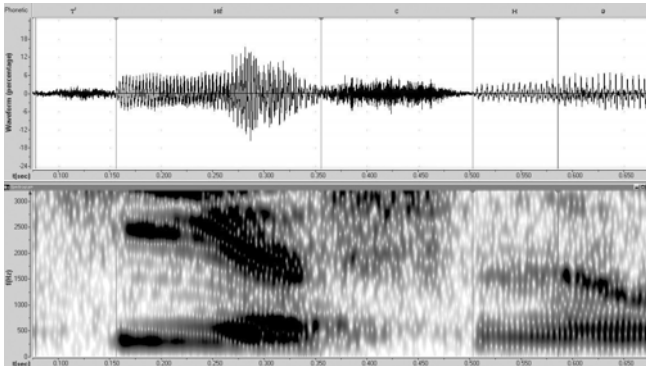

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма слова [т'йэ́снэ] — *тесно*.

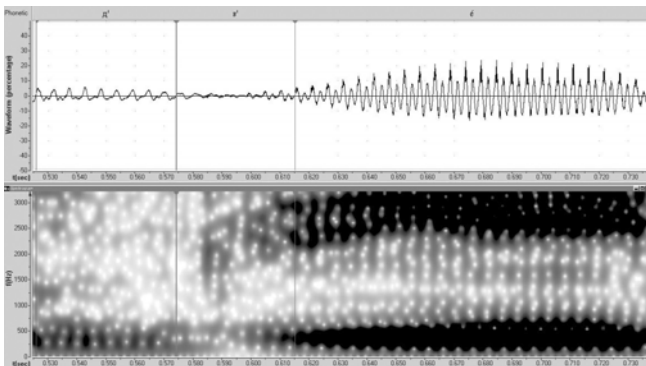

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма слова [д'в'э] — *две*.

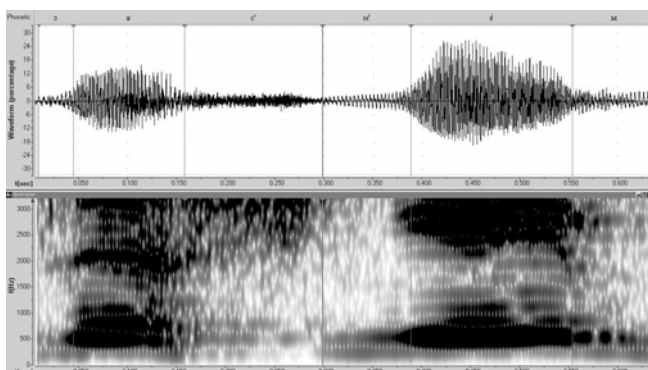

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма слова [зэс'н'эм] — *заснём*.

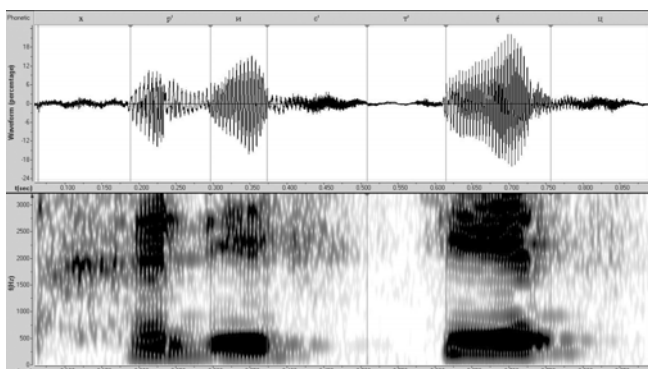

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма слова [хр'ис'т'ёц] — *крестец*.

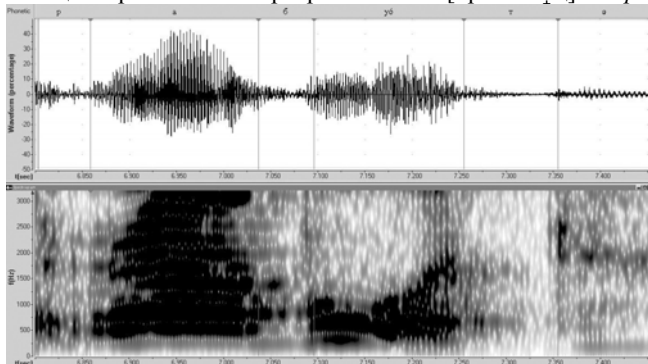

Рис. 5. Осциллограмма и спектрограмма слова [рəб'ótɒ] — *работа*.

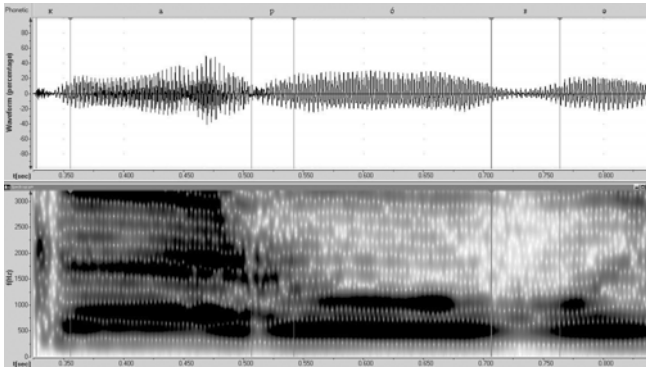

Рис. 6. Осциллограмма и спектрограмма слова [карóвə] — корова.

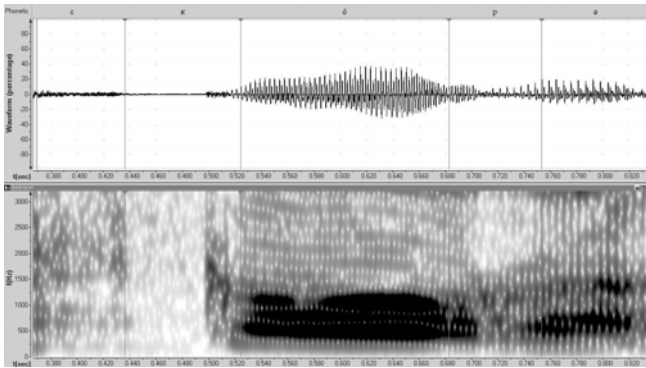

Рис. 7. Осциллограмма и спектрограмма слова [скóрэ] — скоро.

Принятые сокращения

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. В 3 вып. / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. М.: Наука, 1986; Вып. II. М.: Наука, 1989; Вып. III. М.: Наука, 1996—2004.

Методические указания 1957 — Методические указания к «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М.: Изд. АН СССР, 1957.

Русская диалектология 1972 — Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972.

Л и т е р а т у р а

- Аванесов 1949 — *Р. И. Аванесов*. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
- Аванесов 1952 — *Р. И. Аванесов*. Лингвистическая география и история русского языка // *Вопр. языкознания*. 1952. № 6.
- Аванесов 1955 — *Р. И. Аванесов*. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // *Вопр. языкознания*. 1955. № 5.
- Аванесов 1956 — *Р. И. Аванесов*. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов 1970 — *Р. И. Аванесов*. О соотношении предупредного вокализма после твёрдых и после мягких согласных в русском языке // *ИАН СЛЯ*. Т. XXIX. Вып. 6. М., 1970.
- Аванесов 1974 — *Р. И. Аванесов*. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Азарх 1967 — *Ю. С. Азарх*. Отверждение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах // *Очерки по фонетике севернорусских говоров*. М., 1967.
- Азарх 1970 — *Ю. С. Азарх*. Отверждение парных по твердости–мягкости переднеязычных согласных на конце слова в вологодско-кировских говорах // *Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности: Материалы к Межвузовской конференции: Краткое содержание докладов*. Череповец, 1970.
- Азарх 1973 — *Ю. С. Азарх*. О корреляции согласных в одном вологодском говоре // *Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей*. М., 1973.
- Альмухамедова, Кульшарипова 1980 — *З. М. Альмухамедова, Р. Э. Кульшарипова*. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах (Экспериментально-фонетическое исследование). [Казань], 1980.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980—2010—. Вып. 1—13—.
- Атлас В — Атлас русских говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.
- Баскаков 1979 — *Н. А. Баскаков*. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- Богородицкий 1910 — *В. А. Богородицкий*. Краткий очерк диалектологии и истории русского языка. Казань, 1910.
- Богородицкий 1935 — *В. А. Богородицкий*. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.; Л., 1935.
- Богородицкий 1953 — *В. А. Богородицкий*. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. 2-е изд. Казань, 1953.
- Болученкова 2010 — *А. А. Болученкова*. Возникновение и развитие старообрядческих поселений на территории государства Молдовы // *Липоване: история и культура русских старообрядцев*. Вып. 7. Одесса; Измаил, 2010.

- Брок 1907 — *О. Брок*. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. Т. 83. № 4.
- Брок 1916 — *О. Брок*. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
- Бубрих 1913 — *Д. В. Бубрих*. Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. уезда Владимирской губ.) // Известия ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4.
- Будде 1896 — *Е. Ф. Будде*. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.
- Букринская, Кармакова 2010 — *И. А. Букринская, О. Е. Кармакова*. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. 2010.
- Ваахтера 2007 — *Й. Ваахтера*. К вопросу об истории гласного *o*, полногласия и аканья в русском языке в свете данных о славянизации Русского Севера // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North — Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера — Beiträge zur ethnischen, sprachlichen und kulturellen Entwicklung des russischen Nordens / Ed. J. Nuorluoto. Helsinki, 2007. (Slavica Helsingiensia. 32.)
- Ваахтера 2009 — *Й. М. Вахтера*. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области // Slavica Helsingiensia. 37. Helsinki, 2009.
- Вайян 1950 — *A. Vaillant*. Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Phonetique. Lyon; Paris, [1950]. [Collection «Les langues du monde», série Grammaire, philology, littérature. Vol. VI.]
- Ван-Вейк 1934—1935 — *N. Van Wijk*. Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje // Slavia, XIII. 1934—1935. № 4.
- Варбот 2008 — *Ж. Ж. Варбот*. Факультативная дифтонгизация этимологического *у* в русских говорах // Русск. яз. в науч. освещении. 2008. № 1 (15).
- Васильев 1904 — *Л. Л. Васильев*. Гласные в слого под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Изв. ОРЯС. Т. 9. Кн. 1. 1904.
- Васильев 1929 — *Л. Л. Васильев*. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков: к вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии // Сборник по русскому языку и словесности. Т. I. Вып. 2. Л., 1929.
- Войтович 1972 — *Н. Т. Войтович*. К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1970 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1972.
- Высотский 1949 — *С. С. Высотский*. Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 6. М.; Л., 1949.
- Высотский 1949а — *С. С. Высотский*. О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М., 1949.

- Высотский 1967 — С. С. *Высотский*. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Высотский 1973 — С. С. *Высотский*. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей. М., 1973.
- Высотский 1975 — С. С. *Высотский*. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975.
- Галинская 2004/2009 — Е. А. *Галинская*. Историческая фонетика русского языка. М., 2004; 2-е изд. М., 2009.
- Гард 1974 — П. *Гард*. К истории восточнославянских гласных среднего подъема // Вопр. языкознания. 1974. № 3.
- Гецова 1959 — О. Г. *Гецова*. О произношении ударного *o* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1 / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1959.
- Гецова 1997 — О. Г. *Гецова*. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
- Голанов, Дурново 1910 — И. Г. *Голанов*, Н. Н. *Дурново*. Отчет экспедиции для определения границ оканья и аканья // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 3. 1910.
- Голубева 1985 — Н. Л. *Голубева*. О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля // Диалектография русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. М., 1985.
- Голубева 1998 — Н. Л. *Голубева*. Вокативные словоформы, оканчивающиеся на *-ou*, *-au*, *-ей*, *-ай* в русских говорах // Язык: изменчивость и постоянство: К 70-летию Л. Л. Касаткина / Отв. ред. М. Л. Каленчук. М., 1998.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. *Горшкова*, Г. А. *Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Горшкова, Хабургаев 1997 — К. В. *Горшкова*, Г. А. *Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1997.
- Даль 1852/1978 — В. И. *Даль*. О наречиях русского языка // Вестник Императорского Русского Географического Общества, 1852. Кн. V; цит. по: Толковый словарь живого великорусского языка [7-е изд.]. Т. 1. М., 1978.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. В 3 вып. / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989.
- Дурново 1917—1918 — Н. Н. *Дурново*. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие. Вып. 1. М., 1917; Вып. 2. Типография Шамординской женской пустыни Калужской губ., 1918.

- Дурново 1923 — *Н. Н. Дурново*. Ответ проф. Е. Ф. Будде // Известия ОРЯС. 1919. Т. XXIV, кн. 2. Пг., 1923.
- Дурново 1924/2000 — *Н. Н. Дурново*. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924; Перепечатано в: *Н. Н. Дурново*. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Дурново 1929а — *М. Дурново*. Увагі да беларускай фонэтыкі // Беларуская акадэмія навук. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 9. Працы клясы філэлёгіі. Т. II. Менск, 1929.
- Дурново 1929б — *М. Дурново*. Працы Алёны Курыловай у галіне дыялекталёгіі і гісторыі беларускай і ўкраінскай мовы // Беларуская акадэмія навук. Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 9. Працы клясы філэлёгіі. Т. II. Менск, 1929.
- Дурново 1969 — *Н. Н. Дурново*. Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969.
- Дьяченко 2011 — *С. В. Дьяченко*. К вопросу о соотношении между предударными гласными после твердых и мягких согласных в южнорусских говорах (на примере говора с архаическим типом вокализма) // Русск. яз. в науч. освещении. 2010. № 2 (20).
- Ерёмин, Фалёв 1928 — *С. А. Ерёмин, И. А. Фалёв*. Русская диалектология. М.; Л., 1928.
- Жуковская 1968 — *З. В. Жуковская*. Об особенностях безударного вокализма в говорах к северо-востоку от Пскова // Псковские говоры. II. Псков, 1968.
- Зализняк 1978 — *А. А. Зализняк*. Противопоставление букв *о* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Советское славяноведение. 1978. № 5.
- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Захарова 1959 — *К. Ф. Захарова*. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1 / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1959.
- Захарова 1970 — *К. Ф. Захарова*. Типы диссимилятивного яканья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Захарова 1971 — *К. Ф. Захарова*. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // Вопр. языкознания. 1971. № 2.
- Захарова 1975 — *К. Ф. Захарова*. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа русских говоров к югу от Москвы» // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975.
- Захарова, Орлова 1970 — *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова*. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

- Иванов 1982 — Вал. В. Иванов. История временных форм глагола // Историческая грамматика русского языка: Морфология: Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982.
- Иванов 1990 — В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М., 1990.
- Калнынь 1989 — Л. Э. Калнынь. О факторах фонетической стабильности языкового идиома в условиях языковых контактов // Deseta konferencija Medunarodne komisije za fonetiku i fonologiju slovenskih jezika. Sarajevo, 1989.
- Калнынь 1997 — Л. Э. Калнынь. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопр. языкознания. 1997. № 3.
- Калнынь, Масленникова 1985 — Л. Э. Калнынь, Л. И. Масленникова. Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
- Касаткин 1984 — Л. Л. Касаткин. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка: Пособие по спецкурсу. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984.
- Касаткин 1989 — Л. Л. Касаткин. Фонетика // Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989.
- Касаткин 1999а — Л. Л. Касаткин. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 1999б — Л. Л. Касаткин. Аффрикаты на месте взрывных согласных перед шелевыми в русском языке // Проблемы фонетики. III / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 1999.
- Касаткин 2002а — Л. Л. Касаткин. Катагощинское яканье в говоре семейских — старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики. IV / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002.
- Касаткин 2002б — Л. Л. Касаткин. Диереза и оглушение гласных в говорах Донской группы южного наречия // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2002.
- Касаткин 2005 — Л. Л. Касаткин. Фонетика // Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
- Касаткин 2008а — Л. Л. Касаткин. Русский говор села Татарница в Болгарии // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Международному съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008.
- Касаткин 2008б — Л. Л. Касаткин. Фонемы /ɔ/, /ω/, /a/ в слободских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008.
- Касаткин 2008в — Л. Л. Касаткин. Современный русский язык: Фонетика. 2-е изд. М., 2008.
- Касаткин 2009а — Л. Л. Касаткин. Особенности восприятия звуков речи, выступающих в разных фонетических позициях // Вопр. языкознания. 2009. № 4.

- Касаткин 2010 — *Л. Л. Касаткин*. Из истории аканья-яканья в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20).
- Касаткин 2011 — *Л. Л. Касаткин*. Прародина старообрядцев села Кунича Флорештского района Молдавии по данным их языка // Липоване: история и культура русских старообрядцев. Вып. VIII: к 200-летию юбилею первого переселения некрасовцев в российские пределы / Редактор-составитель А. А. Пригарин. Одесса; Измаил, 2011.
- Касаткин, Касаткина 1992 — *Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина*. Противопоставление согласных по напряженности–ненапряженности в севернорусских говорах // Русистика сегодня: Функционирование языка: лексика и грамматика / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1992.
- Касаткин, Пауфошима 1981 — *L. L. Kasatkin, R. F. Paufoshima*. The use of the segmenting apparatus in the analysis of the vocalism of Russian dialects // Symposium: Processing of dialectological data (Tallinn, November 23—25, 1981). Summaries. Tallinn, 1981.
- Касаткин, Юмсунова 2004 — *Л. Л. Касаткин Т. Б. Юмсунова*. Некоторые фонетические особенности говоров семейских — старообрядцев Забайкалья // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2004.
- Касаткина 1991 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Приложение № 1 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.; Бохум, 1991.
- Касаткина 1996 — *Р. Ф. Касаткина*. Просодия русских говоров // Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1996.
- Касаткина 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.
- Касаткина 2000а — *Р. Ф. Касаткина*. Русские вибранты в свете данных современной фонетики. // *Eva Földi* (ed.). *Vox humana*. Bolla Kálmán professzor hetvenedik születésnapjára. Budapest, 2000.
- Касаткина 2000б — *Р. Ф. Касаткина*. Южнорусское наречие. Новые данные // *Вопр. языкознания*. 2000. № 6.
- Касаткина 2004 — *Р. Ф. Касаткина*. Эти странные вибранты (некоторые проявления апико-альвеолярных артикуляций в русских говорах) // Семантика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского / Отв. ред. В. А. Виноградов. М., 2004.
- Касаткина 2005 — *Р. Ф. Касаткина*. Московское аканье в свете некоторых диалектных данных // *Вопр. языкознания*. М., 2005. № 2.
- Касаткина, Савинов 2007 — *Р. Ф. Касаткина, Д. М. Савинов*. Еще раз к истории развития ассимилятивно-диссимилятивного вокализма в южнорусских говорах // *Проблемы фонетики* / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. V. М., 2007.

- Касаткина, Щигель 1995 — *Р. Ф. Касаткина, Е. В. Щигель*. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. П. М., 1995.
- Кодзасов, Кривнова 2001 — *С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова*. Общая фонетика. М., 2001.
- Колесов 1972 — *В. В. Колесов*. Фонетика // Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.
- Корпечкова, Савинов 2009 — *Е. В. Корпечкова, Д. М. Савинов*. Дмитровское диссимилятивное яканье в говорах Белгородской области // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 14. М., 2009.
- Красовицкий 1993 — *А. М. Красовицкий*. Фонема ⟨в⟩ в начале слова перед согласным в ряде вологодских говоров // Слово, его значение и употребление в истории русского языка. М., 1993.
- Красовицкий 1995 — *А. М. Красовицкий*. Тембровые отношения боковых сонантов в одном севернорусском говоре // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995.
- Красовицкий 1996 — *А. М. Красовицкий*. Система согласных одного вологодского говора: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Кузнецов 1948 — *П. С. Кузнецов*. К вопросу о качестве безударных гласных не первого предупредительного слога в акающих говорах // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка [АН СССР]. Вып. 2 / Отв. ред. С. П. Обнорский, Р. И. Аванесов. М.; Л., 1948.
- Кузнецов 1956 — *П. С. Кузнецов*. К истории форм 3-го лица настоящего времени глагола в русском языке // Изв. АН СССР: ОЛЯ. Т. 11. 1952. Вып. 1.
- Кузнецов 1960 — *П. С. Кузнецов*. Русская диалектология. 3-е изд. М., 1960.
- Кузнецов 1964 — *П. С. Кузнецов*. К вопросу о происхождении аканья // Вопр. языкознания. 1964. № 1.
- Кузнецов 1965 — *П. С. Кузнецов*. Фонетика // *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965.
- Кузнецова 1969 — *А. М. Кузнецова*. Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости–мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров / Отв. ред. С. С. Высотский. М., 1969.
- Кузнецова 1977 — *А. М. Кузнецова*. Разновидности способа образования согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Кузьмина, Немченко 1962 — *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко*. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии: Новая серия. Т. III / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1962.
- Курило 1924 — *О. Б. Курило*. Фонетичні та деякі морфологічні особливості говірки села Хоробричів давніше Городнянського повіту, тепер Снов-

- ської округи на Чернігівщині. Київ, 1924. (Всеукраїнська Академія Наук. Збірник історико-філологічного відділу № 21. Праці Етнографічної комісії).
- Курило 1928 — *О. Б. Курило*. До питання про умови розвитку дисимілятивного акання // Записки історико-філологічного відділу Української Академії Наук. Кн. XVI. 1928.
- Ломоносов 1952 — *М. В. Ломоносов*. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1952.
- Мартине 1960 — *А. Мартине*. Принцип экономии в фонетических изменениях: (проблемы диахронической фонологии). Перевод с фр. А. А. Зализняка. М., 1960.
- Матусевич 1959 — *М. И. Матусевич*. Введение в общую фонетику. М., 1959.
- Методические указания 1957 — Методические указания к «Программе собирання сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М., 1957.
- Назарова 1975 — *Т. В. Назарова*. Из наблюдений над междиалектными контактами: (к понятию сопротивления системы) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1973. М., 1975.
- Николаев 1996 — *С. Л. Николаев*. Histoire d'O // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Обнорский 1941 — *С. П. Обнорский*. Образование глагольных форм 3-го лица настоящего времени в русском языке // Изв. АН СССР: ОЛЯ. 1941, № 3. С. 29—48.
- Обнорский 1953 — *С. П. Обнорский*. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Образование с-р наречия 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Т. Ю. Строганова / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1970.
- Орлов 1984 — *Л. М. Орлов*. Русские говоры Волгоградской области. Волгоград, 1984.
- Орлова, Строганова 1968 — *В. Г. Орлова, Т. Ю. Строганова*. Народные говоры. Фонетика // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. [4] Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968.
- Образование с-р наречия 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Т. Ю. Строганова / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1970.
- Оссовецкий 1961 — *И. А. Оссовецкий*. Начальные этапы развития русской диалектологии // История русской диалектологии. М., 1961.
- Панов 1979 — *М. В. Панов*. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

- Пауфوشي́ма 1961 — *Р. Ф. Пауфوشي́ма*. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Новая серия. Вып. II / Отв. ред. В. Г. Орлова. М., 1961.
- Пауфوشي́ма 1973 — *Р. Ф. Пауфوشي́ма*. О распределении мягкости в двойных сочетаниях зубных согласных в некоторых окающих русских говорах // *Исследования по русской диалектологии* / Отв. ред. С. В. Бромлей. М., 1973.
- Пауфوشي́ма 1975 — *Р. Ф. Пауфوشي́ма*. О темпе речи в некоторых русских говорах // *Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики* / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975.
- Пауфوشي́ма 1977 — *Р. Ф. Пауфوشي́ма*. О структуре слога в некоторых русских говорах // *Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии* / Отв. ред. С. С. Высотский. М., 1977.
- Пауфوشي́ма 1978 — *Р. Ф. Пауфوشي́ма*. Перестройка системы предупредного вокализма в одном вологодском говоре // *Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах* / Отв. ред. С. С. Высотский. М., 1978.
- Пауфوشي́ма 1983 — *Р. Ф. Пауфوشي́ма*. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Преображенская 1973а — *М. Н. Преображенская*. Чередование а || е в одном вологодском говоре // *Изв. АН СССР. СЛЯ*. 1973. Т. 32. Вып. 1.
- Преображенская 1973б — *М. Н. Преображенская*. Чередование а || е в в русских говорах: (Механизм и системные отношения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Реформатский 1979 — *А. А. Реформатский*. Очерки по фонологии, морфологии и морфологии. М., 1979.
- Русская диалектология 1964 — *Русская диалектология* / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.
- Русская диалектология 1972 — *Русская диалектология* / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.
- Савинов 2001 — *Д. М. Савинов*. Развитие предупредного вокализма в одном тульском говоре // *Жизнь языка. Сб. статей к 80-летию М. В. Панова* / Под ред. С. М. Кузьминой. М., 2001.
- Савинов 2002 — *Д. М. Савинов*. Об особенностях произношения местоимений в форме родительного падежа (типа *его*) в южнорусских говорах // *Проблемы фонетики IV* / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002.
- Савинов 2003 — *Д. М. Савинов*. О диссимилятивной основе предупредного вокализма в говорах Тульской обл. // *Русистика на пороге XXI века: Проблемы и перспективы*. М., 2003.
- Савинов 2008 — *Д. М. Савинов*. К вопросу о зависимости типов аканья и яканья от semifонемного вокализма // *Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX)* / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008.

- Савинов 2010а — *Д. М. Савинов*. Пути развития архаических типов вокализма в южнорусских говорах // Русск. яз. в науч. освещении. 2010. № 2 (20).
- Савинов 2010б — *Д. М. Савинов*. Суджанское диссимилятивное яканье в синхронии и диахронии // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 30 / Гл. ред. Г. Ф. Ковалев. Воронеж, 2010.
- Сапнок и др. 1993 — *К. Сапнок, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина*. Новые наблюдения над говором д. Лека (по следам А. А. Шахматова и С. С. Высотского) // *Die Welt der Slaven*. 1993. Jg. 38.1 (N.F.17,1).
- Сидоров 1969 — *В. Н. Сидоров*. Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Сими́на 1972 — *Г. Я. Сими́на*. Особенности системы указательных слов в севернорусских говорах // Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Диалектная лексика. 1971 / Ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л., 1972.
- Соболевский 1897 — *А. Н. Соболевский*. Опыт русской диалектологии. Вып. I. Наречия великорусское и белорусское. СПб., 1897.
- Соболевский 1907/2004 — *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907; То же // *Соболевский А. И.* Труды по истории русского языка. Т. 1 / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М., 2004.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1—6. СПб., 1994—2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1—44—, А—Т—. М.; Л.; СПб., 1965—2011—.
- Сталькова 1973 — *И. Л. Сталькова*. Предударный гласный *ы* (этимологический) в системе диссимилятивного аканья // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Строганова 1955 — *Т. Г. Строганова*. Одна из особенностей южнорусского вокализма // Вопр. языкознания. 1955. № 4.
- Строганова 1964 — *Т. Ю. Строганова*. Вокализм // Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.
- Строганова 1975 — *Т. Г. Строганова*. О характере реализации гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге после твердых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975.
- Ткаченко 1985 — *О. Б. Ткаченко*. Мерянский язык. Киев, 1985.
- Толкачёв 1960 — *А. И. Толкачёв* об изменении *-ого > -ово* в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960.
- Треблер 1980 — *С. М. Треблер*. История системы гласных среднего подъёма в ее отношении к другим частным системам вокализма и консонантизма в русских диалектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

- Тредиаковский 1748 — В. К. *Тредиаковский*. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии... 1748.
- Тредиаковский 1849 — В. К. *Тредиаковский*. Сочинения. Т. 3. СПб., 1849.
- Трубецкой 1987 — Н. С. *Трубецкой*. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Н. С. *Трубецкой*. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Тудосе 2003 — В. И. *Тудосе*. Особенности речи жителей русского села Кунича в Молдавии // Старообрядцев Молдавии живое слово: Материалы междунар. научно-практич. Конф. «Старообрядчество Молдавии: истоки и современность», [состоявшейся в г. Кишиневе (Республика Молдова)] 14—16 декабря 2002 г. Кишинев, 2003.
- Успенский 1994 — Б. А. *Успенский*. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.
- Ушаков 2009 — Д. Н. *Ушаков*. О московском произношении // О. В. *Антонова*, Д. М. *Савинов* (ред.). Незабываемые голоса России. I. Звучат голоса отечественных филологов. М., 2009.
- Фант 1964 — Г. *Фант*. Акустическая теория речеобразования. М., 1964.
- Фасмер 1964 — М. *Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. 1. М., 1964.
- Хабургаев 1965 — Г. А. *Хабургаев*. О фонологических условиях развития русского аканья // *Вопр. языкознания*. 1965. № 6.
- Хабургаев 1966 — Г. А. *Хабургаев*. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (*Введение. Вокализм*) // Учен. зап. Моск. обл. пединститута им. Н. К. Крупской. Т. 163. Вып. 12. Русский язык. М., 1966.
- Хабургаев 1975 — Г. А. *Хабургаев*. Географическое варьирование системных отношений как материал исторической диалектологии // *Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики* / Отв. ред. Е. В. Немченко. М., 1975.
- Халиков 1992 — А. Х. *Халиков*. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.
- Хмелевская 1970 — Т. А. *Хмелевская*. Русские говоры Дона (фонетика). Ростов-на-Дону, 1970.
- Чекман 1979 — В. Н. *Чекман*. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.
- Чекмонас 1987 — В. Н. *Чекмонас*. Территория зарождения и этапы развития восточнославянского аканья в свете данных лингвогеографии // *Russian Linguistics*. 11. 1987. № 2/3.
- Чекмонас 1998 — В. Н. *Чекмонас*. Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры) // *Kalbotyra* 47 (2). *Slavistica Vilnensis*. 1998. Vilnius, 1998.

- Чекмонас 1999 — *В. Н. Чекмонас*. Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории) // *Kalbotyra* 48 (2). *Slavistica Vilnensis*. 1999. Vilnius, 1999.
- Шахматов 1896—1897 — *А. А. Шахматов*. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров // *Русский филологический вестник*. 1896. Т. XXXVI. № 3—4. С. 60—99; 1897. Т. XXXVIII. № 3—4.
- Шахматов 1913 — *А. А. Шахматов*. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // *Известия ОРЯС*. Т. 18. Кн. 4. 1903.
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1. Пг., 1915.
- Шахматов 1941 — *А. А. Шахматов*. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941.
- Шипова 1976 — *Е. Н. Шипова*. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Щерба 1912/1983 — *Л. В. Щерба*. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912; Л., 1983.
- Щерба 1983 — *Л. В. Щерба*. Теория русского письма. Л., 1983.
- Энциклопедия 1979 — *Русский язык: энциклопедия* / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979.
- Якобсон 1929 — *R. Jakobson*. Remarques sur l'évolution phonologique du russe, comparée à celle des autres langues slaves. Praha, 1929 [Travaux du Cercle linguistique de Prague, 2]. (Перепечатано в: *R. Jakobson*. Selected Writings. I. 2 ed. The Hague: Mouton, 1971.)
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Вып. 1—10. Ярославль, 1981—1991.
- Boersma, Weenink 2005 — *P. Boersma, D. Weenink*. Praat: doing phonetics by computer. Computer program, version 4.3.16; см.: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat>.
- Crystal 1987 — *D. Crystal*. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge University Press, 1987.
- Crystal 1992 — *D. Crystal*. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge, 1992.
- Gimson 1970 — *A. Gimson*. An introduction to the pronunciation of English. London, 1970.
- Lindblom 1983 — *B. Lindblom*. Economy of speech Gestures // *The production of Speech*. New York, 1983.
- Ladefoged 1968 — *P. Ladefoged*. A phonetic Study of West African Languages. 2nd ed. Cambridge, 1968.
- Ladefoged, Maddieson 1996 — *P. Ladefoged, I. Maddieson*. The sounds of the World's languages. Cambridge (Mass.), 1996.
- Monnot, Freeman 1972 — *M. Monnot, M. Freeman*. A comparison of Spanish single-tap /t/ with American /t/ and /d/ in post-stress intervocalic position //

-
- Papers in Linguistics in the Memory of Pierre Delattre. The Hague, 1972. P. 409—416.
- O'Grady 1960 — *G. N. O'Grady*. New Concept in Nyingumada: some data on linguistic acculturation // *Antropological Linguistics*. 2. 1. 1960.
- Oates 1964 — *L. Oates*. Distribution on phonemes and syllables in Gugu-Yalanji // *Antropological Linguistics*. 6. 1. 1964.
- Quillis 1963 — *A. Quillis*. Fonética y fonología del Español. Madrid, 1963.

Глава IV

АКУСТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ ИНТЕРВОКАЛЬНЫХ ФРИКАТИВНЫХ И СОНОРНЫХ СОГЛАСНЫХ

Введение

В настоящей работе представлены результаты исследования динамики интервокальных фрикативных и сонорных в речи носителей русской литературной нормы.

Данный раздел является продолжением исследования акустического сценария интервокальных смычных [Кодзасов, Щигель 2007], в котором изучалась акустическая динамика как известных консонантных признаков (глухость / звонкость, взрывность / аффрикатность), так и характеристик прилегающих вокалических участков, в которых различие в форме вокалических переходов могло быть проявлением разного типа примыкания гласных к согласным.

Материалом для анализа, как и в статье о смычных, послужили тексты диалогов из лингафонных курсов русского языка, записанные в студийных условиях в исполнении профессиональных дикторов см [Аксёнова 1999]. Акустический анализ осуществлялся на основе компьютерной программы Speech Analyzer (версия 3.1.).

В данной работе, так же как и в разделе о смычных, исследуемый материал был введен в таблицы баз данных, созданных в формате Microsoft ACCESS. Проблемы, возникающие при описании звуков разной природы, не вполне тождественны, поэтому смычные, фрикативные и сонорные рассматриваются в трёх различных таблицах с разным набором полей. Общий объем полученной БД около пятисот единиц.

Структура работы соответствует динамике ее выполнения.

Раздел, описывающий фрикативные и сонорные отличается от раздела, описывающего смычные, введением в текст таблиц, включающих в себя практически весь эмпирический материал исследования. В разделе «Смычные» описываются только те примеры, которые были приведены в иллюстрациях, что было связано с ограничением объема работы, опубликованной в 2007 г. [Кодзасов, Щигель 2007].

Акустические сценарии интервокальных фрикативных

Характеристики фрикативных представлены в таблицах, в которых постоянными параметрами являются :

— **сила шума**. Она определяется на основе визуальной оценки, имеющей три значения — слабая, нейтральная и сильная. Эти оценки носят достаточно субъективный характер, но отражают реальную разницу энергетических характеристик звуков, что видно при их сопоставлении. Кроме того, показательна также общая энергетическая динамика слова. Представляется, что в данном случае такая интегральная визуальная оценка является более содержательной, чем измерение силы шума в децибелах;

— **динамика шума**. Наблюдается несколько параметров, характеризующих качественные динамические различия внутри шумовых сегментов. К ним относятся: озвончение для глухих, изменение огибающей шума и наличие *тонуса* (о тонусе см. [Кодзасов, Щигель 2007]);

— **вокалические переходы**. Как и в случае смычных, имеются явно выраженные различия в типах переходов на прилегающих к рассматриваемым согласным вокалических участках. Напомним, что во всех примерах фрикативные рассматриваются в интервокальной позиции. В подобной же позиции описываются и сонорные (см. след. раздел). Таблица отражает три значения признака перехода: нейтральный, плавный и резкий. Особый тип перехода представляет собой ступенька (*ст*). См. подробнее ниже.

— **длительность шума в мсек**.

Слева в таблице даётся порядковая нумерация всех рассмотренных примеров, справа приводятся номера публикуемых иллюстраций.

Количество приведённых в таблице примеров на различные фрикативные соответствует их встречаемости в текстах, отсюда различие их числа в таблицах (ср., напр., табл. [с'] и [ф]).

1. Сила шума

Имеются значительные различия в силе шума одного и того же звука в сходных интервокальных позициях. Встречаются примеры однокоренных слов, имеющих различную силу шума фрикативных (рис. 1, 4 и 5), что объясняется, по-видимому, разными просодическими условиями. Слово *часов* (рис. 5) имеет сильный согласный,

который распадается на два компонента. В словоформе *часов* явно преобладает вокалический канал, а консонантный подавлен. В ряде случаев замечено существенное различие в произношении и других согласных. Иногда консонантная цепь слова усилена (рис. 8 — *на десятом*, рис. 12 — *подойёл*), а иногда ослаблена (рис. 6 — *тысячи*, рис. 11 — *решила*).

Приведём теперь случаи, когда одна и та же фонема выступает в трех вариантах по силе шума. В словоформе *скажіте* (рис. 30) [ж] выступает как слабый вокализованный звук (причем двухфазовый). На рис. 31 в слове *предложение* мы видим нейтральную реализацию той же фонемы. В слове *этаже* (словосочетание *на десятом этаже*, рис. 32) и осциллограмма и сонограмма свидетельствуют о высокой шумовой энергии сегмента. Отметим, что все три примера употребления [ж] представлены в одной и той же акцентной позиции во фразе.

Очевидным образом, сила шума и амплитуда звука — разные характеристики. Высокая амплитуда звука не является свидетельством повышенной интенсивности его шума (рис. 32 и 33). Пример нейтрального по силе шума [ф'] дает рис. 17. Очень слабый шум [х'] представлен в слове *духі* (рис. 22), фрикативный здесь близок к ларингалу.

На рис. 26 в слове *безобразіе* обнаружено подавление тонального компонента сильной шумовой составляющей.

Слабому шуму согласного [з'] (рис. 27, слово *поразительно*), предшествует краткий глайдовый вариант гортанной смычки.

Нейтральному варианту [з'] на рис. 28 в слове *магазин* противопоставит сильный шум [з'] в словоформе *из магазина* (рис. 29).

2. Динамика шума

Частичное озвончение в той или иной степени присуще всем классам интервокальных глухих фрикативных, причем внутри этих классов большинство таких сегментов сопровождается озвончением (см. примеры для [ш] № п/п в таблице с 33 по 42 и рис. 9 и 10). Отсутствие примеров на полное озвончение объясняется скорее всего спецификой исследуемого материала — относительно полным стилем профессионального дикторского произношения.

Встречаются разные комбинации шумовых компонентов внутри одного сегмента. Например, на рис. 10 в слове *часов* находим сочетание более сильного и менее сильного шумовых сегментов, подобное сочетание разных по силе шумовых сегментов находим на

рис. 23 в слове *тихий*. Сильное [ф'] в слове *буфет* (сила отражается в большой длительности звука) отличается также неравномерностью амплитуды шума (более сильное начало) (рис. 18).

На рис. 19 представлен пример слабого [х] с озвончением в начале и со скрипучим голосом на предшествующем и, особенно, на ударном гласном (просодический знак отрицания). Рис. 21а иллюстрирует слабый частично озвонченный палатализованный [х].

Нередки случаи плавного ослабления шума глухого фрикативного к концу сегмента (№ п/п 41, 42, 47), вплоть до смычки (№ п/п 29). Сочетание другого типа (тонус-шум) представлено на рис. 14 в слове *телефон* (о тонусе см. [Кодзасов, Щигель 2007]). Шумовому сегменту в целом присуща та или иная степень неравномерности амплитуды (рис. 7, 9, 11 и др.)

3. Вокалические переходы

Рассмотрим разновидности переходов от гласного к фрикативным и наоборот. Мы выделяем три типа переходов: плавный, нейтральный и резкий. Примеры: рис. 1, 6, 9, 20, 25, 33, 34 — плавные переходы, рис. 3, 14 — нейтральные переходы, рис. 12 — резкие переходы (причем левый переход резкий + ступенька). Во всех этих примерах оба перехода одинаковы.

Ступенькой мы называем резкое падение энергии в конце гласного при сохранении работы голосовых связок и частичном сохранении спектра предшествующего звука.

В слове *тысячи* (рис. 6) переход от гласного к согласному характеризуется плавным завершением гласного с участком резкого спада энергии. Обращает на себя внимание низкая интенсивность согласных при высокой амплитуде вокалических участков. Озвончение [с'] и [ч] свидетельствуют об относительной слабости консонантной артикуляции

Однако, в целом, корреляции правого и левого переходов не наблюдается, в большинстве примеров тип начального и конечного переходов различен. Так, рис. 4 и 12 дают примеры плавного и резкого переходов, рис. 10 (слово *чашек*) иллюстрирует плавный и нейтральный переходы (отметим озвончение начальной части [ш]), рис. 13 демонстрирует нейтральный и резкий переходы. Хороший пример плавного завершения предшествующего гласного представлен на рис. 15 в слове *кафе*. Рис. 16 (*кофе*) — классический пример плавного перехода от гласного к слабому по силе шума озвонченно-

му согласному. Имеется также случай, когда в одном и том же слове представлены два типа межсегментных переходов — плавные переходы в предударной части и резкие переходы в последующей части. (рис. 24, слово *вызывали*).

Зафиксированы также такие случаи вокалических переходов, которые ранее в литературе не отмечались: речь идет о переслаивании вокалических и консонантных компонентов, при этом невозможно провести четкую границу между соседними звуками. Такова ситуация в слове *этаже* (рис. 32).

Особого вида коартикуляция отмечена в примерах *чашек* (рис. 10), *ещё раз* (рис. 12) и *позже* (рис. 34). Здесь шумовой канал сосуществует с вокалическим, левая граница между согласными и гласными в этих случаях условна.

Встретился также труднообъяснимый случай проникновения второй форманты гласного в спектр предшествующего фрикативного (слово *расписание*, рис. 3).

Высокая степень коартикуляции гласного и предшествующего согласного возможна и при нейтральной силе шума и нейтральном переходе от согласного к гласному. Следует отметить, что соотношение спектральной структуры фрикативного и последующего гласного требует дальнейшего изучения. В примере *беседы* (рис. 7) обращает на себя внимание неожиданно ясная картина формантной структуры звука. Хорошо видно, что шумовая составляющая структуры согласного не подавляет формантные вокалические треки, а как бы коартикулирует с ними.

В слове *пятидесятый* (рис. 8), так же как и в предыдущем примере, на сонограмме согласного [с'] хорошо виден вокалический трек соседних гласных, коартикулирующий с шумовой составляющей.

Сильный шум и плавные переходы для [х] в слове *доехала* (рис. 20) сопровождаются усилением в области 5000 Гц (вокалическая четвертая форманта), проходящим через все слово. На рис. 25 хорошо видно нейтральный по силе шума [з] с двумя плавными переходами. Треки второй и третьей формант гласных не прерываются шумовой частью.

Рис. 2 хорошо иллюстрирует резкий переход от согласного [с] к гласному. Сходную структуру перехода от согласного к гласному обнаруживает и предударный слог [п'и], при том, что эта характеристика не свидетельствует о силе смычке, на что указывает озвончение [п']. В этом и других примерах отсутствует корреляция напряженности смычки и типа перехода от согласного к гласному.

4. Длительность

Анализ количественных характеристик интервокальных фрикативных обнаруживает большой диапазон величин, по-видимому, обусловленный существенным различием просодических характеристик контекстов, которые не были учтены авторами в данной работе. Например, вопреки распространенному мнению о долгой реализации [ш'], которая подтверждается некоторыми примерами (№ п/п 46, 48, 50, 51), в материале встретился и существенно более короткий вариант произнесения (№ п/п 45). Подобный разброс значений длительности характеризует и другие фрикативные.

Особый статус [в] заставляет выделить его в отдельный класс. Как известно, [в] сохраняет дистрибутивные свойства сонорного (отсутствие озвончения шумных перед ним), что хорошо подтверждается акустическими свойствами. В большинстве наших примеров по акустическим характеристикам [в] ближе к сонорному, нежели к шумному. Поэтому поля таблицы *Сила шума* и *Динамика шума* для [в] остаются незаполненными. Для описания разной степени вокализации [в] введено поле *Другие характеристики*. Исключением являются лишь слова *Орловы* (рис. 36) и *девять* (рис. 39), где консонантная артикуляция более явно выражена. (ср. с вокализованным вариантом [в] в слове *девятый* (рис. 40). Рис. 37 (*разговаривают*) и рис. 41 (*наверное*) хорошо иллюстрируют разную степень вокализации [в]. В первом слове ясно видны непрерывные формантные треки, отражающие соседние гласные, тогда как в слове *наверное* формантная структура выражена менее ярко. На рис. 35 (слово *давай*) отчётливо виден двухкомпонентный состав сегмента [в]. Слогораздел проходит между более напряжённой и менее напряжённой частями сегмента. Отметим также различия в правом и левом переходах.

На осциллограмме слова *привет* (рис. 38) мы видим пример губно-зубного палатализованного [в] с двумя плавными переходами, причем слева переход со ступенькой. Такая же ступенька завершает гласный конечного слога.

Признаем, что функциональный статус [в], определяющий его реализацию в разных контекстах, требует дальнейшего исследования.

Выводы

Детальное исследование акустических графиков (осциллограмм и сонограмм) русских фрикативных обнаруживает существенное рас-

согласование буквенной цепочки и динамики реальных артикуляционных процессов. Имеется два основных артикуляционных канала: сегментный и просодический, они активированы в разной степени, но постоянно параллельно контролируются. Это проявление единого принципа коартикуляции. Принятие гипотезы двухканальности речеобразования [Oehman 1996] заставляет гораздо внимательнее подходить к исследованию тех акустических сценариев, которые мы встречаем в звуковом сигнале. Ясно, что здесь необходимы не только наблюдения над динамикой речевой волны, но и над спектральными характеристиками согласных. Это особенно важно в случае фрикативных согласных.

Данная работа показывает многообразие пространства реализаций интервокальных фрикативных: разную степень силы их шума, различие динамики шума, разные типы переходов от гласного к фрикативному и наоборот, долготные различия.

Это разнообразие предопределяется различными контекстными условиями: различием фразовой позиции, ритмической позиции в слове, соседством с разными вокалическими сегментами.

Возможное направление дальнейшего исследования — мотивация динамических различий внутри фрикативных. Нельзя решить возникающие здесь проблемы без детального анализа влияния фразовых просодических условий на реализацию согласных.

Таблица фрикативных

№ п/п	С	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
1	запиСала	143	слаб	озв-озв-шум	пл	нтр	модуляция шума	
2	чаСа	109	слаб	озв-озв-шум	пл	пл	ларингализация ударного гласного	Рис. 1
3	сберкаССу	225	слаб	озв	нтр+ст	нтр	небольшая модуляция, большая длительность	
4	в леСу	89	слаб	озв-шум-отступ	пл+ст	нтр		

№ п/п	С	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
5	чаСами	85	нтр	озв-шум	нтр	ст+ -нтр		
6	запиСаться	66	нтр		нтр+ст	рз	вокализованное слово	Рис. 2
7	распиСание	103	нтр		нтр	нтр		Рис. 3
8	вопроСу	138	нтр	озв-шум	пл	нтр	модуляция на шумовой части	
9	два чаСа	89	сильн		пл	рз		Рис. 4
10	чаСов	102	сильн	сильн. шум-шум	пл	нтр	резкий перепад уровня шума	Рис. 5

№ п/п	С'	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
11	спаСибо	162	слаб		нтр+ст	пл	модуляция шума	
12	краСивая	120	слаб	озв-озв-шум	пл	пл	модуляция шума	
13	попроСите	83	слаб	озв-озв-шум	пл	пл		
14	виСите	117	слаб	озв-шум-отступ	пл	пл	модуляция шума	
15	тыСячи	85	слаб	озв-шум	пл+ст	пл		Рис. 6
16	воСемь	101	слаб	озв-шум	нтр+ст	нтр		
17	беСеды	80	нтр	озв-шум	пл	пл	модуляция шума	Рис. 7
18	деСять	106	нтр		ст	пл	модуляция шума	
19	пятьдеСятый	108	нтр	озв-шум	нтр	нтр		
20	веСельй	134	нтр	озв — шум	нтр+ст	пл	модуляция шума	
21	пятьдеСят	100	нтр	озв-шум-усиление шума	нтр+ст	нтр		

№ п/п	С'	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
22	шестидеСятый	106	нтр		пл	рз		
23	спаСибо	117	нтр	озв-шум	нтр+ст		модуляция шума	
24	в деСячь часов	89	сильн	озв-шум-сильн. шум	пл	нтр	модуляция шума	
25	тыСяча	93	сильн		пл	нтр	модуляция шума	
26	на деСятом этаже	104	сильн		пл	нтр	модуляция в начале и в конце	Рис. 8
27	у моего соСеда	156	сильн		пл	рз		
28	и проСила	88	сильн		нтр	рз		
29	на автобуСе	122	сильн		пл	рз	шум в конце переходит в смычку	

№ п/п	Ш	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
30	хороШо	83	слаб	озв+шум	нтр+ст	нтр	модуляция переходного участка предшеств. гласного	
31	хороШо	107	слаб		пл+ст	нтр	модуляция шума	
32	ваШа	83	слаб		нтр+ст	нтр	модуляция шума	
33	НараШа	99	слаб	озв-шум	пл+ст	нтр	модуляция шума	
34	реШила	99	слаб	озв-шум	пл+ст	пл	модуляция шума	Рис. 9
35	приглаШение	60	слаб	озв-шум	нтр+ст	нтр	модуляция шума	

№ п/п	Ш	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
36	оШиблись	74	слаб	озв-шум	нтр+ст	нтр	модуляция шума	
37	плюШевое	105	слаб	озв -шум	пл+ст	пл	модуляция шума	
38	слуШаю	80	слаб	озв-шум	нтр+скр	нтр	модуляция шума	
39	слуШай	89	нтр	озв — шум	пл+ст	нтр	модуляция шума, усиление шума в середине	
40	чаШек	98	нтр	озв-шум-	пл	нтр	модуляция шума	Рис. 10
41	не рас-слыШала	109	нтр	озв-шум	нтр	рз	модуляция шума, ослабление шума в конце	
42	слуШала	90	нтр	озв-шум-	пл+ст	пл	модуляция шума, ослабление шума в конце	
43	пуШистую	82	нтр.		пл	нтр	модуляция шума, переслаивание гласного и шума	
44	у наШих	93	сильн.		пл	нтр	модуляция шума	
45	подоШел	120	сильн		пл	нтр	модуляция шума, ослабление шума в конце	Рис. 11

№ п/п	Щ	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
45	еще раз	91	слаб	озв+шум	рз+ст	рз	модуляция шума, ослабление шума к концу	Рис. 12
46	не чаЩе	177	сильн		пл	нтр	модуляция шума	

47	плоЩади	126	сильн		пл	нтр	ослабление шума к концу	
48	проЩенье	193	сильн		пл	пл		
49	следующий	140	сильн		нтр	рз	модуляция шума	
50	возвращение	224	сильн	озв-шум	нтр	рз	модуляция шума	Рис. 13
51	веЩи	196	сильн	озв-шум	пл	пл	модуляция шума	

№ п/п	Ф	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
52	телеФон	95	слаб	тонус-шум	нтр	нтр		Рис. 14
53	по телеФону	71	слаб	тонус-шум	нтр+ст	рз		
54	в кафе	96	слаб	озв-шум	рз	нтр		
55	кафе	107	сильн	озв-шум	пл	нтр		Рис. 15

№ п/п	Ф'	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
56	проФессора	64	слаб	озв-шум	пл	рз		Рис. 16
57	кофе	45	слаб	озв-тонус	пл	нтр		
58	каФедры	102	слаб	тонус-шум	пл	пл		
59	ТимоФеева	107	слаб		нтр+ст	нтр		
60	оФисы	90	нтр	озв-шум	пл	нтр		Рис. 17
61	буФет	122	сильн		пл	нтр		Рис. 18

№ п/п	X	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
62	плоХо	54	слаб	озв- озв	пл+ст	пл		
63	не поХоже	85	слаб	озв-шум-слаб.шум	нтр+ст	ст+нтр	модуляция шума	Рис. 19
64	поеХать	67	слаб	озв-шум	пл	рз	модуляция шума	
65	успеХов	88	слаб	озв-шум	пл	нтр	модуляция шума	
66	доеХала	96	сильн		пл	пл	сильный модулированный шум	Рис. 20

№ п/п	X'	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
67	парик-маХерская	53	слаб	озв+шум	пл	нтр		Рис. 21
68	стиХи	183	нтр		пл	нтр		
69	дуХи	111	нтр	озв-шум	пл	пл		Рис. 22
70								
71	тиХий	120	сильн	шум-слабый шум	рз	нтр		Рис. 23

№ п/п	З	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
72	выЗывали	57	слаб		пл	пл	вокализованный	Рис. 24
73	обязательно	61	слаб		пл	пл	вокализованный	
74	и разошлись	40	нтр		пл	пл		
75	и За пять	65	нтр		пл	пл		Рис. 25
76	безобразие	95	сильн		нтр	пл	экспрессивное произношение	Рис. 26

№ п/п	З'	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
77	хозяЙство	72	слаб		пл+ст	нтр	вокализированный	
78	пораЗительно	65	слаб		пл	плз	вокализированный	Рис. 27
79	магаЗин	70	нтр		пл	пл		Рис. 28
80	из магаЗина	78	сильн		пл	пл		Рис. 29

№ п/п	Ж	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
81	предлоЖение	63	слаб		нтр+ст	пл		
82	ужин	65	слаб		пл	пл	вокализированный, тихое слово	
83	тоже	41	слаб		пл	пл	вокализированный	
84	уже нет	48	слаб		пл	пл		
85	не можешь ли	41	слаб		коарт	коарт	вокализированный	
86	расскаЖешь	69	слаб		коарт	коарт	вокализированный	
87	скаЖите	50	слаб	—	пл	пл	вокализированный, 2 фазы Ж	Рис. 30
88	что же	57	слаб		пл	пл	умеренно вокализированный	
89	предлоЖение	63	нтр		нтр+ст	пл		Рис. 31
90	поЖалуйста	74	нтр		пл+ст	пл	2 фазы Ж	
91	может ли	48	нтр		пл	пл	два компонента Ж	
92	может	40	нтр		пл+ст	ст+нтр	два компонента Ж	
93	деЖурный	76	нтр		рз	пл	вокализированный	
94	наЖарим	72	нтр		нтр+ст	пл		

№ п/п	Ж	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
95	(на десятом) этаЖе	108	сильн		коарт	ко-арт	модуляция шума, сильное переслаивание с соседними гласными	Рис. 32
96	убеЖать	95	сильн		коарт	ко-арт		
97	леЖала	60	сильн		коарт	ко-арт		

№ п/п	Ж'	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
98	приез-Жайге	59	слаб		пл	пл	вокализованный	Рис. 33
99	приезЖай	103	слаб	—	пл	пл	вибрация на гласном, двухкомпонентный Ж	
100	заезЖай	92	слаб		начальная глоттализация	нтр	интенсивный толчок в начале	
101	попозЖе	153	нтр	вокализ-шум	пл	пл	двухкомпонентный шум	Рис. 34

№ п/п	В	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
102	БыкоВо	39			нтр	пл	вокализованный	
103	глаВа	56			нтр	нтр		
104	даВай	44			рз	пл	двухкомпонентный	Рис. 35
105	доВольна	56			нтр	пл		
106	а Вот	56			нтр	пл		

№ п/п	В	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
107	праВа	60			нтр	пл		
108	у Выхода	43			нтр+ст	рз		
109	слоВа	39			пл	пл		
110	ОрлоВы	64			нтр	пл	падение амплитуды	Рис. 36
111	еВо (его)	54			пл	пл		
112	аВангард	45			пл	пл	вокализованный	
113	так быВает	37			пл	нтр		
114	догоВорились	52			пл	пл	глайд	
115	разгоВаривать	58			нтр	нтр	глайд	Рис. 37
116	ВнукоВо	44					глайд	
117	встаВай	50			пл	пл	амплитудная вершина на глайде	

№ п/п	В'	Длительность шума в мс	Сила шума	Динамика шума	Вокалические переходы		Другие характеристики	№ рис.
					лев	прав		
118	приВеТ	44			пл+ст	пл		Рис. 38
119	деВять	40			пл	пл		Рис. 39
120	уВиДишь	61			нтр	пл		
121	уВиДели	50			нтр	пл		
122	деВятый	58			нтр	пл		Рис. 40
123	ты не Ви-дел	59			пл	рз		
124	наВерное	41			пл	пл		Рис. 41
125	поздра-Вить	32			нтр	пл		
126	униВерситет	34					глайд	

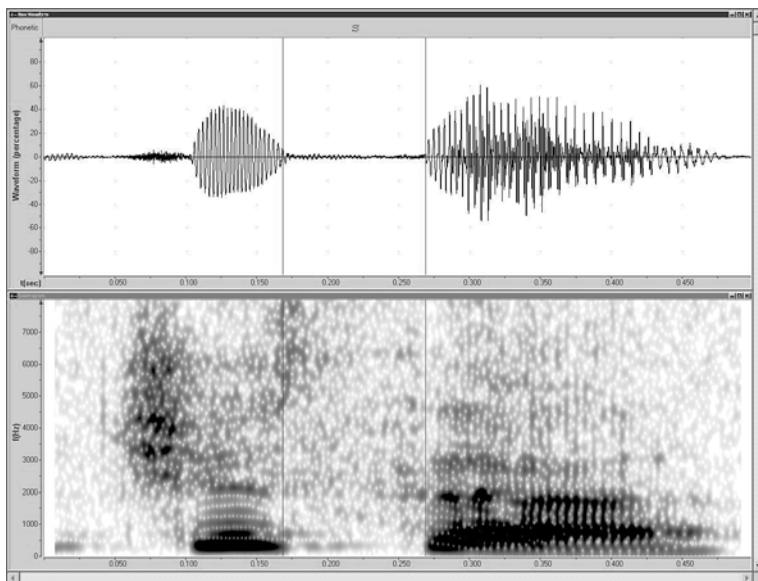

Рис. 1. часá (жен.)

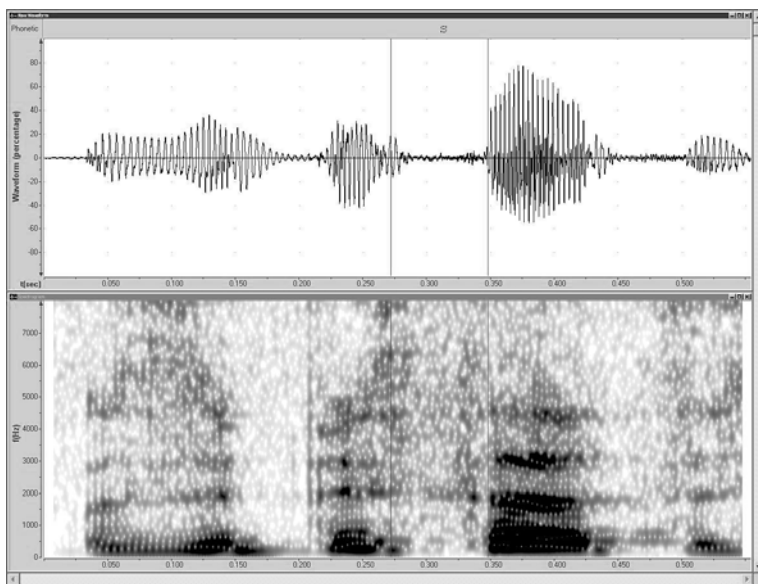

Рис. 2. записа́ться (жен.)

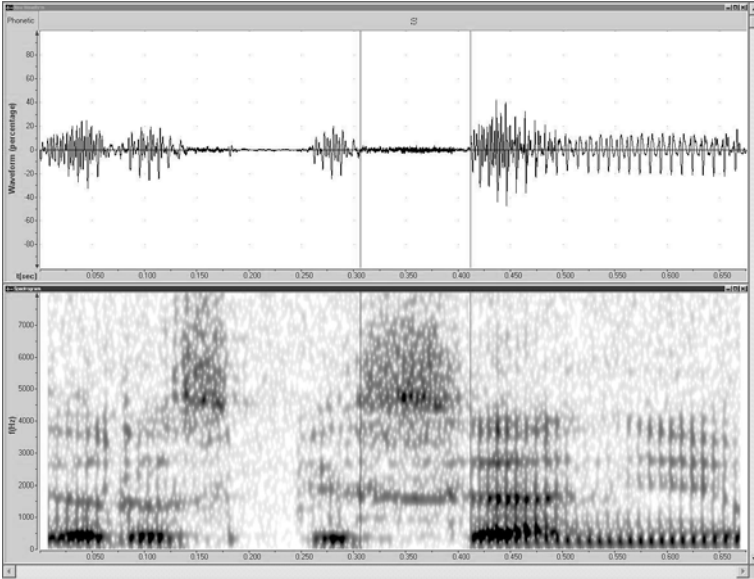

Рис. 3. и расписание (жен.)

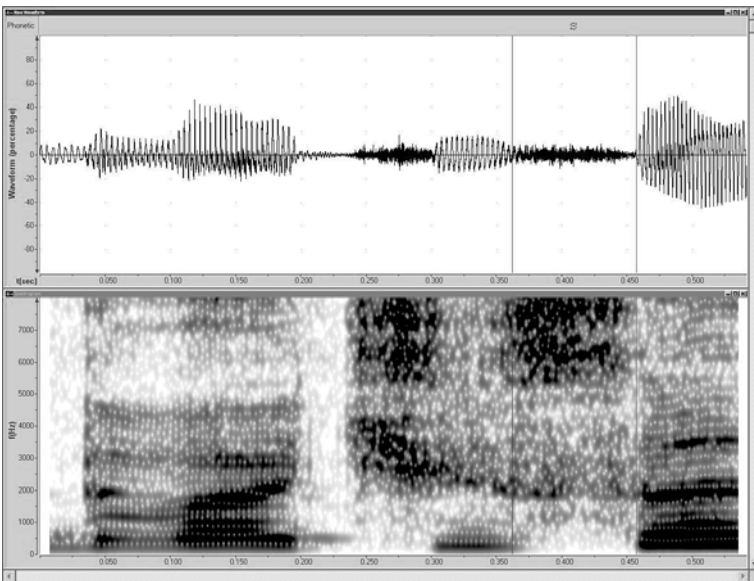

Рис. 4. два часа (жен.)

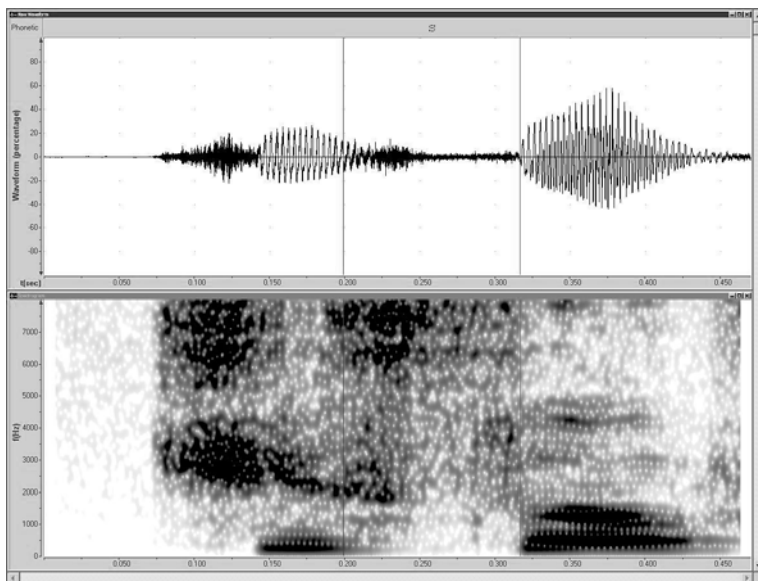

Рис. 5. часов (жен.)

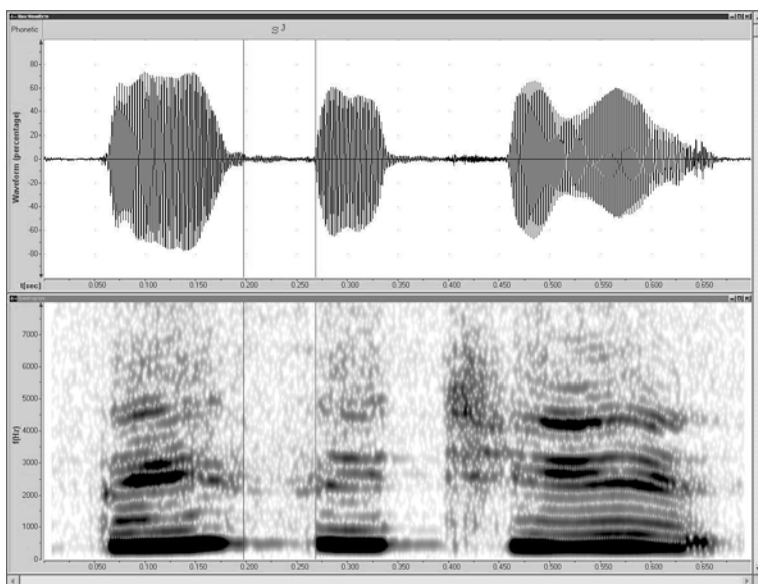

Рис. 6. тысячи (жен.)

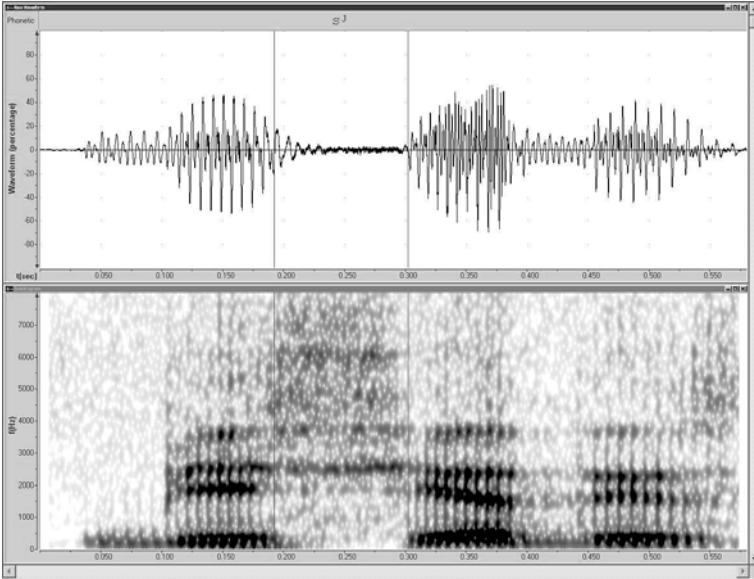

Рис. 7. беседы (муж.)

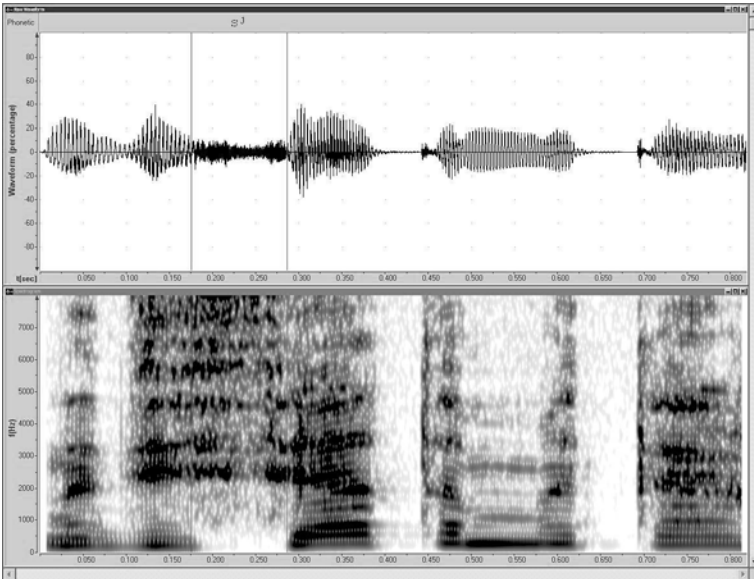

Рис. 8. на десятом (этаже) (жен.)

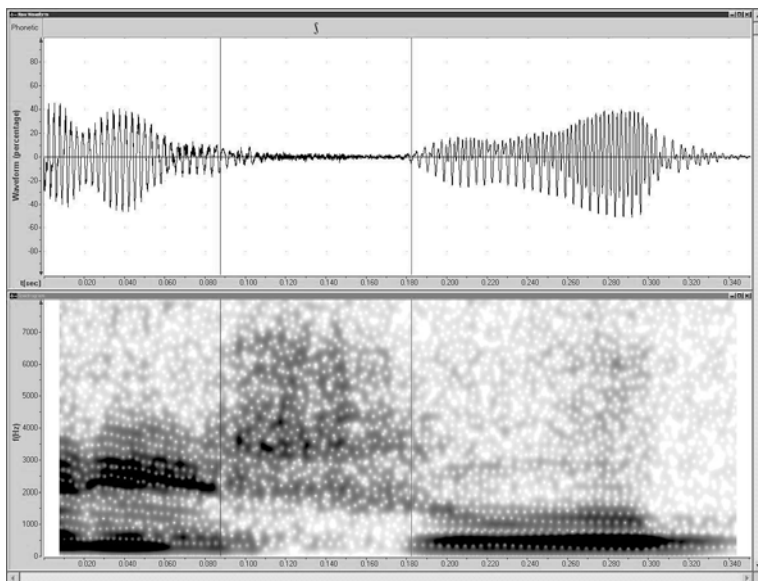

Рис. 9. решіла (жен.)

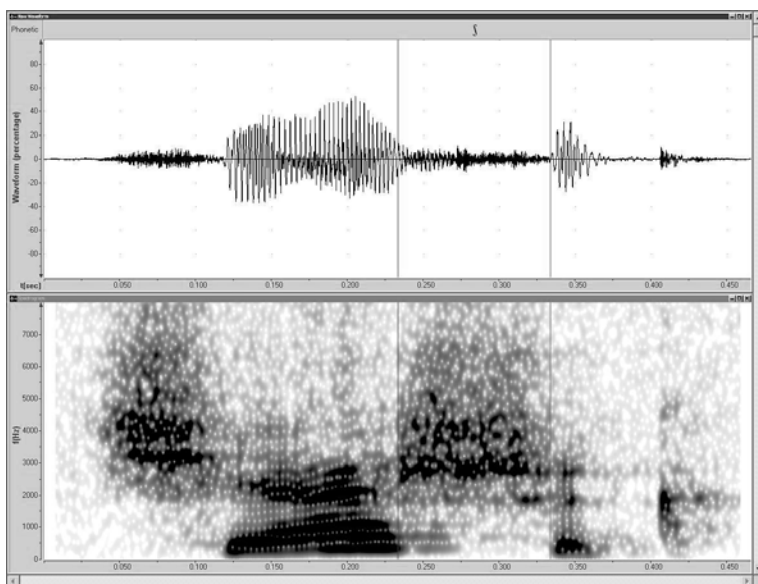

Рис.10. чашек (жен.)

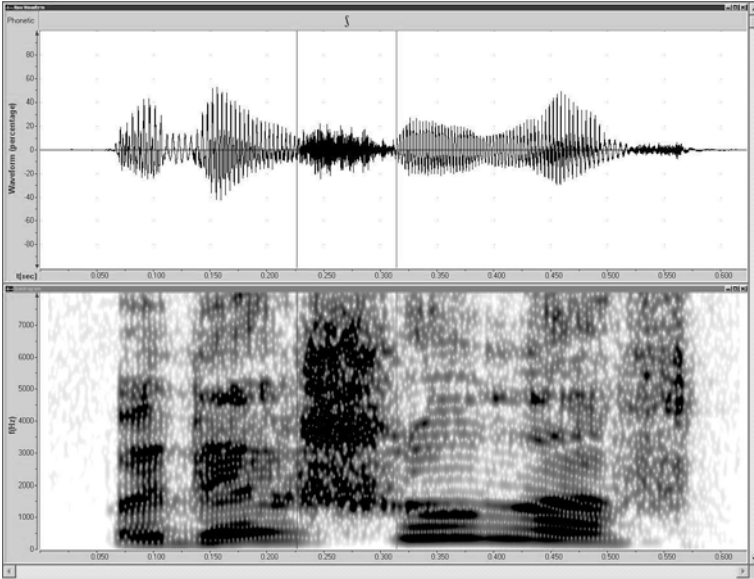

Рис. 11. подошёл (жен.)

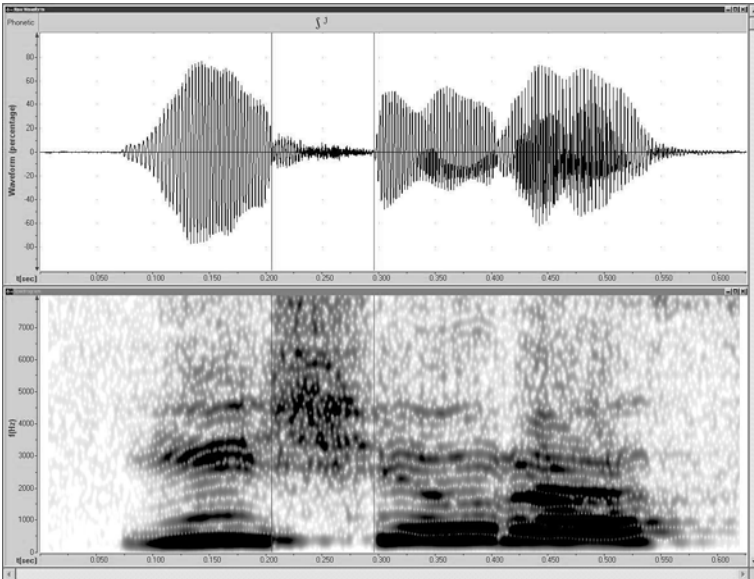

Рис. 12. ещё раз (жен.)

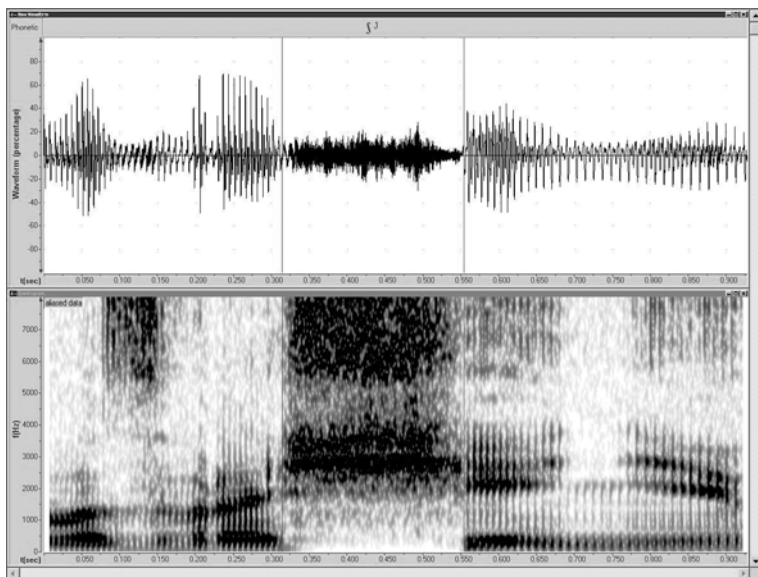

Рис. 13. возвращение (муж.)

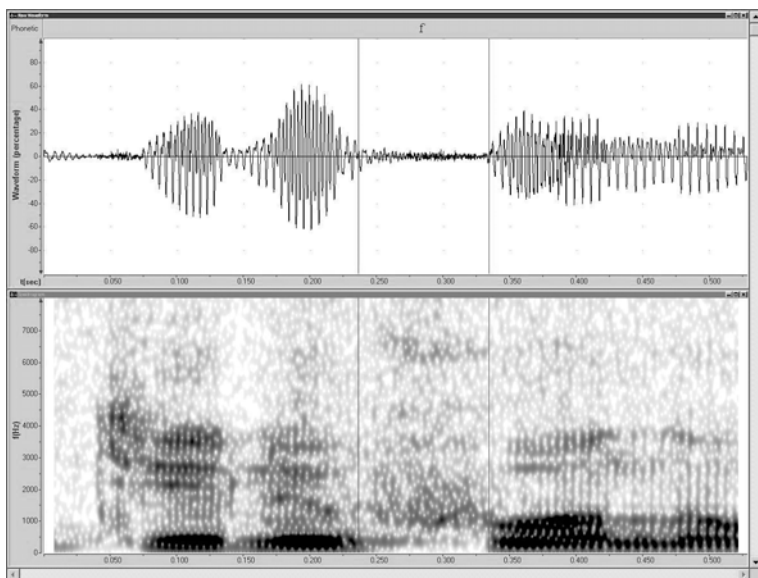

Рис. 14. телефону (муж.)

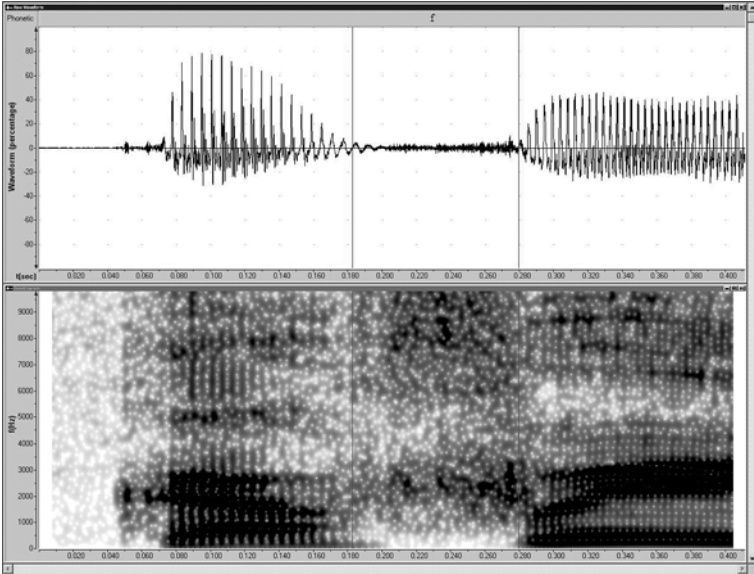

Рис. 15. кафе (жен.)

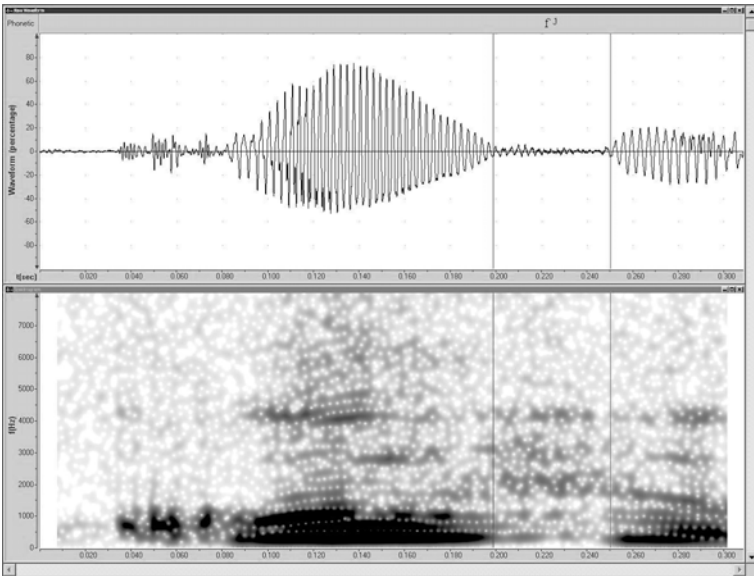

Рис. 16. кофе (жен.)

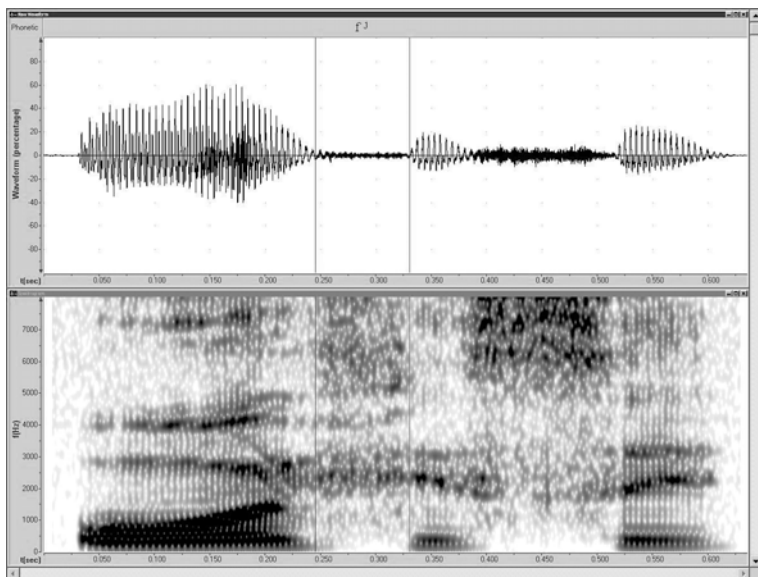

Рис. 17. офисы (жен.)

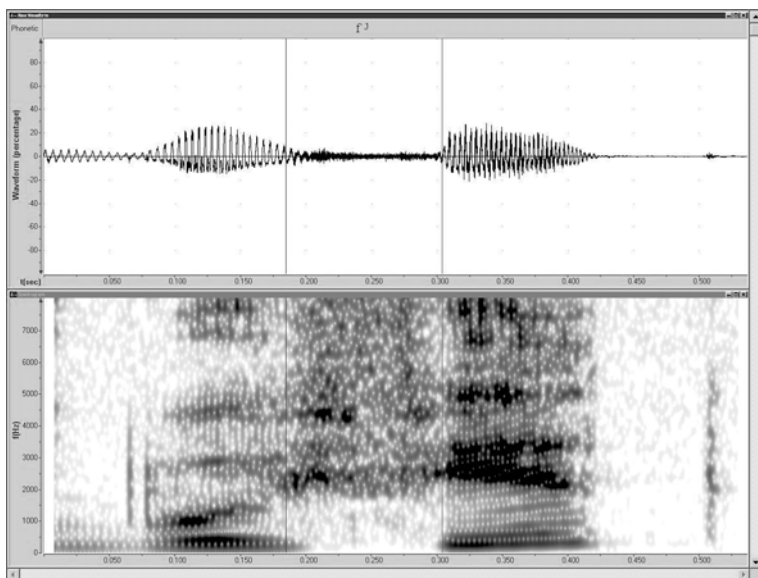

Рис. 18. буфёт (жен.)

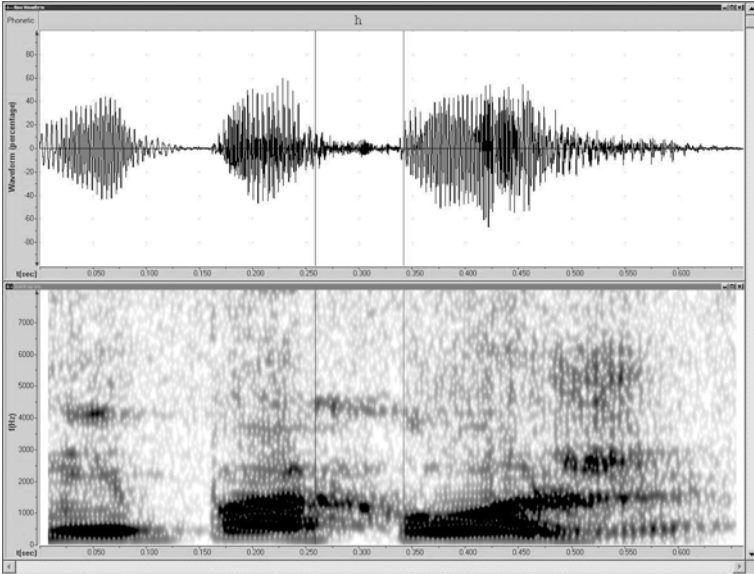

Рис. 19. не похоже (муж.)

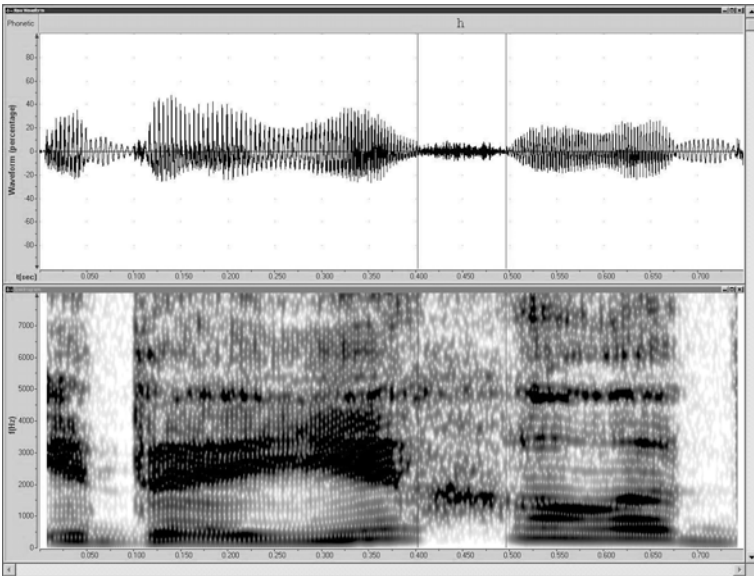

Рис. 20. и доехала (жен.)

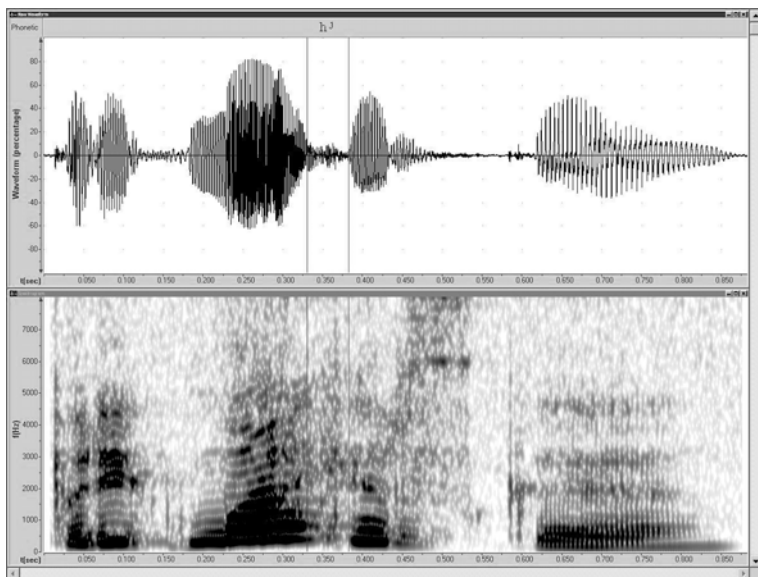

Рис. 21. парикмахерская (жен.)

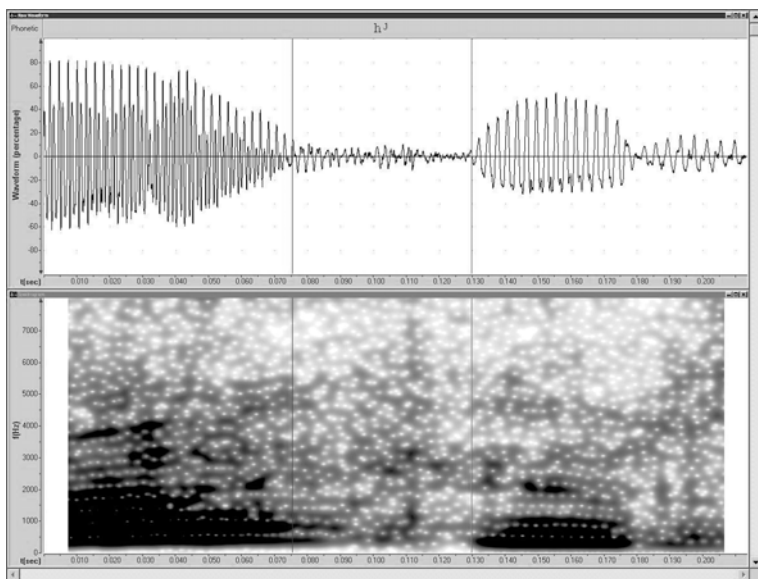

Рис. 21а. фрагмент слова парикмахерская

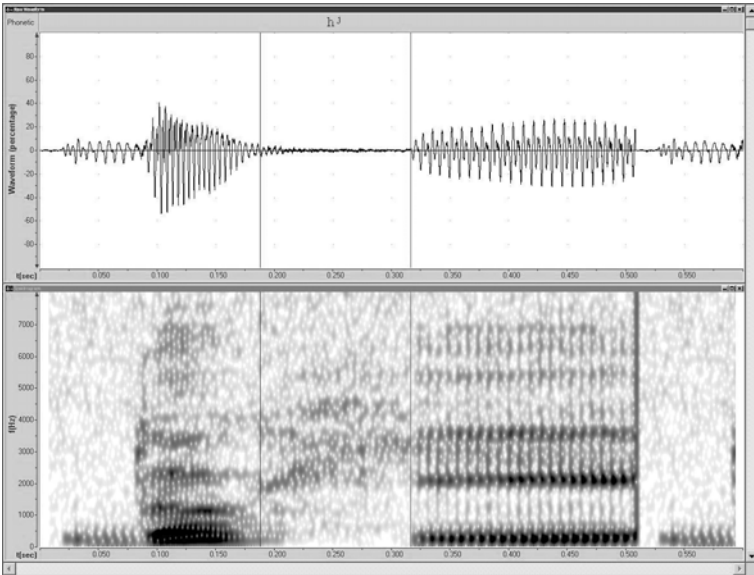

Рис. 22. духі (муж.)

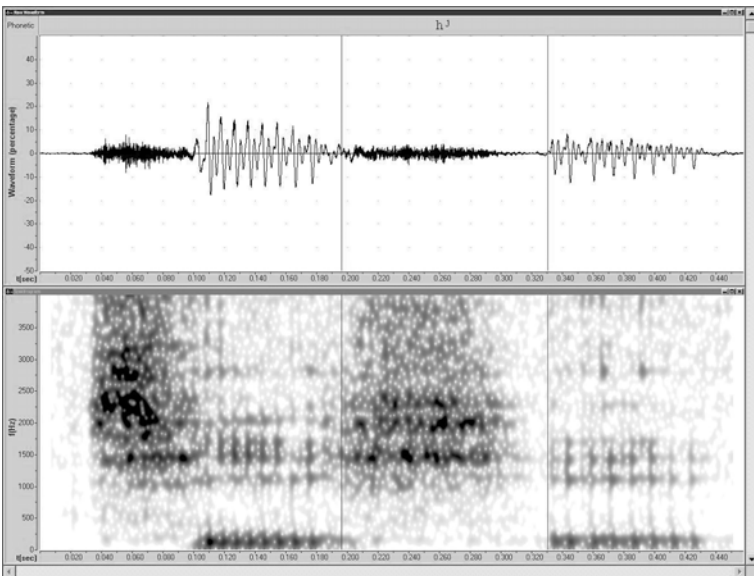

Рис. 23. тїхий (муж.)

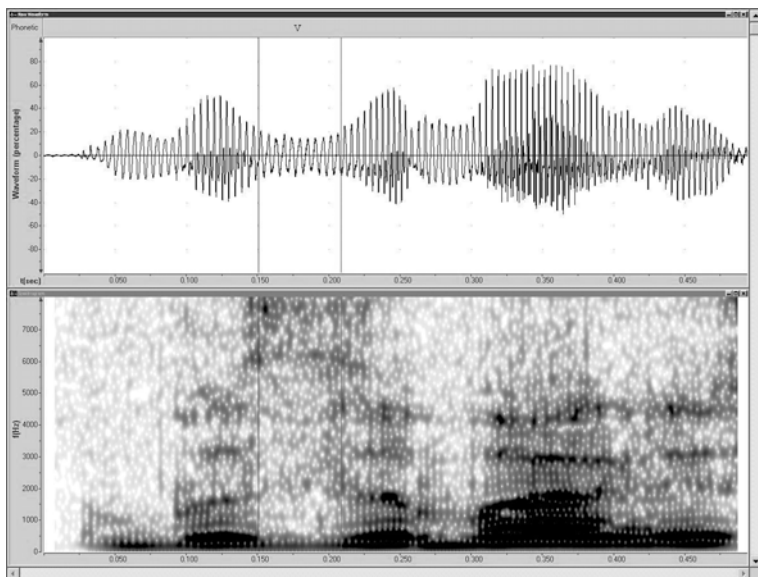

Рис. 24. вызывáли (жен.)

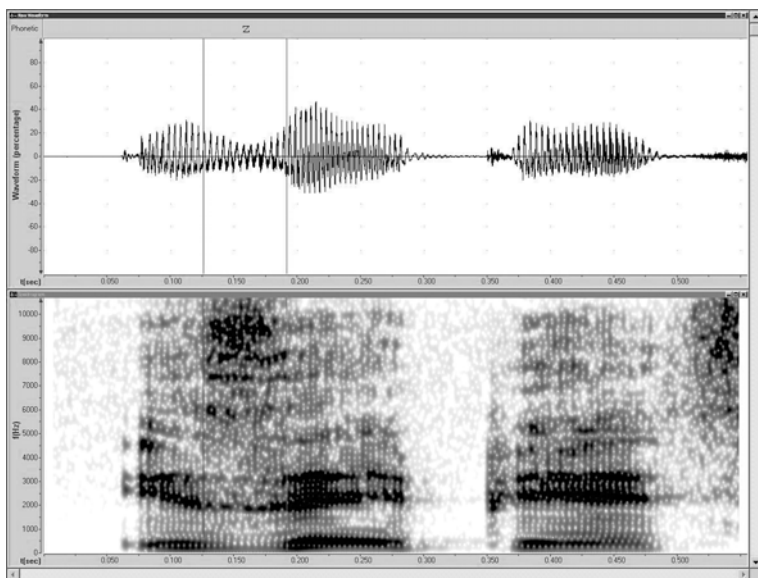

Рис. 25. и за пя́ть (жен.)

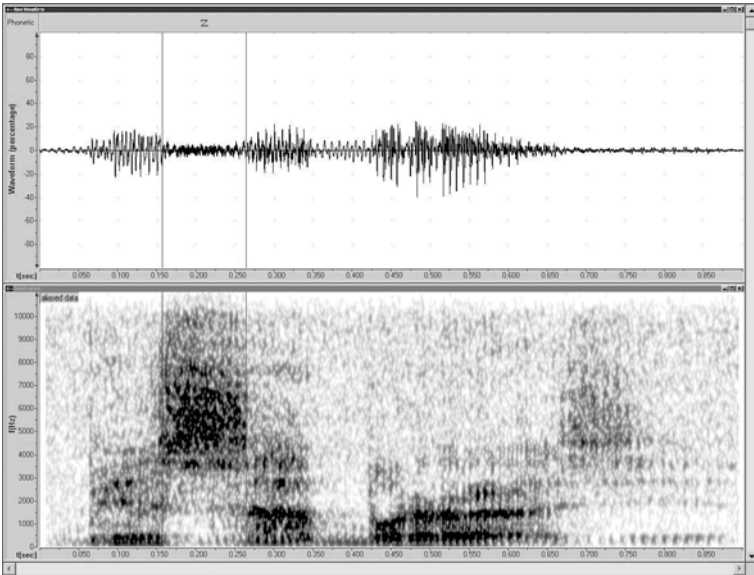

Рис. 26. безобразие (муж.)

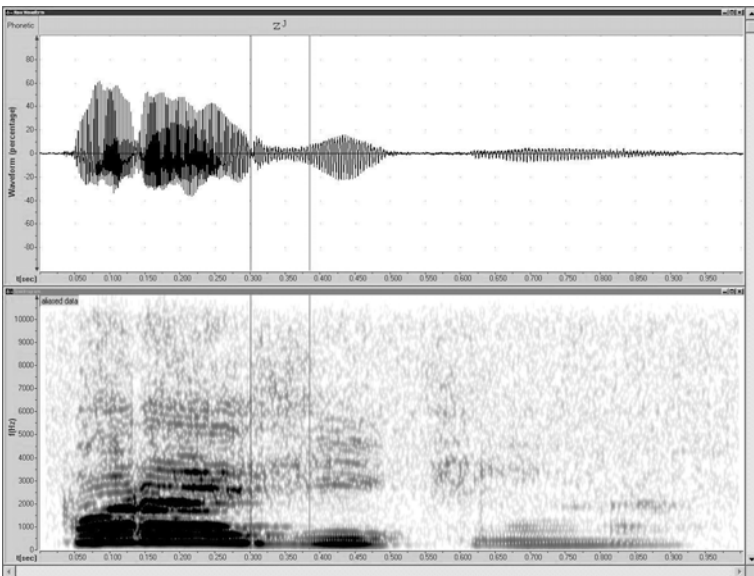

Рис. 27. поразительно (жен.)

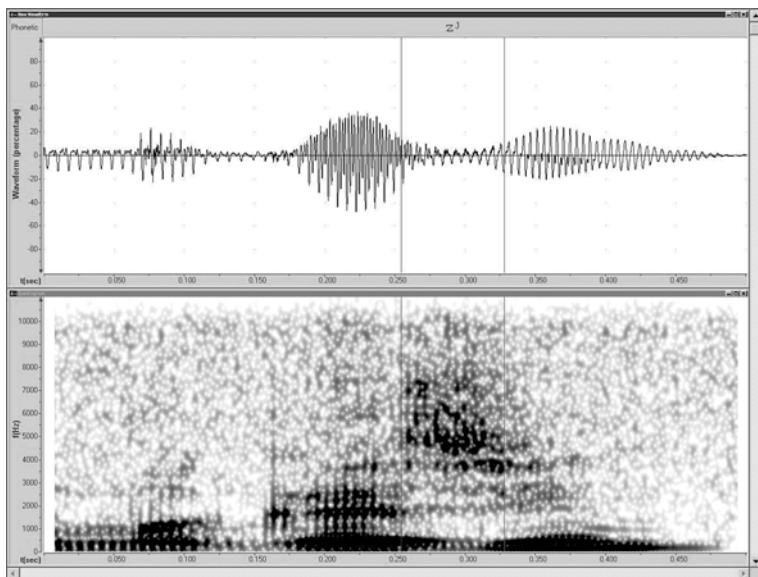

Рис. 28. магазин (жен.)

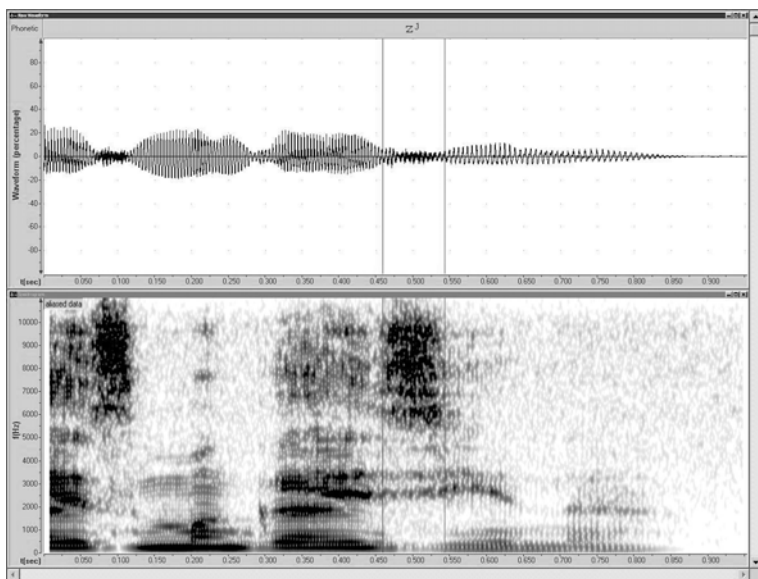

Рис. 29. из магазина (жен.)

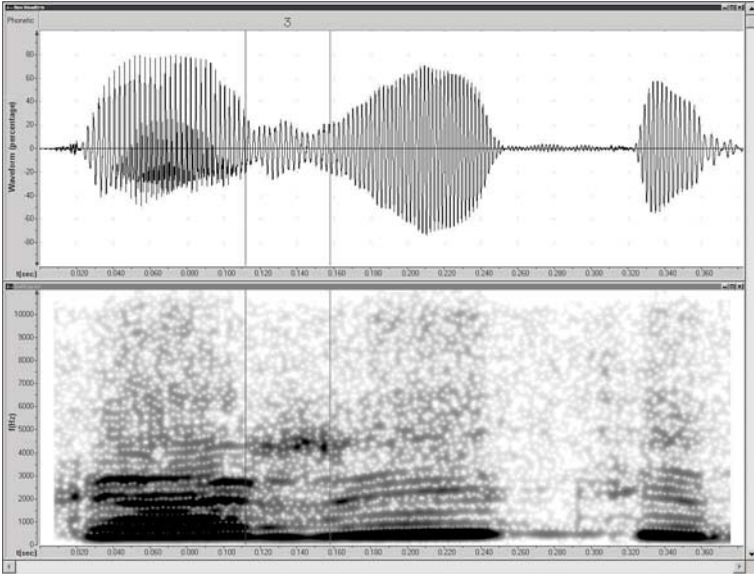

Рис. 30. скажите (жен.)

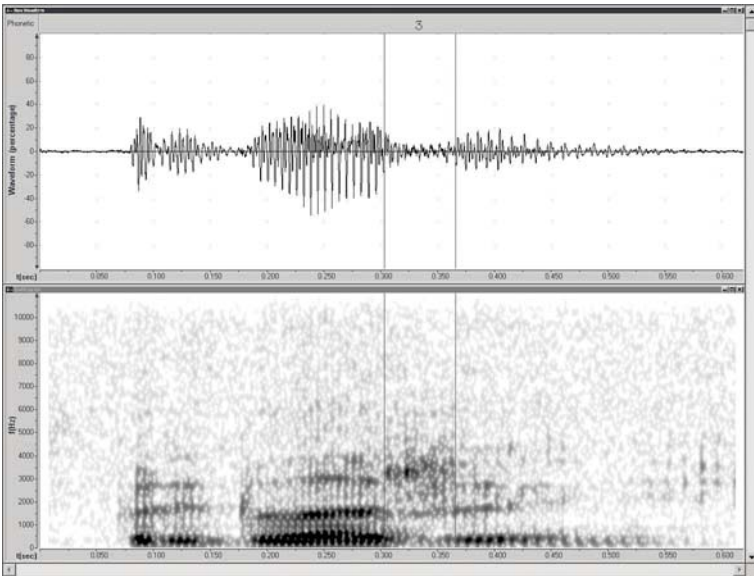

Рис. 31. предложение (муж.)

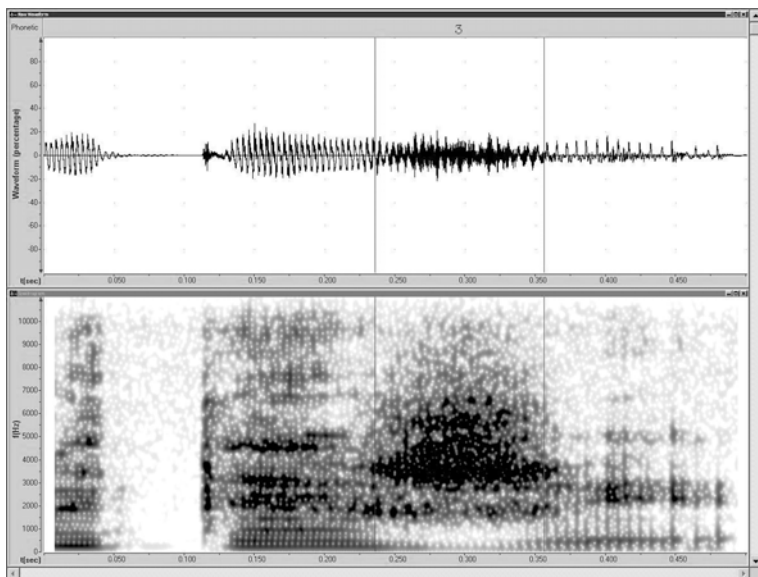

Рис. 32. (на десятом) этажэ (жен.)

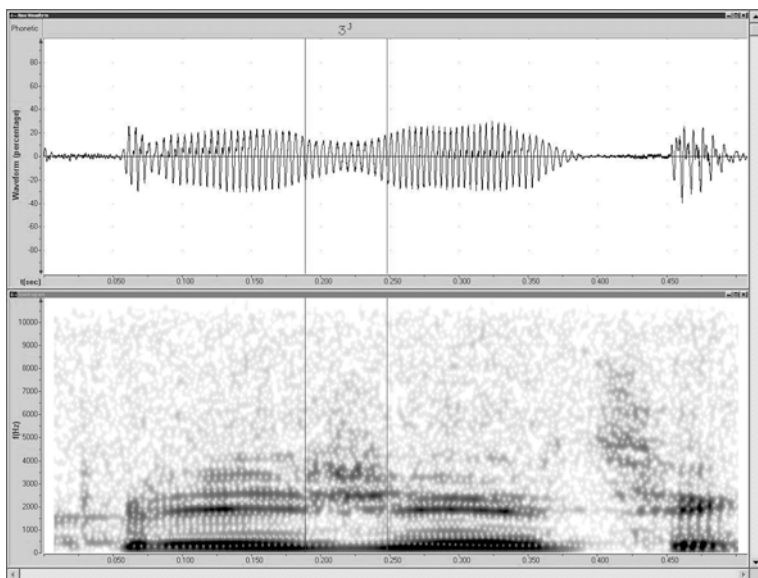

Рис. 33. приезжайте (муж.)

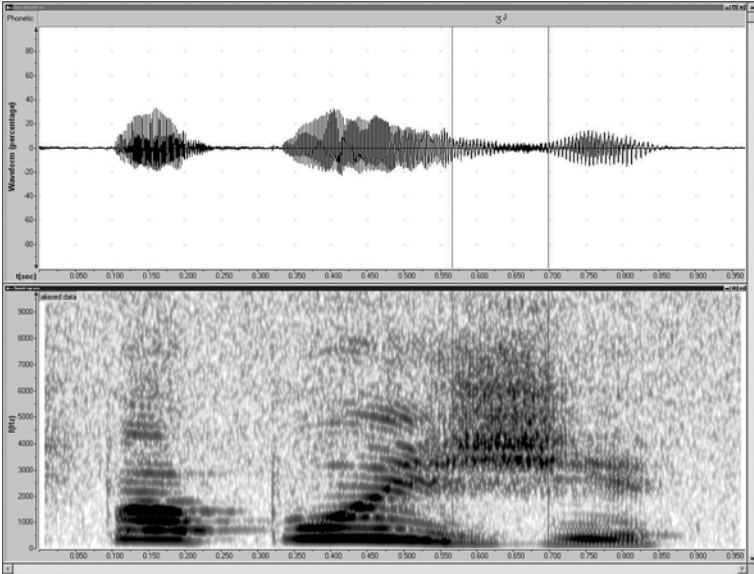

Рис. 34. попóзже (жен.)

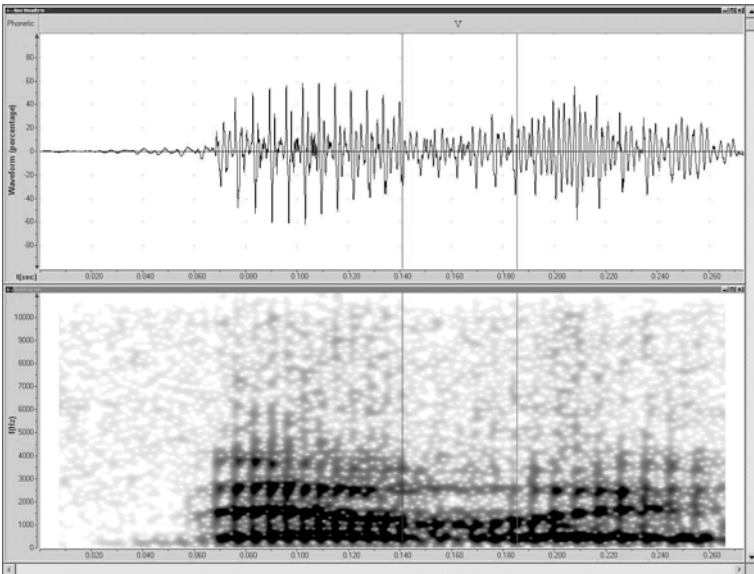

Рис. 35. дава́й (муж.)

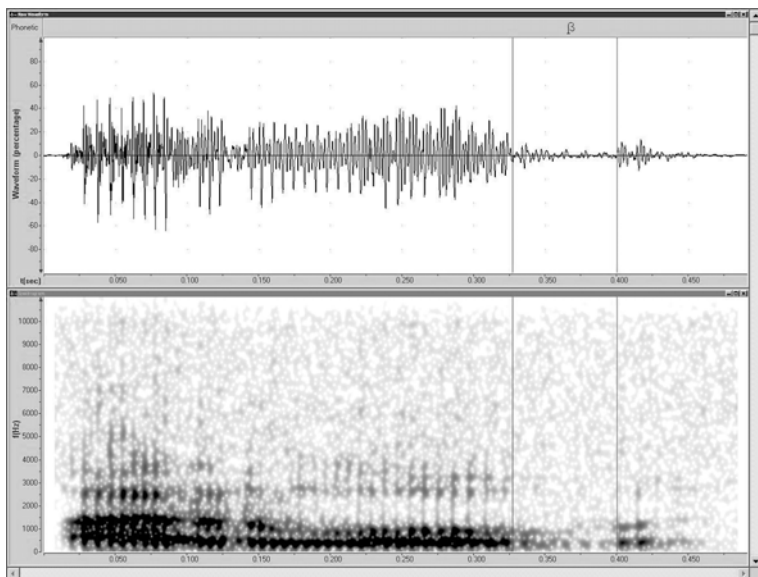

Рис. 36. Орло́вы (муж.)

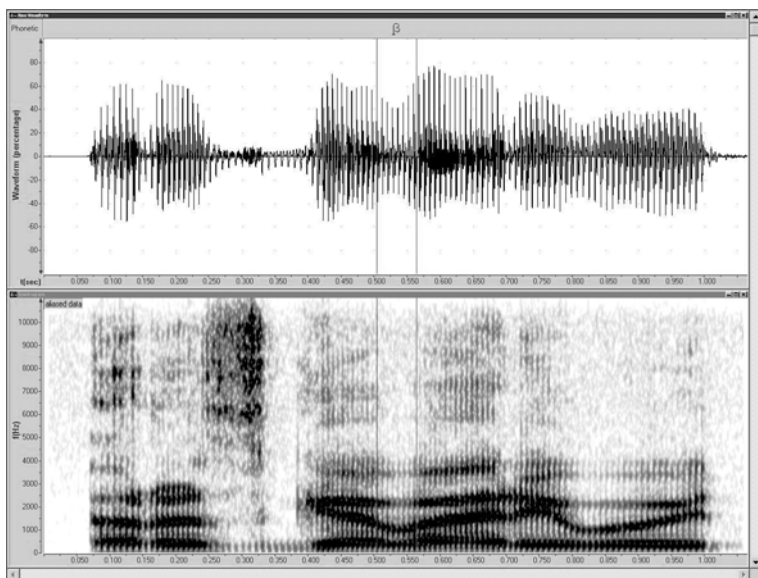

Рис. 37. разговáривают (муж.)

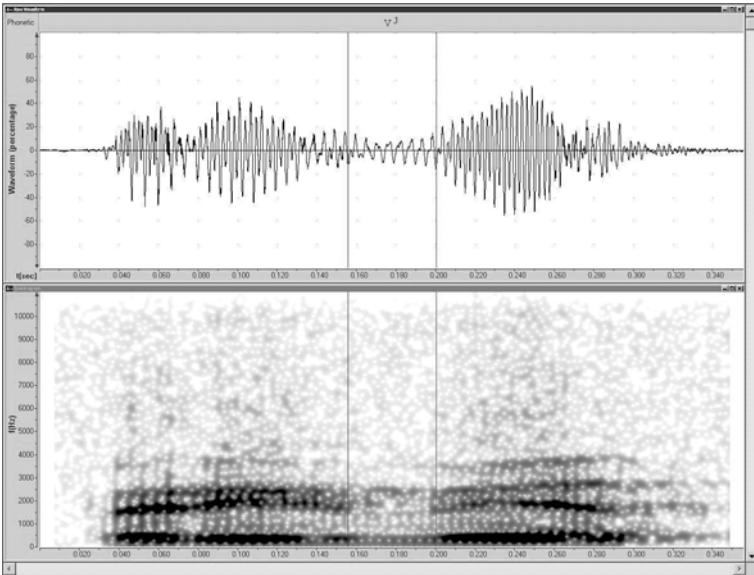

Рис. 38. привёт (муж.)

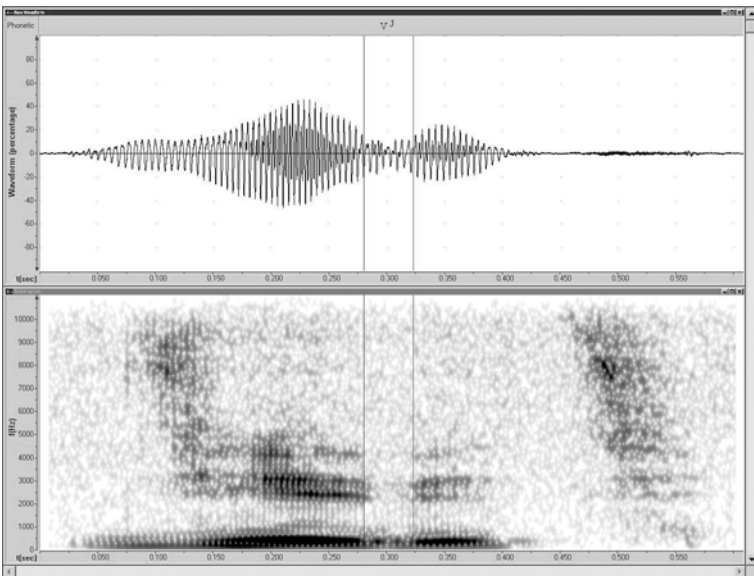

Рис. 39. девять (жен.)

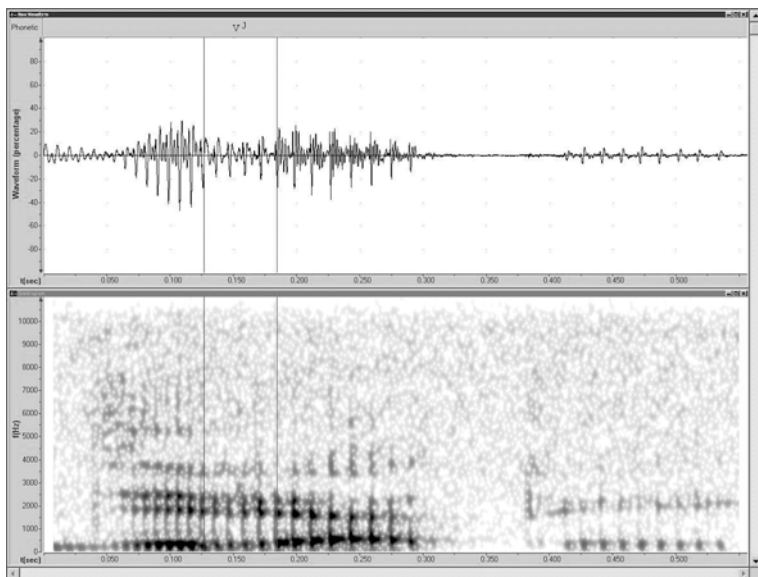

Рис. 40. девятый (муж.)

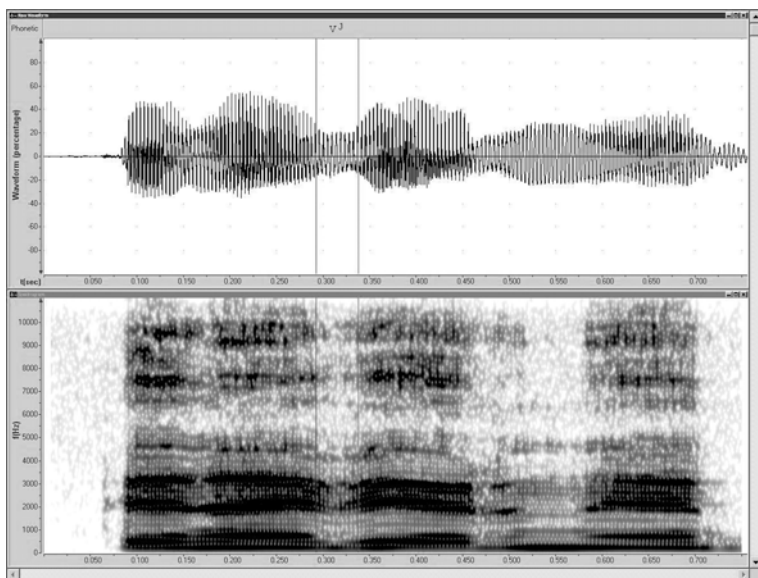

Рис. 41. ты, навёрное (жен.)

Акустические сценарии интервокальных сонорных в литературном русском языке

Полученные при обработке текста примеры интервокального произнесения сонорных (их общее число — 164) приводятся в таблицах. Описать акустическую динамику сонорных с помощью единообразной таблицы не удастся в виду различной фонетической природы разных классов этих звуков.

Результаты по каждому звуку представлены в отдельных разделах таблицы. Для [л], [н], [м] и их мягких пар имеется поле *Огибающая интенсивности*, в котором дается характеристика амплитудной динамики звука. Для [р] существует поле *Качество квазистационарной части*, которое отражает вокализованный, консонантизованный или нейтральный варианты этого звука. Для [j] соответствующее поле называется *Характеристика квазистационарной части*. Она может принимать следующие значения: нейтральная (полная реализация звука), глайдовая (ослабленная реализация), и нулевая (йот отсутствует). Общее для всех сонорных поле *Вокалические переходы* принимает три значения: плавный, нейтральный и резкий (см. предыдущие разделы **Смычные** [Кодзасов, Щигель 2007] и **Фрикативные**). Другим общим для всех звуков полем является *Другие характеристики*, в котором отмечаются некоторые просодические характеристики отдельных примеров. Последним полем является *Длительность*, которая отсутствует лишь в разделе [j] в виду трудности определения границ этого сегмента.

Порядок изложения соответствует общепринятому разделению сонорных на подклассы: плавные ([л], [л'], [р], [р']), носовые ([м], [м'], [н], [н'] и [j]).

Среди проанализированных примеров наиболее явно выделяется класс «плавных» реализаций интервокального [л]: здесь амплитуда предшествующего и последующего гласного плавно переходит в примыкающие компоненты [л]. Характерна также высокая степень слитности формантной картины таких комплексов. Её демонстрируют слова *делать* (рис. 2), *неполадки* (рис. 4), *около* (рис. 5), *деловой* (рис. 6). Однако таких случаев немного. Чаще встречаются случаи, когда плавность перехода наблюдается с одной стороны. Примеры несимметричных переходов: *диалоги* (рис. 3), *золотой* (рис. 7), *подняла* (рис. 8), *позвонила* (рис. 9) *вокзалов* (рис. 10). Особый случай представлен словом *была* (рис. 1). Здесь при плавности переходов наблюдается амплитудный провал в центре сонорного.

В материале имеется много примеров большей консонантизации [л], которая проявляется в менее плавных стыках с соседними гласными и в меньшей амплитуде сонорного (*голос* (рис. 11), *желаю* (рис. 13), *желательно* (рис. 14)). Интересно отметить наличие начального ступенчатого перехода в отдельных словах, например, *желаю*.

Специально хотим отметить разную огласовку положительной и отрицательной форм от глагола *узнать*. В примере *не узнала* (рис. 12) наблюдаем консонантизованный вариант [л] с плавным левым переходом, сонограмма и осциллограмма показывают ясную границу между гласными и [л]. Положительная форма глагола, напротив, содержит вокализованный вариант [л].

В слове *билета* (рис. 16) в ударном слоге наблюдается удвоение начальнослогового [л'] и даже утроение ударного [е]. По-видимому, такое эмфатическое произнесение связано с прагматической ситуацией заказа билета по телефону.

Плавное произнесение слова *вылет* (рис. 17) проявляется в характере вокалических переходов и в небольшой длительности [л']. Как и в предыдущем примере, в слове *накупили* (рис. 20) мы наблюдаем плавные переходы и вокализованность сонорного. На сонограмме слова *популярных* (рис. 22) хорошо видна непрерывность вокалических треков для [л'] и прилегающих гласных, что отражает вокализованность сонорного. Это, однако, не создаёт проблем при сегментации, поскольку амплитудные различия звуков на осциллограмме очевидны. Такова же ситуация с формой *в милицию* (рис. 18).

Слово *самолёты* (рис. 15) является «рубленным», все сегменты разделены. Ударный гласный распадается на две моры. Подобный же пример «рубленности» произнесения, представляет собой слово *аннулировали* (рис. 23), в котором, несмотря на наличие нескольких сонорных, проблем с сегментацией не возникает. Интересно сравнить это слово с сочетанием *два нуля* (рис. 19), в котором плавность переходов между звуками затрудняет сегментацию.

В примере *телефону* (рис. 21) [л'] имеет восходящую интенсивность, причем восхождение продолжается на последующем гласном; этому соответствует различие типов переходов: первый переход (от гласного в сонорному) — резкий, второй (от сонорному к гласному) — плавный. Ударный гласный здесь двуморовый.

Наибольшим количеством примеров представлено нейтральное произношение [р] как одноударного сонанта (*набираем* (рис. 27), *скоро* (рис. 28), *сорок* (рис. 29)). Среди всех примеров [р] в ударных слогах встретилось только два случая двухударного произнесения:

гораздо (рис. 24) и *второй* (рис. 31). Двухударность [p] свидетельствует об усилении артикуляции этого звука и приближению его к классу шумных. Наши наблюдения подтверждают вывод Р. Ф. Касаткиной о необычности многоударных вибрантов в литературном произношении [Касаткина 2000].

Вокализованному [p] свойственна наименьшая длительность (один — два периода), напр., *квартира* (рис. 25), *хорошо* (рис. 26), *сторонь* (рис. 30). Эти данные полностью соответствуют описанию подобных реализации в упомянутой выше статье Р. Ф. Касаткиной.

В нашем материале отсутствуют случаи оглушения конечного [p] в словах типа *метр*, *монстр*. В использованных примерах также отсутствуют случаи раскатистого произнесения [p], при которых возникает проблема трактовки [p] как сонорного или шумного.

В случае [p] в звуковой волне происходит сложение вибрации кончика языка и вибрации голосовых связок, что затрудняет интерпретацию формы звуковой волны в осциллограмме. В случае [p'] эта трудность отчасти нивелируется за счёт увеличения площади примыкания и, тем самым, большей консонантизации звука. Однако, в целом, проблема измерения длительности вибрантов и описания их артикуляционной динамики нуждается в дальнейшем изучении. Разнообразие реализаций вибрантов в разных языках мира, а также многообразие исторического развития их палатализованных вариантов (в частности, в славянских языках) говорит о необходимости специальных типологических исследований, посвященных этой проблематике. О реализации вибрантов в русских диалектах см. [Касаткина 2004].

Приведем теперь наиболее яркие случаи особых реализаций [p'] в нашем материале.

В качестве примеров вокализованного произнесения [p'] можно предложить слова *утеряно* (рис. 34), *коридор* (рис. 33) и *через* (рис. 32).

Хорошим примером консонантизованного варианта служит слово *Варя* (рис. 35), в котором на [p'] нарушается периодичность звуковой волны.

Впрочем, нужно отметить наличие нерегулярной структуры звуковой волны и случае твердого [p] (напр., двухударные *гораздо* (рис. 24) и *второй* (рис. 31)).

Эти примеры указывают на необходимость продолжения детального исследования русских вибрантов.

Перейдем теперь к анализу результатов исследования интервального [m]. Большинство акустических графиков позволяет легко

отделить [м] от соседних гласных как по амплитуде, так и по спектру (см. особенно *ГУМа* (рис. 36), *нет дома* (рис. 40), *сама* (рис. 41) и др.). Огибающая интенсивности на [м], как правило, ровная, что показывает относительно небольшую степень коартикуляции [м] с соседними гласными. Исключением является слово *по-какому* (рис. 38), где высока степень коартикуляции [м] с последующим гласным, и *моя мама* (рис. 39), где второе [м] имеет восходяще-нисходящую конфигурацию.

В целом для интервокального [м] характерны как симметричные, так и несимметричные переходы, причем с разной степенью плавности и резкости. Так слова *ему* (рис. 37), *знакомый* (рис. 43) имеют плавные переходы, слово *с мамой* (рис. 42) — резкие переходы. Наибольшую степень слияния мы находим в слове *по-какому*, где трудно определить границу между сегментами. Слова *ГУМа*, *моя мама* (оба [м]), *сама* имеют плавное завершение предшествующего гласного и резкое начало последующего.

Динамика сонограмм [м] обычно соответствует динамике звуковой волны. Исключением является слово *сама*, где при подобию формантной картины имеется разрыв в осциллограмме. С другой стороны, нерасчленённости осциллограммы соответствует близость формантной структуры звуков окончания (*по-какому*).

Таким образом, наблюдается естественная тенденция к соответствию аэродинамических и акустических процессов.

Примеры на [м'] позволяют увидеть интересную зависимость формантной структуры сонорного от способа его произношения. Так, в словах *имя* (рис. 44) и *номер* (рис. 46) наблюдается высокая степень вокализации сонорного, которая приводит к распространению назального тембра на соседние гласные. В то же время, в слове *немедленно* (рис. 45), произнесенном с эмфазой, наблюдается практическое отсутствие спектра палатализации. Сходную спектральную реализацию [м'] мы находим в примере *химия и жизнь* (рис. 47).

В нашем материале представлены как консонантизированные, так и вокализованные варианты [н]. Причем степень консонантизации или вокализации трудно объяснить контекстными условиями.

Для консонантизированных вариантов характерны резкие стыки с соседними гласными. Яркие примеры таких случаев дают слова *начинай*, *у Анатолия*, *ненадолго* (рис. 50, 51, 53). Границы всех сегментов в этих словах четко видны.

Гораздо меньшую степень выраженности границ [н] мы наблюдаем в словах *минутку* и *она* (рис. 49 и 52), что говорит о большей вокализованности сонорного.

В то же время в словосочетании *Яна и Татьяна* (рис. 48) границы [н] хорошо видны на сонограмме, однако они не столь явны на осциллограмме. Обращает на себя внимание высокая амплитуда [н], сравнимая с амплитудой последующего [а].

Особый случай представлен на рис. 54 (*Елена*). Хорошо видно, что амплитуда [н] выше, чем амплитуда предшествующего ударного [е].

Относительно нейтральные варианты произнесения [н'] представлены на рис. 60 и 61 (*заниматься* и *Женя*). Хорошо видны амплитудные провалы на стационарных частях сонорных, при том, что их границы ясно определяются по сонограммам. Менее типичный случай даёт пример в *гостинице* (рис. 59). Здесь [н'] распадается на две части: более громкую и менее громкую.

Другой необычный случай представлен словом *позвони* (рис. 58), где амплитуда сонорного выше, чем амплитуда конечного ударного [и].

Ещё более высокую амплитуду [н'] мы находим в слове *поняла* (рис. 57), где [н'] по амплитуде превышает соседние гласные.

Однако есть и другой способ произнесения слова *поняла* (рис. 56) — в качестве своеобразного междометия подтверждения, для которого характерно небрежное произношение с сильным переслаиванием сегментов.

Слово *инженер* (рис. 55) в целом сильно назализовано в обычной речи. Причем границы между сегментами достаточно условны. При этом первое [н] в этом слове реализуется близко к глайду.

Условно примеры реализации йота можно разделить на три группы, хотя границы между ними достаточно неопределенны.

Первая группа объединяет примеры, в которых йот можно определить по формантным трекам и форме осциллограммы. В примере *не ели* (рис. 62) часть осциллограммы, относящаяся к [j], имеет заметно меньшую амплитуду, чем соседние вокалические сегменты. Явные спектральные отличия имеет также ударное [а] в примере *стоят* (рис. 68), где хорошо видно изменение движения второй и третьей форманты [а], соответственно, в более высокое и низкое положение. В слове *моя* (рис. 65) хорошо видно траекторию второй форманты, которая заметно поднимается от предшествующего йоту гласного, достигая 2000 Гц, а затем плавно опускается вниз, не достигая, однако, типичного для [а] положения.

Во второй группе примеров (*её* (рис. 63) и *рассказывает* (рис. 69)) [j] имеет явно выраженный глайдовый характер. Его длительность не превышает двух-трех периодов, а формантные изменения прилегающих гласных весьма незначительны.

В третьей группе [j] практически не выделяется как отдельный сегмент (*не знаю* (рис. 66), *соедините* (рис. 67)). Он выступает как кратковременная модификация прилегающего гласного по амплитуде и спектру. По нашим данным, такого рода реализация является очень типичной и составляет около половины приведенных в таблице примеров.

Детальное исследование акустических графиков (осциллограмм и сонограмм) русских сонорных подтверждает плодотворность гипотезы о наличии двух основных артикуляционных каналов: сегментного и просодического и о разной степени их активности при произнесении разных слов см. [Oehman 1996]. Доминанция вокалического канала ведет к вокализации сонорных, в отличие от консонантизации в случае доминанции канала консонантного. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с нейтральным модусом произнесения. В нашей таблице отражены наиболее яркие случаи доминанции вокалического или консонантного модуса.

Это разнообразие имеющихся реализаций сонорных предопределяется также и контекстными условиями: различием фразовой позиции, ритмической позиции в слове, соседством с разными вокалическими сегментами.

Как и в случае фрикативных, для решения возникающих здесь проблем нельзя обойтись без детального анализа влияния фразовых просодических условий на реализацию сонорных.

Таблица сонорных

№ п/п	Л	Огибающая интенсивности	Вокалические переходы		Другие характеристики	Длительность шума в мс	Номер рис.
			лев	прав			
1	быЛа	нисх/восх	пл	пл		54	Рис. 1
2	деЛать	ровн/нисх	нтр?	пл		40	Рис. 2
3	диаЛоги	нисх	нтр	нтр		70	Рис. 3
4	деЛо (в том)	нисх/восх	нтр	нтр	два компонента Л	24	
5	заболеЛа	динамическая неравномерность	рз	нтр		48	
6	напоЛадки	ровн	пл	пл		43	Рис. 4
7	окоЛо	ровн	пл	пл		37	Рис. 5
8	деловой	слабо восх	нтр	пл	спектрально границы выражены, амплитудно — нет, перелом второй форманты	56	Рис. 6
9	зоЛотой	ровн	пл	рз		55	Рис. 7
10	поЛучай	ровн	пл	пл		50	
11	подняЛа	нисх	пл	рз		53	Рис. 8
12	позвониЛа	ровн	нтр	нтр		54	Рис. 9
13	узнаЛа	нисх	пл	нтр		38	
14	вокзаЛов	нисх	пл	нтр		52	Рис. 10
15	цеЛует	нисх/восх	нтр+ст	пл		46	
16	до начаЛа	нисх	пл	пл		35	
17	гоЛос	нисх	нтр	нтр		46	Рис. 11
18	не узнаЛа	ровн	рз	нтр	резкость перехода к сонорному, возм., объясняется глоттализацией	62	Рис. 12
19	жеЛаю	восх/нисх	нтр	рз	два компонента Л	56	Рис. 13
20	жеЛательно	восх/нисх	пл	нтр		60	Рис. 14

№ п/п	Л'	Огибающая интенсивности	Вокалические переходы		Другие характеристики	Длительность шума в мс	Номер рис.
			лев	прав			
21	самоЛёт	ровн	нтр	нтр		42	Рис. 15
22	биЛета	2 восх/нисх	рз	пл	два компонента Л	64	Рис. 16
23	забоЛела	ровн	рз	пл		37	
24	выЛет	нисх/восх	пл	пл		33	Рис. 17
25	в миЛицию	ровн	пл	пл		68	Рис. 18
26	два нуЛЯ	восх/нисх	пл+ст	пл	на переходе от Л к А нарушение периодичности	61	Рис. 19
27	накупиЛи	нисх/восх	нтр	нтр		55	Рис. 20.
28	купиЛи	нисх/восх	пл	пл		38	
29	биЛета	ровн	пл	пл		40	
30	недеЛе	нисх	рз	пл		62	
31	поЛёт	ровн	пл	нтр		51	
32	теЛефону	восх	рз	пл		39	Рис. 21
33	попуЛЯрных	восх/нисх	нтр	нтр		49	Рис. 22
34	аннуЛиРовать	восх/нисх	нтр	нтр		56	Рис. 23
35	июЛЯ	ровн	нтр	нтр		49	
36	даЛеко	ровн	нтр	нтр		40	

№ п/п	Р	Огибающая интенсивности	Вокалические переходы		Другие характеристики	Длительность шума в мс	Номер рис.
			лев	прав			
37	бюРо	вок	рз	рз		32	Рис. 15
38	на доРогу	нтр	рз	нтр		38	Рис. 16
39	гоРаздо	конс	рз	рз		37	
40	гоРодá	вок	нтр	нтр		23	
41	гоРу	нтр	нтр	нтр		20	
42	а там ИРа	нтр	нтр	нтр	глайд	27	
43	квартиРа	вок	нтр	пл	глайдовый переход		
44	квартиРу	вок	нтр	пл		20	
45	хоРоший	вок	пл	пл		20	
46	набиРаем	нтр	рз	нтр		17	
47	озеРо	нтр	нтр	пл		33	
48	поРучено	конс	рз	рз		27	
49	на семи-Нарах	вок	пл	пл		20	
50	скоРо (ужин)	нтр	рз	пл		20	
51	соРок	нтр	пл	пл		12	
52	стаРые	нтр	нтр	нтр		19	
53	стоРоне	вок	нтр	нтр		15	
54	стоРонЫ	вок	нтр	нтр		19	
55	вчеРа	нтр	нтр	пл		22	
56	ВеРа	нтр	рз	нтр		25	
57	втоРой	конс	рз	рз		22	
58	хоРоший	нтр	ст	нтр		11	
59	хоРошо	конс	рз	нтр		22	
60	здоРовый	нтр	нтр	нтр		16	

№ п/п	Р'	Огибающая интенсив- ности	Вокаличе- ские переходы		Другие характери- стики	Длитель ность шума в мс	Номер рис.
			лев	прав			
61	аудиТоРия	нтр	нтр	пл		12	
62	благодаРю	нтр	нтр	нтр		20	
63	чеРез	вок	пл	пл		20	Рис. 32
64	четыРе	нтр	пл	пл		25	
65	диРектора	нтр	пл	нтр		16	
66	говоРить	нтр	рз	пл		20	
67	поговоРи	нтр	рз	нтр		20	
68	интеРесная	нтр	пл	пл		10	
69	интеРесная	нтр	пл	пл		21	
70	каРие	вок	пл	пл		22	
71	коРидор	вок	пл	рз		18	Рис. 33
72	в квартаРи	вок	пл	пл		19	
73	МаРина	нтр	нтр	пл		20	
74	моРе	нтр	пл	пл		17	
75	пеРеехали	вок	пл	нтр		11	
76	поРядке	нтр	нтр	нтр		14	
77	сеРенаду	вок	пл	пл		10	
78	товаРищ	нтр	нтр	нтр		9	
79	утеРяно	вок	пл	пл		24	Рис. 34
80	ВаРя	нтр	рз	рз		27	Рис. 35
81	в поРядке	нтр	нтр	пл		16	
82	бюро Ре- монта	нтр	рз	нтр		34	

№ п/п	М	Огибающая интенсивности	Вокалические переходы		Другие характеристики	Длительность шума в мс	Номер рис.
			лев	прав			
83	дуМали	2 фазы	нтр	нтр	диафрагменный толчок в конце второго гласного	55	
84	ГУМа	ровн	пл	рз	усиление первого гласного в конце	58	Рис. 36
85	еМу	ровн	пл	нтр		77	Рис. 37
86	по-какоМу	восх/нисх	пл	пл	плавное слово, высокая амплитуда М	75	Рис. 38
87	моя Мама	ровн	пл	рз	первое А имеет резкое начало и резкий конец	120	
88	моя маМа	восх/нисх	рз	нтр		79	Рис. 39
89	нет доМа?	ровн	пл	нтр		79	Рис. 40
90	по-Моему	ровн	рз	пл		65	
91	поМочь	ровн	нтр	нтр		68	
92	пониМаю	ровн	нтр	рз		88	
93	саМа	ровн	пл	рз		50	Рис. 41
94	с маМой	восх/нисх	рз	рз		53	Рис. 42
95	знакоМый	восх/нисх	пл	пл	плавное слово	54	Рис. 43
96	по-моеМу	нисх	пл	нтр		38	
97	по-моеМу	нисх	нтр	нтр	диафрагменный толчок в конце второго гласного	55	

№ п/п	М'	Огибающая интенсивности	Вокалические переходы		Другие характеристики	Длительность шума в мс	Номер рис.
			лев	прав			
98	иМя	восх/нисх	пл	пл		58	Рис. 44
99	фаМилия	ровн	пл	пл		62	
101	неМедленно	нисх	нтр	рз		135	Рис. 45
102	ноМер	восх/нисх	нтр	рз		60	
103	ноМер	ровн	пл	пл		64	Рис. 46
104	ноМер	ровн	нтр	рз		52	
105	ноМер	ровн	пл	пл		43	
106	с ваМи	ровн	пл	пл	плавное слово	57	
107	вреМя	ровн	пл	пл		47	
108	хиМия и жизнь	ровн	нтр	пл	все сегменты двумерные	72	
109	иМя	восх/нисх	пл	пл		97	
110	хиМия и жизнь	ровн	рз	рз		81	Рис. 47

№ п/п	Н	Огибающая интенсивности	Вокалические переходы		Другие характеристики	Длительность шума в мс	Номер рис.
			лев	прав			
111	у фонтаНа	ровн	нтр	нтр	ларингализация на предшествующем А	67	
112	и киНо	нисх	пл	рз	конечный гласный — ventрикулярный голос	62	
113	ИваНа	ровн	пл	нтр		43	
114	ЯНа и Татьяна	нисх/восх	пл	пл	плавное слово, высокая амплитуда М	63	Рис. 48

№ п/п	Н	Огибающая интенсивности	Вокалические переходы		Другие характеристики	Длительность шума в мс	Номер рис.
			лев	прав			
115	Яна и Татьяна	нисх	пл	пл	первое А имеет резкое начало и резкий конец	84	Рис. 48
116	миНутку	восх/нисх	рз	нтр		48	
117	миНут пять?	нисх/восх	пл	нтр		64	
118	миНутку	ровн	пл	пл	амплитуда Н близка к амплитуде соседних узких гласных	30	Рис. 49
119	миНуту	ровн	нтр	нтр		65	
120	начиНай	ровн	нтр	рз	вокализованный	74	Рис. 50
121	неНадолго	ровн	рз	рз		62	Рис. 51
122	НиНа	ровн	пл	рз		89	
123	вот оНа	восх/нисх	нтр	нтр	плавное слово	70	Рис. 52
124	на семиНаре	ровн	пл	нтр		74	
125	страНЫ	ровн	нтр	пл		103	
126	ТатьяНЫ	восх	пл	пл		62	
127	у АНатолія	восх	рз	нтр	нейтральный	53	Рис. 53
128	жеНа	ровн	нтр	нтр		67	
129	его жеНа	ровн	нтр	нтр		65	
130	экзаменеНЫ	ровн	пл	пл		45	
131	здесь ЕлеНа	восх/нисх	нтр	нтр	сильные сонорные	83	Рис. 54

№ п/п	Н'	Огибающая интенсивности	Вокалические переходы		Другие характеристики	Длительность шума в мс	Номер рис.
			лев	прав			
132	июНя	ровн	рз	пл	плавное слово, наза-лизация на заударном гласном, трудно про-вести гра-ницы	80	
133	инжеНер	восх/нисх	пл	пл	вокализо-ванный, ды-хательный толчок	69	Рис. 55
134	меНя	ровн	пл	пл		55	
135	поНяла	ровн	пл	пл	смазанное произноше-ние	48	Рис. 56
136	поНяла	восх/нисх	нтр	нтр	вокализо-ванный	50	Рис. 57
137	позвоНи	ровн	нтр	пл		49	Рис. 58
138	у меНя	ровн	нтр	нтр		33	
139	у меНя	восх/нисх	пл	нтр		78	
140	в гостинице	нисх/ровн	нтр	пл	двойной Н	120	Рис. 59
141	заНиматься	ровн	нтр	нтр	вокализо-ванный	63	Рис. 60
142	ЖеНя	нисх/ровн	пл	пл	вокализо-ванный	66	Рис. 61
143	позвоНи	ровн/восх	нтр	нтр		66	
144	позвоНи	ровн	нтр	пл	большая амплитуда Н, дыха-тельный толчок	70	
145	звоНишь	восх/нисх	нтр	пл		78	
146	звоНите	восх	пл	пл		48	

№ п/п	J	Огибающая интенсивности	Вокаличе- ские переходы		Другие характеристики	Номер рис.
			лев	прав		
147	не Ели	нтр	пл	пл	двуморовость Е, вентрикулярный голос	Рис. 62
148	поделаЕшь				йот отсутствует	
149	еЁ	нтр	пл	нтр		Рис. 63
150	еЁ	нтр	пл	пл		
151	открываЕт- ся				йот отсутствует	
152	делаЕт				йот отсутствует	Рис. 64
153	моЯ	нтр	нтр	пл		Рис. 65
154	моЕго				глайд	
155	моЕй	нтр	рз	рз		
156	не знаЮ				йот отсутствует, скри- пучий голос	Рис. 66
157	новоЕ				йот отсутствует	
158	разноЕ				йот отсутствует	
159	соЕдините				йот отсутствует	Рис. 67
160	стоят				глайд	Рис. 68
161	твоя				Йот отсутствует. Ре- альный акцент на пер- вом слоге, второй слог редуцирован	
162	у неЁ	нтр	пл	нтр		
163	рассказы- ваЕт				Глайд	Рис. 69
164	заказываЕт				Йот отсутствует	

Приложение

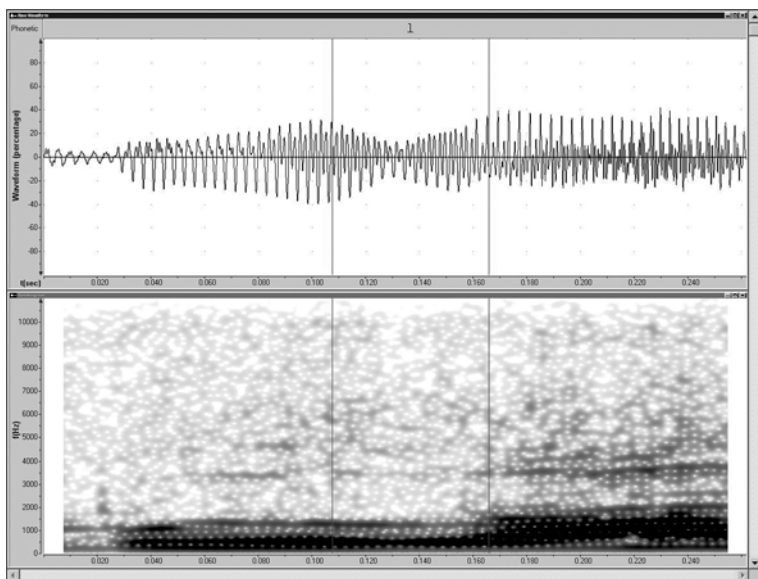

Рис. 1. была (жен.)

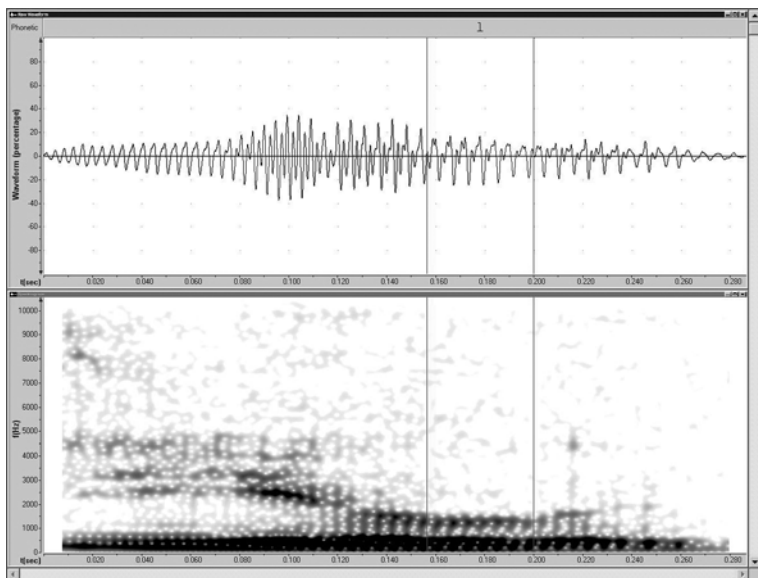

Рис. 2. делать (жен.)

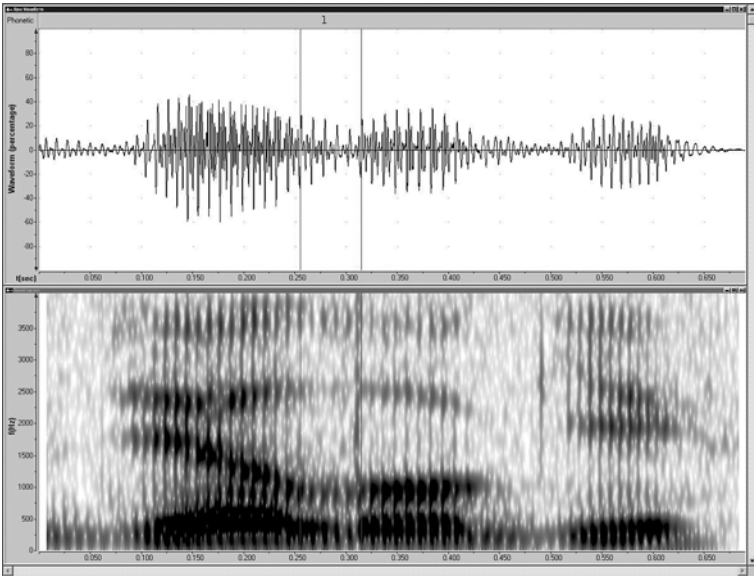

Рис. 3. диалоги (муж.)

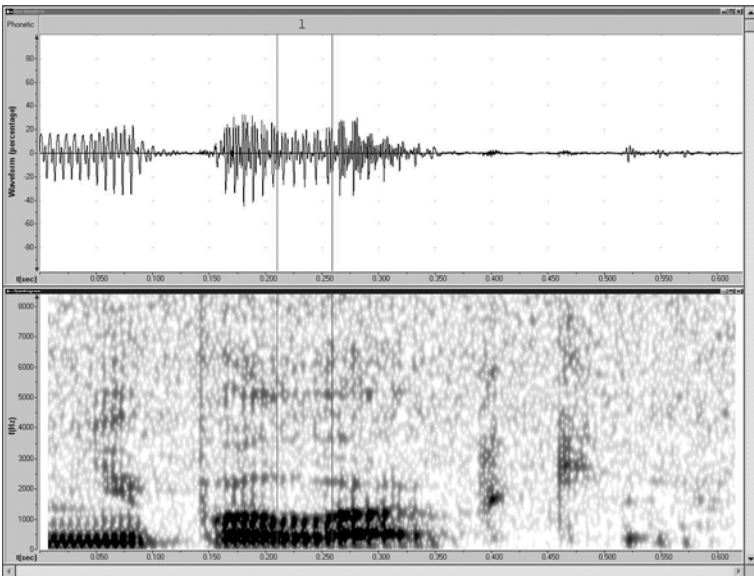

Рис. 4. неполадки (муж.)

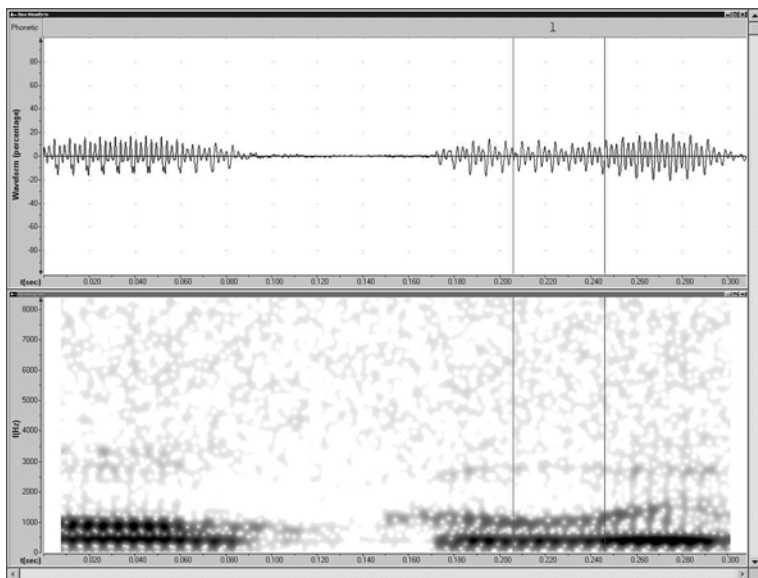

Рис. 5. около (муж.)

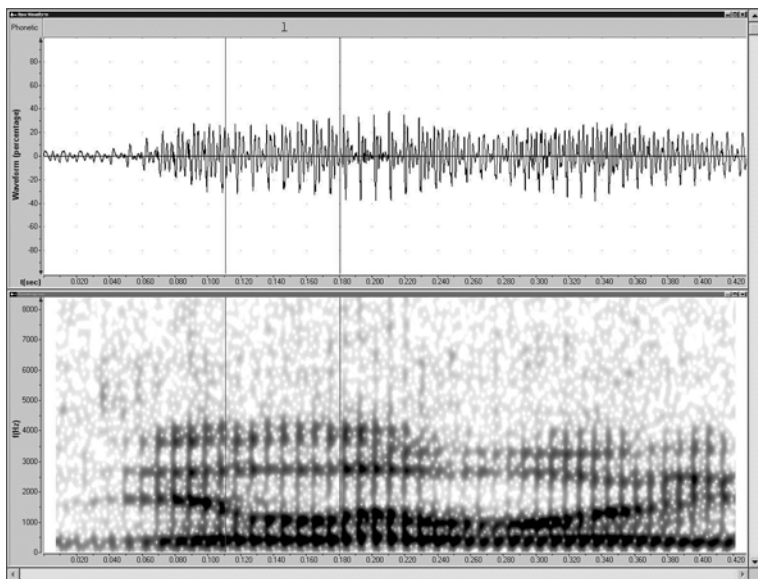

Рис. 6. деловой (муж.)

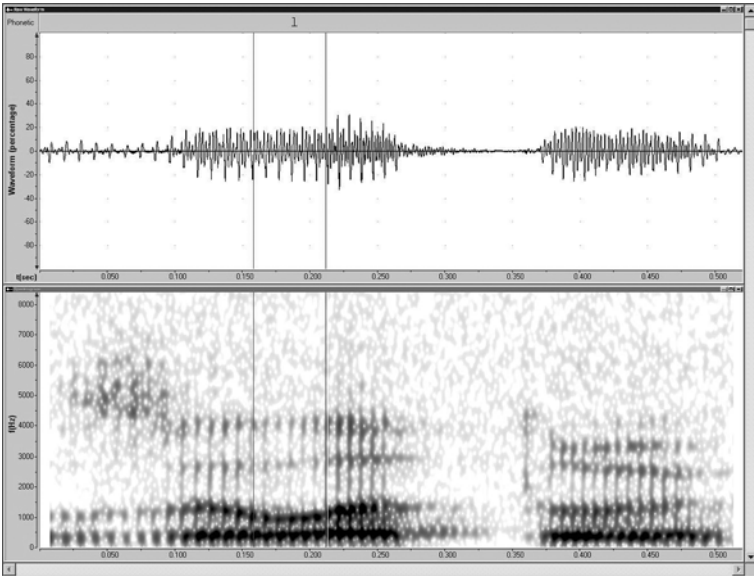

Рис. 7. золотой (муж.)

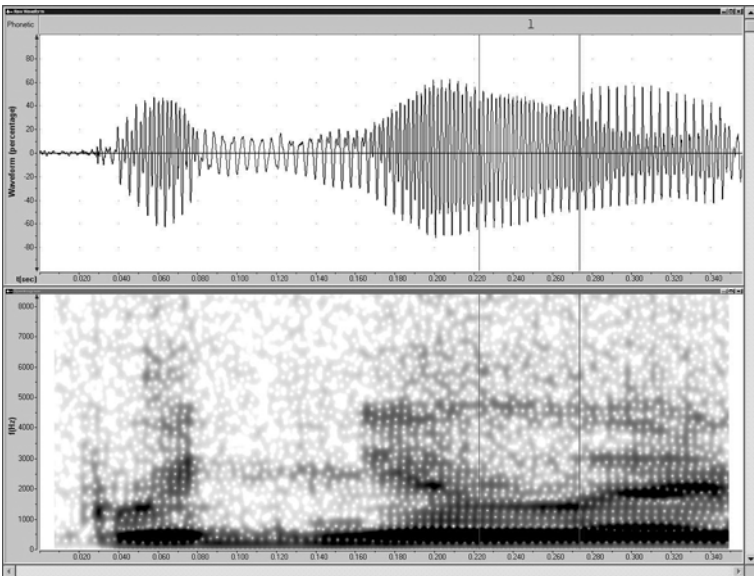

Рис. 8. подняла (жен.)

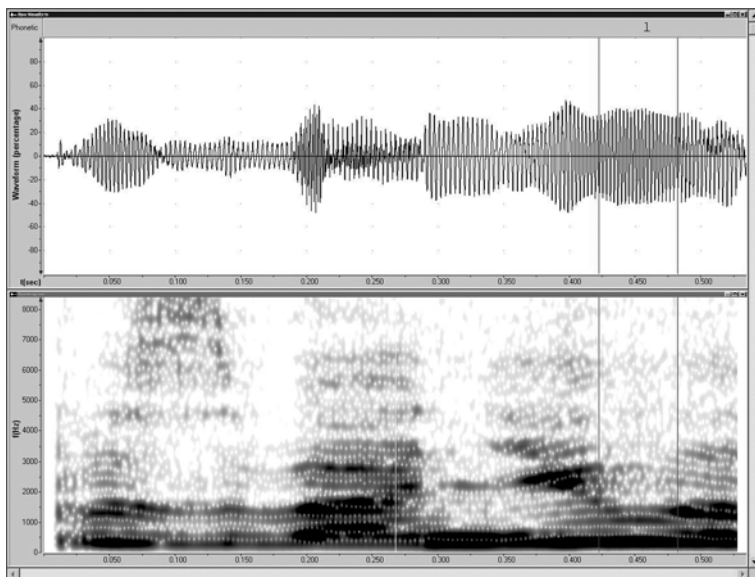

Рис. 9. позвонила (жен.)

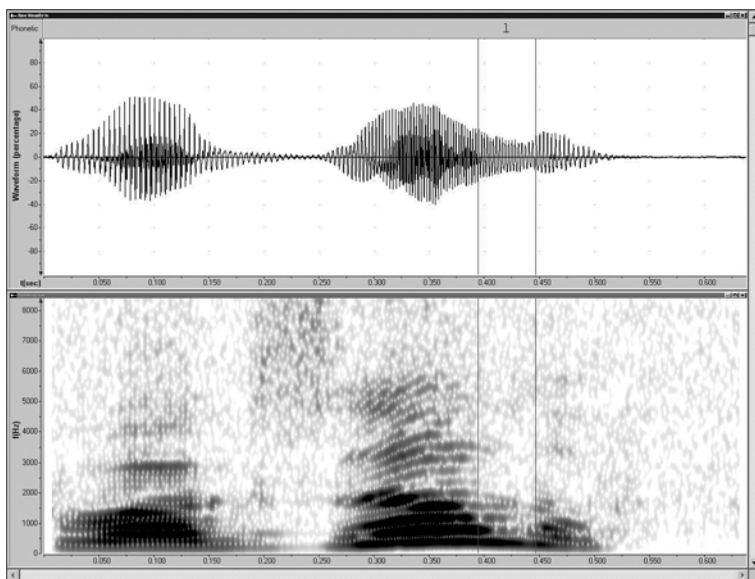

Рис. 10. вокзалов (жен.)

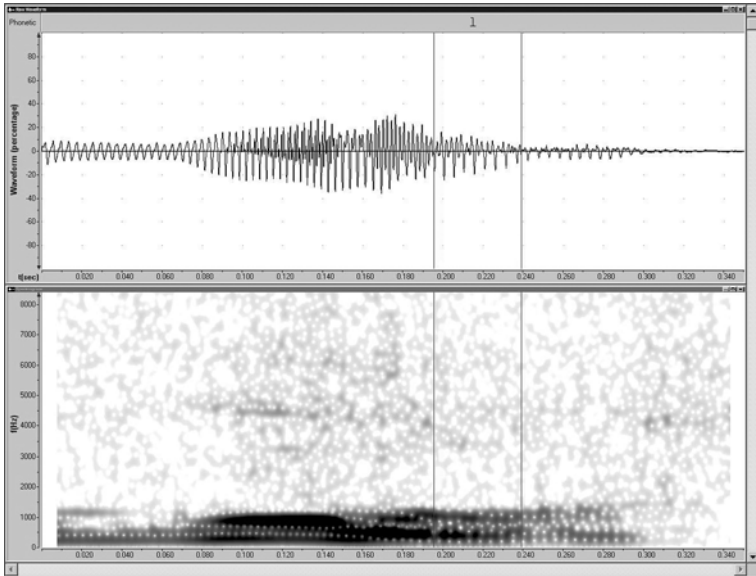

Рис. 11. голос (жен.)

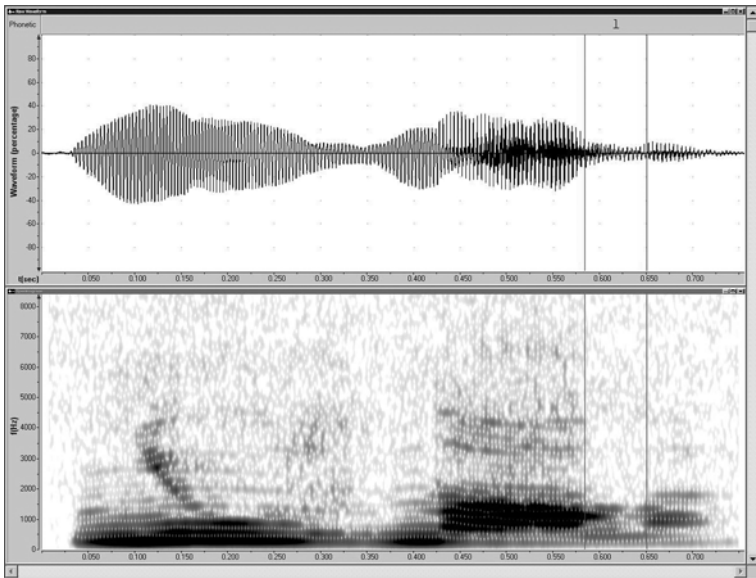

Рис. 12. не узнала (жен.)

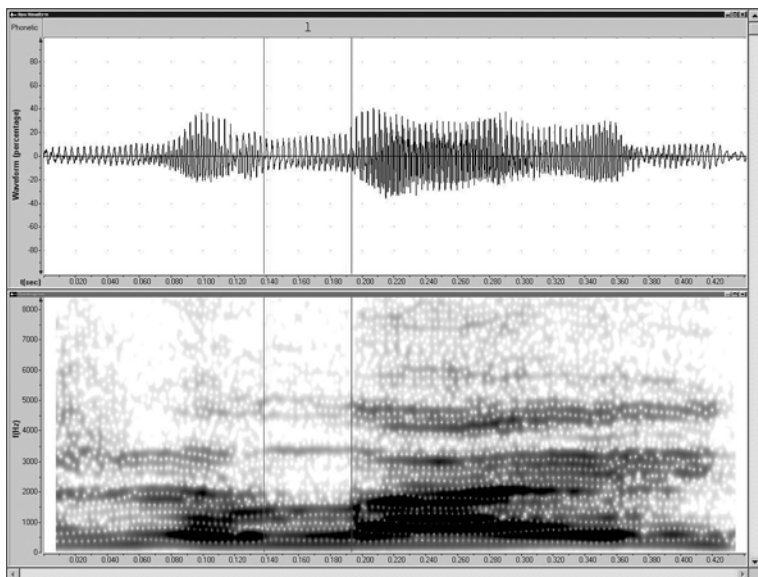

Рис. 13. желаю (жен.)

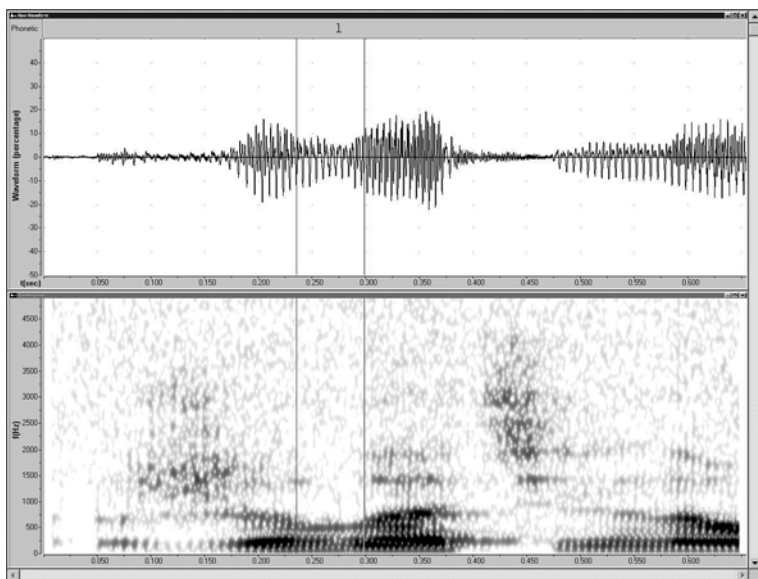

Рис. 14. желательно (муж.)

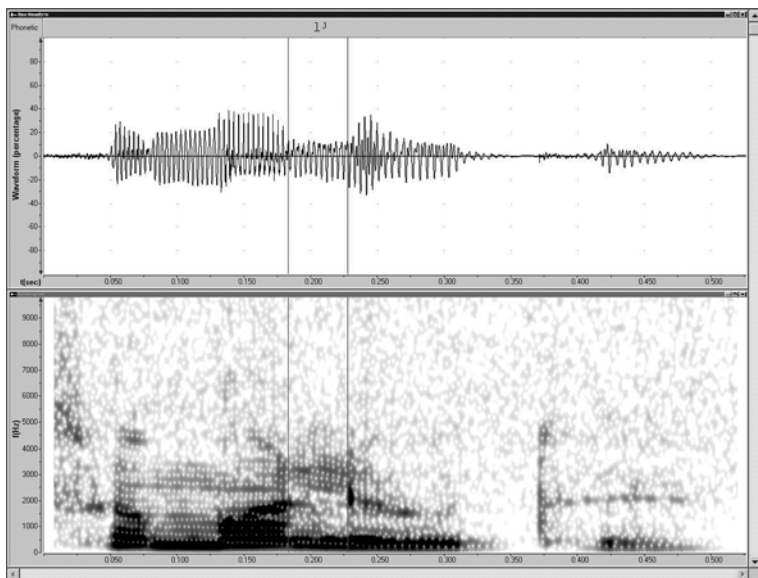

Рис. 15. самолеты (жен.)

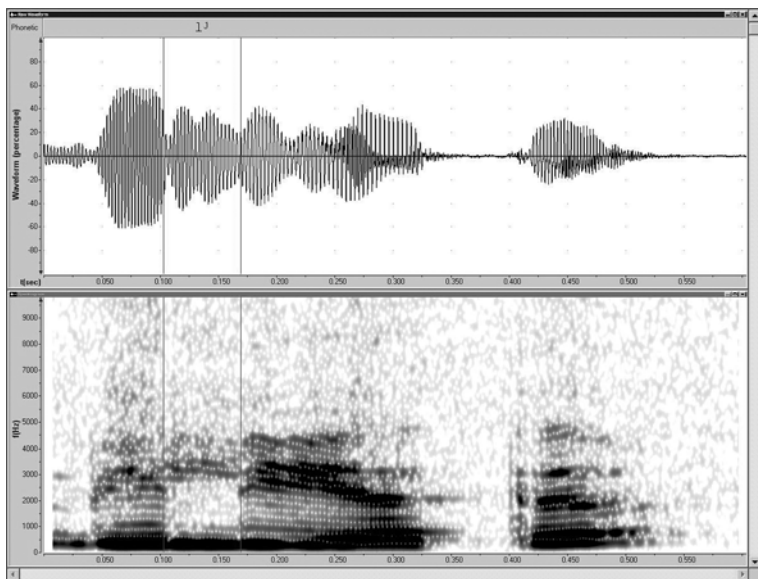

Рис. 16. билета (жен.)

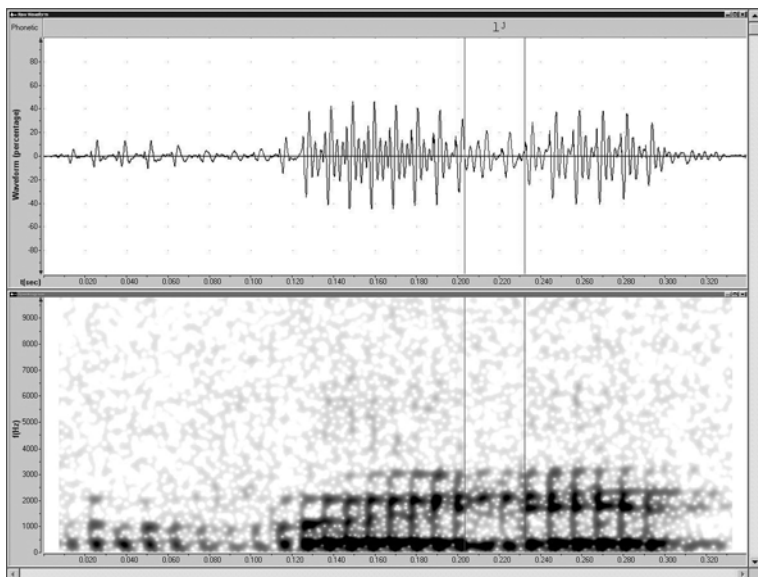

Рис. 17. вылет (муж.)

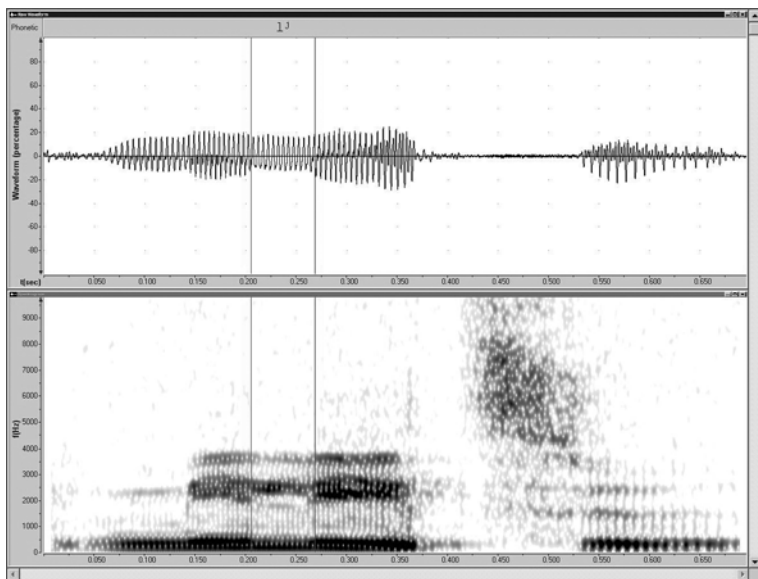

Рис. 18. в милиции (муж.)

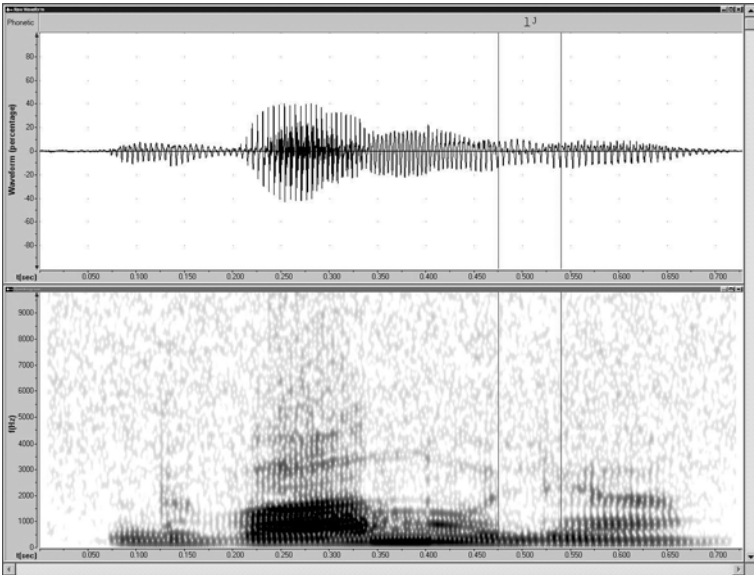

Рис. 19. два нуля (жен.)

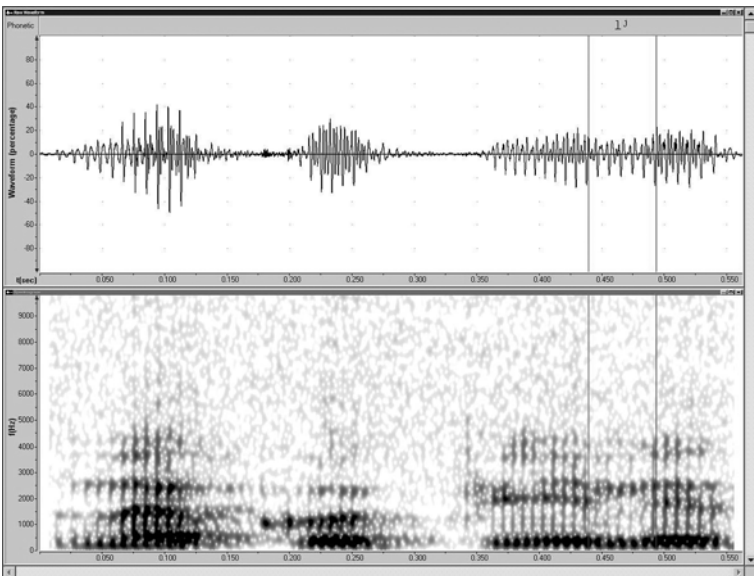

Рис. 20. накупили (муж.)

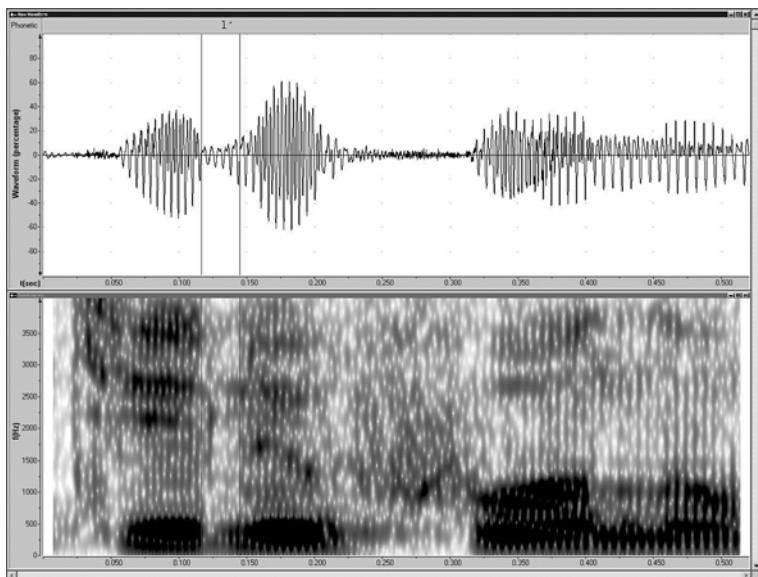

Рис. 21. телефону (муж.)

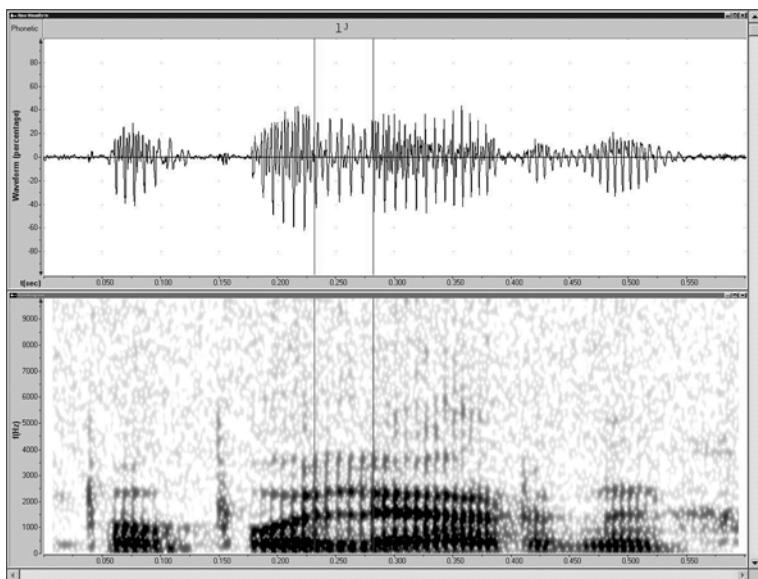

Рис. 22. популярных (муж.)

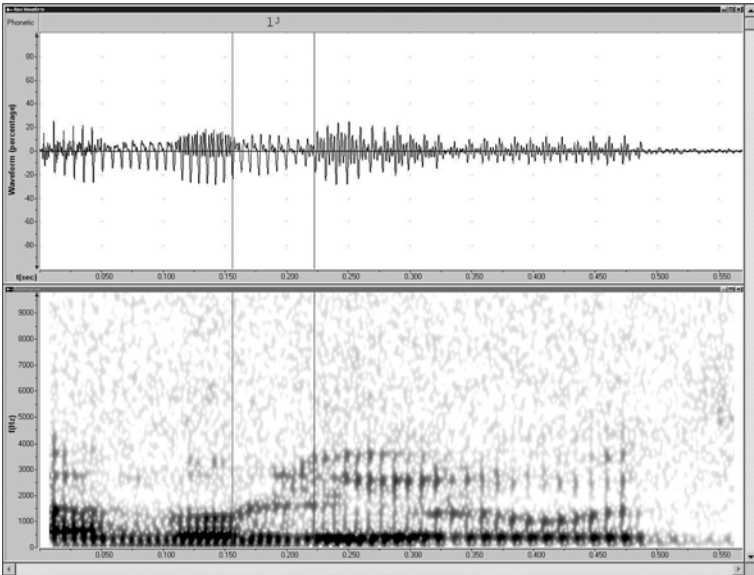

Рис. 23. аннулировать (муж.)

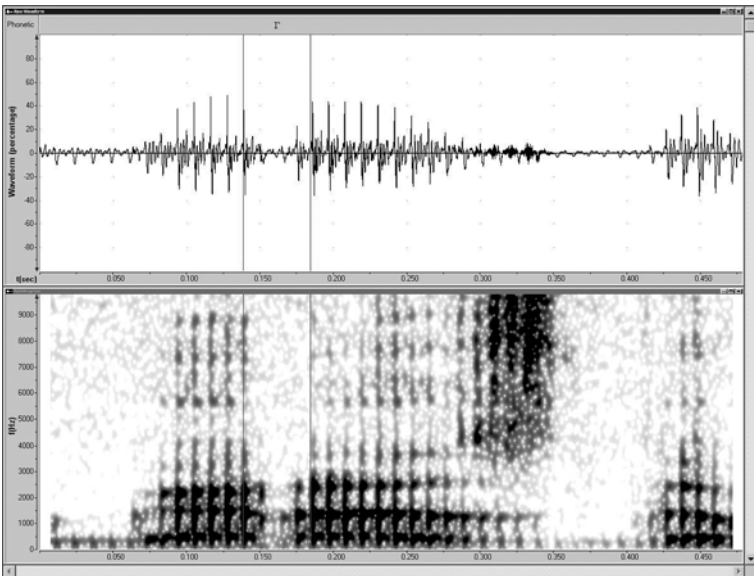

Рис. 24. гораздо (муж.)

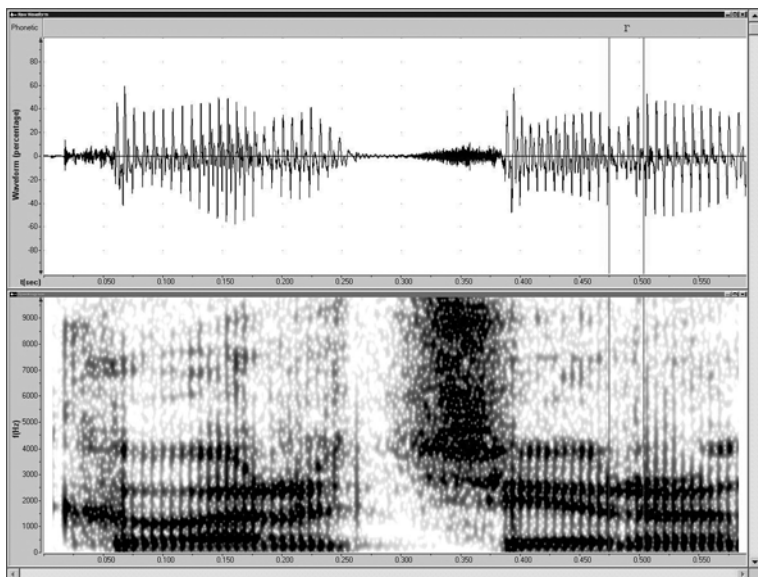

Рис. 25. квартира (муж.)

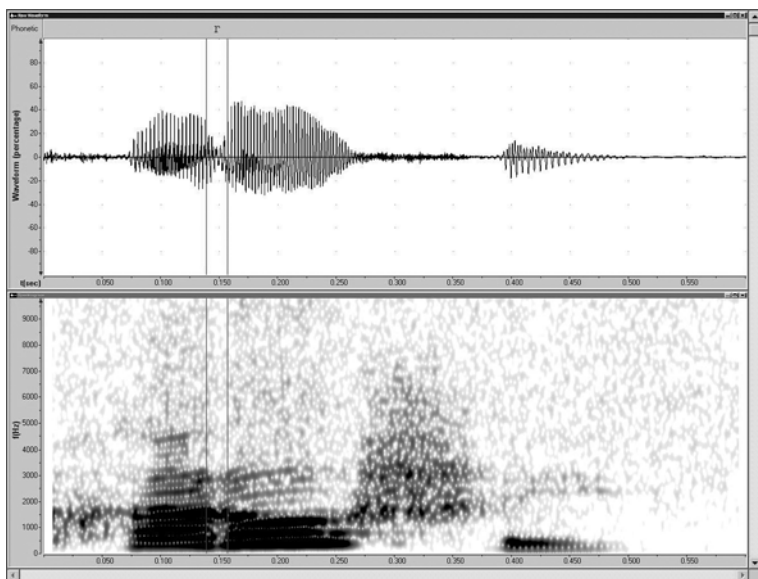

Рис. 26. хороший (жен.)

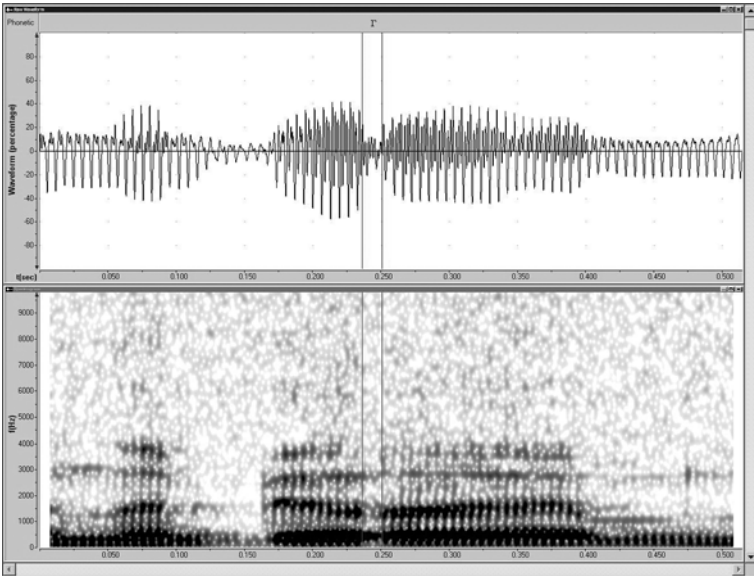

Рис. 27. набираем (муж.)

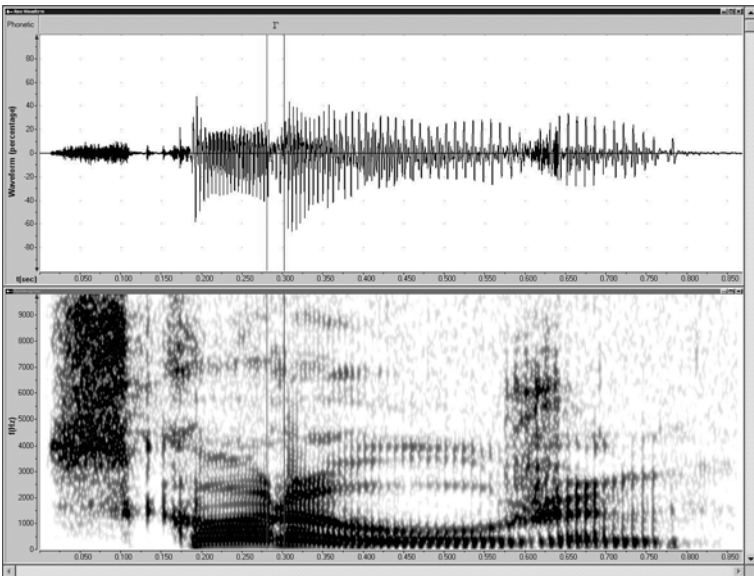

Рис. 28. скоро ужин (муж.)

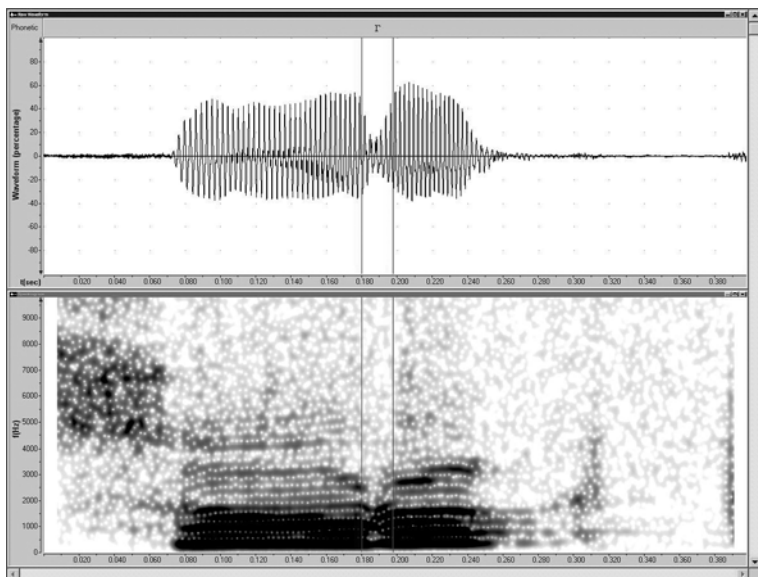

Рис. 29. сорок (жен.)

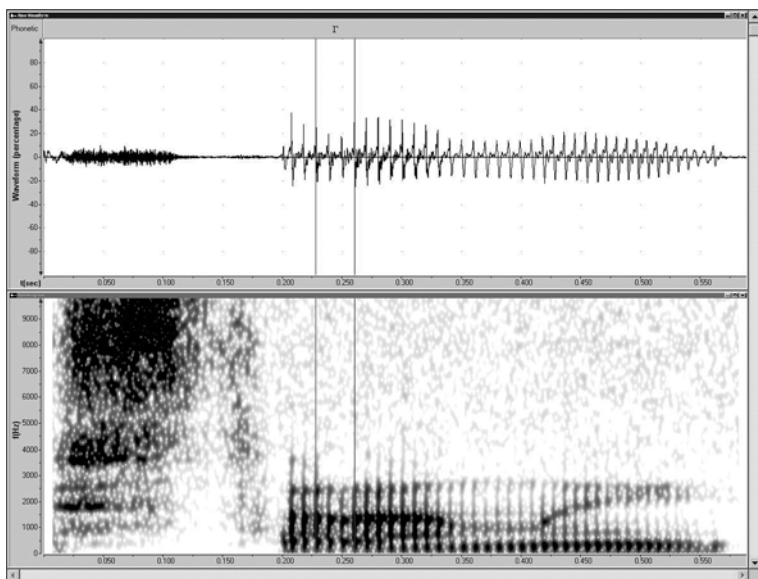

Рис. 30. (из) сторона (муж.)

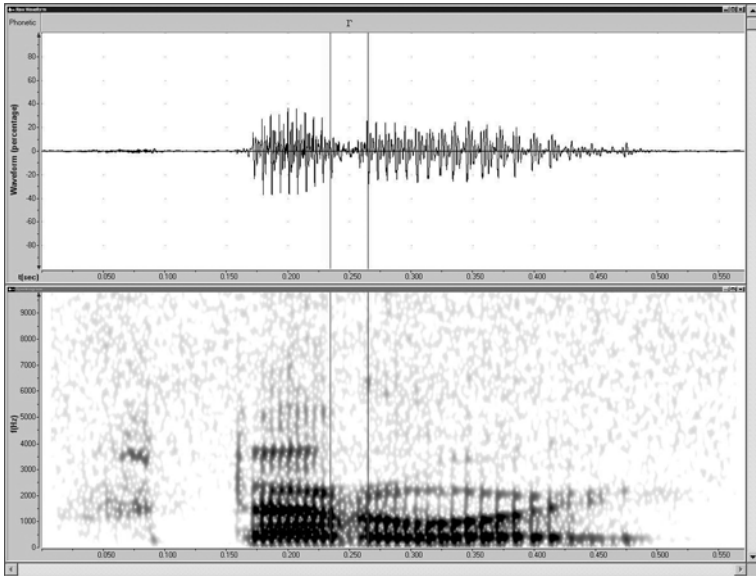

Рис. 31. второй (муж.)

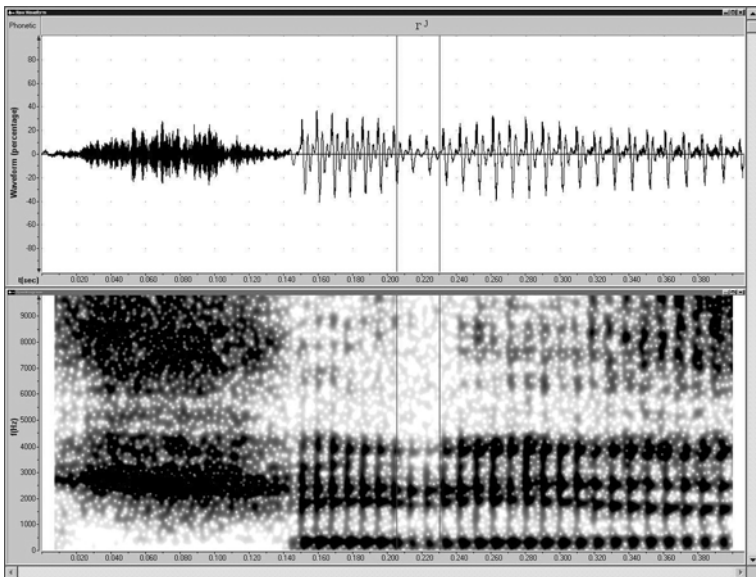

Рис. 32. через (муж.)

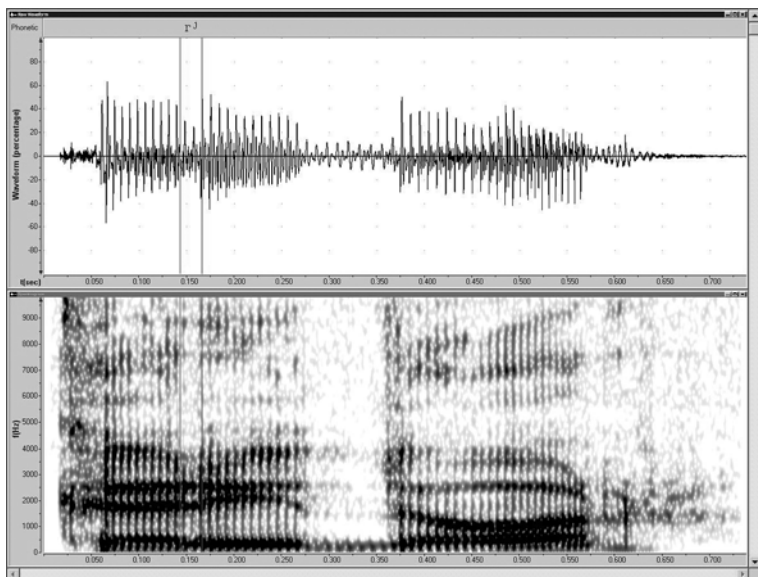

Рис. 33. коридор (муж.)

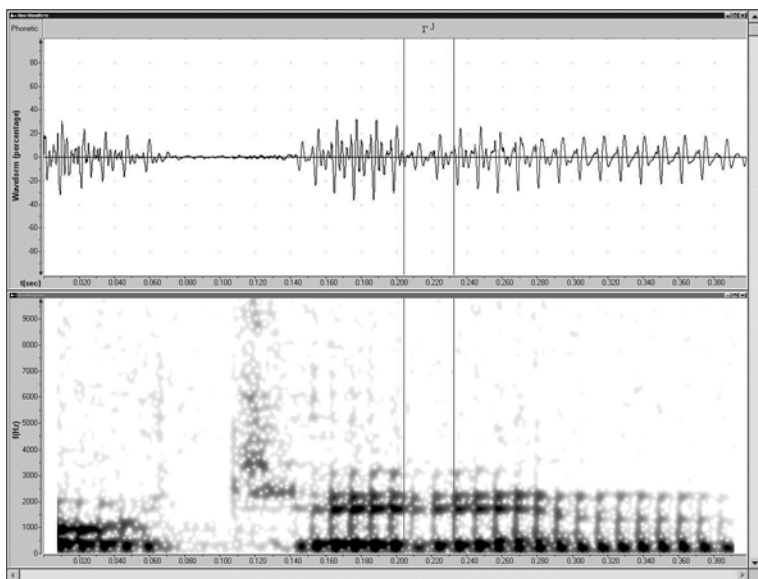

Рис. 34. утеряны (муж.)

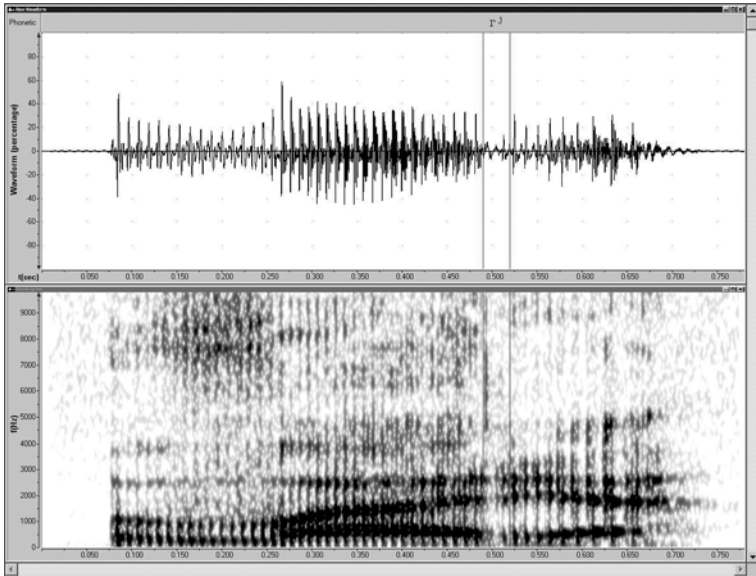

Рис. 35. Варя (муж.)

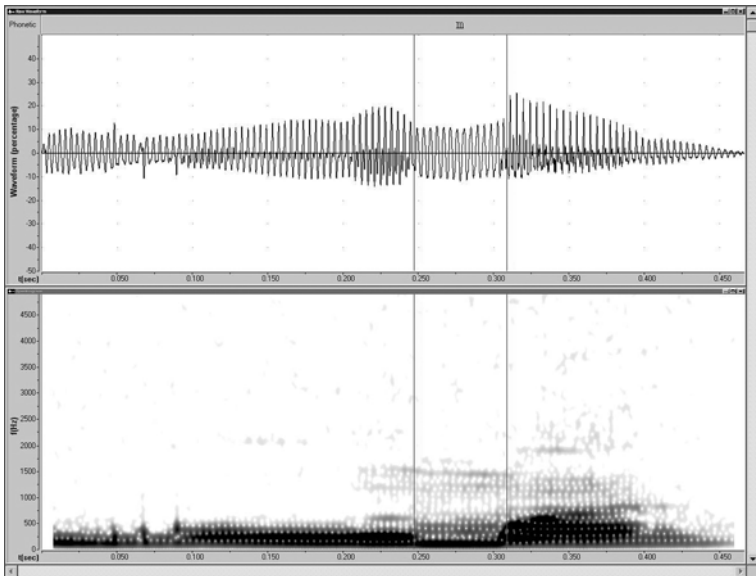

Рис. 36. ГУМа (жен.)

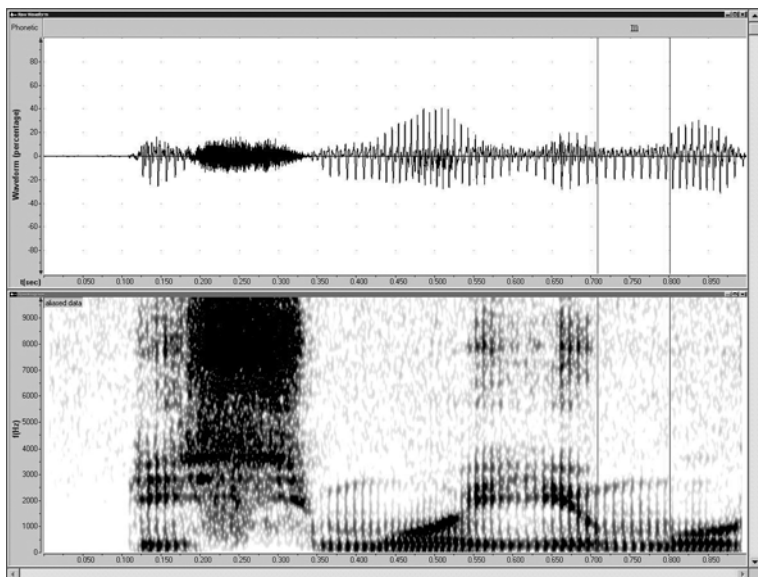

Рис. 37. письмо ему (муж.)

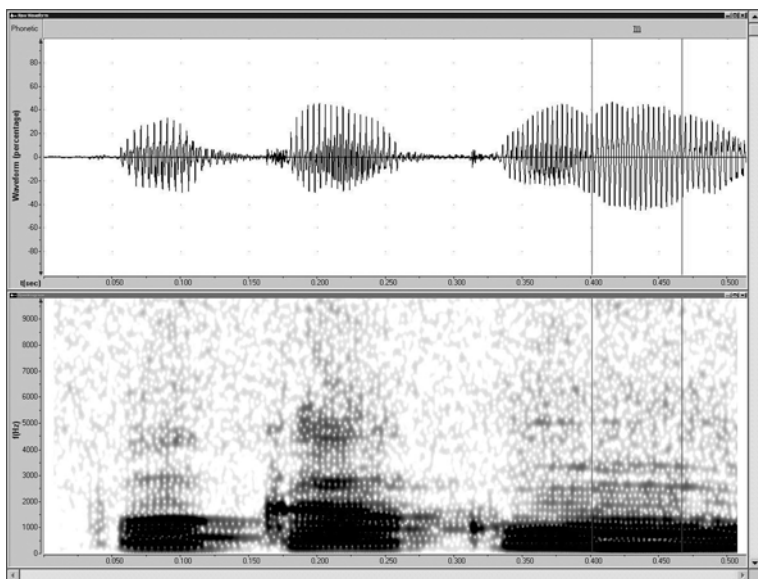

Рис. 38. по-какому (жен.)

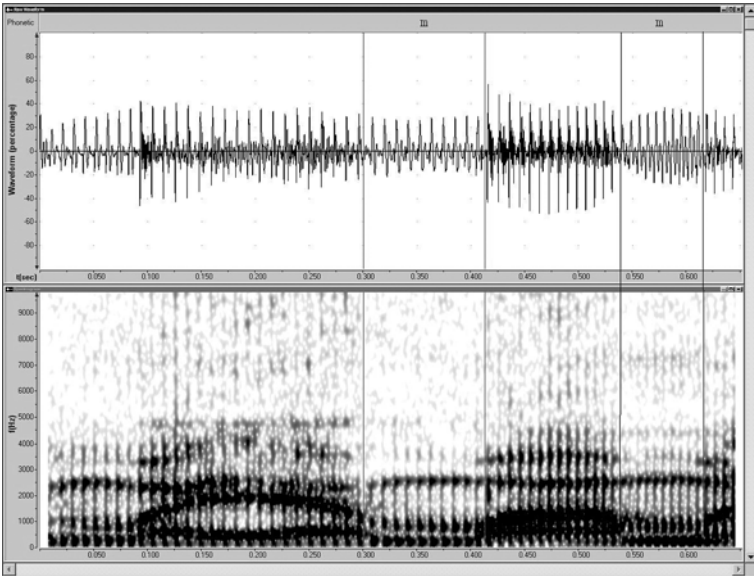

Рис. 39. моя мама (муж.)

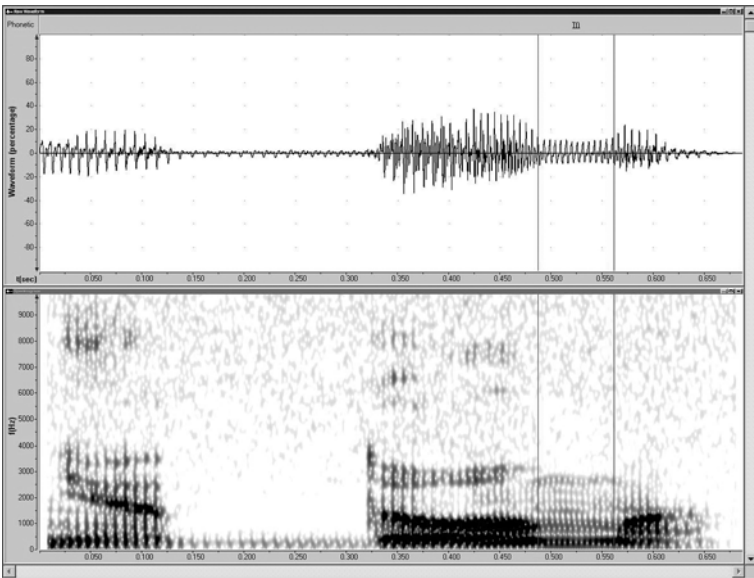

Рис. 40. нет дома (муж.)

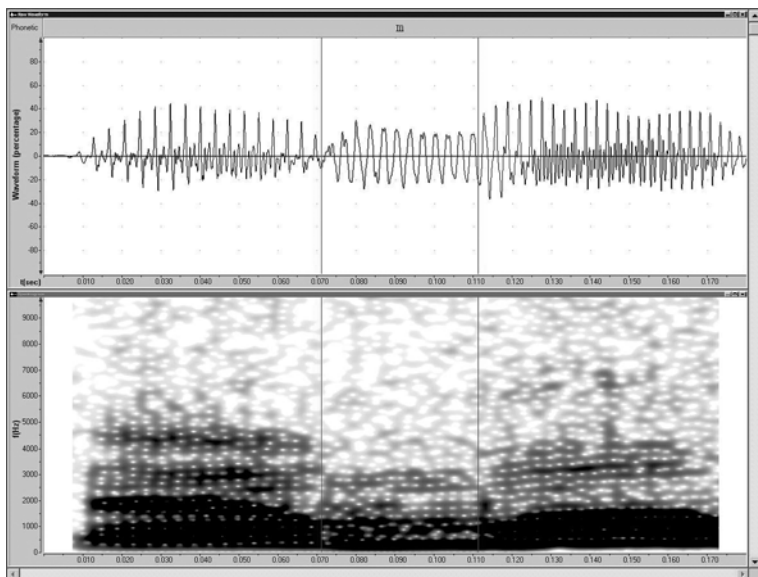

Рис. 41. сама (жен.)

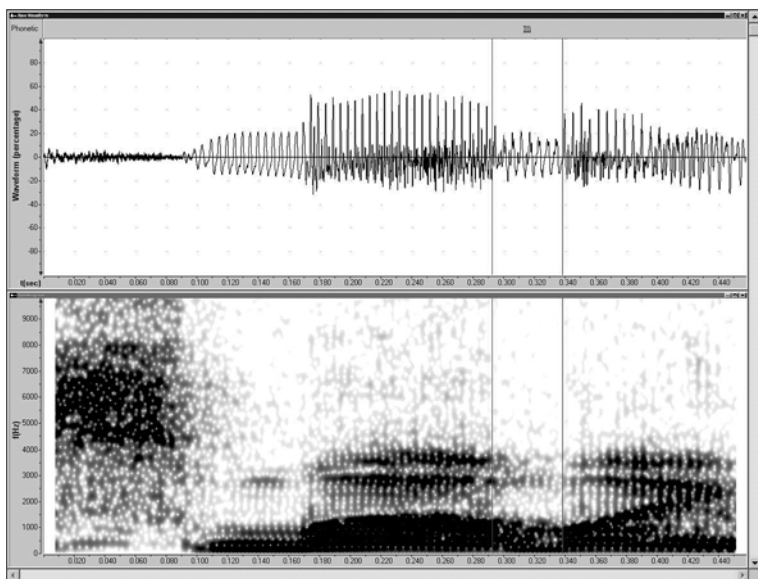

Рис. 42. с мамой (муж.)

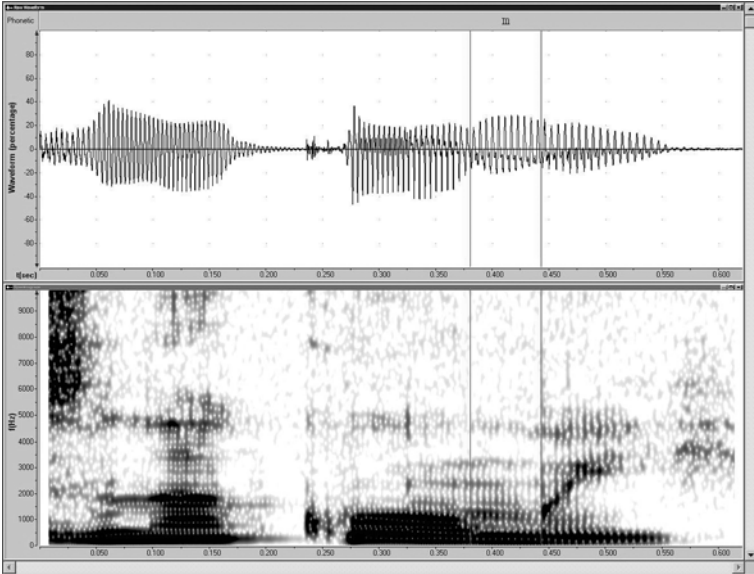

Рис. 43. знакомый (муж.)

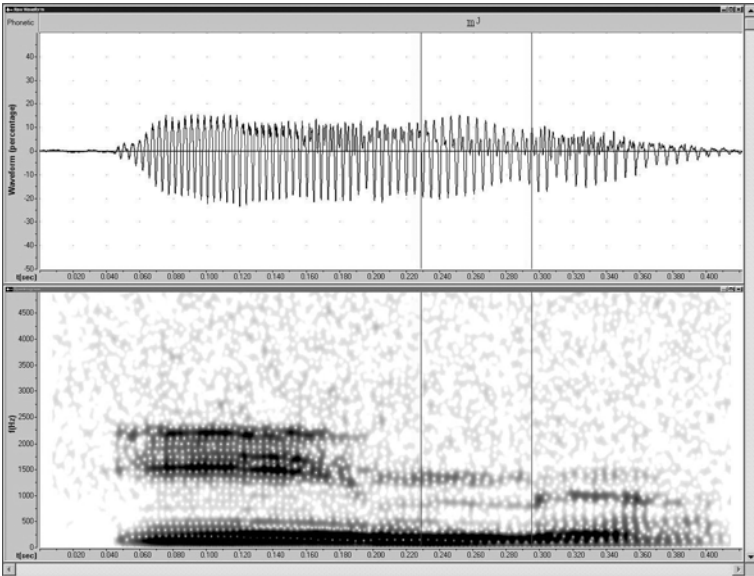

Рис. 44. имя (муж.)

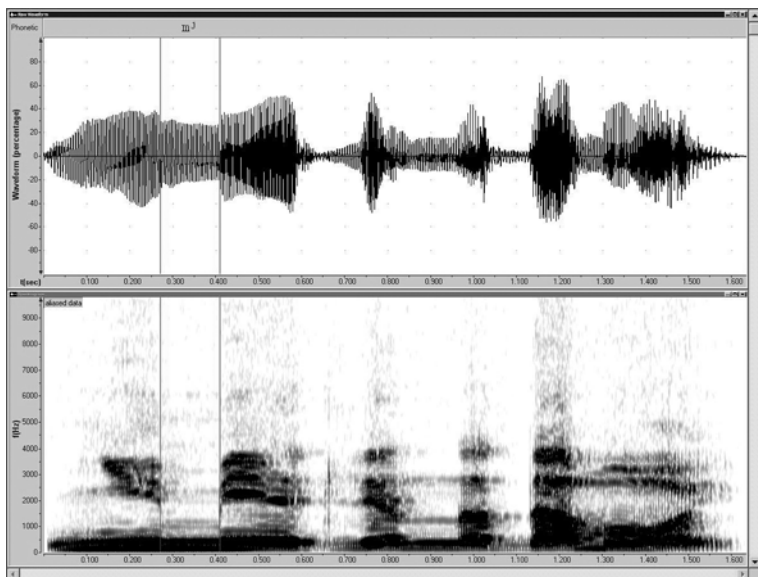

Рис. 45. немедленно домой (муж.)

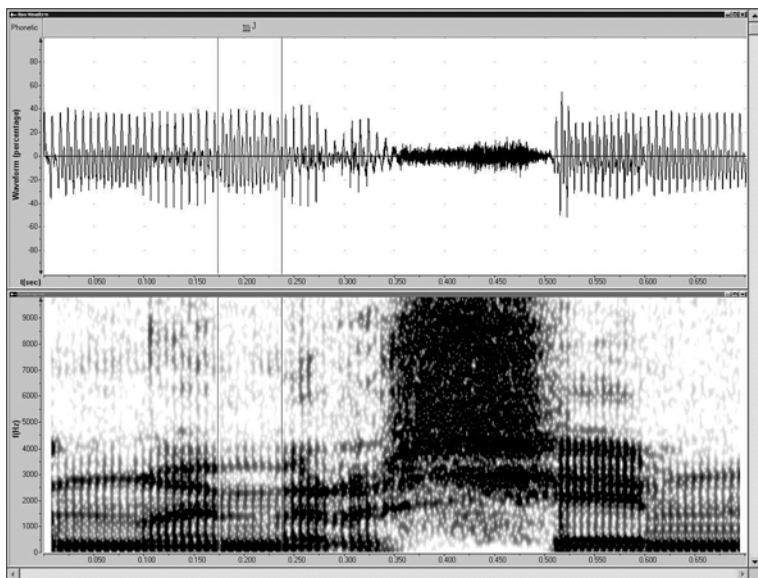

Рис. 46. номер семь (муж.)

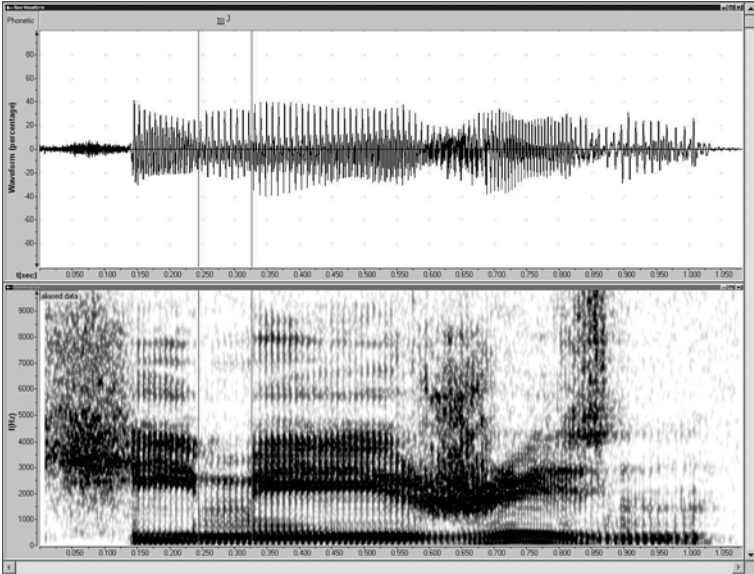

Рис. 47. химия и жизнь (муж.)

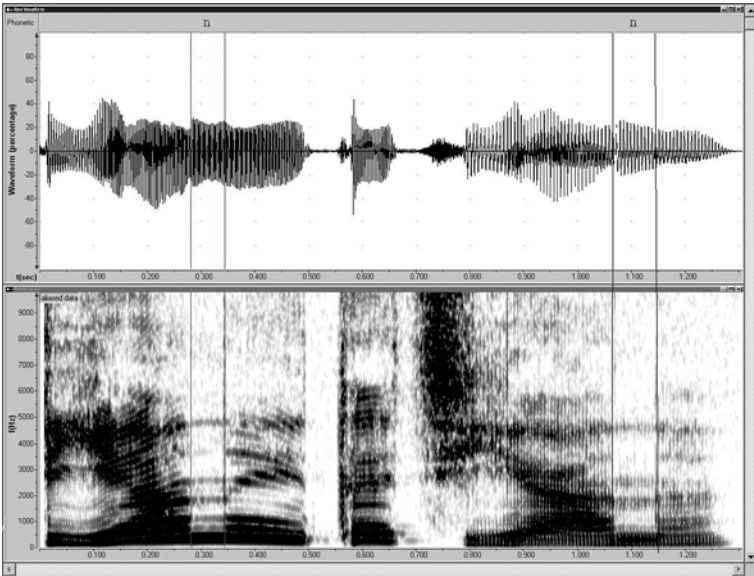

Рис. 48. Яна и Татьяна (жен.)

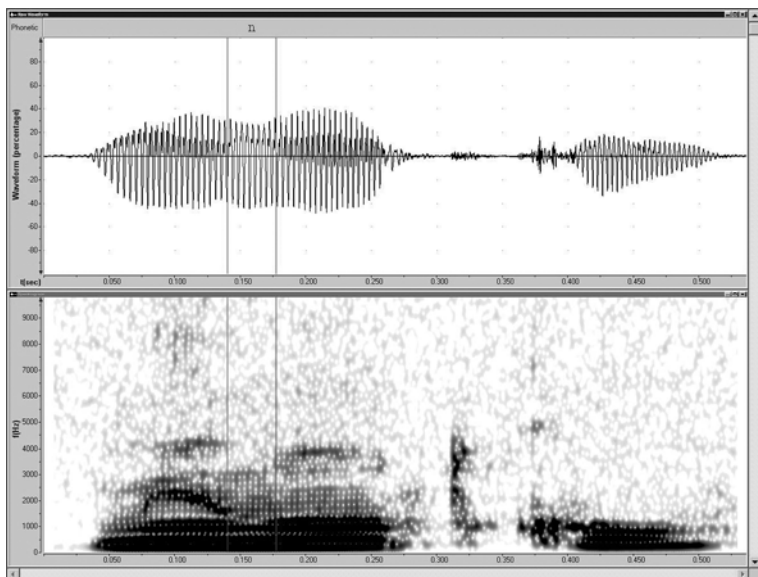

Рис. 49. минутку (жен.)

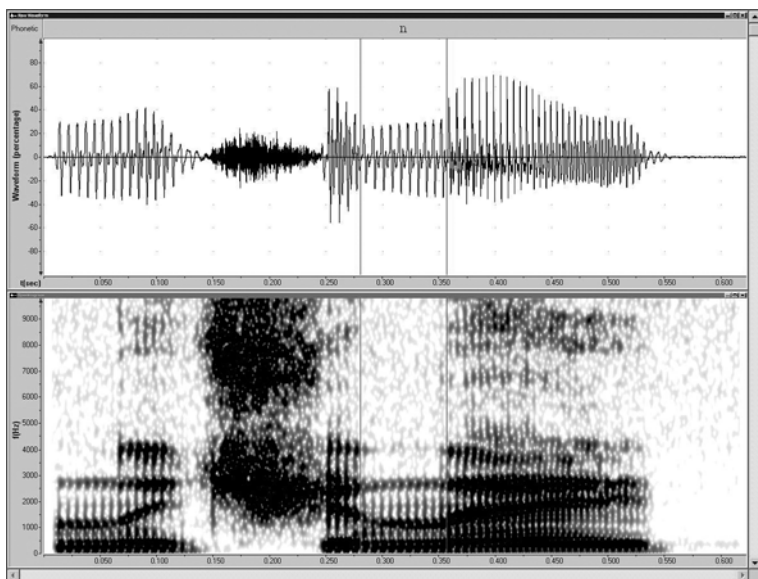

Рис. 50. начинай (муж.)

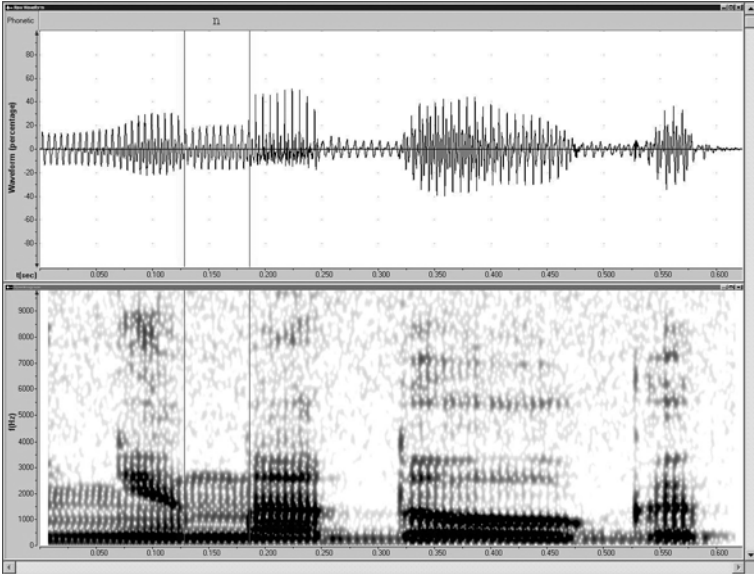

Рис. 51. ненадолго (муж.)

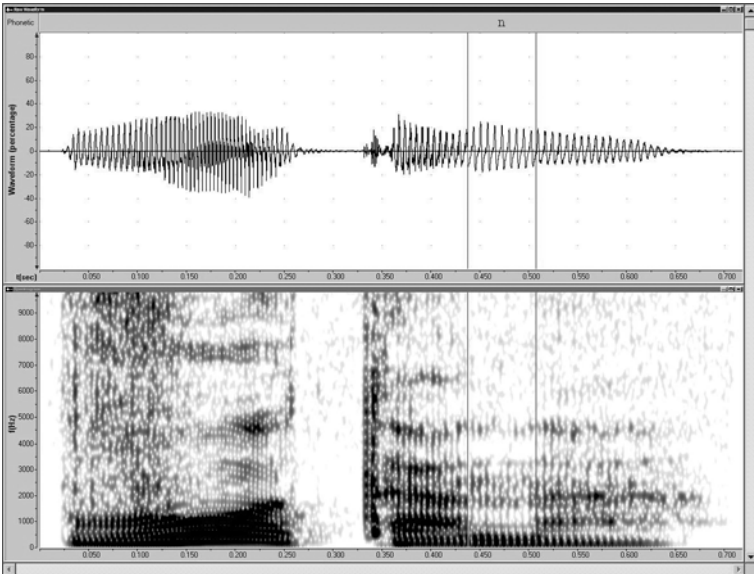

Рис. 52. вот она (жен.)

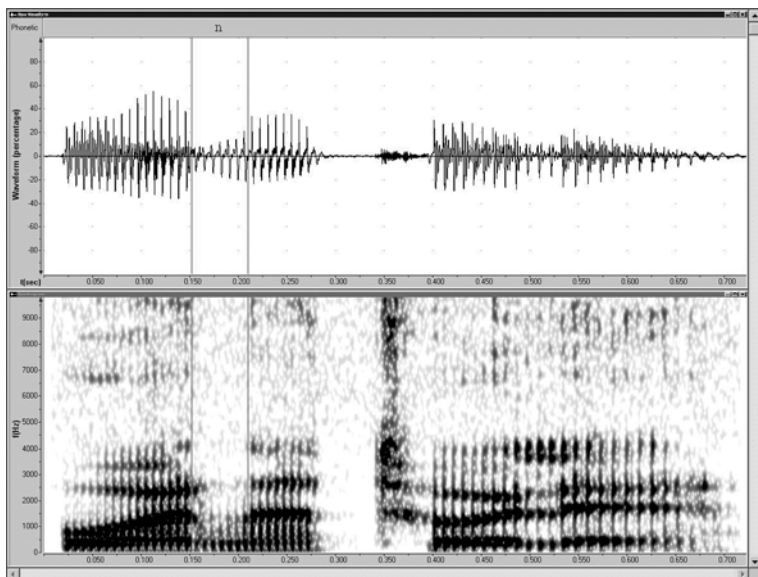

Рис. 53. у Анатолия (муж.)

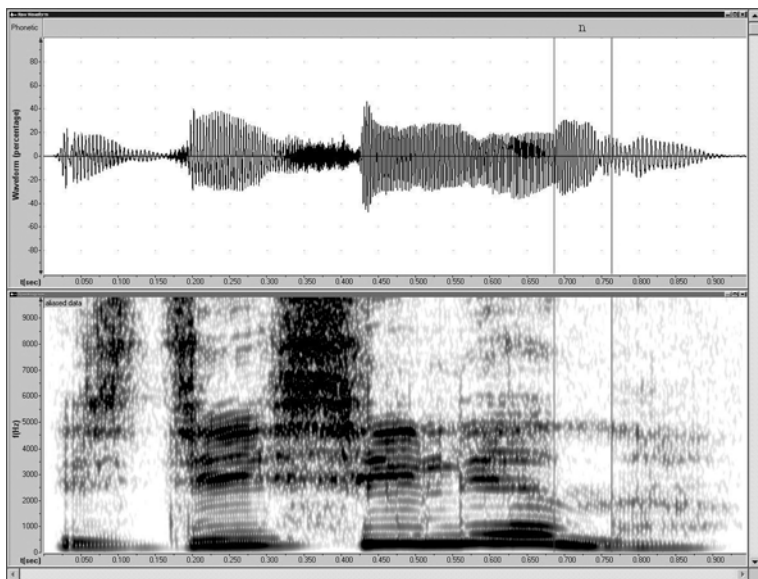

Рис. 54. здесь Елена (жен.)

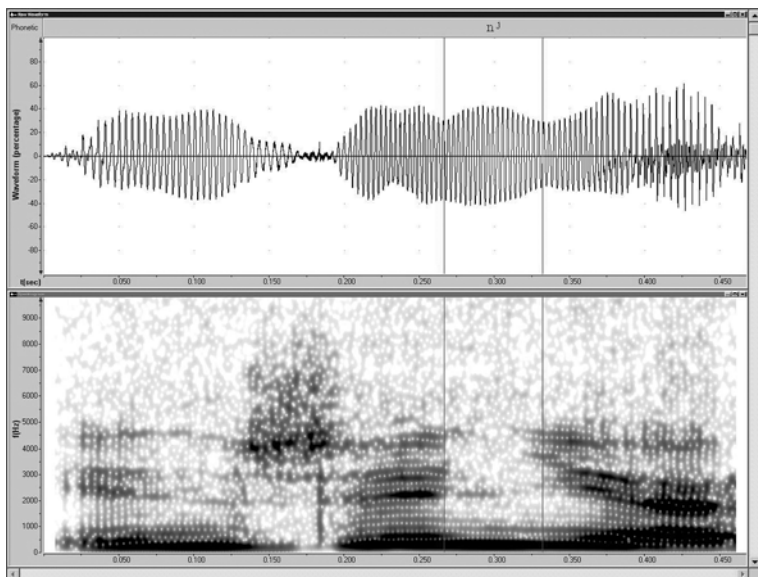

Рис. 55. инженер (жен.)

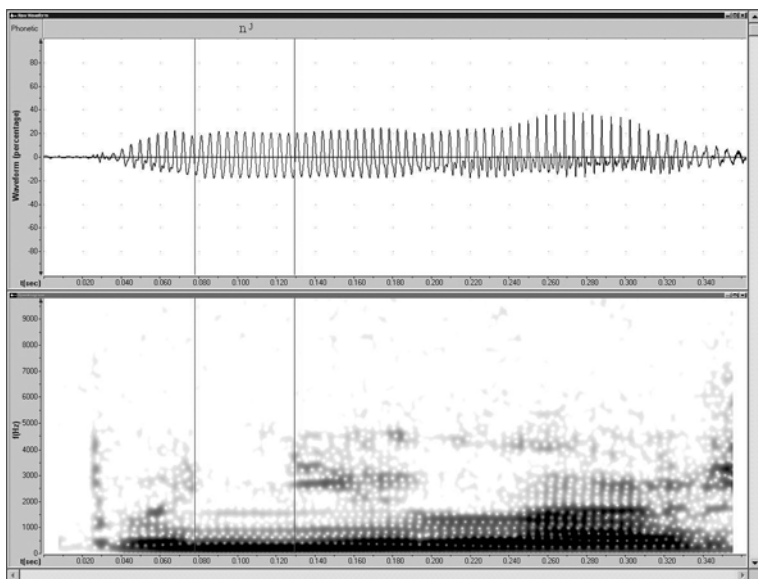

Рис. 56. поняла (жен.)

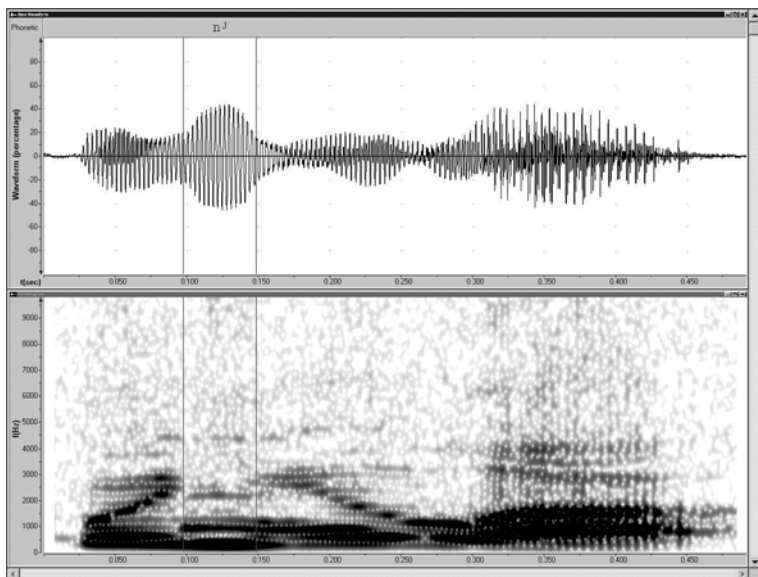

Рис. 57. поняла (жен.)

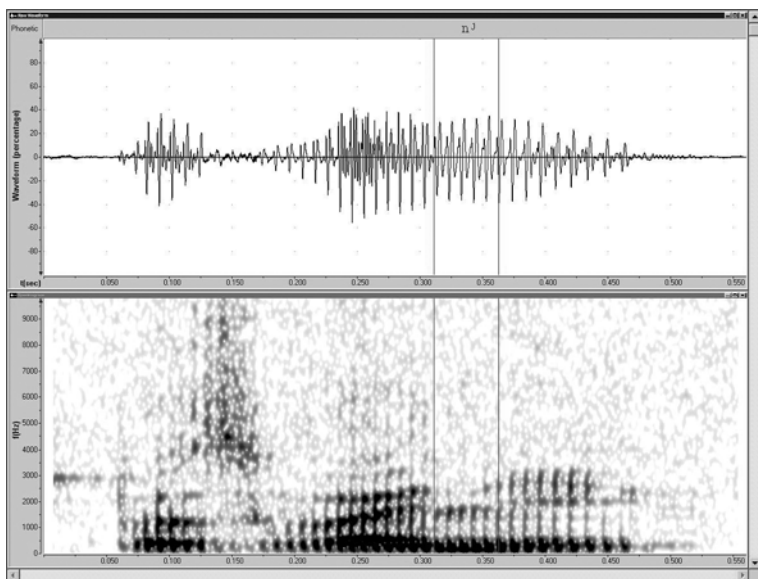

Рис. 58. позвони (муж.)

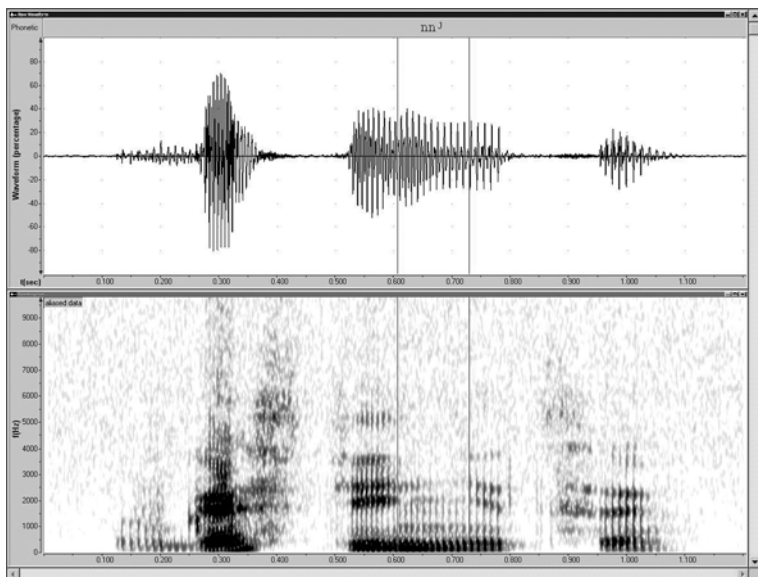

Рис. 59. в гостинице (муж.)

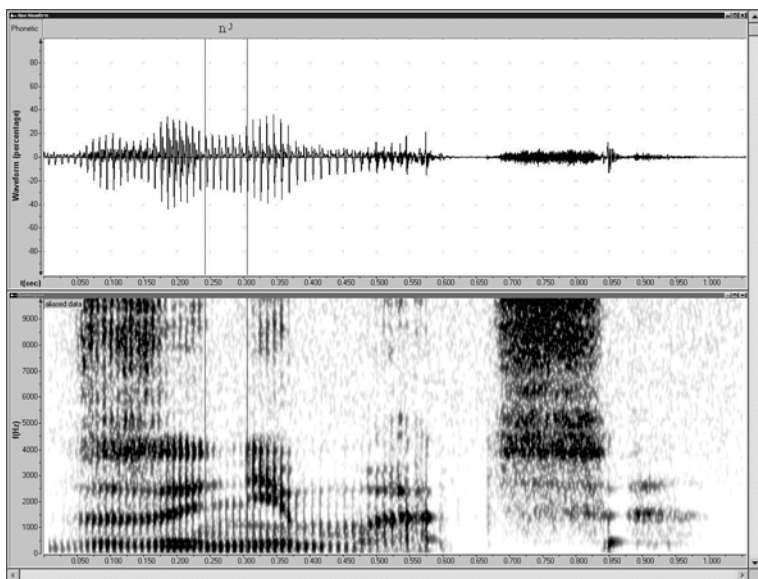

Рис. 60. заниматься (муж.)

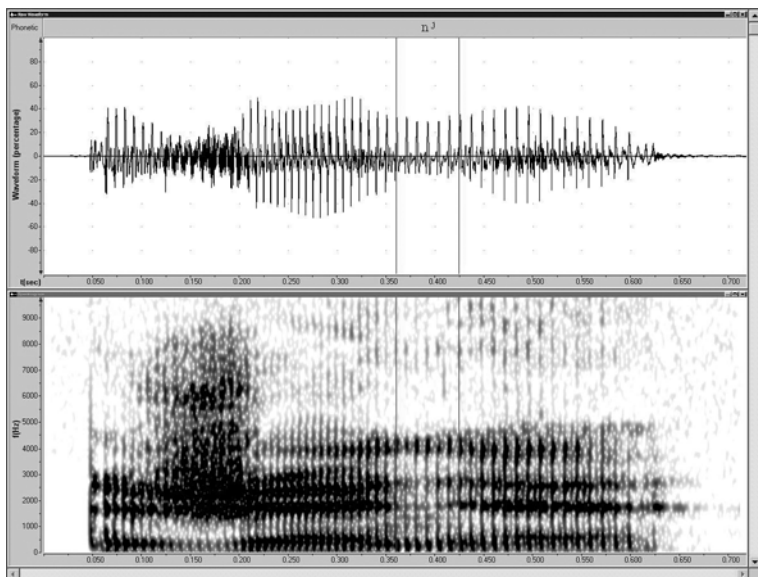

Рис. 61. Женя (муж.)

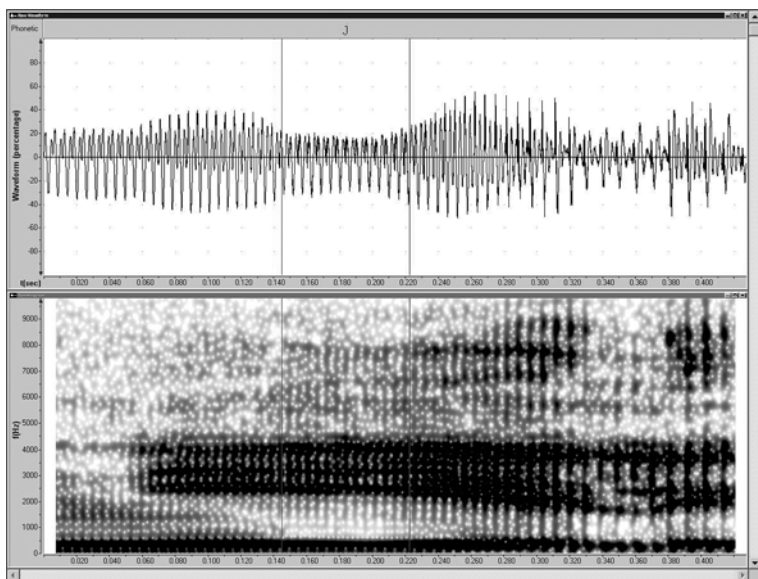

Рис. 62. не ели (муж.)

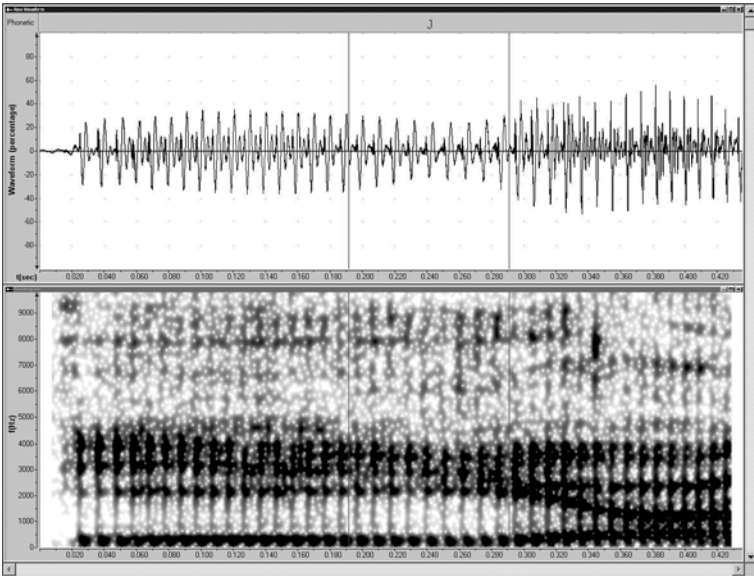

Рис. 63. её (муж.)

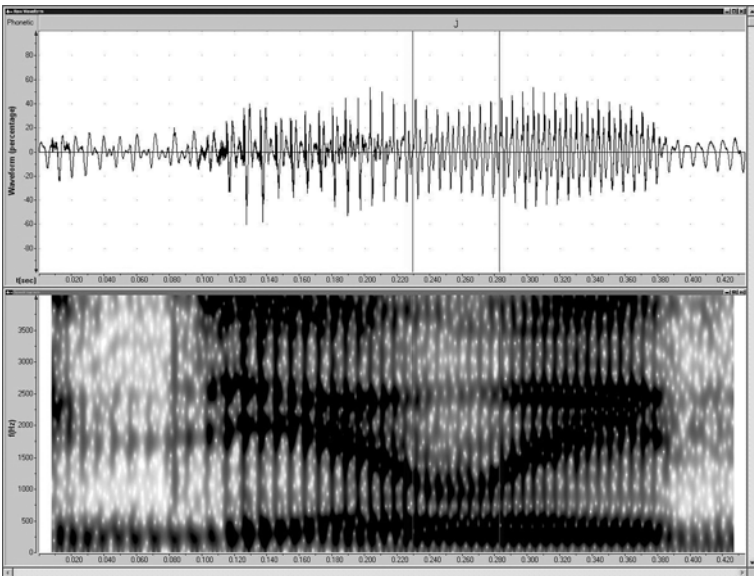

Рис. 64. делает (муж.)

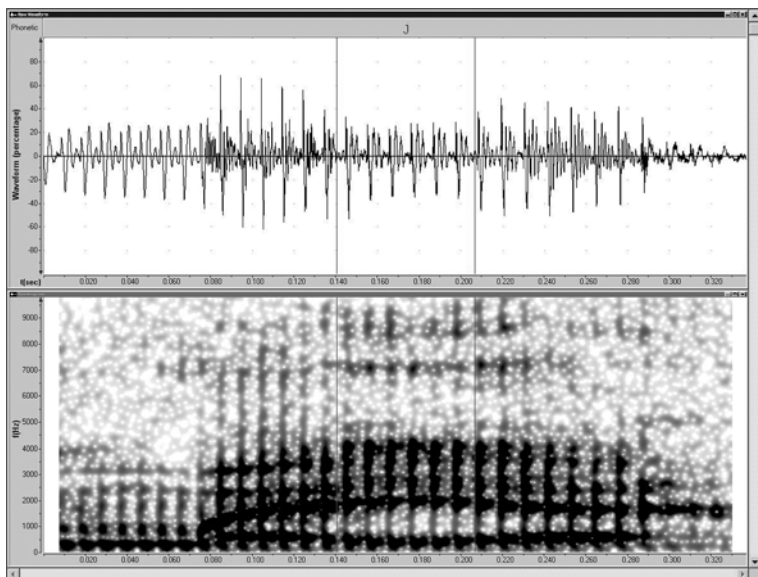

Рис. 65. мой (муж.)

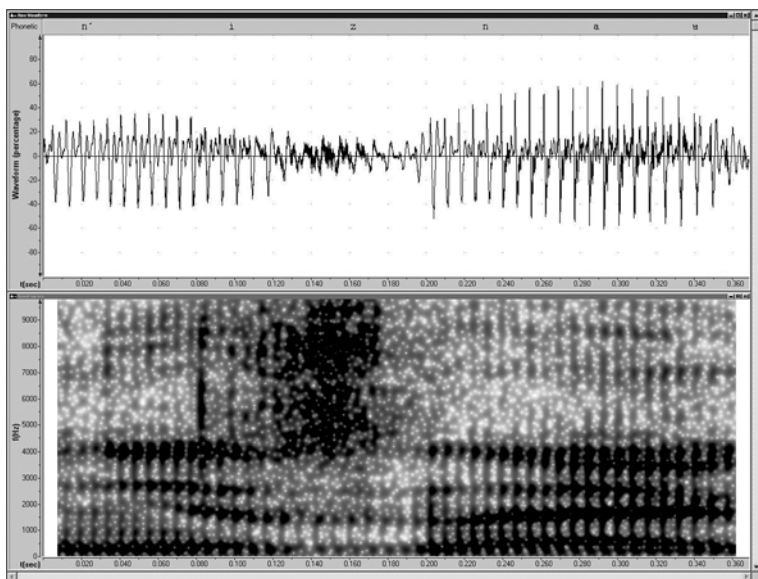

Рис. 66. не знаю (муж.)

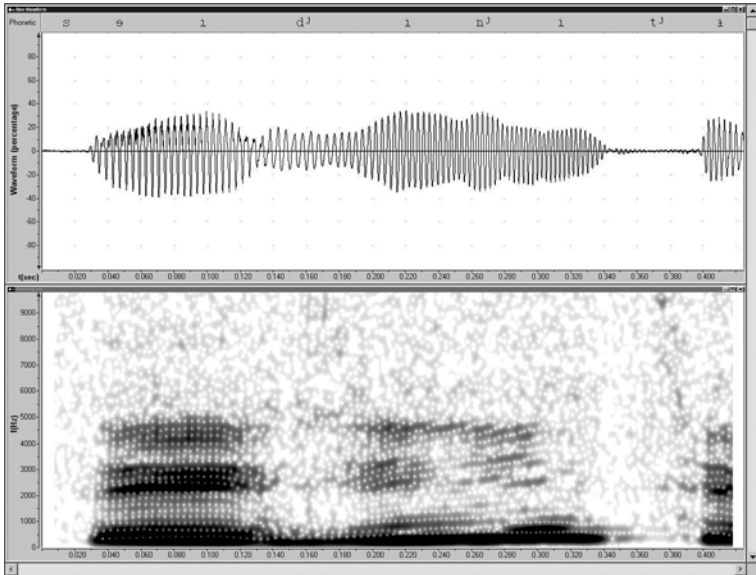

Рис. 67. соедините (жен.)

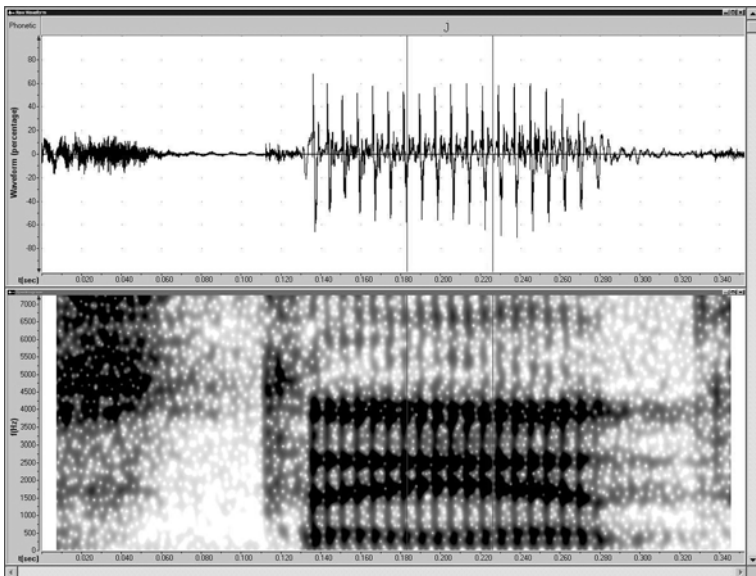

Рис. 68. стоят (муж.)

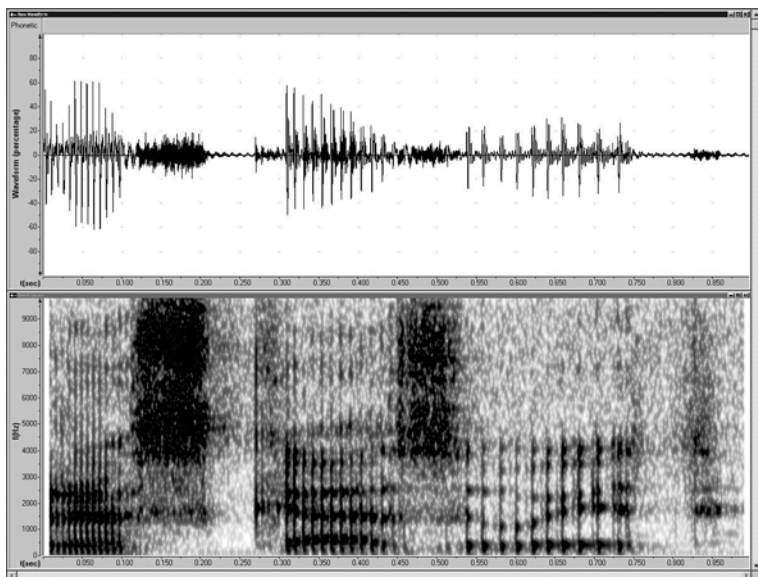

Рис. 69. рассказывает (муж.)

Литература

- Аксёнова 1999 — М. П. Аксёнова. Русский язык по-новому. Аудиоприложение к учебнику для иностранных учащихся. СПб., 1999.
- Зализняк 1975 — А. А. Зализняк. Размышления по поводу *язв* А. А. Реформатского // Ин-т русск. яз. АН СССР: Предварительные публикации. М., 1975. Вып. 71.
- Касаткина 2000 — Р. Ф. Касаткина. Русские вибранты в свете данных современной фонетики // *Vox humana*. Bolla Kálmán professor hetvenedik születésnapjára. Budapest, 2000.
- Касаткина 2004 — Р. Ф. Касаткина. Эти странные вибранты (некоторые проявления апико-альвеолярных артикуляций в русских говорах) // Семантика. Лингвистика. Поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М., 2004.
- Кодзасов 1996 — С. В. Кодзасов. Фонетическая база данных ИРЯ РАН // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 2002 — С. В. Кодзасов. Символика русской интонации // Диалог. 2002 / Под ред. А. С. Нариньяни. М., 2002.
- Кодзасов, Щигель 2007 — С. В. Кодзасов, Е. В. Щигель. Акустические сценарии интервокальных смычных // Проблемы фонетики V. М., 2007.

- Реформатский 1975 — *A. A. Реформатский*. Фонологические этюды. М., 1975.
- Kodzasov 2003 — *S. V. Kodzasov*. Varieties of focalisation in Russia: semantics and prosody // *Memoires de la Société de Linguistique de Paris*. 2003. T. XIII. (Nouvelle serie).
- Ladefoged, Meddieson 1996 — *P. Ladefoged, I. Meddieson*. The Sounds of the World's languages. Oxford, 1996.
- Oehman 1996 — *S. E. C. Oehman*. Coarticulation in VCV Utterances: Spectrographic Measurements // *Journal of the Acoustical Society of America*. 1996. 39.

РУССКАЯ ФОНЕТИКА В РАЗВИТИИ

Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века

Корректор О. Ланцова

Оригинал-макет подготовлен В. Гусевым

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 25.12.2012. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 29. Тираж 300. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».

ОГРН 1037739118449

Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

117342, Москва, ул. Бутлерова, 17Б, офис 313

Тел.: 8 (499) 793-57-01, e-mail: gnoxis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.)

